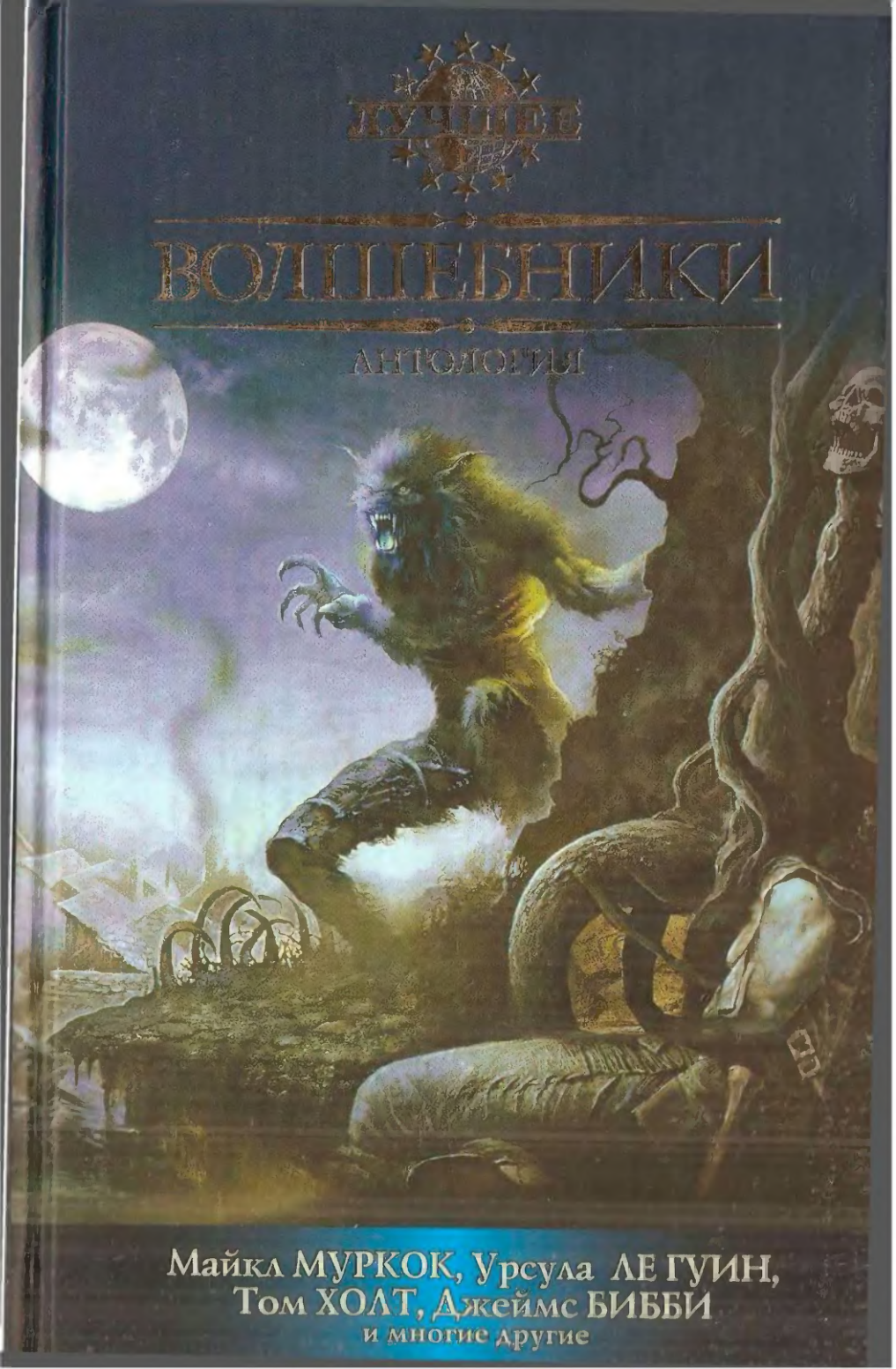

ЛУЧШЕЕ
ВОЛШЕБНИКИ
АНТОЛОГИЯ
Майкл МУРКОК, Урсула ЛЕ ГУИН,
Том ХОЛТ, Джеймс БИББИ
и многие другие



ВОЛШЕБНИКИ

АНТОЛОГИЯ

FAN
Санкт-Петербург
«ФАНТАСТИКА»
2008

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
В 69

The MAMMOTH BOOK OF
Sorcerers' Tales
Edited by Mike Ashley
Collection copyright and editorial material
© Mike Ashley, 2004

Первая публикация в Великобритании — Robinson,
an imprint of Constable & Robinson Ltd.

Публикуется по соглашению с издательством
CONSTABLE & ROBINSON LTD (Великобритания)
при содействии Агентства Александра Корженевского

Перевод с английского
Д. Бабейкиной, Е. Барминой, А. Бродоцкой,
Е. Виноградовой, Д. Голубева, Н. Киктенко,
Н. Колесниковой, Н. Кудрявцева, Е. Первушиной,
В. Полищук, М. Савиной-Баблоян

Оформление Александра Золотухина

© Бабейкина Дария, перевод, 2008
© Бармина Елена, перевод, 2008
© Бродоцкая Анастасия, перевод, 2008
© Виноградова Елена, перевод, 2008
© Голубев Дмитрий, перевод, 2008
© Киктенко Нина, перевод, 2008
© Колесникова Ирина, перевод, 2008
© Кудрявцев Николай, перевод, 2008
© Первушина Елена, перевод, 2008
© Полищук Вера, перевод, 2008
© Савина-Баблоян Мария, перевод, 2008
© «Фантастика», 2008

ISBN 978-5-91377-024-0

Завороженные

Колдуны, волшебники. Почему рассказы о них увлекают нас уже без малого тысячу лет, со времен Мерлина?

Ответ прост.

Могущество.

Способность властвовать над множеством вещей: временем, погодой, людьми. Да, над нами.

Это как исполнение самого заветного желания. Сколько раз мы мечтали сделаться невидимыми, научиться летать, создать нужное нам из ничего или стереть кого-нибудь с лица земли? Вот оно — желание получить контроль хоть над чем-нибудь. А лучше — над всем сразу.

Вот о чем говорится в этих рассказах: о власти и могуществе. Либо об открытии в себе странных способностей, либо о том, каково испытать на себе чужие и понять, что не все так весело. О том, каково быть завороженным!

В моем представлении вероятность того, что кто-то, обнаружив у себя сверхчеловеческое могущество, станет использовать его на благо, очень мала. Возможно, сначала он так и поступит. Но давайте признаем, что желание попробовать что-то немного иное, немного гадкое, немного злое, в конце концов поглотит нас. Ведь мы всего лишь люди.

С другой стороны, обладай мы магическими способностями, то перестали бы быть людьми. Так проявляется другой элемент этих рассказов — бесконечный выбор: цепляться за человеческие мораль и этику или же пойти на поводу у зла. Потому что, будь в нашем распоряжении волшебство, на земле царила бы непрерывная война между порядком и хаосом. Последние пятьдесят лет мы с трудом удерживаем в узде ядерную угрозу, а теперь еще и терроризм. Можно ли вообразить, что случится, если какая-нибудь нация подчинит себе магию?

Каждый из этих рассказов исследует сложные, напряженные проблемы: они непременно возникнут, когда вы имеете дело с волшебством. Не ожидайте увидеть здесь

приторные сказки о старых благодушных чародеях в остроконечных шляпах. Здесь их нет. Во многих историях магия доводит до испорченности и зла. Вряд ли вам встретятся персонажи более отталкивающие, чем ведьма в рассказе Тима Пратта «Ведьмин велосипед» или маги в «Вечности» Тима Леббона.

Есть и те, кто пытается обратить магию на хорошие дела: девочка в рассказе Джеймса Бибби «Последняя из ведьм», Огеон в «Костях земных» Урсулы ле Гуин или же колдун, что помогает полиции раскрыть дело о похищении ребенка в «Обрядовых действиях». Но даже они сталкиваются с трудностями, когда приходится удерживать свои способности под контролем. Пользоваться магией и оставаться самим собой — очень нелегко.

Магия может принимать множество видов. Я вряд ли смогу дать вам определение колдуна. Здесь вы найдете ведьм, волшебников, чернокнижников, заклинателей, а в рассказе Дуга Хорнига есть даже компьютерная магия. В истории Джона Моррисси говорится о власти над временем, у Тома Холта — о власти над драконами, а в ярком финале Питера Кроутера повествуется о власти над человеческими судьбами. Действие рассказов происходит в разных мирах, в разные времена.

Как всегда, я сделал подборку из новых рассказов и немногих повторных изданий. Шесть произведений было написано специально для нашего сборника и не печаталось больше нигде. Это произведения Джеймса Бибби, Питера Кроутера, Тома Холта, Майкла Керланда, Тима Леббона и Ричарда Люпоффа. Также я включил сюда несколько необычных переизданий, которые сейчас довольно трудно найти.

Я благодарю Хью Ламба, Стефана Дзимяновича, Марка Овингса и участников Интернет-чата «Horrabin Hall» за предложенные рассказы. Я могу только мечтать о том, чтобы в сборнике хватало места для всех их предложений.

С этой минуты — оставьте свои прежние представления о мире. И будьте бдительны.

Майк Эшли

СТИВ РЕЗНИК ТЕМ

Мне известно десять фактов об этом колдуне

Стив Резник Тем (родился в 1950 г.) уже более двадцати лет известен как писатель-фантаст и автор рассказов в стиле «хоррор». Его произведения выходили в свет в сборниках «Weird Tales», «The Horror Snow», «Twilight Zone» и во многих других журналах и антологиях. Он опубликовал более двухсот рассказов, большой выбор которых можно найти в «City Fishion» за 2000 год, а также целую серию интригующих историй на мультимедийных компакт-дисках «Imagination Box», составленную его женой Мелани Тем. Его рассказы становились лауреатами как Британской премии фэнтези, так и Всемирной. Рассказ, которым открывается антология, не так прост, как это может показаться.

Факт первый: у него есть прекрасная дочь

Впервые Кларенс встретил Аманду на базарной площади, когда она стащила с его тележки кое-что из фруктов. Он пришел от нее в совершенный восторг: длинные черные, свободно ниспадающие на плечи волосы, точеные черты лица, пухлые губы. А ее глаза были словно изумруды на снегу. Он не мог отвести взгляда от этих глаз, когда следовало бы последить за ее руками. И только после того, когда она отвернулась, он увидел, как фрукты проскользнули в передние карманы ее платья.

С минуту он стоял в полном замешательстве (судя по одежде, девушка была вполне обеспеченной), затем перемахнул через тележку и рванул за девушкой, не обращая внимания на рассыпавшиеся фрукты и на бежавших за

ним прохожих, которые горели желанием вернуть ему его добро.

Девушка оказалась шустрой, и Кларенс с трудом поспевал за ней, стараясь не выпускать из виду ее быстро удаляющуюся фигурку. Похоже, она хорошо знала эти глухие улочки и закоулки — ее умение ориентироваться поражало, — так что Кларенсу потребовался весь его опыт, чтобы самому не заблудиться.

Но в конце концов она свернула не в ту сторону, и Кларенс столкнулся с этой красоткой лицом к лицу, а за спиной ее был тупик. Он поймал ее. «Однако улыбается она уж слишком обворожительно, — подумал он, — для воришки, который попался на месте преступления».

Некоторое время он пристально смотрел на нее, а девушка внимательно рассматривала его изумрудными глазами. Кларенс знал, как обращаться с обычными ворами, приобретя в этом деле немалый опыт на базарной площади. Но он понятия не имел, как вести себя с девушкой, даже если поймал ее на воровстве.

— Вы взяли мои фрукты! — выпалил он наконец.

Она лишь улыбнулась и кивнула.

— Вы не заплатили!

Девушка расхохоталась.

— Но почему? — допытывался он.

— Ну... я проголодалась, — ответила она нежным, мелодичным голоском.

Факт второй: у него очень необычная дочь

С этой девицей по имени Аманда Кларенс провел в состоянии сильного душевного и эмоционального смятения несколько последующих недель. Он никогда толком не знал, о чем она думала и что крылось под ее диковинными заявлениями.

— Откуда ты взялась? — спрашивал он ее.

— Из погреба в таверне, что на той стороне луны, — бывало, отвечала она.

Вот такая чепуха... Однако он находил эту девушку крайне привлекательной. Он ничего не мог с собой поделать. И ни на минуту не мог с ней расстаться.

Ему не раз приходилось одергивать ее, чтобы она не стянула что-нибудь в местном магазине. На самом деле ей не было никакой надобности делать что-либо подобное, но ощущение риска доставляло ей удовольствие, говорила она ему. И по-прежнему не собиралась отказываться от своих проделок, так что они не раз и не два чудом спасались бегством. Многие здешние торговцы легко разобрались бы с ними, не прибегая к помощи закона. Кларенс теперь постоянно страдал от боли и горя, которые ему причиняли выходки Аманды.

Девушка отличалась довольно ощутимыми перепадами настроения. Часто, не успев прийти в себя от хохота, уже в следующее мгновение она пронзительно кричала. Кларенс никогда не мог угадать, как она отреагирует на его слова. Поэтому его беспокоил любой намек на перемену в ее настроении.

Вскоре ему стало ясно, что и Аманда все больше проникается к нему любовью. Хотя она и жаловалась на его неспособность возражать ей и быть более уверенным в себе, однако призналась, что испытывает потребность быть с ним рядом. Да и он, несмотря на ее странные привычки, чувствовал то же самое.

— Но отец у меня колдун, — предупредила его Аманда. — И если хочешь, чтобы мы поженились, то ты должен вначале познакомиться с ним и произвести на него впечатление. Это может оказаться нелегким делом, Кларенс, любовь моя. Он странный человек, но, разумеется, он в ответе за меня.

Она рассмеялась.

Кларенс был в полном замешательстве.

Факт третий: он живет в мрачном, уединенном доме у моря

Кларенс не мог понять, из каких материалов колдун соорудил свой дом, — они представлялись ему несовмес-

тимыми. Дом был частью гранитного утеса, а деревья и прочая растительность настолько фантастически переплетались с ним, что казались элементами самой этой конструкции. Высокий кипарис плавно переходил в линию крыши. В центральной части одной из бесчисленных труб торчал валун, а наружную стену подпирало нагромождение из глины, стали и бетона. Двери в доме были самых разнообразных форм: круглые, прямоугольные, треугольные. Некоторые диковинных очертаний окна полностью оплетал виноград, другие — выставлял напоказ. В причудливых закутках и щелях гнездились какие-то странные животные. В общем, дом выглядел совершенно несуразно.

А одна из секций этого жилища была до того темной, что даже при утреннем свете казалась задуманной по образу и подобию самой ночи.

Чтобы добраться в эту глухомань, потребовалось два дня, и Кларенс всю дорогу удивлялся, почему поездка оказалась такой тягостной. Аманда непрестанно жаловалась на своего отца: на то, что он следил за каждым ее шагом, что почти на все случаи жизни у него существовало свое несокрушимое мнение, что каждый, кто осмеливался не согласиться с ним, был обречен на его «безмолвную ярость».

Однако стоило Кларенсу спросить, зачем они идут к нему, как Аманда с неожиданной злостью набросилась на него.

— Потому что он мой отец! — заорала она. — Мне решать, навестить его или нет!

Как бы то ни было, они совершали это путешествие, пробираясь пустырями, минуя таинственные, словно пригрезившиеся Кларенсу пейзажи, о существовании которых он и знать не знал. Колдун и в самом деле жил на отшибе. Похоже, насколько хватало глаз, вокруг не было никакого другого жилья. Кларенс не мог понять, как вообще у кого-то могло возникнуть желание поселиться там.

— И ты росла в этом месте? — спросил он, когда они остановились под домом-утесом колдуна.

— Росла... — спокойно ответила Аманда.

— Не понимаю. Где же были твои друзья? С кем ты играла, когда была ребенком?

Она посмотрела на него и слегка нахмурилась.

— Не было у меня никаких друзей, — сказала она уныло. — Всех товарищей, которые у меня были, отец сотворял из пыли и болотной жижи.

С этими словами она повернулась и повела его к крутой лестнице, которая взбиралась к той части дома, что примыкала к отвесной скале.

Факт четвертый: он очень стар

Колдун сидел за огромным, заваленным книгами столом. Его было трудно разглядеть за этими пыльными томами: лишь то тут, то там мелькали фиолетовые рукава с белыми, похожими на рыбин руками да почти лысая, оплетенная выпуклыми венами макушка.

— Отец... — произнесла Аманда срывающимся голосом.

Молчание.

— Отец, я пришла домой повидаться с тобой. Я привела друга.

Кларенс услышал скрип стула и сухой кашель, затем из-за стола выползла маленькая сморщенная фигурка. Увидев колдуна, Кларенс немного расслабился: тот показался ему не выше пяти футов ростом и очень хрупким на вид. Кого мог напугать такой человечек?

Но неожиданно колдун выпрямился, спина его разогнулась, плечи расправились, голова приняла вертикальное положение, так что в считаные мгновения он вырос до шести футов. Старик стоял и в упор смотрел на Кларенса огромными, налитыми кровью глазами.

Кларенс посторонился, пропуская вперед Аманду.

— Это Кларенс, отец. Мой друг.

Колдун выступил из темноты, теперь Кларенс мог яснее разглядеть черты его лица. Кожа у него была такой белой, что казалась светящейся, лысая голова напоминала овальную лампу. Коротко подстриженные остатки седых волос торчали валиками над ушами. Небольшая седая бородка прикрывала подбородок. Необычайно подвижные

глаза составляли разительный контраст с остальными чертами, особенно с жесткой линией рта. И хотя все по отдельности не казалось таким уж старым, в целом его облик оставлял впечатление невероятной древности. Кларенс подумал, что он в жизни не встречал более старого существа.

Колдун, судя по всему, не собирался вступать в разговор с Кларенсом.

— Твое отсутствие, Аманда, чересчур затянулось, — обратился к дочери колдун.

— Я... я уезжала.

Кларенс впервые увидел, как Аманда в смущении отвела взгляд. Прежде он и подумать не мог, что она способна на такие чувства.

Наступила неловкая тишина, во время которой Аманда изо всех сил старалась собраться с мыслями и что-нибудь сказать. Отец с нетерпением ждал ответа.

— Как ты себя чувствуешь? — наконец спросила она.

— Вполне сносно, — ответил он. Затем добавил: — Ты можешь провести здесь несколько дней, Аманда, но меня ждет работа, а потом мне потребуется уединение.

Он повернулся и вышел.

Аманда же продолжала стоять со смиренным видом, и Кларенс не знал, как к ней подступиться.

Факт пятый: он оборотень

Этот первый день в доме колдуна показался Кларенсу очень длинным. Аманда почти все время пребывала в угрюмости и раздражительности, колдун же, похоже, не обращал на них внимания.

Но стоило юноше спросить Аманду, где ее отец, как она грубо его высмеяла:

— Раскрой глаза, недотепа! Он постоянно наблюдает за нами! Он даже не пытается этого скрывать!

Кларенс тревожно огляделся:

— Я... не вижу...

— Смотри! Теперь он вон где! — вскрикнула она, показывая в угол комнаты.

Кларенс взглянул туда, но не увидел ничего, кроме неряшливой кучи мусора.

— Где? Я не вижу его.

— Мышь! Мышь, дурень ты этакий.

Кларенс посмотрел внимательнее. И вправду там была мышка, маленькая серенькая мышка. Она сидела и, сморщив носик, разглядывала их, потом юркнула внутрь мусорной кучи.

— И это твой отец?

— Конечно...

Факт шестой: вообще-то он неплохой, просто высокомерный

После этого разговора Кларенсу стали попадаться на глаза самые разные животные, а однажды он даже увидел маленького карлика с огромным красным носом, и все они, казалось, поглядывали на него чуть острее, с чуть большим интересом, чем это свойственно обычным существам данного типа. Теперь он постоянно чувствовал, что за ним наблюдают. Аманда сказала, что обычно никаких животных в доме не водится — колдун своими чарами отваживает их, — так что всеми прочими существами или персонажами был сам колдун. Только за первые два дня пребывания в доме колдуна Кларенс встретил кошку, собаку, маленькую птичку — королька, гусеницу, паука и даже американского лося, которого он не на шутку испугался, когда однажды вечером обнаружил в своей спальне. Он стал особенно осторожным в своих действиях, когда рядом была Аманда.

Это ее ужасно злило, и дважды, когда она пыталась обнять Кларенса в присутствии одного из этих существ, он шикал на нее и старался вырваться, беспокойно косясь на шпионившую за ними тварь.

— Трус! — кричала Аманда и начинала колотить Кларенса в грудь. — Рохля бесхарактерный!

Но в остальное время она держала его на расстоянии и замыкалась в себе, словно он совершенно не интересовал ее.

Колдун не делал ничего такого, к чему можно было придраться; даже многочисленные жалобы Аманды на отца не подтверждали того образа злодея, который Кларенс поначалу составил себе о нем. Колдун был просто своенравным и высокомерным, ведь он ежедневно подвергался искушениям, которые таила в себе его неограниченная власть, и, очевидно, частенько уступал им. Пользоваться этой властью было для него удовольствием, и он себе в нем не отказывал. Так мог ли кто-то всерьез осуждать его за это?

— Многие люди... такие как мой отец... начинают в старости воображать, что они боги, — сказала Кларенсу Аманда.

Однако, насколько он мог судить, этот колдун так далеко не заходил. Одной из самых его впечатляющих забав была привычка выуживать призраков из прошлого: это могли быть копии товарищей детских лет Аманды, которых он прежде сотворял, или какие-то образы из детства самого Кларенса. Юноша теперь постоянно жил как во сне, изо дня в день встречаясь лицом к лицу со своими давно ушедшими в мир иной родителями, с ручными ящерицами, которых он когда-то держал, с давно умершей сестренкой, такой, какой она была в три года, и с целой компанией давно позабытых друзей юности.

Призраки Аманды были несколько экзотичнее. Гигантский паук с ярко-красными глазами и восемнадцатью лапами. Большущее, жирное, студнеобразное существо с единственной толстой ногой. Две пары сиамских близнецов. Огромная птица с колокольчиком на шее. И еще кое-кто похлеще: отвратительная деформированная говорящая голова, маленькое человекообразное существо, исходившее кровью, которая постоянно и в невообразимом количестве текла у него из ушей, и какая-то мохнатая тварь, жалобно повизгивавшая от непрестанной боли.

Аманда находилась в состоянии нервного возбуждения, глаза ее метали молнии, кожа на руках высохла и огрубела

оттого, что она постоянно потирала их. Кларенс не мог понять, почему колдун, которого они оба видели не больше нескольких минут в его истинном обличье, проделывал такое со своей собственной дочерью. О чем он думал?!

Факт седьмой: его душа отделяется от тела

Спустя несколько дней Кларенс обнаружил, что невероятно зол как на Аманду, так и на ее папашу. Колдун то и дело донимал молодого человека, подсылая к нему в комнату всевозможные привидения — короче, делал все, лишь бы не оставлять его в покое. Да и сам колдун практически постоянно при сем присутствовал. Часто Кларенс не знал, то ли это чародей собственной персоной скрывался под какой-то особой личиной, то ли один из продуктов его неистощимой фантазии.

Так что, к своему удивлению, он стал замечать, что и сам все азартнее дерзит Аманде, не пропуская мимо ни одной ее шпильки.

По правде говоря, он надеялся, что таким она будет его больше любить. Но ее реакция оказалась прямо противоположной.

— Ты становишься совсем как он! — вопила она на Кларенса. — У тебя на все есть свое мнение, тебе кажется, что только ты один все знаешь!

Однажды, убедившись в том, что колдун пошел в лес, Кларенс с Амандой украдкой пробрались в его кабинет. Обычно отец девушки не выходил из дому и долгие часы проводил в этой комнате, работая до глубокой ночи, почти без отдыха, а то и вовсе без сна. Кабинет был огромным, приспособленным только для работы помещением, забитым книгами, манускриптами, старыми статуями, резными деревянными фигурками, разнообразными механическими инструментами, а также банками с какими-то веществами и заспиртованными животными,

Кларенсу не понравилось это место, ему так и хотелось уйти, но он знал, что Аманда его не отпустила бы.

— Я думаю, он скрывает здесь от нас что-то очень важное. Я хочу найти это.

И она принялась рыться во всем этом странном барахле. Кларенс стоял и с тревогой наблюдал за ней. Вдруг откуда-то послышалось птичье кудахтанье. Юноша даже подпрыгнул от неожиданности, затем огляделся по сторонам в поисках источника доносившегося из темноты звука.

— Это всего лишь Джэнэлай, — хихикнув, пояснила Аманда.

Кларенс все еще стоял с озадаченным видом, но тут девушка схватила его за руку и потащила за собой в угол. Она зажгла маленькую свечку. Желтое пламя высветило все, что там находилось.

Птица сидела в гнезде, устроенном поверх нескольких старых бочек и здоровенных книг. Колонна эта казалась неустойчивой, однако птица выглядела вполне довольной. У нее были длинная шея и ярко-зеленая голова. Растрепанные фиолетовые перья торчали во все стороны. Создавалось впечатление, что птица побывала в отчаянной переделке.

Аманда приблизилась к птице, схватила ее за шею и резким движением выдернула из гнезда. Внутри лежало серебристое яйцо.

— Смотри, — сказала Аманда, показывая на него свободной рукой. — Джэнэлай стережет душу моего отца.

— Душу?

— Да, многие колдуны умеют извлекать свои души, — пояснила Аманда. — Они прячут их где угодно, как, например, в этом яйце. И вообще колдуна не уничтожишь до тех пор, пока не найдешь тайник с его душой. Это делает его почти неуязвимым.

— Но почему он оставляет ее в таком доступном месте? Кто-нибудь может войти сюда и выкрасть ее!

— Время от времени он перекладывает ее в другое место, хотя в последнее время в этом нет необходимости. Сюда никто больше не ходит. Мой отец не настолько серьезный противник, чтобы кто-то желал лишить его жизни.

Кларенс снова взглянул на яйцо и вздрогнул, представив себе, как оно падает на твердый каменный пол.

Факт восьмой: он все держит под контролем

На пятый день Кларенс понял, что он не может покинуть дом колдуна. Ему захотелось подышать свежим воздухом, и тут он обнаружил, что дверей, которые прежде вели наружу, больше нет, а все внутренние оконные рамы стянуты болтами с внешними. Когда он сказал об этом Аманде, она лишь пожала плечами.

— Ну а чего же ты ждал? — спросила она.

Однажды Аманда рассказала ему, что в детстве она ничуть не сомневалась во всемогуществе своего отца. Казалось, он всегда знал, о чем она думала. А когда она плохо себя вела, на нее нападал паралич — она просто каменела от страха, не сомневаясь, что это дело рук отца. Он всегда знал, что хорошо, а что плохо, и распоряжался ее жизнью по своему усмотрению. Он все держал под контролем.

От него было не убежать.

Факт девятый: у него заготовлено для меня испытание

В последний свой день в доме колдуна Кларенс проснулся на полу огромного темного коридора, в котором он никогда прежде не бывал. Он встал и пошел по нему, как вдруг стены начали перемещаться — они явно выпроваживали его, и ему приходилось с бешеной скоростью изворачиваться, чтобы не оказаться раздавленным движущимися камнями.

Он оказался в маленькой комнатке и увидел, что стены медленно сходятся, грозя замуровать его. Он вынужден был быстро передвинуть тяжеленный стол и заклинить им щель.

Внезапно пол под ним провалился, и он, очутившись на столе, заскользил по огромной каменной плоскости, образовавшейся на месте бывшего пола. Юноша успел спрыгнуть, прежде чем стол вдребезги разлетелся, врезавшись в конце концов в стену.

И тут все твари, знакомые ему по рассказам Аманды, пустились за ним вдогонку, и, хотя бежал он очень быстро, казалось, ему ни за что не удастся оторваться от них.

Неожиданно он попал в тот же длинный коридор, в котором был в самом начале, но стены его теперь были увешаны портретами, и, когда к каждому из них поочередно спускалось проплывавшее по стене световое пятно, он смог рассмотреть их. Похоже, это были изображения Аманды, колдуна и еще какой-то женщины, которую Кларенс раньше не видел.

Факт десятый: трудно любить дочь колдуна

Внезапно рядом с ним возник колдун, он казался невообразимо высоким.

— Моя жена... — сказал он, протянув руку к портрету неизвестной женщины. — Моя мать... — продолжил он, указывая на одну из женщин, которую Кларенс вначале принял за Аманду.

Он уже приготовился возразить, но вовремя сдержался.

— Аманда... — сказал колдун, обращаясь к следующему рисунку, — и ее сестры... — Он провел рукой вдоль стены, и опускавшийся круг света начал одно за другим выхватывать из темноты множество других портретов, как две капли воды похожих на портрет Аманды. Колдун обернулся к юноше. — Я не знал своей матери; мой отец был великим волшебником, он изолировал ее от меня. Но все же она не должна была уходить, не должна была бросать меня. Каждый раз, когда я теряю Аманду, кто-то вроде тебя возвращает ее мне. Я присматриваю за ней, за ее товарищами, но она мне совершенно не благодарна... Она по-прежнему покидает меня...

Кларенс помчался по коридору, проскочил в дверь, взбежал вверх по извилистой лестнице. Колдун больше не преграждал ему дорогу. Кларенс не сбавил скорости, пока не добежал до двери Аманды.

Оттуда доносился ее плач. Юноша медленно приоткрыл дверь.

Аманда играла со своими товарищами: маленьким кровоточащим человекообразным существом, крошечной мохнатой повизгивающей тварью, деформированной головой без туловища, которая болтала с несносным воодушевлением.

Аманда начинала блекнуть, то же самое происходило с ее товарищами. Когда она стала исчезать, то даже как бы повзрослела, хотя Кларенс не был в этом уверен. Ему припомнилось, как она давным-давно сказала ему: «Разумеется, он за меня в ответе».

Потом она окончательно растаяла. Серая мышка торопливо выбежала из-под кровати, уставилась на Кларенса и повертела носом. Затем обернулась серебристым, свирепого вида котом, который с визгливым мяуканьем исчез за дверью.

Кларенс знал, что Аманда скоро снова появится в комнате — новая, другая Аманда, которая будет любить колдуна.

Но он не стал ждать.

РИЧАРД А. ЛЮПОФФ

Вилладжио Соньо[1]

Ричард Люпофф (родился в 1935 г.) всегда экспериментирует. Его увлечение произведениями автора «Тарзана» привело к созданию первой книги «Эдгар Райс Берроуз: знаток по части авантюр» (1965). Впоследствии Люпофф переключился на фантастику в духе Герберта Уэллса — «Нибоуджифел в период Апокалипсиса» (1979); Жюля Верна — «В Ифер» (1974); Конан Дойла — «Дело непрактикующего врача» (1966). Пишет он и произведения, которые не подходят ни под одну из этих категорий, — такие как «Полеты священного локомотива» (1971) и «Меч дьявола» (1976); последнее — из разряда японских фэнтези.

Его книги замечательны тем, что каждая из них становится сюрпризом.

Рассказ «Вилладжио Соньо», написанный специально для этой антологии, поражает тем, что, несмотря на содержащиеся в нем элементы «Короля в желтом» Роберта У. Чамбера, он полностью выдержан в стиле Люпоффа. Заложенную в нем идею автор с успехом развивает в серии рассказов и новелл.

— Вы должны будете заплатить пошлину, если хотите, чтобы я подвез вас в город, — сказал возница. — А не хотите — так можете пройти пешком через мост и сэкономить несколько монет.

Его звали синьор Адзурро. А пассажирами были две девочки — Маргарита и Франческа. Было не ясно, к которой из них он обращался, да и ему самому, пожалуй, было все равно. Лишь бы получить гонорар да хорошие чаевые — наверняка эти милые девочки дали бы ему хорошие чаевые, — а особой разницы между ними он не видел.

---

[1] Город Грез *(ит.)*.

Они склонили друг к другу головки, посовещались, проверили содержимое кошельков и решили позволить себе некоторую расточительность.

Извозчик хлестнул кнутом рослую гнедую лошадь и цокнул языком. Кобыла бодрой рысью двинулась вперед. Колеса карроццы[1] загромыхали по ухабистой гравийной дороге. Под каменным мостом ревела река Фьюм; ее пена и брызги взлетали к самому мосту, а случайные всплески ледяной воды попадали в карроццу. В такие моменты девочки взвизгивали в притворном страхе.

Город возвышался над белыми каменными утесами по ту сторону реки Фьюм. Трех- и даже четырехэтажные здания, флаги, шум, многоязыкий говор; люди с самыми разными оттенками кожи; запряженные лошадьми телеги и экипажи, удалые красавцы верхом на лошадях и даже несколько самых настоящих женщин-наездниц; собаки, с лаем снующие у них под ногами, — поистине Вилладжио Соньо был городом грез и чудес.

Дома в Вилладжио Соньо сияли лакированным деревом и ослепительной побелкой. Крыши отливали красной медью и бирюзой. Когда солнце отражалось от этих стен и крыш, как это было сегодня, Вилладжио Соньо вздымался к небесам, подобно сказочному видению. Старая Аллегра Чиаволини, учительница, рассказывала детям о таких чудесах и предупреждала ребят об *un fascino* — чарах, магических заклинаниях, которые могут дряхлого беззубого старика превратить в юного красавца атлета, хижину — в прелестный коттедж, свинью — в прекрасную лань.

— Иногда вы сможете разрушить *un fascino*, — учила их синьора Чиаволини, — при помощи этого музыкального отрывка. — И она насвистывала мелодию.

Этот мотив знали все городские дети. Маргарита в свое время тоже запомнила его и научилась играть. Она сомневалась в россказнях старой учительницы и вовсе не была уверена в существовании таких вещей, как чары. Однако порой было так волнующе, открыв глаза среди ночи, когда вся семья спит в своих постелях, вообразить,

---

[1] *Каррозца* — повозка, экипаж *(ит.)*.

что некое устрашающее существо разгуливает на свободе, маскируясь под безобидное животное или человека. Тогда Маргарита начинала насвистывать мелодию, которой ее обучила Аллегра Чиаволини, и, почувствовав себя в безопасности, вновь засыпала.

Обе девочки прежде уже бывали в городе — их брали туда с собой родители, чтобы доставить детям удовольствие, — но сегодня был особый день. Их отпустили в Вилладжио Соньо без надзора старших. Родители беспокоились — особенно мать Маргариты, — но ведь двенадцатилетние девочки были уже почти взрослыми, или, по крайней мере, начинали в них превращаться. Не за горами и высшая школа, где у них пойдут вечеринки с мальчиками...

Итак, каждой из девочек было позволено на денек сбежать из дому вместе с лучшей подружкой и небольшими сбережениями в кошельке (а также запретной губной помадой и довольно смелыми тенями для век).

— Где вас высадить, юные леди? — спросил через плечо синьор Адзурро.

Девочки вновь посовещались. Потом Маргарита сказала:

— Вон там. Напротив универмага.

Они обе знали, что уж там-то точно не может быть *un fascino*. В этом торговом центре родители покупали разные вещи, привозили их в дом. Ими вполне можно было пользоваться или любоваться.

Синьор Адзурро притормозил у обочины и обернулся к девочкам с протянутой рукой. Получив гонорар и чаевые, он спросил:

— Когда я должен забрать вас, чтобы отвезти домой?

Последовало еще одно торопливое совещание, хотя этот вопрос заблаговременно обсуждался в присутствии обоих семейств, и девочки, перебивая друг дружку, торжественно заявили:

— Когда часы на Большой башне пробьют конец работы и механические фигуры начнут представление.

— Прекрасно, юные мисс.

Девочки вышли из экипажа.

Извозчик с задумчивой улыбкой следил за ними, пока они не растворились в толпе. Возможно, он сам был от-

цом или просто отличался таким, немного мечтательным, характером.

Маргарита с Франческой остановились у входа в большой магазин. Он поднимался в небо на целых три этажа, а фасад у него был такой длинный, как у трех примыкавших друг к другу домов. На огромной вывеске над входом было написано название магазина: «Mercato Monumentale»[1]. Фасад его представлял собой ряд витрин, демонстрировавших изумительную одежду. Девочки видели эти витрины во время предыдущих поездок в Вилладжио Соньо, но родители всегда спешили мимо, поглощенные заботами, которые постоянно занимают мысли скучных взрослых людей. Зато теперь подруги могли вволю насладиться содержимым этих витрин.

А заодно могли воспользоваться блестящим стеклом витрин в качестве зеркала и, стоя бок о бок, подкрасить красным губы и голубым веки. У них были похожие косы: у Маргариты — роскошная темно-каштановая, почти черная, у Франчески — рыжая. Глаза Маргариты отличались такой густой синевой, что их можно было по ошибке принять за черные, Франческа была кареглазой.

Подкрасившись запретной косметикой, они осмотрели друг дружку и, одобрив свое гримерное искусство, вошли в магазин.

Час спустя они покинули его, нагруженные пакетами и при шляпках. На Маргарите была шляпка в желто-зеленую полоску, с венчавшим ее желтым пером. Девочка сдвинула шляпку на одно ухо. На голове Франчески красовался ярко-красный берет.

Из магазина они отправились на поиски места, где можно было перекусить. Они шли мимо уличных торговцев и ремесленников, которые обустроили свои лавки прямо на тротуаре. Девочки остановились, чтобы рассмотреть изделия одного из мастеров, что торговал миниатюрными вещицами из серебра. Франческа купила подруге Маргарите крошечную серебряную булавку в форме книжечки. Маргарита купила подруге Франческе крошечную сереб-

[1] Большой торговый дом *(ит.)*.

ряную булавку в форме флейты. Они прикололи украшения друг дружке на блузы, полюбовались на свою работу и нежно обнялись. Затем отправились дальше на поиски еды. Им приглянулось одно местечко, из которого шел восхитительный запах, но оно было заполнено грубоватого вида мужчинами. Другое, похоже, влекло к себе одних древних, тридцати—сорокалетних женщин.

Наконец девочки наткнулись на ресторан под названием «Хонсю Кекко Риори». Их накормили чем-то вкусным, не имевшим ничего общего с их домашней пищей. Каждое блюдо было оформлено в форме букета цветов. Они отведали мягкого, нежнейшего мяса, ассорти из овощей, лапши и незнакомых им грибов в пышущем па́ром бульоне. Больше всего им запомнилась острая приправа из зелени, от которой они лили слезы до тех пор, пока на них не напал смех. Обслуживала их красивая женщина с острова Хонсю в прелестном шелковом кимоно. Привлекательность этой милой женщины и вкус великолепной еды превзошли все ожидания подруг. Девочки умудрялись есть при помощи палочек, сидя без обуви на соломенных циновках. Это было все равно что оказаться в другом мире. Они условились, что когда-нибудь обязательно посетят Хонсю и посмотрят, как там живут люди.

После обеда подруги решили, что пора заняться тем, ради чего они приехали в Вилладжио Соньо. Близился день рождения отца Маргариты, и девочки находились здесь, чтобы купить ему подарок. Отец Маргариты был высоким спокойным мужчиной. В свободное от работы время он любил читать. Маргарита посоветовалась с матерью, и они сообща решили, что лучшим подарком для него будет книга. Маргарита думала, что надо купить какую-нибудь модную и замечательную современную книжку, но мама удивила ее, сказав, что отец будет более счастлив, если получит в подарок старую книгу.

— Внимание — очень важная вещь, — сказала мать. — Ему будет приятно знать, что о нем помнят; он примет с благодарностью все, что ты ему подаришь. Но я-то знаю, что больше всего ему нравятся книги забытого ныне писателя по имени Джакомо Мурзино. Он написал эпиче-

скую поэму в шестнадцати томах, где детально изложил историю Вселенной от ее создания до скончания веков. По секрету от отца,— продолжала мать,— я навела справки у одного знающего человека. Он сказал, что известно о существовании пятнадцати томов. А недостающая книга лишь упоминается в нескольких из них. Известно даже ее название — «Lavori di Hipocrita»[1]. Есть сведения о том, что в шестнадцатом томе речь идет о Последней Великой Эре, предшествующей концу мироздания. Известно также, что не сохранилось ни одного экземпляра шестнадцатого тома — ни в одной библиотеке и ни в одной из частных коллекций ученых.

От сосредоточенности мать нахмурилась.

Маргарита знала о двух главных пристрастиях отца. Первым большим удовольствием для него было проводить время в домашнем кругу. Они любили всей семьей бродить по лесу неподалеку от дома и наблюдать за птицами, зверушками, цветками, которые встречались им на пути. Они организовали семейный оркестр. Отец играл на скрипке, мать — на миниатюрной арфе, брат Маргариты Оттавио — на медном рожке, а сама Маргарита — на серебряной флейте. Этот инструмент был творением рук двоюродного дяди прадедушки Маргариты по линии матери — самого знаменитого в городе серебряных дел мастера. Даже спустя много лет и несколько поколений имя серебряных дел мастера Алсео вспоминали и произносили с благоговением. И в наши дни наивысшей похвалой для мастера по металлу считается, когда его назовут вторым Алсео.

Поговаривали, что эта флейта обладает сверхъестественной силой, однако единственной силой, которую извлекала из нее Маргарита, была замечательная музыка.

Семейный оркестр играл по вечерам ради собственного удовольствия, а на каникулах развлекал в городском сквере местное общество.

Вторым страстным увлечением отца были книги. Когда он не был занят семейными делами, то запирался с кни-

[1] «Труды Гипокрита» *(ит.)*.

гами в своем кабинете. В кругу же семьи терпеливо сносил любые детские проказы. Этот широкоплечий, мускулистый мужчина с окладистой бородой мог взять в охапку мать, Оттавио и Маргариту и приподнять всех вместе над землей.

В юные годы, гласит семейная легенда, он и еще один молодой человек добивались любви первой городской красавицы. Отец и его соперник, парень по имени Фарручио Фаррулли, договорились между собой, что устроят схватку, победитель которой получит право ухаживать за девушкой. Для поединка они выбрали место на берегу реки Фьюм. После часа борьбы оба молодых человека были покрыты кровью, грязью и травой и доведены до изнеможения. Но тут отец бросился на противника, поднял его в воздух и швырнул в реку — да так далеко, что пришлось послать лодку, чтобы вытащить беднягу на берег, дабы тот не утонул, оставленный на произвол судьбы.

Когда отец обернулся и посмотрел на красавицу, та сказала:

— Ты одолел своего соперника. Теперь постарайся завоевать мою любовь. Для начала не мешало бы тебе отмыться да надеть приличный костюм.

С утюжкой костюма отец благополучно справился.

Самые ранние воспоминания Маргариты были связаны с тем, как зимними вечерами она лежала на ковре у камина, а отец легко поднимал ее, словно она весила не больше его скрипки, относил в колыбель и целовал на ночь. А прежде чем поцеловать, всегда что-то нашептывал ей на ухо, но она никогда не могла разобрать, что именно.

Даже теперь, когда Маргарита уже почти женщина («или около того», как говорила она себе), если она порой, сидя у огня, закрывала глаза и роняла голову, отец брал ее на руки, относил в постель и шептал что-то, перед тем как поцеловать. А ей все так же хотелось уловить его слова, и отец никогда не понимал, что она только притворялась спящей.

Вторым любимым автором отца, после поэта-историка Джакомо Мурзино, была писательница Карла Дзенателло. Если величайшее (и единственное дошедшее до нас) про-

изведение Мурзино — шестнадцатитомная история Вселенной, то труды Карлы Дзенателло были гораздо более кратки. Каждая ее «книга» состояла из одной-единственной загадки, написанной собственной рукой Дзенателло, в сопровождении страниц замечательных цветных иллюстраций. Они изображали благородных мужей и прекрасных дам, играющих детей, мускулистых лошадей, быстроногих косуль, собак, кошек, птиц.

Каждая книжка была переплетена в жесткие листья растений, выросших в лесной глуши, задубелых до невероятной прочности и противостоящих испытанию временем надежнее любых кожаных переплетов. Дело в том, что Карла Дзенателло не только не убила за свою жизнь ни одно животное, но и никогда не пользовалась продуктами такого убийства.

Каждая ее книжечка свободно умещалась на детской ладони. Карла Дзенателло сочиняла загадку и оформляла одну из своих маленьких работ всякий раз, когда в деревне рождался малыш, а затем вручала ее молодой матери — и та хранила книжку, пока ребенок не становился достаточно взрослым, чтобы ему можно было доверить такое сокровище.

Карла Дзенателло никогда не давала ответов на свои загадки. Она говорила родителям детей, получавших ее книжку, что если бы ребенок смог решить предназначенную ему одному загадку, то он узнал бы свою судьбу.

Умерла Карла Дзенателло около двухсот лет назад — почти так же давно, как и Джакомо Мурзино. Было известно о существовании нескольких ее таинственных книжек, однако никто не мог припомнить, чтобы хоть на одну из загадок был найден ответ.

Маргарита с Франческой знали, что в Вилладжио Соньо есть магазин, где продаются новые книги. Но девочки надеялись найти место, где можно было бы отыскать, к удовольствию отца Маргариты, что-нибудь старинное. Они бродили по улицам, пока не услышали голос мальчика, выкрикивавшего новости. Девочки прислушались и вскоре увидели его; мальчик был помоложе их, одетый в поношенные, но чистые брюки и рубашку. Од-

ной рукой он прижимал к боку стопку печатных листков и несколькими из них размахивал над головой.

Франческа вытянула шею, чтобы как следует разглядеть листок. Он назывался «Il Popolo di Sogno». На нем был изображен какой-то тщеславного вида мужчина. Он махал рукой восхищенной толпе.

Маргарита спросила мальчика, не знает ли он, где можно купить старую книгу.

Мальчик озадаченно посмотрел на девочек.

— Кому нужны старые книги? — спросил он. — Уж лучше купить новую. А еще лучше — купите «Il Popolo» с портретом нашего славного лидера в придачу! Из этого листка вы узнаете о вчерашнем матче по кикбоксингу, о трупе, который нашли в переулке, о марше военных и о политических спорах.

И он вновь издал свой призывный клич.

Прохожий купил у него информационный вестник.

Франческа потянула мальчика за локоть, а Маргарита сказала:

— Мы хотим купить старую книгу. Кто-нибудь торгует ими в Вилладжио Соньо?

Мальчик сердито бросил:

— Зайдите к синьору Малипьеро.

— Как нам его найти?

— Поди, он в своем магазине.

— Где это? Ты нам ничем не помог.

— А вы не помогаете моему бизнесу.

Он отвернулся от девочек, чтобы продать очередной листок.

— Где находится магазин синьора Малипьеро? — не отступала Маргарита.

Мальчик сердито посмотрел на нее и Франческу, затем ткнул пальцем в сторону и сказал, чтобы они шли к городскому скверу, свернули к таверне с вывеской «Il Ubriacone»[1] и нарисованной гигантской кружкой пива и шли дальше до ателье дамского платья. Это заведение они не пропустят, даже если будут глупее, чем кажутся, а затем

[1] «Пивная» *(ит.)*.

им следует повернуть (и мальчик показал, в какую именно сторону), и тогда они наверняка увидят лавку синьора Малипьеро. А нет — так могут вернуться и получить назад свои деньги.

— Если меня здесь не будет, то просто спросите Гульелмо Пипистрелло. А теперь прощайте,— сказал он и протянул руку

Франческа вложила в нее монету.

Маленький синьор Пипистрелло вновь отвернулся и принялся выкликать свои новости.

Маргарита с Франческой точно последовали его инструкциям. В городском сквере девочки остановились. Там стояла статуя. На медной, позеленевшей от времени пластинке была выбита надпись: «Из хаоса рождается порядок». Маргарите статуя показалась похожей на огромную рыбу или дельфина, который изрыгал блевотину на земной шар. На медной табличке также значились имя скульптора и год создания этого изваяния, очень давний. На солнышке прогуливались парочки, между ними гоняли мяч и сли сласти ребятишки. Над сквером возвышалась Большая башня: на фасаде ее красовались часы с железными дверцами, которые дожидались своего часа, чтобы раскрыться на исходе дня.

Таверна находилась именно там, где сказал Гульелмо Пипистрелло. Ателье дамского портного тоже стояло на указанном месте.

Девочки остановились в сомнении перед лавкой, у входа в которую стоял деревянный желоб, заполненный старыми книгами. Стеклянные витрины этого магазина так потускнели от паутины и пыли, что сквозь них невозможно было что-либо разглядеть. На лоток с книгами опиралась табличка с написанной от руки ценой: малая монета — за одну книгу, две малых — за три, большая монета — за охапку книг.

Над дверью лавки девочки прочитали название — не просто написанное краской, но вырезанное по дереву: «Этторе Малипьеро, поставщик редкостей и ценностей».

Подруги обменялись взглядами.

— Мальчик сказал, что мы сможем купить старую книгу у синьора Малипьеро.

— А еще он сказал, что мы найдем лавку синьора Малипьеро рядом с дамским ателье.

— И что снаружи будет лоток с дешевыми книгами.

Маргарита склонилась над желобом. Она вытащила одну книжку, которая показалась заслуживающей внимания. Девочка научилась читать в раннем детстве, одновременно приобщаясь и к книгам, и к нотной грамоте. Ее первые книжки были смесью картинок, музыки и рассказов. Обучением ее занималась мать. Брат Оттавио уже умел читать, когда Маргарита только учила буквы. Соревнование с ним подзадоривало ее, она старалась не отставать от него ни в чтении, ни в упражнениях на серебряной флейте, так что в конце концов превзошла брата с его игрой на рожке.

Книга казалась старой и на вид, и на ощупь; от нее даже пахло стариной. На мятой обложке невозможно было разобрать название. Маргарита раскрыла титульный лист и прочла: «Три путешествия в дальние страны» Сильвио ди Филиппо. Она никогда не слышала об этом авторе, как, впрочем, не имела понятия и о многих других писателях. Она знала о Джакомо Мурзино и о Карле Дзенателло только потому, что о них говорил отец. Он прочел всего Мурзино, за исключением одного тома из его восхитительной поэтической истории Вселенной, и самым страстным желанием отца было раздобыть этот пропавший том. В этом своем желании — отец не раз говорил за обедом в кругу семьи — он был не одинок.

А еще он говорил, что хотел бы стать обладателем двух книжек Дзенателло. Они теперь считаются благословенными книгами, и люди охотятся за этими уцелевшими шедеврами. Если бы он сумел заполучить две из них, то подарил бы их детям — Оттавио и Маргарите — в день, когда они появились на свет. Но за неимением книжек он положил в колыбельку сына свою бесценную скрипку, а в кроватку дочери — серебряную флейту, создание Алсео, прародителя Маргариты. Так что детям на роду было написано взрослеть с этими инструментами, которые, оставаясь семейным достоянием, были их первой в жизни собственностью.

Вслед за «Тремя путешествиями...» Маргарита обнаружила книгу, которая уже была ей известна, — «Мелодии и ритмы для малышей» Клаудии Беллузо. Девочка любила эту книжку с цветными рисунками крошечных щенков, птичек, черепашек, медвежат. Каждую картинку сопровождали маленький стишок и простенький музыкальный урок. Маргарита наигрывала эти мелодии на миниатюрной детской флейте — еще до того, как, повзрослев, перешла на серебряную флейту Алсео, — и зверушки в книжке плясали под ее музыку. Или ей это только казалось. Хотя и мать утверждала, что так оно в действительности и было.

Радостный визг оторвал Маргариту от сосредоточенного изучения книг. Это вскрикнула Франческа. Она прижимала к груди книгу.

— «Minuscolo-Minuscolo»! Я так любила эту книжку! Я клала ее на ночь под подушку! Я зачитала ее до того, что она развалилась на отдельные листочки. И вот я снова ее вижу!

Взяв с собой все три книги, девочки направились в лавку. Позади них была узкая булыжная мостовая. Этот район не походил ни на оживленную улицу, где высадил девочек возница — синьор Адзурро, ни на городской сквер, с его статуей и огромной башней. Улица была темная, здания — обветшалые. Верхние их этажи, казалось, льнули друг к другу, закрывая мостовую от яркого неба и теплых солнечных лучей.

По улице суетливо пробежало некое прилизанное существо. Оно было непонятного темного оттенка — не то зеленоватого, не то серовато-черного. Шкура его была то ли чешуйчатая, то ли из блестящей кожи. Броненосец в Вилладжио Соньо? Змея? «Но у этого существа точно были ноги», — подумала Маргарита. Для морской черепахи оно, бесспорно, передвигалось слишком быстро. Маленький крокодил? Так они, по словам цыган, водятся на их родине, в болотах по берегам реки Нил.

Вконец озадаченная девочка заметила, что странное животное нырнуло в узкий темный зазор между двумя зданиями.

По противоположной стороне улицы торопливо прошла и свернула за угол старушка. Лицо ее скрывал чепец, руки прятались в длинных рукавах. Мимо прокатила телега, которую тащил осел высотой в человеческий рост, с толстым, шириной в сарай, задом. Голову возницы венчала широкополая шляпа. Плечи у него были массивные, словно два борова.

На входе в лавку подруги столкнулись с мужчиной, таким высоким, что он вынужден был пригнуть голову, чтобы выйти наружу. Он был тощ как палка, а росту ему добавляла островерхая шляпа из фиолетового фетра. Он заворчал на девочек, растолкал их локтями в стороны и, продравшись между ними, стремительно вышел из лавки.

Внутри лавки Маргарита с Франческой увидели парнишку — судя по лицу, не старше пятнадцати лет. Волосы у него были рыжеватые с землистым оттенком, глаза — цвета мутной воды реки Фьюм. Уши его торчали в стороны, как крылья ворона. На плечах и локтях сквозь рубашку цвета пыли выпирали острые кости. Из чересчур коротких рукавов, словно два шишковатых набалдашника, высовывались запястья.

— Синьорины, — обратился он к девочкам, — чем я могу вам помочь? Вы хотите купить книги? — Он окинул нежным взглядом тома, которые Маргарита с Франческой взяли из лотка. — Будьте добры, разрешите взглянуть.

Мальчик прошел за деревянную стойку, потемневшую от времени и затертую до блеска бессчетным количеством рук и книг.

Девочки положили выбранные тома на прилавок.

Мальчик перевернул их и одобрительно кивнул.

Франческа снова взвизгнула. «Да что это она в самом-то деле!» — подумала Маргарита и решила поговорить с подругой на эту тему. Это даже унизительно — находиться в обществе человека, который реагирует на каждую мелочь так, словно на небесах вдруг появился крылатый ангел в ореоле пламени!

— Что это было? — задыхаясь от волнения, спросила Франческа.

Маргарита вовремя обернулась и успела заметить некую темную фигуру, исчезнувшую за занавеской, которая закрывала дверной проем в глубине лавки.

— Это просто... это было... Это было... — Франческа судорожно взмахивала руками.

Мальчик, вытянув шею, перегнулся через прилавок:

— Да это всего лишь Неро.

— Кто?

— Неро. Собака синьора Малипьеро. Она охраняет лавку. Вот и все. Она живет здесь.

— Нет! — тряхнула головой Франческа. — Это была не собака. У нее шкура, как у ящерицы.

— Нет, — тряхнула головой Маргарита. — У нее были перья. У нее туловище собаки, но она вся в перьях. Может быть, это был... как же он называется... грифон?..

— Таких зверей, как грифон, вообще нет, — сказала Франческа. — Я слышала о них, и читала, и видела на картинках. Это несуществующее животное.

— Ой, и правда? — Маргарита была раздосадована. — Тогда, я думаю, это была большая индийская птица.

— Но не с такой же шкурой!

— С перьями!

Мальчик, в рубашке с чересчур короткими рукавами, вышел из-за стойки и повернулся к занавешенной двери:

— Ко мне, Неро! Неро, подойди к Пеппино.

Занавеска качнулась, затем показался нос (или это был клюв), а за ним прошествовало вперед и само четырехногое существо. «Настоящий грифон, — подумала Маргарита, — с когтистыми лапами и с перьями, как у птицы». Она зажмурилась и вновь раскрыла глаза. Перед ней была обычная собака с короткой темной шерстью и квадратной мордой. Подойдя к мальчику, она ткнулась носом в его тощую руку.

Маргарита посмотрела на Франческу.

У той одна рука висела вдоль тела, другая была прижата ко рту.

— Я думала, это ящерица, — выговорила она наконец, — но теперь вижу, что это всего лишь собака.

Деревянные половицы заскрипели, когда девочка присела и обняла Неро за шею.

Тощий мальчик протянул руку за прилавок и, вытащив оттуда два кусочка бисквита, вручил по одному каждой девочке:

— Угостите его, и он станет вашим другом.

Девочки по очереди скормили собаке бисквит. Неро благодарно повилял хвостом.

— Так вас зовут Пеппино? — обратилась Маргарита к мальчику.

— К вашим услугам. — Пеппино отвесил нелепый поклон. — Пеппино Кампанини. Начинающий книготорговец. Изучаю рукописи и постигаю искусство магии.

Маргарита и Франческа также в свою очередь представились.

— Итак, вы хотите купить у нас только эти три уцененные книги? — Мальчик издал преувеличенно тяжкий вздох. — Мой хозяин будет недоволен, если я не смогу продать вам кое-что получше. — Он взял в руки три книги и сказал, подняв брови: — Однако, должен признать, ваш выбор не плох. О, да вы нашли «Minuscolo-Minuscolo»! Так это в поисках ее вы пришли сюда? Синьор Малипьеро всегда откладывает в этот лоток для уцененных книг несколько маленьких сокровищ. Похоже, леди, сегодня вы его основательно подчистили. «Minuscolo», «Мелодии и ритмы», «Три путешествия». Все, что там осталось, — макулатура. Вы, конечно, не будете настаивать, чтобы купить все эти три сокровища за две маленькие монеты?

— Именно так у вас написано.

— Конечно-конечно, однако мы не рассчитывали на то, что у вас и вашей компаньонки такой острый глаз.

— А что еще у вас есть?

Пеппино Кампанини, словно сдерживая слезы, прижал ладони к глазам, затем уронил руки.

— Уж очень вы ловкие. Уж и не знаю, как с вами быть.

Он снова перегнулся через прилавок, невероятно далеко перегнулся. Маргарита испугалась было, что он не удержит равновесия и свалится прямо на ноги ей и ее подруге, но он умудрялся висеть в таком положении.

— Синьор Малипьеро! Синьор Малипьеро! Подойдите, пожалуйста, к покупателям.

Все время, пока шел обмен репликами, Неро сидел на задних лапах. Теперь он встал и заспешил к зашторенной двери, затем появился оттуда вновь, таща за манжету седого краснолицего старика в круглых очках, очень грязных. Маргарита удивилась, как он сквозь них видит и что его заставляет ими пользоваться. На нем были белесая рубашка в крупную черную крапинку и брюки, которые так сильно вылиняли, что изначальный цвет их невозможно было распознать. Манжету одного рукава сжимал в зубах Неро. В другой руке мужчина держал очень большую потрепанную книгу. Меж страниц торчали скрученные полоски бумаги, указательный палец старика выгнулся крючком, чтобы не потерять нужное место в тексте, а средний прижимал страницу на другой строке.

Старик заморгал, глядя на тощего мальчика:

— Пеппино, за что я тебе плачу? Почему ты зовешь меня всякий раз, как приходит покупатель?

Не дожидаясь ответа помощника, мужчина повернулся к Маргарите и Франческе и отвесил им глубокий поклон. У торговца был объемистый живот, отчего, распрямившись, он невольно издал звук наподобие: «Уф-ф!»

— Вам нужен какой-нибудь порошок или снадобье — нечто такое, что поможет вам, не учась, приобретать знания? А может быть, что-то еще, что заставило бы мальчиков бегать за вами, какое-нибудь... — Он смолк и изучающе посмотрел на них. — Мои извинения. Двум таким красавицам, как вы, нет нужды привораживать мальчиков. У вас есть друзья? Чего же вам не хватает? Таланта? Нет, я вижу, что вы обе и без того талантливы. Так чего же вы хотите?

Франческа сказала:

— Моя подруга хочет купить подарок ко дню рождения своего отца.

Старик кивнул:

— Ах вот как.

Маргарита добавила:

— Он любит книги.

— Ах, — снова произнес старик. — Что ж, вы пришли в нужное место. Меня зовут Этторе Малипьеро, а это мое заведение. Как вы можете видеть, книги у меня есть. — Он сделал широкий жест, который охватывал весь магазин, включая, похоже, и Неро, и Пеппино, и таинственное пространство за занавеской, и — что было весьма вероятно — весь Вилладжио Соньо. — Так как же вас зовут, юные синьорины? И что бы ваш отец желал получить в подарок? Вы должны назвать сами. Что в данный момент может осчастливить вашего папочку?

— Он любит старые книги, — сказала Франческа.

— Очень старые книги, — уточнила Маргарита. — И другие старинные вещи, но больше всего старые книги.

— Да, да, конечно, — сказал старик. — Нет ничего лучше старинных книг.

Неро засопел в руку Маргарите. Он искал еще кусочек бисквита, но у нее больше не было. Она наклонилась, чтобы извиниться перед собакой, одновременно краем глаза следя за синьором Малипьеро. В нем было что-то странное — такое, что не вязалось с его весельем и дружелюбными манерами. Она распрямилась — и Малипьеро вновь стал обыкновенным стариком, он с улыбкой смотрел на девочек и на свою собаку. А когда Маргарита опять мельком взглянула на Неро, пес уже не показался ей таким добрым. В нем было что-то новое: что-то изменилось, когда она увидела его вблизи.

— Какой суммой вы располагаете? — спросил старик.

Маргарита и Франческа посовещались. Они начали день с полным кошельком, но им пришлось заплатить синьору Адзурро за поездку в Вилладжио Соньо и дать ему чаевые, чтобы быть уверенными, что он вернется за ними в конце дня. Шляпки в «Mercato Monumentale» и обед в «Хонсю Кекко Риори» также были недешевы. Кроме того, подруги купили вестник у Гульелмо Пипистрелло ради того, чтобы он уделил им внимание и указал дорогу к книжному магазину.

— Не очень большой, — сказала Маргарита, обращаясь к Этторе Малипьеро.

— Не очень большой, в самом деле? Так зачем же вы пришли в мой магазин? Разве вы не знаете, что это самое

замечательное заведение в Вилладжио Соньо для покупки такого рода редкостей? Возможно, синьорина, ваш отец пожелал бы получить вместо книги порошок? Вы считаете, что его силы угасают? Что-нибудь, чтобы восстановить силу и энергию мужчины определенного возраста? Я могу предложить хорошую цену, ваш отец будет благодарен. Как и ваша мать, уверяю вас.

— Нет, книгу.

— Ах да. — Синьор Малипьеро почесал затылок.

Маргарита была почти уверена, что видела, как из волос у него при этом летели искры, а звук, который сопровождал их, не был похож ни на один звук из тех, что ей когда-либо доводилось слышать.

— Возможно,— сказал он,— одна из новых книг доставит удовольствие вашему отцу. Даже в наши дни, синьорина, есть много талантливых авторов. Ваш отец читает Чезаре Дзампиери? О, это замечательно! Его произведения вдохновляют читателя на смелые и благородные поступки. Я даже знаю одного мужчину, который долгие годы был несчастлив в семейной жизни и безропотно терпел сварливую жену и требовательную дочь — простите мне мою откровенность, синьорина, я старик, и вы должны извинить меня,— пока не прочел замечательную книжку Дзампиери. И тогда, проснувшись как-то ночью, когда вся семья спала, он... — Синьор Малипьеро замолчал и улыбнулся, как бы устыдившись себя. — Простите меня. Этот вопрос слишком деликатен для ушей таких юных леди, как вы. Нет, Дзампиери я не стал бы рекомендовать, лучше остановить выбор на медитациях Ореста Ронга. Да, думаю, Ронга может стать идеальным подарком отцу такой прелестной юной леди.— Он повернулся к Франческе: — Полагаю, вашему отцу понравится Ронга. Вы знаете Ореста Ронга? Очень талантливый писатель. Нет? Вы не знаете Ронга? Недалеко отсюда есть магазин, который торгует новыми книгами. Я каждый день отсылаю туда покупателей. «Libri e Libretti»[1]. Стоит выйти из моего магазина, и за поворотом... что такое, синьорины?

Обе девочки нахмурились.

---

[1] «Книги для взрослых и детей» *(ит.)*.

— Старую книгу! — сказала Маргарита.

— Старую книгу! — вторила ей Франческа.

Старик вздохнул:

— Ну, если вы настаиваете. Что ж, пойдемте со мной. Посмотрю, смогу ли я что-нибудь найти. Может быть, старинную рукопись без переплета, подпорченную водой, в бурых пятнах, деформированную, без подписи... Постараюсь что-нибудь для вас подыскать.

Что-то царапнуло Маргариту по руке, она посмотрела вниз и успела увидеть, как отдернулась в сторону когтистая лапа. Но это был всего лишь Неро.

— Наверное, он хочет еще бисквита, — сказала девочка, обращаясь к Пеппино.

— Скоро его обеденное время, — ответил мальчик. — Право, не знаю, стоит ли...

Неро встал на задние лапы. Он был достаточно высоким, чтобы дотянуться до прилавка. Пес поскреб по его поверхности, оставив на дереве ряд параллельных царапин. Для обычной собаки у него были слишком длинные, слишком острые когти: они больше смахивали на когти ловчей птицы, чем домашнего животного.

Синьор Малипьеро что-то тихо сказал Пеппино Кампанини, и тот побледнел. Мальчик достал из-под прилавка кусок бисквита и бросил его Неро.

— Пойдемте. — Этторе Малипьеро стоял в занавешенном проходе во вторую комнату. — Пойдемте со мной, маленькие леди, посмотрим, что нам удастся найти, чтобы сделать подходящий подарок ко дню рождения вашего отца. Вы сестры?

Франческа ответила:

— Нет, мы соседки и подруги.

— А-а, хорошо...

Мужчина провел их во вторую комнату. Как и в первой, там было много-много книжных полок. Это была очень странная комната — с пятью стенами вместо привычных четырех. Две стены были заставлены книгами от пола до потолка, две — от потолка до пола, и одна, начинавшаяся на уровне синих глаз Маргариты, была забита ими в обоих направлениях: к потолку и к полу.

В комнате стояло несколько деревянных шкафов, каждый с множеством выдвижных ящиков. Ручки у ящиков, судя по их виду, были выполнены из превосходной слоновой кости. Если это и в самом деле было так, то она, по-видимому, завозилась сюда из далекой Абиссинии.

Центр комнаты оставался свободным, если не считать двух деревянных кресел.

На шкафах стояли масляные лампы и канделябры. Когда девочки вошли в комнату, там горела одна-единственная лампа, отбрасывая мрачные тени. В дрожащем пламени комната казалась вдвойне темной, но синьор Малипьеро поджег от горевшей лампы лучину и с ее помощью засветил остальные лампы и свечи.

— Присаживайтесь,— сказал он подругам.— Я принесу вам несколько книг. О, я занимаюсь этим делом очень давно, юные синьорины. Я покупаю и продаю книги и другие вещи дольше, чем вы можете себе это представить. Уж я-то знаю свой фонд. О да.

Он подошел к стене и принялся изучать книжные полки. Одну руку старик держал у подбородка, которого наверняка уже несколько дней не касалось лезвие бритвы, а другую то и дело поднимал, как бы примериваясь: эту, нет, эту, нет, вот эту... Наконец он испустил удовлетворенный вздох и стянул с полки том, но не отнес его девочкам, а прошел к деревянному шкафу и поставил книгу вверх корешком, так что свет канделябра дрожал на ее красноватом переплете.

Маргарита заметила, что пламя свечей и ламп развевалось, как на ветру. Она и в самом деле ощущала холодный поток воздуха, охвативший лицо и плечи. Взглянув на Франческу, она увидела, как у той колыхалась прядь волос, точно от дуновения ветра.

Синьор Малипьеро пересек комнату и опустился на колени, чтобы видеть нижний ряд книг. Он вытащил оттуда том в коричневом переплете, поизучал его некоторое время, затем задвинул обратно. Девочки услышали, как он пробормотал:

— Нет, нет. Эта не годится. Только не для отца, не на день рождения отца.

Он вытянул с полки другой том, теперь в желтой обложке, с признаками явно почтенного возраста.

— Да, вот эта. Эта, пожалуй, доставит удовольствие мужчине, раз уж он доводится отцом такой дочери.

Синьор Малипьеро положил желтую книгу на шкаф рядом с красной.

Потом старик еще раз пересек комнату. У стены, где он теперь стоял, возвышалась лестница. Маргарита не спускала со старика глаз с той самой минуты, как они вошли сюда. Теперь она наблюдала, как он взбирался на лестницу. Она казалась ветхой; в этом магазине все казалось ветхим, кроме помощника Пеппино Кампанини.

Маргарита следила, как старый мужчина карабкался по старой лестнице, пока не исчез в темноте. «Какой же высоты эта комната? — удивлялась Маргарита. — На какую высоту поднимаются книжные полки? Как высоко приходится взбираться синьору Малипьеро?»

Сверху донеслись шаркающий звук и ворчание. Лестница качнулась. Маргарита испугалась, что та упадет, а синьор Малипьеро рухнет с высоты и сломает себе шею. Что тогда будет?

Но в конце концов сверху показались сначала ноги старика, обутые в потертые, стоптанные башмаки, потом туловище и затылок. Ступив на пол, он обернулся к Маргарите с Франческой. Он был весь в пыли или в саже — в чем именно, определить было невозможно. В руках он сжимал огромную книгу, переплет которой заслонял почти всю его фигуру, а точнее, перекрывал ее от коленей до плеч.

Шатаясь под тяжестью, синьор Малипьеро с трудом преодолел расстояние до шкафа и взгромоздил на него этот здоровенный том в черном переплете.

Старик наклонился, выдвинул ящик и достал из него ручные мехи. Затем снова закрыл его, прошел к дальнему краю шкафа и направил мехи на вытащенные с полки книги. Качнул мехами раз, другой, третий: на красную книгу, на желтую книгу, на черную книгу.

От каждой книги поднялось облако пыли и переместилось потоком воздуха в центр комнаты. Маргарита с

перепугу открыла рот, что было совсем некстати, так как она тут же обнаружила, что наглоталась пыли. Она услышала, что и Франческа задыхается, и поняла, что подругу постигла та же участь. Пыль поднималась тремя разноцветными клубами, они завихрялись и перемешивались между собой. Сквозь это облако Маргарита разглядела другое, ужасное помещение.

Громаднее этой комнаты она в жизни ничего не видела — у комнаты просто не было конца. Ее каменный пол покрывал толстый слой пыли. Из пола росли, исчезая в непроглядной вышине, исполинские колонны, в обхвате не меньше самого гигантского дерева. Колонны ряд за рядом тянулись во всех направлениях. Маргарита пыталась сориентироваться, уже не уверенная в том, где она теперь находится — в книжном магазине или в этом новом помещении? В конце концов у нее закружилась голова. Вокруг была серая мгла, переходившая в отдалении в кромешную тьму. Воздух был холодный, с тяжелым запахом и отвратительным удушливым привкусом пыли.

Она подняла голову и посмотрела вверх. Ни верха колонн, ни крыши над головой девочка не увидела. Там была сплошная чернота. Что-то холодное и очень легкое опустилось Маргарите на лицо; она смахнула его, как смахивают снежинку, и увидела на пальце грязное пятно. Эта снежинка образовалась скорее из осевшей пыли, чем из замерзшей воды.

Между колоннами стояли рядами блоки — каждый высотой Маргарите по пояс, длиной как вагон и шириной с кровать. Сверху на них что-то лежало, накрытое чем-то похожим на мягкую скатерть.

Все было серым.

Этторе Малипьеро находился там, но это был уже не тот любезный, с грубоватыми манерами пожилой мужчина из книжной лавки. Он был совсем другим — похожим на некое злобное, страшное существо. То, которое она приметила раньше краем глаза. Рядом с ним был Неро — не дружелюбный пес Неро из книжной лавки, а ужасное животное, которое Маргарита мельком увидела в то краткое мгновение.

Она попыталась дотянуться до руки Франчески, но странная апатия, словно льдом, сковала ее способность двигаться.

Существо, которое прежде было синьором Малипьеро, маячило над Маргаритой и Франческой, три книги покачивались в его руках. Даже Малипьеро был виден как сквозь серую пленку; книги же сохраняли видимость своих цветов. Старик уронил Франческе на колени красный том, Маргарите — желтый. Сам он продолжал держать черную книгу, но вместо пожилого мужчины, который с трудом мог устоять под тяжестью огромного тома, девочки теперь видели перед собой гиганта. Он был выше брата Маргариты, выше даже ее отца. И кожа у него была не старческая, а сам он оказался достаточно могучим, чтобы удерживать перед собой эту раскрытую книгу так же легко, как держит ребенок свою первую хрестоматию.

Лицо его больше не было человеческим. Оно скорее походило на морду ящерицы, и, когда он раскрыл рот, обнажив два ряда светящихся зубов, наружу молнией метнулся раздвоенный, как у змеи, язык. Да и говорил монстр не то человеческим голосом, не то змеиным шипением. Он отвернулся и принялся открывать выдвижные ящики. Маргарита на миг удивилась, как шкафы оказались среди этих громадных колонн, но ее вниманием вновь завладел преобразившийся Малипьеро. Он подцеплял ручки слоновой кости изогнутыми, острыми, точно лезвия бритвы, когтями. Он зачерпнул из ящика немного порошка и, то ли бормоча, то ли что-то по-змеиному шипя, разбросал его в пламя горящих свечей. Не успел он это проделать, как из свечей взметнулись в этот незнакомый серый мир разноцветные грибовидные столбы — желтый, красный и черный.

Он взял мелкую чашу, заполнил ее порошком и, встав над девочками, развеял его на них. От Малипьеро несло холодом и прогорклым маслом.

Маргарита старалась не вдыхать порошок, который сыпал на них бывший синьор Малипьеро. Порошок кружился вокруг ее головы, а она изо всех сил сдерживала дыхание, но в конце концов была вынуждена сделать вдох. Она почувствовала, как ее приподняло. Маргарита не могла

сказать, сама ли она плывет в холодном тяжелом воздухе, или Малипьеро поднимает ее своими чешуйчатыми руками. Голову ее распирало, словно мозг готов был вот-вот взорваться. Она закрыла глаза и старалась думать только о матери, отце, Оттавио, Франческе.

Открыв глаза, она поняла, что оказалась в другом мире — сером мире с огромными колоннами, прямоугольными блоками, пыльными камнями и непроглядной темнотой вдали. Теперь она видела границы этой гигантской комнаты. Далеко-далеко впереди колонны заканчивались, за ними шла чернота, на фоне которой мерцали очень далекие звезды.

С неба слетело несколько грязно-серых снежных хлопьев.

Существо по имени Малипьеро наклонилось над одним из блоков. Скатерть, покрывавшая блок, зашевелилась, словно приподнятая ветром, однако Маргарита никакого ветра не чувствовала. Ткань колыхалась так, будто под ней кто-то легонько копошился. Синьор Малипьеро поднял скатерть и наклонился над блоком. От Маргариты до него было рукой подать, но старик своим телом загораживал то, что прежде скрывалось под тканью.

Подняв глаза, девочка увидела, что ткань зашевелилась и на другом блоке, как будто ее потревожил ветер или то, что под ней лежало. В помещении стояла почти полная тишина, но все же какой-то звук — Маргарита была уверена в этом, — какой-то слабый, удивительно жалобный звук нарушал эту тишину.

Своими очертаниями фигуры этих существ, притаившихся под серыми скатертями, напоминали фигуру Малипьеро в его ящерицезмеином обличье, только размером были поменьше. Что-то подсказывало Маргарите, что это были фигуры девочек. Она закрыла глаза, пытаясь разобраться в происходящем, но когда открыла их снова, то поняла, что ясности у нее в голове не прибавилось. Малипьеро перешел к следующему блоку, отбросил другую скатерть, печально склонился над новой девочкой-ящеркой-змейкой.

«Это мир смерти, — подумала Маргарита, — а эти девочки — дочери существа, которого я знала как Этторе

Малипьеро». Но, будучи монстром, он все же оставался отцом. Он хотел спасти своих дочерей. Ему хотелось ввести их в мир Маргариты.

В этих порошках — желтом, красном и черном, — по-видимому, был некий тайный смысл. Ее сбило с толку *un fascino*, волшебство. Здесь не было никакого синьора Малипьеро, Малипьеро-человека. Были только жуткое змееящерицеподобное существо из мира смерти да две змейки-ящерки — дочери этого существа. Маргарита поняла, что этот папаша каким-то образом сумел проникнуть из своего мертвого мира в ее собственный прекрасный живой мир. Но он не мог бросить своих дочурок. Он не был человеком, однако все же был им — ведь он оставался любящим отцом.

Маргарита с самого начала поняла, что ей ужасно жаль это существо. У нее было какое-то болезненное ощущение своего сходства с двумя его змееящерицеподобными дочками. У этих девочек не было ничего общего ни с ней, ни с Франческой, и в то же время сходство было очевидным. Что произошло с их матерью? Не лежала ли и она на другом каменном блоке, накрытая другим серым покрывалом? Маргарите не дано было этого узнать. И что теперь будет с ней самой и ее подружкой Франческой?

Змея-ящерица Малипьеро маячил то над Маргаритой и Франческой, то над блоками, где лежали его змейки-ящерки дочери. В руках он держал что-то похожее на большую черную книгу и чашу, вероятно с цветными порошками, которые он жег в книжном магазине. Если это был книжный магазин! Что, если и этот магазин был результатом колдовства? Что, если он был лишь прикрытием для вторжения мира смерти в их собственный живой мир?

С едва слышным шелестом крыльев — более слабым, чем жужжание насекомого в летнюю ночь, — откуда-то возникло крошечное расплывчатое пятно. Оно двигалось из черноты, из-за самых дальних колонн, сквозь темную ночь и сотканный из пыли снег. По мере приближения оно росло в размерах, и вскоре можно было заметить, что перемещается оно вертикально, как человек или змееящерицеподобное существо, не будучи, однако, ни тем ни другим.

Существо по имени Этторе Малипьеро поднялось во весь рост и стояло, глядя на пришельца. Тот остановился. Он погладил ткань над телом одной из девочек, затем над другой. Потом положил руку на плечо Малипьеро и привлек его к себе. Маргарита подумала, что незнакомец старается утешить Малипьеро, однако старик схватил его своими когтистыми руками и с силой швырнул о ближайшую колонну. Пришелец врезался в нее и рухнул на пол, подняв вверх облако серой удушливой пыли. Он вскочил было на ноги, но Малипьеро навалился на него, принялся рвать когтями и кусать острыми светящимися зубами. Эти двое катались по полу точно так же, как это делали в свое время отец Маргариты и его соперник, пытаясь добиться благосклонности ее будущей матери. Вот только битва этих существ не имела никакого отношения к любви.

Что будет с Маргаритой и Франческой, после того как эти сплетенные в схватке фигуры разрешат свой спор? Маргарита подозревала, что синьор Малипьеро нашел способ переместить их с подругой в этот мир, что он полон решимости оставить их навсегда в этом загробном мире, на этих каменных блоках, под тяжелыми покрывалами, на которые медленно, слой за слоем будет оседать холодная пыль. А сам вернется в мир Вилладжио Соньо со своими дочерьми, которые займут там место Маргариты и Франчески.

Оба противника — Этторе Малипьеро и незнакомец — катались в клубах пыли и отчаянно молотили друг друга.

Маргарита схватила Франческу за руку. Сжав пересохшие губы, она попыталась просвистеть мелодию, которой когда-то обучала детей старая Аллегра Чиаволини. Во рту было сухо и ощущался привкус пыли и смерти. Наружу вырвался лишь невразумительный шипящий звук. Девочке отчаянно захотелось, чтобы в руках у нее оказалась серебряная флейта, удивительная флейта ее предка Алсео, но она была дома, в комнате Маргариты. В каком-то озарении она протянула руку к декоративной флейте, которую приколола на лиф Франчески. Дрожащими пальцами Маргарита отстегнула свой подарок и поднесла его к губам.

Была ли эта крошечная флейта настоящей? Сможет ли Маргарита извлечь из нее мелодию? Отверстия для пальцев были расположены ужасно близко одно к другому, однако они находились там, где им и полагалось быть. Девочка дунула разок, затем постаралась проиграть всю мелодию, которой выучилась у Аллегры, престарелой женщины, утверждавшей, что эта мелодия способна развеять любые чары и показать мир в его истинном свете.

В конце концов Маргарита сумела изобразить мелодию Аллегры, правда резковато и неуверенно, но, как бы то ни было, каждая точно воспроизведенная инструментом нота выплеснулась в холодный воздух.

Мертвый мир исчез.

Массивные колонны, каменные блоки, укрытые саваном фигуры, темнота в отдалении, звезды, сотканный из пыли снег — все исчезло.

Маргарита снова была в магазине, рядом с Франческой. Не сон ли это? Она поморгала. Девочка находилась не в пятистенной комнате Этторе Малитьеро, поставщика редкостей и ценностей. Она сидела бок о бок с Франческой в незнакомом магазине, где стояли манекены, облаченные в собранные на булавки платья. Стены украшали иллюстрации всевозможных моделей одежды. Две, нет, три портнихи сидели, собравшись в кружок; они оживленно щебетали и споро делали свое дело. Женщина постарше, очевидно хозяйка, водила по залу клиентку, демонстрируя ей образцы платьев.

Маргарита невольно следила за работой мастериц и прислушивалась к их беседе. Каждая шила по прелестному платью. Одно платье было желтое, нарядное; другое — красное, смелого фасона; третье — глубокого черного цвета, расшитое сверкающими бриллиантами и ониксами.

Первая швея говорила:

— Я уверена, что синьорина А. будет довольна этим золотистым платьем, когда наденет его в свадебное путешествие. Я знаю, она будет счастлива со своим новым мужем.

Вторая сказала:

— Я надеюсь, что донна Б. одобрит это темно-красное платье, когда предстанет в нем во время своего триумфаль-

ного тура по концертным залам. Я знаю, оно будет привлекать к себе внимание, чего так жаждет великая дива.

Третья швея, улыбнувшись, внесла свой вклад:

— Я знаю, что герцогиня С. будет довольна этим черным-пречерным платьем. Такая молодая энергичная женщина выбрала в мужья герцога, мужчину преклонного возраста и хрупкого здоровья. Она сама заказала это платье и строго-настрого велела, чтобы герцог ни в коем случае не видел его и не догадался, что герцогиня таким образом готовится к тому, что неизбежно должно произойти.

Маргарита, безуспешно стараясь подавить смех, сжала руку подруги.

Хозяйка посмотрела вокруг и вздрогнула:

— Девочки, кто вы такие? Что вы делаете в моем магазине? Я не видела, как вы вошли. — Она заговорила с портнихами, называя их по имени: — Кто-нибудь из вас видел, как вошли эти две девочки?

Все трое покачали головой:

— Нет, донна. Нет, донна. Нет...

Потом, обращаясь к Маргарите и Франческе, женщина сердито спросила:

— Может быть, вас направила сюда моя конкурентка? Вы пришли шпионить за мной, подсмотреть мои новые образцы, выкрасть их у меня?

Девочки запротестовали, но женщина не слушала.

— Убирайтесь отсюда! Вон из моего магазина! Убирайтесь, а не то я позову сына Пеппино и велю метлой гнать вас прочь! Ступайте, откуда пришли, да скажите ей, чтобы сама добывала себе модели, если хочет соперничать со мной!

Преследуемые этой злюкой, Маргарита с Франческой оказались на улице. Оглянувшись, они прочли над входом в магазин вырезанную по дереву и покрашенную надпись: «Элеонора Пампанини, поставщик нарядных платьев и другой одежды».

Девочки взялись за руки и отправились в обратный путь по направлению к городскому скверу. Свернув за угол раз, потом другой, они увидели заведение под названием «Libri e Libretti». Зайдя внутрь, они спросили,

без особой надежды, нет ли в продаже «Lavori di Hipocrita» Мурзино или одной из книжек-загадок Карлы Дзенателло.

Продавец криво усмехнулся:

— Не было за все те годы, что я здесь торгую, юные леди. Их нет уже много-много лет.

Девочкам пришлось купить в подарок отцу Маргариты новую книгу, с тем они и покинули магазин.

За ними, стараясь держаться в тени, последовал очень высокий мужчина. На улице, оказавшись каким-то непостижимым образом впереди, он преградил им путь.

Девочки остановились как вкопанные и вгляделись в лицо этого человека. Он оказался тем самым тощим великаном, который растолкал их, выйдя из магазина Этторе Малипьеро. Глянув на них сверху вниз из-под своей островерхой шляпы, он улыбнулся и сказал:

— Я невольно подслушал ваш вопрос в «Libri e Libretti».

— Извините, синьор, мы спешим домой.

— Конечно-конечно, синьорина, мне бы не хотелось вас беспокоить. Но если вы разыскиваете книги синьора Мурзино или великой Карлы Дзенателло, то я, возможно, смог бы вам помочь. — Он поклонился и представился: — Меня зовут Рагно Диструтторе.

Высокий мужчина изогнулся дугой над головами девочек, как плакучая ива над прудом.

Франческа спросила:

— У вас есть такие книги?

— Увы, синьорина, не прямо сейчас. Но время от времени ко мне поступают книги, как и многие прочие редкие и удивительные вещи. Если бы вы соизволили посетить мое заведение, я был бы рад сопровождать вас туда прямо сейчас.

Франческа направилась было вслед за мужчиной, но Маргарита взяла подругу за руку:

— Посмотри на небо. Уже поздно. Синьор Адзурро уедет без нас.

— Да, да, — сказала Франческа. — Извините, синьор Диструтторе, мы не можем.

— Что ж, в таком случае мое приглашение остается в силе. Вы сможете найти место моей работы, как и мой дом, на пьяцца Кампо Серено.

— Я не знаю этого места.

— О, вы наверняка сможете его найти. Спросите любого: даже если они не знают эту площадь, то уж точно знают монумент великой певицы-сопрано Лукреции Спина ди Роса, знаменитой поющей статуи Вилладжио Соньо. Оказавшись там, вы найдете мой дом, такой же высокий среди соседних домов, как я — среди людей. Приходите хоть днем, хоть ночью. Видите ли, я страдаю бессонницей. Вы увидите фонарь, который в любое время мерцает в моем окне. Я вынужден мириться с этим неудобством.

— Пойдем, Франческа! Мы должны идти! — Маргарита дернула подругу за рукав.

— Но, Маргарита, синьор Диструтторе...

— Мы должны идти!

— Но...

— Синьор Диструтторе, прощайте!

Маргарита потащила подругу подальше от этого приставучего человека. Он протянул им вслед костлявую руку с длинными, как когти, пальцами, но Маргарита уклонилась от его пожатия и увлекла за собой Франческу. Рагно Диструтторе погнался за ними, его длинные ноги мерили землю огромными шагами, но, похоже, он быстро утомился и отстал от девочек. Они бежали, пока, запыхавшись, не почувствовали себя в безопасности посреди толпы веселых мужчин и женщин.

К тому времени солнце уже садилось. Улицы Вилладжио Соньо были забиты людьми, но теперь это были возвращавшийся домой рабочий люд да священники, прибывающие в город для вечерней попойки. Девочки приостановились около концертного зала. Было слышно, как музыканты настраивали там свои инструменты, а певцы распевались перед вечерним выступлением.

— Почему ты оттащила меня от синьора Диструттоpe? — спросила Франческа.

— Я не доверяю этому мужчине. Он напугал меня.

— Но он сказал, что может нам помочь найти книги.

— У нас уже есть книга. Отец обойдется без Мурзино или Дзенателло. Я понятия не имею, что имел в виду синьор Диструтторе, но уверена, что мы пожалели бы, если бы пошли с ним. Ты слишком доверчива, Франческа. Чересчур доверчива.

Франческа презрительно фыркнула:

— После сегодняшнего дня меня уже ничем не запугаешь. Мы сбежали от монстров, Маргарита. Так что мне не страшен обыкновенный тощий мужчина.

Маргарита сочла необходимым сменить тему:

— Мне жаль синьора Малипьеро.

Франческа была согласна.

— И его дочерей, — добавила она. — Особенно дочерей. Хотела бы я знать, есть ли у них имена? Интересно, что с ними сталось. — Она покачала головой. — Наверняка они умерли. Ведь их мир был самым настоящим миром смерти. Их отец пытался спасти их, пытался совершить замену.

— Нас на них, — сказала Маргарита.

— Да, нас на них. А вместо этого променял их на нас.

Они постояли в задумчивости несколько минут. Много мужчин и женщин шли мимо них в разные стороны, деловито направляясь каждый по своим делам.

На обратном пути к «Mercato Monumentale» Маргарита с Франческой вновь повстречали Гульелмо Пипистрелло, который все еще перебирал в руках экземпляры «Il Popolo di Sogno». На этот раз он им улыбнулся. Но девочки, задрав носы, прошли мимо.

Напротив универмага их поджидал синьор Адзурро.

— Вы готовы ехать домой? — спросил он.

Подруги взобрались в карроццу. Извозчик хлестнул лошадь и присвистнул; экипаж заскрипел, с грохотом съехал с обочины и покатил к высокому мосту, к реке Фьюм, к дому.

— Как мне хотелось бы найти недостающий том Мурзино, о котором так мечтает папа, — сказала Маргарита, — или одну из книжек-загадок Карлы Дзенателло.

Подарок, который она выбрала отцу в «Libri e Libretti», лежал у нее на коленях, завернутый в яркую упаковку и перевязанный ленточкой.

— Теперь ты жалеешь, что мы не пошли с синьором Диструтторе? — спросила Франческа.

Маргарита тряхнула головой:

— Ничего подобного!

— Но ты же только что сама это сказала, — поддела ее Франческа. — Сама же сказала. Ничего, мы еще вернемся в Вилладжио Соньо. Мне бы хотелось увидеть статую великой Лукреции Спина ди Роса. Уверена, что ты со мной согласишься.

— Возможно.

Когда каррочца проехала высокий мост над рекой Фьюм и повернула к дому, девочки, оглянувшись назад, бросили прощальный взгляд на Вилладжио Соньо. Солнце скрылось за стенами и шпилями города, небо потемнело, на нем сияли звезды. На площадях и в домах мелькали огни, люди собирались за семейным столом, актеры разыгрывали на сцене комедии и трагедии. Влюбленные пары обменивались подарками, а может быть, сидя в ресторане, ели мясо, запивая его вином или элем. Один из огоньков вполне мог излучать фонарь в окне синьора Диструтторе. «В один прекрасный день, — подумала Маргарита, — я покину отчий дом и отправлюсь в жизнь своей дорогой. Возможно, в Вилладжио Соньо, а может статься — еще дальше в этот большой мир. Быть может, мне доведется побывать и в загадочном Хонсю, где у людей такой мягкий говор, красивая одежда и странные манеры».

Маргарита чувствовала, что на нее наваливается сон. Она знала, что синьор Адзурро благополучно развезет их с Франческой по домам. Уронив голову на плечо своей лучшей подруги, она задремала.

ДУГ ХОРНИГ

Игра «Колдовская смерть»

Дуг Хорниг (родился в 1943 г.) скорее известен не как писатель жанра фэнтези, а как автор серии романов о частном сыщике, ветеране войны во Вьетнаме Лорене Свифте. Первый роман, «Штрафной бросок», номинировался на премию Эдгара. Кроме этого, Хорниг написал много других произведений, в том числе стихотворения, книгу о первенстве по бейсболу 1975 года и даже песню. Однако вышеперечисленное вряд ли может подготовить вас к данному рассказу, в котором говорится о компьютерном колдовстве.

— Не хочу есть салат, — сказал Билли Сэмпсон. — Не люблю салат. К тому же у меня много дел. Может, я пойду?

Его родители просто не от мира сего. Да они не отличат ЦП[1] от «BMW». Просто бесполезно разговаривать с ними. В век электроники они казались натуральными динозаврами.

— Билли, — ответила мать, — не важно, какую чудную компьютерную программу тебе сегодня нужно написать. Если ты не получишь достаточного количества витаминов, то не сможешь изобразить даже собственное имя. А теперь — за еду.

Билли ковырялся в салате. Горстка вялых овощей. Не стоило и пытаться объяснить предкам, что если ты первый ребенок на свете, получивший новую игру, — необходимо запустить ее тут же. Вопрос престижа. Не говоря о захватывающем чувстве возбуждения от неведомого. Оставалось лишь пойти у них на поводу. Кое-как Билли удалось затолкать в рот почти весь салат, чудом не подавившись по ходу дела.

---

[1] *ЦП* — центральный процессор.

— Ну а теперь я могу идти?

— Билли, ты разве не хочешь десерта?

— Может, позже.

— Хорошо. Ты ведь постараешься лечь спать когда положено, правда?

Билли быстро отправился в свою комнату и закрыл дверь. Хоть в чем-то родители были хороши: уважали его право на личное пространство. Если дверь в комнату была закрыта, они никогда не стали бы его беспокоить, пока Билли сам не пригласит их зайти.

Персональный компьютер фирмы «IBM» бездействовал на столе, являя собой не более чем возможность. Не самый лучший компьютер на свете. Что и говорить, один из худших. Но поскольку на нем красовалась надпись «IBM», он все же был конкурентоспособен. Для этой операционной системы, как никакой другой, писалось больше всего нового. Именно этот довод Билли использовал в собственных целях и приобрел себе такой компьютер. Так же поступили некоторые его друзья из числа местных хакеров сети. Другие же предпочли на некоторое время остаться со своими компьютерами фирмы «Apple» и CP/M. Таким образом, их группа в целом покрывала всю область.

Билли осторожно достал новый диск из обложки. Диск попал к нему совершенно случайно, ясно, что ни у кого из ребят ничего подобного не было. Билли читал «Компьютерный мир», что делал еженедельно, и в этот раз бегло просмотрел раздел, посвященный занятости, что случалось крайне редко. И именно там он обнаружил крошечный вкладыш, попавший, по-видимому, в этот раздел по ошибке. Надпись на нем гласила: «ИГРА „КОЛДОВСКАЯ СМЕРТЬ“, для персонального компьютера IBM и совместимых с ним, НОВИНКА от „Одиссеи персональных компьютеров“, Гомер, Аляска 99 603, $ 59.95». Билли Сэмпсон никогда не слышал ни о Гомере на Аляске, ни тем более об «Одиссее персональных компьютеров». Что неудивительно. Не успеешь и глазом моргнуть — новые компании возникают и исчезают. Зато теперь Билли оказался один на один с совершенно свежей игрой. Она до-

роговата, но, если он наберет компанию, она будет того стоить. Днем Билли уже отослал чек.

Игра прибыла через пять дней. Странно. Сколько же дней почта идет до Аляски и обратно? Точно больше пяти дней. К диску прилагалась напечатанная в три строчки записка: «„Одиссея персональных компьютеров", наша специфика — скорое персонифицированное обслуживание, благодарим за быстрый заказ». Что бы это ни значило.

Но Билли не любил останавливаться на том, что было ему неподвластно. Пусть эта компания странная, что с того? В данной области немало странных граждан. Он установил диск в один из дисководов компьютера. Загрузил новую игру.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, МИСТЕР СЭМПСОН,— появилось на экране.— ХОТИТЕ СЫГРАТЬ В ИГРУ «КОЛДОВСКАЯ СМЕРТЬ»? ТОГДА НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД».

Ничего себе, меня назвали по имени! Вот так персонифицированное обслуживание!

Билли нажал клавишу «ввод». Открылась следующая страница:

ВЫБЕРИТЕ УРОВЕНЬ ИГРЫ.
1 УРОВЕНЬ: СЛУЧАЙНАЯ СМЕРТЬ
2 УРОВЕНЬ: МНОЖЕСТВЕННАЯ СМЕРТЬ
3 УРОВЕНЬ: МЕЖЛИЧНОСТНАЯ СМЕРТЬ
4 УРОВЕНЬ: СМЕРТЬ СОЗДАТЕЛЯ
5 УРОВЕНЬ: ПЕРСОНАЛЬНАЯ СМЕРТЬ
ВЫХОД

Здорово. В настоящей игре обязательно должны быть разные уровни. Билли принял в качестве рабочей следующую версию: первые уровни чрезвычайно просты для него. В играх Билли — дока. Он всегда начинал с более высокого уровня, чем кто бы то ни было еще. Ведь он — лучший. Посему Билли сразу нажал на пятерку. Не стоит возиться с уровнями для малышни.

НЕТ ДОСТУПА.

Вот ведь. Ну хорошо. Билли попробовал зайти на 4, затем на 3 и 2 уровни. С тем же успехом. В конце концов ему все же пришлось начинать с 1-го.

СЛУЧАЙНАЯ СМЕРТЬ. ВАШ ПРОТИВНИК:

Десятисекундная пауза, и на экране компьютера показалось имя — ДЖЕФФРИ ХАЙПОРТ. Затем следующее указание: ВЫБЕРИТЕ ТРИ ВИДА ОРУЖИЯ, за которым следовал перечень двух дюжин возможных вариантов.

Эта игра начала нравиться Билли. Никакой сопроводительной аннотации к ней не прилагалось, поэтому было абсолютно непонятно, как использовать оружие или чем вооружен противник. Отлично. Самому надо выпутываться, искать выход путем проб.

Билли выбрал «непробиваемый зонт», «действие по избеганию опасности» и «инфракрасный лазер». Одно оружие наступательное, другое оборонительное, а третье можно использовать в обеих ситуациях. Отличный выбор.

ПРОТИВНИК ПРОГЛОТИЛ ПСИХОТРОПНЫЙ ПРЕПАРАТ, ВЫЗЫВАЮЩИЙ ПРИЛИВ РЕШИТЕЛЬНОСТИ, НО ВМЕСТЕ С ТЕМ УГНЕТАЮЩИЙ ДВИГАТЕЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ. ЕГО АВТОМОБИЛЬ ПРИБЛИЖАЕТСЯ С ВЫСОКОЙ СКОРОСТЬЮ И СТОЛКНЕТСЯ С ВАМИ ЧЕРЕЗ X СЕКУНД. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

Простенькая западня, Билли, разумеется, способен на большее. Наверняка «зонтом» можно будет воспользоваться только раз, иначе он мог бы прятаться под ним сколь угодно долго, отчего игра зашла бы в тупик. Если поспешить с активацией данной защиты, то противник, скорее всего, просто обойдет ее, отчего обороноспособность Билли окажется под угрозой. Хитрость же состоит в том, чтобы активировать «зонт» именно в нужный момент, когда инерция приближающегося автомобиля приведет его к разрушению. Пока же надо просто замедлить его.

Он напечатал: «Инфракрасный лазер».

X = 30. АВТОМОБИЛЬ ПРОТИВНИКА ЧАСТИЧНО ВЫШЕЛ ИЗ СТРОЯ, СТОЛКНОВЕНИЕ ЧЕРЕЗ X СЕКУНД. ЗАПУЩЕНА ОДНА УПРАВЛЯЕМАЯ РАКЕТА. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

Ну что ж, пока все хорошо: тридцати секунд будет предостаточно, чтобы избежать «зонта». Использование лазера возымело успех, а координация противника нарушена из-за наркотика. Принимая во внимание то, что на-

чали они с примерно равными шансами, теперь пришло время захватить инициативу.

«Никаких».

X = 35. РАКЕТА НЕ ПОПАЛА В ЦЕЛЬ. САМОВОССТАНОВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА. СТОЛКНОВЕНИЕ ЧЕРЕЗ X СЕКУНД. ВАШИ ОТВЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ:

Ха, теперь-то противник попался. Наверняка свойство самовосстановления — оборонительное оружие. И у парня осталось что-то одно. Настало время обставить его и грохнуть.

«Действие по избежанию опасности».

X = 10. ВОЗГОРАНИЕ ФОРСАЖНОЙ КАМЕРЫ СГОРАНИЯ АВТОМОБИЛЯ. СТОЛКНОВЕНИЕ ЧЕРЕЗ X СЕКУНД. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

Поскольку отсчет времени уже не имел значения, Билли ответил тут же:

«Непробиваемый зонт».

X = 3. СТОЛКНОВЕНИЕ, ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО УНИЧТОЖЕНО, ПРОТИВНИК НЕЙТРАЛИЗОВАН. БИЛЛИ СЭМПСОН, ВЫ ВЫИГРАЛИ.

Экран потух. Нет возврата к начальному меню, никаких дальнейших инструкций, ничего. Билли испробовал все, что пришло ему в голову, но от компьютера все равно не удалось ничего добиться. В качестве последней меры пришлось даже выключить компьютер и начать с самого начала. Но все напрасно.

Что за чертовщина? Несправедливо. Бесспорно, игра оказалась интересной. Но не имело смысла платить за нее $ 59.95, коль скоро она заглохла на первом уровне. Когда Билли ложился в постель, в его голове уже сложилось весьма злобное письмо, адресованное «Одиссее персональных компьютеров».

На следующий день прибыл второй диск. Когда Билли вернулся из школы, диск уже оказался дома.

Итак, игра велась посредством последовательности дисков. Занятно. Вероятно, последний должен реактивировать первый, чтобы кто-то еще мог сыграть. Тогда это еще ничего.

Билли отложил новый диск. Попозже поиграет. Предвкушение — тоже своеобразное удовольствие.

После ужина его остановил отец:

— Билли, у меня к тебе серьезный разговор. Уделишь мне несколько минут?

— Конечно, папа.

Ну вот опять. Сейчас речь пойдет о том, сколько времени он проводит за дурацким компьютером, как от этого страдает учеба, и все в таком духе. Впрочем, Билли научился не особенно вслушиваться, слова отца влетали в одно ухо и вылетали в другое.

Вместе они сели в гостиной.

— Сынок, — начал отец, — через несколько месяцев ты получишь водительские права. Думаю, ты понимаешь, какая это ответственность.

— Само собой, папа. — Вот это звучало весьма обнадеживающе.

— Сынок, я не знаю, выпиваешь ли ты. Билли, ты пьешь?

— Порой выпиваю кружку пива. Ну, ты понимаешь, с друзьями.

— Спасибо за прямоту. Конечно же, я не осуждаю тебя. Я и сам время от времени не прочь выпить коктейль, ты знаешь это. Но я хочу, чтобы ты мне пообещал кое-что.

— И что же?

— Мы с мамой все обсудили. Нам бы хотелось, чтобы ты пообещал, что когда ты получишь права и после этого когда-нибудь выпьешь не одну кружку пива, то позвонишь нам. И мы приедем и отвезем тебя домой. Не важно, сколько будет времени. Просто перед тем, как сесть за руль, позвони нам. Мы лучше встанем посреди ночи, чем допустим, чтобы ты... Короче, чего-то вроде этого.

Отец протянул Билли свежую газету. На первой странице оказалась фотография на три столбца. Смятые остатки машины, которую невозможно было распознать.

— Такой молодой парень, — проговорил отец. — Всего лишь на год старше тебя. Ведь ты пообещаешь нам, сынок?

— Ну конечно, папа. Не вопрос. — Все равно ведь он никогда не напивался до такой вот степени, то есть в стельку.

— Спасибо. Мы тебе очень признательны.

Билли просмотрел статью: «Джеффри Хайпорт, 17 лет, живший в Кросете, погиб вчера вечером, потеряв контроль над автомобилем, который врезался в железобетонную опору моста на автомагистрали 64. Полиция заявила, что юноша возвращался домой с вечеринки в Шарлоттсвиле, где он выпивал, хотя это было задолго до того, как он сел за руль...»

Билли запнулся и посмотрел на имя погибшего. Глаза его расширились. Джеффри Хайпорт.

Медленно, очень медленно он опустил газету на диван. Внезапно Билли почувствовал сухость во рту. Облизал губы.

— Сынок, что с тобой? — спросил отец.

— Ох, это странная история, папа. Но не волнуйся за меня. Нет, не волнуйся.

Билли встал, пошел в свою комнату и закрыл дверь.

Нет же.

Да это просто совпадение. Конечно же. Не может быть...

Около часа Билли просидел на кровати, вертя новый диск в руках и размышляя, что же теперь делать. Конечно, то, что произошло, — лишь совпадение. Такое то и дело случается. Вот, например, идет человек на рыбалку, ловит огромного окуня, вспарывает ему брюхо и находит в нем обручальное кольцо, которое обронил в озеро лет двадцать назад. Бывает.

Нет. Только не в этом случае. Есть лишь одно объяснение. Каким-то образом Билли Сэмпсон повинен в смерти жившего неподалеку юноши, которого даже ни разу не видел. Как ни безумно это звучит, но факт остается фактом. Джеффри бесспорно мертв.

Билли подумал еще какое-то время и решил, что он не прав. Существовала и другая возможность: Джеффри на роду было написано умереть. С самого начала стало ясно, что он выпьет и его машина разобьется именно в этот

самый день. Игре оставалось только открыть где-то «окно» и явить Билли мимолетный проблеск будущего.

В этом случае никакой ответственности он не несет. Разве что стоит попытаться использовать новоприобретенные способности с добрыми намерениями.

Несмотря на все мучения, конечно же, оставалось сделать только одно. И ни один из тысячи не поступил бы по-другому. Билли загрузил компьютер и запустил новый диск.

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, МИСТЕР СЭМПСОН. ЖЕЛАЕТЕ ПРОДОЛЖИТЬ ИГРУ «КОЛДОВСКАЯ СМЕРТЬ»?

Билли нажал клавишу ввода.

Появилось уже знакомое меню. Билли решил, что теперь уже понял правила игры, но все же сперва попробовал нажать на пятый, четвертый, третий и первый уровни. Доступ был запрещен, что неудивительно. Он нажал на второй уровень.

МНОЖЕСТВЕННАЯ СМЕРТЬ. ВАШИ ПРОТИВНИКИ:

Пауза.

РОБЕРТ АРЧЕР, БЕЛИНДА АРЧЕР, САЛЛИ АРЧЕР, КУКИ АРЧЕР. ВЫБЕРИТЕ ЧЕТЫРЕ ВИДА ОРУЖИЯ.

На сей раз меню выглядело совершенно по-другому. Билли внимательно изучил его, выискивая зацепку. В первый раз он выбирал наугад и все же преуспел. По мере продвижения на более сложные уровни игра, вероятно, спуску не даст. Нужно избирать более чем тщательно, необходимо соответствующее вооружение.

Билли выбрал.

ПРОТИВНИКИ ЗАБАРРИКАДИРОВАЛИСЬ В КРЕПОСТИ, ГДЕ ГОТОВЯТ ЯДОВИТЫЙ ГАЗ. ГОТОВОМУ ГАЗУ ПРОТИВОСТОЯТЬ НЕВОЗМОЖНО. В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ 15 МИНУТ. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

На этот раз первый шаг предстояло сделать ему. Билли задумался. После десяти минут размышлений он решил, что противник ожидает диверсии с его стороны, поэтому для начала избрал свой самый сильный козырь.

«Огненная стрела».

ПРОТИВНИК НЕ СМОГ ВОВРЕМЯ ВЫСТАВИТЬ ЗАЩИТУ. КРЕПОСТЬ В ОГНЕ. АКТИВИРОВАНЫ ОГНЕТУШИТЕЛИ. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

«Лошадь».

ПРОТИВНИК ИСПОЛЬЗУЕТ АРБАЛЕТ, АТАКА БЕЗРЕЗУЛЬТАТНА. ГАЗ ВЗОРВАЛСЯ ДО ТОГО, КАК ПОЖАР УДАЛОСЬ ПОТУШИТЬ. КРЕПОСТЬ РАЗРУШЕНА. ВАШ ОТВЕТ:

Именно так и должно было случиться. Газ взорвался, сам он находился на безопасном расстоянии, на этом все и должно было закончиться. Что же не так?

Ну конечно же! Он быстро напечатал:

«Доспехи».

Предположим, сам газ не входил в число оружия и противники использовали три из возможных четырех видов оружия. Осталось только одно. Если бы кто-то не выжил, то это уже не имело значения.

КОПЬЕ ОДНОГО ИЗ АРЧЕРОВ, ОСТАВШЕГОСЯ В ЖИВЫХ, НЕЙТРАЛИЗОВАНО ДОСПЕХАМИ. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

«Топор».

ВСЕ ПРОТИВНИКИ УНИЧТОЖЕНЫ. БИЛЛИ СЭМПСОН, ВЫ ВЫИГРАЛИ.

Экран погас. На этот раз Билли даже не пытался оживить его. Он отправился в постель, но вместо сна то метался по кровати, то ворочался, и стоило ему ненадолго задремать — его мучили кошмары.

Третий диск появился в субботу. В ужасе ожидая его доставки, Билли два дня провел в постели. Он вернулся из школы домой больным в тот день, когда услышал о семье Арчер. Они жили в том же городе, в районе Белмонт. Роберт и Белинда с двумя дочерьми. Роберт работал в телефонной компании. В ту ночь, когда Билли проходил второй уровень своей игры, в доме Арчеров прорвало газопровод. Запальник плиты воспламенил скопившийся газ. Трое Арчеров заживо сгорели в доме. Четвертая, Салли, была старшей из двух сестер, и ее спальня дальше всех находилась от места взрыва. До того как пожар добрался

до нее, Салли выскочила из окна второго этажа. Приземлившись, она ударилась головой о камень. От удара череп раскололся, и Салли умерла.

В семь вечера отец Билли вошел к нему в комнату:

— Сынок, я знаю, что ты нездоров. Как думаешь, сможешь ли ты продержаться без мамы и меня пару часов? Дело в том, что будет эта дурацкая коктейльная вечеринка. У Дэвидов, на Хай-стрит. Ты же знаешь, как важно для бизнеса, чтобы мы там присутствовали. Думаешь, у тебя все будет хорошо?

— Ну конечно, папа.

— Спасибо. Очень мило с твоей стороны.

На самом деле Билли вовсе не был против того, чтобы остаться одному. Он не мог рассказать родителям, что происходит. А если бы сказал — родители тут же позвонили бы в клинику университета и записали его на прием к психиатру. Хоть Билли и заболел со страху, но он твердо знал, что третий уровень обязательно пройдет. А заняться этим лучше в одиночестве.

Надпись на экране:

ВОТ МЫ ОПЯТЬ ВСТРЕТИЛИСЬ, МИСТЕР СЭМПСОН. УВЕРЕНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО ХОТИТЕ ПРОДОЛЖИТЬ ИГРУ «КОЛДОВСКАЯ СМЕРТЬ»?

Билли колебался только мгновение, затем решительно нажал клавишу ввода. Потом — уровень 3. На этот раз не было паузы, компьютер тут же выдал:

ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНАЯ СМЕРТЬ. ВЫ ЗАЩИЩАЕТЕ МИСТЕРА И МИССИС УИЛЬЯМ СЭМПСОН. ВЫБЕРИТЕ ДВА ВИДА ОРУЖИЯ.

О боже. Вот это да. И ему предстояло сделать лишь два выбора из двадцати четырех.

Билли покрылся пóтом. Был ли он в реальном времени, тикали ли часы? Догадаться он не мог. Он изучал меню, и в его мозгу проносилась путаница быстро сменяющих друг друга дедуктивно-логических цепочек.

Наконец он понял. Все очень просто. На этот раз у него было весьма существенное преимущество. *Он знал, где находились его родители.* Учитывая это, вероятностей оказалось не так уж много. Или не так? Авария, отрав-

ленные канапе, стихийное бедствие? Нет. Он решил следовать своему умозаключению. И выбрал.

ПОДЗАЩИТНЫХ АТАКОВАЛА БАНДА УЛИЧНЫХ ХУЛИГАНОВ, ВООРУЖЕННЫХ НОЖАМИ. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

Легко. Второй раз игра вынуждала его действовать первым, но он предвидел это, так же как и саму природу угрозы. Одно оружие — это все, что ему действительно понадобится. Не раздумывая, он напечатал:

«Полицейская патрульная машина».

ПРИ ПРИБЛИЖЕНИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ МАШИНЫ УЛИЧНЫЕ БАНДИТЫ РАЗБЕЖАЛИСЬ. ПОДЗАЩИТНЫЕ НЕ ПОСТРАДАЛИ. БИЛЛИ СЭМПСОН, ВЫ ВЫИГРАЛИ.

Экран погас. Билли швырнул диск в мусорную корзину. Теперь он был здоров. Он оказался на высоте! Просто лучший.

Через полчаса пришлось вытерпеть подробный рассказ родителей о том, какой ужас им пришлось пережить. Выказывать притворный интерес и облегчение оттого, что все обошлось и они вернулись живыми и невредимыми. В эту ночь он спал как убитый.

Со следующей почтой пришел четвертый диск. Билли был готов к этому. Еще раз игра бросала ему вызов. Он поскорее съел ужин, доел даже салат и заторопился в свою комнату.

— Наш сын — компьютерный гений, — с сарказмом сказал отец маме. — У него нет времени даже на разговор с нами, отсталыми родичами.

К тому времени Билли уже изучал появившиеся на экране слова:

МИСТЕР СЭМПСОН, ХОТИТЕ ЛИ ВЫ, ЧТОБЫ Я ПРИСОЕДИНИЛСЯ К ИГРЕ «КОЛДОВСКАЯ СМЕРТЬ»?

Нажав клавишу ввода, Билли долго размышлял над меню этого уровня. Четвертый уровень назывался «Смерть создателя». Что бы это значило? Ясно, что он играет не с Богом. Значит, с создателем игры? Появившиеся слова гласили: «Хотите ли вы, чтобы *Я* присоединился...»

И что потом? Его жизни ничего не угрожало: личная смерть была на пятом уровне. Если же это была жизнь создателя, то что же будет, коль он проиграет? Конец игре?

Билли подумывал напечатать «прекращение программы». Но он не знал, что будет потом. Может ли это значить, что ему никогда не удастся сыграть в эту игру снова? А несмотря на все происшедшее, он не хотел, чтобы игра закончилась. Он нажал на четвертый уровень.

СМЕРТЬ СОЗДАТЕЛЯ. ВЫБЕРИТЕ ШЕСТЬ ВИДОВ ОРУЖИЯ.

И все. Никаких намеков на то, кто с кем сражается и зачем. Меню было такое же, как обычно, но выбор шести видов оружия означал, что возможны некоторые очень сложные последовательности действий. Билли выбирал тщательно, надеясь ввести игру в заблуждение относительно своих намерений. Когда он закончил, компьютер напечатал:

ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

Ну что ж, справедливо. Если создатель на самом деле сражается за свою жизнь, он заслуживает возможность увеличить собственные шансы. Посему он делает первый шаг, но при этом требует, чтобы Билли начал действовать до того, как узнает, что́ это был за шаг.

Билли рассуждал так: когда он делал первые шаги на двух предыдущих уровнях, то использовал свои самые сильные возможности. Следовательно, игра рассудит, что он будет использовать ту же тактику в третий раз. Примерно так: он понял логику и прибережет самые мощные виды оружия напоследок. И в конце концов, на этом уровне сложности необходимо предположить, что Билли еще раз запутает след и закончит там, где начал, все же пройдя немалый путь. Таким образом, сейчас следует активировать важнейшую защиту. Поэтому Билли использовал самое маломощное оружие.

«Воздушная атака».

САМОЛЕТ ПОРАЖЕН РАКЕТОЙ С ТЕПЛОВОЙ СИСТЕМОЙ САМОНАВЕДЕНИЯ. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

Он ошибся. Игра явно не ожидала его первого шага, используя ни больше ни меньше как ответ на удар. Теперь

она будет атаковать, думая, что Билли не ожидает столь логического хода.

«Мины».

ШТУРМОВЫЕ ТАНКИ ПОДОРВАЛИСЬ НА МИННОМ ПОЛЕ. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

Они шли голова в голову. И теперь настал момент, Билли чувствовал это. Внезапно он понял это абсолютно точно. Он *знал*, что игра собирается предпринять какой-то вспомогательный ход. В любом случае пора было сделать решительный шаг. Он отказался от «несокрушимого экрана» и напечатал: «10-мегатонное термоядерное устройство».

РАССЕЯНИЕ ЭЛЕКТРОМАГНИТНОГО ИЗЛУЧЕНИЯ ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ. ШТАБ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗРУШЕН. БИЛЛИ СЭМПСОН, ВЫ ВЫИГРАЛИ. СПАСИБО, ЧТО ВЫБРАЛИ НАШУ ИГРУ. ДО СВИДАНИЯ И ЖЕЛАЕМ УДАЧИ.

И опять экран потух.

Все-таки он сделал это.

На передовице утренней газеты оказалась статья. Землетрясение на полуострове Кенай в штате Аляска. Жуткое землетрясение. Особенно сильный удар обрушился на город Гомер, который почти полностью разрушен. Даже не говорилось, сколько человек погибло, каковы масштабы ущерба.

Билли был ошеломлен. Он точно знал одну из жертв катастрофы. Создатель играл наверняка.

И тем более странным оказалось прибытие пятого диска вместе с утренней почтой. Этого Билли никак не ожидал. Он думал, что, коль скоро создатель проиграл на четвертом уровне, следующего, последнего уровня никогда не будет.

Билли смотрел на меню пятого уровня, которое открылось без всякого вступления. Или пятый уровень, или прекращение программы. Никаких других возможностей.

«Персональная смерть». Что это может быть? Его смерть? Или смерть каких-то неведомых людей? Как пройдет сражение? Если он победит, будет ли награда?

Должна быть. Ставки слишком высоки, поэтому иначе нельзя. Что может быть равноценно его жизни? Постоянный дар грядущих игр? Сообщение на экране лишь позволяло строить предположения.

Палец завис над клавиатурой. Жизнь или смерть? Жизнь *и* смерть? И все же упал на 5.

На экране появилось следующее:

НЕИЗЛЕЧИМАЯ ЧУМА УГРОЖАЕТ ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ, ЛЕЧЕНИЯ ОТ БОЛЕЗНИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Надпись исчезла.

«А» ИЛИ «Б» НЕЙТРАЛИЗУЕТ УГРОЗУ ЧУМЫ И УСПЕШНО ЗАВЕРШИТ ИГРУ.

Слова пропали.

ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ ИГРУ, НАЖМИТЕ «А» ИЛИ «Б». ВАШИ ДЕЙСТВИЯ:

Пятидесятипроцентная вероятность. И никаких ключей к разгадке.

Билли Сэмпсон пронзительно закричал. Он кричал и кричал и никак не мог остановиться. Взгляд его был прикован к экрану, и он все кричал.

Отец Билли ворвался в комнату, схватил его за плечи, встряхнул:

— Сынок, что с тобой? Да *что* с тобой?!

Вопль не умолкал.

Отец бросил взгляд на экран компьютера.

— Ради всего святого! — вскрикнул он и нажал «А».

В гавани Каренаж, что в городе Сент-Джорджес, в Гренаде, островном государстве, оккупированном иностранной державой, забился в конвульсиях первый ребенок, девочка семи лет.

ТОМ ХОЛТ

Личинка

За последние десять лет в своих антологиях я написал уже столько предисловий к новым рассказам Тома Холта (родился в 1961 г.), писателя проверенного и надежного, что даже не могу придумать, что бы такого нового сказать. Впрочем, автор более 30 книг, начиная с «Лючии на войне» (1985) и заканчивая «Вашими снами», вряд ли нуждается в каких-либо предисловиях.

В порт я опаздываю на полчаса. Не понимаю, как на портовой стоянке вообще кто-либо может следить за временем, ведь здесь нет часов. По правде говоря, их нет во всем Ап'Эскатое, кроме разве что часов на башне — старой развалины с одной стрелкой, — а они встали лет эдак двадцать семь назад и с тех пор так и не шли. Однако то, как на меня смотрят, не хуже часов показывает, что я опоздал и что этот мой проступок замечен.

— Вы опоздали, — констатирует босс.

Он маленького роста, худощавый старик, у него из ушей растут волосы, и я ему не нравлюсь. Он нанял меня, потому что я годился для работы и дешево стоил, а у него в контракте с торговцами сельдью, в соответствии с уставом Гильдии, пункт 344/7с, говорится, что любая партия перед отправкой должна высматриваться квалифицированным магом на предмет скрытой порчи и сверхъестественной инвазии.

Да благословят небеса пункт 344/7с, потому что без него по городу слонялась бы целая толпа голодных маговоборванцев. Вот говорят, что уставы и бюрократическая волокита убивают нашу торговлю, а по-моему, они являются вершиной достижений цивилизации. Устав Гильдии создает рабочие места для тех, кто иначе остался бы без работы, то есть для таких, как я.

Босс меня не любит, но я не могу винить его за это. Он трезвомыслящий, расчетливый бизнесмен, и когда речь идет о сокращении издержек, то он мастер своего дела. От одного моего вида — вида издержки, которую сократить не получилось, — у него начинают чесаться руки. Он бы давным-давно меня уволил, но знает, что за такие деньги никто у него работать не будет.

— Извините. — Я усердно рассматриваю свои ботинки. Меня учили выигрывать в гляделки у василисков и мантикор, однако я не могу смотреть в глаза боссу. — Пробки. Лобовое столкновение двух подвод на Сыромятной. Пришлось идти в обход через рыбный рынок.

Кстати, это чистая правда. Мои отговорки всегда правдивы, и он это знает. Но отговорки — товар, которым он не интересуется.

— Ладно уж, дошли, — говорит он. — Пятнадцатый склад, спросите бригадира. Груз должен быть на борту «Единорога» к утреннему приливу, так что пошевеливайтесь.

Я киваю и сматываюсь. Пятнадцатый склад находится в самом конце седьмого причала. Я прекрасно его знаю: там темно, воняет рыбой, гнилыми овощами и сырым джутом. День сегодня будет длинный.

Похоже, что бригадир у грузчиков новый, раньше я этого типа не встречал. Неудивительно, ведь босс по какой-то причине долго их не держит. Этот экземпляр такой же, как и остальные: амбал-отморозок с блестящей лысиной и пучками желтых волос над ушами. В лучшем случае протянет тут месяца три.

— Ты, что ли, маг-то? — приветствует он меня. — Опаздываешь.

— Ну уж извини, — отвечаю.

Когда глаза привыкают к темноте, я различаю почерневшие дубовые бочки, выстроенные штабелями по пять вдоль и по четыре поперек, — и их тысячи! Груз разделен на четыре блока с тремя узкими проходами. Моя задача в том, чтобы проверить эти бочки, одну за другой, на предмет скрытой порчи и неспецифического зла.

— Который груз наш?

Он ухмыляется так, как умеют только бригадиры грузчиков:

— Весь.

— Чего?! — (Бригадир так и сияет: до чужой боли он явный гурман.) — Но здесь же тысячи...

— Ну и начинай по-быстрому, — говорит он, и тут не поспоришь.

Я испускаю вздох и медленно и неуклюже вылезаю из плаща. Этот упырь все еще лыбится. Ну и пожалуйста. Через три месяца его здесь не будет, а я-то останусь благодаря моему ангелу-хранителю, пункту 344/7с.

Суть нашего ремесла заключается в способности видеть. Представьте, что вы — это не вы, — так еще в первый учебный день сказали нам в семинарии. Представьте, что всю жизнь вы были слепы, но внезапно научились видеть. Представьте, что живете в пресловутой стране слепых, где зрение является понятием столь умозрительным, что большинство людей не верит в само его существование. Представьте также, что вы принадлежите к людям — таких в год появляется всего пара десятков на два миллиона населения, — просыпающимся в одно прекрасное весеннее утро в мире, набитом такими чудесами и ужасами, о которых всего несколько часов назад они и помыслить не могли. Это дар, принадлежащий лишь немногим. Только нам, везунчикам.

Так вот, вы поступаете в семинарию, прямо как я, и сидите у ног существ, внешне похожих на обычных мужчин и женщин, но обладающих познаниями и силой, полностью переопределяющими их суть. В течение нескольких первых семестров вы смотрите на них и думаете: «Однажды и я стану таким же»; вы выполняете задания, читаете книги из списка, посещаете занятия — и приходите к пониманию двух вещей. Номер один: единственным достойным занятием и единственной стезей, которая способна наделить смыслом трагикомедию, называемую жизнью, являются магические исследования. Стать стипендиатом семинарии — это словно родиться на дне морском, но подняться на горную вершину. Стипендиаты — люди, которые разрубают оковы человеческого разума, ко-

торым наградой служат добытые знания и которым приходится постоянно оборонять бастионы, в то время как зло яростно атакует. И номер два, по крайней мере в моем случае: у вас просто нет необходимых качеств, для того чтобы стать одним из них. Учитесь хоть до конца своей жизни, заучите наизусть хоть все книги и хоть тысячу раз прослушайте объяснения, но через эту планку вам не перепрыгнуть: слишком уж высоко. Ну не рождены вы для магической науки, ничего не поделать.

Те из нас, кто заканчивает семинарию, но кого не берут учиться дальше, всегда могут податься в коммерцию. В общем, справедливо. Это, конечно, не алхимия и не борьба со злом, но все-таки полезная и честная работа, и кому-то все равно пришлось бы ее делать. Вы можете высматривать полезные ископаемые для добывающего синдиката, или накладывать чары прочности на мосты и башни, чтобы те не разваливались, или выращивать саламандр в каком-нибудь крупном питомнике. Вы можете знахарствовать (это работа, которая никогда не перестанет внушать людям уважение), а можете вступить в арбитражный корпус, чтобы зарабатывать на жизнь чтением мыслей судящихся сторон. Вы даже можете, не приведи бог, стать учителем.

А можете приземлиться в торговом порту, как я, пялясь в бочонки по двенадцать часов на дню согласно пункту 344/7с. Чтобы найти именно такую работу, вы должны оказаться неудачником абсолютно во всем остальном. Это, конечно, невероятно сложно, но все-таки реально. Взять меня, например. Мне это удалось.

Высматривать — это первое, чему вас учат в семинарии. В принципе это означает всего лишь умение пристально смотреть на что-либо. Сначала вы видите сам объект. На первой ступени, в первый день первого семестра, вам дают два яйца. Вы начинаете на них смотреть и в конечном итоге, если вы не полный бездарь, сквозь скорлупу видите белок и желток и можете сказать, которое яйцо свежее, а которое протухло. Высматривать можно яйца, и дома́, и горные склоны, в которых могут быть или не быть пласты ценных руд, и даже людей. При на-

личии способностей сквозь любое количество слоев вы сможете разглядеть сущность вещи. И уж конечно, вам не составит труда проделать это с бочонками маринованных селедок. В плане сложности работа ерундовая, интеллектуальных затрат требуется минимум, и результаты интерпретируются однозначно. Однако чертовски трудно в другом плане: через некоторое время у вас начинает болеть и кружиться голова и вы даже можете отключиться. Это, в общем, и объясняет, почему квалифицированные маги, если им предоставляется выбор, предпочитают зарабатывать иными способами.

То, что предпочитают квалифицированные маги, преподается на второй ступени учебной программы: устранение обнаруженной проблемы. Сюда может относиться превращение одного объекта в другой, перемещение объектов одной лишь силой мысли или изменение взаимодействия конфликтующих сил для достижения требуемого результата. Однако я никогда не проявлял особых способностей к какому-либо из этих предметов. Я, конечно, кое-как все это делал и даже продрался сквозь выпускные экзамены, но почти все другие ученики нашего курса успевали гораздо лучше меня. Поэтому я и нахожусь сейчас на пятнадцатом складе в компании селедок.

Объясню некоторые профессиональные термины. Скрытая порча — это когда испортилось содержимое бочонка, например селедка. Естественно, что покупатель не хочет, сняв крышку, задохнуться от вони тухлятины, а в селедочном бизнесе скрытая порча совсем не редкость. Сверхъестественная инвазия, также известная как неспецифическое зло,— это, ко всеобщей великой радости, гораздо более редкий феномен. В наше время на полуострове Армат мы сталкиваемся с ним где-то один раз в пятнадцать лет. Тем не менее замечательный пункт 344/7с предписывает проверять на этот предмет все экспортируемые грузы, поскольку даже один случай за пятнадцать лет — это так же скверно, как если бы раз в пятнадцать лет происходило катастрофической силы землетрясение, сопровождающееся извержением вулкана и тройной силы цунами. В том и в другом случае цивилизация оказалась бы стертой с лица земли.

Сверхъестественная инвазия — это когда один из Них едет зайцем в каком-нибудь на вид безобидном контейнере. А Они умны (приходится, когда у вас на хвосте постоянно сидят все эти заумные очкарики-исследователи), Они хитры, и еще у Них здорово получается делать свое дело.

Приведу один пример. Как-то в детстве родители повезли меня в гости к тете и дяде, проживавшим на острове Спафа. На пути туда паром огибает мыс Удачи, и это долгая и нудная дорога, поскольку смотреть на мысе не на что, кроме голых черных скал и каких-то развалин. Но сорок лет назад Ап'Ишун, на мысе Удачи, был вдвое больше Ап'Эскатоя, до того как один из Них не проник в город, спрятавшись в ящике с гвоздями, и не нашел достаточное количество корма для того, чтобы окуклиться и вылупиться. Практически сразу после уничтожения Ап'Ишуна Гильдия добавила к уставу пункт 344/7с, и давно было пора.

Итак, я на месте. Бригадир ушел поорать на рабочих. У меня есть лампа — хотя не то чтобы она мне очень нужна — и штабеля из бочонков, в которые приходится пялиться. Это моя жизнь. Мне тридцать два года, я живу в комнатушке в задней части дома, расположенного в задрипанном квартале и принадлежащего колесному мастеру, питаюсь в столовой для скотозагонщиков под арками акведука, и к концу месяца у меня остается достаточно денег, чтобы заплатить за не очень дешевое красное вино и нажраться до беспамятства. Я учился четыре года, чтобы достичь всего этого. Я — маг.

Сложно описать чувство, которое возникает, когда высматриваешь дубовый бочонок. Сначала как будто пробиваешь кулаком ледяную стенку или будто достаешь что-то из зарослей ежевики, а когда уже проникнешь взглядом внутрь, то словно поднимаешь одной рукой здоровенный мешок с зерном и на вытянутой руке удерживаешь его целую минуту. К этим ощущениям можно привыкнуть. Хотя нет, бесстыдное вранье. Привыкнуть нельзя, хотя можно через некоторое время понять, как не концентрироваться на этом занятии. Самое лучшее — думать о приятном:

о еде, сексе, хорошей музыке, собачьих бегах... Я в основном размышляю о бытии профессиональных магов, о превращениях элементов и борьбе со злом. Воистину я жалок.

Сегодня, пока разглядываю миллиарды селедок, я пытаюсь решить девятый парадокс Эцеля. Это пока еще никому не удалось, кроме разве что самого Эцеля, да только вот он умер, не успев обнародовать доказательство. Хотя, возможно, его вдова нашла доказательство, когда рылась в каком-нибудь старом сундуке, отломила край пергамента, где он написал: «Не работаст, к чертям собачьим», — и затем вручила пергамент ученым мужам семинарии. Девятый Эцеля — это стальная роза, прорастающая сквозь трещину в леднике, в то время как с небес идет кровавый дождь. Без сомнения, головоломка хороша, и, если вы думаете, что это белиберда, вам стоило бы взглянуть на восьмой парадокс Эцеля. А за восьмой, кстати, Эцель получил премию.

Я углубляюсь в раздумья о стальной розе. У меня есть приятель-кузнец, и от него я узнал, что один из экзаменов, которые они сдают перед тем, как их выпустят в мир молотить по подковам, — это изготовить стальную розу с тонкими завитками стальных лепестков, прикованными к стальному прутику стебля... и не могу так сразу вспомнить, как они делают шипы. Друг показывал мне розу, сделанную им самим: очень изящная вещица и чертовски сложная работа, потому что, когда разные части приковывают друг к другу, температура должна быть, что называется, в самый раз, а иначе изделие расплавится и превратится в уродливый, бесформенный ком. Так вот, спрашиваю я себя, может ли это быть ключом к разгадке пресловутой задачки Эцеля? Если бы речь шла о морковке из стали или там о шпорнике из меди, то да, здесь появилась бы двусмысленность, но стальная роза вряд ли простое совпадение. Значит, если стальная роза — это разделительная линия между стремлением к мастерству и самим мастерством (давайте назовем это мудростью, полемики ради), то что означает ледник и какого ляда с небес идет кровавый дождь? Хотя если принять за икс тот момент, когда лепестки сплавляются в единое целое, то...

Стоп. Я что-то высмотрел. Вот невезуха, ведь бочонок, в котором я что-то засек, находится в третьем ряду, если считать снизу вверх, и во втором ряду, если считать вглубь. Я должен с помощью красного мела помечать порченые бочонки большим крестом, и меня совершенно не радует перспектива влезать на штабель и тянуться к бочонку, чтобы сделать отметину.

Я возвращаюсь и снова смотрю. Никак не могу точно определить, что же я видел. Нечто. Наглядевшись на такое количество сельди, на которое насмотрелся я, вы безошибочно сможете сказать, мол, с бочонком что-то неладно, даже если сразу не поймете, в чем именно проблема. Вроде не похоже ни на какую из форм скрытой порчи. Это не склизкая черная гниль, и не пушистая серая плесень, и не прогоркшее масло, и не дохлая крыса в рассоле или что-нибудь в таком духе. Но что-то все-таки есть. Надо сделать паузу, собраться с мыслями и попытаться подумать — в первый раз за уже не помню сколько времени. В бочонке с сельдью можно обнаружить целую уйму всякой всячины, которая не попадает под действие пункта 344/7с. Например, уплотнительное сияние — это если маг (какой-нибудь жалкий изгой вроде меня), накладывавший заклинание печати, чтобы содержимое бочонка сохранялось свежим, оказался чуток неуклюжим и не рассчитал силу. Сияние не причиняет никакого вреда, только верхний дюйм рассола слегка светится, а иногда в нем плавают искрящиеся частички. Номер 344/7с не касается уплотняющего сияния, и речь не о нем. Еще есть попутчики — маленькие безобидные сверхъестественные существа, например водные или песчаные духи, которые путешествуют, прячась в бочонках. Присутствие попутчиков — это не так уж и плохо, оно имеет благоприятный консервирующий эффект, а некоторые полагают, что оно даже придает сельди легкий копченый привкус. Есть еще заклинания для увеличения веса и наговоры для увеличения объема, создающие иллюзию того, что бочонок целиком наполнен; и те и другие нарушают этику и закон, но в пункт 344/7с их не вписали, и они меня не интересуют.

Итак, методом исключения я вычеркнул скрытую порчу, а сверхъестественная инвазия невероятно редка, и мне не верится, что это может быть она. Человек разумный, которого ждут еще несколько тысяч непроверенных бочонков, сказал бы: «Да пошло оно все» — и продолжил бы работу. Но разумный человек не грезит о борьбе со злом, и, вероятно, ему никогда не приходилось огибать на пароме мыс Удачи. Поэтому я возвращаюсь и снова смотрю.

Ничего из вышеперечисленного. Нет ни сияния, ни светящегося синего пара в рассоле, ни аномальных отклонений в весе или объеме. В общем, если я примусь перечислять все, чем оно могло бы быть, то проторчу на складе всю ночь. Лучше попробовать выяснить, не является ли оно той единственной опасностью, которую я должен обнаружить, и если нет, то двигаться дальше, к следующему бочонку. Сложность в том, что обнаружение неспецифического зла едва ли точная наука. У него нет никаких характерных симптомов, или индивидуальных особенностей, или... Оно вторгается в мою голову как удар молотком. Раньше я никогда не встречал ничего подобного, но узнаю его сразу. Оно хочет быть замеченным. Прячутся оба, и жертва и хищник, но только про хищника говорят, что он сидит в засаде.

Довольно долго оно держит меня, будто в тисках. Единственное, в чем на Их счет соглашаются ученые авторитеты: когда вы Их видите, Они завораживают. Вы ощущаете вовсе не ужас, страх, отвращение или злость. Первая неконтролируемо сильная реакция — изумление: я никогда прежде не видел ничего подобного. Даже форма этой штуковины не похожа ни на какую другую, известную нам; цвет особенный и удивительный; оно слегка жужжит и потрескивает, излучая какую-то поразительную энергию; зрелище невероятно красивое. Ничего нет на свете более прекрасного на вид, чем Они. Вы четко понимаете, с чем столкнулись, но почему-то все, что вы о Них знаете, перестает иметь значение. В книгах пишут, что некоторые люди по неосторожности поклонялись Им, как богам, — хотя в принципе не очень долго.

Вот что говорят ученые, и они правы. Это существо высшего порядка; оно удивительно и красиво; оно совершенно, невероятно сложно и одновременно просто. Все, что мне хочется делать, — это стоять и дивиться на него и на то, что такие существа вообще появляются в нашем маленьком пошлом мире. Оно настолько другое, что, как только вы его увидели, вы будто... — ну вот опять я подбираю слова, как первоклассник, — будто вы до этого были слепы и внезапно прозрели. Просто находясь рядом с ним, я мог бы наконец понять все то, что было неподвластно пониманию раньше. Я постоянно спрашиваю: «Почему?» — и вот он ответ. Прямо передо мной.

Конечно же, обо всем этом нас предостерегают: мол, не позволяйте себе попасть под его чары. Примерно с тем же успехом можно кричать бедолаге, только что навернувшемуся с обрыва, чтобы он немедленно прекратил падать, а то останется без обеда. Сначала надо «не позволить себе», а потом воззвать к внутреннему резерву восприятия и сознания, для того чтобы суметь отвергнуть чары и противостоять его черным намерениям. Все бы хорошо, только вот никаких внутренних резервов у меня нет. Если бы они были, я не торчал бы сейчас на складе, а искал бы золото в истоке Бика и имел пятнадцать тысяч дохода в год. Я совершенно не способен действовать в такой ситуации... Напротив, эта мысль как раз и дает мне стимул к действию. Я должен оторваться от созерцания, так как осознаю, что не способен — нет, давайте уж начистоту, — я недостоин стоять перед этим существом в его великолепном многообразии. Мне неловко навязывать ему свое присутствие. Смотрите-ка, оно мне улыбается и зовет, но мне известно, кто я таков, и я понимаю, что оно зовет меня просто из вежливости. На самом деле оно хочет, чтобы я сбегал за кем-нибудь из взрослых.

Я начинаю пятиться шаг за шагом, пока не натыкаюсь спиной на стену из бочонков по другую сторону прохода. Ощутив шеей и плечами твердый дуб, я словно вырываюсь из радиуса действия его лучей. Роняю лампу (а вдруг пожар? — да плевать я хотел!) и убегаю.

Снаружи мне в лицо ударяет поток свежего воздуха, и ноги словно тают. Я прислоняюсь к косяку и стекаю на землю, как капля дождя по стеклу. И думаю.

Нужно соблюсти процедуру. Слава богу, есть процедура. При обнаружении инвазии надо немедленно связаться с управлением наместника. Прекрасно, так и поступим. Уж это-то я сумею, и долг мой будет выполнен. Моя совесть будет чиста.

Связаться с офисом наместника — проще некуда. Всего-то нужно, чтобы под рукой оказался надлежащим образом настроенный видящий камень, а пункт 344/7с — трижды благословенный и распрекрасный пункт 344/7с — предписывает, что любое здание, используемое для постоянного или временного хранения грузов, должно быть оснащено должным образом настроенным и регулярно проверяемым видящим камнем, находящимся на удалении не более ста ярдов от главных ворот. Боссу пришлось заплатить за такой камень из собственного кармана (могли бы дать дотацию или там субсидию — вся эта бюрократия только бесстыдно сосет кровь у экономики!), и раз в месяц я подхожу к нему, благоговейно протираю своим потрепанным рукавом и перекидываюсь парой слов с работающей на другом конце города вежливой дамой средних лет, чье лицо на минуту появляется на гладкой мутно-коричневой поверхности камня. Я спрашиваю ее, слышит ли она меня; она отвечает, что да, прекрасно слышит; я сообщаю ей регистрационный номер камня; она ставит галочку в учетном списке, на чем и заканчивается месячная норма моего общения с правящей элитой. Итак, камень наличествует, я знаю, что он в рабочем состоянии, и умею им пользоваться, а это означает, что в контексте всего происшедшего завтрашний день все-таки наступит, все мы останемся живы и сможем его встретить.

Я мчусь к камню. По пути влетаю в босса, он вцепляется в меня и рычит:

— Куда?!

«Только не сейчас, — бормочу я про себя, — ну пожалуйста, только не сейчас».

— Чрезвычайная ситуация, — объясняю. — Мне срочно нужно к камню.

— Срочно к... чему?

О боже, он, кажется, подумал, что мне приспичило в туалет.

— Да к видящему камню! Нужно срочно связаться с управлением наместника. Чрезвычайная ситуация.

Смысл моих слов с трудом проникает в его мозг, надежно защищенный чугунным черепом.

— Погодите, — говорит он, усиливая хватку. — Что за чертовщина происходит? Что не так с моим грузом?

Я мог бы поболтать с ним и все объяснить, но в постановлении написано «действовать немедленно», и «дело чрезвычайной важности», и «любым возможным способом», так что — уж извините — я собираюсь этим воспользоваться.

— Пожалуйста, пустите, — предупреждаю я. — Я очень спешу.

— Нет, сначала вы расскажете, что за...

Я стараюсь, чтобы вышло несильно, так, легкий толчок с применением внутренней силы. Правда, с модуляцией силы у меня паршиво с третьего курса и по сей день: вечно получается или перебор, или недобор. Сейчас перебор. Нехилый, кстати, перебор: босса аж приподняло и отшвырнуло, как будто его лягнул здоровенный жеребец. Он врезался в забор, который от такого удара разнесло в щепки (забор давно уже сгнил, но старый скупердяй жалел денег на починку). Сам он с глухим стуком приземлился среди обломков, распластавшись бесформенной массой. Зрелище сие явилось моей наградой за верное следование букве устава.

Я мчусь к камню. Вот и он, покрытый старой грязной попоной для защиты от опавших листьев и птичьего дерьма. Шнурок, которым обвязана попона, заплесневел, а узел туго затянут. Я ломаю ногти, пытаясь его развязать, потом достаю нож и режу. Все-таки когда вы выполняете задачу чрезвычайной важности, порча имущества должна будет сойти вам с рук.

— Управление наместника на связи.

Сегодня это совсем не вежливая дама средних лет. Сегодня это мужчина за пятьдесят, со впалыми щеками и густыми седыми бровями. Я беру себя в руки.

— Мне нужно уведомить об инвазии, — сообщаю я. — Я нахожусь в северном доке, а личинка в бочонке на складе пятнадцать, причал семь. Бочонок номер шестнадцать во втором проходе, если считать от входной двери, три ряда вверх и два внутрь. Я не могу вам это точно описать — не могу, и все.

Вот так, я свое дело сделал. Теперь их очередь, хотя на самом деле город спас я. Пусть они приезжают и разбираются с существом в бочонке, на то они и профессионалы, им как раз за это платят. Я и так сделал даже больше, чем...

— Какой, по вашему мнению, уровень?

В течение минуты я не понимаю, о чем он. Потом до меня доходит. Разрушительная сила этих жутких тварей классифицируется по уровням с первого по двенадцатый. Насколько я понимаю, тот, который сровнял с землей Ап'Ишун, был третьего уровня.

— Не имею понятия. Сами определите, когда увидите.

Он смотрит на меня.

— У нас проблема, — говорит он.

Ужас. Я впервые по-настоящему чувствую ужас — я читал про него в книгах и сразу понимаю, что чувствую именно его. Не просто страх, ощущение которого хорошо мне известно. Страх вонзает свои ледяные пальцы в ваши внутренности, и вы не можете себя контролировать. Но ужас промораживает вас насквозь, и вы вообще перестаете чувствовать.

— Проблема? — переспрашиваю.

Он продолжает смотреть на меня сквозь мутную гладь камня.

— Насколько оно развито? У него уже появились зачаточные крылья?

— Да не знаю я, я вам не ученый! — ору я. — Извините, — добавляю, опомнившись. Все-таки он работает в управлении наместника, а бояться двух разных вещей одновременно вполне возможно. — Я не знаю. Я не заметил никаких крыльев, но...

— На крылья попачалу не очень похоже, в общем-то, — перебивает он. — Скорее маленькие такие лиловые набухания между седьмым и восьмым спинными позвонками.

— Извините, — оправдываюсь я, — не разглядел.

Он хмурится. Эта складка между бровей говорит мне о том, что я вроде и не виноват, но все-таки являюсь частью проблемы.

— А как насчет носовых перепонок? Они уже начали искриться?

— Не знаю. Послушайте, а в чем проблема?

На мгновение он прикрывает глаза, потом открывает их и снова смотрит на меня из глубины камня. Мой ужас усиливается.

— Ваш сигнал не единственный на сегодняшний день, — говорит он. — У нас их уже семь...

— Сколько? Семь?!

— Беспрецедентный случай, — кивает он. — Откровенно говоря, мы вообще не понимаем, что происходит. А проблема в том, что я не могу никого к вам послать, потому что все уже на вызовах. Я тут один сижу.

Совсем дело плохо.

— А вы можете прийти? — спрашиваю.

— Я?! — Кажется, он сейчас расхохочется. — Вот была бы подмога! Я же не специалист, я просто секретарь. Я не приду. Вот вы — маг, вам и карты в руки. — Он вдруг начинает сомневаться: — Вы же маг, не так ли? Дипломированный, все чин по чину?

— Да, но...

— Ну тогда все в порядке. Доложите, как только стабилизируете ситуацию. Я вышлю к вам людей, если хоть кто-нибудь освободится, но не могу точно сказать, когда это произойдет.

— Секундочку!!! — пытаюсь возразить я. — У меня есть диплом, но я на нашем курсе был самым слабым, такие вещи мне не под силу! Я делаю коммерческую работу, высматриваю грузы на нарушение пункта триста сорок четыре дробь семь це!

— Но вы же учились.

— Да, но послушайте...

— Значит, вы сдавали демонологию и борьбу с вредоносными существами?

— Да, но я еле сдал! У меня сорок семь баллов из ста за демонологию, и то потому, что на экзамене вытянул

как раз апострофические импульсы, о которых перечитывал накануне вечером! — Я чувствовал, что зарапортовался, но остановиться не мог. Я должен был заставить его понять.

- Но вы же все-таки сдали. И получили диплом. Вы должны знать, что делать.

— Послушайте, я, может быть, знал это десять лет назад. С тех пор я вообще не заглядывал в гримуар! Я просто не сумею справиться с этим существом, и произойдет катастрофа...

Он пожимает плечами:

— Вы или никто. И не надо на меня орать, я совершенно ничего не могу для вас сделать. Я бы сделал, если бы мог. И не думайте, что я рад вверить вам защиту города. У нас просто выбора нет — ни у меня, ни у вас, — поэтому идите и разбирайтесь, пока еще не поздно! Если дотянете до того, что оно сбросит оболочку со вторичных крыльев, можете распрощаться с цивилизацией в нашем понимании.

Мне ли не знать. В результате через несколько минут я снова оказываюсь на пятнадцатом складе и стою перед тем, перед кем я, если по-хорошему, стоять не должен; стою один как перст, не имея ни малейшего представления о том, что делать, не имея каких-либо средств в запасе. Он по-прежнему там, где я его оставил. А я-то надеялся по возвращении обнаружить, что никакой личинки и следа нет, — просто, мол, воображение разыгралось.

Возвращаясь по причалу, я сочинял диалог с этим секретарем из управления наместника, прорабатывая эпизод, где он обзывает меня тупым недоумком, позорящим ряды Братства, вычеркивает меня из списков и запрещает вообще когда-либо практиковать магию. Я бы даже не возражал. Однако вопреки моему желанию я все еще в магах и являюсь единственным представителем нашей профессии в этой битве тысячелетия.

Ужас.

— Привет, — говорю я.

Пока я бегал докладывать, Он подрос. Не уверен, каким образом я это определяю, потому что Они не так, как

мы, занимают осязаемое пространство. Это одно из проявлений того, что Они не принадлежат нашему миру; Они пытаются проникнуть сюда именно потому, что здесь для Них все гораздо легче и проще. Похоже на то, как в детстве все мы играли в пиратов и морских пехотинцев. Когда мы понимали, что проигрываем, то меняли правила.

«Меня нельзя убить,— говорили вы, получив от своего дружка честный тычок деревянным мечом.— На мне непробиваемые доспехи».

«А у меня волшебный меч»,— отвечал ваш противник, и так оно и шло по нарастающей, пока вы не превращались в двух богов, обрушивающих друг на друга молнии. Вы сочиняли по ходу игры и могли стать кем угодно.

Так поступают и Они, попадая в наш мир. Им-то хорошо, а вот нам не позавидуешь, если Они принимаются играть с нами в игры.

— И тебе привет,— говорит Он, зевая. Его голос звучит у меня в голове.— Я тебя не знаю, ты кто такой?

Я боюсь ему говорить, мне стыдно того, что я так жалок и глуп.

— Я... я тот, кто боится с Тобой говорить, вот кто я такой.

Очень многое мне просто запрещено Ему говорить. Нельзя сообщать имя, а иначе Он сможет вселиться в меня, завладеть моим телом и управлять им. Нельзя лгать, а иначе Он получит доступ к моим мыслям. Нельзя говорить, что я маг, иначе Он тут же включит защиту на максимум, а я если и могу на что-то рассчитывать, то лишь на внезапную атаку. Все, что я Ему расскажу, обернется против меня самого — и, кстати, нельзя отказываться отвечать, а иначе Он сможет ответить за меня и Его слова сбудутся. Может быть, именно поэтому он задал свой вопрос?

— Я что-то не расслышал. Так кто ты у нас?

— Я в порядке, спасибо,— отвечаю я, и язык двигается как-то сам собой, словно дергается от судороги мертвая конечность.— А ты как?

— Я прекрасно, спасибо. Только ты не ответил на вопрос. Я спрашивал кто, а не как.

Я знал, что трюк не прокатит.

— Я смертный человек.

— Это я и сам вижу. Ты маг?

Врать нельзя. Но разве сам главный наставник однажды не сказал мне, что мага из меня не выйдет?

— Ну ты и спросил. Разве я похож на мага?

Он смеется; и мне он вдруг представляется в виде огромного, могучего дракона. Крылья у него едва начинают формироваться, но великолепная чешуйчатая броня сверкает, как пламя, отраженное морской гладью, и каждая отдельная чешуйка подобна зеркалу. Я знаю, что происходит; десять лет от звонка до звонка я только тем и занимался, что запихивал знания в мою и так до отказа набитую память, очень напоминая человека, который путешествует с крошечным чемоданом и, собираясь в дорогу, каждый раз садится на крышку, чтобы его захлопнуть. Я вспоминаю, как зубрю в ночь перед экзаменом: «Первое испытание — отражением, — бубнит нерадивый школяр. — Он попытается подчинить меня, показав мне самого себя в момент, когда я действительно являюсь самим собой».

Даже интересно. Значит, вот кто я таков и кем был всегда: растерявшийся студент, по насмешке судьбы родившийся магом. Удивительно, что подобное осознание приносит мне скорее утешение, чем страдание. Ему не удается сокрушить мои иллюзии относительно себя самого, потому что их нет. Меня нельзя разочаровать в том, в чем я и так разочарован на все сто.

— Мне кажется, что ты маг, — говорит Он. — Только очень плохой. А ты знаешь, кто я?

— Мне кажется, ты личинка зла, — киваю я.

— Вот это да! — отвечает Он. — Ну ты и сказанул. Хотя это всего лишь слова. Ты знаешь, что они обозначают?

Второе испытание — определением смысла.

— Ты как протечка, — говорю я. — Как лопнувший чирей или как трещина в дамбе. Ты — пятно, возникшее там, где тьма пытается вылезти на свет, и тебе здесь не место.

Опять смеется:

— Да ну? Валяй пересказывай свои учебники, хотя сам думаешь совсем по-другому. Ты думаешь, что я прекрасен, чудесен и непознаваем. Ты так и дальше позволишь другим решать за тебя или все-таки начнешь решать сам?

Я знаю, что на это ответить.

— Я недостоин решать сам, — с чувством говорю я. — В нашем деле, к счастью, есть люди, которые знают и умеют больше меня, и они научили меня определять истину.

Он уже не дракон. Теперь Он представляется мне молодым оленем, только-только обрастающим взрослой шерстью. Он смотрит мне в глаза своими глубокими темными глазами, и мы делимся друг с другом одиночеством покинутых и затравленных душ.

— Мне так одиноко, — говорит Он (испытание состраданием; почему-то именно его я усваивал с большим трудом). — Я потерялся, и мне немножко страшно. Разве мы обязательно должны быть врагами? Ведь ты даже не спросил, почему я здесь.

Машинально я тянусь погладить Его по шее там, где мех выглядит густым и мягким, но, вовремя опомнившись, отдергиваю руку.

— Если тебе одиноко, почему бы не вернуться обратно к своим?

Он признает справедливость вопроса легким почтительным кивком:

— Мы поняли друг друга, и это хорошо. Если мы понимаем друг друга, то имеем фундамент, на котором можно строить отношения, правда? Теперь мы будем разговаривать как серьезные люди.

Я растерялся. Забыл, что у Них там идет дальше, после сострадания, и не могу распознать испытание по Его речам. Ну же, шевели извилиной! Я же помнил эту тему на экзамене, иначе не сдал бы и не стоял здесь и сейчас. Отражение, определение, сострадание...

— Ну так как? — говорит Он. — Разве дружить не лучше, чем воевать?

Вспомнил. Четвертое испытание — дружбой. А Он уже обернулся высоким стройным молодым человеком,

стоящим передо мной и протягивающим руку для приятельского рукопожатия; если мы все обсудим откровенно, то, конечно, сможем все уладить как культурные люди. Не так ли?

— Нет, — отвечаю я.

— Ладно, как хочешь. Но по-моему, ты делаешь ошибку. Подумай, почему бы нет? Давай еще раз посмотрим диспозицию. Вот я — как ты меня назвал, трещина в дамбе и вся сила, которая пытается сквозь нее прорваться, а вот ты — вечный студент, навсегда застрявший в ночной запаре перед экзаменом. Силы не равны, согласись?

Всего испытаний пять, и пятое самое тяжелое: истиной.

— Нет, не соглашусь. Я вообще тут случайно. По правилам я должен просто сообщить в управление наместника, чтобы они выслали отряд специального назначения со всем необходимым. А моя задача — всего лишь высматривать бочонки, в которых рыба протухла.

— Вот именно. Ты ни в чем не виноват. Нельзя ожидать, что ты справишься со мной. Маги вдесятеро сильнее тебя съеживались от страха и погибали, стоило мне лишь слегка разозлиться; чего ж требовать от одного тебя, без какой-либо поддержки и помощи? Это бессмысленно, ты погибнешь совершенно бесцельно, попусту. Что хорошего они для тебя сделали, что ты так верно им служишь?

— Ничего. Они всегда относились ко мне как к отбросу.

— Вот именно.

Теперь Он представляется мне добродушным стариком, протягивающим руку, чтобы успокоить меня. Никто меня не понимает, кроме Него. Вот почему меня учили Его ненавидеть, потому что один Он понимает, каков я на самом деле.

— Вот именно, — продолжает Он. — Если они против тебя, то почему ты должен быть на их стороне? Не пора ли тебе понять, кто твои настоящие друзья?

Остерегайтесь испытания истиной, потому что от него нет защиты. Но (нам рассказывали об этом на пятом курсе, я тогда всю лекцию смотрел в окно: была уже середина

зимы, а первый снег только пошел) во время пятого испытания лучшим сопротивлением является отсутствие сопротивления. Пятое испытание часто не проходят как раз самые сильные маги, подобно тому как рыцари не могут выбраться из топи, потому что тяжелые доспехи тянут их ко дну. Выжить могут только те, на ком доспехов нет.

— Твоя правда, — говорю я. — Я не заслуживаю ни их дружбы, ни уважения. Маг из меня никудышный, только профессию позорю, а уж работенка с рыбными бочками — это для меня просто подарок судьбы. Невелика потеря, если я прямо здесь и сдохну, никто не расстроится. Но остановить тебя я должен.

Я никогда не забуду того, что произошло дальше.

Он сжимает меня, словно тисками, надавливая сразу со всех сторон и постепенно усиливая нажим. Я чувствую невероятную силу, союз с которой я самонадеянно отверг. Я чувствую, как Он прессует мои кости; изучай я физику внимательнее, мог бы, наверное, рассчитать, как долго протяну, прежде чем сила давления превысит предел прочности моих костей и сухожилий. Я совершенно беспомощен — не могу же я отпихиваться сразу во все стороны. Он, без сомнения, намного сильнее меня, и я не способен увернуться или отбросить его, как борец. Единственное, что я могу, — это зацепиться за тоненькую нить воспоминаний, которая связывает меня с озябшим, голодным, жалким студентом, скрючившимся над свечкой, перечитывающим по многу раз одни и те же строки, в то время как час экзамена неумолимо приближается. Эта нить является линией моей жизни, но она призрачно тонка: если я натяну ее слишком сильно, она порвется, и мне крышка. Нет, держать ее надо нежно, сматывать неторопливо, как будто леску с крупной рыбиной на крючке, так, чтобы...

— А смысл? — спрашивает Он голосом сочувственным, как у ангела, презрительным, как у моего отца, и полным бесконечной мудрости и прощения, как голоса их обоих. — В чем смысл? Ты увидел меня, а я тебя. Пойми, все это закончится только одним. Зачем тебе расшибаться в лепешку? Почему бы не протянуть мне руку? Я возьму ее и перетащу тебя на свою сторону. — Он улыбается. —

Ты не будешь разочарован, здесь все по-другому. Признайся, в твоем мире ты пустое место, неудачник, но в моем...

— Тебе что, меня жаль?

— О да. Мне жаль тебя настолько, что ты и представить не можешь. Я же сказал, мы понимаем друг друга, потому что нас обоих не понимают те, остальные. Мы могли бы...

Он стискивает мне сердце. Представьте себе, что у вас в руке спелая слива и вы сжимаете ее так, что косточка впивается в тонкую кожу между пальцами.

— Подружиться? — заканчиваю я.

— Не совсем. Но мы стали бы уважать друг друга. В твоем мире тебя хоть кто-нибудь уважает?

— Пошел ты... Давай прикончи меня уже.

— Но я не хочу. — В Его голосе сквозит удивление. — Мы не убийцы. Мы являемся с миром. Ты должен был это понять.

Мне приходит в голову, что нужно всего лишь отпустить нить, и боль пройдет. Разумное решение. Мне редко приходилось иметь дело с болью, к счастью, у меня никогда ничего сильно не болело, и поэтому я не умею ее терпеть. А вот опустить руки — да, в этом у меня опыт есть.

— Хорошо, — говорю я и надеваю мою нить петлей на левую руку. — Я понял. Сдаюсь.

— Ты не пожалеешь. — Какой у Него добрый голос! — Иди сюда.

— Что-то не выходит...

— Давай руку.

— Поймал!

Я тяну Его на себя, а нить меня держит. Захлопываю ящик, вскакиваю на него и усаживаюсь на крышке. Чувствую, как Он беснуется в ящике, колотясь о стенки, но я не уступлю, и, пока мой зад прочно сидит на крышке, Ему не выбраться. Все оказывается просто и банально; несмотря на Их силу, существа Они недалекие и постоянно ведутся на одну и ту же уловку. Как только вы признали Их силу в противовес собственной слабости и на-

шли между собой нечто общее, например, что вы оба отвергнуты враждебным миром, все, что вам останется сделать, как только это общее связало вас с Ним, — это бить его же оружием, и вы не заметите, как он окажется в ящике, а вы на ящике, будете сидеть и надрывать животики от хохота.

(В семинарии у меня ничего такого не выходило — в одно ухо влетало, а в другое вылетало, — хотя экзамен я умудрился сдать. Одолжил у приятеля конспект. Удивительно, как некоторые вещи буквально въедаются в память...)

В конце концов появляются пятеро из управления наместника и берут ситуацию под контроль. Они совершенно не похожи на гордых и могущественных магов, — видать, денек действительно выдался жаркий. Они напряжены, изнурены и обессилены и, как только замечают, что я, ухмыляясь, сижу на ящике, сразу как-то расслабляются.

— Выходит, у вас получилось?

— Нет проблем, — киваю я.

Они входят и запечатывают ящик очень сосредоточенно (обидно будет выпустить Его наружу после всего, что мне пришлось пережить), потом обвязывают ящик веревкой, чтобы удобнее было нести, и на минуту задерживаются.

— Спасибо.

— На здоровье, — отвечаю.

— Сволочной сегодня денек, — говорят. — Пролезло аж девять штук, и все в одно время, как сговорились. Рекорд даже побили. Максимум, что было за день, — это шесть штук, и то пятьсот лет назад.

— Ну дела, — качаю головой.

— Да уж. Но мы все-таки справились.

— Точно, — улыбаюсь в ответ.

Они уходят, а я остаюсь. Я пока не могу уйти, потому что осталось еще тысячи три бочонков с маринованной сельдью, которые надо высмотреть, прежде чем можно будет отправиться домой. Работа есть работа, ведь босс платит мне за то, чтобы не облажаться по пункту 344/7с, а совсем не за то, чтобы я спасал мир.

Заканчиваю, в общем, вовремя. Уходя, встречаю бригадира с командой, они как раз явились, чтобы начать погрузку. Зевая, желаю им доброго утра.

— Я смотрю, ты еле успел, — отзывается бригадир. — Чего так долго-то? Дрых, что ли?

— Да вроде того. — Ему все равно не объяснишь.

— Кстати, чуть не забыл, — ухмыляется он. — Тебя босс звал. Насчет того, что ты ему вроде бы врезал.

— Ах, это... — говорю. — Ага.

— Наверное, мы больше не увидимся. — Его ухмылка становится еще шире, как трещина в дамбе.

— Может, и не увидимся. Ладно, это все теперь твое. Удачной охоты.

Я забираю плащ и направляюсь в контору к боссу, дабы предстать перед злым демоном совсем иной породы, с которым уже не так легко будет справиться. Уж я-то знаю пределы своих возможностей!

(Кстати, если вам все еще интересно, то решением девятого парадокса Эцеля является энтропия. Ответ удивительно прост. А вот доказательство не зря сводит с ума мудрецов.)

ТИМ ПРАТТ

Ведьмин велосипед

Поэт, писатель и критик Тим Пратт (родился в 1976 г.) родом из Окленда, штат Калифорния. В настоящее время он работает помощником редактора в журнале «Locus», а также является соредактором небольшого журнала «Flytrap». Хотя автор весьма молод, его работы уже заметили. Одноименный рассказ из первого сборника Пратта «Божки» («Little Gods», 2003) выдвигался на премию Небьюла, представленный американскими писателями в жанрах научной фантастики и фэнтези, а также прошел предварительный отбор на премию Кэмпбелла в номинации «Лучший молодой писатель».

Название следующего рассказа, который также входит в сборник «Божки», возможно, вызовет в воображении образ бесподобной Маргарет Гамильтон в роли злой феи Запада, которую она играла в фильме «Волшебник страны Оз» в 1939 году. И как бы плохо вы ни думали об этой злой волшебнице, колдунья из нижеследующего рассказа в тысячу раз более скверная.

Даже ее велосипед олицетворял собой воплощенное зло. Тяжелая черная цепь, продетая сквозь раму и переднее колесо, приковывала велосипед к фонарному столбу перед лавкой «Антиквариат и редкости» — маленьким, до отказа забитым старинными вещицами магазинчиком в центре города. Казалось, велосипед натягивает цепь, словно изголодавшийся грейхаунд, тощий и свирепый. Это был тяжелый старомодный велосипед, переживший свою молодость в пятидесятых годах. Рама темно-красного цвета — цвета рубинов из древней сокровищницы. Руль напоминал бараньи рога. Фара на передней стойке поблескивала в лучах полуденного солнца, и россыпь ярких солнечных зайчиков замерла на тротуаре. Сиденье было обтянуто черной кожей, ярко блестели сияющие хромирован-

ные спицы. Педали — зубчатые, чтобы лучше сцепляться с подошвами ботинок,— не сулили ничего хорошего ступням глупца, вздумавшего прокатиться босиком.

Из антикварной лавки вышла хозяйка велосипеда. Ее волосы и платье оказались такого же темно-красного цвета, что и рама велосипеда, напоминая увядшие алые розы. Черный кожаный берет гармонировал с сиденьем, на пальцах дамы поблескивали хромированные кольца. Пока глаза дамы не скрылись за солнечными очками, они отражали свет и сияли ярко, как фара велосипеда. Женщина несла полиэтиленовый пакет, и в нем что-то гремело и дребезжало. Конечно же, нечто старинное и потускневшее, ибо куплено оно было в лавке «Антиквариат и редкости» — «Саргассовом море» антикварной торговли, месте, где встречались самые странные и таинственные обломки прошлого.

Дама сняла цепь с велосипеда и повязала ее себе на талию наподобие пояса, закрепив кодовым замком с невообразимой комбинацией чисел. Бросила пакет в хромированную багажную корзинку позади сиденья и села на велосипед. На ногах красовались кожаные ботинки с хромированными пряжками. Она ворковала со своим велосипедом, успокаивала его, словно он был живым существом, а не механизмом. Женщина напевала, и, казалось, гул тщательно смазанной цепи и шелест толстых шин по тротуару вторили ей.

Пела она песню «Что зовется любовью?»[1].

А позади нее, в корзинке, содержимое пакета перемещалось и клацало вовсе не в такт мелодии.

Кори сидел за школой и скрашивал ожидание автобуса, бросая камешки в ограду. Школа была переполнена, поэтому автобусы ходили по двум отдельным расписаниям. Первый, набитый до отказа, отправлялся сразу после занятий. Второй прибывал каждые сорок минут и увозил оставшихся школьников. Почему-то класс Кори придерживался второго расписания, и теперь ему приходилось маяться и впустую тратить свободное от учебы время. На

[1] Коул Портер, «What is This Thing Called Love?».

следующий год просто необходимо обзавестись автомобилем или, на худой конец, подружиться с кем-нибудь, кто уже водит машину. Вероятно, ребята, которые поедут в этом автобусе вместе с ним, сейчас покуривают анашу за спортивной площадкой. И даже *они* не хотят иметь с ним ничего общего. По крайней мере они просто глупцы, а не бандиты. Не то что...

— Поглядите, кто здесь! — раздался слева приторно-сладкий голосок.

Кори втянул голову в плечи. Занятия начались всего лишь три недели назад, но он уже возненавидел этот голос. Он даже не знал имени парня, главаря свирепой шайки из трех человек. Никаких общих с троицей уроков у Кори не было, и неудивительно, что в школе с двумя тысячами учеников днем они не пересекались. Но этот парень — обладатель удивительно приятного голоса, похожий на омоложенную и дурашливую версию Эдварда Дж. Робинсона, поэтому про себя Кори называл его Рокко, — этот парень ездил в одном из автобусов по второму расписанию и, очевидно, в эти никчемные сорок минут после школы не мог найти лучшего занятия, чем поиздеваться над кем-нибудь. Парочка его приятелей — их Кори прозвал Ангелом и Курчавым, по именам прихвостней Рокко из фильма «Кей Ларго»[1] — обычно околачивалась около автоматов с газированной водой и чипсами, карауля новеньких, появлявшихся после занятий. Как-то раз Кори столкнулся с троицей и вышел сухим из воды, отделавшись лишь тычками и пинками, и с тех пор он, когда читал в дальних уголках школы или за ее пределами, всегда старался ускользнуть, заслышав их приближение. Дела обстояли не так уж и скверно — во многих школах поножовщина и перестрелки были обычным делом, и мама говорила, что эта школа числилась на хорошем счету и находилась в благополучном районе; значит, троица может его просто избить, отчего он, скорее всего, не умрет.

Очевидно, детки у автомата стали осторожнее. Троице надоело их караулить, парни отправились на поиски но-

[1] *«Кей Ларго»* («Key Largo») — драма 1948 г.

вой жертвы и оказались здесь. А Кори так увлекся, бросая камешки, что даже не заметил их появления.

Рокко уселся рядом с Кори и положил руку ему на плечо. Кори проигнорировал его, и Рокко рассмеялся приятным, легким смехом:

— Значит, кидаешь камешки, да? Хочешь, устроим маленькое состязание по метанию камней?

Кори попытался было встать, но Рокко схватил его за рукав и дернул вниз. Кори попробовал высвободить руку, но парень держал его крепко и даже не сдвинулся с места.

— Просто дружеская игра, — проговорил он.

Кори взглянул на приятелей Рокко. Ангел и Курчавый слонялись рядом с кабинетом естествознания, поглядывая на него и насмехаясь. Ангел был негр, Курчавый — латиноамериканец. Рокко можно назвать кем угодно, только не расистом. Коль скоро какой-то парень был в достаточной мере наделен подлостью и раболепием, ему обязательно нашлось бы местечко в шайке Рокко.

— Нет, спасибо, — отказался Кори. — Играть мне не хочется.

Рокко словно не услышал его ответа:

— Знаешь, кидать камешки в ограду слишком просто. Ничего сложного в этом нет, так? Вот если бросаешь камни в человека, который пытается увернуться, — это дело! Как думаешь?

Кори ушам своим не верил.

— Однако нам понадобятся камни побольше, — произнес Рокко задумчиво.

Кори опять дернул рукой, и на этот раз ему удалось освободиться.

— А, ты уже собрался сбежать? — поинтересовался Рокко.

— Почему ты такой? — спросил Кори, хмуро вглядываясь в лягушачье, расплывшееся в ухмылке лицо. — Зачем ты так поступаешь?

— На мой взгляд, жизненные ситуации напоминают собачье дерьмо. Вляпавшись в дерьмо, очищаешь ботинок, верно? Вот я смотрю на тебя и вижу дерьмо, но не могу от тебя избавиться, ты все время... где-то бродишь побли-

зости, глаза мне мозолишь. А если я не могу избавиться от тебя, то по крайней мере я могу убедить тебя в том, что ты — дерьмо, так? Постараюсь сделать так, чтобы ты никогда об этом не забывал.

Кори во все глаза смотрел на него. Он и раньше сталкивался и с проявлениями насилия, и с хулиганами, которые всегда оказывались отчаянными глупцами, нуждавшимися в поддержке себе подобных дружков. Но слова Рокко звучали на удивление рассудительно.

— Вот взять хотя бы то,— продолжал Рокко,— как ты ходишь: весь скукоженный и всегда с таким видом, словно завоняло. Я вижу тебя таким в коридорах, и это омерзительно.— Он пожал плечами.— Вероятно, поэтому я так и поступаю. К тому же мой психиатр говорит, что сейчас я нахожусь на стадии исследования, выясняю границы дозволенного, стремлюсь к самоопределению.

Кори сделал шаг назад. Куда бы ему удрать? Школа не слишком велика, и в любом случае придется вернуться на остановку, чтобы сесть в автобус. Если троица приняла решение преследовать его, избавиться от них не удастся.

— Так вот,— вновь заговорил Рокко,— до переезда сюда я жил в районе, где вооруженные металлоискателями охранники школ сновали повсюду, из-за буйной толпы в коридорах им приходилось по нескольку раз закрывать классы, а замки снова и снова вышибали. А здесь — никаких полицейских, ничегошеньки! До сих пор не могу в это поверить, в то, что они не просто бродят где-то, а их на самом деле нет! Так что, думаю, я действительно... исследую границы дозволенного.

Рокко поднялся со скамьи. Когда он оказался на ногах, Ангел и Курчавый едва заметно подобрались, словно хорошо выдрессированные собаки.

— Я не собираюсь убивать тебя или что-то в этом роде,— проговорил Рокко.— Но... видишь ли... впереди такой длинный год. Никто не знает, что может случиться.— Он перевел взгляд на Ангела.— Сколько там осталось до автобуса?

— Пятнадцать минут,— тут же подал голос Ангел, который вовсе не обладал ораторскими способностями Рок-

ко: его надтреснутый голосок звучал, словно визг бедолаги, упавшего в лестничный пролет.

— Надо бы мне купить хоть плохонькую машинку, — изрек Рокко, покачивая головой. — Просто кошмар какой-то. Но придется ждать до следующего года, пока мне не стукнет шестнадцать, представляешь?

— Всегда можно обзавестись велосипедом, — сказал Кори. Почему — он и сам не знал, само собой вырвалось.

— Что мне, десять лет, что ли? — осведомился Рокко.

— Давай-ка надерем ему задницу, — предложил Курчавый. — Все эти разговоры просто чушь.

— Разговоры вовсе не чушь, — отрезал Рокко. — Но на данный момент их время истекло. У вас десять минут, парни. Развлекайтесь.

— Мы совсем не такие, как он, — прорычал Курчавый, приближаясь. — Никаких границ мы не исследуем.

— Ага, — подтвердил Ангел.

Рокко уселся у обочины дороги и с виду совершенно не обращал внимания на неминуемое насилие, а просто собирал камешки и разглядывал их.

Кори ничего не оставалось, как попытаться удрать. Может, кое-кто из преподавателей еще задержался в учительской, и, если положение действительно окажется безвыходным, ему удастся проскочить туда и спрятаться до прихода автобуса. Все решат, что он трус, но уж лучше пусть его высмеют, чем изобьют. Кори пятился, стараясь не упустить тот момент, когда придет пора улепетывать со всех ног. Надо добежать до темного крытого перехода между спортивным залом и кабинетом естествознания, который все называли тушелем, затем пересечь внутренний двор и попасть в главное здание. Может, его и не поймают.

— Что тут у вас происходит? — Девичий голос доносился со стороны тушеля.

Ангел, Курчавый и Кори разом обернулись.

Девушка оказалась высокой брюнеткой с небрежно собранными в хвост волосами. Она была в форме игрока хоккея на траве, к коленям прилипла трава. На ее плече уютно покоилась клюшка, и на какое-то мгновение девушка показалась Кори эдаким сугубо атлетическим вопло-

щением Смерти, вооруженной неким деревянным аналогом косы.

— Ждете автобуса? — спросила она, воплощенное простодушие.

— Да вот как раз тебя поджидали, крошка, — широко ухмыльнулся Курчавый, шагнув к ней.

Кори расслабился, ибо теперь не он являлся объектом внимания троицы, но тут же устыдился этого. Теперь девушке грозит опасность, причем он ничего с этим поделать не может, — а почему, собственно, он должен избегать опасности ценой ее спокойствия?

— Говорят, что все девушки, которые играют в хоккей на траве, — лесбиянки, — все еще улыбаясь, продолжал Курчавый. — Не хочешь ли разубедить меня?

Девушка тряхнула волосами.

— А-а-а. — Голос ее поскучнел. — Я и не думала, что вы подонки, иначе бы даже не стала разговаривать с вами.

Тут Ангел захохотал.

— Исчерпывающее замечание, — бросила она, скользнув по парню взглядом.

— Сука! — процедил Курчавый. — Знаю, что...

— Эй, эй, — вмешался Рокко, поднимаясь с обочины дороги. — Незачем так разговаривать с леди.

— Это я не позволю ей так разговаривать со мной! — ощетинился Курчавый. — Никто не смеет так со мной разговаривать!

— Клюшки и камни поломают кости славно, — сказал Рокко. — А ты, вероятно, заметил, что у нее есть клюшка, а у тебя — кости.

Курчавый злобно фыркнул:

— Черт! Ну и что ж она собирается сделать?

Девушка улыбалась. Она носила ортодонтические скобы, но все же ее улыбка показалась Кори прекрасной, разве что чуточку угрожающей. Девушка все так же спокойно держала клюшку, не сжимая и не перекатывая ее в ладони, — ничего подобного, она просто стояла и улыбалась.

— Черт! — опять сплюнул Курчавый. — Не стоит возиться с гнусной сучкой.

Он развернулся и пошел прочь. Ангел взглянул на Рокко и отправился вслед за Курчавым по направлению к месту обычной дислокации шайки.

Девушка внимательно оглядела Кори:

— Ты что-то неразговорчив. Что, хозяин этого цирка?

— Нет, хозяин — я, — пояснил Рокко. — Надеюсь, ты меня за них не осудишь. Хорошие помощники на дороге не валяются.

— Так что ты тогда здесь делаешь? — спросила девушка Кори, проигнорировав реплику Рокко.

— Просто... жду автобуса, — ответил он.

— И я тоже, — кивнула незнакомка. — Впервые придется ехать так. Раньше я ездила с подругой, но сейчас начались практические занятия... — сказала она, пожав плечами.

Кори никогда не удавалось поддерживать связную беседу с людьми, особенно с девушками, и тем более на глазах у Рокко.

— Да он не стоит того, чтобы терять с ним время, — не отставал Рокко. — В лучшем случае он задает идиотские вопросы...

— Думаю, твои дружки заждались тебя, — отрезала девушка, мельком скользнув по Рокко взглядом. — Иди-ка лучше проследи, не заблудились ли они, не потерялись ли.

Рокко, нахмурившись, откинул с лица темные волосы.

— Каким автобусом ты поедешь?

— Это тебя не касается.

Рокко сощурился:

— Просто хотел поинтересоваться, не ездим ли мы одним и тем же.

В ответ девушка лишь смерила его холодным взглядом.

— Хорошо, увидимся, — проговорил он. Затем обратился к Кори: — А ты — ну с тобой-то уж я точно увижусь. — И Рокко медленно двинулся прочь.

— Вот дрянь, правда? — Девушка смотрела, как Рокко шагает прочь, затем посмотрела на Кори. — Меня зовут Хетер.

— Кори.

— Здорово достают тебя эти парни?

Кори замялся и пожал плечами:

— Не то чтобы очень. Время от времени.

— Девчонки обычно просто перемывают друг другу кости. И порой это отвратительно, поверь мне. Но никто не пытается... так задеть друг дружку за живое. Сочувствую тебе.

— Ничего. Переживу.

— Конечно, — согласилась она, и хотя Кори был готов услышать сквозящие в ее словах сарказм и презрение, таковых он в ее голосе не обнаружил. — Каким автобусом ты едешь?

— «Двести двадцать восьмым».

— Ну надо же, и я тоже. А где ты живешь?

— В районе под названием Наперстянка.

— Здорово, мы только что туда переехали. Мы живем в последнем доме в конце улицы, прямо рядом с лесом. И по соседству я не встречала никого нашего возраста.

Глядя на дорогу, Кори опять пожал плечами. Он никак не мог разобрать, обрадовался он или наоборот, услышав, что Хетер — его соседка.

— Там и правда нет наших ровесников, только несколько малышей, и все.

— Давай вместе играть в баскетбол? Папа повесил кольцо на гараж.

— В баскетбол я играю не очень.

На это Хетер лишь пожала плечами:

— Ну так потренируйся со мной, и станешь играть лучше!

— Да, ты права.

Хетер выглядела как настоящая спортсменка. Она непременно обставит его в баскетболе. Что же тут хорошего? Если она пока над ним не смеялась, то вскоре будет. Все рано или поздно начинали высмеивать Кори.

Из-за спортивного зала показались наркоманы, а минуту спустя подъехал автобус.

«Пережил еще один день, — подумал Кори. Взглянул на Хетер. — Спасен девчонкой».

Он вошел в автобус и, сев на свое обычное место посредине салона, уставился в окошко на автомобильную стоянку.

Хетер плюхнулась рядом с ним:

— Не занято?

Ей захотелось сесть рядом с ним? С чего бы это?

— Да нет.

— Ты не против, если я сяду с тобой? Конечно, вокруг полным-полно свободных мест и все такое, но так скучно сидеть одной.

— Пожалуйста, садись, конечно.

— Расскажи, чем ты занимаешься в свободное время, как развлекался? — Она прислонила хоккейную клюшку к спинке впередистоящего сиденья.

— Я смотрю фильмы. У отца огромная коллекция.

— Здорово! На прошлой неделе я смотрела «Горящую ведьму» — ты видел?

Кори покачал головой. Это был фильм ужасов. Из анонса следовало, что некая особа могла поджигать всевозможные вещи силой мысли, но потом подростки ее победили. Полная чушь.

— Нет, не видел. Обычно я смотрю старые фильмы. Черно-белые.

— Да? — удивилась Хетер. — Вроде фильма «Эта замечательная жизнь»?[1]

— Нет... Вроде «Большого сна»[2], «Леди в озере»[3] и «Тонкого человека»[4]... — (Девушка беспомощно смотрела на него.) — Ну, «Касабланка»[5], слышала? «Мальтийский сокол»[6]?

— О да, знаю, — кивнула она наконец. — Ух ты! Тебе нравятся такие фильмы?

Выражение лица Хетер вовсе не было презрительным, это точно, просто... удивленным.

— Ну да, мой отец тоже их любит, и мы часто вместе смотрим кино. Ему очень нравится Хамфри Богарт и Ло-

---

[1] *«Эта замечательная жизнь»* («A Wonderful Life») — мелодрама 1946 г.

[2] *«Большой сон»* («The Big Sleep») — триллер 1946 г.

[3] *«Леди в озере»* («The Lady in the Lake») — триллер-детектив 1947 г.

[4] *«Тонкий человек»* («The Thin Man») — комедийный триллер 1934 г.

[5] *«Касабланка»* — мелодрама 1944 г.

[6] *«Мальтийский сокол»* («The Maltese Falcon») — триллер 1941 г.

рен Бэколл. Пару недель назад мы смотрели фильм «Кей Ларго», там есть парень по имени Рокко, и на него так похож... — Тут Кори запнулся.

— Похож кто?

Кори вздохнул:

— Похож тот парень из школы.

— То есть Рокко из фильма похож на лягушку с улыбочкой во весь рот?

— Ну да, — засмеялся Кори.

Он посмотрел на нее: она классная. Совсем непохожа на большинство других девчонок, вечно отыскивающих что-то смешное в его облике: обувь, волосы, манеру ходить и разговаривать. Не важно, что именно, но они всегда находили, над чем бы поглумиться. А те немногие, которые не дразнили его, просто игнорировали.

— Не могу сказать, что я разбираюсь в старых фильмах. Может, как-нибудь посмотрим вместе?

Да отец так задразнит его, если Кори приведет девушку в дом! Конечно, папа проделает это весьма добродушно, но Кори непроизвольно содрогнулся от одной только мысли об этом. Однако... Если Хетер считает, что посмотреть вместе старые фильмы — здорово, то насмешки ничто по сравнению с этим.

— Конечно. С удовольствием. — Кори протянул руку и коснулся хоккейной клюшки. — Разве обычно они не хранятся в школе?

Хетер закатила глаза:

— Предполагается, что я буду тренироваться дома и попытаюсь, как говорит тренер, лучше контролировать ситуацию. У меня есть своя собственная клюшка, но ее еще не привезли из Калифорнии. У родителей набралось столько всякой всячины, целых два огромных контейнера. С последним мой отец как раз и должен вернуться на этой неделе.

— Так ты из Калифорнии?

— Из Монтерея. Я там всю жизнь прожила.

Весьма странно.

— Из Калифорнии, да в Северную Каролину? Похоже, на шаг не в том направлении.

Хетер лишь пожала плечами:

— Все зависит от людей, верно? Если я смогу найти настоящих друзей, то здесь мне будет ничуть не хуже, чем дома.

И Хетер улыбнулась ему такой чудной улыбкой, обнажившей ортодонтические скобы, что Кори понял: ради нее он готов на все.

Рокко с окаменевшим лицом смотрел вслед удаляющемуся автобусу под номером 228. Оба его дружка куда-то подевались, наверное, пошли покурить в туалете. Рокко вернулся и сел на ограду. Подобрал камешек и держал его на свету, наблюдая, как ярко на солнышке вспыхивают его грани. Ему хотелось кого-нибудь распотрошить.

Внезапно перед ним оказался велосипед, на котором сидела женщина с темно-красными волосами под черным кожаным беретом. Явно не юная, но и до средних лет ей, казалось, довольно далеко. В длинном платье и лосинах она походила бы на хиппи, если б на ее ногах не красовались байкерские ботинки и на пальцах не сияли бы хромированные кольца. С высокого сиденья велосипеда женщина смотрела на юношу сверху вниз. Казалось, велосипед во всем дополнял свою хозяйку, и Рокко обратил внимание на то, что его цвет в точности повторяет цвет волос женщины.

— Рокко, — позвала незнакомка, и голос ее напоминал нечто среднее между мурлыканьем и скрежетом.

Он нахмурился:

— Леди, меня зовут по-другому.

Не нравилось ему сидеть здесь и снизу вверх смотреть на нее: он ощущал себе лягушкой в кювете, поэтому решил встать.

— «Лягушка в кювете». Достойная метафора, Рокко. Теперь придется оценить, как себя чувствует обездвиженный проколом спинного мозга.

И он действительно замер, не успев подняться, зад завис в нескольких дюймах от бетонного блока. От напряжения тут же задрожали ноги, поддерживающие туловище в необычном положении. Рокко чувствовал, что сердце

продолжало биться, но ни моргнуть, ни двинуться не мог. Как у спинальной лягушки, которую физиолог обездвижил, проткнув спинной мозг препарировальной иглой, его спинной мозг пронзил металлический стержень, отключив все физические функции организма, кроме самых основных. Даже страх приобрел некий обособленный характер, казалось, он присутствует лишь на уровне разума, лишенным эмоциональной составляющей. С клинической точки зрения его занимал вопрос, работают ли надпочечники, вырабатывается ли адреналин. Он предполагал, что нет.

— Можешь сесть, — позволила женщина, и зад Рокко мгновенно опустился на бетонную ограду. Незнакомка наклонилась, и рыжая завеса волос почти коснулась его лица. — Я называю тебя Рокко, потому что тот Мальчик звал тебя именно так.

Рокко слышал, как женщина сделала ударение на слове «мальчик», и понял, кого она имела в виду.

— Речь пойдет о тех Мальчике и Девочке, поэтому я стану называть тебя так же, как и они.

Рокко пытался пошевелить руками. Он испытывал острое желание наброситься на нее, заехать посильнее в сплетение ног, юбки, хрома, цепи. Вспомнил о своем психиатре, об исследовании границ — да, никогда не было у него столь жестких рамок, скрытых в его же теле.

— И тебе место в данном действе тоже найдется, Рокко. Ты можешь стать Соперником. Ведь она тебе нравится, не так ли? Та Девочка?

Рокко зарычал, по крайней мере попытался. Но не издал ни звука.

Незнакомка засмеялась:

— Она пренебрегает тобой, верно? И из-за этого ты ненавидишь того Мальчика без всякой другой причины.

Без всякой причины? У Рокко всегда находилась причина!

Что? Да тот парень, Корн, вечно что-то читает, болтается без дела, от него за версту несет трусостью, к тому же он думает, что лучше других... Ну вот. Причин хоть отбавляй. Целый воз причин.

Ну а девушка... Она особенная. Без сомнения, она пустила бы в ход клюшку, если бы понадобилось. Она хорошенькая, при этом не высокомерная, не боится вспотеть и играть с полной отдачей. Совсем не такая, как Кори, который, наверное, ни разу в жизни не вспотел.

— Да, — кивнула женщина. — Ты можешь стать Соперником. Ты и есть Соперник.

Затем согнула палец крючком, отчего Рокко моментально оказался на ногах, словно вокруг груди обвилась веревка, рывком поставившая его на ноги.

«Да она ведьма», — подумал Рокко все с тем же самым рассудочным страхом.

— Ты хочешь убить Мальчика и отвоевать Девочку? — спросила женщина.

Убить?! Конечно, определенная заинтересованность в этом деле у Рокко была, но убить — такая *грязь*. Так же как и избить — сам процесс не доставлял ему удовольствия, зато нравился результат. Именно потому столь часто возникали проблемы: чтобы достичь желаемого, приходилось прибегать к нелицеприятным действиям. Если бы он мог избежать промежуточных проволо́чек, взмахом руки заставить кого-то умереть или корчиться от боли у его ног...

Рокко смотрел на женщину (выбора не было, поскольку он даже моргнуть не мог, а теперь *смотрел*). Не говоря ни слова, ей удалось, словно лягушку, обездвижить его, и Рокко подозревал, что для общения с ней ему даже говорить необязательно, — ведь незнакомка могла читать его мысли. Возможно, это искусство впоследствии можно будет у нее перенять. А еще научиться могуществу достигать желаемого без грубых, безвкусных методов.

— Убить? — спросил Рокко, теперь голос повиновался ему. Мысль об убийстве также оказалась лишенной эмоциональной окраски. Если бы подобное отсутствие эмоций посетило его в момент убийства, то никаких проблем не возникало бы. — Конечно. Можно и убить.

Ухмылка искривила губы женщины.

— Желание убивать — это замечательное стремление. Оно означает, что последнее слово всегда останется за

тобой. Но в действительности ты только хочешь заполучить Девочку, верно?

Рокко хмыкнул. Очевидно, что ему вовсе не хотелось, чтобы эта девушка считала его ничтожеством, и он совершенно не мог выносить того, что она рядом с таким дерьмом, как Кори.

— Итак, лучше всего будет унизить Мальчика так, чтобы она узнала об этом. Быть может, даже проделать все это у нее на глазах. Тогда Девочка поймет, что он ничтожество, а ты умен, смел и заслуживаешь внимания. Так?

Рокко чувствовал, как глаза женщины, скрытые темными солнечными очками, словно пробуравливают его насквозь.

— Да. Да, именно так, — ответил он.

— Ведь ты вместе с друзьями сможешь придумать что-нибудь, верно? Придумаешь что-нибудь достойное?

— Что-нибудь достойное такого слизняка, — проговорил Рокко, которому в голову уже пришла мысль. Ну конечно же. Всем рано или поздно приходится зайти в туалет, верно?

— Вот и славно, — одобрила женщина. — Для начала это даже лучше, чем убийство. Если тебе никогда не приходилось избавляться от тела убитого, то сложно себе даже представить, насколько это хлопотно.

— Кори! — послышался зов мамы. — К тебе гости!

Кори оторвался от домашнего задания — скучной работе по экологии — и нахмурился. Кто бы это...

Ой. Он напрягся. Может, пришла Хетер? Неужели так скоро?

— Иду! — отозвался Кори.

Замешкавшись перед зеркалом, он запустил пальцы в лохматые каштановые волосы, пытаясь придать им опрятный вид. Затем передумал и бросил это никчемное занятие. С Хетер они познакомились в один из самых мерзких моментов его жизни, и, кажется, он все равно понравился ей.

И Кори поспешил вниз.

Где едва ли узнал девушку, стоящую в гостиной. Та Хетер, с которой он познакомился нынче днем, была пот-

ной, извалявшейся в траве, раскрасневшейся девчонкой с неопрятной прической. А эта юная особа легко вошла бы в число самых красивых девушек школы. В волосах голубые ленты, белая блузка заправлена в шорты цвета хаки. И даже кроссовки оказались чистые, а не замызганные, как раньше. Под футболкой девушки он заметил едва различимое кружево бюстгальтера, отчего, зардевшись, сразу опустил взгляд.

— Хетер говорит, что вы сегодня познакомились в школе, — улыбнулась мама.

— Да, — подтвердил Кори. — Она только что переехала и живет с нами по соседству.

— Добро пожаловать в наши края, Хетер. Мне бы очень хотелось познакомиться с твоими родителями.

— Конечно, — ответила девушка. — Только папа еще не приехал, он сейчас перевозит еще один контейнер с вещами. И будет только на следующей неделе.

— Очень приятно было бы познакомиться, — заключила мама. — Если захотите перекусить, то на кухне есть шоколадные пирожные с орехами. Может быть, ты останешься на ужин, Хетер?

Девушка посмотрела на Кори. Тот пожал плечами. Хетер взглянула на него и закатила глаза:

— С удовольствием, спасибо за приглашение.

— Не буду вам мешать, — сказала мама и поглядела на сына с еле уловимой загадочной улыбкой, которая всенепременно обещала ему последующие расспросы о милой незнакомке.

Мама отправилась на кухню.

— Твоя мама печет пирожные и готовит обед? — Удивлению Хетер не было конца. — Тебе что, повезло выиграть «мамную» лотерею? Мы дома обычно заказываем еду из китайского ресторанчика или пиццу.

— По мне, так пицца и китайская еда — это здорово. Мама — помощник юриста, поэтому она часто работает дома. А когда она дома, всегда готовит что-нибудь на обед.

— Почему же тогда она не забирает тебя из школы?

Кори пожал плечами:

— Мама говорит, что если она дома, то это вовсе не означает, что ей не нужно работать.

— Ну что ж. Значит, тебе придется составить мне компанию и ездить на автобусе, — улыбнулась Хетер и закружилась, словно балерина. — Как я выгляжу?

Так близко с девушками своего возраста Кори не общался никогда. Как же ответить на вопрос? Если он скажет, что она выглядит чудесно, то что же Хетер об этом подумает? Что нравится ему? А так ли это?

— Ты хорошо выглядишь, — ответил он осторожно.

— Ну и зануда же ты! — засмеялась девушка, но слова прозвучали добродушно. — Вообще-то я собиралась прийти к тебе в чем была, но моя мама говорит, что на людей надо производить хорошее впечатление и не следует в первый раз приходить к соседям замарашкой. Она причесала меня и заставила переодеться — вообще-то мама хотела, чтобы я надела платье! Но я и в церковь-то платье надеваю через силу.

Если бы Хетер появилась у него дома в платье, то Кори не знал бы, что подумать, и уж всенепременно почувствовал бы себя неловко, ведь он был в джинсах и футболке.

— Хочешь, я покажу тебе свою комнату? — предложил он.

— Конечно. — И Хетер стала подниматься вслед за ним по ступенькам. — Надо будет тебе прийти ко мне в гости и поглядеть на лес, что за домом. Он такой замечательный.

— На самом деле я там часто брожу. И очень люблю некоторые укромные, тихие уголки. Лес — он огромный, гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

— Ты не боишься заблудиться?

Кори помедлил с ответом — всегда не хочется показаться глупым.

— Однажды я потерялся. Но в конце концов выбрался из леса где-то около мили вверх по шоссе. По нему я и добрался до дому.

— Пока я не заходила вглубь леса настолько далеко, чтобы заблудиться, но уверена, что обязательно зайду.

Казалось, Хетер смаковала пришедшую ей в голову идею и рассматривала ее скорее как приключение, а не

как затруднение. Наверное, для нее так оно и было. И если бы вместе с ней пошел Кори, то, возможно, тоже захотел бы потеряться и видеть в этом именно приключение.

Он показал Хетер новый компьютер и постер Богарта — подарок на Рождество. Ей ужасно понравился микроскоп, пылящийся на полке, — девушка заинтересовалась им куда больше, нежели он сам когда бы то ни было.

— Боже мой, какие книги! — воскликнула Хетер, просматривая стоящие в ряд томики Чарльза де Линта и Орсона Скотта Карда. Коснулась пальчиком корешка «Игры Эндера». — Эту книгу я прочла в прошлом году, в той школе. — Потом достала с полки одну из книг о Песочном Человеке. — Никогда не читала. Интересно?

— Очень страшно.

— Можно взять почитать? Ну и ты, конечно же, тоже можешь опустошать мои полки сколько душе угодно.

— Спасибо, с удовольствием.

Ничего страшного в том, что вкус на фильмы у нее не очень. Зато в книгах она хорошо разбирается.

Они еще немного поговорили о книгах, потом поиграли в видеоигры. Хетер лучше убивала зомби, зато Кори превзошел ее в гонке по разрушенным городам на футуристических автомобилях.

К ужину с работы вернулся отец Кори. С Хетер он был очень мил, впрочем, он всегда и со всеми вел себя крайне любезно. За ужином родители обращались в основном к Хетер, расспрашивали о ее родном городе, о родителях. Таким образом Кори много узнал о девушке, которая вела себя совершенно непринужденно. На ужин был цыпленок с сыром пармезан, салат и гренки томатного хлеба. Про себя Кори подумал, что вряд ли он сегодня так вкусно поужинал бы, не приди к нему в гости Хетер.

После еды ребята вышли во двор.

— Извини, мои родители совсем тебя замучили расспросами.

— Ничего страшного. На то они и родители. Думаю, когда ты придешь ужинать ко мне, тебе предстоит пережить то же.

Кори было хорошо. Впервые за последнее время его посетила мысль о том, что учебный год обещает быть не таким уж скверным. Возможно, Хетер встретится с другими учениками, поймет, что Кори далек от вершины социальной лестницы, и ускользнет... Но может, она будет поблизости и станет его другом. И тогда школьная жизнь окажется гораздо лучше, пусть даже никаких общих уроков у них не будет.

— Хочешь, пойдем в лес до того, как окончательно стемнеет? — спросила Хетер. — Всего в пяти минутах ходьбы от моего дома есть чудное местечко рядом с ручьем.

Девушка совершенно естественно взяла его за руку и потянула за собой. Ее ладонь оказалась теплой, и Кори был готов не выпускать ее всю жизнь.

Дом Хетер находился в конце улицы, и, пока они шли туда, навстречу им выехала женщина на велосипеде: двигалась она медленно и вихляла от одной стороны улицы к другой, поэтому практически не продвигалась вперед. У дамы были длинные рыжевато-красные волосы, темные очки и настолько длинная юбка, что Кори даже призадумался, как же ей удается крутить педали и ехать, ведь, по идее, ткань должна была застревать в цепи. Замедляя движение, женщина приближалась, внимательно рассматривая детей. Мимо них она проехала настолько медленно, что, казалось, ее велосипед чудом удерживался в вертикальном положении. Цвет рамы и юбки полностью совпадал, а туфли казались частью педалей — у Кори зарябило в глазах. Его посетило странное чувство, которое он с трудом мог объяснить даже самому себе: сложно было сказать, где кончается женщина и начинается велосипед, словно они вместе являли собой единое существо из хрома и плоти, волос и кожи.

Хетер крепче сжала руку Кори, и они остановились, пока незнакомка проезжала мимо, едва не задев их. Она усмехнулась, и на миг зубы сверкнули, словно хром. Женщина поехала дальше, а в сумке позади нее что-то гремело, словно бруски металла лязгали, ударяясь друг о друга.

Кори и Хетер смотрели, как она удаляется.

— Что, она живет где-то поблизости? — поинтересовалась девушка.

— В первый раз ее вижу.

— Чудеса, — промолвила Хетер, затем решительно сжала руку Кори, и они зашагали дальше.

Кори внезапно проснулся среди ночи. Сбитый с толку, сел на постели. Что-то разбудило его, но он не понял что. Может, доносящийся снаружи шум? Кори подошел к окну взглянуть на задний двор.

Кто-то ездил по кругу на велосипеде, какая-то девочка в длинной ночной рубашке. Неужели... Хетер? Похоже на то, в косу все еще вплетен голубой бант. Кори нахмурил брови, размышляя над тем, что ей здесь понадобилось в такой час и стоит ли ему самому спуститься к ней. А она все продолжала кататься на старомодном велосипеде, двигаясь против часовой стрелки вокруг кизилового деревца в центре двора.

Кори сунул ноги в кроссовки, схватил куртку и тихонько пробрался вниз по ступенькам, все еще продолжая хмуриться. Интересно, с Хетер все в порядке? Что за полуночное приключение?

Кори осторожно вышел через заднюю дверь, аккуратно прикрыл ее, спустился по ступенькам и пошел по траве к Хетер.

— Эй! — негромко, чтобы не разбудить родителей, окрикнул он ее.

Когда Кори оказался в нескольких футах от границы ее круга, то понял, что это вовсе не Хетер. И никак не мог понять, как же он мог так ошибиться: велосипедистка была вовсе не в ночной рубашке, к тому же она была взрослой женщиной. И тогда ему в голову пришло, что, может, это все же сон.

Затормозив, велосипедистка остановилась перед ним. Кори испуганно отступил назад, потому что перед ним стояла именно та женщина, которую они вместе с Хетер видели вечером. Та самая, которая, казалось, *была единым целым* со своим велосипедом.

— Здравствуй, мой милый Мальчик, — сказала женщина, смешно выделяя ударением последнее слово.

— Вы не должны находиться здесь, — отчеканил Кори. — Это частная собственность.

— Я пришла, чтобы помочь тебе. Но если хочешь, я уйду... — Пожав плечами, незнакомка поставила ногу на педаль.

— Что вы имеете в виду?

Несмотря на теплую куртку, Кори замерз: ночной ветер продувал его насквозь. Если это сон, то разве можно чувствовать холод?

— В твоей школе есть мальчик. — На этот раз она никак специально не выделила слово «мальчик». — Ты его зовешь Рокко, не так ли?

Кори кивнул. Должно быть, это сон, но от этого не легче.

— Так вот, Мальчик мой, завтра он собирается проучить тебя. Он терпеть тебя не может, но ничего необычного в том нет — такие вечно полны ненависти. Правда, я думаю, что он будет похуже прочих хулиганов. А сегодня к тому же он *приревновал* тебя — ему нравится та же Девочка, что и тебе. И ревность его для тебя гораздо опаснее ненависти. Он обязательно захочет воплотить свою ревность в действие, как-нибудь унизив тебя.

— Откуда вы все это знаете? И как вы узнали, что я зову его Рокко?

— Потому что я добрая волшебница, Мальчик мой, и хочу помочь тебе победить Соперника. — Женщина улыбнулась, и что-то упакованное в сумку, лежащую в корзине позади сиденья велосипеда, с лязгом переместилось.

— Что у вас в сумке? — поинтересовался Кори.

Женщина обернулась назад, затем взглянула на Кори:

— Вскоре ты узнаешь об этом. Потерпи. Завтра ничего из этой сумки тебе не понадобится. А нужно тебе будет лишь немножко волшебства, совсем капельку... некое *преображение*. Я научу тебя этому. Для начала понадобится немного крови, но за этим дело не станет — держу пари, что кровь завтрашним днем как раз будет! — и если ты замешкаешься, то прольется твоя собственная кровь. Как только ты увидишь кровь, останется лишь сделать некий жест, и сказать слово, и привести мысли... *в определенное состояние*. Я тебе покажу. — Она протянула руку к лицу Кори, но он отпрянул назад. — Ну-ну, ш-ш-ш, Мальчик мой.

Кори хотелось развернуться и убежать, несмотря на то что дама назвалась доброй волшебницей — ничто в ней не вызывало доверия, она вовсе не казалась доброй.

Однако он не мог пошевелиться и, как ни странно, не испытывал страха. Страшные мысли роились в его голове, не вызывая паники. Волшебница коснулась лица мальчика пальцами, унизанными хромированными кольцами:

— Ничего из этого ты помнить не будешь, Мальчик мой. Вспомнишь только завтра, когда понадобится.

На следующий день школьные занятия проходили как обычно, все было довольно просто, за исключением урока биологии, где Кори пытался понять, что же такое делает митохондрия и с какой стати ему надобно знать об этом. С Хетер они договорились встретиться внизу, у учительской, когда у нее закончатся занятия. Последним уроком у Кори была биология, и мечты о скорой встрече с Хетер мешали сосредоточиться на «экологии микрокосма», о которой говорил учитель.

Весь день Кори даже не вспоминал о Рокко, пока не открыл книгу, закончив занятия. Он сел рядом с учительской на скамейку и начал читать «Добрые предзнаменования»[1], размышляя о том, как было бы здорово обладать способностями Адама из книги. В книге говорилось и о хулиганах тоже, но они были какие-то совсем безопасные — не чувствовалось, что ребята действительно волновались за свои жизни, опасались Жирного Джонсона, как Кори боялся Рокко и Курчавого с Ангелом. Может, это оттого, что действие книги происходило в Англии, а там, за океаном, люди, наверное, не были столь жестокими.

Кори сунул книгу в рюкзак и побрел по холлу по направлению к туалету.

Как только он вошел туда, кто-то грубо схватил его и с силой швырнул о стену. Ангел и Курчавый схватили его за руки. Не успел Кори подумать о том, как вырваться,

---

[1] *«Добрые предзнаменования»* («Good Omens») — роман Нила Гейман а и Терри Пратчета.

а оба парня уже наступали ему на ступни, прижав ноги так, чтобы он не мог брыкнуться.

— Ага, — ухмыльнулся Курчавый. — Сегодня никакая девчонка не ворвется сюда и не спасет твою шкуру, да?

— А мы по-прежнему не исследуем границы дозволенного, — подал голос Ангел. — Так что и за это не волнуйся.

Из кабинки туалета медленно вышел Рокко.

— Уж и не чаял, что ты зайдешь пописать, малыш, — сказал он, застегивая молнию на брюках. — Я решил, что туалет самое то место для такого дерьма, как ты, но ты заставил себя ждать. А я человек занятой. Это неправильно — мне ждать тебя.

Кори вспомнил любимые старые фильмы, воссоздал в воображении легкий апломб Богарта и то, как он небрежно обезоруживал банду негодяев в «Мальтийском соколе». Но даже Богарту порой доставалось, особенно когда на него нападали двое-трое парней одновременно. А Кори — не Богарт. Вот бы плюнуть прямо в лицо Рокко... Но что если они хотели просто припугнуть его? И если Кори плюнет, то они решат сделать с ним кое-что похуже?

Курчавый посильнее надавил ногой на подъем ноги Кори, которому все же удалось не вскрикнуть от боли. По крайней мере надо постараться не заплакать как ребенок.

Рокко взглянул на часы:

— Ну что, дерьмо собачье, ты встречаешься с подружкой после уроков?

— Оставь ее в покое! — не раздумывая брякнул Кори.

Курчавый вместе с Ангелом расхохотались прямо в оба уха Кори.

— Думаю, он влюбился, — заключил Ангел.

— Скорее, просто хочет трахнуть ее, — глубокомысленно заявил Курчавый.

— А я думал, что это ты хотел, — усомнился Ангел.

— Точно, и я тоже, — согласился Курчавый.

— Думаете, что, когда вы втроем нападаете на одного, вы крутые, да? — спросил Кори.

— Нет, — ответил Ангел. — Просто так веселее, к тому же я всегда чувствую себя весьма крутым в любом случае. Думаешь, я бы не смог надрать тебе задницу в одиночку? — И он еще сильнее надавил ногой, и Кори уже не смог сдержать стона.

— Ну что ж, мы вовсе не собираемся лишать тебя возможности сходить на свидание с мисс Хоккейная-Клюшка-и-Солнечный-Свет, — проговорил Рокко. — Так что, как только покончим с одним маленьким дельцем, отпустим тебя на все четыре стороны. — Рокко выдержал паузу. — А ну-ка, врежьте ему для начала по мочевому пузырю пару раз, посмотрим, описается ли он.

Кори стиснул зубы. Курчавый ударил его в живот и попал как раз над тазовой костью. Хотя Кори пронзила острая боль, ему удалось не потерять контроль над мочевым пузырем.

— Кажется, ты ударил что-то слишком близко от его члена, парень, — прокомментировал Ангел.

Курчавый нахмурился.

— Ладно, хватит, — вмешался Рокко. — Не это гвоздь программы. Тащите его сюда. — И Рокко направился к дальней кабинке, в которой унитаз вечно был засорен и не работал. Толкнул дверцу, и оттуда хлынуло ужасающее зловоние. — Горшок мы наполняли по очереди, — продолжал Рокко. — Там и дерьмо, и моча, и еще дерьмо.

И тут Кори начал бороться, изо всех сил пытаясь высвободиться. Курчавый с Ангелом, крепче схватив его за руки, с усилием тащили Кори по направлению к вонючей кабинке. Поняв, что ему не вырваться, Кори разинул было рот, чтобы закричать, но Рокко пихнул туда комок свернутой туалетной бумаги, заставив его замолчать.

— Заткнись, — спокойно сказал Рокко. — У меня есть способ заткнуть тебе пасть, верно? Никто не придет тебе на помощь. Я собираюсь вытащить у тебя изо рта этот кляп, но если ты попытаешься укусить меня, то я сделаю с тобой кое-что похуже того, что планировалось. — Ухмылка искривила рот Рокко. — Мне бы хотелось, чтобы рот твой оставался пуст, дабы ты мог отведать моего дерьма и мочи, но, если ты меня вынудишь, придется снова за-

ткнуть тебе пасть. Только следующий комок туалетной бумаги я сперва намочу в унитазе. Ну что, будешь вести себя тихо?

Испуганный и беспомощный, Кори кивнул. Рокко протянул руку, чтобы достать кляп.

«Кровь», — пронеслось в уме Кори. Слово всплыло в мозгу само собой, без всякого контекста, без мысленных советов, но он стал действовать в соответствии с ним и укусил Рокко за палец.

Зашипев, Рокко резко отдернул руку, и Кори увидел на его указательном пальце крошечные ручейки ярко-алой крови.

— Ты просто дерьмо! — заорал Рокко. — Будь ты проклят. За это я проучу тебя по-настоящему!

Что-то нахлынуло на Кори, когда он увидел кровь: слова, которые следует сказать, определенные движения пальцев, которые необходимо сделать, — эдакий странный поворот сознания. Он не понял, откуда пришли эти импульсы, но следовал им, поскольку знал, что его спасение именно в этом.

Очертания окружающих предметов стали нечеткими. Зрение затуманилось, и Кори показалось, что он летит вниз, в шахту лифта, а мимо него на огромной скорости проносятся события. «Преображение», — подумал он. Некоторое время спустя — он не мог точно сказать, как долго, — когда Кори очнулся, положение дел изменилось с точностью до наоборот.

Над зловонным засорившимся унитазом на коленях стоял Рокко, его голова оказалась погруженной в вонючую жижу, а нога Кори придавила шею противника. Кори отшатнулся — что такое он натворил? Ведь все, чего он желал, — это просто вырваться!

Курчавый и Ангел прислонились к стене, их разбитые губы кровоточили, на ногах они стояли нетвердо.

— Вот блин, — еле различимо выдали расквашенные губы Ангела. — Да это какое-то неведомое кунг-фу.

Голова Рокко вынырнула из унитаза, он обернулся и взглянул на Кори. Измазанное нечистотами лицо противника ужаснуло Кори, и ему ничуть не было легче оттого,

что эта троица собиралась макнуть в унитаз его самого, это дела не меняло.

— Схватите его! — прорычал Рокко. — Схватите и убейте его!

— Ну уж нет! — возразил Ангел. — Видел, что сделал этот сукин сын?! Не хочу с ним связываться!

Курчавый кивнул в знак согласия, и они оба, пошатываясь, вышли из туалета.

— Как тебе удалось сотворить такое? — мягко спросил Рокко, все еще стоя на коленях возле унитаза. — Ну что, маленький ублюдок, ведь это не кунг-фу, это вообще черт знает что такое.

— Просто оставь меня в покое! — прохрипел Кори. Он чувствовал себя на редкость отвратительно и совсем не был уверен в том, что сможет сдержать слезы. Он попятился к выходу. — Не лезь ко мне, я не хочу тебе зла, просто оставь меня в покое!

Кори стрелой вылетел из туалета и, спотыкаясь, побежал к учительской. Он замедлил бег и попробовал глубоко вдохнуть несколько раз. Рокко не погонится за ним, нет, только не сейчас — сначала ему надо умыться. Что же все-таки произошло? Как мог он сделать... то, что сделал?

«Преображение», — подумал он. Это слово всплыло в голове, сказанное сиплым женским голосом, что тем не менее ничуть не прояснило ситуацию.

— Кори! — окликнула его Хетер. — С тобой все в порядке?

Кори покачал головой:

— Я... Рокко с приятелями опять пытались приставать ко мне там, в туалете.

— Ты в порядке? — переспросила озадаченная Хетер.

— Да. Я вывернулся. — Вдаваться в детали не хотелось, и не только потому, что он не помнил подробностей. — Все в порядке.

Хетер положила руку ему на плечо, и Кори понял, что трясется.

— Успокойся. Все будет хорошо. Пойдем к автобусу.

— Да. Хорошо. Только...

— Дело в адреналине, — объяснила Хетер. — Из-за него ты никак не успокоишься. Скоро тебе станет лучше. Пойдем.

— Ну что, все испортил, да?

Рокко резко распрямился, оторвавшись от раковины, где в десятый раз пытался отмыть лицо. Он посмотрел в зеркало, но никого позади себя не увидел. Тогда Рокко развернулся на сто восемьдесят градусов: перед ним стояла та женщина, вчерашняя ведьма. Стояла, причем с *велосипедом*, у одной из кабинок туалета.

На секунду Рокко призадумался, в себе ли он. Потому что ведьмы вместе с велосипедами устрашающего вида обычно не встречаются в школьных туалетах. Интересно, что сказал бы его психиатр, если б услышал об этом?

— У этого куска дерьма в запасе оказалась достойная уловка! — процедил Рокко сквозь зубы.

— Однако сейчас *ты* напоминаешь кусок дерьма.

Рокко было с угрозой двинулся к обидчице, но, вспомнив вчерашнее чувство от невозможности шевельнуться, остановился.

— Но тем не менее еще не все потеряно, — продолжала женщина. — Ты попытался унизить его, но не сложилось... Все обернулось иначе, на самом деле тебя унизили.

— И что же вы можете предложить? — спросил Рокко, пытаясь оставаться хладнокровным. — Что-то ваш последний совет не особо мне помог.

— Как я говорила вчера, желание убивать — превосходное чувство. Тем не менее не следует делать этого здесь, в школе... Ведь мы не хотим, чтобы тебя исключили.

— Итак?

Женщина пожала плечами:

— Возможность всенепременно представится, Рокко. Так происходит всегда. Удобный случай обязательно подворачивается.

— И чем я его должен буду убить?

— Вот этим, — ответила женщина и достала из корзинки багажника сумку. Открыла ее, чтобы Рокко смог заглянуть внутрь.

— Весьма странно, — подумав немного, сказал Рокко.

— Тем не менее никто не подумает, что подобное оружие мог использовать девятиклассник, маленький мой Соперник. У тебя никогда не было ничего подобного, к тому же вещицу типа этой невозможно приобрести в скобяной лавке, и вряд ли это оружие наведет на твой след. Конечно же, при том условии, что ты не оставишь отпечатков пальцев и избавишься от него, когда дело будет сделано.

— Вам-то что до всего этого? Зачем вам это?

— Я добрая волшебница, к тому же я безоговорочно верю в силу истинной любви. Думаю, вы с той Девочкой просто созданы друг для друга, конечно, если на пути не будет стоять Мальчик.

Рокко ни секунды не верил ей, но это не имело значения. Раньше он не собирался убивать Кори, даже в мыслях у него такого не было. Но теперь, после происшествия в туалете...

— Можете вы сделать так же, как вчера? Чтобы я... когда буду совершать это... ничего не чувствовал? — спросил Рокко.

— Ох, маленький мой Соперник, — вздохнула ведьма. — Мне кажется, что кое-что тебе следует научиться делать самому. Может быть, ты даже можешь научиться получать удовольствие от убийства.

Рокко это обдумал. Да, она права. Совершить задуманное он сможет вне зависимости от того, получит ли он удовольствие или ничего не почувствует, да что бы то ни было!

— Я не смогу вынести это из школы, — кивнул Рокко на сумку. — Нельзя сказать, что вещица неприметная.

— Если я скажу, что она будет под рукой, когда понадобится, ты поверишь мне?

Секунду Рокко смотрел на нее, затем кивнул:

— Да. Вам я поверю.

По дороге домой Кори и Хетер опять сели в автобусе вместе.

— Ты занимаешься у мистера Траблестона? — спросила девушка.

— Да, седьмым уроком у меня занятия по биологии.

— И я тоже, но пятым уроком. Вам задана микроэкологическая работа?

— Ага. Похоже, задание простое.

— Простое, но скучное. Я подумала, что было бы здорово написать работу, взяв материал из реального мира.

— Например?

— Ну, например, про ручей позади моего дома. Там живут стрекозы и лягушки, растет камыш и даже плавают маленькие рыбки... — Хетер пожала плечами. — Вот я и подумала, что мы могли бы понаблюдать там. Ты же знаешь, мистер Траблестон вечно рассказывает о натуралистах прежних времен, рисует картинки животных и растений и все в таком духе. Держу пари: если мы исследуем ручей, напишем о его экологии, то получим хорошую оценку. И это будет куда как интереснее, чем просто читать про все такое.

— Звучит заманчиво. Тебе и правда стоит так поступить.

— Нам стоит так поступить. Держу пари, что он разрешит нам работать вместе, поскольку мы собираемся сделать не просто доклад: у нас будут и рисунки, и журнал наблюдений, и еще что-нибудь. — Не глядя на Кори, девушка вновь пожала плечами. — Конечно, если тебе это интересно. — Она постаралась придать голосу спокойную отстраненность.

«Да она боится, что я посмеюсь над ней! — догадался Кори. — Боится, что я подниму ее на смех или подумаю, что она урод какой-то!» Это было настоящее откровение — осознать, что Хетер может опасаться чего-то такого с его стороны, и от этого она понравилась Кори еще больше.

— Здорово, — одобрил он подругу. — Вместе с тобой делать этот доклад будет гораздо интереснее.

Хетер просияла и добавила:

— Надеюсь, ты ничего не имеешь против того, чтобы немного запачкать нос в глине.

— Не страшно. Бывает и похуже.

Ближе к вечеру они дошли до ручья и уселись на берегу, глядя на бегущую воду. Осуществить задуманное было

бы легче весной, когда подрастали головастики, но и сейчас можно найти много интересного для наблюдений и доклада. Хетер и Кори сидели рядышком и бросали камешки в воду, им было удивительно легко и спокойно вместе.

— Этой ночью мне приснился страшный сон, — начала рассказывать Хетер, опираясь на локти и глядя в кружевную листву над головой. — Про ту женщину, которая вчера ехала нам навстречу на велосипеде. Во сне она держала портновский сантиметр, кружила вокруг меня, просила вытянуть то одну руку, то другую и снимала с меня мерки. Сказала, что я вполне подойду. А когда я спросила, собирается ли она сшить для меня платье, женщина лишь рассмеялась. Сказала, что это я сошью ей. — Девушка нахмурила брови. — «Нет, — говорила она, — ты станешь отличным платьем для меня, просто тютелька в тютельку». — Хетер тряхнула головой. — Так странно. Сон рассердил меня, сама не знаю почему. И испугал тоже, я даже проснулась.

Кори ничего не сказал на это, потому что начал вспоминать собственный сон, — или все же то был не сон?

— Мне она тоже снилась ночью.

Хетер с удивлением перевела взгляд на Кори:

— Неужели? Правда?

— Ну да, — кивнул он. — Мне снилось, что она ездит вокруг дерева на нашем заднем дворе. То есть вначале она не была той женщиной. — Он чуть было не сказал «той волшебницей». Называла ли она сама себя волшебницей, доброй волшебницей? Он никак не мог припомнить.

— Не была? А кто же тогда был вместо нее?

— Там... Сперва я подумал, что это *ты*, но потом оказалось, что это она. — От произнесенных им же самим слов Кори прошиб озноб, словно он опустил свое сердце в холодный осенний поток, струящийся у них под ногами. Началось с Хетер, которая *превратилась* в ту ведьму, — ужас какой!

Но Хетер усмехнулась:

— Да я тебе во сне являюсь, вот как?

Кори сначала покраснел, потом рассмеялся, забыв о своих страхах:

— Вообще-то да, но это был плохой сон, так что не особо радуйся.

— С того самого момента, как я встретила тебя, я знала, что ты просто замечательный! — воскликнула Хстер. — Что ж, мне пора идти — ужин скоро. Хочешь опять вернуться сюда завтра и по-настоящему начать работу над нашим проектом?

На следующий день была суббота.

— Конечно. В котором часу мне зайти?

— Да когда хочешь. Обычно по субботам родители устраивают долгий завтрак, но не знаю, как на этот раз поступит мама, ведь папа все еще не вернулся. Но чтобы наверняка, приходи, скажем, в десять.

Они наскоро попрощались, и Кори пошел дальше через лес, направляясь в сторону своего дома.

В кустах что-то двигалось. Кори замер и прислушался. Возможно, в кустах бродила чья-то собака, но порой попадались олени, а Кори всегда был рад вновь и вновь любоваться ими. Спрятавшись в густых зарослях подлеска, он вглядывался в ту сторону, где заметил движение.

Что-то продиралось сквозь заросли плюща и спутанные ветви — что-то красно-черное и хромированное.

Велосипед, ведьмин велосипед прокладывал себе путь через лес. Многогранная, похожая на глаз стрекозы фара словно сканировала его.

Но самой ведьмы нигде не было видно.

Кори, испугавшись, казалось бы, без особой причины, развернулся и со всех ног бросился прочь из леса, мечтая скорее добраться до дому.

Той ночью, пока и Мальчик, и Девочка, и Соперник спали беспокойным сном, ведьма разъезжала на велосипеде поблизости. Скверные сны распространялись от нее, словно испарения; она распевала песню «Любовь — это так прекрасно»[1], и шуршание шин вторило ей. День накануне переселения в другое тело всегда пробуждал в ней романтический настрой, потому что как иначе она смогла бы сохра-

[1] Рипто Стар. «Love is a Many Splendoued Thing».

нить вечную молодость без любви, без древнейшего танца под названием «юноша-встречает-девушку»?

Ведьма ехала по двору Девочки, и ее велосипед все так же быстро катился по траве, не сбавляя скорости, лавируя среди деревьев с выключенной фарой. Ведьме свет не требовался: и она, и велосипед отлично видели в темноте.

На этот раз на ней не было черного берета и она вплела в волосы голубую ленту. В остальном облик ведьмы оставался неизменным, она еще не была полностью готова расстаться со сходством с велосипедом во имя полного отождествления внешности с Девочкой. Подождет до завтра, когда ее разум совсем ослабнет.

Ведьма изучила ручей. Место было выбрано воистину великолепно: когда эта небольшая драма разыгрывалась впервые во времена ее девичества, декорациями к ней служили темный густой лес и небольшой ручей вроде этого. Ее юный возлюбленный (имя его она за давностью позабыла и называла просто Первым Мальчиком) бился с Соперником за нее, а сама она стояла чуть поодаль и в ужасе наблюдала за этим зрелищем широко раскрытыми глазами... тем не менее плененная происходящим. Оба юнца стащили боевые мечи отцов и решили сражаться за честь назвать ее своей, словно взрослые. Битва началась, и вдруг меч Соперника, скрестившись с клинком Первого Мальчика, сломался пополам. Мальчик поразил внезапно разоруженного противника прямо в сердце... И, увидев кровь, Девочка, впоследствии ставшая ведьмой, поняла: данное убийство во имя женщины было не отдельным случаем, а звеном в древнем, повторявшемся из века в век действе. И оно непременно должно обладать необычайной силой, она точно знала это. Могущество, накопленное в бесчисленных повторениях кровопролитий, можно пробудить, овладеть им и заставить работать на себя — путем очередного кровопролития.

Ведьма взяла из корзины багажника сумку и раскрыла ее. Достала меч Мальчика и воткнула острием в землю рядом с деревом: боевой клинок, старинный, но только что наточенный. Не один век искала она подходящее ору-

жие. Затем ведьма достала и меч Соперника, такой же, как и первый. Вынула из сумки напильник и уселась на землю, положив меч Соперника на колени. Тихонько бормоча, надпилила клинок посредине. Велосипед стоял поблизости словно настороже, и, хотя подножка не была опущена, он держался строго вертикально.

Да, она открыла секрет вечной молодости, во всяком случае один из секретов; она предполагала, что существует много возможных путей для желающих следовать тропами тьмы. Ведьма жила очень долго, омолаживаясь вновь и вновь, воссоздавая тот первый поединок своей молодости, когда была юной девой на заре женственности. Волосы ее ни разу не тронула седина, а в последнее время она постоянно разъезжала на велосипеде, чтобы не потерять форму и выглядеть молодо. Велосипед служил ей так долго, что кровь и магия впитались и в него тоже, превратив в нечто большее, нежели просто средство передвижения: велосипед уподобился живому существу и стал почти что ее близким другом. Она и сама походила на велосипед, одевалась в тон с ним, и это еще больше запутывало вопрос о ее индивидуальности. Завтра ведьма выпьет снадобье, ослабляющее ее разум и нити, связывающие дух с телом. Она вплетет в волосы голубую ленту и оденется так, чтобы походить на новую Девочку.

Но это не более чем подготовка. Суть ее личной магии требует наличия других людей: молодых людей и молодой крови. Раз за несколько десятилетий она находила новых Мальчика, Девочку и Соперника и претворяла свою мистерию в жизнь. Она убеждалась в том, что Мальчик с Девочкой встречаются, видела, как унижен Соперник, и доводила его до желания убивать. Мальчик сходился с Соперником в поединке и убивал его у Девочки на глазах. Когда проливалась кровь, чары вступали в силу, и ведьма становилась новой Девочкой, легко проникая в молодое тело и вытесняя разум его предыдущей обладательницы, занимала ее место в новой вариации старинной драмы любви и смерти. Сверхъестественная сила удивительного подобия, магия повторяющихся ситуаций — она станет такой же молодой, как в день первого поединка, состоявше-

гося из-за нее. А покинутое тело останется лежать в лесу и вызовет преизрядный переполох, когда его обнаружат, но тайна так и останется покрыта мраком.

Ведьма перевернула меч и надпилила другую сторону лезвия. Надо будет измазать клинок грязью, чтобы никто ничего не заметил. Конечно же, когда она вселится в новое тело, ее ждут некоторые неприятности. Ей будут недоступны воспоминания девочки, доступ к ее изгнанному разуму — он отправится туда, куда попадает вытесненный разум в подобных случаях, возможно, пропадет вовсе, канет в Лету. Также предстоят сложности с родителями Девочки. Раньше ей приходилось убивать родителей, но теперь все стало намного легче. Сейчас достаточно рассказать кому-нибудь из представителей властей, что родители скверно с ней обращаются, приглашают своих приятелей, дабы обидеть ее. Ведьма может приложить зажженные сигареты к юному телу и показать ожоги учителям или полиции — любое недоверие будет разрешено в ее пользу.

Ведьма весело мурлыкала песню себе под нос и в такт водила напильником. Удовлетворенная полученным результатом, убрала напильник обратно в сумку. Подпиленный меч она измазала в глине на другом берегу ручья и укрыла в кустах: это окажется весьма живописно, если противники будут стоять на противоположных берегах и вести поединок над бегущей водой! Интересно, упадет ли Девочка в обморок при виде крови. Предыдущая именно так и сделала, отчего переход в ее тело прошел гораздо легче. Со стороны той Девочки ведьма не встретила вообще никакого сопротивления. Лишь изгнала ее разум.

Ведьма села на велосипед и поехала в гущу леса, в темную глушь. Завтра она опять станет юной. Как долго ждать! И так было *всегда*.

Субботним утром Рокко пробудился от ночных кошмаров, в которых пытался сразить мечом юношу в поединке подле небольшого лесного ручья, а темноволосая девушка беспомощно смотрела на них широко раскрытыми

глазами. Во сне он ощущал в себе небывалую силу могучего завоевателя, но тут же видел себя истекающим кровью, струей лившейся в бегущие воды ручья, окрашивая их алым...

Страшный сон разбудил Рокко, и он, дрожа, проснулся.

Родители все еще спали. Хорошо. Он тихонько проскользнул в кухню, достал из холодильника печенье и съел. Затем оделся, его не покидала мысль о Кори и о том, когда следует разделаться с ним.

Рокко вышел через боковую дверь и обнаружил ведьмин велосипед, прислоненный к стене дома. Осторожно приблизился к нему, но с виду велосипед казался совершенно безопасным. Коснулся изогнутого руля. Обычный металл. Огляпулся в поисках ведьмы, но ее нигде не было.

— Ведь ты знаешь дорогу к его дому, верно? — спросил у велосипеда Рокко.

Ответа не последовало.

Тогда Рокко взялся за руль и вывез велосипед во двор. Сел на него и поехал куда глаза глядят, гадая о том, как же узнать верный путь.

Руль сам повернул влево, и Рокко ничего не оставалось делать, как подчиниться воле велосипеда. «Словно самостоятельно движущаяся под моими пальцами планшетка на спиритической доске», — подумал он.

Рокко вовсе не принадлежал к тому типу людей, которые распевают вслух, но вдруг он поймал себя на том, что по пути во все горло поет «Пусть любовь твоя будет нежна»[1].

А где-то через милю ему уже не надо было крутить педали, велосипед схал сам.

Не переставая думать о снах, привидевшихся этой ночью, Кори шел к Хетер, зажав под мышкой тетрадь для записей. Девушка перед домом размахивала клюшкой, загоняя мячи в переносные сетчатые воротца. На ней были джинсы и голубая рубашка навыпуск, волосы спутаны,

---

[1] Элвис Пресли. «Love Me Tender».

а лицо разрумянилось от напряжения. Хетер была прекрасна.

— Хочешь ударить пару раз? — спросила девушка, увидев Кори.

— Может, в другой раз.

— Всегда пожалуйста. Пойдем к ручью? — И Хетер подняла с клумбы сумку.

— Конечно.

— Мама сказала, что приготовит для нас ленч. Хочет с тобой познакомиться.

Эта новость и порадовала Кори, и вместе с тем обеспокоила его.

— Ты рассказала маме про меня?

Хетер рассмеялась:

— Должна же я была что-то сказать маме, когда пошла к тебе в гости. Она даже причесала меня, помнишь?

— Точно, точно.

Они углубились в лес. Хоккейной клюшкой Хетер подцепляла шишки.

— Этой ночью тебе...

— ...снились странные сны? — закончила начатую Кори фразу Хетер.— Да. Никакой ведьмы не было, но мне снились двое неизвестных парней, пытавшиеся поубивать друг друга.

— А мне снилось, что я пронзил кого-то клинком. Еще там была девушка... которая подошла к убитому юноше и внимательно смотрела, как кровь струится из его жил и бежит в воды ручья. Казалось, она едва ли замечала меня, хотя я и стремился привлечь ее внимание.

— Вот так сон!.. — проговорила Хетер. — Странный и неприятный.

— Вчера я кое-что видел...

— И что же?

— Я думаю... думаю, вчера я видел в лесу велосипед той странной дамы. Именно не саму женщину, а ее велосипед, причем на нем никого не было. Но ведь это невозможно. Да?

— Не знаю. Но мне бы хотелось, чтобы эти непонятные сны поскорее прекратились. Иначе я стану бояться ложиться спать.

Они добрались до ручья и принялись обсуждать свою работу, довольные, что у них есть занятие, способное отвлечь их от дурных сновидений.

Велосипед привез Рокко в район, находящийся в полутора часах езды от его дома. Он надеялся, что домой получится вернуться таким же способом, потому что дороги он не запомнил.

— Уж лучше бы меч оказался здесь, — сказал велосипеду Рокко, когда тот сбавил скорость и медленно подкатился к лесу позади домов. — Не говоря об этом дерьме Кори.

Велосипед не удостоил его ответом, въехал в лес, остановился и потерял равновесие. Рокко соскочил с него, замер на месте и прислушался. Он услышал журчание воды и, кажется, какие-то голоса. Неужели у Кори есть друзья? Да это просто невозможно! Но если есть... что же, тогда он осуществит задуманное, когда представится удобный случай. А он, как известно, неизменно подворачивается.

Сквозь лесные заросли Рокко пробирался на звук голосов... и увидел, что прямо напротив, отделенные от него лесным ручьем, стоят Кори и Хетер.

Ну надо же, там Хетер, вот черт! Рокко никак не ожидал увидеть девушку здесь. И все же... может, это не так плохо, как показалось на первый взгляд. Наверняка Кори рассказал ей, как поглумился над ним, как выставил дураком перед друзьями и макал головой в загаженный унитаз. И они смеялись над ним, тогда как смеяться она должна была над Кори.

Ну что ж, теперь он ей покажет, это точно. Покажет, что нельзя его безнаказанно мешать с грязью. Она *увидит*.

Рокко огляделся вокруг. Меч оказался рядом, лезвие глубоко ушло в мягкую землю. Юноша поднял оружие и сжал рукоять: ладонь уверенно сжимала меч, столь естественно, *словно оружие было создано для него*.

Рокко напомнил сам себе: «Никаких чувств. Просто выполняй то, что следует» — и шагнул к ручью.

— Ты ничего не слышала? — спросил Кори.

— Нет, а... — начала было Хетер.

Но тут события стали разворачиваться с невообразимой скоростью.

Из кустов на противоположной стороне ручья вышел Рокко, в правой руке он держал что-то длинное — уж не меч ли? Он вовсе не хмурился, и не ругался, и не улыбался, а просто торопливо шагал по направлению к ручью с полным решимости лицом. Кори инстинктивно шагнул вперед и встал между Рокко и Хетер, загородив девушку собой.

— Ты что, с ума сошел?! — отступая назад, крикнула Хетер.

Кори не понял, к кому из них двоих она обращалась.

Кори тоже отступил назад, наткнулся локтем на дерево, взглянул туда — и увидел меч, воткнутый в землю рядом со стволом дерева.

Вот теперь ясно, что надо делать. Ведь прошлой ночью, во сне, он уже совершил это!

Кори вытащил меч из земли и встал в стойку. Раньше он никогда не держал меч, но сейчас все вышло будто само собой, на редкость естественно, оружие стало словно продолжением его руки.

На другой стороне ручья стоял Рокко.

— Ты оскорбил меня, придется тебе поквитаться за это, — сказал он, потом кивнул на Хетер. — А еще за Девочку.

— Ее ты не получишь, — твердо заявил Кори, сам не понимая, откуда берутся подобные слова. — Сначала тебе придется сразиться со мной.

— Да будет так, — заключил Рокко и перепрыгнул ручей.

Кори ожидал противника в позиции *en garde*[1] и на удивление совсем не выглядел озадаченным. Казалось, все, что происходит, вовсе к нему не относится — просто кое-какие необходимые формальности.

Рокко поднял меч, и его лицо наконец-то обрело выражение — вихрь сконцентрированной и всепоглощающей ярости.

---

[1] Стойка «к бою» (фехтование) *(фр.)*.

И тут Хетер треснула по мечу Рокко хоккейной клюшкой, отчего клинок сломался надвое. По лицу Рокко разлилось выражение комического изумления, он обратил взгляд на Хетер, которая, вновь взмахнув клюшкой, ударила его плашмя по голове сбоку. Он одеревенело качнулся назад и полетел в ручей, все еще сжимая в руке рукоятку сломанного меча.

— Господи, — тяжело дыша, проговорила Хетер.

И тут из кустов неподалеку послышался вопль ведьмы.

Что такое натворила Девочка?! Она должна была стоять в сторонке и ужасаться кровопролитию, ей вовсе не следовало вмешиваться! Ведьма ослабила связи своего разума, надела джинсы и голубую рубашку, чтобы быть похожей на Девочку, вплела в волосы голубую ленту. Она была готова *стать* Девочкой и ждала, когда Мальчик прольет кровь Соперника, чем воспламенит чары, — а теперь все пропало!

С пронзительными воплями она выскочила из скрывавших ее зарослей:

— Сука! Маленькая шлюшка! Дрянь негодная!

Может, еще не слишком поздно. Если бы только она смогла пустить Сопернику кровь! Кажется, такой нежданный поворот весьма близок к изначальному сценарию и властное подобие ситуаций не претерпело безвозвратной неудачи. Но она находилась слишком далеко, ей никогда не добраться до него, чтобы вовремя убить, особенно если Девочка так и будет стоять на пути, свирепая, словно амазонка, сжимающая клюшку твердой рукой.

Но велосипед — он-то ближе к цели.

Оглушенный, Рокко попытался приподняться, сел, увидел, как выскочила вопящая ведьма, перевел взгляд на зажатый в руке обломок меча и пусть не в деталях, но все же внезапно осознал суть сложившейся ситуации.

Ведьма подставила его. Рокко предстояло умереть здесь, поэтому именно ему предназначался никуда не годный меч. И за невероятной ловкостью, силой и скоростью реакции Кори при стычке в туалете тоже, вероятно, стояла она.

Да Рокко *убьет* ее! Он с трудом поднялся на ноги.

И увидел, как на него несется готовый напасть велосипед. Рокко замер, объятый ужасом.

Велосипед выехал из-за деревьев, сначала двигаясь тяжело и медленно, затем все набирая и набирая скорость. Изумленный и испуганный, Рокко смотрел на приближающийся велосипед, не в силах сдвинуться с места. Хетер держала наготове хоккейную клюшку, но смотрела она не на Рокко, а на жутко ухмыляющуюся ведьму, одетую точь-в-точь как она сама.

Велосипед без седока должен был промчаться мимо Кори. Мальчик видел, как изогнутый в форме рогов руль повернулся так, чтобы оказаться нацеленным вперед, словно у готового атаковать быка. И эти рога запросто пронзят Рокко, кровь его прольется в ручей, окрасив алым бегущую воду...

Недолго думая, Кори с мечом в руке метнулся к велосипеду, воткнул клинок между спиц. От вращения колеса меч стукнулся о раму, застрял между погнутых спиц и лишил колесо возможности крутиться. Ведьма опять закричала, велосипед затрепыхался, по инерции пролетел несколько футов и упал в ручей, у ног Рокко.

Рокко проводил взглядом велосипед, затем посмотрел на ведьму, которая рвала на себе волосы, выкрикивая непонятные слова.

Рокко недобро ухмыльнулся, нагнулся и вытащил застрявший среди искореженных спиц меч. Колеса закрутились, но самостоятельно встать вертикально велосипед не смог. Кори тихонько выругался. Теперь Рокко набросится на него, а на этот раз Кори безоружен. И даже не сможет убежать, потому что в этом случае Хетер останется в руках Рокко и ведьмы.

Рокко поднял меч и издал воинственный клич. На этот раз лицо его выражало целую гамму чувств: и ярость, и наслаждение, и бешенство.

Но он бросился не на Кори. Он пронесся мимо Хетер, прямиком к ведьме, которая едва ли видела угрожающую ей опасность, — она не отрываясь смотрела на девушку, рвала на себе волосы и рыдала.

Рокко вонзил меч по самую рукоятку ведьме в живот, толкнул ее рукой в грудь. Тело соскользнуло с лезвия и упало навзничь. Рокко замахнулся и отсек ведьме голову.

Затем он воткнул меч в землю почти так же, как он стоял до того, когда Кори нашел его. Тяжело дыша, Рокко смотрел на Кори и Хетер остановившимся взглядом.

— Не подходи к нам! — подвигаясь ближе к Кори, крикнула Хетер, половчее перехватив клюшку.

— Черт, — хриплым голосом сказал Рокко, — да не нужны вы мне оба. Я совершил то, что должен был сделать. — Он нахмурился. — Ну а теперь...

Рокко шагнул в их сторону, и Хетер встала перед Кори, защищая его, а он тоже сделал движение, желая закрыть ее собой.

Но Рокко не стал подходить близко к ним, а двинулся в сторону ручья и велосипеда с такими словами:

— Эта штуковина... Не знаю, в чем секрет, но она наделена собственным разумом. Может, даже *ее* разумом. — Он бросил взгляд на Хетер. — Попробуй вдребезги разломать эту штуку своей клюшкой, а? Я возьму камень.

— Он прав, — вмешался Кори. — Не пойму, как это может быть, но... велосипед — часть всей этой истории. Нам надо сломать его.

— Не приставай к нам! — с угрозой в голосе опять процедила Хетер. — Не лезь к Кори.

В ответ Рокко пожал плечами:

— Он доказал, что кое-чего стоит. Он спас мне жизнь. — Рокко горько усмехнулся Кори. — Но если бы Хетер не напала на меня с клюшкой и если бы не мой сломанный меч, я бы непременно прикончил тебя.

— Мы уже имели честь лицезреть твои способности, — отрезала Хетер, указав на обезглавленное тело ведьмы.

Рокко тоже взглянул в ту сторону и кивнул:

— Ну да. Здесь я перешагнул границу, верно? Интересно, что бы сказал мой психиатр, если б я поделился с ним тем, что убил женщину за то, что она ведьма?

Кори и Хетер промолчали и принялись усердно трудиться над велосипедом, клюшкой и камнями и для начала разбили фару, потом превратили колеса в бесформен-

ную массу. Рокко колотил по ним, пока они не оторвались от рамы. Пока дети всецело отдавались разрушению велосипеда, послышались шаги и крики.

— Кто?.. — насторожился Кори.

— Взрослые, — проворчал Рокко, — которые устанавливают границы. Наверное, услышали крики. Давайте покончим с этим, пока они не добрались сюда.

Они удвоили усилия, и, когда закончили, от велосипеда остались лишь куски старого железа, мерцавшие на дне ручья.

— Мы преуспели в деле микроэкологии, — ухмыльнулась Хетер. — И теперь вода здесь будет отравлена навечно.

На поляну выбежала женщина, за ней другая, и еще мужчина.

— Хетер! — вскрикнула первая. — Что... — Тут она увидела тело ведьмы. — Боже мой! — выдохнула она, прикрыв рот обеими руками.

— Я убил ее, — сказал Рокко, выступив вперед. Через плечо он взглянул на Кори, потом наградил Хетер улыбкой. Повернулся ко взрослым. — Я ее убил, потому что она — ведьма.

Взрослые переглянулись.

Хетер схватила Кори за руку и крепко сжала его ладонь. Он ответил ей сильным рукопожатием. День обещал быть долгим, а впереди еще череда долгих-долгих дней... Но, с другой стороны, может, ему удастся все так же держать Хетер за руку.

ДИАНА УИНН ДЖОНС

Тирский мудрец

Я часто думаю, почему все самые хорошие книги достаются детям? И не понимаю, почему взрослые так редко отваживаются интересоваться, что читают их чада. Может быть, книги о Гарри Поттере изменили картину, но мне кажется, что взрослым стоит почаще заходить в детские отделы книжных магазинов. Тогда они откроют для себя шедевры блистательной Дианы Уинн Джонс, поскольку ее книги раскрывают вполне взрослые темы и понравятся читателям любого возраста. Первая книга Джонс для детей — «Зуб Уилкинса» («Wilkin's Tooth») — вышла в 1973 году, а вслед за ней быстро появились изумительно смешной «Огр под лестницей» («The Ogre Downstairs», 1974), «Восемь дней Люка» («Eight Days of Luke», 1974) и «Сын менестреля» («Cart and Cwidder», 1975) — с этой книгой началось мое знакомство с Дианой Джонс и серия о Дальмарке. Романом «Зачарованная жизнь» («Charmed Life», 1977) открылась еще одна популярная серия книг Джонс — о Крестоманси. Представьте себе, что если бы в мире действительно существовало волшебство, кто-то должен был бы регулировать его использование, чтобы оно не вышло из-под контроля. Во многих странах это привело бы к засилью бюрократии. В этом и состоит соль серии о Крестоманси. Крестоманси — сильнейший из чародеев, которого правительство уполномочило следить за использованием волшебства. Но на самом деле все, конечно, не так просто...

Жил-был мир под названием Тира, в котором небесная иерархия была организована просто лучше некуда. Ее механизм был отлажен настолько точно, что всякий бог и всякая богиня досконально знали свои обязанности, полагающиеся им молитвы, точное расписание работы, однозначно определенный характер и неоспоримое место над и под другими богами.

Такого порядка придерживались все — и сам Зенд Вседержитель, царь богов, и все боги, божества, божки, привидения и знамения божественной воли вплоть до самой что ни на есть нематериальной нимфы. Даже невидимым дракопам, которые жили в реках, полагались свои невидимые демаркационные линии. Вселенная работала как часы. Человечество, конечно, все время норовило нарушить распорядок, но боги все улаживали. Так было на протяжении тысячелетий.

Поэтому когда посреди ежегодного Фестиваля Воды, на котором полагалось присутствовать исключительно водяным божествам, Зенд Всемогущий наткнулся взглядом на Империона, бога солнца, который мчался к нему через анфиладу небесных покоев, стало очевидно, что сама природа вещей дала трещину.

— Вон! — возмутился Зенд.

Но Империон по-прежнему несся вперед, отчего приглашенные водяные божества шипели и испарялись, и на гребне волны жара и теплой воды подкатился к подножию трона Зенда.

— Отец! — воззвал Империон.

Высшие божества вроде Империона имели привилегию называть Зенда Отцом. Зенд не помнил, действительно ли он отец Империона. Происхождение богов было совсем не так регламентировано, как их нынешнее существование. Но Зенд знал, что Империон, чьим бы сыном он ни был, грубо попрал все правила.

— Ниц! — сурово велел Зенд.

Империон не послушался и этого приказа. Может, и к лучшему, потому что небесный пол был весь мокрый и от него и так уже вовсю валил пар. Империон не сводил с Зенда пламенного взора.

— Отец! Родился Мудрец-Ниспровергатель!

Зенд вздрогнул под покрывалом горячих клубящихся облаков и попытался смирить свои чувства.

— В священных книгах сказано, — объявил он, — что родится некий Мудрец, который подвергнет все сомнению. Его вопросы низвергнут небесный порядок, и боги погрязнут в анархии. Сказано также...

Тут Зенд понял, что Империон заставил и его самого тоже нарушить все правила. Протокол предполагал, что Зенд призовет бога пророчеств и велит ему справиться с Книгой Небес. Тогда Зенда осенило, что Империон и есть бог пророчеств. Это входило в выверенный перечень его обязанностей. Зенд напустился на Империона:

— А зачем, собственно, ты сюда явился и сообщил это мне?! Ты же бог пророчеств! Иди и посмотри в Книгу Небес!

— Я уже посмотрел, Отец, — ответил Империон. — И обнаружил, что при самом воцарении богов я предсказал появление Мудреца-Ниспровергателя. Сказано, что Мудрец родится и я об этом ничего не узнаю.

— Но тогда как так вышло, — подловил его Зенд, заработав очко, — что ты сообщаешь мне, будто он родился?

— Сам факт, — сказал Империон, — что я посмел прийти сюда и прервать Фестиваль Воды, показывает, что Мудрец родился. Наше Низвержение уже началось, это очевидно!

Водяные божества разом оцепенели. Они жались по дальним углам покоев, стараясь держаться подальше от Империона, но им было все слышно. Зенд попытался собраться с мыслями. Пар от Империона и пена отчаяния, которая так и валила от остальных, привели небесные покои в состояние настолько близкое к хаосу, что такого Зенд не видел целые тысячелетия. Еще немного, и никакого Мудреца с его вопросами уже не потребуется.

— Оставьте нас, — велел Зенд водяным божествам. — События, неподвластные даже моему контролю, вынуждают меня прервать Фестиваль. Вам сообщат о принятом мною решении. — К ужасу Зенда, водяные не спешили уходить — еще одно свидетельство Низвержения. — Честное слово, — добавил он.

Тогда водяные образумились. Они стали покидать покои волнами — все, кроме одного. Этим одним был Окк, бог всех океанов. Окк по статусу был равен Империону и не боялся жара. Он остался на месте.

Зенду это не понравилось. Ему всегда казалось, что Окк менее других богов склонен к порядку. Он не знал

своего места. Он был не менее беспокоен и непостижим, чем само человечество. Но если Низвержение уже началось, что может поделать какой-то Зенд?

— Тебе позволено остаться, — милостиво сказал он Окку и снова обратился к Империону: — Так откуда же ты узнал, что родился Мудрец-Ниспровергатель?

— Я справлялся с Книгой Небес по другому вопросу, — сказал Империон, — и она открылась на странице с моим пророчеством о Мудреце-Ниспровергателе. Поскольку там говорится, что я не смогу предсказать день и час, когда родится Мудрец, отсюда следует, что он уже родился. Остальная часть пророчества, однако, оказалась похвально точной. Через двадцать лет начиная с этого дня он примется задавать вопросы Небесам. Что же нам предпринять, чтобы остановить его?

— Ума не приложу, — беспомощно ответил Зенд. — Пророчество есть пророчество.

— Но надо же что-то делать! — взорвался Империон. — Я требую! Я же бог порядка еще в большей степени, чем ты! Только подумай, что случится, если солнце пойдет по небу не так, как надо! Мне от этого придется даже хуже, чем прочим! Я требую, чтобы Мудреца-Ниспровергателя нашли и уничтожили прежде, чем он сможет задавать вопросы!

Зенд оторопел:

— Но это немыслимо! Если в пророчестве говорится, что он будет задавать вопросы, тогда он должен их задавать!

Тут к ним подошел Окк.

— В каждом пророчестве есть свое слабое место, — напомнил он.

— Конечно! — рявкнул Империон. — Я и сам вижу, не хуже тебя! Воспользовавшись преимуществом того беспорядка, который начнется из-за рождения Мудреца, я прошу Зенда Вседержителя убить его и тем самым опровергнуть пророчество. Порядок будет восстановлен.

— Я не имел в виду логические фокусы, — заметил Окк.

Два бога уставились друг на друга. Пар от Окка окутывал Империона, а потом проливался дождем обратно на Окка — с регулярностью дыхания.

— А что ты в таком случае имел в виду? — поинтересовался Империон.

— По всей очевидности, — объяснил Окк, — в пророчестве не говорится, в каком именно мире Мудрец будет задавать свои вопросы. Существует множество иных миров. Человечество называет их возможными мирами — в том смысле, что они когда-то составляли с Тирой единое целое, но после каждого неоднозначного исторического события откалывались и начинали жить самостоятельной жизнью. У каждого возможного мира свои собственные Небеса. Наверняка есть хотя бы один мир, в котором среди богов нет того порядка, что у нас. Пусть Мудрец окажется в таком мире. Пусть он там задаст свои предопределенные вопросы.

— Отличная мысль! — Зенд захлопал в ладоши от облегчения, не подумав, что насылает на всю Тиру страшные грозы. — Ну что, Империон, согласен?

— Да, — ответил Империон. Он вспыхнул от радости. А поскольку удержать его было некому, он немедленно впал в пророческий транс. — Но должен предупредить, — заявил он, — что там, где играют в игрушки с Судьбой, происходят странные вещи.

— Странные — вероятно, но не беспорядочные, — отрезал Зенд.

Он призвал водяных божеств обратно, а с ними и всех богов Тиры. Он объявил, что только что родился младенец, которому на роду написано сокрушать все подряд, и что всем богам предписывается разыскать этого младенца хотя бы на краю земли.

(«Край земли» — формулировка совершенно официальная. Разумеется, Зенд не считал, что Тира плоская. Но это выражение не менялось долгие годы, как и весь уклад Небес. Оно означало «везде».)

Обитатели Небес перевернули Тиру вверх дном. Нимфы и дриады прочесали горы, пещеры и леса. Домашние боги заглянули во все колыбельки. Водяные боги обшарили побережья, пляжи и отмели. Богиня любви подняла все свои записи, чтобы дознаться, кем могли быть родители Мудреца. Невидимые драконы обыскали баржи и плавучие домики. Поскольку свои боги в Тире были решительно

для всего, ничего не было упущено и все было осмотрено. Империон искал даже усерднее прочих, заглянув во все уголки и трещинки на одной стороне мира и заставив богиню луны проделать то же самое на другой.

И никто Мудреца не нашел. Были, конечно, две-три ложные тревоги,— например, одна домашняя богиня доложила о некоем младенце, который вопил не переставая. От этого ребенка впору было на стенку полезть, сказала она, и если это не Низвержение, тогда что же? Были также отчеты о младенцах, которые родились с зубами, с шестью пальцами и прочими странностями. Но во всех этих случаях Зенду удавалось доказать, что эти дети не имеют ничего общего с Низвержением. Через месяц стало ясно, что младенца-Мудреца не найдут.

Империон был в отчаянии, ведь, как он и говорил Окку, порядок значил для него больше, чем для всех прочих богов. Он так разволновался, что даже солнце стало остывать. В конце концов богиня любви посоветовала ему отправиться вниз на землю и расслабиться со смертной женщиной, а то как бы он сам не стал Ниспровергателем.

Империон понял, что она права. Он спустился на землю навестить женщину, которую любил уже несколько лет. Среди богов было признанной традицией любить смертных. Некоторые являлись возлюбленным во всякого рода иллюзорных обличьях, а у некоторых было несколько возлюбленных разом. Но Империон был и честным, и верным. Он никогда не являлся Нестире иначе как в облике прекрасного мужчины и любил ее очень преданно. Три года назад она подарила ему сына, которого Империон любил почти так же, как и Нестиру. Пока не родился Мудрец, который так сильно тревожил Империона, он и вовсе пытался чуточку изменить небесные законы и добиться того, чтобы его сына тоже признали богом.

Звали ребенка Таспер. Снизойдя на землю, Империон увидел Таспера, который возился в кучке песка у дома Нестиры,— это был очень красивый мальчик, светловолосый и голубоглазый. Империон с нежностью подумал, научился ли Таспер говорить как следует. Нестира очень волновалась, что их сын поздно начал разговаривать.

Империон приземлился рядом с сыном.

— Привет, Таспер! Что это ты тут копаешь?

Вместо ответа Таспер поднял светлокудрую головку и крикнул:

— Мама! Почему, когда папа приходит, становится так светло?

Всю радость Империона как рукой сняло. Конечно, никто не сумеет задавать вопросы, не научившись говорить. Но все-таки до чего жестоко, что именно его сын оказался Мудрецом-Ниспровергателем!

— А что в свете такого плохого? — обиженно спросил Империон.

Таспер сердито взглянул на него.

— Мне непонятно. Почему?

— Наверное, потому, что ты радуешься, когда меня видишь, — предположил Империон.

— Не радуюсь, — возразил Таспер. Нижняя губа у него отвисла, а большие голубые глаза заволокло слезами. — Почему светло? Мне непонятно. Мама! Я не радуюсь!!!

Из дома выскочила Нестира — она была так встревожена, что едва улыбнулась Империону.

— Таспер, малыш! Что случилось?

— Мне непонятно! — рыдал Таспер.

— Что тебе непонятно? В жизни не встречала такого пытливого ума, — гордо сказала Нестира Империону, поднимая Таспера на руки. — Вот почему он так долго не говорил. Он не хотел разговаривать, пока не понял, как задавать вопросы. А если ему не ответишь, он будет рыдать часы напролет.

— А когда он начал задавать вопросы? — нервно спросил Империон.

— С месяц назад, — ответила Нестира.

Тут Империону стало и вправду страшно грустно, но он это скрыл. Ему было ясно, что Таспер и есть Мудрец-Ниспровергатель и что надо отправить его в другой мир. Он сказал с улыбкой:

— Любовь моя, у меня чудесные новости. Таспера признали богом. Сам Зенд Вседержитель хочет сделать его своим виночерпием.

— Ой, уже? — расплакалась Нестира. — Он же совсем крошка!

У нее нашлась уйма других возражений. Но в конце концов она отдала Таспера Империону. Подумайте сами, разве можно желать своему ребенку лучшего будущего? На прощание встревоженная Нестира засыпала Империона потоком советов насчет того, что малыш ест и когда ему пора баиньки. Империон поцеловал ее на прощание, и на сердце у него было тяжко. Он не знал, когда решится теперь увидеть Нестиру из опасения сказать ей правду.

И вот с Таспером на руках Империон отправился в срединные просторы под Небесами подыскивать другой мир.

Таспер с интересом смотрел вниз на голубой изгиб мира.

— А почему... — начал он.

Империон поспешно заключил его в сферу забвения. Нельзя было допустить, чтобы Таспер задавал здесь свои вопросы. Вопросы, которые сокрушат землю, в срединных просторах могут оказать еще более разрушительное действие. Сфера представляла собой серебряную оболочку — не совсем прозрачную, но и не мутную. В ней Таспер словно бы спал, и пока сферу не откроют, он не будет ни двигаться, ни расти. Обезопасив таким образом малыша, Империон взвалил сферу на плечо и шагнул в соседний мир.

Он шел из мира в мир. Приятно было обнаружить, что их почти бесконечное множество, но выбрать оказалось невероятно трудно. В некоторых мирах царил такой беспорядок, что Империон вздрагивал при мысли о том, чтобы оставить там Таспера. В некоторых боги страшно сердились на Империона за вторжение и кричали на него, чтобы он убирался. В других возмущалось человечество. Один из миров оказался таким рациональным, что, к ужасу Империона, боги в нем и вовсе умерли. Многие миры всем были хороши, пока Империон не допускал в себя пророческий дух, а тогда становилось ясно, что Тасперу будет здесь плохо.

Но вот наконец нашелся подходящий мир. Он был спокоен и элегантен. Немногочисленные боги вроде бы были достаточно цивилизованны, но не слишком строги. Импе-

риону показалось даже странным то, что эти боги поделились с человечеством частью своего могущества. А человечество при этом вовсе не злоупотребляло этим могуществом, и пророческий дух заверил Империона, что если он оставит здесь Таспера, заключенного в сферу забвения, откроет ее тот, кто будет обращаться с мальчиком очень хорошо.

Империон положил сферу в лесу и поспешил обратно в Тиру, чувствуя несказанное облегчение. Там он доложил обо всем Зенду, и Небеса возликовали. Империон позаботился о том, чтобы Нестире достался в мужья невероятный красавец богач и чтобы вместо Таспера у нее народилась куча детей. Потом он не без печали вернулся к размеренной жизни Небес. Отлаженный механизм Тиры шел и шел вперед без всяких признаков Низвержения.

Прошло семь лет.

Все это время Таспер ничего не знал и оставался трехлетним. Потом настал день, когда сфера забвения распалась на две половины и он сощурился от солнечного света — несколько менее золотого, чем тот, к которому он привык.

— Так вот из-за чего все тревоги, — пробормотал себе под нос высокий дяденька.

— Бедняжечка, — нежно сказала тетенька.

Окружал Таспера лес, а над ним стояли какие-то люди и глядели на него, но, насколько Тасперу было известно, с тех пор как он воспарил в срединные просторы вместе с отцом, не произошло ничего. Он закончил вопрос, который как раз начал задавать.

— А почему мир круглый? — спросил он.

— Интересный вопрос, — заметил высокий дяденька. — Обычно ответом на него служит следующее соображение: потому что углы сглаживаются, когда планета вращается вокруг солнца. Однако, вероятно, так сделано для того, чтобы можно было закончить там, где начал.

— Сэр, вы его только запутаете такими рассуждениями, — сказала другая тетенька. — Он же совсем крошка.

— Нет, ему интересно, — возразил другой дяденька. — Взгляните на него.

Тасперу и правда было интересно. Высокий дяденька был что надо. Таспер пока не понимал, откуда он тут появился, но решил, что высокий дяденька наверняка оказался при нем, потому что отвечал на вопросы лучше Империона. Таспер задумался, куда же подевался Империон.

— А почему ты не мой папа? — спросил он высокого дяденьку.

— И снова очень тонкий вопрос, — похвалил его высокий дяденька. — Потому что, насколько нам удалось установить, ваш папа живет в другом мире. Позвольте узнать ваше имя.

Это снова было в пользу высокого. Таспер никогда не отвечал на вопросы, он их только задавал. Но это был приказ. Высокий дяденька понимал Таспера.

— Таспер, — послушно ответил Таспер.

— Ах, какая лапочка! — улыбнулась первая тетенька. — Я бы хотела его усыновить.

Остальные тетеньки, собравшиеся вокруг, горячо это одобрили.

— Это невозможно, — серьезно возразил высокий. Голос его был нежнее сливок и твердый как скала.

Дамам осталось только выпрашивать у него разрешение поухаживать за Таспером хотя бы денек. Ну, часик.

— Нет, — мягко отвечал высокий. — Его нужно немедленно вернуть.

На это все собравшиеся тетеньки закричали, что дома Таспер подвергнется громадной опасности. Высокий дяденька сказал:

— Разумеется, я о нем позабочусь.

Затем он протянул руку и поднял Таспера.

— Идемте, Таспер.

Едва Таспера вынули из сферы, как обе ее половинки испарились. Одна из тетенек взяла его за свободную руку, и они направились прочь — сначала верхом на лошадке, и Тасперу страшно нравилось, как его качает, а потом в большущий дом, где была совершенно непонятная комната. Там Таспер сидел в пятиконечной звезде, а вокруг мелькали картинки. Люди кругом мотали головами.

— Нет, опять не тот мир...

Высокий дяденька отвечал Тасперу на все-все вопросы, и тому было так интересно, что он даже не обиделся, что ему не разрешают ничего есть.

— А почему нельзя? — спросил он.

— Поскольку вы самим фактом вашего здесь пребывания заставляете мир колебаться, — затейливо объяснил высокий. — Если внутри вас окажется пища, она, будучи плотной субстанцией, принадлежащей этому миру, может даже разорвать вас на части.

Вскоре после этого появилась новая картинка.

— Ах! — закричали все.

— Так это Тира! — сказал высокий.

Он удивленно поглядел на Таспера.

— Должно быть, кто-то решил, что вы существо беспорядочное, — заметил он. Затем он снова поглядел на картинку — лениво, но настороженно. — Никакого беспорядка, — промурлыкал он. — Никакой опасности. Пойдемте со мной.

Он снова взял Таспера за руку и повел его в картинку. При этом волосы у Таспера заметно потемнели.

— Элементарная предосторожность, — пробормотал высокий, словно бы извиняясь, но Таспер не обратил на это никакого внимания. Таспера совершенно не заботило, какого цвета были у него волосы с самого начала, а кроме того, его страшно занимало то, с какой невероятной скоростью они двигаются. Они ворвались в город и резко остановились. Рядом стоял очень славный домик — как раз на границе бедного квартала.

— Эти люди нам подходят, — заметил высокий дяденька и постучал в дверь.

Ему открыла очень грустная женщина.

— Прошу извинить меня, сударыня, — произнес высокий дяденька. — Вы случайно не теряли маленького мальчика?

— Да, — кивнула женщина, — но это же не... — Она заморгала. — Ой, Таспер! Куда же ты убежал? Ах, сэр, спасибо вам огромное!

Но высокого уже не было.

Звали женщину Алина Альтан, и она была настолько уверена в том, что Таспер — ее сын, что Таспер и сам в

этом уверился. Он счастливо зажил с ней и ее мужем, который был хороший врач и работал очень много, но при этом почему-то богаче не становился.

Скоро Таспер позабыл и высокого дяденьку, и Империона, и Нестиру. Иногда, правда, его страшно удивляло — как, впрочем, и его маму, — что своим друзьям Алина представляла его так: «Это Бидиан, но мы обычно зовем его Таспер». Благодаря высокому человеку никто так и не узнал, что настоящий Бидиан забрел на реку, а там его съел невидимый дракон.

Если бы Таспер помнил высокого дяденьку, то удивился бы еще и тому, почему его появление словно бы подтолкнуло доктора Альтана на путь процветания. Жители соседнего бедного квартала вдруг обнаружили, какой он замечательный врач и как недорого берет. Вскоре Алина смогла отправить Таспера в очень хорошую школу, где он своими бесчисленными вопросами доводил учителей до белого каления. Как теперь часто и с гордостью говорила его новая мать, ум у него был донельзя пытливый. Хотя он быстрее прочих людей усвоил Десять Первых Уроков и Девять Добродетелей Детства, учителям частенько становилось от него так тошно, что они рявкали: «Знаешь что?! Иди спроси невидимого дракона!» — а так обитатели Тиры говорят всегда, когда чувствуют, что вопросов с них уже хватит.

Таспер мало-помалу, с огромным трудом отучил себя от обыкновения никогда не отвечать на вопросы. Но все равно вопросы он предпочитал ответам. Дома он задавал вопросы постоянно: «Зачем кухонный бог раз в год должен отправляться на Небеса с докладом? А можно мне в это время красть печенье? Зачем невидимые драконы? Если болезни насылают боги, как же папа их лечит? Почему у меня все время появляются маленькие братики и сестрички?»

Алина Альтан была превосходной матерью. Она с усердием отвечала на все эти вопросы — в том числе и на последний. Она рассказала Тасперу, откуда берутся дети, завершив отчет так:

— И тогда, если боги благословят мою утробу, появится малыш.

Она была женщиной набожной.

— Не хочу, чтобы тебя благословляли! — возмутился Таспер, снизойдя до утверждения, что делал только тогда, когда очень уж волновался.

Правда, у него не было выбора. К тому времени, как ему сравнялось десять, боги сочли уместным благословить его двумя братиками и двумя сестричками. В качестве благословений, по мнению Таспера, они просто никуда не годились. Они же были еще совсем маленькие — какой от них прок?

— Ну почему им не столько же лет, сколько мне? — допытывался он.

И вот у Таспера образовался на богов небольшой, но чувствительный зуб.

Доктор Альтан между тем продолжал процветать, и рост его доходов даже опережал прибавления в семействе. Алина наняла няньку, кухарку и множество совершенно непостоянных мальчиков-слуг. И вот, когда Тасперу исполнилось одиннадцать, один такой мальчик-слуга робко сунул ему сложенный бумажный квадратик. Таспер в изумлении развернул бумажку. Она была странная на ощупь и вроде бы даже дрожала в его пальцах. Еще от нее исходило сильное ощущение того, что говорить о ней не следует никому. Записка гласила:

Дорогой Таспер!

Вы оказались в необычном положении. Прошу Вас непременно позвать меня сразу, как только Вы столкнетесь лицом к лицу с самим собой. Я буду наблюдать за Вами и прибуду по первому зову.

Ваш Крестомански

Поскольку к тому времени у Таспера не осталось ни малейших воспоминаний о раннем детстве, записка совершенно сбила его с толку. Он откуда-то знал, что говорить о ней никому нельзя, но еще он понимал, что к мальчику-слуге этот запрет не относится. Зажав бумажку в руке, он кинулся в кухню вслед за мальчиком.

На верху кухонной лестницы его остановил оглушительный грохот бьющегося фарфора. За грохотом немедленно последовал голос кухарки, разразившейся потоком

обвинений разной степени справедливости. Таспер понял, что в кухню лучше не соваться.

Итак, мальчик-слуга, которого звали очень странным именем Мур, находился в процессе увольнения, как и все мальчики-слуги до него. Таспер счел за лучшее подождать Мура у задней двери. Он посмотрел на зажатую в руке записку. В пальцах у него закололо. Записка исчезла.

— Пропала! — закричал Таспер, и потому, что он предпочел утверждение вопросу, сразу стало ясно, как он взволнован.

О том, что было дальше, Таспер, пожалуй, и рассказать бы толком не смог. Вместо того чтобы подождать мальчика, он помчался в гостиную, собираясь, несмотря на все свои ощущения, рассказать о случившемся маме.

— Знаешь что? — начал он. Этот вопрос сам по себе ничего не значил, и Таспер применял его для того, чтобы что-нибудь сообщать окружающим и при этом не изменять своему обыкновению изъясняться исключительно вопросами. — Знаешь что? — Алина подняла глаза. И тут Таспер, несмотря на то что совсем уже собрался рассказать ей о таинственной записке, неожиданно для себя выпалил: — Кухарка только что вышвырнула нового слугу!

— Ну вот! — огорчилась Алина. — Теперь придется искать нового!

Таспер страшно на себя разозлился и начал снова:

— Знаешь что? Странно, что кухарка и кухонного бога не вышвырнула!

— Тише, милый! Нельзя так говорить о богах! — укорила его набожная женщина.

К этому времени мальчик-слуга уже ушел, а у Таспера пропала охота говорить о записке кому бы то ни было. Записка стала его личной волнующей тайной. Он думал о ней как о Письме от Незнакомца. Иногда, когда никто не слышал, Таспер даже шептал про себя странное имя Незнакомца. Но ничего не происходило, даже если он произносил его вслух. Спустя некоторое время он бросил это делать. Таспер теперь было о чем подумать. Его увлекли Правила, Законы и Системы.

Правила и Системы являлись важной частью жизни населения Тиры. При такой великолепной организации Небес в этом не было ничего удивительного. Люди определяли свои поступки правилами вроде Семи Неуловимых Учтивостей или Ста Дорог к Богоподобию. Таспера учили подобным вещам с трех лет.

Он привык слышать, как Алина с подругами спорят о достоинствах Семидесяти двух законов Домоводства. И вдруг Таспер обнаружил, что все Правила образуют для человеческого разума потрясающие подпорки, за которые очень удобно цепляться, словно вьюнок. Тогда он принялся составлять перечни правил и уточнений к правилам и возможных способов делать нечто противоположное правилам, не нарушая правил. Он сочинял новые своды правил. Исписал целые тома и нарисовал уйму схем. Изобретал игры со сложными и разветвленными правилами и играл в них с друзьями.

Сторонние наблюдатели считали эти игры плохо продуманными и слишком запутанными одновременно, но Таспер с друзьями нарадоваться на них не могли. Лучшим моментом в любой игре был миг, когда кто-нибудь бросал игру и кричал: «Я придумал новое правило!»

Увлечение правилами длилось, пока Таспер не исполнилось пятнадцать. Однажды он шел домой из школы, обдумывая правила Двадцати Элегантных Причесок. Отсюда видно, что Таспер обращал внимание на девочек, хотя пока что девочки его вроде бы не замечали. И вот он решал, какой девочке какую прическу следует носить, когда вдруг его взгляд приковала к себе меловая надпись на стене:

Если правила — подпорки для разума, почему ему нельзя взять да и вылезти к солнышку? Так говорит Мудрец-Ниспровергатель.

В тот же день на Небесах снова настало смятение. Зенд созвал к своему престолу всех высших богов.

— Мудрец-Ниспровергатель начал действовать, — зловеще объявил он. — А ведь я полагал, Империон, что ты от него избавился.

— Я тоже так полагал! — ответил Империон. Он разозлился даже больше Зенда. Если Мудрец начал вещать,

значит, Империон избавился от Таспера и отказался от любви Нестиры совершенно напрасно!

— Должно быть, я ошибся, — признал он.

Тут подал голос Окк, от которого исходил легкий пар.

— Отец Зенд, — сказал он. — Могу ли я со всем почтением заключить, что на этот раз вы будете сами разбираться с Мудрецом — во избежание новых недоразумений?

— Именно это я и хотел предложить, — с благодарностью кивнул Зенд. — Все согласны?

Все боги были согласны. Они слишком привыкли к порядку, чтобы поступить иначе.

Что же касается Таспера, то он глядел на меловую надпись, трепеща до подметок сандалий. Это еще что? Кто подслушал его тайные мысли о правилах? Кто такой этот Мудрец-Ниспровергатель? Таспера стало стыдно. Он, который так прекрасно умел задавать вопросы, не додумался до такой ерунды! Почему, в самом деле, разуму нельзя вылезти выше подпорок правил?

Он отправился домой и спросил родителей, кто такой Мудрец-Ниспровергатель, в полной уверенности, что они это знают, и не на шутку встревожился, когда оказалось, что они не знают. Но у них был сосед, который отправил Таспера к другому соседу, а тот послал Таспера к своему другу, а этот друг, когда Таспер наконец нашел его дом, сказал, что слышал, будто Мудрец — это очень умный молодой человек, зарабатывающий на жизнь богохульством.

На следующий день кто-то смыл надпись. Однако назавтра на той же стене появился скверно отпечатанный плакат.

МУДРЕЦ-НИСПРОВЕРГАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ:
КТО ПРИКАЗАЛ СЛУШАТЬСЯ ПРИКАЗОВ?
ПРИХОДИТЕ В ВЫСОЧАЙШИЙ КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ
МАЛОГО УМИЛЕНИЯ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ
В 18.30

В шесть двадцать Таспер ужинал. В шесть двадцать четыре он решился и встал из-за стола. В шесть тридцать две он примчался, отдуваясь, в зал Малого Умиления. Оказалось, что это небольшое обшарпанное зданьице у са-

мого его дома. Там никого не было. У сварливого сторожа Таспер узнал, что встреча состоялась вчера. Таспер пошел прочь в глубочайшем разочаровании. Отныне его будет терзать вопрос, кто приказал слушаться приказов. Это был хороший вопрос. Он показывал, что Мудрец-Ниспровергатель и вправду очень умен.

Чтобы растравить свои раны, Таспер на следующий день пошел в школу мимо Концертного зала Малого Умиления. Ночью здание сгорело. Остались лишь обугленные кирпичные стены. Когда Таспер пришел в школу, многие обсуждали эту новость. Говорили, что здание вспыхнуло без нескольких минут семь накануне вечером.

— А вы знаете, — спросил Таспер, — что позавчера там был Мудрец-Ниспровергатель?

Так он обнаружил, что не ему одному интересно про Мудреца. Половина его одноклассников были горячими сторонниками Низвержения. Тогда же девочки удостоили его своего внимания.

— Он потешается над богами, — сообщила одна девочка. — Никто никогда не задавал подобных вопросов.

Однако бóльшая часть класса, и мальчики, и девочки, знали не больше Таспера, и бóльшая часть этих сведений была из вторых рук. Но один мальчик показал Тасперу аккуратную газетную вырезку, в которой известный ученый писал о «так называемой доктрине Низвержения». В статье занудно пережевывалось то, что Мудрец и его последователи нелюбезны с богами и нарушают все правила.

Из этой статьи Таспер узнал немного, но все-таки что-то. Он с грустью понял, что зря так увлекся правилами и отстал из-за этого от своего класса в изучении чудесной новой доктрины. Он тут же стал Адептом Низвержения.

Теперь Таспер бегал с друзьями по улицам и писал на стенах:

НИЗВЕРЖЕНИЕ — НАШ РУЛЕВОЙ!

Довольно долго однокашники Таспера знали о Мудреце только то, что можно было почерпнуть из обрывков вопросов, написанных на стенах и затем поспешно стертых:

ЗАЧЕМ МОЛИТЬСЯ?
ПОЧЕМУ К БОГОПОДОБИЮ ВЕДУТ СТО ДОРОГ –
НЕ БОЛЬШЕ И НЕ МЕНЬШЕ?
ГДЕ НАХОДИТСЯ ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ В НЕБЕСА?
ЧТО ЕСТЬ СОВЕРШЕНСТВО –
СУЩНОСТЬ ИЛИ СОСТОЯНИЕ?
КАКОЕ БОГАМ ДЕЛО ДО НАШЕГО СТРЕМЛЕНИЯ
К СОВЕРШЕНСТВУ?

Таспер как одержимый записывал все эти изречения. Да, конечно, ему уже случалось грешить одержимостью, но теперь все было иначе. Таспер все думал и думал. Сначала он просто выдумывал умные вопросы, чтобы задать их Мудрецу, и стремился изобрести вопросы, которые еще никто не задавал. Но в процессе разум его несколько подраспустился, и вскоре Таспер стал ломать голову в основном о том, что́ Мудрец ему ответит. Он размышлял над правилами и порядком и обнаружил, что за хитроумными вопросами Мудреца стоит некая мысль. У него в голове звенело от думанья.

Мысль, стоящая за вопросами Мудреца, открылась Тасперу тем утром, когда он впервые брился. Он подумал: а ведь для того, чтобы боги были богами, им необходимы люди! Ослепленный этим открытием, Таспер вытаращил глаза на свое отражение в зеркале, наполовину вымазанное белой пеной. Если люди не будут верить в богов, боги обратятся в ничто! Небесный порядок и все правила и установления на земле существуют исключительно благодаря людям! Это же совершенно ясно!

И тут Тасперу вспомнилось Письмо от Незнакомца.

— Уж не лицом ли я к лицу с самим собой? — спросил Таспер, глядя на себя в зеркало. Но в этом он не был уверен. И пришел к выводу, что, когда наступит решительный момент, колебаться он не станет.

Тут до него дошло, что Незнакомец-Крестоманси, несомненно, и есть Мудрец. Таспер был потрясен. Мудрец проявил особый интерес к мальчику-подростку по имени Таспер Альтан! А исчезающая записка — как это в духе неуловимого Мудреца!

Мудрец между тем был по-прежнему неуловим. Следующее достоверное известие от него Таспер вычитал в газетной заметке, где говорилось о том, что в Поднебесную Галерею ударила молния. Еще в заметке говорилось, что крыша здания провалилась «спустя секунды после того, как молодой человек по прозвищу Мудрец-Ниспровергатель закончил свою очередную проповедь, полную тоски и сомнений, и вместе с последователями покинул галерею».

«Какие тут сомнения? — сказал себе Таспер. — Он все знает про богов. Если я об этом знаю, то он — тем более!»

Они с одноклассниками отправились в паломничество на развалины галереи. Это здание было лучше, чем зал Малого Умиления. Похоже, дела у Мудреца шли в гору.

Потом произошли поразительные события. Одна девочка нашла в газете крошечное рекламное объявление. Мудрец собирался прочитать еще одну лекцию в громадном зале Царственного Великолепия. Да, дела у него шли в гору. Таспер с друзьями нарядились в лучшие костюмы и отправились туда все вместе. Однако, судя по всему, в газете ошиблись и напечатали не то время. Лекция как раз закончилась. Из зала потоками выходили люди, и вид у них был разочарованный.

Таспер с друзьями еще стоял на улице, когда здание взлетело на воздух. Им повезло, что их не ранило. Полиция сказала, что это была бомба. Таспер и его друзья помогали выносить раненых из охваченного пламенем зала. Это было потрясающе, но к Мудрецу отношения не имело.

К этому времени Таспер понял, что не знать ему покоя, пока он не найдет Мудреца. Он твердил себе, что хочет убедиться, стоит ли за вопросами Мудреца то, до чего он додумался. Но дело было не только в этом. Таспер был уверен, что его судьба таинственно связана с судьбой Мудреца. Он точно знал — Мудрец *хочет*, чтобы Таспер его нашел.

Но теперь в школе и вообще по городу ходили упорные слухи, что с Мудреца довольно лекций и бомб. Он удалился, чтобы написать книгу. Она будет называться «Вопросы Низвержения». Еще поговаривали, что Мудрец поселился где-то в районе улицы Четырех Львов.

Таспер отправился на улицу Четырех Львов. Вел он себя там беспардонно. Он стучал во все двери и расспрашивал прохожих. Несколько раз ему велели идти и спросить невидимого дракона, но он не обращал на это внимания. Он спрашивал и спрашивал, пока кто-то не сказал ему, что госпожа Тунап из дома номер 403 может что-то знать. Таспер постучал в дверь дома номер 403, и сердце его колотилось.

Госпожа Тунап оказалась довольно суровой дамой в зеленом тюрбане.

— Боюсь, молодой человек, ничего не могу сказать, — развела она руками. — Я здесь недавно. — Но не успело сердце Таспера упасть совсем уж глубоко, как она добавила: — Но у прежних владельцев был жилец. Очень тихий господин. Он отбыл как раз перед тем, как я сюда переехала.

— А адреса он не оставил? — затаив дыхание, спросил Таспер.

Госпожа Тунап сверилась со старым конвертом, приколотым к стене прихожей.

— Здесь говорится, что жилец отбыл на площадь Золотого Сердца, дружок.

Однако на площади Золотого Сердца оказалось, что молодой человек, который мог оказаться Мудрецом, лишь осмотрел комнату и ушел. После этого Тасперу ничего не оставалось, как возвращаться домой. Альтаны не привыкли к подросткам и разволновались, когда Таспер вдруг решил исчезнуть из дому на целый вечер, не сказавшись.

По странному стечению обстоятельств дом номер 403 по улице Четырех Львов сгорел той же ночью.

Тасперу было яснее ясного, что убийцы охотились на Мудреца, как и он сам. Теперь он еще больше был одержим тем, чтобы разыскать Мудреца. Он понимал, что, если успеет перехватить Мудреца прежде, чем его настигнут убийцы, его, возможно, удастся спасти. А то, что Мудрец не засиживался подолгу на одном месте, было более чем извинительно.

А Мудрец и вправду подолгу нигде не засиживался. Слух переселил его на улицу Воробьиных Восторгов. Ко-

гда Таспер взял след Мудреца, оказалось, что тот уже перебрался на Фавноватую площадь. С Фавноватой площади Мудрец, судя по всему, переехал на бульвар Сильного Ветра, а потом в бедный домишко на Вокзальной улице. И еще адреса, и еще...

К этому времени у Таспера появился некий нюх, шестое чувство того, где может оказаться Мудрец. Достаточно было слова, простого намека на тихого жильца, и Таспер уже мчался по следу, колотил в двери, расспрашивал всех встречных, выслушивал советы спросить невидимого дракона и совершенно ошеломлял родителей тем, что так и норовил каждый вечер улизнуть из дому. Но как бы быстро Таспер ни действовал в ответ на легчайший намек, всегда оказывалось, что Мудрец только что съехал. И в большинстве случаев по пятам за Таспером являлись убийцы. Дома горели и взрывались — иногда Таспер еще не успевал свернуть с улицы.

И вот наконец он краем уха уловил совсем туманное упоминание какого-то адреса то ли на Новой Единороговой улице, то ли совсем в другом месте. Таспер отправился на Новую Единороговую, сокрушаясь, что пришлось полдня проторчать в школе. Мудрец мог позволить себе вольно странствовать, а Таспер целый день был прикован к месту. Неудивительно, что ему не удавалось настичь Мудреца. Но на Новую Единороговую он возлагал огромные надежды. Это был бедный район, в котором Мудрец недавно уже появлялся.

Увы, увы. Дородная женщина, открывшая Таспер дверь, грубо рассмеялась ему прямо в лицо:

— Отстань, малец! Иди спроси невидимого дракона!

И захлопнула дверь.

Таспер остался на улице, совершенно раздавленный. И ни намека на то, где искать дальше. В голове его всплывали мысли одна другой ужаснее: он выставил себя дураком; он искал черную кошку в темной комнате, где ее никогда не было; никакого Мудреца не существует. Чтобы не думать об этом, он дал волю гневу.

— Ладно! — закричал он закрытой двери. — Я пойду и спрошу невидимого дракона! Вот вам!

И вот гнев погнал его к реке и дальше на ближайший мост.

Он остановился посреди моста, опершись на парапет, и понял, что вот теперь-то он точно выглядит дурак-дураком. Невидимых драконов не бывает. Он знал это точно. Но одержимость не отпускала его, и поэтому волей-неволей приходилось что-то делать. И все равно, если бы на мосту в ту минуту кто-то появился, Таспер бы просто ушел. Но мост был заброшенный. Чувствуя себя последним дураком, Таспер сотворил молитвенный знак Окку, властелину океанов, поскольку именно Окк отвечал за все, что связано с водой, — но сотворил этот знак втайне, под парапетом, чтобы уж точно никто не видел. А потом он произнес тихо-тихо, почти шепотом:

— Эй, есть тут невидимый дракон? Хочу кое-что спросить.

Вокруг него взметнулись брызги. Чем-то мокрым заделало по лицу. Таспер услышал громкий плеск и увидел на парапете три мокрых пятна — на расстоянии примерно двух футов друг от друга, каждое размером в две его ладони. Еще непонятнее было то, что на парапет неизвестно откуда капала вода — длинной полосой в два с лишним Тасперова роста.

Таспер выдавил смешок.

— Я представил себе дракона, — сказал он. — Если бы здесь был дракон, те мокрые пятна показывали бы, где он опирается на перила брюхом. У водяных драконов нет лап. А судя по длине водопада, я, наверное, представил себе дракона длиной футов в одиннадцать-двенадцать.

— Мой рост четырнадцать футов, — сообщил голос из пустоты. Голос был пугающе близко от лица Таспера и испускал на него туман. Таспер отшатнулся. — Поскорее, божье дитя, — сказал голос. — Что ты хотел спросить?

— Я... я... я... — заикался Таспер.

Дело было не в том, что он испугался. Это было настоящее потрясение. Все его соображения насчет того, что боги нуждаются в людях, чтобы в них кто-то верил, разом пошли кувырком. Но он взял себя в руки. Голос его разве что слегка дрогнул, когда он сказал:

— Я ищу Мудреца-Ниспровергателя. Не знаете случайно, где он?

Дракон рассмеялся. Это был необычный звук, похожий на якобы птичьи трели, которые издают водяные свистульки.

— Боюсь, я не смогу в точности указать тебе место, где находится Мудрец-Ниспровергатель, — ответил голос из ниоткуда. — Ты должен найти его сам. Думай головой, божье дитя. Ты наверняка заметил, что есть некоторая закономерность...

— Еще какая! — воскликнул Таспер. — Куда бы он ни отправился, я за ним не успеваю, а потом все взлетает на воздух!

— И это тоже, — согласился дракон. — Но и в местах его жительства тоже есть некоторая закономерность. Найди ее. Это все, что я могу сказать тебе, божье дитя. Еще вопросы будут?

— Как ни странно, нет, — ответил Таспер. — Спасибо вам большое.

— Не за что, — сказал невидимый дракон. — Люди вечно рекомендуют друг другу спросить у нас что-нибудь, а сами делают это крайне редко. Надеюсь увидеть тебя снова.

В лицо Тасперу ударила волна водянистого воздуха. Он перегнулся через парапет и увидел длинный аккуратный всплеск в реке и потом — серебристые пузыри. А затем все исчезло. Таспер с изумлением обнаружил, что ноги его дрожат.

Он заставил ноги слушаться и побрел домой. Он отправился в свою комнату и, прежде чем сделать что-либо еще, поддался суеверному побуждению, о наличии которого в себе и не подозревал, и вынул из ниши над кроватью домашнего божка, которого Алина заставляла там держать. Он осторожно выставил божка за дверь. Потом он разложил на полу карту города и горстку красных наклеек и отметил все места, где упустил Мудреца.

Результат заставил его заплясать от восторга. Дракон был прав. Налицо закономерность. Мудрец начал с хороших квартир в богатых кварталах. Потом он постепенно перемещался в сторону бедных районов, но двигался по

кривой — сначала к вокзалу, а потом обратно в более богатые места. Мудрец *направлялся к нему!* Новая Единороговая улица была совсем неподалеку. Следующая его квартира будет еще ближе! Надо только не пропустить, где начнется пожар!

К тому времени уже стемнело. Таспер отодвинул шторы, высунулся из окна и стал смотреть в бедные кварталы. Слева было красно-оранжевое сияние — судя по всему, на улице Урожайной Луны. Таспер громко рассмеялся. Он был прямо-таки благодарен убийцам!

Он ссыпался по лестнице и кинулся прочь из дома. Вслед ему неслись встревоженные вопросы родителей и вопли братишек и сестренок, но он просто захлопнул за собой дверь. Две минуты отчаянного бега — и вот он уже у пожарища. На улице мелькали черные силуэты. Люди складывали на улице мебельные пирамиды. Другие люди усаживали в обугленное кресло ошарашенную женщину в съехавшем набок коричневом тюрбане.

— А жильца у вас не было? — допытывался у нее кто-то.

Женщина все пыталась поправить тюрбан. Больше она ни о чем не могла думать.

— Он куда-то ушел, — ответила она. — Наверное, в «Полумесяц».

Таспер не стал ничего ждать. Он ринулся дальше.

«Полумесяцем» называлась таверна на углу той же улицы. Большинство ее посетителей сейчас, судя по всему, были на пожаре, помогали таскать мебель, но внутри горел тусклый свет, так что было видно белое объявление в окне. «СДАЮТСЯ НОМЕРА» — гласило оно.

Таспер кинулся внутрь. Бармен сидел на табурете у окна и тянул шею, чтобы посмотреть пожар. На Таспера он не взглянул.

— Где ваш постоялец? — задыхаясь, выпалил Таспер. — У меня к нему письмо. Срочное!

Бармен не повернулся.

— Наверху, первая дверь налево, — ответил он. — А крыша-то уже занялась. Надо бы пошевеливаться, чтобы спасти дом на той стороне.

Таспер дослушивал его слова уже наверху. Он кинулся налево. Он стукнул по двери кратчайшим из стуков, распахнул ее и ворвался внутрь.

Комната была пуста. Свет горел, и Таспер увидел голую кровать, грязный стол с пустой кружкой и несколькими листками бумаги и камин с зеркалом над ним. Рядом с камином оказалась вторая дверь, и она только что захлопнулась. Судя по всему, только что в нее кто-то вышел.

Таспер кинулся к двери. Но всего на миг он отвлекся, заметив свое отражение в зеркале над камином. Он не собирался останавливаться. Но в зеркале обнаружилась некая странность — оно было старое, потускневшее и из-за этого на миг сделало его отражение гораздо старше. Теперь он выглядел изрядно за двадцать. Таспер обернулся...

...и вспомнил Письмо от Незнакомца. Вот оно. Точно. Сейчас он увидит Мудреца. Надо только его позвать. Таспер подошел к двери, которая все еще слегка покачивалась. Он замер. В записке было сказано позвать сразу. Зная, что Мудрец стоит там, за дверью, Таспер приоткрыл ее — самую чуточку — и придержал кончиками пальцев. Его обуревали сомнения. Он думал: «А правда ли, что я верю, будто люди нужны богам? Так ли я в этом уверен? Что мне теперь сказать Мудрецу?» Он отпустил дверь, и она захлопнулась.

— Крестоманси, — понуро сказал Таспер.

Сзади послышался всхлип вытесняемого воздуха. Таспер обернулся через плечо. Он застыл. У голой кровати стоял высокий человек. Это была совершенно невероятная фигура в длинном черном плаще, расшитом чем-то вроде желтых комет. Взметнувшийся плащ продемонстрировал изнанку, желтую, с черными кометами. У высокого человека были очень гладкие черные волосы, очень яркие темные глаза, а на ногах — красные шлепанцы.

— Как славно, — сказал диковинный человек. — Я уже было испугался, что вы решите выйти за эту дверь.

Голос вернул Тасперу память.

— Вы отправили меня домой через картинку, когда я был маленький! — обрадовался он. — Вы Крестоманси?

— Да,— ответил высокий диковинный человек.— А вы Таспер. А теперь мы с вами уйдем отсюда, пока дом не загорелся.

Он взял Таспера за руку и подтолкнул его к двери, которая вела на лестницу. Едва он открыл ее, как повалили густые клубы дыма и послышался резкий треск. Стало ясно, что таверна уже горит. Крестоманси снова захлопнул дверь. От дыма оба закашлялись — причем Крестоманси кашлял так яростно, что Таспер испугался, как бы он не задохнулся. Он оттащил его обратно на середину комнаты. Теперь дым проникал и между половиц, отчего Крестоманси снова закашлялся.

— Только я лег в постель поболеть... — объяснил он, когда снова смог говорить.— Такова жизнь. Эти ваши упорядоченные боги не оставили нам выбора.

Крестоманси шагнул по дымящемуся полу и распахнул дверь у камина.

Дверь открывалась в пустоту. Таспер коротко вскрикнул от ужаса.

— Истинно так,— закашлялся Крестоманси.— Предполагалось, что вы разобьетесь насмерть.

— Может, спрыгнем на землю? — предложил Таспер.

Крестоманси помотал головой:

— После всего этого — нет. Нет. Надо переместить театр военных действий на вражескую территорию и навестить богов. Не будете ли вы так любезны одолжить мне на время ваш тюрбан?

От этой странной просьбы Таспер снова остолбенел.

— Я бы использовал его как пояс,— прохрипел Крестоманси.— По дороге на Небеса довольно холодно, а у меня под шлафроком только пижама.

Полосатое белье Крестоманси и правда казалось несколько тонковатым. Таспер медленно размотал тюрбан. Предстать перед богами с непокрытой головой едва ли хуже, чем в пижаме, рассудил он. К тому же он ведь не верил в богов. Он вручил тюрбан Крестоманси. Тот обвязал черно-желтое одеяние полосой бледно-голубой ткани, и, судя по всему, ему сразу стало гораздо удобнее.

— А теперь держитесь за меня, и все будет хорошо, — сказал он.

Он снова взял Таспера за руку и шагнул в небеса, увлекая его за собой.

Некоторое время Таспер от потрясения было трудновато говорить. Он лишь дивился тому, как уверенно они восходят на небеса, словно бы по невидимым ступеням. Крестоманси шел весьма непринужденно, лишь иногда покачивая и слегка ежась, но Таспера он держал крепко. Совсем скоро город превратился в горстку кукольных домиков и красных пятен двух пожаров далеко-далеко внизу. Вокруг них, вверху и внизу, рассыпались звезды, словно бы путники уже прошли над некоторыми из них.

— Подниматься на Небеса довольно долго, — заметил Крестоманси. — Не хотите ли по дороге что-нибудь узнать?

— Да, — ответил Таспер. — Вы сказали, что боги пытаются убить меня?

— Они пытаются уничтожить Мудреца-Ниспровергателя, — объяснил Крестоманси. — Может статься, они и не понимают, что это одно и то же. Видите ли, вы и есть Мудрец.

— Да что вы, нет! — запротестовал Таспер. — Мудрец гораздо старше, и он задает вопросы, которые мне и в голову не приходили, пока я о нем не услышал.

— Ах да, — кивнул Крестоманси. — Боюсь, во всем этом есть нечто, напоминающее замкнутый круг. Это вина тех, кто пытался избавиться от вас, когда вы были маленьким ребенком. Насколько я могу заключить, вы в течение семи лет пребывали в трехлетнем возрасте — пока не вызвали в нашем мире такое возмущение, что пришлось вас найти и выпустить. Но в этом мире, в Тире, где все так основательно налажено и организовано, существует пророчество, что вы начнете проповедовать в возрасте двадцати трех лет — то есть в текущем году. Поэтому проповеди и начались именно в этом году. Вам не надо было даже объявляться. Скажите, случалось ли вам говорить с кем-либо, кто действительно слышал проповеди Мудреца?

— Нет, — отозвался Таспер. — До меня только сейчас дошло.

— И никто не слышал, — сказал Крестоманси. — Вы начали очень скромно. Сначала написали книгу, на которую никто не обратил внимания...

— Нет, не так все было! — возразил Таспер. — Он... Я... ну, в общем, Мудрец писал книгу *после* проповедей!

— Но как же вы не видите, — покачал головой Крестоманси, — что, поскольку вы вернулись в Тиру, фактам пришлось согласовываться с вашим существованием? Для этого им пришлось идти в обратном порядке, пока обстоятельства не сложились так, что вы оказались именно там, где должны были быть. Это было в том номере в таверне, в начале вашей карьеры. Полагаю, что вы уже достаточно взрослый и можете начинать. И я подозреваю, что наши небесные друзья с некоторым опозданием пытаются все исправить и покончить с вами. Ни к чему хорошему для них это не приведет, о чем я им вскоре и сообщу. — Он снова закашлялся.

Они взобрались так высоко, что вокруг стоял трескучий мороз.

К этому времени мир превратился в темный изгиб далеко внизу. Таспер видел солнечное зарево, показавшееся из-за изгиба. Они все поднимались и поднимались. Светлело. Появилось солнце — огромное яркое пятно в неизмеримой дали. К Тасперу снова вернулись туманные воспоминания. Он старался убедить себя в том, что все это неправда, но ничего у него не вышло.

— Откуда вы все это знаете? — тупо спросил он.

— Доводилось ли вам слышать о боге по имени Окк? — прокашлял Крестоманси. — Он приходил поговорить со мной тогда, когда вам полагалось быть в вашем нынешнем возрасте. Он тревожился... — Крестоманси снова закашлялся. — Нет, придется беречь остатки голоса до Небес...

Они все поднимались и поднимались, и звезды плыли вокруг, и вот то, на что они опирались, отвердело. Вскоре они уже шли по темной лестнице, чем выше, тем сильнее отсвечивавшей перламутром. Тогда Крестоманси отпустил руку Таспера и с явным облегчением высморкался в носовой платок с золотистой каймой. Перламутр сменил-

ся серебром, а серебро — ослепительной белизной. Наконец они пошли по ровной белизне — из зала в зал.

Боги вышли им навстречу. Вид у них был неприветливый.

— Боюсь, мы одеты неподобающим образом, — пробормотал Крестоманси.

Таспер посмотрел на богов, потом на Крестоманси — и съежился от смущения. Хотя одеяние Крестоманси было восхитительным и необыкновенным, все равно это с очевидностью были халат и пижама. И то, что у него на ногах, — это шлепанцы на меху, и только. И если вокруг пояса у него обернута голубая лента — так это тюрбан, которому сейчас полагалось находиться у Таспера на голове.

А боги сияли великолепием — в золотистых шароварах, в тюрбанах, усыпанных самоцветами, и чем важнее они были, тем роскошнее становились их наряды. Таспер заметил одного бога в сверкающем золотистом плаще, который почему-то вперился в него дружелюбным и почти тревожным пламенным взглядом. Напротив него стоял кто-то большой и вроде бы жидкий, весь в жемчугах и бриллиантах. Этот бог коротко, но совершенно определенно подмигнул.

В конце зала, на массивном престоле, высилась грозная фигура Зенда Вседержителя, облаченная в бело-пурпурные одеяния и с короной на голове. Крестоманси посмотрел на Зенда снизу вверх и задумчиво высморкался. Едва ли этот жест можно было назвать почтительным.

— По какой причине двое смертных проникли в наши покои? — холодно прогрохотал Зенд.

Крестоманси чихнул.

— Из-за вашей собственной глупости, — ответил он. — Вы, тирские боги, так замечательно все устроили и так давно у вас все отлажено, что вы не в состоянии увидеть ничего выходящего за рамки установленной рутины.

— За такие слова я разражу тебя молнией! — провозгласил Зенд.

— Если хоть кто-то из вас хочет жить дальше — нет, — парировал Крестоманси.

Среди прочих богов прокатился шепоток протеста. Они собирались жить дальше. И хотели понять, чего добивается Крестоманси. Зенд счел это угрозой своему авторитету и решил на всякий случай принять меры предосторожности.

— Продолжай, — кивнул он.

— Одна из самых сильных ваших сторон, — сказал Крестоманси, — это то, что ваши пророчества всегда сбываются. Почему же, если пророчество чем-то вам неприятно, вы пытаетесь отменить его? Мои дорогие боги, это же первосортная глупость! Кроме того, никто не может остановить собственное Низвержение, особенно вы, тирские боги. Но вы обо всем забыли. Вы забыли, что своей превосходной организацией лишили и себя, и человечество последних проблесков свободной воли. Вы отправили Таспера, Мудреца-Ниспровергателя, в мой мир, забыв, что в моем мире существуют случайности. Именно по случайности Таспера нашли всего семь лет спустя. К счастью для Тиры. Мне становится страшно при мысли о том, что могло случиться, если бы Таспер оставался трехлетним весь отпущенный ему век.

— Это я виноват! — закричал Империон. — Это все я! — Он повернулся к Тасперу. — Прости меня, — сказал он. — Ты мой сын.

«Вот интересно, — подумал Таспер, — не это ли имела в виду Алина под благословением утробы?» Он-то всегда считал, что это фигура речи. Таспер посмотрел на Империона, щурясь от божественного сияния. Ничего себе бог, из честных, но Тасперу было ясно, что кругозор у него ограниченный.

— Конечно, я вас прощаю, — учтиво поклонился он.

— Очень удачно, — продолжал Крестоманси, — что никому из вас так и не удалось убить Мудреца. Таспер — сын бога. Это значит, что такой, как он, может быть только один, а из-за пророчества обязательно нужно, чтобы он оставался в живых и проповедовал Низвержение. Вы могли уничтожить Тиру. И, по правде говоря, из-за вас она пошла трещинами. Тира слишком хорошо организована, чтобы расколоться на два альтернативных мира, как это

случилось бы с моим. Вместо этого вышло так, что начали происходить события, которые не могли произойти. Тира начала трескаться и коробиться, и вы сами подготовили собственное Низвержение.

— Что же нам теперь делать? — испугался Зенд.

— Действительно *сделать* можно лишь одно, — сказал ему Крестоманси. — Пусть Таспер живет как жил. Пусть он проповедует Низвержение, прекратите попытки взорвать его. Это дарует вам свободную волю и свободное будущее. И тогда Тира либо исцелится, либо расколется надвое — безболезненно и аккуратно, — на два полноценных мира.

— Так что же, мы стали причиной собственного падения? — горестно вопросил Зенд.

— Это было почти неизбежно, — кивнул Крестоманси.

Зенд вздохнул:

— Хорошо. Таспер, сын Империона, я крайне неохотно даю тебе благословение отправиться в Тиру и проповедовать Низвержение. Ступай с миром.

Таспер поклонился. Потом он надолго замолчал. Он не заметил, как и Империон, и Окк пытаются привлечь его внимание. В газетной заметке говорилось, что Мудрец полон тоски и сомнений. Теперь он знал, почему это так. Он посмотрел на Крестоманси, который снова высморкался.

— Как мне теперь проповедовать Низвержение? — взмолился он. — Как мне не верить в богов, если я видел их собственными глазами?!

— Этот вопрос вы неминуемо должны были задать, — просипел Крестоманси. — Отправляйтесь в Тиру и задайте его.

Таспер кивнул и повернулся, чтобы уйти. Крестоманси наклонился к нему и добавил из-за носового платка:

— И задайтесь, прошу вас, еще вот каким вопросом: бывает ли у богов грипп? Боюсь, я их всех перезаражал. Будьте хорошим мальчиком, узнайте и сообщите мне.

ДЖОН МОРРИССИ

Хранитель времени

Те из вас, кто читал антологии фэнтези под моей редакцией, помнят Джона Моррисси (1930–2006) — автора веселых рассказов о Волшебнике Кедригерне. Некоторые из этих историй, начиная с «Голоса Принцессы», вышли отдельным сборником, но Моррисси написал и много других произведений. Его перу принадлежит эпический цикл в жанре фэнтези «Железный ангел», начинающийся с «Железного меча» («Ironbrand»), а также романы в жанре научной фантастики, в том числе любопытнейшее произведение под названием «Космические особняки» («The Mansions of Space», 1983). Кроме того, Моррисси написал множество рассказов. Тот, что представлен здесь, дает нам возможность тихо погрузиться в мир, созданный этим могущественным чародеем.

Помещение магазина освещал лишь одинокий фонарь. Двое мужчин отбрасывали на пол, прилавки и пустые стены расширяющиеся тени.

Тот мужчина, что был поупитаннее и поменьше ростом — он и держал в руке фонарь, — двинулся вперед. Тень метнулась за ним, а пол заскрипел под немалым весом. Мужчина подставил ящик, взобрался на него и повесил фонарь на торчащий из потолка крюк. Затем спустился и прошагал к прилавку. Там он дунул на стеклянную столешницу, поднял вихрь пыли и дочиста протер поверхность носовым платком.

— Это просто пыль, мистер Белл, — сказал он. — Если вы решите арендовать это помещение, то до вашего прибытия сюда мы наведем порядок, не оставим и пятнышка.

Мужчина повыше ростом ничего не сказал. Фонарь горел позади него на высоте головы, так что лицо его оказалось в тени, и выражения было не разобрать. Плотный мужчина продолжал:

— В нашем городке, мистер Белл, вам лучшего места не найти. На верхнем этаже есть две славные комнатки, где вы сможете поселиться, а вон там, подальше, — большое помещение, в нем можно устроить склад или мастерскую. А на улицу выходит большое окно-витрина, — убедительно рассказывал он.

— Я согласен, мистер Локиер, — сказал высокий мужчина.

— Мудрое решение, мистер Белл. Ни одно помещение в этом городке не могло бы лучше подойти для ювелирной лавки.

— Я не ювелир, мистер Локиер, — поправил его Белл.

Локиер энергично покачал головой и махнул рукой, будто стряхивая на пол свою оплошность.

— Конечно же. Вы часовых дел мастер. Вы же говорили. Простите, мистер Белл.

— Я собираю и чиню хронометры. А не торгую побрякушками.

— Несомненно, вас здесь не хватало, мистер Белл. Вы знаете, если кому-нибудь требуется починить часы, ехать приходится в Бостон? Путь далекий, и часто люди просто зря теряют время.

— Я никогда не теряю времени понапрасну, мистер Локиер.

— Все очень обрадуются, что вы сюда приехали. И вы сами будете довольны. Дела у вас здесь пойдут хорошо, мистер Белл, — сказал мужчина поменьше ростом. Он было замолчал и улыбнулся темному силуэту своего собеседника, но затем продолжил: — У меня есть одни часики, которые я хотел бы вам показать. Когда вы обустроитесь, конечно. Эти часы еще моего деда. Они идеально показывали время почти сто лет, да-да, пока я не уронил их в прошлом году на каменный пол на вокзале, — тут им и пришел конец. Я отнес их к лучшим мастерам Бостона, и там их продержали почти шесть месяцев, но ничего не смогли сделать. Сказали: отремонтировать невозможно.

— Принесите их мне.

— Вы полагаете, что сможете заменить механизм?

— Я починю эти часы, мистер Локиер, — сказал Белл.— Захватите их завтра к себе в офис.

— Обязательно, мистер Белл. Я подготовлю договор аренды, останется только поставить вашу подпись. Рано утром сюда придут мои работники. К концу недели вы сможете уже въехать.

— Я наведу порядок сам и въеду завтра. Просто дайте мне ключи.

Локиер, казалось, был смущен.

— Вот как. У нас всегда действовало правило: не передавать помещение арендатору, пока там не будет безупречно чисто, — сказал он, оглядывая запыленные полки и паутину в углах. — Я понимаю, что вы торопитесь, но мне будет просто неудобно, что мы предоставили вам помещение в ненадлежащем состоянии. Здесь нужно провести большую уборку.

— Я всегда сам убираюсь у себя. Дайте ключи, и завтра днем я смогу открыть двери для клиентов, — ответил высокий.

— У вас это никак не получится, мистер Белл, — ответил собеседник. — Слишком многое нужно сделать.

— Я умею распоряжаться временем наилучшим образом, мистер Локиер. Приходите завтра к шести, и ваши часы будут готовы.

На следующий вечер, за несколько минут до шести часов, Локиер вошел в лавку. Его потрясло то, как все успело измениться за прошедшие сутки. На окнах, стеклянных прилавках, шкафах-витринах не было ни пятнышка. Натертые полы и деревянная отделка так и сверкали. На полках красовалось множество разнообразнейших часов. Некоторые были обыкновенными с виду, другие же — совершенно непохожими на все, что когда-либо доводилось видеть Локиеру.

Белла в лавке не было. Локиер подошел к шкафу-витрине, чтобы поближе рассмотреть выставленные за стеклом часы. В этот миг стукнуло шесть, и Локиера захлестнула смешанная волна самых разных звуков. Крошечные

колокольчики звенели, как хрусталь, по которому легонько ударяют ложкой; с низким звоном колоколов и гулким сочным голосом гонгов соперничали чириканье, свист и птичье пение, исполнявшее небольшое попурри. Из множества часов высунулись на свет крошечные фигурки, и каждая из них по-своему отмечала наступление нового часа.

Локиер не мог оторвать взгляда от прыгающего Арлекина, который шестикратно делал сальто всякий раз, когда звенел маленький серебряный колокольчик на верхушке часов. Фигурка была меньше большого пальца, но двигался Арлекин плавно, без резких толчков, вовсе не так, как все фигурки в часах, которые случалось до того видеть Локиеру. На шестом ударе колокольчика Арлекин в последний раз сделал сальто, поклонился и скрылся за ярко раскрашенными дверцами. Они плотно закрылись за ним. Локиер придвинулся к самому стеклу, наклонился, упершись ладонями в колени; его потрясло изящество крошечной фигурки. Он вздрогнул, когда услышал голос часовых дел мастера, и быстро выпрямился.

Белл стоял позади шкафа-витрины.

— Извините, что напугал вас, — сказал высокий мужчина.

— Я наблюдал... это меня просто очаровало, — сказал Локиер и вновь посмотрел на часы. Они спокойно тикали, готовясь ровно через час повторить представление. — Я никогда не видел таких часов, как эти... да и как остальные ваши часы.

— Вам стоит зайти снова, когда пробьет целый час, и посмотреть остальные. Некоторые весьма необычны.

— Должно быть, они очень дорого стоят.

— Некоторые бесценны. Другие стоят не так дорого, как вам может показаться.

Локиер наклонился, чтобы лучше разглядеть часы с Арлекином. Он коснулся стеклянной дверцы своими толстенькими пальцами — жестом совершенно детским, — но тут же смущенно убрал руку. Глядя на Белла, он спросил:

— Сколько же стоят вот эти часы?

— Эти не продаются, мистер Локиер. Мне за них предлагали большие деньги, но я не готов отпустить своего маленького Арлекина.

— Замечательное произведение. Да у вас здесь все замечательное... и вы так быстро все это подготовили! — произнес Локиер с искренней, простодушной улыбкой. — Невероятно, как вы успели столько сделать менее чем за сутки!

— Желаете ли забрать ваши часы, мистер Локиер?

— Но, конечно же, у вас не было времени... — Начавший было подыскивать извинения для мастера, Локиер замолчал, увидев, что Белл достал часы деда — *сияющие*, будто новые, — и протянул их, чтобы владелец мог послушать ход механизма.

Часы тихонько тикали. Локиер взял их, с изумлением оглядел и снова поднес к уху.

— Этими часами смогут пользоваться еще ваши внуки, мистер Локиер. Да и их внуки тоже.

Лицо Локиера помрачнело, но лишь на мгновение.

— Как вам это удалось? Часовщик из Бостона говорил, что часы погибли. Что починить их никто не сможет.

— Не так уж много на свете вещей, которые нельзя починить. Возможно, у меня просто больше опыта, чем у других.

В безмолвном потрясении Локиер перевел взгляд с часов на Белла и лишь спустя какое-то время произнес:

— Они выглядят совсем новыми. Должен признаться, я не думал, что вы их сможете починить.

— Рад был оказать вам услугу, мистер Локиер.

Невысокий мужчина вновь посмотрел на часы, поднес их к уху и изумленно покачал головой. Затем положил часы в карман жилета и стал доставать бумажник:

— Сколько с меня причитается?

Белл поднял руку, останавливая его:

— Бесплатно.

— Но вы, должно быть, потратили на это много времени и сил.

— *Я никогда не беру плату с первого посетителя.*

— Вы очень щедры. — Локиер поглядел на полки, тянувшиеся за шкафом-витриной. — Возможно... Вы сказа-

ли, что некоторые из ваших часов стоят не слишком дорого, и, может быть... Я уверен, что мою жену порадовали бы хорошие каминные часы.

— Тогда мы подыщем то, что ей понравится, — сказал Белл.

Он медленно прошел вдоль полок, вернулся немного назад и наконец остановился. Он снял с полки часы, закрепленные на серебряном цилиндре, украшенном художественной эмалью; миниатюра изображала лебедей на лесном озере. Белл поставил часы на прилавок. Часы молчали, стрелки стояли на месте, показывая без одной минуты двенадцать.

— Часы ожидают надлежащего владельца, — пояснил часовщик.

Он тронул что-то на задней стороне часов, и они затикали. Когда стрелки встретились на двенадцати, цилиндр открылся и под приятную мелодию появилась маленькая темноволосая балерина. Она поклонилась и начала танцевать. Локиер пораженно глядел на фигурку; он не отрывал от нее взгляда весь танец, едва слышно произнося лишь одно слово: «Антуанетта».

С последним ударом часов крошечная балерина удалилась и цилиндр закрылся. Еще мгновение Локиер смотрел на эти часы, а затем потер глаза и повернулся к Беллу.

— Что-то сверхъестественное, — сказал он глухим и немного хриплым голосом. — У нас была дочь. Она любила танцевать. Мы надеялись, что она станет балериной, но этому было не суждено случиться. Два года назад она умерла от воспаления легких.

— Очень вам соболезную, мистер Локиер. Надеюсь, что не причинил вам боли.

— Нет, что вы... Нет же, мистер Белл. Эта маленькая танцовщица — вылитая Антуанетта. Как раз такой она была в тот год, когда мы ее потеряли.

— Значит, ваша дочка к вам возвращается. Каждый час, когда будут бить часы, она будет по-прежнему танцевать для вас.

— Моя жена так обрадуется, — сказал Локиер, не сводя глаз с часов. Он говорил тоном человека, высказыва-

ющего вслух свои сокровенные мысли. — Она так и не пришла в себя после этой утраты. Теперь она почти не выходит из дому. Но эти часы... понимаю, они, должно быть, очень дорогие, но я постараюсь найти возможность за них заплатить.

Белл назвал цену. Локиер посмотрел на него, разинув рот, и наконец воскликнул:

— Но это же просто смешно! Вы бы могли продать эти часы в сто раз дороже!

— Я предпочитаю продать их вам и именно за такую цену, ни больше и ни меньше. Итак, вы их берете?

— Беру!

— Значит, они ваши, — сказал часовщик. Он снова что-то покрутил на задней стороне часов, так что стрелки встали на точное время, а потом взял часы и передал Локиеру. — Теперь время установлено. Больше настраивать ничего не потребуется. Надеюсь, что эти часы будут радовать и вас, и вашу жену.

— Конечно же. Спасибо вам, мистер Белл, — сказал Локиер, отходя от прилавка спиной вперед. В руках он, как младенца, держал часы.

Лавка часовщика скоро стала местной достопримечательностью. На улице возле витрины собирались толпы детей и зевак, желающих увидеть повторявшееся каждый час зрелище. Посетителей шло все больше: некоторые несли часы на ремонт или желали настроить, а некоторые приходили купить те хронометры, которые Белл продавал по очень скромной цене. Все заходившие в лавку задерживались надолго, очарованные великолепными произведениями, стоявшими в витринах и на полках.

Локиер стал постоянным посетителем. Он показывался в лавке хотя бы раз в неделю, а обычно — чаще, чтобы доложить о том, как потрясающе точно идут часы его деда, и чтобы поблагодарить Белла за часы с балериной, а затем еще посмотреть на самые новые работы мастера. Локиер благоговейно восхищался тем, как быстро часовщик создает эти чудесные механизмы. Каждую неделю появлялось что-то новое.

В конце года, когда в дождливый день в лавку зашел Локиер, Белл как раз ставил в витрину новые часы. Увидев Локиера, часовщик улыбнулся, поставил часы на стеклянный прилавок и гостеприимным жестом пригласил гостя взглянуть на них.

— Не хотите ли посмотреть, как они работают? — спросил мастер.

— О да, мистер Белл, — с энтузиазмом ответил Локиер, повесил зонтик на крючок возле входа и подошел к витрине.

Он увидел перед собой темный шар размером примерно с пушечное ядро. Шар казался хрустальным, и был он темно-синего цвета, почти черного. Наверху прозрачного хрусталя располагались маленькие часы — белые с позолотой, размером не больше кулачка младенца. Стрелки стояли на месте, показывая без одной минуты двенадцать.

Локиер всматривался в хрусталь, но не мог разглядеть внутри ничего, кроме темноты. Часы были изысканной работы, хрусталь безупречный, но все же казалось, что этот хронометр до обидного прост. Особенно если вспомнить, что сделал его мастер, создавший такие хитроумные и изящные механизмы, как те, что стояли на полках в лавке.

Будто прочтя мысли Локиера, Белл сказал:

— Эти часы не так просты, как кажутся.

Локиер, смутившись, поднял глаза. Белл улыбнулся и запустил часовой механизм.

Локиеру показалось, что в то мгновение, когда стрелки встретились, темнота внутри хрусталя как-то смягчилась. Часы начали бить двенадцать, и при первом ударе в центре шара появился свет. С каждым ударом внутри хрустальной сферы зажигались новые огни, она становилась все ярче и ярче. Огоньки по краям вращались вокруг центрального, самого яркого. Некоторые из них также были окружены искрами, крошечными, как булавочные головки; и все это кружилось на ярко-голубом фоне, наполнявшем теперь сферу. Безмолвные и невозмутимые светящиеся точки чинной процессией двигались вокруг ослепительного центра. Совершив девять оборотов, огоньки начали тускнеть, темнота — сгущаться. После завершения двена-

дцатого круга осталось лишь бледное свечение в середине хрустального шара. Внезапно оно прекратилось, и внутри наступила темнота.

— Великолепно! Да это же... Вселенная! — выпалил Локиер.

— Лишь модель одной ее небольшой части, — ответил Белл, осторожно поднял часы и убрал их в футляр.

— Невероятно, мистер Белл! Невероятно. Эти огоньки... и как они двигаются... как вы это сделали?

— У меня есть свои секреты. Думаю, наблюдать за работой этих часов вам доставило удовольствие. Завтра их у меня уже не будет.

— И вы и правда их продаете? У кого только хватило денег на такое... — Локиер внезапно замолчал и смутился еще более: дела Белла касаются только его самого. Если он и берет за свои произведения меньше, чем они стоят, это ему, похоже, совсем не в тягость.

— Плату я взял вполне соответствующую. А женщина, которая заказала эти необычные часы для мужа, вполне может позволить себе такие траты.

— Саттерленд! Это могла быть только Элизабет Саттерленд! — воскликнул Локиер. Белл кивнул, но ничего не сказал, и Локиер продолжал: — Может, мне не стоит этого говорить, но мне больно, мистер Белл, мне очень больно думать, что такой шедевр, как эти часы, окажется в руках такого человека, как Пол Саттерленд. Он их не заслуживает.

— Миссис Саттерленд так не считает.

— Элизабет его сто раз прощала, снова пускала в дом, после того как он делал такие вещи... — Локиер усилием воли заставил себя замолчать. Его свирепый жест застыл в воздухе, а сам мужчина покраснел и уставился на темный шар.

— Возможно, она его любит, мистер Локиер.

— В таком случае она глупа. Не в моих привычках лезть в чужие дела, но я не могу не слышать того, что вокруг поговаривают. Если из всего того, что рассказывают про Пола Саттерленда и компанию его дружков, хотя бы малая часть — правда, то Элизабет давно уже пора с ним расстаться.

— Бывает, всё исправляется к лучшему, мистер Локиер. Люди меняются.

Локиер горько проговорил:

— Некоторые и правда меняются. С Саттерлендом я знаком и знаю, что он-то никогда не изменится, доживи хоть до ста лет.

— Мы должны надеяться.

Локиер сердито кивнул и пошел к двери. Он уже взял свой зонт, положил руку на дверную ручку, но потом повернулся к Беллу:

— Послушайте, мистер Белл. Простите меня. У меня нет никакого права говорить то, что я тут сказал. Просто я на мгновение очень разозлился. Элизабет — моя старая приятельница. В городе ее многие уважают.

— Не волнуйтесь, ничего страшного, мистер Локиер.

— Да нет же. Тут как раз есть причина волноваться. Это меня и тревожит. Саттерленд жесток с женой и детьми. Со слугами обращается зверски. И думать о том, как она дарит ему нечто настолько изысканное... — Он только махнул рукой от досады.

— Как я уже сказал, нам нужно надеяться. Возможно, этот подарок на годовщину свадьбы станет поворотным моментом в отношениях четы Саттерленд.

Ближе к вечеру в магазин пришла миссис Саттерленд. Это была очень красивая женщина. Черты ее лица почти не тронуло время, густые темно-рыжие волосы сияли. Но годы несчастливой жизни оставили на ней иную печать. Держалась она холодно и официально, а некая натянутость, звучащая в голосе, мешала завести с миссис Саттерленд беседу и сводила общение к самым банальным, обязательным фразам.

При виде часов она будто переменилась. Дама откинула вуаль и с неподдельным восторгом стала рассматривать движение крошечных миров внутри сферы. Когда остатки света погасли, она тут же повернулась к часовщику. Глаза ее горели, лицо оживилось.

— Мистер Белл, это чудо! Никогда не видела ничего подобного. Муж будет просто потрясен! — восторженно произнесла она.

— Приятно видеть, что вы так довольны, миссис Саттерленд.

— Я очень рада. Ваша работа превзошла все мои ожидания, мистер Белл. — Она положила руки в дорогих перчатках на хрустальный шар и заглянула в его темные глубины. Пока она смотрела туда, выражение ее лица мрачнело и на лицо тенью ложилась тревога. Когда миссис Саттерленд вновь обратилась к часовщику, в ее манерах чувствовалась привычная холодность.

— Если случится так, что эти часы будут повреждены, мистер Белл, — сказала женщина, — нет, мы, конечно, будем как можно осторожнее обращаться с этим хрупким механизмом, но ведь дети и слуги бывают так неловки... и если с часами произойдет такая неприятность...

— Я починю их.

В этом городе, как и в любом другом, обитало некоторое число бездельников и прожигателей жизни. Многие из них часто приходили наблюдать полуденный бой часов в витрине лавки Белла, но ничего не приобретали, поскольку люди этого сорта не думают о других и превыше всего ставят собственное удовольствие. Почти через год с того дня, как Белл открыл свою лавку, к нему явился один из таких праздношатающихся типов: за счет часовщика он намеревался позабавиться.

Фамилия его была Монсон, и такого рода забавы были ему по вкусу. Это был статный, румяный молодой человек с правильными чертами лица; держался он уверенно, одевался хорошо, говорил правильно. Он принадлежал к знатному и богатому роду, но сам не выказывал никаких признаков усердия и вовсе не тревожился о своей репутации. Однажды утром он пришел в магазин, провел там четверть часа, рассматривая выставленный в витринах товар, а потом обратился к Беллу и представился.

— Говорят, что вы чините сломанные часы, — произнес он.

— Да, это так.

— Я слышал, вы можете починить любые часы, как бы сильно они ни были повреждены.

— Люди остаются довольны моей работой. Может быть, они немного преувеличивают.

— Ну, если вы действительно такой мастер, как рассказывают, у меня для вас есть небольшая работа. Для человека с вашими способностями это будет пара пустяков.

Монсон вытащил из кармана грязный носовой платок, положил его на прилавок и развернул. Внутри оказалась куча шестеренок, пружинок, маленьких металлических обломков, треснутый циферблат и согнутый, весь в вмятинах корпус от часов. Все это было облеплено засохшей грязью, а корпус часов покрывали глубокие царапины. Белл ничего не сказал, и тогда Монсон спросил:

— Что, вам это будет не под силу, да? — и с кротким видом улыбнулся.

— Возможно, и под силу, мистер Монсон, — ответил Белл.

От такого спокойного ответа улыбка стала улетучиваться с лица Монсона, но он тут же взял себя в руки.

— Они выскользнули у меня из рук и выкатились на мостовую. И их втоптала в грязь лошадь, а потом по ним прокатились еще и колеса кареты. Я думал, что починить их невозможно, но для меня эти часы связаны с нежными воспоминаниями, поэтому я и сохранил то, что от них осталось. Потом я стал слышать от всех в нашем городе похвалы в ваш адрес и сказал, что отнесу к вам эти часы. Да и у вас будет возможность показать, на что вы в действительности способны.

По его улыбке можно было понять, что он насмешливо бросает вызов.

— Приходите завтра, в четыре, — сказал Белл, забрав платок с деталями.

— Так скоро, мистер Белл? Ну и быстро же вы работаете.

— Я не растрачиваю время понапрасну — ни свое, ни чужое, — ответил Белл.

Монсон ушел, и, когда он присоединился к приятелям, поджидавшим его снаружи, они смеялись так, что было слышно и внутри лавки. На следующий день в назначен-

ный час в лавку явились все трое. Присутствовали и еще три человека, все хорошо одетые и в бодром расположении духа, — они пришли несколькими минутами раньше. Они присоединились к компании Монсона, когда он поздоровался с часовщиком, положил ладони на одну из стеклянных витрин и наглым тоном сказал:

— Будьте любезны, мои часы, мистер Белл.

— Вот ваши часы, мистер Монсон, — сказал часовщик.

Он положил на стекло коробочку и открыл ее. Внутри лежал белый платок без единого пятнышка — и, как свидетельствовала вышитая монограмма, это был платок Монсона. Белл развернул платок, и внутри оказались часы в отличном состоянии. Стрелки показывали четыре часа две минуты.

— Нет-нет, мистер Белл. Вы, должно быть, неправильно меня поняли. Я хочу получить мои собственные часы, а не какие-то другие взамен, — отрицательно мотая головой, ответил Монсон.

— Это и есть ваши часы.

Монсон взял часы и осмотрел их с обеих сторон. Через некоторое время он произнес:

— Возможно, они в корпусе от моих часов... или это тот самый корпус, или чертовски ловко сделанная с него копия... но даже если корпус и от моих часов, то все остальное... — Он положил часы и выразительно покачал головой. — Я не давал вам разрешения заменять механизм, я хотел, чтобы вы их починили, и вы сказали, что сделаете это.

— Я лишь добавил недостающие детали, — сказал Белл. — Я починил ваши часы, мистер Монсон.

— Никто не смог бы починить те часы, — решительно произнес Монсон. — Я же дал вам просто кучу лома.

— Это верно. Тем не менее часы я починил. Вы желаете их получить, мистер Монсон?

— Конечно же. Это ведь мои часы, да? Вы сами это сказали. Только если вы потребуете за ремонт заоблачную цену, то лучше бы вам еще раз об этом подумать. Со мной такие штучки не пройдут.

Белл назвал плату за ремонт. Те, кто пришел с Монсоном, с усмешкой переглянулись. Один из них засмеял-

ся. Непонятно, что именно их позабавило: Монсон, Белл или же вся ситуация, которой они стали свидетелями, — но Монсон, похоже, не разделял их чувств. Он достал из кармана монеты и бросил их на стеклянную витрину. Потом взял часы, развернулся и, не произнося ни слова, вышел на улицу.

На той же неделе двое из тех, что приходили вместе с Монсоном, вновь явились в лавку. Они внимательно и с критическим видом осмотрели выставленный товар и наконец сообщили Беллу, что намерены купить часы для своего номера-клуба в местной гостинице. И что ни на полках, ни в витрине нет точно таких часов, как им хотелось бы, но три экземпляра более-менее могли бы их устроить, если цена окажется приемлемой. Они указали на выбранные часы, а когда Белл назвал цены, посетители раскрыли рты от изумления.

— Что вы хотите сказать такими ценами? — спросил один из них. — Да ни один человек во всем городе не может себе позволить отдать такие деньги за часы!

— Я слышал, что если человек вам нравится, то вы продаете ему часы почти за бесценок. Так чем же мы плохи, что вы столько с нас просите? Или мы выглядим дураками? — сердито спросил второй.

— Цены в моей лавке могут сильно различаться, — сказал Белл. — Вы видели, как немного я взял с вашего друга.

— Ну что же, тогда и с нами нужно обойтись так же, если не хотите накликать беду на свою голову, — сказал второй.

Белл ответил не сразу. Будто не расслышав угрозы в свой адрес или решив ее проигнорировать, он сказал:

— Джентльмены, вы выбрали три самых дорогих экземпляра в лавке. У меня есть другие часы, которые стоят намного меньше.

— Если бы нам нужна была дешевка, то мы пошли бы в простой магазин. Мы готовы заплатить достойную цену за отлично сделанные часы, но одурачить себя не позволим.

— Возможно, я смогу вам показать кое-что еще. Выбранные вами часы слишком хрупкие, а у меня найдут-

ся другие, более подходящие для мужского клуба, — сказал Белл.

Посетители еще немного поспорили, но их смягчили слова Белла, принятые за извинения. Мастер сходил в комнату, где у него был склад, и принес несколько часов в крепких на вид корпусах из меди и полированного красного дерева. Бой у них был звучный и раскатистый, и стоили они до смешного мало. Посетители осмотрели часы и выбрали те, что пришлись им по вкусу. Но даже тогда, когда Белл осторожно упаковывал товар в коробку, один из пришедших тоскливо поглядывал на те часы, которые они присмотрели вначале.

— А мне все равно больше нравятся вон те часы с маленьким акробатом. Не могли бы вы снизить цену? — спросил он.

— Я ставлю цены очень тщательно, джентльмены. Идти на уступки для меня неприемлемо.

— А как действует этот акробат? — спросил другой посетитель. — Вот что мне интересно. Не вижу ни одной про́волочки.

— Да я тоже не вижу проволоки. Чтоб мне провалиться, если я понимаю, как двигаются эти маленькие человечки. В чем ваш секрет, Белл?

Белл улыбнулся, но ничего не сказал.

— Возможно, нам и правда лучше подойдут добрые крепкие часы, как мы купили, а не что-то вот в таком духе. Они любопытны, но долго не продержатся, как только в клубе станет оживленно, — сказал один из пришедших.

Второй рассмеялся и добавил:

— Да и добрые крепкие часы вроде этих могут долго не выдержать. Что скажете, Белл: если эти часы кто-нибудь швырнет о стену, они будут показывать точное время, а?

— Если с этими часами что-то случится, приходите ко мне, — ответил Белл.

Элизабет Саттерленд снова пришла в лавку часовщика весной. Белл стоял у входа, поджидая ее, и, когда карета

подъехала поближе, Элизабет махнула ему рукой. В лавку она вошла легким шагом, будто юная девушка, откинула вуаль, осмотрела полки и повернулась к Беллу, сияя улыбкой:

— Я пришла как раз вовремя, мистер Белл: у вас на полках столько новых произведений! — воскликнула она.

— Я надеюсь, часы, которые вы приобрели в прошлом году, работают исправно?

— Они не отстали ни на секунду. И такое удовольствие на них смотреть. Кажется, что всякий раз, когда они бьют, что-то происходит немного иначе. Дети от них в восторге, и мистер Саттерленд просто очарован. Он все время говорит, что собирается к вам заглянуть, чтобы сказать, как радуют его эти часы.

— Буду с нетерпением ждать его визита, миссис Саттерленд.

— Ну, надеюсь, он скоро до вас доберется. Но он в последнее время кажется таким уставшим.

— В наше время приходится много работать, — сказал Белл, сопровождая миссис Саттерленд к прилавку и усаживая на стул.

— Да нет, он не изможден непосильной работой. Похоже, он просто устал. Кажется, что за последние несколько месяцев он стал намного старше, — сказала она, устремив взгляд на верхние полки.

Белл не ответил. Он посмотрел на те часы, которые привлекли ее внимание, снял их с полки и поставил на прилавок. Элизабет наклонилась, рассмотрела их, а потом повернулась к Беллу, улыбаясь, будто в предвкушении:

— Какая милая картина, мистер Белл. Все так спокойно. Не могу себе представить, что я увижу, когда часы будут бить.

Стрелки показывали без двух минут три. Циферблат располагался в золотом куполе, висевшем над лесным пейзажем, в котором тихий пруд окружали ивы. Посредине пруда плыла лодочка размером с детский мизинец. В ней сидела, закинув в воду удочку, фигурка в соломенной шляпе. Кругом царило спокойствие. При первом ударе курантов рыбак вытащил крошечную рыбку, снял ее с крючка

и снова забросил удочку; с каждым ударом часов он вытаскивал по рыбешке. Когда на дне лодки, хлопая хвостами, трепыхались уже три рыбы, рыбак поднял их и бросил обратно в воду. По воде разошлись круги, затем она вновь стала безмятежной, а рыбак сел обратно, надвинул шляпу, закрывая глаза от лучей заходящего солнца, закинул удочку и продолжил ловить рыбу.

Миссис Саттерленд захлопала в ладоши, переполненная детским восторгом.

— Это же чудесно, мистер Белл! — воскликнула она.

— Благодарю вас, миссис Саттерленд, — сказал он и вернул часы на полку. — Не желаете ли посмотреть что-нибудь еще?

— Мне они все нравятся, мистер Белл, но я пришла подыскать что-нибудь в подарок на день рождения моей матери.

— Вы хотели бы что-то конкретное?

— Я надеялась, что у вас, возможно, найдутся еще одни часы вроде тех, что я покупала для мужа.

— Увы, это не так. Каждые часы неповторимы, — ответил Белл. — Хотя, дайте подумать... возможно, у меня найдется нечто более подходящее.

Часовщик окинул полки внимательным, неторопливым взглядом, затем осмотрел содержимое шкафа-витрины. Некоторое время он стоял, нахмурившись и прижав палец к губам, потом извинился и ушел в мастерскую. Через несколько минут он вернулся, неся изящную белую вазу, в которой стояло двенадцать нераспустившихся роз.

— И это часы, мистер Белл? — спросила Элизабет.

Он кивнул, указав на небольшой циферблат у основания вазы: стрелки показывали без минуты двенадцать. Белл запустил механизм и поставил часы перед миссис Саттерленд. Часы стали бить, и с каждым ударом распускался один бутон, а воздух наполняло благоухание. Оно чувствовалось все сильнее и сильнее. Элизабет тихо вскрикнула от удивления и восторга.

— Ах, мистер Белл, да это как раз то, что мне нужно! — сказала она, когда распустился последний бутон. —

Мама обожает розы! Для нее невозможно найти лучшего подарка, чем этот.

— Я доделал эти часы только вчера, миссис Саттерленд.

— Как раз маме ко дню рождения!

— Как раз вовремя, как оказалось, — ответил Белл.

В конце лета Пол Саттерленд тихо умер у себя дома. Ему было сорок с небольшим, и ничто не говорило о том, что он был болен, однако в последние месяцы жизни он превратился в морщинистого седовласого старика, иссохшего телом и слабого разумом. Вдова искренне скорбела по нему, но многие жители города считали, что освободиться от супруга было для нее большой удачей.

Осенью, в темный и дождливый день, по безлюдным улицам в лавку Белла пришли Монсон и двое его друзей. Они принесли сломанные часы — те самые, которые здесь покупали. Монсон поставил часы на прилавок и шагнул назад, посмеиваясь. Приятели тоже захихикали, когда он указал на разбитый циферблат.

— Один из наших ребят воображает себя безупречно метким, Белл. Сколько времени вам потребуется, чтобы починить эти часы? — спросил он.

Белл взял часы и осмотрел их со всех сторон. Его лицо приняло суровое выражение.

— Так сколько вам нужно времени? Они нам нужны завтра. Вы же быстро работаете, верно? — сказал один из приятелей, с ухмылкой поглядывая на остальных.

— Сложновато для вас, да, Белл? — спросил Монсон. — Если вы не можете их починить, мы купим взамен другие. На этот раз из тех, хитроумных, одну из особых моделей, — добавил он, указав рукой в сторону полок.

— Эти часы не продаются, — сказал Белл.

— Какой же вы бездарный предприниматель, Белл. Вы не хотите продать ваш самый лучший товар, а когда все же решаете это сделать, то просите сумасшедшие деньги.

— А он достаточно зарабатывает на том, что продает богатым дамам. Не так ли, Белл? — спросил один из приятелей Монсона.

— Да, и что это происходит между вами и Лиз Сатерленд? — спросил Монсон. — Поговаривают, она у вас много времени проводит. Вам о ней не стоит и думать, вы слышите меня, Белл?

— Уйдите из лавки, — сказал Белл.

— Уйти? Мы же ваши клиенты, Белл. Вы торгуете, и вам положено обходиться с нами почтительно. Мы хотим посмотреть эти ваши драгоценные часы, все сокровища якобы не для продажи, которые вы тут приберегли, а ваше дело показать нам то, что мы попросим.

— Уйдите из лавки, — повторил Белл, и голос его был таким же ровным, как и прежде.

Он поставил разбитые часы на прилавок и шагнул в сторону компании.

— Как насчет вот этих? — спросил Монсон, быстро подошел к полкам и взял в руки произведение из фарфора, золота и металла, с яркой эмалью; часы украшала стоявшая навытяжку нарядная фигурка караульного в форме. — А теперь только ничем меня не разозлите, Белл, а то я их могу уронить.

Белл ответил спокойным, ледяным голосом:

— Поставьте часы на место и уйдите из лавки.

Монсон посмотрел на дружков и ухмыльнулся. Он резко вскрикнул: «Упс! Осторожнее!» — и, громко хохоча, притворился, что роняет часы. Фигурку часового встряхнуло, и она вылетела на пол. Монсон торопливо поставил часы обратно на полку.

— Я не нарочно. А вам, Белл, всего-то и нужно было, что попридержать язык. Мы не собирались вам ничем вредить.

— Вы, безусловно, собирались вредить. И добились задуманного.

Атмосфера в магазине мгновенно переменилась. Белл словно навис над троими посетителями, а они — пусть каждый и был на несколько лет моложе часовщика, да и более крепкого, чем он, телосложения — так и отпрянули от него. Белл наклонился, очень бережно поднял упавшую фигурку и поднес ее к глазам.

— Вы сможете ее починить, Белл, — сказал один из приятелей.

— Да вы же запросто чините такие вещи, — согласился другой. — Мы же не человека ранили.

— О часах, которые мы принесли, можете не беспокоиться. Это была шутка. Просто шутка, — добавил первый.

Монсон шагнул вперед, дерзко выпятив челюсть. Он заговорил неестественным голосом, очень громко:

— Минуточку. Белл может наши часы отремонтировать, и у него нет никаких причин отказываться от работы. Если я и нанес какой-то ущерб — настоящий ущерб,— то готов за это заплатить, если, конечно, мне назовут разумную сумму. Нам не за что извиняться. Мы заплатим — и точка.

Белл оторвал взгляд от сломанной фигурки, лежавшей у него на ладони.

— Я рассчитаю, какой будет подобающая плата, — сказал он.

Об исчезновении Остина Монсона и двоих его приятелей несколько месяцев ходили всевозможные слухи и многочисленные догадки. День-два в центре внимания были одни объяснения происшедшего — от нелепейших до самых мрачных, — а затем их сменяли новые версии. Но время шло, интерес угасал, и вскоре о троих пропавших судачили только их друзья.

За тот год, который прошел с того памятного случая, круг клиентов Белла значительно вырос; его покупателями стали почти все жители города. Даже самые бедные семейства имели возможность по средствам приобрести часы из его лавки. И все часы его работы, сколько бы они ни стоили, простыми были или изысканными, безупречно показывали время. Ни один покупатель не остался недовольным.

Белл вежливо встречал и постоянных клиентов, и случайно зашедших в лавку посетителей, всегда демонстрировал гостям какой-нибудь совершенно новый хронометр искусной работы. Локиср и его жена заходили к нему каждую неделю, и Белл неизменно показывал им новые часы — все более хитроумно устроенные, иногда казавшиеся просто волшебными. Когда часы били, можно было

увидеть, как взлетают птицы, или выпрыгивают из миниатюрного моря дельфины, или вылетают с разрушенной колокольни летучие мыши; дровосеки валили деревья, фигуристы неслись вперед, кружились и выписывали замысловатые пируэты; жонглеры подбрасывали и ловили булавы размером меньше рисового зернышка, лучники выстреливали почти что невидимыми стрелами в мишени величиной с ноготок; матрос плясал под волынку, в исступлении вертелся дервиш, величественная пара спокойно вальсировала под музыку, исполняемую квинтетом музыкантов в завитых париках. И ни одна фигура не двигалась механически или неловко — все казалось плавным и естественным; и не видно было никакой проволоки, никаких рычагов — только изящные, отточенные движения, раз за разом четко повторявшиеся.

Казалось, что часы у Белла продаются, едва он успевает их сделать. Даже те, что были «не для продажи», куда-то исчезали, и их место занимали новые. Лишь немногие часы стояли в магазине постоянно. По-прежнему стоял на полке хронометр с маленьким Арлекином, акробатические трюки которого очаровали Локиера в день его первого визита в лавку. Огнедышащий дракон, охранявший золото, драгоценные камни и скелеты в доспехах, все так же лежал в углу витрины, каждый час выгибая спину, к ужасу и восторгу ребятишек. И стоял на своем месте аккуратный павильончик из фарфора и золота, и на металле были полосы синей и красной эмали, и перед зданием каждый час маршировал туда-сюда караульный в форме, а темп ему задавали трубач и барабанщик; Локиер помнил, что эти часы тоже были в магазине всегда — ну по меньшей мере год.

В праздники в магазине Белла была толпа и настроение царило оживленное и веселое. Те немногие горожане, у которых еще не было часов работы Белла, наконец-то решались на покупку, а остальные желали сделать особенный подарок родным или друзьям. Никто не знал, как у него это получается, но Белл успевал удовлетворить возросший спрос и даже сделал великолепнейшие новые часы в виде освещенного собора, на ступенях которого хор

пел гимны, а над шпилями витали ангелы. За три дня до Рождества Белл поставил эти часы в витрине, и каждый прохожий останавливался полюбоваться.

Когда наступил Новый год — а дни стояли холодные и темные, — настроение в городке переменилось. Никто не ругал ни Белла, ни его работу, никто не жаловался на цены — но теперь магазин часто пустовал, и по два-три дня в нем не было ни единого покупателя. Правда, как и раньше, регулярно заходила чета Локиер. Они иногда брали с собой и крошечную дочку. Белл держится с ними в своей прежней манере; супруги не слышали от него ни одной жалобы, но все же чувствовали какую-то перемену. В чем она заключалась, объяснить друг другу они не могли.

В клубе, где все так же собирались приятели Монсона, начали ходить новые слухи. Здесь пили, размышляли и, не имея других поводов пораскинуть мозгами, то и дело возвращались к исчезновению друзей, которому так и не было никаких объяснений. Как это бывает со сплетнями, сочиняемые истории обретали собственную жизнь, переплетались одна с другой и преувеличения подтверждались вымыслами и доказывались враками. Через некоторое время компания из клуба глубоко уверилась в правдивости собственных домыслов.

Виновен Белл, говорили сплетники. Зачем ему это делать? Да от зависти, конечно. Это же понятно всем, кому известны факты. Монсон его разоблачил, выставил на посмешище. Этот нелепый часовщик счел, что тоже может претендовать на ласки вдовы, — да разве можно себе представить, что такая женщина выйдет за лавочника, вот умора! — и, узнав, что она предпочла Монсона, Белл от зависти и ревности потерял голову. Монсон его поставил на место, и часовщик жаждал отомстить. Это очевидно. Непонятным оставалось только то, что именно сделал Белл с соперником и почему расправа не обошла стороной и его двоих приятелей. Белл достаточно коварен, чтобы скрыть улики, которые могли бы его выдать; в его уме и проницательности никто не сомневается, но это

еще вернее доказывает, что преступник именно он. Это понимает всякий разумный человек, и часовщика надо отдать под суд!..

Сперва горожане смеялись над этими бреднями, учитывая, из какого источника они происходят и какие мотивы их, скорее всего, вызвали. Но жители раз за разом выслушивали одно и то же, и спустя некоторое время крошечное зерно чего-то — не то чтобы сомнений, но, пожалуй, какой-то вынужденной и смутной неуверенности — пустило корни в их сознании. То, о чем говорят так часто и так искренне, не может не иметь под собой вообще никаких оснований, убеждали они себя. Нет, они не верили ни единому слову, но ведь Белл был человек непостижимый, и этого никто не отрицал. Откуда он родом и зачем приехал в этот город? Каким образом ему, столь беспорядочно устанавливавшему цены на свой товар, удавалось не только не разориться, но и вполне благополучно вести дела? Кто покупал самые дорогие часы и что происходило с товаром, не предназначенным для продажи, но тем не менее исчезавшим с полок? Как удавалось одному человеку быстро и безупречно производить столь тонкие и точные механизмы и при этом собирать и крепкие, удобные часы, продававшиеся в его лавке по самым доступным ценам? И если Монсон и его друзья и вправду в день своего исчезновения сказали знакомым, что идут к часовщику, тогда часовщик должен объяснить горожанам, в чем дело. Никакое мастерство и даже гений не освобождает человека от суда общественности, говорили добропорядочные граждане. А с приближением весны сплетни становились все гуще, вопросы все целенаправленнее. Загадка требовала разрешения.

Однажды вечером, когда лавка уже закрылась, а на улицах никого не было, в дверь черного входа постучал Локиер. Белл находился в мастерской, как и почти всегда по вечерам; дверь он открыл спустя некоторое время.

— Мистер Белл, вам следует позаботиться о вашей безопасности, — сказал Локиер без всяких предисловий, как только открылась дверь.

— Мне не требуется защита, — ответил Белл.

— Нет, требуется, — настоятельно произнес Локиер. — Вы же наверняка знаете, какие истории рассказывают у нас в городе.

— Да, я слышал эти бредовые слухи, — признал Белл.

— Мы-то с вами знаем, что это все глупости, но вот другие горожане начинают верить сплетням. Обсуждают уже, не прийти ли к вам в лавку и не потребовать ли объяснений в отношении исчезновения Монсопа.

— Моя лавка открыта в обычные часы, — невозмутимо ответил Белл. — Я всегда готов ответить на разумные вопросы. Не лучше ли вам будет войти, мистер Локиер?

— Нет-нет, я не могу, — проговорил Локиер, попятившись. — Но вам нужно что-то предпринять для вашей безопасности. За этим стоят дружки Монсопа, а они хотят с вами расправиться. Они могут сломать дверь и ворваться к вам ночью.

— И что, горожане позволят это сделать?

Локиер замялся, а потом извиняющимся тоном ответил:

— Никто не хочет, чтобы с вами случилась какая-нибудь неприятность. Но дружки Монсопа всех сбили с толку. Они пользуются в городе большим влиянием — ну по крайней мере некоторые из них... А жители слышали уже столько россказней, что не знают, чему верить. Они совсем запутались.

— То есть я должен опасаться нападения толпы, не признающей никаких законов.

— Боюсь, дело именно так и обстоит. Вам нужно защитить себя.

— Я это сделаю, мистер Локиер, — сказал Белл и закрыл дверь.

Локиер услышал, как часовщик задвинул засов.

Они пришли в лавку в ту же ночь, и было их одиннадцать человек. Остальные поджидали снаружи, у парадного и черного входов. Все они уже бывали здесь раньше: одни покупали у часовщика товар, другие заходили посмотреть, как бьют часы в лавке, или просто разглядывали витрины. Вожаками были те трое, что приходили в лавку

вместе с Монсоном, когда тот забирал часы после ремонта. Остальные стояли молча.

— Мы пришли сюда, чтобы узнать, что ты сделал с нашими друзьями, Белл. Мы не уйдем, пока не получим ясного ответа, — заявил один из вожаков, вставший прямо перед часовщиком.

— Почему вы меня в этом обвиняете? — спросил Белл, спокойно глядя на него сверху вниз.

— Они говорили, что идут сюда. Мы все это слышали. И больше их никто не видел. Ты в ответе за их исчезновение, ясно?

— Просто признайся, Белл. Мы заставим тебя рассказать все, если ты вынудишь нас так с тобой поступить, — сказал еще один.

Он поднял трость и постучал ею по стеклу шкафа-витрины.

— Мы здесь у тебя все можем расколошматить, и тебя в том числе, — сказал первый. — А теперь ты расскажешь нам, что сделал с нашими друзьями.

Белл посмотрел на него, потом на типа с тростью, потом на всех остальных, кого было видно. Он поднял руку и указал на дверь:

— Лучше всего будет, если вы покинете лавку.

— Для тебя это, несомненно, будет лучше. Но мы не уйдем, — сказал первый, и несколько других под давлением свирепого взгляда товарища пробормотали, что полностью с ним согласны.

— Не пытайся нас обмануть, Белл. Ты и так слишком долго дурачил весь город. Отвечай нам, а не то худо будет, — сказал второй.

Он размахнулся тростью, ударил по стеклу, и оно треснуло.

И тут совершенно неожиданно, ровно в девять минут второго, все часы в лавке начали бить. В унисон. Низкие голоса гонгов и хрустальный перезвон колокольчиков, звучные колокола и крошечные трубы, музыка, птичье пение и гвалт, в котором уже не различить было отдельного стука, звона и бренчания, — все это смешалось и накрыло незваных гостей звуковой волной. А часы все били и би-

ли: двенадцать раз, а потом еще двенадцать и еще двенадцать, — сначала быстро, а потом все тише и медленнее, постепенно угасая. И наконец бой часов перестал быть слышен.

Вошедшие стояли в оцепенении, подавленные этим потоком звуков. Они совсем не ощущали никакой боли, и движения их не ограничивала внешняя сила. Они легко дышали, могли свободно перемещать взгляд, слышали каждый звук. Но тела их будто что-то держало: казалось, воздух стал тягучим и клейким и прилипал к ним, тянулся, как густая жижа или хлопья мокрого снега, но только он много больше стеснял движения, потому что лип не только к ногам, но и к рукам, головам, ко всему телу. Им казалось, что время двигалось ползком, почти остановилось, сгустившись и поймав их в свою ловушку, и теперь они будто насекомые в кусочке янтаря.

Мнения тех, кто говорил позже о событиях той ночи — а решились на это немногие, и рассказывали они неохотно и не сразу, опасаясь насмешек, — совпадали только в отношении некоторых моментов. На Белла, как говорили все они, это явление не оказывало никакого действия. Он стал снимать часы с полок, с витрины, со шкафа, и по одному экземпляру зараз, бережно и нежно, и уносить их в свою мастерскую. Все это заняло много времени — не меньше нескольких часов, — но никто из стоявших не чувствовал ни боли, ни судорог, которые обычно возникают в результате такой долгой неподвижности. Белл работал методично, будто не замечая незваных гостей; все его внимание было приковано к часам.

Эти моменты совпадали во всех воспоминаниях, но в остальном каждый рассказывал что-то свое. По словам одного из присутствовавших тогда в лавке, там становилось все темнее и темнее. Другой говорил, что лавка была все время освещена одинаково, а вот сам Белл двигался все быстрее. В конце концов это мельтешение стало невозможно воспринимать глазом, а потом он исчез из виду. Третий утверждал, что Белл, унося каждые следующие часы, становился все бесплотнее и призрачнее, а под конец просто растворился и исчез. Один из рассказчи-

ков вспоминал, как перед его лицом летела муха, двигалась она так медленно, что он мог бы посчитать взмахи ее крылышек. Муха пролетела не более фута, и все же, как утверждал очевидец, тянулся этот полет не менее трех часов. Еще один из приятелей рассказал, как странно было видеть пепел, упавший с сигары стоявшего рядом. Пепел так и не коснулся пола за все то время, что компания стояла обездвиженной, — по оценкам свидетеля, не менее четырех часов. Двое других упоминали, что тиканье часов будто состояло из отдельных звуков, разделенных мучительно долгими паузами, составлявшими, по словам одного, целый час, тогда как другой просто говорил про ужасно длинные перерывы.

Что бы ни случилось той ночью и каким бы образом это ни произошло, но, когда незваные гости вновь смогли двигаться — а оцепенение их прекратилось мгновенно и неожиданно, — ни Белла, ни часов в лавке не было.

Пятеро в ужасе выбежали из лавки в тот же момент, как смогли пошевелить ногами. Те же, кто остался, не стали спасаться бегством — вовсе не от храбрости и не от злости, а потому, что не хотели показать всем, насколько перепугались. Они неуверенно переглянулись, будто ожидая указаний, и наконец кто-то произнес:

— Мы должны пойти за ним.

В мастерской было темно и пусто. Они отодвинули задвижку на двери черного хода, и один из них крикнул тем, что поджидали снаружи:

— Вы его видели?

Из темноты показался мужчина с киркой в руке:

— Никого не видели. Из этой двери никто не выходил.

— Вы в этом уверены?

— Конечно уверены, черт возьми! — отозвался поблизости чей-то голос.— А что случилось? Убежал от вас Белл, что ли?

Они не ответили. Они вернулись в лавку и заметили то, на что от потрясения не обратили внимания в тот момент, когда вновь обрели свободу. Лавку покрывал толстый слой пыли, с потолка и полок свисала паутина. В воздухе висел тот запах, что бывает в помещениях, долго

стоявших запертыми. Пока незваные гости оглядывались, часы на городской ратуше начали отбивать четверть часа. Один из мужчин посмотрел на свои часы и сдавленным голосом объявил:

— Час пятнадцать.

Никто так и не узнал, что стало с часовщиком. Жители города никогда больше не видели часов, подобных тем, которые делал он, — даже и те, кто много путешествовал и интересовался подобными вещами. Часы же, купленные в лавке Белла, передавались в семьях три, четыре, даже пять поколений. Они идут идеально точно и ни разу не потребовали ремонта.

КЛАРК ЭШТОН СМИТ

Двойная тень

Говорили, что за Кларком Эштоном Смитом (1893—1961) водилась привычка почитывать словарь для развлечения, находя удовольствие в малоизвестных и волшебно звучащих словах. Не знаю, сколько правды в этих рассказах, но меня они вовсе не удивляют. Когда читаешь любой из рассказов Смита, словарь стоит держать под рукой. Зачем называть кого-то колдуном, если можно обозвать его чудотворцем? Зачем опускаться до простой «тени», если можно создать «сень»? Рассказ плетется из слов, а в представлении Смита — он начинал свою литературную карьеру как поэт, прежде чем увлечься фантастической беллетристикой, — слова создавали миры.

Хотя Смит писал на протяжении почти пятидесяти лет, большинство его фантастических произведений создано в период с 1928 по 1937 год, когда необычные вещи так и лились из-под его пера для известного издания «Странные истории». Действие их происходит в Атлантиде, Ксикарфе, Зотиге, Гиперборее или Аверойне — одни только названия наводят на мысль о волшебстве и тайнах. Его работы были собраны в нескольких томах издательского дома «Аркхэм», таких как «Из пространства и времени» («Out of Space and Time», 1942), «Потерянные миры» («Lost Worlds», 1944), «Гений места» («Genius Loci», 1948) и «Истории о науке и колдовстве» («Tales of Science and Sorcery», 1964), и завершались сборником лучших рассказов «Рандеву в Аверойне».

Когда я подбирал произведения для этого сборника и обсуждал его с другими энтузиастами, одним из первых они называли имя Кларка Эштона Смита — самого раннего писателя магических рассказов. Я думал так же. Поскольку сам Смит считал «Двойную тень» своим лучшим творением, я представляю вашему вниманию лучшее из лучших.

Те, кто знал меня в Посейдонисе, называли меня Фарпетроном, но даже я, последний и самый способный ученик мудрейшего Авиктеса, не ведаю, под каким именем суждено мне встретить завтрашний день. Вот почему я пишу эти торопливые строки в свете мигающих серебряных ламп, в доме моего учителя над шумным морем, брызгая достойными волшебника чернилами на серый, бесценный, древний драконий пергамент. А закончив, я запечатаю страницы в трубку из орихалка и выброшу из высокого окна в море, ибо боюсь помыслить, на что обречет меня судьба, если написанное пропадет втуне. И может статься, моряки из Лефары, проходя в Умб и Пиеор на своих высоких триремах, найдут эту трубку или же рыбаки выудят ее из пучин своими неводами. И, прочитав мое повествование, люди узнают правду и начнут остерегаться, и нога человека больше никогда не ступит под своды бледного, проклятого демоном дома Авиктеса.

Шесть лет я жил здесь с моим престарелым учителем, позабыв про свойственные юности утехи ради изучения мистических дисциплин. Глубже, чем кто-либо до нас, мы погрузились в запретные таинства; мы вызывали обитателей запечатанных навеки гробниц и полных страха бездн за пределами нашего мира. Не многие сыны человеческие отваживались разыскать наше жилище среди голых, изъеденных ветром утесов, но мы видели достаточно безымянных гостей, что жаловали к нам из мест за пределами мира и времени.

Строгой белой крепостью возвышается на скале наш особняк. Далеко внизу, на черных обнаженных рифах, море то непреклонно ревет и вздымается на дыбы, то отступает с недовольным ропотом, подобно армии побежденных демонов, и дом, словно пустующий склеп, вечно полон эхом его скучливого голоса, а ветра стонут унылым гневом в высоких башнях, но не могут пошатнуть их. На стороне, обращенной к морю, особняк поднимается из отвесной скалы, зато с других сторон его окружают узкие террасы: там растут карликовые кедры, что вечно гнутся под штормовым ветром. Огромные мраморные чудовища стерегут парадный вход; портики над клокочущим внизу при-

боем охраняют высокие мраморные женщины, а в залах и холлах повсюду стоят могучие статуи и мумии. Кроме них и призванных нами существ, нет у нас других компаньонов, а призраки и личи[1] прислуживают нам в ежедневных делах.

Не без ужаса (ибо все мы смертны) я, неофит[2], смотрел поначалу на мерзкие лица гигантов, что повиновались Авиктесу. Я содрогался от извивания черного дыма, когда неземные вещества горели в жаровнях; я кричал от страха при виде серой бесформенной массы, что злобно ползала вдоль семицветного круга, исходя жаждой забраться внутрь, где стояли мы. Не без отвращения пил я подаваемое кадаврами вино и ел выпекаемый призраками хлеб. Но со временем ко всему привыкаешь, мой страх поулегся, и я начал верить, что Авиктес является безоговорочным господином всех заклинаний и заговоров и обладает неоспоримой властью развеять призванных им существ.

Мы бы и дальше жили в довольстве, если бы учитель ограничился сохранившимися со времен Атлантиды и Туле[3] знаниями либо же теми новинками, что доходили до нас из Мю. Не сомневаюсь, что нам бы хватило наук до конца жизни: в книгах из Туле, на страницах из слоновой кости, кровью были выведены руны, что вызывали демонов пятой и седьмой планеты, если прочесть их вслух, когда эти светила всходят на небе; колдуны Мю оставили нам описание опыта, который открывал двери далекого будущего; наши же прадеды из Атлантиды знали, как разделить атомы и как отправиться к звездам. Но Авиктесу хотелось знаний все темнее, все могущественнее... И вот на третьем году моего ученичества в его руки попала зеркально-гладкая дощечка давно пропавших с лица земли змеелюдей.

В определенные часы, когда море отступало от крутых утесов, мы обычно спускались по лестнице, высеченной в скальной глыбе, к небольшому, огороженному неприступ-

---

[1] *Лич* — оживленный труп.

[2] *Неофит* — новичок, недавно посвященный.

[3] *Туле* — легендарный остров на севере Европы.

ными склонами пляжу в форме полумесяца — он находился под обрывом, на котором стоял дом Авиктеса. И там, на сероватом влажном песке, куда не доставали пенистые языки прибоя, искали поднятые из пучин и выброшенные ураганами на берег чужестранные диковинки. Там же мы находили фиолетовые витые раковины, грубые комки амбры и белые соцветия вечноцветущих кораллов; как-то раз мы видели зеленого медного божка, что украшал когда-то нос галеры с дальних островов.

Однажды случился сильнейший шторм — из тех, когда море сотрясается до самых глубин. К утру буря улеглась: небо в тот роковой день сияло безоблачной синевой, дьявольские ветра попрятались в черных трещинах и пропастях, а море чуть слышно шелестело волнами, подобно шелковому подолу стеснительной девицы. И у самой полосы прибоя, в буром клубке водорослей, мы заприметили яркий, затмевающий солнце блеск.

Я бегом бросился к нему, чтобы подобрать предмет раньше, чем его утащит очередная волна, и принес его Авиктесу.

Табличка (речь идет о ней) была сделана из неизвестного материала, похожего на неподвластное ржавчине железо, но более тяжелого. Она была выполнена в форме треугольника; размером чуть больше человеческого сердца. Одна сторона чиста, как зеркало, а на другой ряды крючковатых символов въелись глубоко в металл, будто вытравленные едкой кислотой. Символы не походили ни на иероглифы, ни на буквы известных нам с учителем языков.

Мы не смогли определить возраст и происхождение таблички — наши познания оказались бессильны. В течение многих дней мы изучали надпись и спорили, но ничего не добились. И тем не менее ночь за ночью мы запирались в закрытой от вечных ветров комнате и изучали сверкающую табличку в свете серебряных ламп, поскольку Авиктес полагал, что в крючковатых значках скрывается редкое знание, таинство чуждой или же очень древней магии. Потом, так как вся наша ученость не принесла плодов, учителю пришлось прибегнуть к другим источни-

кам, и он обратился к ворожбе и некромантии. Но поначалу, сколько бы мы ни расспрашивали демонов и призраков, никто не мог ответить. Любой другой на месте моего учителя уже отчаялся бы... И как было бы хорошо, если бы так случилось и Авиктес не искал больше путей разгадать надпись!

Под медленный рокот волн, бьющих о черные камни, и завывание ветра в белых башнях шли месяцы и годы. Мы продолжали изыскания; все дальше и дальше мы углублялись в беспросветные глубины пространства и духа, выискивая способ отомкнуть ближайшую из множества бесконечностей. Время от времени Авиктес возобновлял попытки разгадать тайну выброшенной морем таблички или опрашивал о ней очередного пришельца.

В конце концов волей случая учитель в качестве праздного эксперимента вызвал тусклый, тающий в воздухе призрак волшебника доисторических времен, и тот шепотом на грубоватом, забытом людьми наречии поведал, что письмена на табличке принадлежат языку змеелюдей, чей континент затонул за миллиард лет до того, как Гиперборея поднялась из грязи. Призрак ничего не сумел рассказать о значении надписи, ибо даже в его время змеелюди считались сомнительной легендой, а их нечеловеческие знания и волшебство не давались людям.

Надо заметить, что во всех чародейских томах Авиктеса не нашлось заклятия, которое позволило бы нам вызвать змеелюдей той баснословной эпохи. Но существовала древняя лемурийская[1] формула, малопонятная и неточная, при помощи которой чародей мог отослать тень человека во время, предшествующее его жизни, а после призвать обратно. Тень же, не обладая субстанцией, не пострадает от путешествия и запомнит все, что велит ей изучить чародей.

Итак, снова вызвав призрак того колдуна по имени Юбиф, мы с учителем поработали над древними смолами и горючими осколками окаменевшего дерева, прочитали

[1] *Лемурия* — мифический остров в Индийском океане, с развитой цивилизацией.

вслух положенные части формулы и отправили тень Юбифа в далекие времена змеелюдей.

По прошествии отведенного учителем промежутка времени мы исполнили любопытные ритуалы, что должны были его вернуть, и они оказались успешными. Юбиф опять стоял перед нами, колыхаясь, как легчайший туман, который вот-вот развеет ветерком. Шепотом почти беззвучным, подобным последнему отзвуку засыпающих воспоминаний, он поведал нам значение символов, ради которого и отправлялся в прошлое. Мы не стали расспрашивать его дальше и отправили в то небытие, откуда он явился.

Тогда, узнав смысл крохотных изогнутых букв, мы сумели прочесть написанное на табличке и записать его звучание современными символами, хотя и не без трудов и мучений, поскольку сами созвучия языка змеелюдей, их символы и идеи оказались во многом чужды нам, людям. Когда же мы разобрали надпись, обнаружилось, что она содержит выражение для вызова, без сомнения записанное их колдунами. Но кого вызывает это заклинание, не говорилось — ни намека на природу существа, что должно откликнуться на ритуал. Также там не нашлось соответствующего заклинания для экзорцизма[1].

Великая радость охватила Авиктеса, когда он наконец получил доступ к знанию, хранившемуся за пределами памяти человеческой. И сколько ни пытался я его отговорить, учитель решил попробовать заклинание на деле, утверждая, что наша находка отнюдь не случайна, а, напротив, предопределена судьбой. Он не придавал должного значения опасности, которую мы могли навлечь на себя, вызвав существо, чье происхождение и возможности совершенно нам неизвестны. «За все годы, что я посвятил волшебству, — говорил Авиктес, — ни разу не являлись мне ни черт, ни Бог, ни демон, лич или тень, которых я не сумел бы покорить и потом изгнать. Я и думать не хочу, что раса змеелюдей, какими бы искусными ни считали они себя в некромантии и колдовстве, сумела породить дух, неподвластный моим заклятиям».

---

[1] *Экзорцизм* — изгнание духов.

Видя настойчивость человека, которого я признавал учителем и господином во всех отношениях, я согласился, хотя и не без сомнений, помочь Авиктесу в его эксперименте. К определенному часу, при надлежащем расположении звезд, мы собрали в зале для заклинаний всяческие названные в табличке вещества или найденные для них замены.

Лучше смолчать о подготовке и собранных нами материалах, также не следует повторять резкие, шипящие слова, которыми начинался ритуал. Они тяжело давались нам, не принадлежащим к расе змеелюдей. Ближе к концу эксперимента мы свежей птичьей кровью нарисовали на мраморном полу треугольник: Авиктес встал в одном углу, я — в другом, а огромная коричневая мумия атлантийского воина по имени Ойгос — в третьем. Мы с Авиктесом взяли в руки тонкие свечи, сделанные из трупного жира, и держали их, зажав между пальцами. В вытянутых ладонях Ойгоса, словно в неглубоком кадиле, горели слюда и асбест — мы вызвали это пламя известным нам способом. Чуть поодаль на полу с помощью бесконечного повторения двенадцати неназываемых вслух знаков Умора был вычерчен неразрывный овал — там мы собирались укрыться, если наш гость покажет себя недружелюбным или непокорным. Мы дождались, пока вращавшиеся вокруг полюса звезды повернулись, как было предписано в табличке. Когда свечи погасли в наших обожженных пальцах, а слюда и асбест полностью расплавились в изъеденных огнем ладонях мумии, Авиктес произнес слово, чье значение оставалось скрытым от нас. Ойгос, связанный с волей учителя колдовской силой, повторил его через нужный промежуток голосом глухим, как эхо в гробнице, а за ним в свой черед и я.

Надо заметить, что перед ритуалом мы отворили в зале воплощений маленькое окно с видом на море, а также оставили открытой высокую дверь в выходящем на другую сторону дома коридоре на случай, если явившемуся на призыв существу потребуется материальный вход. Во время церемонии море замерло и ветер утих, будто в предвкушении безымянного гостя. Но вот прозвучало

последнее слово, а мы стояли и напрасно ждали хоть какого-то знака, возвестившего бы о появлении неведомого существа. Лампы горели ровно; все тени в комнате принадлежали нам, Ойгосу и гигантским мраморных девам у стен. В хитроумно расставленных заколдованных зеркалах, что отражали невидимое, не появилось никаких изображений.

Через краткое время Авиктес выразил разочарование: он полагал, что вызов провалился. Я же почувствовал заметное облегчение, но предпочел это скрыть. Мы допросили Ойгоса: возможно, благодаря присущему мертвым чутью он обнаружил в комнате доказательство (или хотя бы сомнительный намек на него) присутствия в комнате чего-либо, невидимого нам, людям. Мумия ответила отрицательно.

— Поистине дальше ждать бессмысленно, — заявил Авиктес.— Мы либо неверно поняли смысл надписи, либо не сумели воссоздать вещества для ритуала, а может быть, неправильно произнесли какое-нибудь слово. Возможно, за прошедшие эпохи то существо, что должно ответить на призыв, исчезло без следа. Или с ним произошли перемены, за счет чего заклинание стало пустым и бесполезным.

Я с готовностью согласился с учителем в надежде, что история с дощечкой подошла к концу. После мы вернулись к привычным занятиям, и больше ни один из нас не упоминал загадочную табличку и пустое заклятие.

Наши дни потекли как прежде: море ревело и карабкалось в белой ярости на утесы, ветра завывали угрюмыми невидимыми призраками и гнули темные кедры, как сгибает ведьм дыхание Таарана, бога зла. Завороженный новыми чудесами и чарами, я почти забыл о неудавшемся заклинании и полагал, что Авиктес также выбросил его из головы.

Все шло как в былые времена, и ничто не тревожило наше наполненное мудростью, могуществом и безмятежностью существование, которое мы считали не подвластным никому из королей. При чтении созвездий гороскопа мы не обнаружили в будущем ничего угрожающего, да и геомантия, а также прочие методы предсказания не пред-

вещали ни тени вреда. Наши фамильяры[1], пусть устрашающие для глаза обычного смертного, служили нам с полным послушанием.

Однажды ясным летним утром мы с учителем прогуливались, по обыкновению, на мраморной террасе за домом. Облаченные в лиловые, цвета океана, мантии, мы неторопливо шагали между причудливо изогнутых ветром кедров; я бросил взгляд на пол, на наши голубые тени, и вдруг увидел расплывчатое пятно-тень, которое никак не могло принадлежать ни нам, ни деревьям. Я встревожился, но ничего не сказал Авиктесу, лишь продолжал украдкой наблюдать за страшным явлением.

Оно следовало по пятам за тенью учителя, не приближаясь и не удаляясь ни на шаг. И оно не дрожало на ветру, но перетекало подобно тяжелой, густой гнойной жидкости. Цвет его не походил ни на черный, ни на фиолетовый или синий — такой цвет не знаком людским глазам, — скорее, это был цвет разложения более темного, чем сама смерть. Судя по форме, силуэт принадлежал чему-то чудовищному, что ходило выпрямившись, но имело приплюснутую голову и длинное изгибающееся тело. Такому существу больше пристало пресмыкаться, нежели ходить.

Авиктес не замечал новой тени, но я боялся сказать ему о ней, хотя сразу понял, что незваный спутник несет беду. Я придвинулся ближе к учителю в надежде через прикосновение или другим чувством обнаружить невидимое нечто, что отбрасывало тень. Но я встретил только пустой воздух, причем как со стороны, откуда падало солнце, так и с другой, — а искал я очень тщательно, зная, что некоторые существа отбрасывают тень против солнца.

В обычное время мы вернулись к изогнутой лестнице и охраняемым чудовищными статуями портикам, что вели в дом. Странное пятно последовало за тенью Авиктеса, поднялось по ступенькам и прошло неостановленным мимо ряда нависающих над входом монстров. В полутемных

---

[1] *Фамильяр* — слуга, приближенный.

залах, куда не доходили солнечные лучи, где не место теням, я по-прежнему с ужасом наблюдал отвратительную размытую кляксу тлетворного цвета без названия, что следовала за учителем вместо его исчезнувшей тени. И весь день, где бы мы ни находились: за столом, где прислуживали призраки, или в охраняемой мумиями библиотеке, — пятно преследовало Авиктеса, словно проказа — больного. И по-прежнему учитель ничего не замечал, а я воздерживался от того, чтобы указать ему на тень. Я надеялся, что со временем ужасный гость исчезнет так же необъяснимо, как и появился.

Но в полночь, когда мы сидели под серебряными лампами и изучали написанные кровью руны Гипербореи, я заметил, что пятно подобралось ближе к Авиктесу и теперь возвышалось на стене за его креслом. Оно колыхалось, будто истекало кладбищенской гнилью, мерзостью превосходящей черную проказу ада, и я не выдержал. Я закричал от страха и отвращения и указал на него учителю.

Заметив наконец тень, Авиктес внимательно ее осмотрел. На его покрытом глубокими морщинами лике я не заметил ни страха, ни омерзения, ни восхищения. «Это тайна за пределами моего мастерства, — сказал он мне. — Но никогда еще за время чародейства ни одна тень не являлась ко мне незваной. И поскольку все наши заклятия, кроме одного, получали должные отклики, я вынужден заключить, что перед нами существо либо тень существа, что пусть запоздало, но откликнулась на формулу со змеиной таблички, которую мы посчитали пустой и никчемной. Я думаю, что нам следует направиться в комнату для вызовов и расспросить тень подобающим образом».

Мы немедленно перешли в комнату для вызовов и совершили все необходимые приготовления. Когда мы были готовы к вопросам, неизвестная тень передвинулась еще ближе к Авиктесу, так что зазор между ними остался не шире скипетра некроманта.

Всеми доступными нам способами мы расспрашивали тень, говорили с ней сами, а также ртами статуй и мумий. Но ответа не получили; и, даже призвав некоторых демонов, что служили нам фамильярами, говорили через них,

но тщетно. Зеркала не отражали ничего, что могло бы отбрасывать тень, а наши ораторы никого не учуяли в комнате. Ни одно из заклятий, казалось, не имело власти над нежданным гостем. Наконец Авиктес встревожился и, очертив на полу кровью и пеплом овал Умора, куда не может вступить ни один дух или демон, перешел в его центр. Но пятно, подобно текучей заразе разложения, последовало за ним внутрь овала, и зазор между ними стал не шире карандаша чародея.

На лице Авиктеса ужас прорезал новые морщины, а на лбу выступил предсмертный пот. Он, как и я, понимал, что перед нами существо, не подчиняющееся никаким законам и не приносящее ничего, помимо несказанного зла и бед. Учитель воззвал ко мне дрожащим голосом и сказал: «Я не знаю, что это и каковы его намерения по отношению ко мне. Я не владею силой, чтобы остановить его. Уходи, оставь меня; я не хочу, чтобы кто-либо видел, как падут мои чары, и наблюдал роковые события, которые могут последовать. Уходи, пока есть время, или же и ты тоже падешь жертвой этой тени...»

Хотя ужас сковал меня до глубины души, я не хотел оставлять Авиктеса. Но я поклялся подчиняться ему всегда и во всем; к тому же я понимал, что вдвойне бессилен перед тенью, раз сам учитель оказался перед ней беспомощен.

Попрощавшись с Авиктесом, на трясущихся конечностях я выбежал из проклятого зала и с порога увидел, как чужеродное пятно, расплываясь по полу тошнотворной кляксой, наползло на Авиктеса. В тот же миг учитель закричал, будто снедаемый кошмаром, и его лицо потеряло сходство с прежним Авиктесом и превратилось в перекошенное, искаженное лицо безумца, который борется с невидимым инкубом[1]. Больше я не мог на это смотреть. Я побежал по коридору и выскочил через портик на террасу.

Красная луна, зловещая и горбатая, нависла над утесами; в ее свете тени деревьев вытянулись, а штормовой

[1] *Инкуб* — распутный, безобразного вида демон.

ветер раскачивал кедры, будто рвал с плеч заклинателей длинные плащи. Пригнувшись от ветра, я заторопился по террасе к внешним ступеням, что вели крутым спуском на каменную, полную провалов осыпь за домом Авиктеса. С прытью, усиленной страхом, я добежал до края террасы, но не смог шагнуть на верхнюю ступень: с каждым шагом мрамор под ногами плавился и лестница отдалялась, словно блеклая линия горизонта перед путником. И хотя я, задыхаясь, бежал изо всех сил, спасительных ступеней так и не достиг.

Со временем я сдался, поскольку видел, что неведомое заклятие изменило пространство вокруг дома учителя, чтобы никто не мог покинуть его. Покорный уготованной мне судьбе, я вернулся в дом. И когда взбирался по белым ступеням при свете низкой, заблудившейся в утесах луны, увидел, что под портиком меня кто-то ожидает. Только по струящейся лиловой мантии — но не по другим признакам — я узнал в этой фигуре Авиктеса. Его лицо потеряло сходство с человеческим, стало отталкивающей маской, где черты учителя слились с чем-то неведомым на земле. Изменение выглядело более страшным, чем смерть или разложение; лицо приобрело тот безымянный, гнойный оттенок, которым поразила меня ранее тень, а черты частично походили на ее плоский профиль. Такие руки не могли принадлежать ни одному земному существу, а тело под мантией вытянулось и покачивалось с тошнотворной гибкостью. В лунном свете казалось, что с лица и пальцев сочится тление. Сегодняшний преследователь, как неотвязная болезнь, исказил и изъел тень моего учителя — но не стоит описывать, как она двоилась.

Я бы охотно закричал, если бы не потерял от ужаса дар речи. Существо, когда-то бывшее Авиктесом, молча поманило меня, не размыкая живых, но притом гноящихся губ. Оно не сводило с меня глаз — они превратились в сочащуюся гнусь... Мягкой проказой пальцев оно ухватило меня за плечо и повело, едва не теряющего сознание от омерзения страха, по коридору в комнату. Там вместе с несколькими товарищами находилась мумия Ойгоса, помогавшего нам провести ритуал с табличкой.

В неподвижном бледном свете негаснущих ламп я увидел, что мумии стояли у дальней стены, все на своих местах, и от каждой по стене тянулась высокая тень. Но у длинной тонкой тени Ойгоса появился спутник, как две капли воды похожий на пагубное пятно, что преследовало мастера, а теперь слилось с ним. Я вспомнил, что Ойгос исполнил свою часть ритуала и вслед за учителем повторил неизвестное слово. Я понял, что ужас вот-вот настигнет и его и изольется на мертвого, как уже излился на живого. Мерзкое безымянное существо, которое мы самонадеянно вызвали, стало видимым для смертных глаз, но этого ему было мало. Мы вытянули его из бездонных глубин пространства и времени, в неведении использовав зловещее заклятие, и оно пришло в выбранный им самим час, чтобы заклеймить призывавших самым страшным образом.

Ночь отошла, и настал день. Он тянулся вязким, липким кошмаром... Я видел, как чужеродная тень полностью слилась с телом и тенью Авиктеса... Я видел медленное наступление второго пятна: оно сливалось с тощей тенью и сухим, смолистым телом Ойгоса и обращало мумию в подобие того существа, в которое превратился учитель. Я слышал, как кричит от боли и страха человеческим голосом мумия, видел, как она бьется в судорогах второй смерти.

Уже давно Ойгос затих и стал безмолвным, подобно первому пришельцу, и я не знаю ни о чем он думает, ни что замышляет... И увы, мне неизвестно, пришло ли то существо, что откликнулось на наш необдуманный призыв, в одиночку или их несколько. Остановятся ли они на нас троих, или ужас из глубин времени распространится на других людей?

Но все это вскоре откроется мне, ибо и за мной теперь следует тень, подбираясь все ближе. Воздух густеет и стынет от страха, наши фамильяры бежали из особняка, а огромные мраморные женщины, стоящие у стен, дрожат. Но ужас, ранее бывший Авиктесом, и второй ужас, бывший Ойгосом, не трясутся и не оставляют меня. Они не спускают с меня глаз, непохожих на глаза, и ждут, когда

я стану одним из них. Их неподвижность пугает меня больше, чем пугало бы желание разорвать меня в клочья. В ветре поют странные ноты, а море ревет чужим голосом; стены дрожат, подобно тонкому покрывалу, под черным дыханием далекой бездны.

Зная, что время на исходе, я заперся в библиотеке и записал все случившееся. Я также взял яркую треугольную табличку, чья загадка погубила нас, и выбросил из окна в море. Надеюсь, что больше ее никто и никогда не найдет. Сейчас я закончу, запечатаю записки в трубку из орихалка и брошу в вечно вздымающиеся волны. Ибо зазор между моей тенью и ужасным пятном на мгновение дрогнул... и теперь он не шире карандаша колдуна.

МАЙКЛ КЕРЛАНД

Обрядовые действия

Майкл Керланд (родился в 1938 г.), появившись в качестве персонажа в книге Честера Андерсона «Парень по имени Бабочка», вернулся уже в качестве автора продолжения к ней, названного им «Девушка-единорог» (1969), благодаря которому он получил признание как писатель. В то время Керланд являлся редактором музыкального журнала «Crawdaddy». Хотя он время от времени и создает романы в жанре научной фантастики, такие как написанный в духе альтернативной истории «Все когда-бы-то-ни-было Бэрра» (1975) и рассказ о межпланетных приключениях «Звездный Грифон» (1987), в последние годы он более склонен к детективной прозе. К счастью, Керланду удается стереть границу между детективом и фэнтези, благодаря чему его романы о противнике Шерлока Холмса, Джеймсе Мориарти, первым из которых был «Адское устройство» (1979), и его продолжение рассказов о лорде Дарси, «Десять маленьких волшебников» (1988) и «Исследования по волшебству» (1989), понравятся любителям как фэнтези, так и детектива. То же самое можно сказать и о публикуемом здесь рассказе.

В этом бесконечном континууме, с его запутанной множественностью вселенных и измерений, возможно все. И вот одна из таких вещей.

День выдался ясным и холодным — такие дни часто бывают в Сан-Франциско в начале марта. Со стороны океана накатывал густой туман, будто огромный уродливый тролль присел на корточки на западных холмах и протягивал в мою сторону множество трепещущих язычков. Я же направлялся по Полк-стрит к старому особняку в викторианском стиле, где жил и работал Джонатан Стрюк.

Бриз пошевелил живую изгородь из подстриженного самшита, а дальше по улице, подвешенная над входом в

один из домов, мелодично зазвенела «музыка ветра». Но вокруг меня воздух был неподвижен. Я остановился. Страницы газеты, брошенной на дороге, стали переворачиваться; зашумели ветки калифорнийской сосны у обочины. Не преследует ли меня элементаль ветра? Такие вещи не происходят случайно. Значит, кого-то интересуют мои передвижения? Ведь я — инспектор Питер Фрей, детектив отдела по невозможным преступлениям полицейского департамента Сан-Франциско, и совершенно нежелательно, да и небезопасно, чтобы за моими действиями следила посторонняя организация.

Я свернул на Калифорния-стрит на перекрестке, где на одном углу стоит угловатый монастырь Братьев Вечного Проклятия, построенный из бурого песчаника, а наискосок напротив него — черное бетонное здание, принадлежащее Братьям Нескончаемого Мучения. Перед калиткой Проклятых Братьев терпеливо переминались в очереди люди, многим было явно неуютно под пристальным взглядом огромной каменной головы Т. Лезо, нависающей над оградой недалеко от входа. Очередь дожидалась удара колокола, который всегда звонит в три часа, после чего ворота раскрываются. За воротами пришедших разделят по способностям и с учетом их пожеланий. Большинству уже на следующее утро придется уйти в глубоком разочаровании, а вот одному или двоим, возможно, скажут, что в них есть малая искорка силы, которую можно было бы развить. Узнав эту новость, им предстоит решить, стоит ли предмет вожделений, то есть блестяще развитая способность применять некоторые тайные приемы гадания, той цены, которую придется заплатить, а именно десять лет, проведенные в бедности, с обритой головой, в строгом повиновении правилам весьма деспотического характера, в нелепом монашеском одеянии, на диете из кукурузной каши и термитов (так мне рассказывали) и в непрестанных молитвах богам, имена которых большинство из нас предпочтет не произносить вслух.

Т. Лезо, открыв в 1860-х годах принципы, на которых основано действие магии, возможно, совершенно не представлял, к каким великим изменениям в обществе приве-

дет его открытие. Великий польский математик Томассони полагает, что до Т. Лезо никому не удавалось открыть законы, по которым работает магия, потому что примерно до середины девятнадцатого века магия и не действовала, — или же это происходило лишь в небольшой степени и в редких случаях. Он полагает, что изменились некие основные физические постоянные нашей Вселенной, или же что Солнце переместилось в тот сектор Вселенной, где действуют немного другие законы, или же еще что-то в этом роде. И он может представить уравнения, которые это подтверждают.

Любопытно то, что множество людей все еще не желает верить в магию, несмотря на то что вокруг, на каждом углу, можно видеть свидетельства ее существования. Волшебник переносит себя из одного места в другое, не используя для этого каких-либо устройств. «Это фокус!» — восклицают скептики. Чернокнижница превращает человека в свинью. «Зеркала», — настаивают они. Чародей предсказывает будущее с восьмидесятипроцентной точностью. «А почему не на сто процентов?» — ехидничают они. Но разве они хуже тех, кто верит, что колдовством можно решить все их проблемы? «Моему брату молотилкой оторвало ногу по колено, — говорит такой человек. — Наколдуйте, чтобы она приросла обратно». Ну да, конечно же. Хотя я слышал о некоторых немецких колдунах, которые теорстически... Но я что-то отвлекся от темы.

Я поторопился дальше по улице, к дому Стрюка. Недавно он перекрасил его в темный травянисто-зеленый, а карнизы, откосы и наличники — в мрачно-коричневый цвета, так что теперь дом лучше вписывается в общий ряд зданий на улице. Но даже в новой «одежке» дом все же каким-то образом намекал, что внутри происходят дела загадочные, нечто такое, о чем лучше помалкивать. Медная табличка на двери была недавно начищена. Она гласила:

ДЖОНАТАН СТРЮК,
доктор теологии.
Расследования посредством гадания

Я нажал на звонок, и в ответ изнутри не донеслось ни звука, но вскоре тяжелая дубовая дверь бесшумно распахнулась, и моему взгляду предстал слабо освещенный коридор, обшитый панелями какого-то темного дерева. Никого не было видно.

— Терпеть этого не могу! — произнес я. — Покажись!

Послышался девичий смех, и передо мной появилась Мелиса. Без всяких клубов дыма, без единого громового раската — просто предстала моим глазам. Секунду назад в коридоре было пусто, и вот передо мной уже стоит худенькая, темнокожая, беловолосая девушка-тростинка в зеленом платье, босиком, уперев руки в боки, и смеется надо мной.

— Привет тебе, Питер, любовь моя, — сказала она. — Он вскоре сможет к тебе выйти, а сейчас он заканчивает то ли заклинание, то ли булочки к завтраку.

— Ах, Мелиса, — сказал я, проходя вслед за ней в дом, — если бы ты это говорила всерьез.

Я снял куртку и шляпу и устроил их на вешалке между дверями.

Она с непониманием посмотрела на меня:

— Это ты насчет заклинания или булочек к завтраку?

— Я имел в виду слова «Питер, любовь моя», — пояснил я.

— Ты забываешь седьмой закон магии, — ответила она, танцующей походкой устремляясь дальше по коридору.

— Я не волшебник, — напомнил я ей, — так что я никогда и не знал седьмого закона магии.

— Будь очень осторожен в своих желаниях, — сообщила она. — Вот что гласит седьмой закон.

— А каковы остальные шесть?

— Сейчас их уже больше сотни, — сказала она, изобразив серьезное выражение на своем хорошеньком личике. — И они то и дело меняются местами.

Мы прошли в гостиную, которая располагалась за первой дверью слева, и Мелиса указала мне на кушетку.

— Садись, — сказала она. — Угощайся кофе, Джонатан скоро сюда спустится; он тебя ждал.

— Но ведь я никому не сообщал, что иду сюда, — сказал я.

— Тем не менее он тебя дожидался. Кофе стоит на буфете. У меня есть одно задание, вернусь, когда с ним закончу. — Она направилась к выходу из помещения, которое когда-то служило то ли гостиной, то ли музыкальным салоном, а сейчас здесь горели свечи и все было задрапировано темной тканью. — Мне потребуется не более двадцати минут, — сообщила она. — А если мне не повезет, много меньше.

Я перелил в чашку полкофейника той густой черной и сладкой жидкости, которую Стрюк называет кофе, и стал ждать, листая журнал про магию и магов «Genii» за прошлый месяц. В этом номере была опубликована статья Хара Йанифа, мага с Восточного побережья, где он поносил криминалистическую магию и назвал ее последователей плутами и мошенниками; особенное презрение вызывал у него Джонатан Стрюк. Его дипломы, по словам Йанифа, вызывают подозрение, а его достижения — иллюзия, и не более того. «Такая магия по требованию, — утверждал Йаниф, — нарушает сами законы магии, так что пусть ею занимаются одни только шарлатаны и хвастуны вроде Стрюка».

Когда статья появилась, я спросил Стрюка, что тот об этом думает, и в ответ он лишь улыбнулся и сказал:

— Кто знает, может, он и прав.

Вполне в духе Стрюка, с его огромным эго и гигантским чувством юмора, было оставить на столе в гостиной как раз этот номер «Genii».

Через некоторое время меня привлекло мелодичное бормотание, доносившееся из соседней комнаты, и я отложил журнал и подошел к двери, которую Мелиса оставила открытой.

Хрупкая девочка-тростинка сидела на пушистом ковре со странными узорами, сложив ноги по-турецки и раскрыв правую ладонь, над которой в воздухе висел огромный кристалл молочно-белого цвета. В левой руке у нее было что-то вроде детского джемпера из светло-коричневого вельвета, и она теребила его пальцами, сворачивая то так, то эдак. Мелиса что-то тихо напевала; ее пение было мелодично, а слов я не мог разобрать, да что там, не мог даже понять, на каком они языке.

Пока я наблюдал, кристалл, как показалось, прояснился, а потом засветился внутренним светом. Я мог различить движущиеся в нем фигуры, и был момент, когда ко мне оттуда потянулась то ли рука, то ли лапа, которая тут же резко отдернулась. За последнее, надо признать, я был благодарен. Все это время Мелиса оставалась неподвижной, лишь ее левая рука продолжала теребить вельвет. Минут через пять она вскрикнула, возможно от боли. Ее правая рука опустилась, и кристалл покатился по ковру; свет внутри его погас. В течение нескольких секунд Мелиса оставалась безмолвной и неподвижной, а потом свернулась калачиком, прижав к себе руки и ноги, уткнувшись лбом в колени, и начала покачиваться вперед-назад, тихо похныкивая.

— Что случилось? — Я подошел к ней, но не решался прикоснуться, так как не знал, поможет это ей или повредит.

Мелиса подняла глаза:

— Почему кристалл никогда не показывает приятные, красивые картины, полные счастья и света?

Она дрожала, как будто голой вышла в метель, а мне очень хотелось узнать, что же такое она увидела.

— Потому что не об этом мы его просим, — ответил низкий, суровый голос.

Я обернулся и увидел высокую тощую фигуру в красной мантии — в комнате появился Джонатан Стрюк. Он подошел к Мелисе, поднял ее на руки и прижал к себе. И держал ее так, пока не прошла дрожь.

— Но ты же был у себя в кабинете, — произнесла она.

— Я услышал тебя и пришел, — ответил он, перенося ее в гостиную и осторожно опуская на ту самую кушетку, с которой только что встал я.

— Сквозь три этажа, мебель и все прочее? — с нерешительной улыбкой поинтересовалась она.

— Если понадобится, и сквозь десять миль гранита Горы Скорби, — нежно улыбнулся он в ответ.

Я вздохнул и невольно скривился. Почему у меня не получается так разговаривать с женщинами? И раз уж на то пошло, почему у меня нет женщины, с которой я бы так говорил? А смог бы он на самом деле услышать ее сквозь

десять миль гранита? Да и где вообще эта Гора Скорби? Возможно, последний вопрос благоразумнее оставить без ответа.

Стрюк посмотрел на кристалл и на скомканный джемпер, лежавшие на полу.

— Что тебе удалось узнать? — спросил он ее.

— Это джемпер ребенка Лэнгфордов, — сказала она. — Я выходила в эфирные сферы с помощью заклинания, которые ты составил.

— Это связано с похищением дочки Лэнгфордов? — перебил ее я. — Вы занимаетесь этим делом?

Должно быть, мой голос выдал мое удивление. Стрюк кивнул:

— Сенатор Лэнгфорд обратился ко мне за помощью. Он не хотел, чтобы дело получило огласку.

— Вы имеете в виду, не хотел, чтобы об этом узнала полиция, — с горечью сказал я. — Стоит ли удивляться, что мы не в состоянии раскрыть преступления, если никто не доверяет нам этим заниматься?

— Да что ты, — ответил Стрюк. — Все случилось далеко отсюда, в Чикаго, поэтому дело не касается полиции Сан-Франциско. А полицейский департамент Чикаго, как я полагаю, действует с учетом пожеланий сенатора Лэнгфорда. В конце концов, это его дочь.

— А что вы сможете сделать такого, с чем не справилась бы полиция Чикаго? — спросил я. — Взмахнете волшебной палочкой, чтобы вернуть девочку?

Стрюк мрачно улыбнулся.

— Я обладаю магическим знанием, — ответил он, — но чудес совершать не умею. Сенатор прислал мне телеграмму, в которой просил помочь найти ребенка или хотя бы подтвердить, что она еще жива. Я ответил, что ему нужно прислать какую-нибудь одежду, которую носила малышка Дебора, или ее любимую игрушку. Он отправил и то и другое; посылка была выслана вчера по «Sandusky and Western». Сегодня утром мы получили эти вещи.

— И что же? — спросил я.

— Я составил заклинание, чтобы Мелиса могла выйти в иные миры с помощью малого кристалла и там поискать

ребенка, — сказал Стрюк. — Что получилось, я еще не знаю. — Он обернулся к Мелисе, сидевшей на кушетке.

— Я видела девочку, — тихо сказала она. — Я уже третий раз читала заклинание, и мне удалось встретиться только с несколькими беспокойными духами и сердитым джинном, но внезапно туман стал серебристо-белым, а джемпер Деборы у меня в руке — холодным как лед. И я увидела ее. Между ней и мною вылезли несколько существ, которые будто понимали, что я ее ищу, и все же мне удалось ее увидеть. Она была в аду.

— Она мертва? — спросил Стрюк. — Жаль. Но почему же юное, невинное дитя оказалось обречено на...

— Нет-нет, — ответила Мелиса. — Она не умерла. Это я явно видела. И все же она была в аду.

— Что это означает? — спросил я.

Она посмотрела на меня широко распахнутыми карими глазами и сказала:

- Не знаю. Образы, которые я вижу, не являются реальностью. Они лишь искаженная картина, скрытая туманами и деформирующаяся под воздействием сознаний сверхъестественных существ.

Я совершил левой рукой защитное знамение — это всегда нелишне, когда речь заходит о таких вещах.

— И что вы собираетесь делать теперь? — спросил я Стрюка.

— Я воспользуюсь большим кристаллом, чтобы уточнить и, возможно, увеличить то, что увидела Мелиса, а затем сообщу о результатах сенатору Лэнгфорду, — сказал Стрюк. — Этим наша задача и ограничивается.

— Собственно... — начал было я.

— А тебе, Питер, — сказал Стрюк, не заметив, что перебивает меня, — чем мы можем быть полезны?

— Я думал, что вы знали о том, что я приду, — сказал я.

— Да, — согласился Стрюк, — но не о том, почему ты придешь.

— А! — сказал я, укоризненно погрозив ему пальцем. Значит, это вы его прислали!

— Кого это «его»?

— Элементаля ветра, который преследует меня по всему городу.

— Что за ерунда, — сказал Стрюк.

— Глупости, — согласилась Мелиса.

— Возможно, — сказал я, — но он все-таки меня преследовал. Сейчас он, пожалуй, поджидает снаружи этого дома. Вы, я полагаю, знаете защитные заклинания, которые не дают ему войти.

— Иногда ветер не более, чем просто ветер, — сказал Стрюк.

— «Просто ветер» никого не преследует, — сказал я ему.

— Любопытно, — ответил Стрюк. — Посмотрим.

Он ненадолго вышел в другую комнату и вернулся с небольшой лаковой шкатулкой. Плотнее запахнув красную мантию, он направился к входной двери. Я пошел за ним на некотором расстоянии, не желая встревать между Стрюком и тем, что он собирался сделать, что бы это ни было. За мной последовала Мелиса.

Стрюк открыл дверь и пробормотал несколько коротких фраз, среди которых, кажется, были и слова «Амъям гамбол» — а может, и нет, — и открыл лаковую шкатулку. Осторожно держа ее в вытянутой левой руке большим и указательным пальцами, он легонько встряхнул ее. Из шкатулки вылетело облачко красного порошка, будто дым от едва тлеющего костра. Оно направилось из дома вниз и, летя над крыльцом, становилось все больше. Вскоре в него... как бы сказать... вляпалось то самое невидимое существо, состоящее из ветра, и в конце концов красный цвет распространился по всему его воздушному телу, и нашим глазам предстал элементаль ветра, ростом двадцать футов.

— Видите? — спросил я. — Иногда ветер оказывается... вот таким вот! — Я указал на порывистое бесплотное чудовище, которое билось и кружилось перед нами, принимая новые, все более гротескные формы.

Стрюк вытащил из рукава маленькую заостренную палочку и взмахнул ею в сторону чудища. Затем он еле слышно пробормотал пару слов, а потом, обращаясь к воздуху перед собой, низким голосом приказал:

— Объяснись!

— Я то, что я есть, — тихим шепотом последовал ответ.

— Почему ты преследуешь инспектора Фрея? — требовательно спросил Стрюк.

Через некоторое время последовал ответ:

— Потому что... Да.

— Потому что — да? — переспросил я.

Понятно, не следует много ожидать от существа, состоящего из одного только воздуха, но все же...

Мелиса нахмурилась и поджала губы. Через несколько секунд ее хорошенькое личико осветилось широкой улыбкой; девушка едва сдерживала смех.

— Смешно? — проворчал я.

Она встала на цыпочки и прошептала мне на ухо:

— Это был ответ в двух частях.

— В двух частях?

Она кивнула:

— «Почему?» — «Потому что». «Ты преследуешь инспектора Фрея?» — «Да».

Стрюк начертал своей палочкой в воздухе какую-то фигуру. Существо наполнилось голубыми искорками, которые каким-то образом заставили его сжаться, так что оно стало много меньше и, как мне показалось, плотнее.

— Кто побудил тебя к действию? — спросил он.

— Я, — заговорило существо, растягивая звуки, как это свойственно завывающему ветру, — являюсь зарегистрированным элементалем издательства «The Daily Call-Bulletin».

— Черт возьми! — произнес я. — Ищейка газетчиков! — Я подошел к элементалю, потрясая кулаком, хотя, конечно, жест мой был бессмысленным по отношению к говорящему сгустку воздуха. — Убирайся! — решительно скомандовал я.

— Не могу, — жалобно провыло существо. — Я привязан к вам заклинанием, произнесенным редактором городской газеты.

— Мы займемся этой проблемой, — сказал Стрюк. Он вскинул перед собой палочку, будто крошечную шпагу, и нараспев произнес: — Отсекаю все узы, удерживающие этого природного элементаля, и призываю чары Парацельса!

С кончика палочки сорвалась красная молния, которая некоторое время выбирала, куда направиться, а затем ударила в фонарный столб примерно в двадцати ярдах от дома.

Воздушное существо затрепетало от внутреннего свечения.

— Я свободен? — спросил элементаль. — Свободен, — решил он. — Свободен! — И он поспешил прочь по улице, по пути подхватывая листья с мостовой и срывая крышки с мусорных баков.

— Сработало?!. — сказал Стрюк с некоторым удивлением в голосе.

— А что, могло не сработать? — поинтересовался я.

Стрюк пожал плечами.

— Страшное существо, — сказал он. — Он настолько бесплотен, что его невозможно удержать каким бы то ни было заклинанием, но понять это он не в состоянии — ума не хватает. Поэтому он и делает, что ему приказали.

— А при чем тут Парацельс?

— Это одно из имен силы, которое было псевдонимом швейцарского алхимика, жившего полтысячи лет назад, — сообщил Стрюк. — На элементаля ветра такие вещи не действуют. Но эта встряная тварь об этом не знала.

— А если бы не сработало?

Стрюк улыбнулся:

— На такой случай у меня было припасено настоящее имя Парацельса.

— А какое у него настоящее имя?

— Филип Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм.

Я кивнул.

— Это бы точно попало в цель, — согласился я.

— Особенно, — сказала Мелиса, — словечко «Бомбаст».

— Теперь, — сказал Стрюк, — пойдем обратно в дом, и ты расскажешь, что тебя к нам привело.

Так я и сделал.

— Странное дело, — сказал я, снова устроившись поудобнее на кушетке в гостиной. — Я не знал, что вы расследуете похищение дочки Лэнгфордов.

— Что же в этом странного? — спросил Стрюк.

— Я пришел сюда, чтобы попросить вас заняться этим делом.

Стрюк откинулся в кресле. То, что я сказал, стало для него неожиданностью. Я насладился этим моментом.

— А какое отношение имеет полиция Сан-Франциско к похищению, случившемуся в Чикаго? — спросил он.

— Вчера поздно вечером похитители связались с сенатором Лэнгфордом, — сообщил я ему. — Они велели ему сесть на полуночный экспресс и поехать в Сан-Франциско, остановиться здесь в гостинице «Сент-Барнабас» и ждать их звонка. Полиция Чикаго послала нам телеграмму, и шеф отправил меня к вам.

— Для меня это большая честь, — сказал Стрюк.

— Сенатор просил обратиться к вам, — сказал я ему. — Он, как мне кажется, не читает журналов.

— Питер! — с упреком произнесла Мелиса.

Стрюк невозмутимо улыбнулся, а плечи его вздрогнули. Возможно, он старался сдержать смех.

— Простите, — извинился я. — Мы, возможно, и без его просьбы обратились бы к вам. Вы же знаете. А кстати, что этот тип Йаниф имеет против вас?

— Если когда-нибудь встретишь доктора Йанифа, — сказал Стрюк, — не пожимай ему руки. Если это все же придется сделать, то потом пересчитай свои пальцы и немедленно вымой руки с дезинфицирующим средством. От него исходит ядовитый гной.

— Значит, — сказал я, — вы не находитесь в дружеских отношениях, так?

— Он рано обнаружил свою силу, — мрачно сказал Стрюк. — А заключается она в умении заставлять некоторых насекомых маршировать строем. Он открыл цирк тараканов, но представление не пользовалось особым успехом.

— Да вы шутите! — воскликнул я.

— Шучу, — признал он. — Теперь давайте подумаем, как мы можем помочь сенатору Лэнгфорду. Он должен прибыть сегодня днем около четырех. Нам стоит поехать в гостиницу раньше его. Дайте мне двадцать минут, чтобы я мог посмотреть в большой кристалл и приглядеть-

ся к тому, что там увидела Мелиса, и тогда отправимся в путь.

— А я пока переоденусь, — сказала Мелиса и стремительно удалилась.

Не более чем через двадцать минут мы втроем уже вышли из дома и вскочили в один из вездесущих двухэтажных фуникулеров, который направлялся в центр, на Калифорния-стрит. Стрюк впал в необычно мрачное расположение духа и не собирался говорить о том, что увидел в кристалле, если ему вообще удалось что-то увидеть. Одежду, которая была сейчас на нем, он называл обычно маскировкой под джентльмена: светло-розовый костюм с двубортным пиджаком, широкий шейный платок, в руке портфель из темной драконьей кожи, в котором у него лежали все те предметы, без которых не выходит из дому ни один уважающий себя маг. Но сейчас Стрюка вполне можно было принять за банкира или дипломата.

На Мелисе были темно-синие юбка и пиджак, вроде школьной формы, белая блузка в сборках и черные туфли. Ее белые волосы каким-то образом стали темно-каштановыми, как происходило всегда, когда она хотела оставаться незамеченной. Не знаю, пользовалась ли она для этого каким-либо магическим артефактом, порошком или жидкостью, но через пять минут после возвращения домой волосы ее снова становились белыми.

Когда мы пришли в «Сент-Барнабас», Стрюк и Мелиса вдвоем отправились осмотреть в гостинице что-то такое, что маги в таких случаях проверяют. Я подождал их в Уэбстерской чайной — изысканном викторианском зале, украшенном зеркалами и позолотой и названном в честь президента Дэниела Уэбстера, который однажды здесь побывал. Большинство зеркал, думаю, пришлось заменить после великого землетрясения, но все остальные детали интерьера были подлинными, сохранившимися со времен постройки. В таком помещении легко забыть о времени. Мне представлялось, как в двери заходят женщины в длинных платьях с перетянутыми талиями, сопровождаемые мужчинами в черных фраках и при галстуках, как ведутся приглушенные разговоры об обстреле армией

Конфедерации форта Самтер, или о пожаре в Нью-Йорке, или об Атланте, атакованной воздушными шарами. И посетители заказывают себе ромовый пунш или бренди с горячей водой...

Примерно через полчаса пришли Стрюк и Мелиса, и я рассказал им о своих фантазиях; Стрюк задумчиво погладил бороду.

— Путешествия во времени с применением закона подобия, — сказал он. — Интересная идея.

— Это были всего лишь досужие размышления, — сказал я.

Стрюк похлопал меня по плечу и подвинул себе стул.

— Тебе нужно культивировать подобного рода размышления, — ответил он. — Одна такая мысль способна сделать тебя бессмертным.

Пришел официант. Я заказал шотландское виски и родниковую воду, Стрюк — кофе, а Мелиса — коржик с маслом и лимонад. Этот зал все еще называется чайной, но чай здесь заказывают только туристы из Канады.

— Переполох! — внезапно сказала Мелиса.

Мы посмотрели на нее.

— Что? — переспросил Стрюк.

— Переполох. — Она сделала рукой неопределенный жест. — Где-то вокруг нас. Я его вижу в своем сознании как пронзительный желтый свет.

— Он направлен на нас? — спросил Стрюк.

Мелиса закрыла глаза.

— Нет, — наконец ответила она.

— Тогда посмотрим, как будут развиваться события, — решил Стрюк.

— Кстати, насчет событий, которых мы ждем. Как мы собираемся готовиться к приезду сенатора? — спросил я у Стрюка.

— А что уже делается в связи с этим? — поинтересовался он.

— Ничего, — сообщил я. — Нам позволено лишь охранять его, не вмешиваясь при этом каким-либо иным образом. Об этом просил сам сенатор. Он боится, что у нас «тяжелая рука» и жизнь его дочери окажется в опасности.

Должно быть, в моем голосе послышалась обида, так как Стрюк внимательно посмотрел на меня и посоветовал:

— Прими то, что есть, но не взваливай все происходящее на собственные плечи.

— Это из вашей колдовской философии? — саркастически спросил я его.

— Это слова из «Мудрости Йи», — сообщил он.

— А кто такой Йи? — заинтересовался я.

— Вот в чем вопрос, — только и сказал Стрюк.

Какой-то мужчина в красном двубортном костюме и с мрачным лицом вошел в зал и осмотрелся. Он что-то прошептал метрдотелю, и тот в ответ указал на наш столик. Через несколько секунд мужчина уже стоял возле нас, стараясь вежливо нависать над столиком.

— Инспектор Фрей? — осторожно обратился он, глядя то на Стрюка, то на меня.

Я кивнул:

— Это я. Чем могу быть полезен?

— Моя фамилия Пирсон. Я управляющий гостиницей «Сент-Барнабас». — Он склонился ниже, чтобы можно было говорить потише. — У нас произошел... мм... инцидент на третьем этаже. Не могли бы вы пройти со мной, если не возражаете...

— Какого рода инцидент? — спросил я.

— Ну... — Он замялся и еще сильнее понизил голос. — Убийство, — прошептал он.

— Да, это действительно инцидент, — признал я. — Вы уже вызвали полицию?

— Вы и есть полиция, — ответил Пирсон.

Я сделал рукой недовольный жест.

— Обратитесь в местный полицейский участок, — сказал я. — Этим делом положено заниматься им. По крайней мере в начале. Пошлите им телеграмму.

— Городской телеграф в данный момент не работает. Я послал в полицейский участок мальчишку, — сообщил Пирсон. — Не хотелось выходить на улицу и кричать, чтобы привлечь внимание первого попавшегося полицейского. Что бы подумали постояльцы?

— Понимаю, — сказал я. — Убийство в гостинице может плохо сказаться на прибыли.

— Конечно же, — согласился он. — Особенно загадочное убийство, не имеющее никаких очевидных объяснений.

— Неужели? — спросил я. — Как это?

— Он был нашим постояльцем, — начал Пирсон. — Звали его, э-э... — Он достал из нагрудного кармана визитку и прочитал: — Лундт. — Пирсон повторил фамилию по буквам. — Пол Лундт. Из Чикаго. Дежурный по этажу услышал выстрел, раздавшийся в одном из номеров, и пошел выяснить, в чем дело. Дверь была заперта изнутри. Он позвал постояльца, но ответа не последовало, поэтому он послал за офицером безопасности, который взломал дверь. Мистер Лундт лежал на кровати. Мертвый. В комнате больше никого не было. Я сам обыскал комнату — там никто не прятался. Я оставил охранника у входа, чтобы никто ничего не трогал в номере.

Я повернулся и пристально посмотрел на управляющего:

— Только не говорите мне, что из той комнаты не было другого выхода.

— Это я вам и скажу, — ответил Пирсон. — Другой двери в номере нет, а окно выходит на служебный дворик позади гостиницы, при этом под окнами третьего этажа ничего нет.

Со вздохом я встал.

— Похоже, что это дело все равно поручат мне. — Я повернулся к Стрюку и Мелисе. — Вы могли бы помочь мне, если не возражаете...

— Конечно поможем, — уверил меня Стрюк, поднимаясь со стула.

Мелиса тоже встала.

— Убийство, — сказала она. — Переполох.

— Возможно, — согласился Стрюк.

Я кратко объяснил Пирсону, кто такие Стрюк и Мелиса и почему мне понадобится их помощь, после чего мы направились к лифту.

— Кто для вас составляет защитные заклинания? — спросил Стрюк, когда мальчик-лифтер уже вез нас на третий этаж.

— WCHMORC, — ответил Пирсон.

— Эффективные решения по доступным расценкам, — отметил Стрюк. — Святой и загадочный Орден Розового Креста на Западном побережье, местная организация розенкрейцеров. Они за качество своей продукции отвечают.

Пирсон кивнул.

— Раньше мы пользовались услугами Ассоциации теософов, — рассказал он. — Но они из-за каждой мелочи напускали на себя такую важность.

В коридоре третьего этажа было пусто, если не считать крупного господина в белом костюме и шляпе-панаме, прислонившегося к косяку открытой двери номера 312. Изо рта его торчала сигара, а на лице было написано выражение бесстрастного пренебрежения к окружающему миру вообще и в частности к трупу, лежавшему в номере.

— Горс, — обратился к нему я.

Крупный мужчина вынул сигару изо рта.

— Фрей, — отозвался он. — Быстро же вы сюда добрались.

— Я уже был здесь, — сказал я. — Давайте посмотрим.

— Стрюк, — сказал он, увидев того у меня за спиной. — Мелиса. — Он сунул сигару обратно в рот. — У вас, должно быть, шел тут какой-нибудь съезд.

— Вы здесь что-либо трогали? — спросил я его, заглядывая в номер.

— Только дверь, — ответил он. — Я открыл ее пинком.

Будучи штатным детективом гостиницы, или, как его здесь предпочитали называть, директором службы безопасности, Горс являлся одним из немногих, на кого не действовало защитное заклинание на двери. Все дело в намерении. Большинство из тех, кто попытался бы взломать дверь номера в этой гостинице, почувствовали бы сильную тошноту или головокружение и потеряли бы сознание раньше, чем совершили бы свой преступный умысел. В заклинании некоторым образом было учтено, что Горс имеет право войти в номер. Не спрашивайте меня, как неодушевленное переплетение неких сил способно кого-то узнавать; я излагаю вам все так, как мне самому это объясняли.

Пирсон заглянул в номер и нервно икнул при виде трупа.

— Что же, джентльмены, оставляю вас заниматься вашей работой, — сказал он и отправился обратно к лифту.

Труп ухоженного белого мужчины лет тридцати — тридцати пяти лежал на кровати; на нем не было пиджака, а на шее болтался развязанный галстук. Возможно, он перед смертью наклонился над открытым чемоданом, который лежал рядом. Пиджак убитого был аккуратно повешен на спинку стула. В воротнике его белой рубашки зияла окровавленная дыра, как раз под горлом, а чемодан, постель и пол вокруг кровати были залиты кровью. Защитное заклинание, должно быть, было нарушено, когда Горс взломал дверь, поскольку я, входя в номер, не почувствовал ни малейших признаков тошноты. Стараясь ни к чему не прикасаться, я присел на корточки возле тела.

— Номер был заперт изнутри, да? — спросил я у Горса.

— Закрыт на задвижку, — уточнил он. — Смотрите сами. — Он указал на поврежденную деревянную дверь — замок, вырванный из косяка, висел на язычке засова. На полу валялись щепки.

— Может быть, мы попробуем сделать реконструкцию, — сказал я, — просто для порядка.

Горс фыркнул:

— Как пожелаете. Но я-то знаю, когда дверь закрыта на замок, а когда — нет.

— И все же...

Мелиса, которая уже была в номере, закрыла глаза и исследовала воздух вытянутыми пальцами.

— Странно, — сказала она, — в номере не ощущается ни малейших следов ни злого умысла, ни страха.

— Значит, тот, кто его застрелил, действовал без злого умысла, — осмелился предположить я. — Возможно, это был профессиональный киллер. И выстрел был сделан неожиданно, так что жертва не успела испугаться.

Стрюк быстро расставил свои инструменты: маленькую угольную жаровню на треножнике, кожаный футляр с двумя рядами стеклянных пузырьков, наполненных различными веществами, которые полагается иметь при себе кол-

дунам, а также волшебную палочку, которая у основания имела диаметр двадцатипятицентовой монетки, а к другому концу сужалась и заострялась; длина же ее была около полутора футов, так что она напоминала миниатюрный бильярдный кий. Стрюк налил на угли какую-то жидкость и воспламенил ее мановением руки.

Горс поднялся от двери в коридор. Никогда не вмешивайся в колдовские дела, как говорится. В особенности когда идет игра с огнем.

Стрюк достал из своего портфеля книжку в кожаном переплете и внимательно пролистал ее. Найдя наконец нужную страницу, он с чрезвычайной аккуратностью оторвал ее, сложил вчетверо и положил в огонь. Над жаровней возник клуб черного дыма, который, поднимаясь, стал ярко-зеленым. Стрюк проследил своей палочкой движение дыма, а потом прикоснулся ее кончиком к тому месту на двери, где раньше находился оторванный замок.

Щепки, еще державшиеся на дверной коробке, задрожали. Куски дерева на полу зашевелились и стали трястись. А потом все обломки замка́ и дверной коробки медленно и как будто обдуманно поднялись, поползли, закрутились и скользнули или подлетели на свои места, и вместо обломков перед нами предстала целая, неповрежденная дверь.

Я подошел осмотреть ее, когда дым рассеялся. Было хорошо видно, что язычок задвижки торчит из замка: дверь закрывали изнутри.

— Так все и было? — спросил я у Стрюка.

— Подтверждаю, что так, — ответил он, закрывая огонь в жаровне медной крышкой.

— Что же, мы разобрались, — сказал я. — Мы имеем дело с загадочным происшествием в запертой комнате.

— Проклятие! — сказал Горс, осматривая восстановившийся замок. — Дверь теперь в порядке, да?

— Нет, — ответил ему Стрюк. — Части притянулись друг к другу лишь на время. Через несколько часов все вернется обратно.

Горс покачал головой.

— Проклятие! — повторил он.

— В данной ситуации это, возможно, не самое уместное выражение, — отметил Стрюк. Он выпрямился и подошел к кровати. — Вы позволите? — спросил он, указав на тело.

— Пожалуйста, — ответил я.

Он наклонился над трупом и стал совершать движения, как будто щупая пальцами или коля палочкой, но при этом не касаясь мертвого тела.

— Хм, — произнес он. — Ха-а-а, — продолжил он.

Он достал нечто, больше всего похожее на кусочек хрусталя на веревочке, взяв устройство за веревочку, и стал подносить хрусталь к разным участкам тела убитого. Над одними участками хрусталь описывал круги, над другими покачивался туда-сюда, но внезапно он натянул веревку, как будто хотел сорваться с нее и куда-то полететь.

— Так вот, — сказал Стрюк.

— Что? — спросил я.

— Его застрелили, — сказал он.

— Это я и так знал, — ответил я.

— Лучше проверить, чтобы знать наверняка, — ответил он. — Свинцовая пуля попала ему прямо под шею и разлетелась внутри, а куски оказались повсюду, от желудка до мозга. Ужасно.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался я.

— Смотри, — сказал он, указывая на открытый чемодан.

Я подошел и заглянул внутрь. Чемодан был пуст, а дно и боковые стенки его оказались черными, обугленными. Казалось, что внутри все сгорело, а содержимое превратилось в готовые вот-вот рассыпаться комочки угля и пепла.

— Проклятие! — сказал я.

Стрюк покачал головой.

— Прошу тебя, — сказал он, — рядом с нами, даже сейчас, могут находиться... существа, способные воспринять это слово всерьез.

— Да, — согласился я, преодолевая порыв закрыть голову руками и произнести защитное заклинание. — Так вы хотите сказать, — хрипло прошептал я, — что чемодан изнутри сожгло дьявольским огнем?

— Обрати внимание, — сказал Стрюк, — что кровать под чемоданом даже не опалило. Как ты это объяснишь?

— Так называемое холодное пламя телепортации, — предположил я. — Это оно, как я полагаю, оставляет после себя такие следы.

— А что тут, по-твоему, телепортировали? — спросил он.

— Я не стану ничего предполагать, — ответил я. — Такими вещами занимаетесь вы с Мелисой.

Стрюк медленно обошел комнату, тыча палочкой в сторону то одного, то другого предмета. Мелиса с закрытыми глазами стояла в углу, ощупывая воздух своими тонкими пальцами; я обыскивал карманы убитого и выкладывал все, что удавалось обнаружить, на письменный стол напротив кровати.

Нашел я несколько мелких монет; корешок билета на бейсбольный матч, где играли «Chicago Hurlers», состоявшийся в прошлую субботу; складной нож с двумя лезвиями, одно из которых было тупым, а другое еще тупее; зубочистку из слоновой кости, в кожаном футляре; маленький пузырек с наклейкой, сообщавшей, что вода в нем получила благословение епископа Лангерта из Ордена Старого Обряда Цицерона Ассамблеи Друидов Северной Америки; бумажник, который никак не хотел открываться, и три ключа на золотом брелоке в форме пирамиды. На каждой из четырех граней пирамиды было написано по одной букве какого-то незнакомого мне алфавита.

— Кто-нибудь из вас знает, что тут написано? — спросил я, протягивая пирамиду.

Мелиса открыла глаза и внимательно посмотрела на предмет.

— Искатели Истинного Му, — сообщила она. — Четыре стороны изображают четыре буквы из мувианского алфавита: Акка, Покка, Тикка и Хам. Они обозначают внутренний рост, гармонию, большого черного жука и вселенскую осознанность.

— Жука? — переспросил я.

— Жук означает...

— Не важно, — сказал я. — По поводу этих Искателей вы мне ничего дельного не расскажете?

— Каждую минуту на свет появляется новый Искатель, — сказал Стрюк, стоя у окна, которое он успел распахнуть и теперь внимательно разглядывал внутренний двор.

— Это какое-то странное совпадение, — спросил сиплый голос из дверей, — или нас это тоже касается?

Там стоял тощий лысый тип по имени Годфри, являвшийся шефом детективного отдела города Сан-Франциско. Уперев руки в бока, он сверлил нас свирепым взглядом.

— «Не спрашивай, по ком звонит колокол», — продекламировал Стрюк и закрыл окно.

— Шеф, — обратился я к Годфри, — а вы что здесь делаете?

— Сенатор Лэнгфорд прибудет с минуты на минуту, — сообщил Годфри. — Я пришел убедиться, что его встречают должным образом, расставить нужных людей в правильных местах, посмотреть, что собираетесь делать вы и ваши загадочные друзья-маги. А меня встречают новостью о том, что на третьем этаже лежит жмурик.

— Забавно, знаете ли, — задумчиво произнес Стрюк.

— В убийстве не может быть ничего забавного, — ответил Годфри. — Даже если убитый родом из Чикаго.

— Дело не в этом. Разве сенатор не просил вас держать ваших людей подальше или по крайней мере сделать так, чтобы их не было видно? — спросил Стрюк.

— Ничего подобного, — ответил ему шеф Годфри.

— Значит, похитителя не волнует, что его пытается задержать вся полиция Сан-Франциско. Похоже, он чрезвычайно уверен в себе.

— Ну, раз уж вы об этом заговорили... — сказал Годфри.

Стрюк засунул палочку себе за пояс.

— Пойдем-ка вниз, — сказал он, — мне кажется, здесь мы уже все сделали.

— Что, уже отчаялись разрешить загадку об убийстве в запертой комнате? — спросил Годфри Стрюка, глядя при этом на меня.

Шеф Годфри не признавал этой новомодной манеры привлекать к изучению места преступления колдунов-следователей. Ну конечно же, они могут измерить то и на-

колдовать это и скажут вам, что убийцей был человек в белой обуви и с каштановыми усами, но, для того чтобы на самом деле раскрыть преступление, требуются старые добрые полицейские навыки. Так, по крайней мере, он несколько раз мне настойчиво заявлял.

— Да нет же, — ответил Стрюк, перестав складывать свои приспособления. — Я понял, как это было совершено; замысел хитрый, но все вполне очевидно. Мне, собственно, интересно было бы знать... — Но тут он покачал головой. — Но нам нужно выяснить кто и почему. Полагаю, что «почему» расскажет нам «кто». Но ответ не в этой комнате.

— Так вы все знаете? — спросил Годфри. — И как же...

— Пойдем вниз, — повторил Стрюк, поднимая портфель, и встал.

— Пока мы не ушли отсюда, — обратился к нему я, схватив со стола бумажник Лундта, — не могли бы вы открыть вот это? На него наложено какое-то защитное заклинание.

— Возьми его с собой, — проворчал он.

Мы прошли к лифту, нажали кнопку вызова.

— Я должен знать, — требовательно заявил шеф Годфри, — имеет ли все это какое-то отношение к сенатору Лэнгфорду и к похищению.

— Конечно имеет, — ответил Стрюк.

— «Иногда ветер не более чем просто ветер», — напомнил я Стрюку.

— Только не в случае, когда он дует из Чикаго, — ответил маг.

Двери лифта открылись, и из него вышли трое людей в униформе — сотрудники местного полицейского участка. Годфри велел им охранять дверь номера 312 до получения дальнейших указаний, благодаря чему Горс смог вернуться к своей обычной работе, то есть к ловле карманников, проституток и воров, прихватывающих все, что плохо лежит. Мы вошли в лифт, и кто-то произнес: «В фойе».

— Черт возьми! — произнес мальчишка-лифтер, закрывая дверь. — А я как раз собирался съездить в другой конец города.

Шеф Годфри ткнул Стрюка пальцем в грудь.

— Откуда вам известно, что произошло не просто ограбление случайно выбранного гостиничного номера? — спросил он.

Стрюк покачал головой:

— Защитное заклинание номера не утратило своей силы, во-первых. Того, кто совершил преступление, постоялец сам пригласил в номер. А ушел он, когда Лундт был еще жив.

Годфри пристально посмотрел на Стрюка, будто пытаясь понять, в чем смысл шутки:

— Еще жив?

— Да. Можно сказать, что он убил Лундта после того, как вышел из комнаты.

Я щелкнул пальцами.

— Лапа обезьяны! — воскликнул я.

Все они уставились на меня. Даже мальчишка-лифтер повернулся и посмотрел на меня.

— Я читал такую книгу, — пояснил я. — В Германии произошло преступление, для совершения которого убийца оживил лапу обезьяны и оставил ее позади дома жертвы. А потом, когда он ушел и обеспечил себе убедительное алиби, лапа обезьяны вползла в дом и задушила жертву.

Все по-прежнему смотрели на меня.

— Жертву застрелили, — напомнил мне Годфри.

— В лапе обезьяны был пистолет, — предположил я.

Дверь лифта открылась, и мы вышли в фойе. Шеф Годфри отошел от нас и заговорил с людьми в коричневых костюмах; я понял, что это переодетые в гражданское представители охранного подразделения полиции. Стрюк направился к стойке дежурного, а я последовал за ним.

— Мне хотелось бы посмотреть журнал регистрации, — сказал он дежурному, молодому человеку с большим носом и глазами водянисто-голубого цвета.

Дежурный посмотрел на управляющего, тот кивнул, и тогда молодой человек водрузил на стойку огромную регистрационную книгу. Стрюк открыл ее и начал листать последние страницы.

— Меня интересуют все, кто в последнее время приехал из Чикаго, — сообщил он дежурному.

С помощью дежурного удалось узнать, что за последние три дня из Чикаго приехали четверо. Убитый, мистер Лундт, остановился в гостинице вчера. Меня так и тянуло сострить насчет того, когда он освободит номер, но я решил промолчать. Еще в отеле остановились супруги Гилгам, прибыли на съезд школьных учителей, и мистер Бьянки, перевозивший саламандр.

— Один из наших постоянных гостей, — сообщил дежурный. — Занимается саламандрами, жабовидными ящерицами, гадюками. А также несколькими видами насекомых. Мы, конечно же, не разрешаем ему держать живность здесь.

— Само собой, — пробормотал я.

Дежурный кивнул:

— Если не считать образцов.

Стрюк указал на небольшую пометку справа от подписи Лундта:

— А это что?

Дежурный посмотрел на страницу:

— А, мистер Лундт оставил в нашей камере хранения один предмет багажа.

— Действительно? А где у вас камера хранения?

— Собственно, сумки оставляют мне, а я уже отношу их в камеру хранения, — пояснил дежурный.

— Не могли бы вы показать нам багаж Лундта?

— В нынешних обстоятельствах, конечно же. Подождите минутку. — И он направился в те запретные владения за стойкой, куда имеют доступ одни лишь дежурные.

Когда дежурный ушел, я достал из кармана пиджака бумажник Лундта и махнул им Стрюку.

— Откройте его, — попросил я, — пожалуйста.

Стрюк вздохнул и взял бумажник. Пробормотав несколько слов, он попытался открыть его. Но руки скользнули по бумажнику, как будто он был намазан маслом.

— Ха! — произнес Стрюк. — Понятно!

Он положил бумажник на стойку и с минуту его созерцал, потом достал из-за пояса волшебную палочку, пропел несколько слов и дважды ударил по бумажнику толстым концом палочки. После этого он перевернул ин-

струмент, громко и внятно произнес: «Exaultet Magnificat!» — и легонько стукнул по бумажнику острым концом палочки.

Бумажник распахнулся, и бумажки, визитки и монетки посыпались из него по всей стойке, а некоторые полетели на пол. Я старательно собрал все, что смог, и осмотрел это.

В куче оказалось несколько купюр по одному, три и десять долларов и одна — двадцать пять долларов[1]; половинка билета из Чикаго в Сан-Франциско — на обратную дорогу, — действующая в течение года с даты приобретения, то есть с прошлой пятницы; водительские права, выданные в штате Иллинойс, с допуском к управлению электрическим и паровым транспортом, и удостоверение члена Американского любительского общества заклинателей.

— Он был одним из ваших, — сказал я Стрюку, подтолкнув удостоверение в его сторону.

Он перевернул его и щелкнул по нему ногтем.

— Ловкость рук, — сказал он. — Фокусы с картами, монетами, ящиками.

— Что за фокусы с ящиками?

Стрюк пожал плечами:

— В ящик залезает девушка, фокусник вращает ящик, открывает его, а девушки там нет. Никакого волшебства, просто ловкий иллюзион.

— Представления для мюзик-холлов, получается? — спросил я.

— Вот именно, — согласился Стрюк. — Некоторые из их фокусов имитируют действие силы, но при этом они все равно остаются лишь фокусами.

К нам присоединился шеф Годфри.

— Сенатор будет здесь через минуту, — сказал он нам. — А что там остается лишь фокусами?

Я пояснил.

— Так у этих «заклинателей» нет никакой силы? — спросил Годфри.

---

[1] Купюра в три доллара является очень редкой, но все же выпускалась, как и купюра в двадцать пять долларов. — *Прим. пер.*

— У некоторых есть, — ответил Стрюк. — Как вы знаете, силы приходят в разных обличьях и отчасти зависят от внутреннего духа, который до сих пор не доступен нашему пониманию, а отчасти — от обученности и опыта адепта или же от ордена, членом которого он является. Иногда волшебник, располагающий лишь одной, притом ограниченной, силой, может прибегнуть к некоторым трюкам «заклинателей», чтобы приобрести известность и показаться более сильным, чем в действительности.

Шеф Годфри покачал головой:

— Какой обман.

— Да, это печально, — согласился Стрюк. — Не желаете ли посмотреть карточный фокус?

— Пожалуй, нет, — ответил Годфри.

Из служебных помещений к нам уже спешил дежурный, а за ним, отставая на несколько шагов, — управляющий Пирсон.

— Они не знают, как это произошло, — выпалил дежурный. — Это очень странно.

— Что — это? — спросил я.

— Багажа мистера Лундта нет в камере хранения!

— Неужели? — спросил Стрюк. — Крайне любопытно! А кто его взял?

— Никто не знает, — ответил дежурный, устало опуская руки на стойку. — Жетон, который мы выдаем при сдаче багажа на хранение, был возвращен, но никто не может вспомнить, что принимал его или как выдавал багаж мистера Лундта.

— А как он выглядел? — спросил я.

— Это небольшой медный кружок, на котором выдавлен номер, — ответил дежурный.

— Как выглядел багаж? — уточнил вопрос Стрюк.

— А, — дежурный показал руками размер, — примерно вот такой ширины. Это был чемодан, как я помню. Прямоугольный, с медными... ну, знаете... с медными застежками и прочими штучками. Вроде пароходного кофра, но поменьше.

— Так что же, чемодан вот такой ширины, — Стрюк показал руками, — просто взял и исчез?

— Возможно, ночной дежурный... — начал Пирсон. За стойкой зазвенел маленький колокольчик, и тут Пирсон подскочил. — Звонок! — воскликнул он. — Это швейцар. Значит, уже прибыло такси сенатора Лэнгфорда. Я должен за всем присмотреть. — На его лице появилось выражение глубокой озабоченности, и он вышел из-за стойки и поспешил прочь.

Минут через пять в фойе появились сенатор, его жена, три или четыре помощника, а также целая толпа копов, а перед ними, спиной вперед, шел Пирсон, нервно жестикулировавший и что-то говоривший сенатору. Позади показалась большая багажная тележка с огромным количеством чемоданов, саквояжей и коробок. Ее толкали двое коридорных, а за ней шагал крупный мужчина, по виду похожий на полицейского. По его теплой одежде было ясно, что он прибыл из Чикаго вместе с сенатором.

Половина вошедших села в первый лифт, половина — во второй, а багажная тележка и сопровождавший ее эскорт поехали в третьем.

— Думаю, они готовятся заплатить выкуп, — сказал я. — И деньги находятся в багаже на той тележке.

— В их багаже, несомненно, имеется нечто ценное, — согласился Стрюк.

Мелиса тихо всхлипнула. Стрюк положил ей руку на плечо и сказал:

— Держись.

— За этими людьми следует... темнота, — сказала она. — Я никогда прежде не ощущала ничего подобного.

— А она не исходила от тележки с багажом? — спросил Стрюк.

— Возможно, — ответила она. — Но я не уверена. Она была вроде пустоты... не знаю, как описать. Неприятная штука.

— Сенатор желает немедленно видеть вас, — сказал Стрюку шеф Годфри. — Давайте подниматься.

— Дадим им несколько минут, чтобы расположиться в номере, — ответил Стрюк.

— Не думаю, что сенатор Лэнгфорд захочет устраиваться поудобнее, — заметил я.

Стрюк вздохнул:

— Ты, конечно, прав. Но я боюсь, что все это нехорошо кончится.

Шеф Годфри бросил на него резкий взгляд.

— Послушайте, — сказал он, — раз у вас ничего не получилось, значит, не получилось.

— У меня-то все получится, — ответил Стрюк.

Сенатор расположился в президентских апартаментах на пятом этаже. У каждого входа в коридор стояли полицейские в форме, еще несколько были разбросаны по этажу в других местах. Когда мы вошли, сенатор, высокий представительный мужчина с пышной каштановой шевелюрой, тронутой сединой, кричал, обращаясь к советникам, помощникам и секретарям:

— Оставьте все как есть! Когда я решу достать вещи, то попрошу вас разобрать мои чемоданы.

Помощники без возражений разошлись по углам номера, оставив багаж возвышаться горой посреди комнаты. Кто-то встал, всей своей позой выражая недовольство, кто-то сел на подвернувшийся стул или в кресло. Двое коридорных стояли у дверей с багажной тележкой, дожидаясь чаевых. Управляющий Пирсон сделал жест, означавший «брысь!», и они, насупившись, удалились, таща за собой тележку.

Жена сенатора Лэнгфорда, Мэри — привлекательная женщина, хотя сейчас ее лицо омрачали горестные морщины, а плечи были безвольно опущены, — сидела на белой кушетке справа от двери, сложив руки поверх лежавшей у нее на коленях сумочки и глядя в пространство перед собой. Лэнгфорд подошел к ней, сел рядом и обнял. «Наша малышка скоро снова будет с нами», — пообещал он. От этих слов Мэри разрыдалась, достала из сумочки белый платочек и прикрыла лицо.

Лысеющий джентльмен с усиками щеточкой, в выражении лица которого читалось значительное самомнение, подошел к нам и протянул руку как бы всем сразу.

— Харольд Фенстер, — представился он. — Помощник сенатора Лэнгфорда по юридическим вопросам. Возможно, один из вас доктор Стрюк?

— Это я, — отозвался Стрюк.

Теперь рука Фенстера была протянута в конкретном направлении.

— Приятно познакомиться, — сказал Фенстер. — Проходите, поговорите с сенатором.

При нашем приближении сенатор встал.

— Стрюк, вам удалось что-либо выяснить? — спросил он.

— Дебора жива, — сообщил ему Стрюк. — По крайней мере пару часов назад была жива.

— Где же она? — требовательно спросил Лэнгфорд и дернулся, будто собираясь схватить Стрюка за лацканы пиджака, но тут же овладел собой. — Вы можете сказать, где она? С ней все в порядке? Что они с ней сделали?

— Она была жива и физически никак не пострадала, — сообщил ему Стрюк. — Она окружена темными силами. Здесь действуют магические силы, которые все затуманивают, мешая мне разглядеть лучше.

— Но она была жива?

— Да.

— Слава богу! — Лэнгфорд повернулся к жене. — Мэри, она жива.

Мэри кивнула, не поднимая взгляда.

— Приведите ее ко мне, — всхлипывая, сказала она.

— Приведу, приведу, — ответил ей Лэнгфорд. — Как только мы получим дальнейшие указания. — Он повернулся обратно к Стрюку. — Они, кто бы они там ни были, потребовали два миллиона купюрами по двадцать пять долларов. Деньги у меня с собой. Они сообщат мне, как я должен их передать.

Я быстро подсчитал:

— Это же восемьдесят тысяч купюр. Довольно большая пачка.

— Это полный чемодан, — сказал Лэнгфорд, указав на кучу багажа. — Вот тот черный. Два миллиона. Это меня почти что разорит, но какая разница, лишь бы нам удалось вернуть Дебору.

Конечно же, он не смог удержаться и не сказать этого. Мы знали, что его состояние составляет что-то между де-

сятью и пятнадцатью миллионами долларов, а ведь в наши дни семья из четырех человек может чудесно прожить и при этом содержать двух слуг и электрическую коляску — или даже карету с лошадью — на шестьдесят долларов в неделю. Кто-то может подумать, что для обладателя десяти миллионов потерять два из них будет большой обидой, но доставит при этом лишь незначительные неудобства. Но это не так. Такому человеку тоже очень больно. Ему действительно кажется, что он теряет почти все. Он будет переживать и оплакивать утрату суммы, которая часто составляет лишь несколько процентов от его состояния, сильнее, чем огорчились бы вы или я, потеряв все свои сбережения и любимую охотничью собаку. Во время кризиса тридцать второго года плутократы выбрасывались из окон своих кабинетов потому, что у них осталось всего два-три миллиона. Но я снова отвлекся.

Фенстер вытащил из кучи черный чемодан и достал из кармана своего пиджака квадратик пергамента. Держа его в левой руке, он положил правую ладонь на чемодан и начал бормотать что-то на латыни. По нескольким словам я понял, что он снимает с чемодана защитное заклинание, — текст служит чем-то вроде ключа к определенному замку́. Без него владельцу чемодана пришлось бы повсюду возить за собой мага, который каждый раз помогал бы ему открыть чемодан.

Закончив читать, он сложил пергамент и убрал его обратно в карман. Потом достал из другого кармана тяжелый медный ключ, вставил его в замок, повернул и поднял крышку чемодана.

Стрюк и Мелиса посмотрели друг на друга, но я так и не понял, о чем говорило это переглядывание.

— Два миллиона долларов, — сказал Фенстер. — Двадцатипятидолларовыми купюрами, которые не должны быть новыми и не должны быть расположены в порядке номеров. Вот чего требуют похитители, и они это получат. Пусть каждая купюра обожжет им пальцы каждый раз, когда они к ней будут прикасаться.

Мы посмотрели внутрь. На нас смотрели портреты президента Рузвельта, пять пачек в ширину, шесть — в

длину. Первая женщина-президент, возглавлявшая одно из самых влиятельных собраний викка на Восточном побережье, Элинор Рузвельт руководила принятием наиболее значимых социальных законов за всю историю страны. Из-за этой женщины и ее деятельности конгресс принял строгие законы, в соответствии с которыми любым чародеям, волшебникам, колдунам или ведьмам запрещалось занимать государственные должности, а также любые ответственные посты в правительстве. Тори решили, что имело место колдовство, и теперь они постараются не допустить к власти своенравных женщин.

Фенстер опустил крышку и снова закрыл чемодан на ключ. Это было вполне уместно, поскольку при виде такого количества денег в одном месте у меня что-то начало пульсировать в затылке, прямо у основания черепа.

— Как вы собираетесь передавать деньги? — спросил шеф Годфри.

— Они нам сообщат, — ответил сенатор Лэнгфорд. — Сейчас они в любой момент могут с нами связаться.

— Каким образом? — спросил я.

— Они не сказали.

В дверь постучали, и мы все подскочили. Ну я-то точно подскочил, а что делали в тот момент остальные, я не смотрел. Под дверь подсунули белый конверт, который лежал на полу, будто насмехаясь над нами. Пирсон, сидевший у самой двери, распахнул ее и выпрыгнул в холл, как огромный кролик, потом повернулся к нам.

— Никого, — сказал он. — В холле пусто.

Несколько человек бросились за дверь, чтобы убедиться в этом. В холле действительно было пусто.

— На конверте указано имя сенатора, — сказал Пирсон.

— Дайте посмотреть, — сказал Годфри и взял конверт.

Он потыкал его пальцем, пощупал, понюхал, погибал, прислушался, не доносится ли из него какой-нибудь звук, и наконец отдал его сенатору Лэнгфорду.

Сенатор набрал воздуха в легкие и вскрыл конверт. Там оказалось два сложенных листка. Он развернул их и стал читать, а я и еще несколько человек заглядывали ему

через плечо. Но первом листке было послание, написанное заглавными буквами. Текст был такой:

НИЖЕ ПРИВОДИТСЯ ТЕКСТ ХАЛДЕЙСКОГО ОБРЯДА ПЕРЕБРОСКИ. ПРОЧТИТЕ ЕГО, ПРОИЗНОСЯ СЛОВА ТАК, КАК БУДТО ОНИ НАПИСАНЫ ПО-АНГЛИЙСКИ. ВСЕ ПРИСУТСТВУЮЩИЕ В ПОМЕЩЕНИИ ДОЛЖНЫ ПРОИЗНОСИТЬ ОТВЕТЫ. ПОТОМ, ПОЛОЖИВ БУМАГУ С ТЕКСТОМ НА ЧЕМОДАН С ДЕНЬГАМИ, ПОДОЖГИТЕ ЕЕ. ВАША ДОЧЬ МОМЕНТАЛЬНО ВЕРНЕТСЯ К ВАМ.

Лэнгфорд перешел к следующему листку. Там был текст «халдейского обряда», около сорока строчек. Приведу здесь первые четыре, чтобы вы получили общее представление об этом колоритном произведении:

МАНАЙТИКЕЙ ФОНДО ДИН ПРАТЕ ОРГ КАНДО МУ.

ОТВЕТ: ТОНДО ЛУ ТИММИТ.

ТИССА ЙУБИТ СТРИППА РУГ БИСТА МЕМ КУКРА БИМ.

ОТВЕТ: ТОНДО ЛУ ТИММИТ.

Лэнгфорд передал страницу Стрюку.

— Что скажете по поводу всего этого? — спросил он. — По мне, какая-то тарабарщина.

— Никогда не видел ничего подобного, — признался Стрюк. — Но древний халдейский не моя специализация. Надо сказать, многие магические заклинания и обряды человеку непосвященному могут показаться тарабарщиной.

Лэнгфорд забрал листок и долго на него смотрел; на лице его читались страдание и недоумение.

— Сделай это, Том, сделай, — попросила его жена, все еще сидевшая на кушетке. — Что бы там ни было, сделай это.

Фенстер сказал:

— Почему бы не попробовать, сэр. Смотрите, ответ каждый раз один и тот же. Сделаю несколько экземпляров и раздам их, чтобы мы могли все вместе произносить ответ.

— А что должно произойти? — спросил сенатор Лэнгфорд.

— Понятия не имею, — признался Стрюк.

Лэнгфорд пожал плечами.

— Да какая разница, — сказал он. — Никогда я еще не чувствовал себя таким беспомощным. — Он повернулся к Фенстеру. — Напишите для всех текст ответа.

— Да, сэр, — ответил Фенстер.

Он взял несколько полосок бумаги и торопливо написал на каждой «ТОНДО ЛУ ТИММИТ», а потом раздал их всем нам.

Сенатор Лэнгфорд встал и откашлялся.

— Не смейтесь, — сказал он. — Что бы за этим ни стояло, ничего смешного здесь нет.

Он начал читать эту тарабарщину внятно, громким голосом, и все мы в нужные моменты произносили ответ. Затем Фенстер забрал у него листок, положил его на чемодан и зажег спичку.

Когда он поднес спичку к бумаге, к потолку поднялась тонкая струйка черного дыма. Потом она превратилась в черное облако. Затем Фенстер отскочил назад, потому что дым как бы загорелся синим пламенем, которое на несколько секунд ярко осветило весь номер, а затем погасло, издав отчетливый хлопок.

— Что это? — спросил Годфри.

— Что случилось? — спросил сенатор Лэнгфорд.

Фенстер достал свой медный ключ, вставил его в замок и приподнял крышку чемодана. Оттуда вырвалось еще одно облачко дыма. Кто-то закашлялся.

— Деньги исчезли, — сказал Фенстер.

— Как понимать «исчезли»? — спросил Лэнгфорд, подходя к чемодану.

— Исчезли! — упрямо повторил Фенстер.

Я заглянул в чемодан и убедился, что выложенные в пять рядов по шесть пачек двадцатипятидолларовые купюры действительно исчезли, — от них осталась одна лишь обугленная, черная пустота. А ниже...

— Боже милосердный! — произнес Фенстер, когда рассеялся дым.

Он наклонился и вынул из чемодана маленькую девочку, которая была без сознания.

— Дебора! — воскликнула ее мать и через секунду уже держала девочку в объятиях.

Еще через секунду Лэнгфорд обнимал их обеих, а потом уже и все мы обступили мать с ребенком — кто говорил какие-то ничего не значащие фразы, кто смеялся, а кто плакал.

— Она не просыпается, — сказала через минуту Мэри, и все мы мгновенно притихли, глядя на неподвижную девочку.

— Посмотрите на ее лицо! — воскликнул кто-то.

Лицо Деборы исказилось, и сначала на нем выразились боль и страх, а затем дикий ужас — и все это время глаза ее были закрыты, тело оставалось неподвижным, дыхание было ровным и спокойным и девочка не издавала ни звука.

— Позвольте, — сказал Стрюк, взял ребенка на руки, отнес на кушетку и положил.

Он внимательно всматривался ей в лицо примерно с минуту, держа палец на горле, считая пульс; поднял веко и заглянул в глаз — глаз девочки никак не реагировал. Тогда он выпрямился.

— Мелиса, — позвал он, — похоже, тут для тебя есть работа.

Хрупкая девушка опустилась на колени у кушетки, положила одну руку Деборе на лоб, а другую — на колени и закрыла глаза. Примерно с минуту обе оставались без движения, но казалось, не могу объяснить почему, что от Мелисы к девочке течет некая энергия. А потом так медленно, что нам сначала показалось, что это лишь иллюзия, Дебора начала подниматься над кушеткой, пока не зависла над ней в воздухе на высоте примерно полутора футов. В этом положении она оставалась несколько секунд, а потом упала обратно на кушетку.

Мелиса встала; было видно, что она потеряла много сил.

— Девочка спит, — сказала она. — Проснется примерно через час.

Джонатан Стрюк повернулся к сенатору и его супруге и сказал:

— Я бы посоветовал, чтобы Мелиса осталась с ребенком, по крайней мере неделю. Чтобы восстановиться после всего пережитого, девочке потребуются помощь и забота экстрасенса.

— А может, это просто уловка, чтобы увеличить свой гонорар? — резким тоном спросил Лэнгфорд. — Не заметил, чтобы от вас здесь была особенная польза; вы не смогли даже разобраться в колдовстве похитителей!

— Не надо срывать на мне гнев, — мягко ответил Стрюк. — А колдовства здесь было совсем немного. Еще в Чикаго на Дебору наложили заклятие, которое изъяло из ее тела Ка, или душу, называйте как хотите, и бросило ее в нижний мир, населенный демонами и призраками. Возможно, колдун, который сделал это, других миров и не знал. Там она и находилась последние несколько дней, а место это не из приятных. Если бы не помощь Мелисы, которая является сильнейшим из известных мне эмпатов, то некому было бы сразу же вывести девочку из-под действия заклинания и ее сознание могло бы навсегда потеряться в этом ужасном лабиринте.

— А зачем кому-то потребовалось совершать такие вещи? — спросил я.

— Для того, чтобы мы не смогли отыскать девочку, выходя в иные миры или произнося заклинания. И должно быть, у них были веские причины так поступить, поскольку поиски, которые мы предпринимали, в лучшем случае дали бы лишь приблизительный ответ.

— Почему же вы говорите, что колдовства здесь не было? — спросил Лэнгфорд. — Мы же собственными глазами видели...

— То, что вам и полагалось увидеть, — сказал ему Стрюк. — Чемодан, набитый деньгами, тогда как в действительности их там не было... или было совсем немного... и девочку, появившуюся из облака дыма, хотя на самом деле она все время находилась в этом же чемодане.

Лэнгфорд посмотрел на него с естественным в такой ситуации недоверием.

— Объяснитесь, — сказал он.

Стрюк обвел взглядом присутствующих.

— Садитесь, — произнес он таким тоном, что слова его нельзя было оставить без внимания. — Садитесь все. Я расскажу вам, что произошло... и почему.

Шеф Годфри упал в кресло. Некоторые из тех, рядом с кем не оказалось стульев, устроились по-турецки прямо на полу.

— Все было тщательно продумано, — начал Стрюк учительским тоном и с соответствующими жестами. — В этом участвовали как минимум три человека, а возможно, больше. Сначала девочку похитили. Как я полагаю, по дороге из школы? — Он вопросительно посмотрел на миссис Лэнгфорд, и та кивнула. — Затем компетентный, но совершенно бессердечный и беспринципный колдун отправил ее Ка в некое преддверие ада. Это было сделано как для того, чтобы тело ее оставалось погруженным в забытье, так и для того, чтобы помешать магу-следователю, то есть мне, проследить за ее перемещениями хотя бы в самых общих чертах.

— Зачем? — спросил сенатор Лэнгфорд.

— Причины были самые веские, — ответил Стрюк. — Для того, чтобы вы не узнали, что ее перевезли из Чикаго в Сан-Франциско. Это случилось два дня назад, а везли ее в этом самом чемодане, — продолжал он, выразительным жестом указав на предмет багажа.

— Человек, который привез чемодан, некто по фамилии Лундт, сдал его вместе с лежавшей внутри без сознания Деборой в камеру хранения и отправился наверх, в свой номер на третьем этаже, где его вскоре и убили.

Шеф Годфри откинулся в кресле и пристально посмотрел на Стрюка. Шеф еще не был до конца убежден, но явно хотел поверить.

— Каким образом? — спросил он. — И зачем?

Стрюк кивнул.

— Немножко отойдем от темы, — сказал он, — чтобы объяснить одно невозможное преступление.

Интересно, это так падал свет или у него действительно немного светились глаза, когда он обводил взглядом собравшихся в номере?

— Что касается «зачем», то здесь я могу только догадываться, — сказал Стрюк. — Возможно, он был уже не

нужен преступникам после того, как доставил чемодан на место. Возможно, он не был посвящен во все детали плана и они опасались, что он узнает лишнее и кому-нибудь расскажет. Что же касается «как», то магия тут ни при чем, хотя происшедшее было обставлено так, чтобы все говорило о «невозможном преступлении» и мы поверили бы в действие колдовских сил. Скорее всего, это делалось для отвода глаз, чтобы мы готовы были объяснить действием магии то, что должно было вскоре произойти.

— Если это была не магия... — начал было шеф Годфри.

— Его застрелили изнутри открытого чемодана, который стоял у него на кровати, — сказал Стрюк. — Возможно, механический пистолет сработал в тот момент, когда Лундт поднял крышку.

— А что потом стало с пистолетом?

Стрюк указал своим длинным пальцем на Пирсона, управляющего гостиницей.

— Он его забрал, — произнес Стрюк.

Пирсон вскочил на ноги.

— Что вы такое говорите?! — прокричал он.

— Чемодан изнутри опалили, чтобы навести всех на мысль о телепортации, — продолжал Стрюк. — Но поскольку поджигали его заранее, обгоревший материал оказался весь перемешан, так что можно было определить, что чемодан переносили с места на место. Следовательно, оружие было изъято оттуда вручную, рукой человека, а единственным человеком, побывавшим в комнате после убийства, были, по вашему же утверждению, вы.

— Это чепуха! — рявкнул Пирсон. — Глупости, глупости! Я протестую!

Протестовал он потому, что позади него возникли двое переодетых в штатское полицейских, силой заставивших Пирсона сесть на место.

— А теперь, — сказал Стрюк, — вернемся к истории с чемоданом. В какой-то момент чемодан, полный денег, подменили вот на этот. Наверху лежал тонкий слой купюр, расположенный на бумажной рамке; купюры и бумажная основа были пропитаны жидкостью, благодаря которой достаточно было поднести к ним огонек, чтобы они почти

мгновенно сгорели дотла. Внутри чемодан также был заранее опален, чтобы сымитировать эффект «холодного пламени телепортации», на мысль о котором нас уже должен был навести обгоревший изнутри чемодан в номере убитого.

— А зачем потребовался такой замысловатый план? — спросил шеф Годфри.

— Для отвода глаз, — объяснил Стрюк. — Когда начинают думать о магии, никому и в голову не придет, что произошла обыкновенная подмена, совершенно немагического свойства. По этой же причине к делу привлекли и меня.

— Но ведь... это же я сам вас привлек, — проговорил сенатор Лэнгфорд.

— Вы? — спросил Стрюк. — А кто вам это посоветовал?

— Мм... кажется, Фенстер. Это же ты мне посоветовал, верно? Ты мне рассказывал, что читал одну статью...

— Вы, должно быть, ошибаетесь, босс, — ответил Фенстер.

— Да ведь сенатор прав, — сказал Стрюк. — Будет ли вам интересно узнать, сенатор, что в статье, которую он читал, меня называют шарлатаном и мошенником? Как раз такой им и был нужен для реализации их замысла: некомпетентный следователь-маг, который перепугается, когда ему покажется, что он имеет дело с силой, превосходящей во много раз его собственную.

Сенатор Лэнгфорд уставился на своего помощника по юридическим вопросам, а Фенстер отвел взгляд.

— Как это было сделано? — спросил Лэнгфорд. — То есть как подменили чемоданы?

— Точно не могу сказать, — ответил Стрюк, — но наиболее подходящий момент для этого был тогда, когда ваши вещи погрузили в ту тележку с высокими бортиками.

— Да! — воскликнула миссис Лэнгфорд. — Я помню. Фенстер помогал нам разгружать багаж, и меня это удивило. До этого я не замечала, чтобы он утруждал себя и помогал что-нибудь поднять и донести.

— Фенстер и Пирсон, — произнес шеф Годфри. — Идеальная пара негодяев.

— Я ничего плохого не сделал этой девочке, — заныл Пирсон.

— Конечно, — согласился Стрюк. — В соответствии с вашим планом она вам нужна была живой. Нельзя же провести фальшивый обряд переброски, если переносить некого. Но при этом вас не волновало, в каком состоянии она окажется.

Внезапно Фенстер бросился к двери. Стрюк достал из рукава палочку и хлестнул ей воздух, будто кнутом, — и Фенстер вдруг завис в воздухе.

— Держите его, — произнес Стрюк.

Двое дородных копов схватили замершего Фенстера, и тогда Стрюк снова взмахнул палочкой. Фенстер, осев, оказался в руках закона.

— Я, значит, шарлатан, не так ли? — пробормотал Стрюк. Он повернулся к шефу Годфри. — Тот чемодан, в котором лежат два миллиона, сейчас находится где-то в этой гостинице. Я бы посоветовал, пока кто-нибудь случайно на него не наткнулся, направить людей на его поиски.

— Отличная мысль, — сказал шеф.

— Ну что, пойдем? — спросил Стрюк Мелису.

— Я на некоторое время останусь с девочкой, — ответила Мелиса. — Чтобы она не испугалась, когда проснется.

— Отличная мысль, — сказал Стрюк.

МАЙКЛ МУРКОК

Повелитель хаоса

Майкл Муркок (родился в 1939 г.) — один из общепризнанных великих мастеров фэнтези. Незаурядная фантазия, изобретательность и превосходное языковое чутье позволили ему создать целый ряд ярких и необычных романов. Хотя в одно время Муркок выпускал практически по одной книге в месяц, он смог добиться того, что качество его текстов оставалось неизменно высоким. Наиболее известен его цикл о Вечном Воителе. Первый роман этого цикла, вышедший в свет в начале шестидесятых годов, рассказывал историю колдуна-альбиноса Эльрика из Мельнибоэ, затем в свет вышли книги о принце Коруме, Дориане Хокмуне и непредсказуемом Спутнике Героя Джерри Корнелиусе. Мастерство рассказчика, присущее Муркоку, помогло сплести эти истории в единый великолепный гобелен. На страницах нашего сборника вы встретитесь с еще одним, менее известным, воплощением Вечного Воителя — графом Обеком Маладорским.

Из окна каменной башни можно было увидеть широкую реку, что извивалась меж бурых, лишенных растительности берегов, хотя бóльшая часть окрестных земель тонула в зелени — отдельные рощицы постепенно сливались, превращаясь в настоящий густой лес. А за лесом вздымались скалы — серые, поросшие лишайниками, отливающие то розовым, то легкой зеленью утесы, из которых вырастал темный, сложенный из массивных каменных плит замок. Замок господствовал над всей долиной, и его башни бросали тень друг на друга.

Граф Обек Маладорский не верил своим глазам: это укрепление не было похоже на творение рук человеческих. Здесь наверняка не обошлось без колдовства. Таинственный и неприступный, замок будто стоял на границе миров, бросая вызов любому пришельцу.

В этот миг странный желтый свет вспыхнул на западной башне. Он, однако, не смог разогнать тени, лишь синее небо помрачнело, будто подернулось серой дымкой, и алые закатные облака побледнели. Но нежные краски заката оставили Обека равнодушным. Он не отрывал взгляда от замка Канелун.

Граф не отходил от окна, пока полностью не стемнело и лес, скала и замок не стали лишь сумеречными тенями в ночной мгле.

Он в задумчивости провел мускулистой рукой по лишенному волос черепу и направился к кипе соломы, которая должна была стать его постелью этой ночью.

Солома была сложена в нише, образованной контрфорсом и внешней стеной башни. Комнату освещала масляная лампа. Воздух быстро остывал. Обек лег, положив рядом свое единственное оружие — тяжелый двуручный меч огромных размеров. Казалось, что этот меч был выкован для великана — пятифутовый клинок, широкая крестовина гарды, тяжелая, инкрустированная драгоценными камнями рукоять — он идеально подходил своему хозяину. Неподалеку лежали старые, тяжелые доспехи Обека, и ночной ветер, влетая в окно, покачивал черный плюмаж рыцарского шлема.

Обек Маладорский спал.

Его сон был беспокойным: ему виделись наступающие армии, вьющиеся по ветру стяги, сотни знамен с гербами родов и племен, лес сверкающих копий, море шлемов. Он слышал хриплый рев боевых труб, топот копыт, воинственные крики и песни. Это были сны о прошедших битвах, о его юности, о тех временах, когда он покорил южные племена во славу королевы Элоарды Лормирской и дошел с войсками почти до Края Мира. Лишь замок Канелун, стоящий на самом краю, все еще оставался непокоренным, потому что ни одна армия на свете не смогла бы взять его в осаду.

Эти призрачные видения не доставили графу никакой радости, и он проснулся среди ночи и затряс головой, будто желая прогнать их прочь.

Уж лучше бы ему приснилась Элоарда, ибо она была первопричиной всего. Но гордая Элоарда никогда не приходила в его сны, и он лишь тосковал по аромату ее мягких черных волос, что волнами падали ей на плечи, по ее бледному лицу, зеленым глазам и алым губам. По велению Элоарды он пришел сюда, ибо она была его Дамой и Королевой. Рыцарь Королевы был по традиции ее любовником, и Обек Маладорский не мог представить для себя иной судьбы. Он был Первым Рыцарем Лормира, и именно ему предстояло покорить замок Канелун и подчинить его Империи, чтобы владения Элоарды простирались от Моря Драконов до Края Мира.

За Краем не было ничего: ничто не могло уцелеть в водовороте Хаоса, что вечно бушевал за стенами замка Канелун, — многоцветный и шумный, полный причудливых и пугающих образов, что возникали лишь на мгновение и тут же снова исчезали, превращаясь в мутную взвесь.

На рассвете граф Обек Маладорский погасил масляную лампу, надел наголенники, кольчугу и шлем, закинул меч на плечо и покинул сторожевую башню.

Под его ногами, обутыми в кожаные башмаки, хрустели камешки. Многие из них были раздроблены в мелкую крошку, как будто Хаос однажды перехлестнул за утесы Канелуна и дотянулся сюда. Но это, разумеется, было совершенно невозможно с тех пор, как границы мира стали постоянными.

Только теперь, при свете дня, Обек смог увидеть, насколько огромен Канелун. Рыцарь пошел вдоль реки по направлению к скалам. Его башмаки погружались в жидкую грязь, ветки огромных деревьев закрывали графа от жара восходящего солнца. Канелун больше не был виден. Нередко Обеку приходилось браться за меч и прорубать себе путь.

Иногда он отдыхал, пил воду из ручья и освежал лицо. Он не спешил — в глубине души ему вовсе не хотелось идти в Канелун. Замок пугал его как все, что было связано с колдовством. Легенды гласили, что замком владеет

Темная Дама — волшебница, не знающая жалости, повелевающая легионом демонов и других порождений Хаоса.

Он достиг подножия скал в полдень и остановился, высматривая тропинку, которая провела бы его вверх, среди громоздящихся друг на друга каменных глыб. Затем он закрепил меч за спиной и начал восхождение.

Философы Лормира полагали, что Канелун возник здесь совсем недавно, ведь предки ничего не ведали о нем. Но сейчас Обек ясно видел, что эти скалы и стены древние, как сама земля. Возможно, дело было в том, что никто из путешественников, достигших Канелуна, не вернулся, чтобы рассказать соплеменникам об увиденном. Обек оглянулся и увидел верхушки деревьев далеко внизу, у себя под ногами. Их листья трепетали, тронутые вечерним ветерком. Он видел также башню, где провел ночь, но более никакого человеческого жилья — эти земли были безлюдны на много дней пути на север, запад и восток, а к югу был только Хаос. Прежде он никогда не бывал так близко к Краю Мира, и мысли о бесформенной материи, бушующей совсем рядом, внушали ему тревогу.

Наконец Обек одолел последний утес и оказался в миле от замка Канелун. Шпили башен царапали облака, стены сливались с окружавшими их скалами. А за стенами граф увидел кипящую материю Хаоса, отливающую то желтым, то синим, то серым,— его цвета постоянно менялись, как цвет моря в ветреный день. И внезапно граф Обек показался самому себе чем-то маленьким и незначительным по сравнению с той бездной, что открылась перед ним. Как мог кто-то жить в замке Канелун? Каким могучим умом должен обладать такой человек? Или, напротив, обитатель замка безумен? Однако Обек Маладорский отнюдь не был малодушным. Он сумел совладать со своей тревогой и зашагал прямо к замку, старательно отводя взгляд от буйствующей материи, бросающей разноцветные отсветы на скалы.

В замок Канелун вело множество дверей и ходов — все одинаково темные и негостеприимные. Они казались глóтками чудовищ, готовыми поглотить жертву.

Обек помедлил, выбирая отверстие в стене, затем, набравшись решимости, нырнул в непроглядную темноту. В проходе было холодно и пусто, и граф остро ощутил свое одиночество.

Вскоре он понял, что заблудился. Он не слышал эха собственных шагов; проход все время изгибался под разными углами. Тьма не позволяла Обеку увидеть стены или потолок, но он чувствовал, что коридор становится все у́же, а потолок нависает над самой головой. Обернувшись, он с ужасом обнаружил позади сразу несколько проходов, но не смог бы сказать, из которого вышел. Он попал в лабиринт.

Графу казалось, что он сходит с ума. Он уже не помнил направления, в котором шел. Безумие все глубже проникало в его мозг, а с ним пришел и леденящий страх. Темные коридоры наполнились безобразными, пугающими образами — или то были существа из плоти и крови? Обек расчищал себе путь мечом, но призраков было слишком много. Он все же сумел побороть панику — это была битва, а в битвах он всегда чувствовал себя уверенно. И призраки отступили. Граф оперся на меч и перевел дыхание. Однако стоило ему оглянуться, и страх вернулся, а с ним и новые призраки — существа со сверкающими глазами, огромными когтями, оскаленными клыками. И самым ужасным было то, что некоторые из них казались ему знакомыми, словно их мерзкие морды являли собой карикатуры на его старых друзей и соратников. Он бросился бежать.

Зловещий хохот загремел за его спиной. На бегу Обек споткнулся, и его отбросило к стене. И тут он почувствовал, как стена, сложенная из массивных каменных плит, под его руками становится мягкой и текучей; он нырнул в нее, как в воду, и оказался в другом коридоре. Граф упал на колени и увидел перед собой Элоарду. Прекрасную Элоарду, которая на глазах превращалась в безобразную старуху.

— Это безумие, — прошептал Обек. — Это явь или морок? Или то и другое вместе? — Он возвысил голос: — Элоарда!

Она растаяла в воздухе, а на ее месте появилась новая орда демонов. Маладор вскочил на ноги, поднял меч и обрушил его на ближайшего врага. И монстры тут же покорно расступились, пропуская воина. Он понимал, что должен успокоиться и обуздать страх, но это было трудно сделать сейчас, когда существа с дикими воплями носились вдоль стен коридора и в их хриплых голосах звучал какой-то безудержный, злобный восторг.

Однако Обек сумел сдержаться. Он больше не атаковал монстров, принудив себя не думать о них. И когда ему это удалось, существа растаяли в воздухе, стены лабиринта расступились, и граф Обек Маладорский увидел, что стоит на краю прекрасной и мирной долины. Но его разум не дремал — он подсказывал, что это видение такая же иллюзия, как и все, с чем он сталкивался в лабиринте Канелуна. И в самом деле, видение вскоре погасло, и граф Обек оказался в огромном зале.

В зале не было ни души. Откуда-то сверху лился золотистый свет, но граф никак не мог понять, где находится его источник. В центре зала стоял большой стол, а на нем в беспорядке лежали старинные свитки. Обек заметил также несколько окованных железом дверей, однако сейчас его больше интересовали свитки — он надеялся, что они помогут ему разобраться в секретах Канелуна.

Он положил меч на стол и развернул первый свиток.

На тонком листе алого пергамента можно было без труда различить письмена, однако смысл их остался непонятным для графа Обека — он даже не мог сказать, на каком языке сделана надпись. Это изумило графа, ведь во всех известных ему землях говорили на разных диалектах одного и того же наречия. Но в другом свитке были новые иероглифы, и они также не походили ни на знакомые ему буквы алфавита, ни на письмена первого документа.

В раздражении он отбросил пергамент, схватил меч и крикнул:

— Кто здесь живет? Да будет вам известно, что я Обек, граф Маладорский, Первый Рыцарь Лормира и Покоритель Юга, явился сюда во имя королевы Элоарды, Императрицы Южных Земель!

Произнеся эти слова, он почувствовал себя гораздо увереннее, но ответа так и не дождался. Тогда он поправил шлем, закинул меч на плечо и распахнул одну из дверей. И в тот же миг сидевшее за дверью существо набросилось на него, и лапы с кривыми железными когтями взметнулись перед самым носом графа Маладорского.

Обек Маладорский отступил назад, чтобы лучше разглядеть своего противника. Враг был на целую голову выше графа. Овальные фасетчатые глаза, треугольная морда, серая с металлическим оттенком кожа. Под кожей-броней перекатывались могучие мускулы, а голову венчали желтые с латунным оттенком рога.

— Голем! — воскликнул Обек.

Он узнал это существо, но не мог поверить своим глазам. Он думал, что подобные монстры существуют лишь в легендах.

— Голем! — повторил он. — Что за колдовство создало тебя?!

Голем не отвечал, лишь лязгнул зубами и заскреб стальными когтями по полу. Граф не сомневался, что этот монстр не чета прежним, он реален и не рассеется как дым от одного лишь блеска клинка. Однако и Обек не собирался отступать без боя.

Голем сделал шаг вперед, и вновь его когти мелькнули перед самым лицом графа. И Обек атаковал, нацелившись мечом прямо в середину туловища монстра. Человека такой удар разрубил бы пополам. Голем взмахнул лапой, отражая атаку, и сталь лязгнула о сталь. От удара все тело графа содрогнулось. Он отступил на шаг, и голем последовал за ним.

Обек оглядывался, надеясь отыскать в зале более массивное оружие, чем меч, но обнаружил лишь нарядно украшенные щиты на стенах. Прыгнув, он очутился у стены, сорвал один из щитов и выставил перед собой. Щит оказался легким — он был сделан из дерева и покрыт кожей; и все-таки граф почувствовал себя увереннее.

Голем остановился, выжидая, и внезапно фигура показалась Обеку смутно знакомой, так же как казались ему зна-

комыми некоторые призраки в коридорах. «Это снова магия замка Канелун воздействует на мой разум», — решил он.

Наконец голем взмахнул правой лапой, целясь в голову графа. Обек выставил вперед меч и сумел защитить голову, но в это время левой лапой голем ударил его в живот. Щит смягчил удар, но когти пробили дерево. Граф рванул щит на себя и обрушил меч на лапу голема.

Тот отступил и остановился. Он в растерянности поворачивал голову вправо и влево, как слепец, потерявший своего поводыря. Граф вскочил на стол — свитки разлетелись во все стороны. Собрав все силы, он ударил голема по голове. Клинок срубил один из рогов и оставил глубокую выбоину в черепе чудовища. Голем зашатался, ухватился за край стола и перевернул его. Граф успел спрыгнуть на пол, подбежал к ближайшей двери и дернул за ручку. Но дверь оказалась закрытой.

Взглянув на меч, граф увидел зазубрину на его лезвии. Он прижался спиной к двери и выставил перед собой щит. Однако следующий удар голема разнес щит в щепки, и стальные когти вонзились в руку Обека Маладорского. Он закричал, сделал выпад, но меч лишь скользнул по коже голема.

Граф понял, что обречен. Он был слабее противника и, несмотря на весь свой боевой опыт, не мог нанести ему ощутимого вреда. Обек отбросил обломки щита и покрепче ухватился за рукоять меча.

«Демон лишен души, и у него нет уязвимых мест, — подумал граф. — Однако у него и разума нет, и с ним невозможно договориться. Его можно только напугать. Но что может напугать демона?»

Ответ был прост и очевиден: голема может обратить в бегство лишь существо более сильное, чем сам голем.

Нужно было полагаться не только на силу, но и на разум.

Обек Маладорский бросился бежать. Преследуемый по пятам монстром, он перепрыгнул через перевернутый стол, надеясь, что стол задержит голема, но тот без труда преодолел препятствие. Однако монстр двигался медленно, и

граф успел добежать до двери, за которой раньше сидело чудовище, и распахнуть ее. Он выскочил в темный коридор. Дверь захлопнулась за его спиной, но он не нашел ничего, чем можно было бы подпереть ее. Поэтому граф побежал по коридору туда, где виднелась развилка, слыша за своей спиной тяжелую поступь голема.

От развилки темные ходы разбегались во всех направлениях. Бросившись в один из них, Маладор наткнулся на дверь, распахнул ее и вновь оказался в большом зале замка Канелун.

На удивление времени не оставалось. Граф бросился к стене, надеясь найти новый щит, но в этой части зала на стенах не было щитов — только огромные зеркала из полированного металла. Собрав все силы, граф сорвал тяжелое зеркало с крюка. Голем ворвался в зал, и Маладор развернул зеркало, прикрываясь им как щитом.

Внезапно чудовище замерло, увидев свое отражение в зеркале.

Голем завизжал.

Обек слишком устал, чтобы изумляться или радоваться. Он лишь безучастно следил за тем, как чудовище развернулось и скрылось во тьме коридора. Когда зал опустел, граф сел на пол и прислонил зеркало к стене.

— Так вот чего боится демон, — промолвил он негромко. — Он боится самого себя! — Обек Маладорский рассмеялся. — Теперь осталось лишь найти источник создавшего голема колдовства и уничтожить его, — сказал он себе.

Обек поднялся на ноги, обмотал цепь, на которой висело зеркало, вокруг запястья, подхватил его как щит и рванул ручку еще одной двери, ведущей из зала. Заперто. Тогда он просунул лезвие меча между створками и использовал его как рычаг. На той стороне лязгнула задвижка, и дверь распахнулась.

Пряный аромат ударил в ноздри и напомнил Обеку Маладорскому о роскоши Лормира и кудрях Элоарды. Его глазам открылась круглая комната, по всей видимости спальня. Женская спальня. Позади пышной кровати виднелось окно, а за ним плясали разноцветные бесформен-

ные тени. И внезапно он понял, что спальня расположена в башне и ее окно смотрит прямо в Хаос. Винтовая лестница у дальней стены, вероятно, вела на вершину башни. Оттуда в спальню проникали порывы свежего ветра.

Он переступил порог и только теперь увидел, что у застекленного окна стоит женщина.

— А ты действительно Первый Рыцарь, граф Обек, — произнесла она с улыбкой, и графу показалось, что в ее голосе звучит ирония.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Ну, это несложно. Никакого колдовства. Ты же сам прокричал его что есть мочи, впервые вступив в зал Канелуна.

— Никакого колдовства? А все, что было прежде: монстры, лабиринт, прекрасная долина? А голем? Разве не чары создали его? Да и сам замок. Разве он был воздвигнут без помощи колдовства?

Она пожала плечами:

— Смотря, что ты называешь колдовством. В моем понимании колдовство — это просто понятие, обозначающее работу могучих сил Вселенной.

Обек не знал, что ей ответить. Философы Лормира не могли сказать ничего внятного о природе сил, порождающих магию. Он лишь понимал, что не в силах оторвать взгляд от женщины.

Ее стройная фигура была скрыта складками свободного платья — такого же ярко-зеленого, как и ее глаза. Женщина была поистине прекрасна, и, как многое в Канелуне, ее лицо казалось Обеку смутно знакомым.

— Ну и как тебе понравился замок? — полюбопытствовала она с усмешкой.

Он покачал головой:

— С меня довольно. Отведи меня к своему хозяину.

— Но у меня нет хозяина. Здесь только я — Мишелла, Темная Дама, и я — хозяйка этого замка.

Обек совсем растерялся:

— Значит, я преодолел все эти опасности лишь для того, чтобы встретиться с тобой?

— О да, страшные опасности, граф Обек! Оказывается, твое воображение способно порождать ужасных монстров.

— Не смейся надо мной, госпожа!

Но она рассмеялась:

— Я говорю чистую правду. Все, с чем ты столкнулся в замке, было плодом твоего собственного воображения. Не многие люди могут встретиться лицом к лицу с придуманным ими же страхом. За последние два века ни один человек не смог добраться до моих покоев. Все они бежали в ужасе, едва вступив в лабиринт.

Ее улыбка была неожиданно теплой и дружелюбной.

— И какую награду я получу за свое мужество? — поинтересовался Обек.

Хозяйка замка вновь рассмеялась и указала рукой на окно, за которым танцевал Хаос:

— Смотри, там снаружи нет ничего. Если ты осмелишься шагнуть туда, тебе придется столкнуться с монстрами, что живут в твоих тайных фантазиях.

Она наблюдала за ним с любопытством, и Обек смущенно кашлянул.

Она продолжала:

— Но если ты выдержишь это суровое испытание, то сможешь отодвинуть Край Мира и создать новую землю, отвоевать ее у Хаоса.

— Так вот какую судьбу ты готовишь мне, волшебница?

Темная Дама молча смотрела на графа, и с каждой секундой казалась ему все прекраснее. Он стоял, опершись на рукоять меча, а она, двигаясь грациозно, как змея, подошла совсем близко и заглянула в его глаза.

— Это будет наградой за твою смелость, — сказала Мишелла, в то время как ее зеленые глаза сулили совсем иную награду. — Ты готов исполнить мой приказ помериться силами с Хаосом?

Граф хрипло рассмеялся.

— Госпожа, известно ли вам, что Первый Рыцарь Лормира становится консортом Императрицы? Я не могу исполнять ваши приказы, моя сила и моя верность принад-

лежат другой даме. И я пришел сюда, чтобы устранить угрозу, исходящую от этого замка, а не становиться вашим вассалом или любовником.

— Но от моего замка не исходит никакой угрозы.

— Возможно, вы правы.

Она отступила и смерила его взглядом, оценивая еще раз. Для нее такое поведение было в новинку — прежде никто не отвечал отказом на ее предложение. Этот мужчина нравился ей все больше: храбрый и одновременно наделенный богатым воображением. Какая жалость, что он готов слепо повиноваться глупому обычаю — обычаю, что связывает нерушимыми узами мужчину и женщину, которые, возможно, не испытывают ни малейшей симпатии друг к другу.

— Забудь Лормир. — В ее голосе зазвучала мольба. — Подумай о силе, которая сможет стать твоей, — силе истинного творения.

— Госпожа, я провозгласил эти земли и этот замок принадлежащими Лормиру. И если я останусь жив, то буду править здесь по праву завоевателя, а вам придется подчиниться.

Ну что за упрямец! Он отказывался исполнять ее волю и более того — отказывался от награды, которую она сулила ему. Неслыханно! Может быть, ей следует использовать гипноз или наркотические вещества, чтобы подчинить его? Но нет, он должен сохранить свою силу. Нужно найти другой подход.

— Подумай еще вот о чем, граф Маладорский, — сказала она наконец. — Подумай о землях, о новых землях для твоей Императрицы.

Он ничего не ответил, только смотрел на нее, нахмурив брови.

— Ты сможешь отодвинуть Край, — настаивала она. — Ты сможешь создать новые земли.

И увидела, как дрогнул плюмаж на его шлеме.

— Наконец-то мы подошли к сути дела, — сказал граф Обек Маладорский.

— Подумай о том, какая слава ждет тебя в Лормире, если ты отодвинешь границу Империи не только к замку

Канелун, но и далеко за его стены, — добавила Темная Дама. — Новые равнины, новые горы, новые моря и, наконец, новые народы, новые города, полные людей. И все это ты совершишь во имя Лормира и Элоарды.

Ей наконец удалось разбудить его воображение, и на его губах появилась мечтательная улыбка.

— Ну что ж... Если я справился с испытаниями в лабиринте Канелуна, возможно, я смогу чего-то добиться и за его стенами. Это было бы величайшим подвигом в истории Лормира. Об этом рассказывали бы легенды. Легенды об Обеке Маладорском, Покорителе Хаоса.

Она подарила ему нежную улыбку, как всем, кого ей удавалось обмануть.

Он положил меч на плечо.

— Ну что ж, госпожа, я готов.

Вдвоем они стояли у окна, глядя на кипящую материю Хаоса. Мишелла заметила, что сейчас среди цветов преобладают красный и черный. Розово-лиловые усики и оранжевые спирали пронзали алые и темные пласты, иногда линии складывались в неясный абрис некоего существа, который тут же таял.

— Я должен подчинить Хаос себе? — спросил Маладор.

— Он подчиняется Закону Космического Равновесия, — ответила Мишелла, — который гласит, что если человек способен выстоять перед Хаосом, он может заставить Хаос принять определенную форму. Именно так понемногу увеличивается Земля.

— Как мне попасть туда?

Она ткнула пальцем в окно:

— Смотри, там есть мощеная дорога, что ведет от подножия этой башни. Ты видишь?

— Не вижу... хотя... Постой! Да, теперь вижу. Мощеная дорога.

Стоя за его спиной, она улыбнулась:

— Ты готов? Сейчас я уберу барьер.

Он поправил шлем и поднял руку в военном салюте:

— Во славу Лормира и Императрицы Элоарды иду я на этот подвиг!

Мишелла открыла окно, и он спрыгнул в многоцветное месиво материи Хаоса.

Она вновь улыбнулась. Ну что ж, в конце концов все оказалось не так уж трудно. Она почти не солгала. У него наверняка хватит сил, чтобы создать новые земли. Но захотят ли жители этих земель стать подданными Императрицы Элоарды? Граф Обек пошел на подвиг во имя Лормира, но на самом деле он послужит интересам Канелуна.

Что ж, он в самом деле произвел на нее впечатление. Он напомнил ей другого героя — того, кто пришел сюда двести лет назад, вошел в Хаос и создал Лормир и Южные Земли. О, то был настоящий мужчина! И он не пренебрег наградой, дарованной ему ею, Мишеллой Темной Дамой.

«Граф Обек слишком предан, в этом его слабость, — подумала Мишелла. — Ну что ж, может быть, в поединке с Хаосом от него будет больше толку, чем в постели».

И все-таки ей было немного грустно.

Много столетий назад Владыки Закона доверили ей замок Канелун и его секреты. Это была долгая служба. И долгое ожидание. Лишь не многие герои могли пройти лабиринт Канелуна и отвоевать новые земли у Хаоса.

«Надеюсь, в другой раз мне повезет больше и я тоже не останусь без награды», — подумала Мишелла, готовясь *перенести свой замок к новому* Краю Мира.

РОБЕРТ ВЕЙНБЕРГ

Семь капель крови

У Роберта Вейнберга (родился в 1946 г.) одна из самых больших в мире коллекций старых журналов, публикующих сенсационные рассказы, вызывающая мою страшную зависть. Впервые он стал известен именно как книготорговец и коллекционер: он обладатель феноменального собрания подлинных произведений искусства. В 1969 году Вейнберг начал продавать рассказы в жанре фантастики. Те, кто помнят старый журнал «Миры Иф», вероятно, не забыли, что Вейнберг удостоился титула «Первый в Иф» в майском выпуске 1969 года. Также он составил несколько справочников, в том числе незаменимый «Биографический словарь писателей жанра научной фантастики и фэнтези» (1988), и несколько антологий еще до выхода в свет его первых романов, рассказывающих о тайнах мира мистики, первым из которых был «Аукцион дьявола» (1988). Далее последовала серия рассказов о сыщике Сиднее Тейне, специалисте по расследованию преступлений, связанных с оккультизмом. В представленном рассказе Тейн пытается отыскать Святой Грааль.

— Я хочу, чтобы вы определили местонахождение, — настойчивым тоном произнес мужчина в темных очках, — Святого Грааля.

Еще не решив, как ответить, Сидней Тейн, известный в Чикаго как «детектив Нового века», откинулся в кресле и внимательно посмотрел на клиента, сидящего по другую сторону стола. Это был невысокий коренастый мужчина в безупречном сером костюме в тонкую полоску, с черным галстуком. Резкие, угловатые черты лица казались высеченными из камня. Густая черная борода скрывала пол-лица.

Над черными очками посетителя срослись воедино густые темные брови, что придавало его чертам зловещее

выражение. Широкий нос напоминал острый клюв огромной хищной птицы. Внешность и манера говорить выдавали человека, привыкшего идти намеченным путем, никогда с него не сворачивая.

Посетитель назвал себя Ашмедай[1], не уточнив, это имя, фамилия или и то и другое вместе. Когда он появился в офисе Тейна, его движения отличались спокойствием и уверенностью, значит, глаза за очень темными очками вовсе не были глазами слепца. Какой секрет скрывали очки на самом деле, детективу не очень хотелось знать. В соответствии с древнееврейской традицией Ашмедай являлся главой всех демонов.

— Я вовсе не король Артур, — медленно, взвешивая каждое слово, произнес Тейн. — Также я не являюсь членом Круглого стола.

— Волшебных сказок я не люблю, — промолвил бородач, и на его губах заиграла легкая улыбка. — Тот Грааль, который я разыскиваю, реальный, а не вымышленный. Недавно он затерялся где-то в Чикаго.

— В Чикаго? — переспросил Тейн, вставая из-за стола.

Ему не нравилось смотреть в темные очки вместо глаз. Лицо Ашмедая оставалось загадкой. Тейн твердо верил в то, что глаза — зеркало души, а посетитель прятал их по неизвестной причине. Из окна офиса детектив смотрел на озеро Мичиган. Высокий и мускулистый, он обладал телосложением полузащитника в американском футболе, и каждое движение его ладного тела таило в себе опасную грацию готового к нападению тигра. Его раздражали клиенты, говорящие загадками. Над безмятежной гладью во-

---

[1] *Ашмедай (др.-евр.)* — персонаж послебиблейской демонологии. Вероятно, заимствован из иранской мифологии, где Айшма дэва — демон ярости и похоти. Асмодей фигурирует также в качестве царя демонов; иногда он отождествляется с сатаной. Греки иногда отождествляли его с духом-губителем Аполлионом. Асмодей упоминается в Талмуде. Он известен как дух супружеского несчастья и ревности. В библейской Книге Товита рассказывается история о страсти демона к Сарре, дочери Рагуила. Она выходила замуж семь раз, и каждый раз Асмодей убивал ее мужа в первую брачную ночь. В конце концов Товит изгнал демона сожжением сердца и печени рыбы.

ды собирались темные, грозные тучи. На вечернем небе вспыхивали зубчатые сполохи молний, созвучные чувству тревоги, охватившему Тейна при посещении Ашмедая.

— Слышали теорию, — спросил Тейн, — о том, что Святой Грааль — это вовсе не Чаша Тайной вечери, а, напротив, сосуд, в который поместили погребальные пелены Христа. Некоторые ученые, придерживающиеся данной теории, называют их Туринской плащаницей.

На это Ашмедай пожал плечами и сказал:

— Я читал «Плащаницу и Грааль» Ноэля Каррер-Бриггса. Он поднимает несколько весьма интересных вопросов. Но в книге слишком много праздных рассуждений. Автор излишне вольно манипулирует переводами ранних легенд для подтверждения собственных гипотез. И что еще хуже, он не понимает истинной подоплеки действий Иосифа Аримафейского во время и после распятия Христа на кресте.

— Что вы имеете в виду? — спросил Тейн, когда Ашмедай умолк в нерешительности.

О самом загадочном из всех таинственных преданий незнакомец говорил с убедительностью знатока.

— Каррер-Бриггс отклонил как сущий абсурд легенду о том, что у Голгофы Иосиф собрал в Грааль капли крови Иисуса, вытекавшие из раны в боку, пронзенном Копьем Судьбы, — ответил Ашмедай. — Он позволил современной сентиментальности взять верх над любознательностью ученого. Вместо того чтобы додуматься до мотивов поступков Иосифа, автор вообще полностью игнорировал эпизод как возмутительный и отталкивающий. Пытаясь отыскать другое объяснение легендам о Граале и крови Христовой, Каррер-Бриггс ухватился за запятнанные кровью погребальные пелены, использованные Иосифом и Никодимом. И пришел к заключению, что сосуд с этими холстинами, запятнанными Христовой кровью, и есть истинный Грааль. Развивая данную теорию, он далее называет погребальные пелены Туринской плащаницей. — Ашмедай усмехнулся. — Замечательные умствования, но на самом деле абсолютная ерунда. Иосиф Аримафейский прекрасно отдавал себе отчет в том, что делает, когда собрал в Грааль капли крови

Спасителя. Несмотря на все факты, Каррер-Бриггс отказался признать подлинную сущность этой тайны.

Тейн резко втянул в себя воздух, внезапно осознав, к чему клонил Ашмедай.

— Черная магия зиждется на крови, — сказал детектив. — Кровь Иисуса Христа...

— ...может творить чудеса, — закончил Ашмедай. — Особенно вместе с чашей Сета.

Тейн прищурился. О существовании этой легендарной чаши знали лишь несколько человек. Сам детектив узнал об этом, лишь посвятив немало лет изучению самых темных тайн сверхъестественного. И опять он задался вопросом: кто же такой Ашмедай? И откуда он черпает информацию?

— В соответствии с «Утраченным апокрифом», — промолвил Тейн, — когда Сет, третий сын Адама и Евы, пришел в райский сад, Бог ему дал чашу в знак того, что Он не оставил род человеческий.

— Я рад удостовериться в том, что ваша репутация вполне заслуженна, — сказал Ашмедай. — Вряд ли обычный детектив знает о подобном.

— Я не обычный детектив, — отозвался Тейн.

— В противном случае я бы не обратился к вам, — с мягкой усмешкой произнес Ашмедай. — Чаша — символ неисчислимого могущества, она прошла через века, передаваясь из поколения в поколение, и владели ею лишь самые величайшие мудрецы. Так было до того, как один из апостолов принес ее в дар Иисусу. После чего ее стали называть Святым Граалем.

— Который, как вы утверждаете, сейчас находится в Чикаго? — спросил Тейн, и в голосе его сквозил оттенок скептицизма.

— Я *знаю*, что это именно так, — ответил Ашмедай.

Бородач потянулся к карману пиджака, достал пачку денег, перетянутую резинкой, и небрежно положил наличность на стол Тейна.

— Я плачу вам пять тысяч долларов, чтобы вы нашли чашу. Она принадлежит мне, и я хочу вернуть ее. Пожалуйста, без вопросов. Если вам надо больше денег, просто скажите об этом.

Тейн посмотрел на деньги, затем перевел взгляд на посетителя. Опять опустил глаза на деньги и вновь молча взглянул на Ашмедая.

— Не беспокойтесь, — сказал Ашмедай. — Деньги честные. На протяжении многих лет я вкладываю капитал в долгосрочные ценные бумаги. Что приносит недурную прибыль. Деньги для меня не более чем средство к достижению цели.

И все же Тейн не пошевельнулся, чтобы взять деньги. Хотя при необходимости он порой слегка обходил закон для клиентов, но сам придерживался строгого морального кодекса, с которым никогда не шел на компромисс. А дело с похищенными религиозными ценностями как раз шло вразрез с его правилами.

— Перед тем как я возьмусь за это, мне необходимо узнать некоторые детали, — сказал Тейн. — Вы утверждаете, что Грааль принадлежит вам. Чем вы можете доказать это? И при каких обстоятельствах он был похищен?

— А вы подозрительны, мистер Тейн. — В голосе Ашмедая слышалось удовлетворение. — Уверяю вас, *у меня больше законных прав на чашу, чем у кого бы то ни было.*— Бородатый посетитель мгновение колебался, словно обдумывая, что еще сказать детективу, и продолжил: — То, что произошло с чашей после распятия Христа, окутано тайной. Одна из легенд свода преданий о короле Артуре гласит, что Иосиф приехал в Англию и привез Грааль с собой. Некоторые оккультные традиции считают, что чаша оказалась в руках Симона-мага. Я даже читал статью о том, что сосуд обнаружился при дворе Карла Великого. — Ашмедай покачал головой. — Кто знает?.. Но на самом деле я полагаю, что правда вовсе не столь колоритна, как любое из этих преданий.

— Грааль вместе с Иосифом Аримафейским исчезли вскоре после погребения Христа. Они растворились во мраке древней истории. И со временем стали легендой. В тысяча девятьсот седьмом году при раскопках неподалеку от Дамаска, в Сирии, археологи обнаружили серебряную чашу изумительной работы, изображения на ней детально передавали события Тайной вечери. Ее сравнили

с подобными произведениями искусства и датировали пятым веком нашей эры.

После тщательных финансовых соглашений с определенными государственными чиновниками археологи продали дамасскую чашу лицу, предложившему самую высокую цену. Сирийский антиквар, действовавший как агент американского миллионера, купил ее за семьсот тысяч долларов. И, как сотни других произведений искусства, она исчезла в стенах обширного калифорнийского поместья.

— Неужели дамасская чаша и Святой Грааль?.. — начал Тейн.

— Одна и та же чаша, — закончил Ашмедай. — Некий умелец, чеканщик по металлу, скрыл чашу Сета под металлическим футляром тончайшей работы, который и предохранял, и скрывал реликвию. После тщательнейшего научного изучения, проводившегося в поместье миллионера, правда стала очевидна: под серебряным чехлом обнаружилась чаша Тайной вечери. На протяжении десятилетий я безрезультатно пытался купить Грааль. Но ее новый владелец отказывался. Причем чем больше денег я предлагал, тем упрямее он становился. После его смерти наследники придерживались той же линии поведения. И вот в этом году, столкнувшись с существенным повышением налогов и вместе с тем со снижением доходов в связи с неразумными инвестициями, они наконец уступили. Грааль стал принадлежать мне, хоть и обошелся в целое состояние.

— Только для того, чтобы его украли, — заметил Тейн.

— Я даже не успел увидеть чашу, — с горечью продолжал Ашмедай. — Прошлой ночью двое охранников, сопровождавшие Грааль, прилетели в аэропорт О'Хара. Около девяти вечера они выехали из аэропорта во взятом напрокат лимузине и направились в мое поместье в Северном Иллинойсе. После этого никто их не видел.

— А что же полиция? — поинтересовался Тейн.

— Они ждут векселя выкупной суммы. Эти идиоты расценивают пропажу как кражу произведения искусства.

— А вы расцениваете по-другому?

— Грааль — самый желанный магический талисман в мире, — ответил Ашмедай. — Я думал, что никто, кроме меня,

не знает, где он находится. Очевидно, я ошибался. Кто-то похитил чашу и хочет использовать в собственных целях. Не знаю, каковы могут быть намерения вора. Но я содрогаюсь от одной мысли об этом, зная присущую Граалю мощь.

Тейн кивнул. В голосе Ашмедая отчетливо слышалась тревога. Однако сомнения детектива по поводу посетителя все еще не развеялись, и он спросил:

— А каковы ваши намерения относительно Грааля?

— Если бы они были дурными, то я бы давно выкрал Грааль, — ответил Ашмедай. — Но вместо этого я ждал, предлагал огромные суммы денег и в конце концов честно приобрел сокровище. Мои намерения никогда не были преступными. — Он сделал паузу. — Я обладаю самой большой в мире коллекцией оккультных редкостей, зачем я ее собираю — вас не касается. И место Грааля именно там, под присмотром и надежной охраной, где ему не станут угрожать происки ничтожеств. — Голос мужчины сделался ледяным. — Мистер Тейн, мне нельзя просто взять и перейти дорогу. Кто бы ни украл Грааль, он поплатится за это. *Жестоко* поплатится.

Тейн заметил, что Ашмедая вовсе не волновала судьба двоих охранников. Ему нужен только Грааль. Все остальное не имело значения.

Детектив произнес, опускаясь в кресло:

— У меня есть несколько соображений по этому поводу. Я сделаю пару звонков. — Через стол он передал посетителю блокнот вместе с ручкой. — Будьте добры, оставьте телефон, по которому я могу связаться с вами.

— Звоните мне в любое время дня и ночи. — Ашмедай быстро написал номер и отдал блокнот Тейну. — Как только определите местонахождение чаши, сразу же дайте мне знать. Я приеду немедленно.

— Если Грааль можно найти — я найду его.

— Именно так мне вас и рекомендовали, — кивнул бородач. — Поэтому я и обратился к вам. Желаю удачи.

Тейн подумал, что в этом деле ему без удачи действительно придется туго.

Семь часов спустя детектив устало толкнул дверь Паучьего логова на северо-западе Чикаго. Ни один из его

обычных источников не дал ключа к разгадке исчезновения реликвии. Поиски хоть сколько-нибудь полезной информации в аэропорту также ни к чему не привели. Тейну оставалось лишь посетить логово Паука, хоть это ему было не по душе. Но надо было поговорить с хозяином этого места, Салом Албанезе, по прозвищу Паук.

Как поговаривали криминалы, эту кличку Албанезе получил из-за своего участия абсолютно во всех нелегальных предприятиях Чикаго. Кражи, махинации с оружием, проституция, наркотики, убийства — все это составляло его каждодневный бизнес. Криминальный босс, словно гигантский паук, оплел своей смертоносной сетью весь Город Ветров.

Другие полагали, что прозвище породила внешность Албанезе. Немолодой гангстер действительно ужасно походил на гигантского паукообразного: был чрезвычайно толст и предпочитал темную одежду. Твердый пристальный взгляд черных как смоль глаз лишь добавлял сходства.

Когда Албанезе был молод, у него произошла схватка с темными силами, но об этом знали только избранные. Кое-кто даже видел ужасные шрамы, изуродовавшие заплывшую жиром спину, и оценил значение прозвища Паук. Одним из этих людей был Сидней Тейн, следователь в области сверхъестественных происшествий.

Тейн вовсе не был поклонником криминальных талантов гангстера, но зато он вместе с Албанезе состоял в одном религиозном Братстве. Именно поэтому детектива тотчас провели в офис главаря преступного мира.

— А, Тейн, — проворчал Албанезе и махнул детективу огроменной ручищей. В другой он держал мясной сандвич размером со ступню. Паук вечно ел, насыщая свое раздутое тело весом три сотни фунтов[1]. — Давно не виделись. Перекусишь со мной?

— Нет, благодарю, — отказался Тейн, кивком приветствуя Тони Бракко и Лео Скалью, телохранителей Албанезе, неотлучно сопровождавших босса.

---

[1] Примерно 135 кг.

Тони, обладавший коренастым телосложением и невысоким ростом, напоминал пожарный насос. Он приветствовал детектива прищуром глаз. Высокий, сухопарый Лео, управлявшийся с ножом с мастерством хирурга, кивнул с ухмылкой. Они с Тейном занимались в одном и том же спортивном зале и не раз вместе боксировали на тренировочном ринге.

Албанезе быстро умял сандвич, потянулся к стоявшему на столе подносу и жадно осушил целую кружку пива, затем поднес ко рту второй сандвич — чудо кулинарного искусства. Гангстер обычно съедал три-четыре таких бутерброда за один раз.

Несколько минут они обсуждали Быков, Медведей и Юниоров. Албанезе внимательно следил за спортивными состязаниями, а ставки помогали оплачивать счета. Наконец гангстер перешел к делу.

— Так с чем пожаловал? — спросил он, вгрызаясь в третий сандвич. Осторожно стер с рубашки крошечные капельки мясного соуса. — Я так понимаю, ты тут не со светским визитом. По делам Братства?

— Нет. Я ищу краденое. Мой клиент готов заплатить изрядную сумму за похищенную у него вещицу. И я подумал, что вы, с *вашими* связями, могли бы мне помочь.

— Всегда рад помочь другу, — сказал Албанезе, откусывая еще кусок. — Так что потерялось-то?

— Серебряная чаша, — ответил Тейн. — Произведение искусства религиозной направленности под названием дамасская чаша.

Сал Албанезе, собравшийся было откусить еще кусок от своего отменного сандвича, замер на полпути, а его челюсти так и остались широко раскрытыми. Секунды шли ровной чередой, и наконец гангстер очень осторожно опустил бутерброд обратно на стол.

— Запылился порядком, — не слишком уверенно объяснил он.

— А чаша?.. — начал Тейн.

Но Албанезе не дал ему договорить.

— Про чашу ничего не знаю, — отрывисто и резко объявил он. — Мои люди не ввязываются в кражу реликвий, Тейн. Не мой стиль.

Огромная туша гангстера излучала злобу. Черные глазки свирепо и вызывающе глядели на Тейна, словно бросая тому вызов опровергнуть его слова. Однако за гневными речами Албанезе Тейн почувствовал что-то еще. Страх.

— Вы точно уверены?.. — предпринял еще одну попытку детектив.

— Ты что, сомневаешься в моих словах, Тейн? — прорычал гангстер, и его огромные руки сжались в кулаки. — Мне не нравится, когда меня называют лгуном.

— Я не хотел вас обидеть, Сал, — заверил его Тейн. Злить криминального главаря попусту было глупо и бессмысленно. — Просто я подумал, что вы, со всеми вашими связями, *должны были обязательно знать обстоятельства кражи.*

— Ничего не слышал, — опять же неубедительно отрезал Албанезе. — А теперь иди, Тейн. Мне нужно поговорить с мальчиками. Нет времени на пустую болтовню.

Тейн повернулся, чтобы уйти, и поймал краем глаза неприметный жест Лео Скальи: высокий охранник стоял к нему вполоборота, поэтому лишь Тейн мог увидеть сигнал руки, означавший «позже». Детектив слегка кивнул, давая понять, что понял, и вышел.

Час спустя Тейн, размышлявший в своем кабинете, снял трубку по первому звонку. На другом конце линии оказался Скалья, голос его звучал приглушенно и был едва различим.

— Ты интересовался чашей? — спросил охранник без лишних слов и приветствий, прямо переходя к делу. — Я знаю, где она.

— У Сала? — спросил Тейн, не зная, кому верить.

— Нет. Он бы не стал связываться с религиозными штуками. Ты ж его знаешь. Но и сказать, что Сал ничего не слышал об этом деле, тоже нельзя. Просто побоялся говорить об этом в клубе. Он подозревает, что кто-то передаст все наши секреты этим сумасшедшим ямайцам. В последнее время Бракко вел себя как-то странно, сорил деньгами, хвастался. Вот босс и велел мне позвонить тебе, будто бы по личному делу. Сал подумал, что тебе хочется знать правду. Сумасшедший Король Ведо умыкнул твою драгайшую чашу.

— Король Ведо? — переспросил Тейн, которого это известие застало врасплох.

Хотя он никогда не встречался с таинственным ямайским владыкой преступного мира, но был немало наслышан о нем. В Чикаго главарь банды ямайцев орудовал меньше года, но уже заработал репутацию беспощадного и жестокого убийцы, причем с извращенным вкусом.

— Сал испуган, и неспроста, — продолжал Скалья. — Ямайские придурки, люди Короля Ведо, сумасшедшие на всю голову. Для них выпустить кишки — глазом моргнуть. Жизнь для них совсем не имеет цены, глупо вставать у них на пути. Если ублюдкам не понравится кто-то — он мертвец. — В голосе Скальи слышались нотки страха. Он продолжал: — Джой Вентура совершил ужасную ошибку, перейдя дорожку Королю Ведо. Пожадничал, доставляя кокаин, и прихватил с собой кое-что из товара, за который не платил. Глупость. Так эти ямайцы вытащили Джоя прямо из ресторана средь бела дня. Расстреляли троих случайных свидетелей, которым хватило ума вмешаться. Как я тебе уже говорил, жизнь для этих дьяволов — ничто. — Тут голос Скальи понизился до шепота. — Для Джоя Король Ведо придумал особую казнь. И назвал ее демонстрацией устрашения. Маньяк отрезáл пальцы у Джоя на руках и ногах, по одной фаланге, и заставлял проглатывать кусочки. Несчастный ублюдок умер только через три дня. Ну что, понял, с чего Сал теперь такой замкнутый?

— Отлично понял, — подтвердил Тейн. — Есть идеи, почему Король Ведо подрезал чашу? Может, хочет денег?

— Ничего определенного сказать не могу. Но Королю Ведо деньги не нужны: он срывает неплохой куш на торговле наркотиками. На улицах поговаривают, что ямайцы погрязли в черной магии. Может, он полагает, что эта твоя чаша обладает способностью наделять владельца какими-то мистическими возможностями. Кто ж разберет этих сумасшедших идиотов.

— Точно, — ответил Тейн, лихорадочно отыскивая решение проблемы. Король Ведо и Святой Грааль вместе являли собой термоядерную смесь. Необходимо вернуть

реликвию. — Может, мне стоит поговорить с Королем о возвращении чаши? Знаешь, где он обитает?

— Мужик, да ты рехнулся. Скажешь хоть одно неверное слово — и выродок вырвет твое сердце. Причем собственными ногтями.

— Ну, это моя забота. Где он осел?

— На южной окраине, около пересечения Двадцать шестой улицы и железнодорожных путей. — Охранник задумался на мгновение и выругался. — Слушай, ямайцы, может, и дадут тебе войти в свою берлогу, но уж выбраться оттуда тебе точно не удастся. Может, передумаешь?

— Не могу, — отрезал Тейн. — Работа у меня такая.

— В таком случае тебе нужна поддержка, — сказал Скалья. — И кажется, ею могу стать я. Встретимся там через час. На углу Двадцать шестой и железнодорожной насыпи. Только не опаздывай, не то я могу запаниковать и удрать.

— Приду вовремя, — заверил его Тейн и повесил трубку.

В назначенное место детектив приехал сразу после полуночи. Фонари освещали пустынную улицу жутковатым янтарным светом. По обеим сторонам выстроились в ряд обширные публичные дома, их силуэты на фоне ночного неба напоминали древние могильники. Из дверного проема ближайшего здания ему махнул притаившийся там Лео Скалья. Тейн быстро обвел взглядом окрестности, вышел из машины и присоединился к бандиту.

— Что там происходит? — шепотом спросил детектив.

— Нам повезло, — ухмыльнувшись, ответил Скалья. — Король Ведо вместе со своими головорезами уехал поразвлечься. Один из осведомителей Сала полчаса назад видел их в «Коззи-клабе». Похоже на то, мы без проблем успеем найти эту чашу и смыться до возвращения ямайцев. Этот сукин сын самоуверен до невозможности, и я сомневаюсь, что он выставил караул.

— Уж очень все просто, — произнес Тейн, подозрительно глядя на Скалью. — Отчего ты так стремишься мне помочь, Лео? Что-то я не припомню, чтобы тебя когда-нибудь тянуло рисковать без нужды.

— Отвали, Тейн. — Скалья скользил взглядом по пустынной улице. — Сал жаждет падения Короля Ведо. Хо-

чет, чтобы я тебе помог. Сала возвысит все то, что посадит Короля Ведо в лужу. Я следую приказам босса. К тому же мы с тобой друзья. — Лео открыл дверь публичного дома со словами: — Следуй за мной и не шуми. Все-таки внутри может оказаться охрана. Позади этого дома — берлога Короля Ведо. Возможно, именно там он прячет чашу.

Вдвоем они тихо крались вперед. Для мужчины своего роста Тейн двигался с удивительным изяществом. Лео Скалья скользил во мраке тьмы, словно гигантская змея в поисках добычи. Они прошли мимо сложенных в ряды ящиков, заполненных неизвестно чем, и тишину затхлого воздуха нарушали лишь тихие звуки их дыхания. Наконец они добрались до противоположного конца здания.

— Вот здесь, — тихонько шепнул на ухо Тейну Лео, указывая на конторку техника, притулившуюся на стыке двух стен. — Свет выключен. Вроде как там никого.

Мужчины достали револьверы.

— Иди первым, — сказал Скалья. — Ведь ты знаешь, чего искать. Я прикрою.

Тейн осторожно повернул ручку двери. Замок оказался незапертым, и дверь подалась без усилий. Детектив чуть-чуть приоткрыл дверь. Внутри темнота оказалась ничуть не менее густой, чем снаружи. Медленно, очень медленно Тейн проскользнул внутрь.

И оказался прямо напротив худощавого темнокожего мужчины, сидящего за широким столом. Это и был Король Ведо. А по бокам его возвышались двое ямайцев весьма внушительного телосложения. Оба целились Тейну в живот из пистолетов-пулеметов «скорпион».

— Мистер Тейн, — с приторной улыбочкой проговорил Король Ведо. — Как мило с вашей стороны, что заскочили.

За спиной детектива распахнулась дверь.

— Прости, дружище, — донесся до него голос Лео Скальи. — Но приказ есть приказ.

Потом что-то твердое и жесткое обрушилось на его череп, и больше Тейн ничего не слышал.

Когда сознание вернулось к детективу, он обнаружил, что сидит, прочно привязанный к тяжелому деревянному

стулу. Он находился в той же самой комнате, на этот раз ярко освещенной. Напротив него за широким столом расположился Король Ведо, за спиной которого возвышались двое громадных телохранителей. Лео Скалья, скрестив на груди руки, лениво привалился к большому металлическому шкафу.

— Так это *ты* доносчик! Осведомитель среди людей Албанезе! — воскликнул Тейн, поражаясь собственной глупости. — Вовсе не Бракко?

— И что из этого? — усмехнулся Скалья. — Когда я позвонил Королю и рассказал, что ты разыскиваешь чашу, он приказал мне заманить тебя. Самое легкое задание, которое мне приходилось когда-либо выполнять. Ты так ничего и не заподозрил.

— Я так доверчив, — ответил Тейн. Тот, кто привязал его к стулу, забрал и его револьвер, и нож из ножен у лодыжки. Но зато они не нашли лезвие бритвы, спрятанное в рукаве рубашки. Осторожно он начал перерезать веревки, связывающие запястья. — Почему-то я все еще верю своим друзьям.

— Скверная привычка, мистер Тейн, особенно для частного сыщика. — Голос Короля Ведо звучал тихо, но отчетливо, в произношении едва улавливался английский акцент. — Но вы, конечно же, отнюдь не заурядный детектив. Именно поэтому я поручил Лео привести вас сюда. Вы будете мне крайне полезны, мистер Тейн. Очень, очень полезны.

Потянувшись в ящик стола, Король Ведо достал оттуда незамысловатый гладкий деревянный кубок. Тейн знал, что возраст чаши исчисляется тысячелетиями, но на ее матовой поверхности не было ни царапины.

— Святой Грааль, — проговорил Король Ведо, не обращаясь конкретно ни к одному из присутствующих. — Без того дурацкого серебряного убранства выглядит на редкость обычно. Но, как мы все прекрасно знаем, внешность обманчива.

Король Ведо встал из-за стола, держа чашу в одной руке, — невысокий сухопарый мужчина с приятными, правильными чертами лица, но взгляд узких свирепых глаз придавал облику скрытую жестокость.

— Вот взять, к примеру, меня, — продолжал он, обогнув стол и остановившись всего в нескольких футах от Тейна. — У меня дурная слава ошалелого бандита, которую я всячески поддерживаю и приветствую. Мне на руку страх людской, мистер Тейн. Но ни один из моих врагов или даже моих друзей не подозревает, что я знаток черной магии. Ведь только несколько избранных знают, что колдовство существует на самом деле. — Король Ведо рассмеялся. — Образование я получил в Англии. Мой отец, богатый плантатор, в своих мечтах видел во мне наследника, который займется расширением и приумножением семейного бизнеса. Но уже тогда у меня были другие планы. Представьте мое изумление, когда я обнаружил, что мой профессор истории практикует черную магию. Как-то раз, зайдя к нему домой с бумагами, я застал профессора за наложением заклятия на одного из его факультетских соперников. Тут же почувствовав мой интерес к темному искусству, он предложил стать его учеником. — Глаза ямайца сузились. — Конечно же, не бесплатно.

Тейн скривился. Темные колдуны непременно взимали плату за услуги. Гонорар выплачивался кровью.

— За три года обучения я многое узнал у профессора Харви. Он обучил меня некоторым, весьма необычным деловым методам. Я довольно успешно применял его тактику. Около десяти лет назад я расстался с профессором в хороших отношениях и за последние годы ни разу с ним не общался.

Тейн не проронил ни слова, торопливо пытаясь перерезать удерживающие его веревки. Бандиты не прочь похвалиться своими способностями. И Король Ведо не устоял перед подобным искушением. Окруженный ворами и отборными головорезами, ямаец обрадовался случаю порисоваться перед Тейном. Детективу стало совершенно ясно, что бандит намеревается убить его, — ведь мертвые никогда не выдают секретов.

— Поэтому я был удивлен, когда профессор внезапно позвонил мне неделю назад, — продолжал Король Ведо. — Харви отнюдь нельзя назвать сентиментальным человеком, и потому он сразу приступил к делу. Речь шла о Святом

Граале и его появлении в Чикаго. Профессор просил моей помощи в похищении реликвии, посулив мне несметные богатства за сотрудничество. Я вызвался помочь. Правда, выгоду из соглашения извлек лишь я один. — Харви предоставил мне информацию, и мои люди перехватили курьеров со Святым Граалем, убили обоих и увезли чашу. Вместо того чтобы передать ее профессору, я оставил чашу себе. Старый дурак должен был понимать, что не стоит доверять кому-то вроде меня. У меня свои планы на Грааль. И они касаются вас, мистер Тейн.

По спине детектива пробежал холодок. Это замечание ему не понравилось.

— Меня? — переспросил детектив, лишь бы еще немного протянуть время. Разрезать веревки оказалось непросто. — Почему же именно меня?

— Сидней Тейн — детектив в области неведомого, — кривя губы в слабой ухмылке, проговорил Король Ведо. — Все я про вас знаю, мистер Тейн. Ведь те, кто практикует черную магию, предпочитают не выпускать из виду своих врагов. Думаю, это слово как нельзя больше вам подходит. *Враг.*

Король Ведо осторожно поставил чашу Сета на стол, скрестил на груди руки и с издевкой покачал головой:

— Если я — воплощение зла и черная душа, то вы, мой друг, напротив, не воплощение ли добра и светлой души? И праведности?

Тейн содрогнулся. Слова Короля Ведо задели болезненную струну в его душе. Наконец он понял, куда клонил ямаец: древний ритуал черной магии, колдовской ритуал крови. Очевидно, на лице детектива отразилось беспокойство, вызванное этим открытием, и бандитский главарь рассмеялся.

— Если чаша Чистоты — твоя цель, — нараспев произнес он слова пугающей власти, — возьми семь капель крови от души праведника.

Король Ведо обошел стол и вновь сел в кресло. С улыбкой запустил руку в ящик стола и вынул оттуда полиэтиленовый пакет с белым порошком.

— Кокаин, — подтвердил он невысказанную догадку Тейна. — Неплохой порошок, но не скажешь, что безу-

пречный. Не совсем чистый. — И главарь наклонился вперед, впившись взглядом в пленника. — Чем чище наркотик, тем круче балдеж. Этим отличается кокаин. Любой наркоман знает это. Но вот беда: никакая система очистки не может отфильтровать все примеси. Каким бы хорошим ни был кокаин, отличным он никогда не будет. Никогда не будет абсолютно чистым.

— Уж не собираетесь ли вы... — начал было Тейн, придя в ужас от намерения бандита.

— Ну конечно же собираюсь, мистер Тейн, — кивнул Король Ведо. — Отчего же нет. В соответствии со всеми средневековыми легендами Святой Грааль очищает все, с чем соприкасается. Налитая в чашу вода превращается в вино, а хлеб бедняка — в пирожное. Посмотрим, правда ли это. — Ямаец открыл пакет. — Подумайте о том, каков будет спрос, мистер Тейн. Представьте себе самый чистый в мире кокаин, который есть только у меня. Я буду устанавливать цены. Да я смогу запатентовать его! — Король Ведо кивнул Скалье: — С собой ли у тебя твой проворный ножик, Лео?

— Конечно, — тут же ответил тот, вытаскивая карманный нож с шестифутовым выбрасываемым лезвием. Нож раскрылся с легким свистом, и металл сверкнул в ярком свете. — Никогда не расстаюсь с ним.

— Возьми чашу! — приказал Король Ведо. — Окропи ее семью каплями крови мистера Тейна.

— Как скажете, — сказал Лео, изящно балансируя ножом в одной руке, а чашей в другой. — Хотите, чтобы я перерезал ему горло?

— Эх, Лео, Лео, Лео, — словно потрясенный до глубины души, возмутился Король Ведо. — Как нерационально. Каждый раз, когда мы будем совершать ритуал, нам потребуется кровь праведника. А в Чикаго не так много праведников. — Голос ямайца зазвенел стальной жестокостью. — В наших интересах сделать так, чтобы мистера Тейна нам хватило на долгое время, на очень-очень долгое время.

— Ну что ж, босс — вы, и решаете тоже вы, — пожав плечами, ответил Скалья.

Холодное лезвие небрежно скользнуло под верхнюю пуговицу рубашки Тейна. Сделав едва заметное движение запястьем, бандит разрезал тонкую ткань.

— Вот так непруха, приятель, — пробормотал он, склонившись над Тейном с чашей Сета. — Но приказ есть приказ.

Последовало еще одно движение ножа. Тоненькая красная лента крови сбежала по груди Тейна. Скалья осторожно собрал ее.

— Семь капель, — наказал Король Ведо. — Не больше и не меньше.

— Собрал, — сообщил Скалья, распрямился, держа чашу перед собой. — И что теперь?

Главарь раскрыл пакет с кокаином, мизинцем небрежно помешал белый порошок.

— Я читал, что кровь мгновенно активирует магические свойства чаши. Посмотрим, что же случится с кокаином.

Скалья зарычал — звериный рык нарастал где-то в глубине его груди и рвался наружу. Безумный вопль, заставший всех врасплох. Пораженный Тейн моргнул, когда черты лица держащего Грааль исказились внезапной яростью.

— Ты, грязный сукин сын! — завопил Скалья, хватаясь за револьвер.

Раздались выстрелы, и в комнате запахло порохом. Все тело Скальи заливала кровь. Словно гротескная хмельная марионетка, он качался взад и вперед, отбрасываемый вгрызающимися в торс пулями.

— Осторожно, чаша! — вскочив, заорал Король Ведо, и лишь его голос выдавал охватившую бандита панику. — Не попадите в нее!

Горячая кровь хлестала из множества ран, и, судя по всему, Скалья должен был бы уже быть мертв, но он жил. Лишь ярость пока удерживала его среди живых. Необъяснимым образом ему удалось вытащить револьвер и открыть ответный огонь. Тейн, так и не поняв, в чем дело, изо всех сил трудился над последними витками удерживающей его веревки. Освободившись от пут, детектив упал на пол. Безоружный, он не хотел принимать ни сторону Скальи, ни головорезов Ведо.

Выстрелы смолкли так же внезапно, как и начались. Тишина эхом звенела в маленькой комнате. Оба охранника вышли из строя: одному пуля угодила прямо в сердце, а второму раздробила нос, превратив его в кровавое месиво, и пробила голову насквозь.

Скалья растянулся поперек стола Короля Ведо, продолжая крепко сжимать в руках Грааль. И — о чудо! — искра жизни все еще теплилась в его глазах.

— Не люблю я предателей, Лео, — сказал Король Ведо, вставая с пола по другую сторону стола, крепко сжимая стилет. Говорил он спокойно, без малейших признаков злости. — Ты взял у меня деньги и предал своего босса. Но, видимо, он заплатил тебе еще больше, чтобы ты обманул меня. — Король покачал головой. — Скверный выбор, Лео.

Скалья приподнял голову.

— Ты, мразь! — задыхаясь, проговорил он, сумасшедшие глаза горели ненавистью. — Никто не платил мне...

— Довольно лжи, — прервал его Король Ведо и жестоким ударом кинжала перерезал Лео горло.

Тело бандита выгнулось в агонии, а жизнь вместе с кровью вытекала на деревянную столешницу. Последний вдох — и он замер, мертвый.

— Даже не пытайтесь предпринять что-то, мистер Тейн, — продолжал Король Ведо, и в его руке как по волшебству появился автомат сорок пятого калибра. Он даже не взглянул на убитого. — Пожалуйста, медленно встаньте с пола. И руки за голову.

Тейн поднялся. На таком расстоянии Король Ведо не промахнется. Похоже на то, что ямайца ничуть не волновала мгновенно учиненная им жестокая расправа.

— Я никогда не впадаю в панику, — отчетливо произнес он, словно отвечая на мысли Тейна. Не сводя с него взгляда, главарь нагнулся за Граалем. — Поэтому я всегда побеждаю. Поэтому я — Король.

Впившись пальцами в край деревянной чаши, Король Ведо вырвал Грааль из мертвой хватки Скальи со словами:

— Я думал, что Лео можно верить, но оказалось не так. Впрочем, не важно.

Дуло автомата даже не шевельнулось, все так же направленное прямо в Тейна.

— Двоим удастся сохранить тайну, если один из них мертв, мистер Тейн, — отчеканил Король. — Прощайте.

Отчаянным броском детектив метнулся в сторону. Один из мертвых телохранителей Короля все еще сжимал в руке револьвер. Надежда вовремя схватить оружие была невелика, но то был единственный шанс Тейна. Он бросился туда, каждую секунду ожидая автоматной очереди, страшась почувствовать пулю, взрезающую мышцы спины. Но, как ни странно, ничего такого не произошло. Детектив перекувырнулся, зажав в руке оружие мертвеца. И остановился как вкопанный, застыв от изумления.

Король Ведо не шевелился, словно прирос к полу. На лбу крупными каплями выступил пот. Безумие исказило лицо гримасой неописуемой боли. Автомат сорок пятого калибра больше не угрожал Тейну. Наоборот, дуло было приставлено к самому лбу гангстера. Дикий взгляд Короля нашел глаза Тейна с безмолвной мольбой о помощи. Но было уже поздно. Палец Ведо с силой надавил на курок. Раздался лишь один выстрел, и все смолкло.

— Очень интересно, если не сказать — удивительно, — произнес человек, называвший себя Ашмедаем. — Во многих легендах Грааль называют чашей предательства. — Он замолчал и покачал головой, словно его охватило разочарование. — Вполне заслуженное наименование. Слишком многих предали. Интересно, успел ли Король Ведо постичь правду?

— Думаю, да, — ответил Тейн, не сводя взгляда со Святого Грааля, стоявшего между ними посреди стола. — В последнее мгновение, думаю, он распознал западню, в которую угодил. Но тогда он уже сжимал чашу и ничего не мог предпринять. Можно сказать, это был акт правосудия, пусть и жестокого.

Ашмедай пожал плечами и потянулся за чашей.

— Глупцы не понимают, что Грааль очищает *все*, с чем соприкасается, — сказал он. — В том числе тех неразумных *людей, которые держат его.*

Тейн кивнул, все еще созерцая чашу.

— Душевный конфликт уничтожил обоих. Раскаяния было недостаточно. Скалья больше не мог служить злу и попытался его уничтожить. А Король Ведо, ошеломленный собственными страшными преступлениями, предпочел покончить жизнь самоубийством. — Помолчав, детектив продолжил: — И вы рискнете взять чашу? Я принес ее сюда в коробке, которую отыскал в кабинете Короля Ведо. Сам я никогда не прикасался к Граалю.

— Чары быстро перестают действовать, — уверенно заявил Ашмедай, поднимая Грааль со стола. — Неспроста Иосиф спрятал чашу в серебряном чехле. Ни один простой смертный не может коснуться Грааля и потом остаться самим собой. Не существует человека, который был бы до такой степени праведен. — Бородач, задумчиво улыбаясь, внимательно рассматривал чашу. — Сколько лет, сколько лет...

— Теперь, когда вы обрели... — начал было Тейн.

— Грааль отправится в мою коллекцию, — ответил Ашмедай, не сводя взгляда с чаши. — Где он и пребудет вне пределов досягаемости людей до поры до времени.

— Вы назвали его чашей предательства? — спросил озадаченный Тейн. Хотя он тщательнейшим образом изучал оккультные науки, но никогда не встречал подобного названия.

Ашмедай поставил чашу на стол. Из-за темных линз очков на Тейна уставились невидимые глаза.

— Чашу подарил Христу один из Его учеников, — ответил бородач, и в голосе его прозвучала страшная усталость. — Тот, который все сомневался и решил использовать Грааль в качестве окончательного испытания. Так началась история предательства — и вечное проклятие. — Ашмедай вздохнул: — Ну теперь-то вы поняли?

— Да, — ответил Тейн.

Больше он не желал увидеть глаза, скрывающиеся за темными очками.

ДАРРЕЛЛ ШВЕЙЦЕР

Стать чернокнижником

Существует небольшая группа авторов фэнтези, которых я считаю наследниками Лорда Дансени — величайшего мастера этого жанра. Дансени превосходно умел создавать правдоподобные магические миры, населенные не всегда героями: действующими лицами чаще становились божки, злодеи или нарушители спокойствия. Умел он придумывать и подходящие имена для своих персонажей, столь поразительно чуждых нашему миру. Взять, к примеру, дракона Тарадавверуга и волшебника Аллатуриона из «Крепости, непобедимой для всех, кроме Сакнота». Подражать Дансени пытались многие, но мало у кого это хорошо получалось. Среди продолжателей традиции, начатой Дансени, можно назвать Джека Вэнса, Кларка Эштона Смита (с которым читатель уже успел познакомиться), Майкла Ши, а также блистательного мастера, с которым мы вас сейчас познакомим, — Даррелла Швейцера (родился в 1952 г.). С 1991 года Швейцер пишет рассказы о чернокнижнике Секенре. Первым был написан публикуемый здесь рассказ, который номинировался на премию «World Fantasy Award»; впоследствии произведение было переработано автором и стало началом романа «Маска чернокнижника» (1995).

Вне сомнения, величайший из богов — это Сурат-Кемад, ибо господствует он как над живыми, так и над мертвыми. Великая река берет начало из уст его; Река есть голос и слово Сурат-Кемада, и вся жизнь происходит из Реки. Мертвые возвращаются к Сурат-Кемаду по водам или под водой, влекомые неким неведомым течением обратно во чрево бога. Каждый день получаем мы напоминания о Сурат-Кемаде, ибо он сотворил крокодила по образу своему.

Я, Секенре, сын чернокнижника Ваштема, расскажу вам об этом, ибо все это — правда.

I

То, что отец мой — волшебник, я знал с раннего детства. Разве не говорил он с ветрами и водами? Я много раз слышал, как он ведет с ними беседы поздно ночью. Разве не заставлял он вырываться из своих рук пламя, лишь сомкнув и вновь открыв ладони? И он никогда не обжигался, ибо огонь был холоден, как речная вода зимой.

Однажды он открыл ладони, и появилась сверкающая алая бабочка из бумаги и проволоки, но живая. Месяц она летала по дому. Никто не мог поймать ее. Я плакал, когда она умерла и погас свет ее крыльев, оставив после себя лишь полоску пепла.

А еще он владел волшебством рассказчика. К одной из своих историй он каждый раз добавлял продолжение; героем был птенец цапли, которого остальные птицы вытолкали из гнезда за то, что ноги у него были короткие; к тому же у птенца не было ни клюва, ни перьев. Его можно было принять за человека, настолько он не походил на птицу. Посему изгнанник долго странствовал и пережил много приключений среди богов в дальних странах, среди привидений в земле мертвых. Каждый вечер в течение почти целого года отец нашептывал мне продолжение этой истории, будто особую тайну, известную лишь нам двоим. И я никому ее не раскрывал.

Мать тоже умела делать кое-какие вещи, но не выпускала из ладоней пламя и не творила живых существ. Она сооружала геваты — те самые штуки из дерева, проволоки и бумаги, которыми славится Город Тростника. Иногда это были маленькие фигурки, висевшие на палочках и будто оживавшие под дуновением ветра, иногда — огромные переплетения кораблей и городов, звезд и гор. Все это подвешивалось под потолком и медленно вращалось в изощренном и бесконечном танце.

А однажды летом ее свалила лихорадка, когда мать много недель трудилась над одной-единственной сложнейшей работой. Никто не мог остановить мать. Отец заставлял ее ложиться спать, но она вставала и во сне продолжала работу над геватом, и в конце концов по всем

комнатам нашего дома зазмеилось огромное существо с раскрашенной деревянной чешуей, подвешенное на бечевках под самым потолком. Наконец мать сделала своему созданию наполовину лицо, наполовину крокодилью морду, и даже я, которому в те времена было всего шесть лет, понял, что это изображение Сурат-Кемада — бога-пожирателя.

Когда подул ветер, это изображение стало извиваться и заговорило. Мать завопила и упала на пол. А потом геват просто исчез, и никто не знал, что с ним стало. Придя в себя, мать не могла вспомнить, что с ней случилось.

Однажды вечером, сидя у очага, она объяснила, что произошло что-то вроде пророчества. Когда говоривший дух уходит, тот, кто видел его, становится похож на перчатку, сброшенную кем-то из богов. Мать совершенно не представляла, что и почему она сделала, — знала только, что через нее говорил бог.

Мне кажется, даже отец испугался, когда она сказала это.

В тот вечер он рассказал мне еще одну историю про мальчика-цаплю. А потом и его покинул дух — тот, что посылал ему этот рассказ.

Наверное, отец был величайшим волшебником во всей Стране Тростников, ибо в дни моего детства дом наш никогда не пустовал. Люди приходили со всего города и с болот; некоторые по нескольку дней проводили в лодках на Великой реке, надеясь купить у отца снадобья и приворотные зелья или получить предсказание судьбы. Иногда они покупали и геваты моей матери: священные — для поклонения, или в память об усопших, или просто игрушки.

Мне не казалось, что я чем-то отличаюсь от других мальчишек. Один из моих друзей был сыном рыбака, отец другого приятеля делал бумагу. И я был таким же ребенком, сыном волшебника.

А в той истории мальчик-птица считал себя цаплей...

Когда я стал постарше, отец начал таиться от людей, и покупателей он допускал теперь не дальше чем на по-

рог. Отец выносил пузырьки со снадобьями к дверям. Потом к нам и вовсе перестали ходить.

Внезапно дом опустел. По ночам я слышал странные звуки. Среди ночи отца снова начали посещать какие-то люди. Думаю, что он вызывал их к себе против их воли. Они приходили не затем, чтобы что-то купить. В такое время мать, меня, мою сестру Хамакину отец запирал в спальне и запрещал нам выходить.

Однажды я подглядел в щелку между рассохшимися досками двери и увидел в блеклом свете лампы, стоявшей у нас в коридоре, согбенную, тощую как скелет фигуру. От посетителя смердело, как от давно разложившейся туши, пропитанной водами реки, над которой стоял наш дом.

Вдруг пришедший свирепо глянул в мою сторону, как будто знал, что я все это время там прятался, и я отвернулся, тихонько вскрикнув. После этого мне долго еще снилось это ужасное лицо со впалыми щеками.

Мне было десять лет, Хамакине — только три. А у матери уже начали седеть волосы. Мне кажется, тьма началась в тот год. Медленно и неумолимо из волшебника, творившего чудеса, отец превращался в чернокнижника, вызывавшего ужас.

Дом наш стоял на самом краю Города Тростника, там, где начиналось огромное болото. Жилище наше было просторным, отец купил его у жреца. Над домом громоздились деревянные купола, некоторые комнаты как-то накренились, окна по форме напоминали глаза. Стоял дом на деревянных сваях в конце длинного причала, так что можно было считать, что он находился вне городской черты. Прогулявшись по причалу, можно было выйти туда, где одна за другой тянулись улочки, застроенные старыми домами; некоторые из них пустовали. Затем шли улицы писцов и бумажных дел мастеров, а дальше начинались огромные доки, где стояли на якоре речные суда, похожие на дремлющих китов.

Под нашим домом был плавучий док. Я мог сидеть в нем и наблюдать за тем, что творится в самом низу горо-

да. Передо мной простирались все эти сваи и бревна — будто лес, темный и бесконечно загадочный.

Иногда мы с мальчишками отправлялись на наших плоских лодках, отталкиваясь веслами, куда-то в темноту. Мы забирались в заброшенный док на кучу хлама или на песчаную отмель и играли в наши тайные игры; и тогда остальные всегда просили меня показать чудеса.

При всякой возможности я отказывался — с огромным таинственным достоинством — разоблачать страшные тайны, о которых сам вообще-то знал не больше, чем друзья. Иногда я показывал какой-нибудь трюк, основанный на ловкости рук, но зрители чаще всего оставались разочарованы.

Но они все же терпели меня в компании, надеясь, что когда-нибудь я открою им нечто большее, а еще потому, что боялись моего отца. Когда темнело, они боялись его еще сильнее, и в сумерках я странствовал на лодке среди бесконечных деревянных свай, подпиравших город, совсем один.

Тогда я не вполне понимал, что происходит, но отец и мать все чаще ссорились. В конце концов, как мне кажется, и она стала его слишком бояться. Мать заставила меня поклясться, что я никогда не стану таким, как отец, и «никогда-никогда» не буду делать того, что сделал он. И я поклялся священным именем Сурат-Кемада, не очень понимая, чего я обещал не делать.

Однажды ночью, когда мне уже исполнилось четырнадцать, я неожиданно проснулся и услышал, что мать воет, а отец что-то сердито кричит. Голос его был резким, искаженным, временами почти нечеловеческим, и я решил, что отец произносит проклятия на неизвестном мне языке. Затем раздался грохот — попадали глиняная посуда и доски, — и наступила тишина.

Хамакина села на мою кровать:

— Ах, Секепре, что это?

— Тише, — ответил я, — сам не знаю.

Потом мы услышали тяжелые шаги, и дверь спальни распахнулась. В дверном проеме стоял отец. Лицо его было бледным, глаза широко раскрытыми, странными; в ру-

ке он держал фонарь. Хамакина отвернулась, чтобы не видеть его взгляда.

Он постоял так с минуту, будто не видя нас, и постепенно выражение его лица смягчилось. Казалось, отец что-то припоминает, как бы выходя из транса. Потом он заговорил, то и дело запинаясь:

— Сын, от богов у меня было видение, но это видение — твое, и по нему тебе предстоит повзрослеть и понять, какой должна быть твоя жизнь.

Я был скорее ошеломлен, чем испуган. Встал с постели. Под моими босыми ногами был деревянный пол, гладкий и холодный.

Отец заставлял самого себя держаться спокойно. Он дрожал, вцепившись пальцами в дверной косяк, и пытался сказать что-то еще, но слов было не разобрать. Зрачки его вновь расширились, и взгляд стал диким.

— Это было сейчас? — спросил я, сам не понимая, что говорю.

Отец шагнул вперед. С силой схватил меня за одежду. Хамакина захныкала, но он не обратил на нее внимания.

— Боги шлют видения не тогда, когда нам это удобно. Сейчас. Ты должен отправиться на болота прямо сейчас, и видение придет к тебе. Оставайся там до зари.

Он вытащил меня из комнаты. Я успел взглянуть на сестренку, прежде чем отец закрыл дверь на задвижку снаружи. Хамакина оказалась взаперти. Отец задул фонарь.

В доме было совершенно темно, пахло речным илом и кое-чем похуже. Можно было различить легкий запах гари, а еще смердело разложением.

Отец поднял люк. Внизу, в плавучем доке, стояли на якоре все наши лодки.

— Спускайся. Сейчас же.

Я стал спускаться на ощупь, дрожа от страха. Дело было ранней весной. Дожди почти прекратились, но еще не совсем, и воздух был холодный, полный мельчайших невидимых брызг. Отец закрыл люк у меня над головой. Я нашел свою лодку и залез в нее, сел в темноте, скрестил ноги и спрятал ступни под полы халата. Один, потом и другой раз что-то заплескалось неподалеку. Я сидел непо-

движно, крепко сжимая весло, готовый обрушить его на то неизвестное.

Постепенно тьма рассеялась. Вдалеке, за болотами, из-за редеющих туч выглянула луна. Вода засверкала: то серебристая волна, то черная тень... И лишь тогда я разглядел вокруг моей лодки то, что показалось мне вначале сотнями крокодилов. Их морды едва поднимались над поверхностью реки и глаза сверкали в призрачном лунном свете.

Чтобы не закричать, мне пришлось напрячь всю свою волю. И я понял, что это уже начало моего видения: иначе такие твари давно перевернули бы мою лодку и сожрали меня. Да и в любом случае их было слишком много, чтобы принять их за существа, созданные природой.

И, только нагнувшись, чтобы бросить якорь, я увидел совершенно ясно, что это были даже не крокодилы. Человеческие тела, бледные, как у утопленников спины и ягодицы... Это были эватим — посланники бога реки. Их никто никогда не видит, как мне рассказывали, кроме тех, кому суждено вскоре умереть, или тех, с кем желает говорить бог реки.

Значит, отец говорил правду. Видение было. Или же мне предстояло умереть — очень скоро и на этом самом месте.

Отталкиваясь веслом, я очень осторожно отогнал лодку немного в сторону. Эватим отплывали в стороны, освобождая мне путь. Я ни одного не задел концом весла. Я услышал, как в темноте, позади меня, кто-то спускается по лестнице в док. Затем в воду плюхнулось что-то тяжелое. Эватим зашипели, все как один. С таким звуком зарождается сильный ветер.

Много часов, как мне показалось, лодка шла среди свай и столбов; временами я нащупывал путь веслом. И вот наконец я оказался в открытых и глубоких водах. На некоторое время я вверил лодку течению и оглянулся на Город Тростника, притаившийся среди болот, подобно огромному дремлющему зверю. Кое-где мерцали фонари, но в городе было темно. По ночам здесь никто не выходит, потому что на закате комары начинают летать целыми

тучами, плотными, как дым, и еще потому, что на болоте полно привидений, поднимающихся из черной топи, словно туман. Но в первую очередь люди страшатся встречи с эватим — крокодилоголовыми слугами Сурат-Кемада, что выползают в темноте из воды и шагают, будто люди, по пустым улицам города, волоча за собой хвосты.

Там, где город подходил к глубоким водам, стояли на якоре корабли — это были круглобокие, нарядно разрисованные суда, поднявшиеся по реке из Города в Устье. На многих ярко горел свет, оттуда доносились музыка и смех. Матросам из дальней страны чужды наши обычаи, и наших страхов они не разделяют.

В Городе Тростника все мужчины, не считая нищих, носят брюки и кожаные туфли. Дети ходят в просторных халатах и босиком. В очень холодные дни, каких в году немного, они либо кутают ноги в тряпки, либо остаются сидеть дома. Когда мальчик становится мужчиной, отец дарит ему туфли — таков древний обычай. Никто не знает, почему так повелось.

Отец отправил меня из дому в такой спешке, что я даже не успел надеть плащ. Поэтому всю ночь я промучился, тихо стуча зубами; руки и ноги онемели, и грудь изнутри обжигал холодный воздух.

Свою лодку, насколько это было возможно, я направлял на мелководье, пробираясь среди трав и тростника от одного пятна чистой воды к другому, склоняя голову под ветвями растений, иногда расчищая себе путь веслом.

Мне явилось в некотором роде видение, но было оно совершенно раздробленным. Я не понял, что пытался сказать бог.

Луна закатилась как будто слишком быстро. Река проглотила ее, и мгновение лунный свет вился по воде, будто созданный матерью тысячесуставный образ крокодила, наполненный светом.

Я положил весло на дно лодки и перегнулся через край, пытаясь разглядеть лицо отражавшегося существа. Но увидел лишь взбаламученную воду. Вокруг меня высился засохший камыш, похожий на железные прутья.

Я пустил лодку по течению. Один раз я увидел крокодила — огромного, медлительного от старости и холода; во́ды реки несли его, точно бревно. Но это было просто животное, а не один из эватим.

Чуть позже я остановился в стоячем пруду, где плавали по черной воде, будто куски ваты, сонные белые утки. Прокричали ночные птицы, но я не понял, что они хотели мне сказать.

Я посмотрел на звезды и по движению светил понял, что до зари остается не более часа. Тогда я отчаялся и призвал Сурат-Кемада, и попросил его послать мне мое видение. Я не сомневался, что придет оно от него, а не от какого-либо иного бога.

И в то же время я страшился, потому что не подготовился и ничего не мог принести в жертву.

Но Сурат-Кемад — Тот, У Кого Ужасные Челюсти, — не разозлился, и видение пришло.

Моросивший дождик утих, но воздух стал еще холоднее. Я, мокрый и дрожащий, свернулся клубочком на дне лодки, прижав руки к груди и судорожно стиснув весло. Наверное, я спал. Но тут кто-то очень осторожно тронул меня за плечо.

Я испугался и сел, но незнакомец поднял палец, показывая, что мне следует молчать. Я не видел его лица. На нем была серебряная маска луны, крапчатая и шершавая, с лучами по краям. Белая мантия, доходившая ему до щиколоток, слегка вздувалась от порывов холодного ветра.

Жестом он велел мне следовать за ним, и я подчинился и двинулся вслед, беззвучно погружая в воду весло. Незнакомец ступал босыми ногами по водной глади, и при каждом его шаге кругами разбегалась рябь.

Мы долго держали путь по лабиринту открытых прудов и зарослей травы, среди засохшего тростника, пока не добрались до наполовину погрузившейся в воду разрушенной башни. От нее оставался лишь черный пустой остов, покрытый илом и вьющимися растениями.

А потом из болот показались сотни других фигур, также облаченных в мантии и маски, но они не шли по воде,

как мой проводник, а ползли, забавно переваливаясь, раскачиваясь из стороны в сторону, подобно вышедшим на сушу крокодилам. С изумлением смотрел я, как они собирались вокруг нас, кланяясь в ноги, будто с мольбой, тому, кто стоял прямо.

А он просто раскинул руки в стороны и плакал.

И тогда я вспомнил одну из историй, что рассказывал мне отец, — о гордом короле, чей дворец сиял ярче солнца и которому завидовали боги. Однажды к блистательному двору явился гонец с крокодильей головой и прошипел: «Мой господин призывает тебя, о король, подобно тому как он призывает всякого». Но возгордившийся король приказал страже избить гонца и сбросить его в реку, откуда тот явился, ибо король не боялся богов.

А Сурат-Кемаду не нужно было, чтобы его боялись, он требовал лишь подчинения, поэтому Великая река наводнила земли и поглотила дворец короля.

— Тоже мне история! — высказал я отцу недовольство.

— Все это просто случилось на самом деле, — ответил он.

И вот теперь я в ужасе оглядывался и отчаянно хотел задать множество вопросов, но боялся заговорить. Небо стало светлее, и плач того, кто стоял, превратился в завывание ветра среди потрескивавших тростников.

Взошло солнце. Существа, молившие моего проводника, сбросили маски и оказались просто крокодилами. Мантии их каким-то образом растворились во все более отвесных лучах. Я наблюдал, как их темные тела погружаются в мрачные воды.

Я посмотрел на того, кто стоял, но на его месте была лишь длинноногая птица. Она испустила крик и взлетела, хлопая крыльями.

Вернули меня к жизни теплые лучи солнца. Я сел, кашляя; из носа текло. Я огляделся: затопленная башня была на месте, возвышаясь грудой безжизненного камня. Но вокруг не было никого. Только в полдень добрался я до Города Тростника.

При свете дня город становится совершенно другим: на башнях развеваются яркие знамена, на домах сверкают разноцветные навесы и яркая роспись стен и крыш. Корабли на реке разгружают днем, и улицы наполняются журчанием многоязыкой речи, и пересекаются друг с другом белые торговцы и чиновники, варвары и городские хозяйки.

Здесь стоит резкий запах рыбы, а еще пахнет непривычными благовониями, кожей, влажным холстом и немытыми людьми, что привозят в город диковинных зверей из высокогорных деревень — оттуда, где зарождается река.

Днем в городе бывает тысяча богов — по одному на каждого чужестранца, на каждого торговца, на каждого, кто когда-либо проезжал через город, или останавливался в нем, или просто увидел во сне новое божество, когда прилег вздремнуть днем. На улице резчиков можно купить идолов всех этих богов или даже изображения богов совершенно новых, получившихся у тех, кого за работой осенило божественное вдохновение.

А ночью, конечно, остается один только Сурат-Кемад, чьи челюсти разрывают и живых, и мертвых, чье тело есть черная вода, чьи зубы звезды...

Но я вернулся днем, проплыл через лабиринты кораблей и маленьких лодок, мимо причалов и плавучих доков, а затем — под городом, пока не выбрался на другой стороне, возле отцовского дома.

Стоило мне вылезти из люка, как ко мне подбежала Хамакина; лицо ее было залито слезами. Всхлипывая, она обняла меня:

— Ах, Секенре, мне так страшно!

— Где отец? — спросил я, но она лишь вскрикнула и уткнулась лицом в мой халат. Тогда я спросил: — Где мать?

Хамакина подняла голову, посмотрела мне в лицо и сказала очень тихо:

— Ушла.

— Ушла?

— Она ушла к богам, сын мой, — раздался голос, и я поднял взгляд.

Из своей мастерской показался отец; на нем были свободно наброшенная мантия чернокнижника и перепачканные белые брюки. Он заковылял к нам, волоча ноги, как будто разучился ходить. Я подумал, что с ним тоже что-то произошло.

Хамакина закричала и выбежала на причал. Я услышал, как хлопнула парадная дверь нашего дома.

Я остался стоять на том же месте.

— Отец, где мать?

— Я же сказал. Ушла к богам.

— А она вернется? — спросил я, уже ни на что не надеясь.

Отец не ответил. Мгновение он стоял там, устремив взор в пространство, будто забыв о том, что я нахожусь рядом. А потом он внезапно спросил:

— Так что ты видел, Секенре?

Я рассказал ему.

Он снова замолчал.

— Не понимаю, — сказал я. — Это же ничего не означало. Я сделал что-то не так?

И тут он заговорил со мной ласково, как в старые времена, когда я был совсем маленьким:

— Нет, преданное дитя, ты ни в чем не ошибся. Помни, что видение твоей жизни продолжается столько же, сколько и сама жизнь. И, как и сама жизнь, видение это есть загадка, лабиринт со множеством поворотов, где многое внезапно открывается, а многое навсегда остается скрытым. Чем дольше ты проживешь, тем больше ты поймешь из того, что видел этой ночью. Каждый новый кусочек большой мозаики меняет значение всего, что было прежде, и ты ближе и ближе подходишь к истине. Но никогда не достигаешь места своего назначения, никогда не добираешься туда окончательно.

От холода, сырости и потрясения у меня началась лихорадка. Я пролежал больным неделю; иногда бредил, иногда мне снилось, что у моей кровати стоит фигура в маске из моего видения — та, что стояла босыми ногами на глади черных вод, пока вокруг потрескивали засохшие тростники. Иногда на восходе солнца она снимала маску, и тогда

на меня вопила цапля, а затем взмывала вверх, хлопая крыльями. Иногда под маской оказывался мой отец. Он приходил ко мне каждый день на заре, клал руку на лоб, произносил слова, которых я не мог разобрать, и заставлял меня выпить сладкий сироп.

После того как лихорадка прошла, отца я видел мало. Он постоянно был в своей мастерской, где всегда запирался, с шумом задвигая щеколду. Нам с Хамакиной оставалось самим заботиться о себе. Иногда нам было непросто найти еду. Мы старались соорудить что-нибудь на продажу из остатков геватов, которые делала мать, но чаще всего у нас почти ничего не выходило.

А из мастерской отца доносился гром и сверкали молнии. Дом весь дрожал. Иногда разносился невероятно противный запах, и мы с сестрой не ночевали дома — уходили на крыши, где спали городские попрошайки, несмотря на то что там было опасно. А однажды, когда я притаился возле двери мастерской, весь перепуганный, едва сдерживая слезы, то услышал, как отец говорит, а отвечает ему множество голосов, неотчетливых и доносящихся издалека. Один из них напомнил мне голос матери. Все голоса были испуганны, они умоляли, лепетали, дрожали...

Иногда я задумывался о том, куда ушла мать, и старался утешить Хамакину. Но при всем ужасе, который я испытывал, мне было совершенно ясно, что случилось с мамой. И этого я не мог сказать сестре.

Мне было не к кому обратиться, потому что теперь отец стал самым страшным из черных магов города, и даже жрецы не осмеливались разгневать его. В нашем доме то и дело собирались демоны воздуха и демоны реки. Я слышал, как они царапаются, волоча по полу крылья и хвосты, — в такие моменты мы с сестрой жались друг к другу в нашей комнате или же убегали на крышу.

Люди отворачивались, завидя нас на улице, делали разные жесты и плевались. А потом отец пришел ко мне; он двигался медленно, словно это причиняло ему боль, как дряхлому старику. Он усадил меня за кухонный стол и долго смотрел мне в глаза. Было видно, что он недавно плакал. И я боялся отвести взгляд.

— Секенре, — сказал он совсем тихо, — ты все еще любишь своего отца?

Я не смог ему ответить.

— Ты должен понимать, что я тебя очень люблю, — сказал он, — и всегда буду любить, что бы ни случилось. Я желаю тебе счастья. Я хочу, чтобы ты добился успеха в жизни. Женись на хорошей девушке. Я не хочу, чтобы ты стал тем, чем стал я. Дружи со всеми. Не имей врагов. Ни к кому не питай ненависти.

— Но... как?

Он крепко взял меня за руку:

— Пойдем. Прямо сейчас.

Мне было очень страшно, но я пошел.

Когда отец появился в городе, таща меня за собой, там началась почти что паника. Отец двигался все так же странно, а спина его под мантией чернокнижника вся извивалась и шла волнами, как будто у змеи, с трудом пытающейся вышагивать на слабых ногах.

Люди вскрикивали и убегали, когда мы проходили мимо. Женщины подхватывали на руки малышей. Двое жрецов скрестили посохи, сделав знамение против нас. Но отец на все это не обращал внимания.

Мы пришли на улицу, застроенную хорошими домами. Из окон верхних этажей на нас потрясенно смотрели чьи-то лица. Затем отец провел меня между домами, по туннелю, и мы оказались на заднем дворе одного из особняков. Он постучал в дверь. Показался старик — судя по одеянию, человек ученый. Он лишь ахнул и осенил себя знамением, чтобы оградиться от зла. Отец толкнул меня в дом.

— Научи моего сына тому, что знаешь, — сказал он старику. — Я хорошо тебе заплачу.

Так я и попал в ученики к Велахроносу — историку, писцу и поэту. Я уже знал буквы, но он научил меня писать красиво, с завитками, прекрасными разноцветными чернилами. Потом он выучил меня кое-чему из истории нашего города, реки и богов. Я часами сидел с ним, помогая переписывать старинные книги.

Отец явно желал, чтобы я выучился, и был уважаем жителями города, и жил хотя бы в скромном достатке, как

Велахронос. По этому поводу старик однажды заметил: «Ученые редко бывают богаты, но редко и бедствуют».

Но моей сестре никакого внимания не уделялось. Однажды, вернувшись домой после уроков, я увидел отца возле мастерской и спросил его:

— А как же Хамакина?

Он пожал плечами:

— Возьми ее с собой. Это совсем не важно.

Так у Велахроноса стало двое учеников. Думаю, что поначалу он только от страха согласился взять нас. Я старался убедить его, что мы никакие не чудовища. Постепенно он с этим согласился. Отец платил ему вдвое. Я трудился над книгами, и Хамакина тоже научилась рисовать прекрасные буквы. Велахронос немного занимался с ней музыкой, так что она умела уже петь древние баллады нашего города. У нее был красивый голос.

Велахронос был добр к нам. Я тепло вспоминаю то время, что мы с ним провели. Он был нам как дедушка или как щедрый дядя. Той весной он сводил нас на детский праздник. Когда Хамакина выиграла приз на конкурсе масок, он встал с места и аплодировал ей, а тот, кто был наряжен богом Гаэдос-Кемадом, с головой воробья, наклонился над ней и осыпал ее леденцами.

Мне казалось, что я уже слишком взрослый для таких забав, но отец так и не отвел меня к жрецам, чтобы объявить мужчиной. Вообще это простой обряд, если только родители не пожелают провести его более пышно. Плата за обряд невелика. Свое видение от богов я уже получил, и все-таки отец не сводил меня на церемонию. Я по-прежнему считался ребенком: то ли был недостоин стать мужчиной, то ли отец просто запамятовал.

А колдовство его становилось все внушительнее. По ночам, когда небо вспыхивало от горизонта до горизонта, он выходил иногда на причал перед нашим домом и разговаривал с громом. Гром отвечал ему, называл его по имени, а изредка произносил и мое имя.

Запахи из мастерской стали еще нестерпимее, число голосов росло, и ночные посетители наводили все больший ужас. Да и отец порой начинал ковылять туда-сюда

по дому, дергая себя за бороду, размахивая руками, как сумасшедший, как одержимый разъяренным демоном. Тогда он хватал меня, встряхивал с такой силой, что мне было больно, и умоляюще вопрошал: «Ты все еще любишь меня, сын? Ты все еще любишь своего отца?»

Я так и не смог ответить ему. Много раз это доводило меня до слез. Я запирался в своей комнате, а он стоял за дверью, всхлипывал и шептал: «Ты любишь меня? Любишь?»

Однажды вечером, когда я готовил урок у себя в комнате, а Хамакина куда-то ушла, в окно ко мне залез рослый варвар, искатель легкой наживы, а за ним — щуплый мужчина с крысиной физиономией, из Города в Устье.

Варвар выхватил книгу у меня из рук и швырнул в реку. Он вцепился мне в запястье и рванул к себе. У меня хрустнуло предплечье. Я вскрикнул от боли, а человек с крысиным лицом приставил к моему лицу длинный тонкий нож, похожий на огромную булавку, слегка прижал его к моему лицу прямо под глазом, затем под другим.

Он зашептал, обнажая нечищеные зубы. Изо рта у него воняло.

— Где твой знаменитый папаша-колдун, который забрал все сокровища? Скажи нам, выродок, или мы сделаем из тебя слепую девочку, а вместо косичек привяжем твои собственные кишки...

А варвар просто схватил меня ручищей за одежду и швырнул о стену с такой силой, что у меня хлынула кровь из носа и изо рта.

Я только и смог, что кивком указать им налево, где была мастерская отца.

Потом, придя в сознание, я услышал, как те двое вопят. И этот вопль еще несколько дней доносился из мастерской отца, пока я лежал в лихорадке. Хамакина вытирала мне лоб, но больше ничем не могла помочь. И лишь когда вопли стали тише и перешли в отдаленное бормотание, похожее на голоса, что я когда-то слышал, и на тот голос, который, возможно, принадлежал моей матери, — лишь тогда отец пришел и исцелил меня с помощью ма-

гии. Лицо его было пепельного цвета. Он выглядел очень усталым.

Я спал, а босой человек в серебряной маске стоял на поверхности воды — на коленях,— и вокруг моей кровати шла рябь. Он нашептывал мне историю мальчика-цапли, который стоял среди своей стаи в свете зари и остался брошен, когда птицы взлетели. А он так и стоял, взмахивая неловкими, неоперенными руками...

Несколько недель спустя Велахронос нас выгнал. Не знаю, что с ним под конец случилось. Возможно, до него дошли какие-то слухи, а может быть, он узнал правду, то есть нечто такое, о чем и я не знал. Как бы то ни было, наступил день, когда мы с Хамакиной пришли на урок, а учитель встал в дверях и только что не завопил: «Убирайтесь! Прочь из моего дома, дьявольское отродье!»

Велахронос не стал объясняться, ничего больше не сказал. Нам оставалось только уйти.

В ту ночь из устья реки принеслась сильная буря. Черная кружащаяся масса облаков была похожа на монстра, такого огромного, что он мог бы придушить собой весь мир, неуклюже ползущего на тысяче вспыхивающих огненных ног. Река и даже болота бушевали, как взбешенный океан-хаос, существовавший до сотворения Земли. Небеса с грохотом вспыхивали и гасли. На мгновение становилось видно все вокруг — многие мили бушующих пенных волн и тростника, сгибающегося на ветру; а затем наступала полная чернота, и хлестал дождь, и вновь грохотал гром, и снова и снова он называл по имени моего отца.

Отец отвечал ему из своей тайной комнаты, и голос его был так же могуч, как и гром. И говорил отец на языке, совершенно непохожем на человеческий: это были вскрики, скрипучий гогот и свист, подобный бушующему ветру.

Утром все корабли оказались разбиты и полгорода было разрушено. В воздухе тяжело разносились крики скорбящих. Река под нашим домом взбаламутилась и бурлила, а ведь прежде здесь было тихое мелководье.

Многие люди видели в тот день крокодилоголовых гонцов бога-пожирателя. Мы с сестрой сидели у себя в

комнате и боялись даже говорить друг с другом. Выйти из дому мы не могли.

Из мастерской отца не слышалось ни звука. Тишина продолжалась долго, и я, несмотря ни на что, начал тревожиться. Мы с Хамакиной встретились взглядами; она смотрела прямо на меня изумленными, широко распахнутыми глазами. Потом она кивнула.

Я подошел к мастерской и постучал:

— Отец, у тебя все в порядке?

К моему удивлению, он тут же открыл дверь и вышел. Одной рукой отец держался за косяк — так и висел на нем, тяжело дыша. Кисти его рук скрючились и стали похожи на когти. Казалось, что они обгорели. Лицо было таким бледным и диким, что какой-то частью моего существа я даже усомнился, что это мой отец, пока он не заговорил.

— Я скоро умру, — сказал он. — Мне пора отправляться к богам.

И я, несмотря ни на что, заплакал.

— А теперь ты должен в последний раз быть мне верным сыном, — сказал он. — Собери тростник и свяжи из него погребальную лодку. Когда закончишь, я буду уже мертв. Положи меня в лодку и пусти ее по течению, чтобы я, как и все люди, пришел к Сурат-Кемаду.

— Нет, отец! Это не так!

Я плакал, и мне вспоминался отец такой, каким он был в годы моего детства, а не тот, который появился потом.

Он с силой сжал мое плечо и свирепо прошипел:

— Это совершенно неизбежно, и это так. Ступай!

И мы пошли вместе с Хамакиной. Почему-то с нашего дома буря сорвала лишь несколько черепичек и плавучий док под люком оказался на месте. И моя лодка тоже никуда не делась, но она была подтоплена и едва держалась на привязи. Мы с трудом вытащили ее, вылили воду и спустили на реку. Каким-то чудом даже весла не пропали. Мы забрались в лодку и молча гребли около часа далеко к болотам — туда, где воды были по-прежнему мелкими и тихими, а тростник толщиной с мою руку раскачивался

на фоне неба, будто лес. Я взял топорик, который специально с собой захватил, и срезал несколько тростин, а потом мы с Хамакиной трудились весь день и наконец соорудили грубую лодку. Вечером мы привели ее на бечеве к нашему дому. Я первым поднялся по лестнице, а сестра в страхе осталась ждать внизу. Впервые на моей памяти дверь в мастерскую отца была оставлена открытой. Он лежал на своем ложе среди полок, уставленных книгами и пузырьками, и я с первого взгляда понял, что отец мертв.

Дел у нас в ту ночь было немного. Мы с Хамакиной приготовили холодный ужин из того, что нашлось в кладовой. Потом мы заперли все ставни и двери, а на люк поставили тяжелый ящик, чтобы эватим не могли залезть и сожрать мертвое тело, — такое за ними водится.

Я совсем немного осмотрел мастерскую, поглядел на отцовские книги, открыл сундуки, заглянул в ящички. Даже если у него и было какое-то сокровище, я его не нашел. Потом я взял темный пузырек, и изнутри что-то завопило слабым, далеким голосом. В ужасе я уронил пузырек. Он разбился, и вонявшее существо метнулось по полу прочь.

Дом наполнился голосами и шумом, поскрипыванием, шепотом и вздохами. Один раз о закрытые ставни что-то захлопало и заскреблось — возможно, огромная птица. Мы с сестрой бодрствовали почти всю ночь, держа в руках фонари. Мы вооружились дубинками, надеясь защититься от того ужасного, что могло поджидать нас в темноте. Я сидел на полу у мастерской, подпирая спиной дверь. Хамакина лежала, опустив лицо мне на колени, и тихо всхлипывала.

Наконец я заснул, и во сне мне явилась мать. Она склонялась надо мной, с нее капали вода и речной ил; она вскрикивала и рвала на себе волосы. Я попытался сказать ей, что все будет хорошо, что я позабочусь о Хамакине, что я вырасту и буду помогать людям писать письма. Я пообещал, что не стану таким, как отец. Но мать все равно плакала и всю ночь шагала туда-сюда. Утром пол оказался весь мокрый, заляпанный илом.

Мы с Хамакиной встали, умылись, надели наши лучшие одеяния и отправились к жрецам. Пока мы шли, некоторые поворачивались к нам спиной, а другие выкрикивали проклятия и называли нас убийцами. На площади перед храмом нас обступила толпа с ножами и дубинками. Я замахал руками и стал делать жесты, которые, как я надеялся, примут за колдовские, так что толпа развернулась и побежала, и люди кричали, что я ничуть не лучше своего отца. На мгновение я почти пожалел, что это не так.

К дому нас провожала целая армия жрецов, облаченных в блистательные наряды: золотые с серебром брюки, синие жакеты, высокие шляпы, покрытые чешуей. Многие из них несли над собой священные изображения Сурат-Кемада и других богов: Рагун-Кемада — повелителя орлов, и Бел-Кемада — бога Весны, и Меливентры — повелительницы фонаря, посылающей прощение и милосердие. Служители богов пели и раскачивали дымящиеся кадильницы на золотых цепочках.

Но они не позволили нам пройти обратно в дом. Две храмовые смотрительницы стояли с нами на причале и держали меня и Хамакину за руки. Соседи боязливо наблюдали, стоя поодаль.

Жрецы опустошили мастерскую отца, разломали ставни, бутылку за бутылкой вылили все снадобья и высыпали порошки в реку, туда же кинули многие из его книг, а следом — остальные пузырьки, бóльшую часть горшочков, резных изображений и странных предметов. Оставшиеся книги они забрали с собой. Их понесли в храм, побросав в корзины, младшие жрецы. Потом они все вместе изгоняли злые силы, и продолжалось это, как мне показалось, часами. Они сожгли столько благовоний, что уже можно было подумать, будто в доме пожар.

Наконец жрецы удалились, столь же торжественно, как и пришли, и одна из смотрительниц храма дала мне меч, который до этого принадлежал моему отцу. Это было хорошее оружие: эфес оплетен медной проволокой, лезвие украшено серебряными вставками.

— Он тебе может понадобиться. — Вот и все, что сказала женщина.

В страхе мы с сестрой решились все же пройти в дом. В воздухе так сильно пахло благовониями, что мы закашлялись, а из глаз полились слезы. Мы тут же бросились и распахнули все окна, но кадильницы были развешены повсюду, и мы не осмелились их убрать.

Отец лежал на своем одре в мастерской, закутанный в марлю. Жрецы вырвали его глаза и положили в пустые глазницы амулеты, похожие на огромные монеты. Я знал, что они сделали это из опасения, что он отыщет дорогу назад.

Мне с Хамакиной пришлось отнести его в похоронную лодку. Помочь было некому, и нам пришлось очень трудно. Ведь Хамакине тогда было всего восемь, а мне пятнадцать. Не один раз я боялся, что мы вот-вот нечаянно уроним его. Один из золотых амулетов выпал. Пустая глазница зияла — сухая, красная рана... Меня чуть было не стошнило, пока я вставлял амулет на место.

Похоронная лодка была устлана марлей и увешана амулетами. На носу стоял серебряный кубок, в котором дымились благовония. На корме один из жрецов нарисовал символ: змею, кусающую себя за хвост; змея была разорвана.

В вечерних сумерках я и Хамакина потащили похоронную лодку, привязав ее к нашей, в глубокие воды за чертой города. Туда, где лесом стояли сломанные мачты разбитых кораблей, а потом и дальше. Небо постепенно темнело, из красного становилось черным, и на нем виднелись разбросанные, будто лохмотья, лиловые остатки последних грозовых туч. С болот дул почти холодный ветер. Блистали звезды, многократно отражавшиеся в покрытой рябью воде.

Я встал в своей неглубокой лодке и, стараясь делать это как можно лучше, произнес службу по усопшему, по моему отцу, которого я по-прежнему любил, и боялся, и не понимал. Потом Хамакина отвязала бечевку, и похоронная лодка поплыла — сначала вниз по течению, в сторону устья реки, к морю, но потом, в темноте, когда лодка почти уже скрылась из виду, она явно начала плыть вверх. Это был хороший знак — он говорил о том, что лодка

поймала черное течение, уносящее мертвых из живого мира в обиталище богов.

Тогда я подумал, что у меня будет время скорбеть. Когда мы вернулись, дом был совершенно пуст. Впервые за много лет я ничего не боялся. Это меня почти озадачило. В ту ночь я мирно спал и не видел снов. Хамакина тоже была спокойна.

На следующее утро к нам в дверь постучала старушка, живущая в одном из домов на другом конце причала. Она спросила: «Дети, у вас все хорошо? Вам хватает еды?»

Она оставила нам корзину с продуктами.

Это тоже был хороший знак, говоривший о том, что когда-нибудь соседи простят нас. Они не считали, что я такой же дурной человек, каким был, по их мнению, мой отец.

Мы медленно отнесли корзину в дом, плача — наверное, от радости. Жизнь станет лучше. Я помнил, что пообещал матери. Я буду другим. На следующий день, несомненно... ну или через день Велахронос снова примет нас, и мы продолжим учебу.

Но только в эту ночь мне явился во сне отец. Он стоял перед моей кроватью, укутанный в марлю, и лицо его за золотыми дисками выглядело ужасно. Голос его был — мне его точно не описать — маслянистый, будто капало что-то густое и мерзкое; и само то, что такие звуки могли сложиться в слова, казалось великой непристойностью.

— Я слишком глубоко погрузился во тьму, сын мой, и конец мой может прийти лишь вместе с последней тайной. Я ищу ее. Мои изыскания почти завершены. Это наивысшая точка всего моего труда. Но осталось одно, чего мне не хватает. Одно, ради чего я вернулся.

И я спросил его во сне:

— Что же это, отец?

— Твоя сестра.

И тут я проснулся от крика Хамакины. Сестра попыталась схватить меня за руку. Ей это не удалось, и она вцепилась в край кровати и с грохотом упала, стащив на пол постель. Я всегда держал на полке возле кровати за-

жженный фонарь. И теперь я поднял железную дверцу, и комнату залил свет.

— Секенре! Помоги мне!

Не веря своим глазам, я увидел, как мгновение сестра висела, дергаясь, в воздухе, будто ее держала за волосы невидимая рука. Потом Хамакина вновь закричала и будто улетела в окно. Секунду она держалась за подоконник. Наши глаза встретились, но не успел я ничего ни сделать, ни сказать, как ее оторвало от подоконника и утащило прочь. Я подбежал к окну и высунулся наружу. В воду ничего не упало; лишь легкая рябь шла по ее глади. Ночь была тихая. Хамакина просто исчезла.

II

На третье утро после смерти отца я пошел к Сивилле. Больше ничего не оставалось делать. Всякий в Городе Тростника знает, что когда в твоей жизни наступает самый трудный момент, когда нет других выходов, кроме как сдаться и умереть, и никакой риск уже не кажется чрезмерным — это значит, что настало время встретиться с Сивиллой.

«Счастлив тот, кто никогда не ходил к ней» — гласит старая пословица. Но я счастливцем не был.

Ее называют Дочерью Реки, и Голосом Сурат-Кемада, и Матерью Смерти, и еще многими другими именами. Кто она и что она такое, никто никогда не знал, но обитала она, о чем рассказывали бесчисленные страшные истории, под самым сердцем города, среди свай, поддерживавших большие дома и стоявших, будто густой лес. Я слышал о той ужасной плате, которую она берет за свои пророчества, и о том, что пришедшие к ней возвращаются необратимо переменившимися, если вообще возвращаются. И все же обитала она там с незапамятных времен, и с тех же пор приходили люди выслушать ее слова.

Я отправился к ней. В качестве подношения я захватил с собой отцовский меч — тот самый, серебряный, что дала мне смотрительница храма.

Совсем рано, в предрассветных сумерках, я снова выбрался из дому через люк. К востоку, справа от меня, небо только начало освещаться и стало серым, тогда как передо мной — там, где лежало сердце города, — по-прежнему была ночь.

Я греб среди обломков, оставшихся после недавней бури. Среди них попадались куски обшивки кораблей, подпрыгивавшие на волнах бочки, а один раз я увидел даже медленно плывший по воде труп, до которого почему-то не добрались эватим. Дальше был огромный дом, у которого подкосились опоры, и теперь он стоял в воде, весь разломанный, и черными ртами зияли его окна. Позже, когда тьма немного рассеялась, я обнаружил затонувший корабль. Он застрял среди свай домов и был теперь похож на огромную дохлую рыбу, запутавшуюся в тростнике. В черной воде позади корабля были раскиданы его снасти.

Прямо за кораблем висела темная, неправильной формы масса — жилище Сивиллы, не пострадавшее, конечно, от бури.

Вот какую еще историю рассказывают о Сивилле: она никогда не была молодой, а появилась на свет старой каргой из крови, которую потеряла ее мать перед смертью. Сивилла встала из лужи этой крови во тьме, царившей в начале мира, и сложила ладони вместе, а затем раскрыла их. Из рук ее поднялись столбы пламени.

Этот фокус проделывал мой отец, и я его однажды очень разозлил, когда всего-навсего сидел, уставившись на свои ладони, и складывал и раскрывал их, ничего не понимая и не добиваясь никаких результатов. Достаточно было одного того, что я попытался. Возможно, отец сперва даже испугался мысли, что я попробую снова и в конце концов у меня получится. А затем потрясенное выражение на его лице сменилось холодной яростью. Это был единственный раз в моей жизни, когда он меня выпорол.

А Сивилла, выпустив пламя из ладоней, пальцами скатала из огня шарики. На один из них дунула, чтобы он стал бледнее, и выпустила оба — Луну и Солнце. Потом она долго пила из Великой реки, куда стекла кровь ее

матери, а чуть позже — встала в луче Луны и выплюнула сверкающие звезды. А свет звезд пробудил по берегам реки множество богов, впервые увидевших Землю.

Пока я смотрел на дом Сивиллы, то почти верил в эту историю. Нет же, я совершенно в нее поверил. Дом Сивиллы представлял собой скорее огромный кокон, что-то вроде паутины, до отказа набитой мертвечиной и обломками, и плелся этот кокон с начала времен, и столько же накапливались в нем вещи. Жилище было подвешено ко дну города, и наружные его нити — переплетение веревок и сетей, плетей вьюнов и волокон — уходили в темноту во все стороны, и я не мог разобрать, где начало и конец у этого огромного гнезда.

Но основная часть жилища свисала почти до самой воды, будто чудовищное брюхо. Я протянул руку и привязал к нему свою лодку, сунул за пояс отцовский меч, подоткнул халат, чтобы полы не липли к ногам, и полез наверх.

Веревки дрожали, шептали голосом приглушенного грома. В лицо мне валились ил и мусор, вокруг меня то и дело что-то падало в воду. Я отчаянно цеплялся, встряхивал голову, чтобы очистить глаза, и продолжал ползти.

Выше, в полной темноте, я стал пробираться через лаз из гниющих бревен. Иногда руки соскальзывали — и я начинал катиться вниз, но через мгновение, наводившее на меня ужас, я за что-нибудь успевал ухватиться. Тьма была... тяжелая. Мне казалось, что со всех сторон тянется бесконечная масса обломков, и, пока я пробирался по ней, она качалась и скрипела. Иногда невыносимо смердело разложением.

Я залез на перевернутую вверх дном лодку. Что-то мягкое упало сверху и соскользнуло по борту. Все это время я отчаянно пытался нащупать ладонями и босыми ступнями точку опоры на сгнившей деревянной обшивке.

Дальше были снова веревки и сети, и в полумраке я увидел, что оказался в зале, загроможденном сундуками, плетеными корзинами и тяжелыми глиняными кувшинами, и все это закачалось и застучало одно о другое, пока я проползал среди предметов.

Я то и дело натыкался на змей и рыб, извивавшихся среди вонючей слизи.

И вот, снова в полной темноте, я пополз на четвереньках по ровной поверхности,— похоже, это был деревянный пол. А затем половицы треснули подо мной — и я с криком полетел кубарем среди веревок и дерева, и на ощупь я догадался, что сверху падают сотни человеческих костей. Мое падение остановили сети; на коленях у меня оказался череп, а на голые ноги свалились чьи-то кости. Я выкинул череп и попробовал подпрыгнуть, но ноги провалились в сети, и я почувствовал, что внизу пустота.

Так я висел, отчаянно цепляясь за веревочную сеть. Она все же порвалась, и я снова закричал, дергая ногами в темноте, а где-то далеко внизу в воду с плеском обрушилась целая лавина костей.

И тут мне вспомнилась еще одна история, которую я слышал: о том, что когда кто-то тонет в реке, плоть его съедают эватим, а кости достаются Сивилле. Она по ним предсказывает судьбу.

Кажется, так оно и было.

И в этот самый момент она явилась мне, и голос ее был подобен осеннему ветру, шумевшему в высохших тростниках.

— Сын Ваштема.

Я сильнее вцепился в остатки сети, глотнул воздуха и крикнул вверх, в темноту:

— Я здесь!

— Чернокнижник, сын чернокнижника, я жду твоего прихода.

От потрясения я чуть не выпустил сеть.

— Но я не чернокнижник!

— Чернокнижник, сын чернокнижника.

Я снова полез вверх, в то же время рассказывая ей о себе; я запыхался и то и дело умолкал. Временами падали еще какие-то кости, и иногда они ударяли меня по голове, будто давая насмешливый ответ на то, что я, с трудом дыша, рассказывал. И все же я поведал ей, что сам никогда не творил никаких чудес, и что я пообещал матери никогда не становиться таким, как отец, и что я был уче-

ником историка Велахроноса и собирался стать писцом, а потом сочинять собственные книги, если только Велахронос согласится взять меня назад, когда все закончится...

И тут мне внезапно явилось лицо Сивиллы; оно показалось в темноте наверху, будто полная луна, выглянувшая из-за облака. Лицо ее было бледным и круглым, черные глаза ничего не выражали, а кожа, как мне показалось, слабо светилась.

И она сказала мне, мягко посмеиваясь:

— Чернокнижник, сын чернокнижника, ты споришь с ужасной Сивиллой. Думаешь, это храбрый поступок или всего лишь глупость?

Я остановился, слегка покачиваясь на веревках из стороны в сторону.

— Простите, я не хотел...

— То, что ты хочешь сделать, не всегда то же самое, что ты в действительности делаешь, Секенре. И совершенно не важно, будешь ли ты потом в этом раскаиваться или нет. Так вот. Я произнесла твое имя уже один раз. Секенре. Я произнесла его дважды. А знаешь, что случится, если я произнесу его три раза?

— Не знаю, Великая Сивилла, — кротко отвечал я.

— Чернокнижник, сын чернокнижника, поднимайся и садись передо мной. Не бойся.

Я залез туда, где она находилась. Я едва мог разглядеть деревянную полку, заваленную костями и мусором. Я осторожно ощупал поверхность одной ногой и пальцами почувствовал, к своему удивлению, крепкие сухие доски. Я отпустил веревки и сел. Сивилла протянула руку и открыла створку фонаря в металлическом корпусе, потом створку другого фонаря, и еще одного, и еще. Мне представились ленивые твари, которые, просыпаясь, открывают глазища.

Теперь крошечная каморка с низким потолком наполнилась светом и тенями. Сивилла сидела скрестив ноги, а на колени она накинула плед с сияющей вышивкой. На коленях у нее свернулась змея с человеческой головой и чешуей, похожей на серебряные монеты. Змея один раз зашипела, и Сивилла низко наклонилась, пока змея что-то

шептала ей на ухо. Наступила тишина. Сивилла долго смотрела мне в глаза.

Я протянул ей меч моего отца:

— Госпожа, это все, что я могу предложить вам...

Она зашипела совсем как ее змея, и мгновение она казалась мне потрясенной и даже испуганной. От меча она отмахнулась:

— Секенре, ты перебиваешь Сивиллу. И снова я спрошу тебя: это храбрый поступок или всего лишь глупость?

Ну вот. Она произнесла мое имя трижды. На мгновение меня охватил отчаянный ужас. Но ничего не случилось. Она снова засмеялась, и смех ее был человеческий и почти что добрый.

— Чрезвычайно неподходящее подношение, чернокнижник, сын чернокнижника.

— Не понимаю... Простите меня, госпожа.

— Знаешь ли ты, Секенре, что это за меч?

— Это меч моего отца.

— Это меч Рыцаря-инквизитора. Твой отец пытался скрыть, даже от самого себя, то, кем он был на самом деле. Поэтому он вступил в священный орден, орден со строжайшей дисциплиной, члены которого посвящают свою жизнь уничтожению всех проявлений тьмы, всех диких существ, ведьм, колдунов и даже необузданных богов. В твоем возрасте, мальчик, он был таким, как ты. Ему так хотелось поступать правильно. Но ему это не помогло. В конце концов от этого стремления у него остался один лишь меч.

— Госпожа, у меня больше ничего нет...

— Секенре... Вот я и снова назвала тебя по имени. Ты совершенно особенный. И путь перед тобой лежит не такой, как у всех. Твое будущее не зависит от того, сколько раз я произнесу твое имя. Оставь меч себе. Он тебе пригодится. От тебя я не прошу никакой платы, по крайней мере сейчас.

— Потребуете ли вы плату позже, Великая Сивилла?

Она подалась вперед, и я увидел, что зубы у нее узкие и острые. Дыхание ее пахло речным илом.

— Вся твоя жизнь станет достаточной платой. Ко мне все приходит в нужное время, и даже ты, как мне кажет-

ся, пришел ко мне сейчас, когда тебе более всего нужна помощь.

Тогда я стал рассказывать ей, зачем я пришел, и про отца, и о том, что случилось с Хамакиной.

— Чернокнижник, сын чернокнижника, ты читаешь Сивилле лекцию. Храбрый поступок или глупость?

Я заплакал:

— Прошу вас, Великая Госпожа... Я не знаю, что я должен говорить. Я хочу поступать правильно. Не сердитесь на меня, пожалуйста. Скажите, что мне делать.

— Чернокнижник, сын чернокнижника, все, что ты делаешь, и есть правильно, это часть огромного узора, за которым я наблюдаю, который я тку, о котором я прорицаю. С каждым поворотом твоей жизни узор выстраивается по-новому. Все значения меняются. Твой отец понял это, когда вернулся из заморских краев уже не Рыцарем-инквизитором, потому что он слишком многое узнал о колдовстве. Истребляя чернокнижников, он стал чернокнижником сам. Как врач, заразившийся от пациента. Знания его были как дверь, которую открываешь, а закрыть снова уже никогда не сможешь. Дверь. В его сознании.

— Нет, — тихо произнес я, — я не буду таким, как он.

— Тогда слушай прорицание Сивиллы, чернокнижник, сын чернокнижника. Ты проделаешь путь во чрево зверя, в пасть бога-пожирателя.

— Госпожа, все мы в этой жизни совершаем свой путь, а когда умрем...

— Чернокнижник, сын чернокнижника, принимаешь ли ты слова Сивиллы по собственной воле как преподнесенный тебе дар?

Я побоялся спросить ее, что будет, если я откажусь. Выбора у меня на самом деле не было.

— Принимаю, госпожа.

— Значит, теперь все в твоей воле. Если ты собьешься со своего пути, сделаешь шаг в сторону — это тоже изменит ткань жизни всех и каждого.

— Госпожа, я всего лишь хочу вернуть мою сестру и...

— Тогда и это прими тоже.

Она вложила что-то в мою ладонь. Прикосновение было холодным и жестким, как будто рука Сивиллы была из живого железа. Змееподобное существо у нее на коленях зашипело, почти что выговаривая слова. Я поднес открытую ладонь к одному из фонарей и увидел на ней две погребальные монеты.

— Чернокнижник, сын чернокнижника, в этот день ты стал мужчиной. Твой отец перед своим уходом не посвятил тебя в мужчины. Поэтому обряд должна провести я.

Змееподобное существо скрылось в ее одеждах. Сивилла встала, и движения ее были текучими, как струи дыма. Я только и видел что ее лицо и руки, витавшие в полумраке и светившиеся сами, как фонари. Она взяла серебряную ленту и перевязала мне волосы, как перевязывают их мужчины в моем городе. Она дала мне мешковатые брюки, такие как носят мужчины в городе. Я надел их. Они оказались слишком длинными, и я закатал их до коленей.

— Раньше они принадлежали пирату, — сказала она. — Ему они больше не потребуются.

Порывшись в куче хлама, она вытащила один ботинок. Я примерил его. Он оказался почти вдвое больше моей ступни.

Она вздохнула:

— Узор постоянно меняется. Я уверена, что это был недобрый знак. Но тебе не стоит это брать в голову.

Она забрала у меня ботинок и бросила в сторону.

Потом она склонилась и поцеловала меня в лоб. Прикосновение ее губ было таким холодным, что обжигало кожу.

— Теперь ты отмечен Сивиллой, чернокнижник, сын чернокнижника, и по моей отметине люди будут узнавать тебя. Ты можешь, ибо ты отмечен мною, трижды позвать меня, и я услышу тебя и отвечу тебе. Но будь осторожен. Если ты обратишься ко мне за помощью более трех раз, то будешь принадлежать мне, подобно всем вещам, что есть в моем доме. Вот такую плату я возьму с тебя.

Она дала мне флягу и кожаный мешок с едой — там были сыр, хлеб, сушеная рыба — и велела мне положить

в мешок и похоронные монеты, чтобы я их не потерял. К мешку была приделана длинная веревка. Я повесил мешок через шею. Фляту я прикрепил к ремню, которым был подпоясан мой халат.

Там, где она поцеловала меня, лоб мой онемел. Я потрогал рукой это место. Оно было холодным как лед.

— Теперь ступай по собственной твоей воле, чернокнижник, сын чернокнижника, в самые челюсти Пожирающего. Иди, как предрекла тебе Сивилла, иди прямо сейчас...

Она топнула ногой. Я закричал: пол раскрылся у меня под ногами, будто люк, и я бесконечно долго падал, среди сверкающих белых костей, хлама, и со мной падали фонари Сивиллы. Один раз я успел увидеть ее лицо, промелькнувшее в темноте высоко-высоко, будто метеор.

Я с силой ударился о воду и глубоко погрузился, но как-то мне удалось снова выбраться на поверхность; мне показалось, что легкие чуть не лопнули. Я поплыл. Меч сек меня по ногам. Мешок на веревке душил меня. Я чуть было не выбросил и то и другое, но не решился и медленно, неуклюже двинулся туда, где, как мне казалось, ожидала меня моя лодка. Я посматривал по сторонам, опасаясь эватим, которых в таком месте должно было быть немало. Наверху, в жилище Сивиллы, было тихо и темно.

Наконец я коснулся ступнями мягкого ила и встал, окруженный сумраком. Между тысячей деревянных опор города пробивались блеклые лучи света. Я пошел вброд по густому илу, затем в открытые воды, окунулся с головой и немного проплыл, изо всех сил стараясь двигаться в сторону света. Потом я почувствовал ступнями песчаную отмель, вылез из воды и остановился передохнуть.

Должно быть, прошла целая ночь, потому что мне снились ужасные сны. В них мой отец, облаченный в мантию чернокнижника, прохаживался туда-сюда у самой воды и лицо его было настолько искажено яростью, что я едва узнавал его. Он то и дело наклонялся, заносил руку для удара, но потом останавливался, удивленный или даже испуганный, как будто увидел в моем лице что-то, чего никогда раньше не замечал.

Я пытался окликнуть его.

Неожиданно я проснулся; вокруг была непроглядная темнота. Неподалеку послышался плеск от чьих-то ног. Вдалеке запели болотные птицы, извещая о наступлении зари.

И тут послышался голос моего отца:

— Секенре, ты все еще любишь меня?

Я не смог ему ответить. Лишь сидел до ужаса неподвижно и дрожал от холода, прижав колени к груди, схватив себя одной рукой за запястье другой.

Рассвет был похож на серое размытое пятно. Неподалеку от себя я увидел лодку, вынесенную на песчаный берег. Это была не моя лодка, а похоронная лодка из связанных стеблей.

На мгновение мне подумалось, что я полностью осознал то, что напророчила мне Сивилла, и я замер было от страха, но страха я в жизни изведал уже столько, что он стал мне безразличен. Я не мог заставить себя тревожиться из-за этого. И думать связно я тоже был не в состоянии.

Как околдованный, чье тело действует по собственному усмотрению, не подчиняясь воле разума, я столкнул лодку в открытые воды, потом залез в нее и неподвижно лег на пропитанных душистыми маслами пеленах.

Теперь я ощущал одну только покорность судьбе. Так и гласило пророчество.

Будто подчиняясь собственной прихоти, я достал из сумки похоронные монеты. И положил их себе на глаза.

III

Я долго лежал, слушая, как вода плещет о лодку. Потом пропал даже этот звук, и я почувствовал вполне отчетливо, что лодка двинулась в противоположном направлении. Я понял, что теперь меня несет черное течение — прочь из мира живых, в страну мертвых. Воды были тихи, как будто лодка скользила по реке из масла. Я слышал удары собственного сердца.

Я лежал без сна и пытался разобраться в том, что случилось со мной у Сивиллы, вспоминал каждую мелочь, рассчитывая найти какую-то главную нить, которая свяжет все части, нанижет их, будто бусины, и все приобретет форму и смысл. Но ничего не выходило. Я и не надеялся особенно. Прорицания, они всегда такие: вы их не можете понять до тех пор, пока они не начнут сбываться, и тогда внезапно становится виден весь узор.

А частью этого узора были даже тишина реки и громкий стук моего сердца.

И даже голос моей сестры.

Сначала мне показалось, что у меня просто звенит в ушах, но потом звуки стали складываться в слова, которые доносились еле-еле, откуда-то очень издалека, и были едва различимы для слуха.

— Секенре, — говорила она, — помоги мне. Я заблудилась.

Я стал отвечать ей то вслух, то мысленно:

— Я уже иду, маленькая моя. Подожди меня.

Она сипло всхлипывала, глотая воздух, — похоже, она плакала уже очень долго.

— Здесь темно.

— Здесь тоже темно, — тихо ответил я.

Гордость не позволяла Хамакине сказать, что ей страшно.

— Хамакина... А отец там, с тобой?

Что-то плеснуло вблизи борта лодки, и голос отца прошептал возле самого моего уха:

— Секенре, если ты любишь меня, отправляйся обратно, я приказываю тебе плыть обратно! Не приходи сюда!

Я вскрикнул и сел. Похоронные монеты упали мне на колени. Я повернулся в одну сторону и в другую, осматриваясь вокруг.

Лодка скользила мимо огромных черных тростников. В беззвучной темноте вдоль берега стояли одна за другой белые цапли; они слабо светились, как лицо Сивиллы. А из воды за мной наблюдали эватим, целые полчища этих существ, похожих на мертвенно-белых голых людей, но

с крокодильими головами; неподвижно лежали они на мелководье. Но отца нигде не было видно.

Небо надо мной было темным и ясным, и светили звезды, но не такие, как на Земле. Здесь их было меньше, и сами они — бледные, почти серые, — складывались в созвездия мертвых, о которых рассказано в Книгах Мертвых: Рука, Арфа, Кувшин Забвения, Глаз Сурат-Кемада...

Я очень осторожно поднял похоронные монеты и положил их обратно в сумку. Я хотел пить и поэтому хлебнул глоток из фляги. Здесь мне нельзя было пить воду из реки, ибо только мертвым можно пить воду мертвых и только мертвым — вкушать плоды земли мертвых. Об этом тоже сказано в Книгах Мертвых.

И вот я глядел в бесконечную тьму ничем не прикрытыми глазами смертного. Далеко за спиной, там, откуда приплыла моя лодка, виднелись робкие отблески света — лишь более бледный оттенок неба, точно позади меня было отверстие, сквозь которое я уже прошел. С каждым мгновением мир живых оставался все дальше и дальше.

Белые цапли, все как одна, взлетели, и на мгновение воздух наполнили совершенно беззвучные взмахи их крыльев. А потом цапли исчезли. Они, как и эватим, были гонцами бога Темной Реки.

Но мне они не несли никаких посланий.

Я начал видеть привидения среди тростников; когда я проплывал мимо, они, до того лежавшие, садились и умоляли меня взять их в лодку, чтобы они могли отправиться в последнюю землю подобающим образом. Они представляли собой всего лишь клубы дыма, смутные намеки на некие очертания, которые я видел краем глаза. Взглянув в упор на любого из них, я их не видел.

Некоторые взывали ко мне на языках, неизвестных мне. Лишь немногие упоминали места и людей, которых я знал. Этих немногих я боялся. Я не хотел, чтобы они узнали меня. Я лег на дно лодки и снова положил монеты на глаза. Через некоторое время я забылся неглубоким сном и во сне увидел отца. Он вышагивал туда-сюда по черным водам, и от края его мантии, волочившегося по воде, шла рябь; лицо отца было искажено яростью. Один

раз он остановился и стал свирепо трясти меня, говоря: «Нет, сын мой, нет. Не этого я желал для тебя. Я приказываю тебе. Я запрещаю тебе... Потому что я по-прежнему люблю тебя. Отправляйся назад в Страну Тростников. Возвращайся назад!»

Но во сне я только и ответил ему: «Отец, я уйду, если ты позволишь мне взять с собой Хамакину».

Он смолчал, продолжая свирепо расхаживать взад и вперед. От ярости он не спросил даже, люблю ли я его.

Я проснулся от еле слышного пения. Казалось, что ветер откуда-то издалека доносит звук многих голосов. Я вновь сел, убрал монеты в мешок и увидел огромную трирему, несущуюся прямо на меня; парус ее так и вздувался от ветра, а весла взбивали волны в пену.

И все же это была вещь бестелесная, вроде затаившихся в тростниках привидений, — лишь очертания из дыма. Голоса гребцов были приглушенны, барабан, задававший темп, стучал, как тихий отголосок далекой угасающей бури. Сквозь корпус судна и его парус просвечивали звезды, и пена от весел тоже была призрачной. Вóды вокруг меня были по-прежнему черны, гладки и безмолвны.

Да, это были чудеса, но тайны в них не было, ибо Великая река сосуществует с рекой Мертвых, пусть и текут они в разные стороны. Иногда по ночам матросы речных судов мельком видят смутные очертания — это груз, который несет черное течение. Заметив такое, матросы считают это дурным знаком и приносят жертвы, чтобы успокоить гнев того божества, против которого они могли согрешить.

А теперь я на реке Мертвых видел живых, будто призраков. Трирема оказалась прямо передо мной, и моя лодка прошла сквозь нее. На мгновение я оказался среди гребцов и почувствовал резкий запах их натруженных тел. Затем я проплыл сквозь богато убранную кабину. Там пировал важный господин со своими приспешниками. Думаю, это был сам Деспот Страны Тростников. Одна дама из его окружения замерла с кубком в руке. Наши глаза встретились. Похоже, она была не столько напугана, сколько удивлена. Она вылила немного вина из своего кубка, будто приглашая меня к возлиянию.

Потом трирема исчезла вдали, и я снова лег, закрыл глаза монетами и прижал к груди отцовский меч.

Я опять уснул и увидел новый сон, но сновидение мое было невнятно: какие-то силуэты в темноте, звуки, которых я не мог разобрать... Я проснулся, голодный и с пересохшим горлом, и отпил из фляги, а затем подкрепился едой из кожаного мешка.

А пока я ел, то понял, что река больше не течет. Лодка стояла совершенно неподвижно посреди черного, бесконечного, мертвого болота под серыми звездами. Не было даже эватим и привидений.

Я испугался не на шутку. Я подумал, что мне придется остаться здесь навсегда. Нет, я был каким-то образом в этом уверен! Бог-пожиратель как-то обхитрил меня. Земля Мертвых не примет меня, пока я все еще жив. Я с трудом проглотил последний кусок хлеба, завязал мешок и выкрикнул, почти всхлипывая: «Сивилла! На помощь! Я заблудился!»

И небо стало светлеть. Я увидел, что из болота поднимаются уже не тростники, а огромные деревья, совершенно голые, будто каменные колонны от разрушенных построек.

Некоторые звезды начали блекнуть. Я подумал, что всходит луна,— как странно, неужели я отсюда смогу увидеть луну? — но вместо нее на небо выплыло лицо Сивиллы, бледное, круглое и огромное, как полная луна. Какое-то время она смотрела на меня сверху вниз, молча, а я боялся заговорить с ней. Потом лицо ее пошло рябью — так бывает с отражением, когда в тихий пруд бросают камешек,— и совсем исчезло, но среди тростников громко раздался ее голос:

— Чернокнижник, сын чернокнижника, ты призвал меня по глупости и напрасно потерял одну из возможностей ко мне обратиться. Ты у цели и мог бы отыскать дорогу сам. Тем не менее, раз уж ты считаешь, что тебе нужен проводник, опусти руки в воду и вытащи себе такового.

— В воду? — переспросил я.

На мгновение я ужаснулся, что, задав этот вопрос, истратил вторую возможность обратиться к Сивилле. Но она не ответила.

Я опустил руку в холодную воду, опасаясь затаившихся там эватим. Я стал водить рукой из стороны в сторону, растопырив пальцы, чтобы что-нибудь нащупать. Мгновение я так и лежал, свесив руку из лодки и обдумывая, не было ли это одной из загадок, которые любит загадывать Сивилла. Потом вода внезапно ожила, как будто что-то поднималось из нее, и пальцы мои сомкнулись на чем-то вязком и скользком, как водоросли. Я потянул это на себя.

Над поверхностью показалась ладонь, следом — вторая. Я выпустил то, что держал, и отполз назад. Поднявшиеся из воды руки ухватились за борт лодки, и она качнулась от веса того, кто уже залезал в нее. Внезапно резко запахло разложением, гниющей плотью. Длинные, покрытые илом волосы речного существа падали на лицо, от которого остались почти одни кости.

Тогда я завопил, и крик мой стал громче, когда существо открыло глаза и заговорило. Я понял, что это моя мать.

— Секепре...

Я закрыл лицо руками и только всхлипывал, стараясь вспомнить ее такой, какой знал ее когда-то, давным-давно.

— Секенре.— Она взяла меня за запястья и нежно отняла мои ладони от лица.

Прикосновение ее рук было таким же холодным, как *поцелуй Сивиллы*.

Я отвернулся от нее.

— Мама, я не ожидал... — Больше я ничего не смог сказать и снова расплакался.

— Сынок, я тоже не ожидала встретить тебя в этих местах. На самом деле это ужасная штука.

Она притянула меня к себе, и я не сопротивлялся. И вот я лег лицом ей на колени, прижался щекой к ее мокрому, покрытому илом платью, а она нежно гладила меня по лбу костяными пальцами. Тогда я рассказал ей все, что произошло: про смерть отца и про то, как он вернулся за Хамакиной.

— Я грех твоего отца, который наконец вернулся за ним, — сказала она.

— А разве он?..

— Убил меня? Да, убил. Но это наименьшая часть его злодеяния. Он более согрешил против тебя, Секенре, а еще против богов.

— Мне кажется, что он не хотел делать дурного, — сказал я. — Он говорит, что все еще любит меня.

— Возможно, и любит. Но все же он совершил великие грехи.

— Мама, как мне следует поступить?

Ее холодный, заостренный на конце палец обвел вокруг знака у меня на лбу.

— Нам пора снова отправляться в путь. Лодка уже выполнила свою задачу. Ты должен ее оставить.

С нарастающим ужасом посмотрел я в черные воды.

— Не понимаю. Мы должны... поплыть?

— Нет, любимый сынок. Мы пойдем. Прямо сейчас выходи из лодки и иди.

Я свесил одну ногу за борт, потрогал ступней холодную воду. В недоумении я посмотрел на мать.

— Давай же. Неужели ты сомневаешься, что может произойти такое маленькое чудо после всего, что тебе довелось увидеть?

— Мама, я...

— Шагай.

Я подчинился и встал на воду. Мне показалось, что под моими ступнями холодное стекло. Потом мать встала рядом со мной, и лодка медленно поплыла прочь. Я было обернулся, чтобы посмотреть ей вслед, но мать взяла меня за руку и повела в другую сторону.

Прикосновение ее руки напомнило мне Сивиллу — живое и холодное железо.

Канал стал шире, и там нас поджидали эватим. Воды текли здесь уже почти что быстро, беззвучно волнуясь и образуя большие и малые водовороты. На мелководье в воде стояло множество привидений, но они не окликали нас. Они просто оставались на своем месте и только поворачивали головы, когда мы проходили мимо. Среди них был один человек в сияющих доспехах, а в руках он держал свою отрубленную голову.

Потом вокруг нас показалось множество лодок, черных, непрозрачных и безмолвных, — это были не призраки живых, а похоронные лодки. Мы прошли вдоль длинной и узкой баржи; ее заостренные корма и нос высоко поднимались над водой, а в квадратной каюте мерцал фонарь. В каюту залезли эватим, и баржа закачалась. Я слышал, как они дрались там, внутри.

Наконец перед нами замаячило что-то огромное и темное, похожее на гору и закрывшее собой звезды. Со всех сторон я видел похоронные лодки, которые следовали туда же, что и мы; некоторые вихляли и поворачивали туда-сюда среди тростника. Одна из них то ли за что-то зацепилась, то ли ее перевернули эватим. Спеленутый труп упал в воду и поплыл, волоча за собой марлю, так близко, что я мог бы протянуть руку и дотронуться до него.

Темнота окружила нас совершенно внезапно, погасив звезды. Я услышал, как бурно устремилась вперед вода, а лодки заскрипели и стали стукаться друг о друга.

— Мама! — прошептал я, протянул руку и дернул ее за платье. Кусок ткани остался у меня в руке. — Это она и есть? Это пасть Сурат-Кемада?

— Нет, дитя мое, — тихо ответила она. — Мы уже немало времени находимся во чреве зверя.

И почему-то это вселило в меня еще больший ужас.

IV

С этого момента уже ничего было не понять и все происходившее превратилось лишь в бесконечную цепь снов и пробуждений, пустых видений и лишенного очертаний тумана, боли, страха и неясного беспокойства.

Я не знал, сколько времени уже находился на реке — возможно, часы, а может, дни или недели. Временами казалось, что я невыразимо устал, а иногда что я дома в кровати и все вокруг просто безумный и страшный сон. Но я протягивал руки, когда ворочался и потягивался, перед тем как проснуться, и касался холодного, мокрого, разложившегося тела матери.

От нее больше не смердело разложением, пахло только речным илом, как от давно затонувшей связки палочек и тряпок.

Иногда вокруг нас появлялись цапли, тускло светившиеся в непроглядной темноте, как тлеющие угольки. У них были лица мужчин и женщин, и все они что-то шептали нам, умоляли, произносили имена. И голоса их сливались воедино, похожие на мягкий неразборчивый шелест на ветру.

Бóльшую часть времени мы просто шли одни в темноте. Я чувствовал под ногами холодную поверхность реки, но не ощущал ее движения, а ноги мои шагали без остановки.

Мать заговорила. Голос у нее был тихий и раздавался из темноты, как будто что-то вспомнившееся во сне.

Думаю, она даже не обращалась ко мне. Она просто рассказывала о своих воспоминаниях, и вся ее жизнь, будто медлительными пузырьками, плывущими к поверхности воды, выплескивалась в словах: обрывки незаконченных разговоров, которые она вела в детстве, а еще многое о моем отце, обо мне и о Хамакине. Несколько минут — хотя, возможно, и намного дольше — она пела колыбельную, как будто укачивая перед сном то ли меня, то ли Хамакину.

Потом она замолчала. Я протянул руку, чтобы убедиться в том, что она все еще рядом со мной, и ее костлявая рука отыскала мою и легонько сжала. Я спросил ее, что она узнала о Земле Мертвых с тех пор, как пришла сюда, и она тихо ответила:

— Я узнала, что всегда буду изгнанницей, что для меня не подготовлено место, ибо я пришла во владения Сурат-Кемада неподготовленной и обо мне никто не объявлял ему. Место моего изгнания — река, по которой я должна блуждать до тех пор, пока не умрут боги и не будут разрушены миры.

И тогда я заплакал и спросил, не отец ли в этом виноват, и она сказала, что он.

Потом она вдруг спросила меня:

— Секенре, ты ненавидишь его?

В тот момент я был совершенно уверен, что ненавижу, но не смог ответить.

— Думаю, он не желал причинять зла...

— Сын мой, ты должен разобраться в своих чувствах к нему. В них ты заблудился, а не на реке.

Мы вновь тихо шли в непроглядной тьме, и все это время я думал об отце и вспоминал мать такой, как она когда-то была. Больше всего мне хотелось, чтобы все стало по-прежнему. Чтобы отец, мать, Хамакина и я — все вместе мы жили в нашем доме на окраине Города Тростника, как тогда, когда я был маленьким. Но если мне и удалось что-то понять к этому времени, так это то, что возвратиться невозможно, что дни наши текут вперед так же непреклонно, как Великая река, и потерянное никогда не возвращается к нам. Я не был мудрым. Я мало что понимал. Но это я знал наверняка.

Отец, по которому я тосковал, просто ушел. Возможно, ему тоже хотелось стать таким, как прежде. Мне хотелось понять, знает ли он, что это невозможно.

Я попробовал ненавидеть его.

От темноты и тишины на реке у меня возникло чувство, что я иду по туннелю глубоко под землей. А разве не были мы еще глубже, чем под землей, в самом брюхе Сурат-Кемада? Мы проходили из тьмы во тьму, словно через бесчисленные прихожие, но так и не могли отыскать главный зал.

«И то же самое случается с нашими днями. То же самое — с нашими хлопотами, — думал я. — Что бы мы ни стремились понять, оно оставляет нам лишь тусклый отблеск и огромную тайну».

Так и мой отец...

Совсем неожиданно мать взяла меня за обе руки и сказала:

— Мне было дозволено проводить тебя лишь немного, и этот небольшой путь мы уже проделали. Я не могу идти туда, куда не желают допускать изгнанников, где для меня не приготовлено место...

— Что ты сказала? Не понимаю.

— Меня не допустят в дом бога. Я должна оставить тебя у входа.

— Но ты сказала...

— Что мы уже некоторое время находимся во чреве его. И вместе с тем мы пришли к порогу его дома...

Она отпустила меня. Я в отчаянии протянул к ней руки и снова нащупал ее:

— Мама!

Она очень нежно поцеловала мне обе руки, и ее губы, как и губы Сивиллы, были так холодны, что поцелуй обжигал.

— Но ты герой, сын мой. Ты сможешь сделать следующий шаг и еще один. В этом, ты знаешь, и заключается храбрость — просто сделать еще один шаг. А я всегда знала, что ты у меня храбрый.

— Мама, я...

Но она погрузилась в глубины вод. Я хватал ее. Старался вытащить, но она тонула, будто камень, и я выпустил ее из рук. Наконец я заметил, что бессмысленно ползаю туда-сюда по поверхности воды, щупая руками вокруг, как слепой малыш, растерявший свои игрушечные шарики на гладком полу.

Я встал; внезапно меня начала бить дрожь, и я принялся растирать ладони.

Она ошиблась, говорил я себе. Я не герой. Я не храбрый. У меня просто нет выбора. Это и Сивилла увидела.

Но ни разу я не подумал повернуть назад. Дорога позади меня непроходима, и на то было много причин.

Я захотел позвать Сивиллу и сказать ей, что я опять сбился с пути. В темноте, где мне было не на что ориентироваться, я мог только ощутить ступнями, в какую сторону путь идет под уклон. Я не понимал даже, направляюсь ли я туда, куда намеревался попасть, или же в противоположную сторону.

В конце концов, какое это имело значение? Думаю, что во чреве бога направление есть понятие нефизического рода. Это вопрос степени.

Все вновь начало происходить быстро. Вокруг меня загорелись огни, будто фонари поднялись с поверхности воды и засияли на небе, как звезды. Вода пошла рябью, и холодные маслянистые волны заплескали на мои ступни.

Я побежал, опасаясь, что те чары, которые держали меня на поверхности, покинут меня, как только что покинула мать. Казалось, нет ничего ужаснее, чем погрузиться в воды реки во чреве Сурат-Кемада.

Я бежал, а светящиеся точки двигались вместе со мной, кружась, будто горящие пылинки на ветру. Я услышал какой-то звук и подумал, что это ветер, но вскоре понял, что это дыхание, шипение слюны, брызжущей сквозь зубы. Огоньки же были глазами, и они не отражали свет, как глаза собаки отражают пламя костра, но светились сами, будто угли.

Темнота немного отступила, и я увидел, что выбрался из туннеля. По обеим сторонам реки взмывали на невероятную высоту зубчатые потрескавшиеся утесы. Высоко надо мной опять сияли серые звезды Земли Мертвых.

И эватим окружали меня тысячами: они были на рекс, карабкались на утесы, некоторые просто стояли у кромки воды и глядели на меня в упор. При свете их глаз и бледных звезд я увидел, что добрался наконец туда, где Великая река кончается и берет свое истинное начало, — к огромному озеру. А вокруг все расхаживали белотелые существа с крокодильими головами, по щиколотку погружаясь в густой серый туман, то поднимая, то опуская длинные зубастые морды.

Эватим несли шесты с длинными крюками вроде багров. Пока я смотрел на них, то один, то другой погружал багор в воду и вытаскивал человеческий труп, бросал его через плечо и уходил или же так и оставался стоять, держа мертвое тело в объятиях.

Я понял, к своему ужасу, что стою на бескрайнем море трупов. Посмотрев вниз, я разглядел их смутные очертания неглубоко под водой, почти под моими ступнями: лица, руки, вздымающиеся грудные клетки... Спины и ягодицы лениво отталкивали друг друга в черной воде, словно бесчисленные рыбы, попавшие в сети. Я от омерзения отскочил, но деваться от этого было некуда.

Я снова побежал. О чудо! — эватим, похоже, были так заняты своим делом, что не замечали меня.

Но теперь мои шаги перестали быть бесшумными: я слышал сильный плеск и чавканье, как будто бежал по жидкой глине.

Это на самом деле было то место, о котором я читал в Книгах Мертвых, что переписывали мы с Велахроносом. Место, где тела и души умерших и нерожденных разбирают эватим, а эватим — суть мысли и слуги ужасного бога. Каждый человек проходит суд и отправляется на положенное ему место: или отвергается, или пожирается.

Тогда я пришел в отчаяние, ибо понял, что если Хамакина здесь, то я наверняка не смогу ее найти никогда.

Но я все же сделал следующий шаг, и еще один, и еще: теперь я уже не бежал, но шел быстрым шагом. Если это и есть храбрость, то я был храбр. Я пошел дальше, и туман клубился вокруг моих голеней.

Мне казалось, что я приближаюсь к отмели. Тростник поднимался вокруг меня, будто голые железные прутья. Я прошел мимо одной затонувшей похоронной лодки, мимо другой, затем вдоль длинной полосы из досок и обломков, но там не было уже ни трупов, ни эватим.

Передо мной, будто бледная полоска на горизонте, словно белый восход, простирался песчаный берег. Его пересекала бесконечная процессия эватим, вытаскивавших из воды свою нелегкую ношу.

Некоторое время я наблюдал за ними, стоя в тростниках. Потом я шагнул вперед, и вокруг моих коленей заплескала холодная вода. Я ахнул, поразившись тому, что больше не хожу по воде, а погружаюсь в нее и под ногами у меня глина и песок.

Я подошел к берегу и пригнулся, стараясь скрыться среди последних тростников. Постепенно я разглядел в скале — там, где начинался песчаный берег, — три огромных входа. Крокодилоголовые шагали туда и затаскивали в ходы свою ношу.

У меня не было сомнений, что каждый ход вел в отдельное место и что там и выносился окончательный приговор бога. Да, я был у порога жилища Сурат-Кемада, в прихожей перед его великим залом, заново начиная свои искания.

Но я не знал, в какую из трех дверей идти мне. Конечно, мой отец ждал меня за... одной из них.

Я сделал еще один шаг и еще и с независимым видом зашагал среди эватим. Они не обращали на меня никакого внимания. Всей толпой мы двинулись к одной из дверей. Меня окружали холодные, окоченевшие тела. Я решил, что буду двигаться туда, куда понесет меня эта огромная масса.

Перед моими глазами качнулось пустое лицо старухи: тот, кто нес ее труп, перебросил его через плечо. Чернел открытый рот, застывший в вечном намерении то ли крикнуть, то ли поцеловать, то ли пожрать кого-то.

Вновь по обеим сторонам от меня были высокие скалы. Некоторые из эватим карабкались на остроконечные скалы, и их горящие глаза напоминали восходящие звезды. Я видел, что те из них, кто уже забрался наверх, опускали ношу на каменные выступы и приступали к пиршеству.

Я торопливо отвернулся и уставился в землю. Ноги эватим были такими бледными, что казалось, они тоже светились.

Камень по краям огромной двери был гладко обтесан, железные створки широко распахнуты. Более всего вход напоминал огромные разверзнутые челюсти.

Я снова попытался заглянуть внутрь, но ничего не смог разглядеть за толпой эватим. Я подпрыгнул. Повернулся и посмотрел назад, но лишь полчище крокодильих морд воззрилось на меня, будто завихряющийся смерч, наполненный горящими глазами.

— Остановись! Ты не принадлежишь к братству эватим!

Я обернулся и увидел бледное лицо с черной бородой; красные глаза не мигали. Держалась эта голова на теле змеи, но оно было твердым, как ствол дерева, и покрывали его сверкающие чешуйки размером с мою ладонь. Пока я смотрел на это существо, с земли поднялось еще одно такое же, на сверкающем стебле вместо туловища, а потом другие стали вылезать из песка, пробиваться из-под камней, и наконец мне преградил дорогу целый лес стволов. Эватим отошли подальше.

— Тебе нельзя сюда заходить! — сказал один из них.

— Святотатец, ты не можешь войти во владения нашего господина!

Я взял свой кожаный мешок, едва сумел развязать веревку и вынул две похоронные монеты.

— Подождите, — сказал я. — Вот что у меня для вас есть.

Передний из человекоголовых существ на змеиных туловищах потянулся вперед и взял мои монеты в рот. Губы его, как и губы Сивиллы и моей матери, обжигали холодом.

Но во рту у существа монеты запылали, и оно выплюнуло их мне под ноги:

— Ты же все еще жив!

И тогда все они закричали в один голос:

— Этот еще живой!

И эватим, извиваясь, прошли через лес покрытых чешуей существ, которые вопили на меня; теперь, избавившись от своей ноши, они шли на всех четырех конечностях, разевая огромные челюсти. Я вытащил отцовский меч и рубанул одного из них, и еще одного, и еще, но потом один из эватим схватил меня за правую ногу и рывком уронил на колени. Я снова и снова рубил его мечом. Один горевший глаз лопнул и с шипением вытек.

Другой эватим поднялся на дыбы, сомкнул челюсти на моей спине и груди и повалил меня назад. Больше я не мог сражаться. Эватим бросились на меня всем скопищем, а существа со змеиными телами продолжали кричать, вопить, бормотать, и голоса их были подобны грому.

Во все мое тело впились острые как ножи зубы и стали рвать мою плоть. Я все еще сжимал меч, но он был придавлен к песку, и я не мог даже пошевелить его...

Голова моя по самые плечи оказалась в крокодильей пасти, и я закричал. Голос мой из горла чудовища звучал хрипло и глухо:

— Сивилла! Я снова призываю вас...

Не могу точно описать, что произошло после этого. Я вновь увидел ее светившееся в темноте подо мной лицо, как далекий фонарь. Оно поднималось, мчалось ко мне, а эватим по-прежнему терзали меня и медленно крушили мою плоть своими челюстями.

Потом я отчетливо ощутил, что упал в воду, вокруг меня сомкнулась вязкая чернота, и эватим исчезли. Я медленно погружался в холод и темноту, а лицо Сивиллы плыло передо мной и становилось ярче. Наконец тьма рассеялась, и свет начал слепить мне глаза.

— На этот раз ты не напрасно позвал меня, — сказала она.

Я проснулся в кровати. Как только я понял, что это постель, то спокойно лег и прикрыл глаза, старательно отметая мысль о том, что это моя собственная кровать у меня дома и что мои приключения были всего лишь затянувшимся кошмарным сном.

Я знал, что это не так, и тело мое это знало: ведь я чувствовал множество ран там, где в меня вгрызались эватим. И я был почти голый, потому что одежда моя оказалась изорванной в клочья.

Но я по-прежнему сжимал отцовский меч. Я с трудом пошевелил правой рукой, и лезвие царапнуло по твердому дереву.

Это была не моя кровать. Она была сколочена из неотесанных досок и не застлана простыней, а посыпана песком.

Я стал садиться, не открывая глаз, и чьи-то нежные руки взяли меня за голые плечи. Руки были мягкие и теплые.

Тут у меня закружилась голова. Меч выскользнул из пальцев. Я открыл глаза, но не смог ничего разглядеть. Все расплывалось.

На спину мне стали лить теплую воду. Раны мои защипало. Я испустил крик, упал вперед и оказался в объятиях незнакомого человека. Мой подбородок лег ему на плечо.

Помещение, в котором я находился, выглядело более странно, чем я мог бы даже вообразить. Когда-то это был богато убранный зал, а теперь здесь царила разруха. Сам же зал был опрокинут набок, точно огромная коробка, которую кто-то повернул, в беспорядке рассыпав содержимое. Высоко над головой оказались окна. Их распахнутые створки с нарядными витражами, изображавшими сия-

ющих рыб, свисали вниз. Книги и пузырьки грудами валялись среди упавших балок, штукатурки и кирпича. Растрескавшаяся винтовая лестница заканчивалась в воздухе, никуда не доходя. Закрепленное на полу, ставшем стеной, изображение Сурат-Кемада не оторвалось от поверхности, но торчало внутрь помещения горизонтально. С серо-зеленой морды косо свисал фонарь.

Тот, кто приютил меня, мягко толкнул меня обратно на кровать, и теперь я смотрел в лицо седобородому мужчине. Прищурившись, он разглядывал меня в полумраке, и его лицо покрыли морщинки. Его лицо выразило непередаваемую радость, но она быстро сменилась сомнением и почти сразу горьким разочарованием.

— Нет, — сказал он. — Это не так. Пока еще нет.

Я протянул руку, чтобы потрогать его, убедиться, что он действительно живой и настоящий, но он взял мою ладонь и вернул ее мне на грудь. Потом вложил в нее меч моего отца, согнул мои пальцы на рукояти, и так я лежал, ощущая голой кожей холодное лезвие.

Затем он сказал мне нечто совершенно поразительное:

— Я думал, что ты мой сын.

Я сел, и на этот раз у меня получилось удержаться. Я увидел, что на самом деле был почти нагим: одежда изорвана в лохмотья, тело перепачкано кровью. Внезапно я вновь почувствовал слабость и схватился свободной рукой за стойку балдахина кровати.

— Но вы не мой отец, — выпалил я.

— Тогда мы с тобой согласились, — кивнул он.

— Не *понимаю*...

Снаружи завывал ветер. Зал раскачивался и поскрипывал; было видно, как шевелятся стены. Вокруг нас вдруг повалилась штукатурка, щепки и целая лавина человеческих костей, и воздух наполнился пылью. Мне на плечи и спину попáдали изразцы. Створки окна у меня над головой захлопали туда-сюда.

Мне вспомнилось жилище Сивиллы. С нарастающим ужасом посмотрел я на собеседника, но он лишь пожал плечами:

— Это пройдет. Не тревожься.

Как только все утихло, я сказал:

— Я Секенре, сын чернокнижника Ваштема.

Он зашипел и отпрянул:

— Тогда я страшусь тебя!

— Нет, — ответил я, — сам я не чернокнижник.

Я начал объяснять ему все, но он махнул рукой, умоляя меня замолчать:

— Ты воистину могущественный чернокнижник! Я вижу! Вижу!

Я подумал, что он сумасшедший. Но что может быть естественнее, чем встретить безумца после всего, что мне довелось пережить? Если он решил, что я чернокнижник, то нет смысла его в этом разубеждать.

Я положил отцовский меч себе на колени, скрестил руки на груди и уставился на него, как я надеялся, суровым взглядом:

— Ну ладно. Я, чернокнижник, приказываю вам объясниться.

Он развел руками; теперь этот человек казался совсем беспомощным.

— Чернокнижник, я не знаю, с чего начать...

— Почему вы решили, что я ваш сын?

Он шагнул к разбитой статуе, изображавшей птицу, и сел на плоской поверхности, на месте отколотой птичьей головы. Не ответив на мой вопрос, он несколько минут сидел молча. Я подумал, что он забыл обо мне и впал в какую-то летаргию. Сначала я глядел на болтавшиеся створки окна, потом от нечего делать стал трогать лежавший у меня на коленях меч.

Наконец он вздохнул и сказал:

— Что тебе известно о том, откуда ты происходишь, чернокнижник и сын чернокнижника?

Я рассказал ему немного моей истории, и он лишь снова вздохнул и сказал, что я могущественный чернокнижник, хоть и не обладающий пока знанием.

— Тогда научите меня, — сказал я.

— Когда твоя мать оставила тебя, — сказал он, — причина была в том, что она не могла пойти дальше Лешэ, царства сновидений. Из-за того, что ее не приготовили к

погребению, она не может по-настоящему войти в Землю Мертвых. Существуют четыре царства, и ты должен это понимать. Земля есть царство Эшэ, мир живых людей. Но сны наши приходят из туманов над рекой, из Лешэ, где страна сновидений граничит со страной смерти. Мы видим во сне беспокойных духов, потому что они обитают в Лешэ, как и твоя мать. Далее лежит Ташэ, подлинное обиталище мертвых, где все пребывают в местах, отведенных им богом.

— А четвертое царство?

— Оно называется Акимшэ — святость. В сердце бога, в сознании бога, среди огненных фонтанов, где рождаются сами боги, и миры, и звезды, — это Акимшэ, святость, и описать ее невозможно. Ни величайшие прорицатели, ни чернокнижники, ни даже сами боги не могут взглянуть на конечную загадку Акимшэ.

— Но это все-таки внутри Сурат-Кемада, — сказал я. — Я не понимаю, как...

— Хорошо, что ты не понимаешь. Даже Сурат-Кемад не понимает. Даже он не может взглянуть на это...

Я поторопился прервать его:

— Мне снова пора в путь. Я должен найти отца.

И тогда мой собеседник снова сказал поразительные слова:

— Да, конечно же. Я знаю его. Он в наших краях обладает огромной властью.

— Вы... вы... его знаете? — Больше я не смог сказать ни слова. Все мысли мои перепутались.

— Он обитает здесь, пользуясь особыми почестями, ибо он — чернокнижник, — сказал старик. — Но он должен оставаться здесь, потому что он, пусть и единственный в своем роде среди слуг Сурат-Кемада, все же слуга.

Я встал; ноги мои подкашивались. Я закрутил на поясе разорванные брюки, стараясь выглядеть по меньшей мере прилично, но ткани почти не осталось. Потом я засунул за пояс меч.

Так я и стоял, тяжело дыша от напряжения, и морщился, потому что натянулась кожа на моих искусанных боках.

— Вы должны отвести меня к отцу, — сказал я.

— Я могу лишь показать тебе дорогу, — грустно покачал он головой.

— Куда мне идти?

Старик указал наверх — туда, где было открытое окно.

— Туда?

— Да, — сказал он, — туда.

— Но...

Я подошел к двери, которая располагалась в стене горизонтально, и открыл ее: створка опустилась вниз. Перед моим взглядом раскинулся густой лес, росший горизонтально, а грунт поднимался вертикально. Среди стволов витала светящаяся дымка, похожая на рассветный туман, который вот-вот развеется. На ветвях порхали и чирикали птицы со сверкающими перышками. В лицо и грудь мне подул теплый сырой ветер.

Седобородый мужчина положил мне руку на плечо и увел меня в сторону.

— Нет, — сказал он, — ты никогда не найдешь отца, если пойдешь в ту дверь. — Он вновь указал на потолок. — Тебе туда.

Я начал неловко карабкаться вверх; мышцы болели. Кисть правой руки в том месте, где ее коснулись губы змея-стражника, онемела.

Я ухватился за изображение бога, а потом закинул на него всю руку. Подтянулся и уселся верхом на Сурат-Кемада, свесив ноги.

— Ты так и не ответил на мой вопрос. Почему ты решил, что я твой сын?

— Это очень давняя история и очень горестная.

Я спросил его ни к чему не обязывающим тоном:

— Вы могли бы... рассказать мне об этом?

Он сел на край кровати и устремил на меня взор:

— Меня звали Аукин, сын Невата. Жил я намного дальше известных тебе земель, дальше устья Великой реки. На другом берегу моря среди тех, кого у вас называют варварами. У меня была жена. Я очень любил ее. Разве это удивительно, пусть даже и для варвара? Вовсе нет. Когда она умерла, нося моего первенца, и сын мой тоже

умер у нее в утробе, горе мое не знало границ. Боги моей родины не могли утешить меня, ведь они суровые лесные духи леса и холмов и утешать кого-то — не их дело. Поэтому я отправился в вашу страну — сначала в Город в Устье, где долго молился перед образом Бел-Кемада и отдал много золота его жрецам. Но он не ответил мне, и, когда у меня закончились деньги, жрецы выставили меня вон. И тогда я пустился в странствие вдоль всей Великой реки, по лесам, равнинам и болотам. Я поселился вместе со святыми людьми, обитавшими высоко в горах. У них я научился видеть сны. Они думали, что научат меня довольствоваться тем, что у меня есть, но я-то придумал для себя отчаянный план. А именно: я собирался стать самым могущественным сновидцем из всех и проделать путь за пределы Лешэ — к озеру Ташэ, а потом и дальше. Я хотел найти моего сына, который пытался прийти в этот мир, но не смог, и привести его обратно с собой. Мертвые, как положено, возвращаются к Пожирающему Богу, так что вернуть жену у меня надежды не было. А вот нерожденного, как я думал — и до сих пор так считаю, — я мог бы отыскать. Пока что удалась лишь первая часть моего плана. Я здесь. Но я не нашел сына. Когда я увидел здесь тебя, живого, во мне снова пробудилась надежда, но очень ненадолго.

— Я здесь благодаря Сивилле, — сказал я.

— Да, я это понял по той отметине, что она на тебе оставила.

— По какой еще отметине?

Он встал, порылся в куче обломков и подал мне осколок зеркала.

— Ты разве не знал? — тихо спросил он.

Я смотрел на свое отражение. Пятно на лбу, где поцеловала меня Сивилла, горело так же ярко, как глаза эватим.

Я отдал ему зеркало и в тот же момент заметил, что и от кистей моих рук тоже исходит бледное сияние там, где к ним прикасалась моя мать. На том месте, где к руке прикасались губы змея-стражника, когда он взял у меня монеты, на коже остался ожог, уже заживший и превратившийся в гладкий белый шрам.

Я сидел неподвижно и смотрел на руки.

— Если я и в самом деле чернокнижник, — сказал я, — то постараюсь помочь тебе. Ты не должен меня бояться.

Он протянул мне кубок:

— Выпей вот это.

— Но мне нельзя. Если я хоть что-то здесь выпью, то я...

Старик вздохнул:

— Как ты еще невежествен, чернокнижник. Это же воды из Лешэ — из реки, наполненной сновидениями. Эта вода принесет тебе многие видения. От нее у тебя по-настоящему откроются глаза, но ты не будешь привязан к миру мертвых. Привязывают к нему воды Ташэ, а не Лешэ.

— А мне обязательно нужны видения?

— Мне кажется — да, чтобы добраться, куда ты направляешься.

— Это тоже произойдет благодаря Сивилле, — сказал я.

— Да. А теперь пей.

Я выпил. Вода оказалась очень холодной и, к моему удивлению, сладкой. От нее я затрепетал всем телом. Правда, во рту осталось горькое послевкусие...

— Теперь ступай, — сказал Аукин, сын Невата, потерявший своего сына.

Я встал, поймал ненадежное равновесие, опираясь лишь ступнями на изображение бога, и ухватился за подоконник, затем подтянулся. На мгновение я повис, глядя на старика. Он махнул рукой, указывая, что надо лезть дальше. Я снова подтянулся и почувствовал, как лицо и грудь обдувает жаркий ветер, а в кожу впиваются песчинки, как будто там, куда я залез, бушевала песчаная буря.

А потом я начал падать, но не обратно в зал, а вниз, по ту сторону окна, потому что направления в пространстве каким-то образом перевернулись. Окно становилось все меньше и меньше там, в высоте, и наконец исчезло, а я летел, кувыркаясь через голову, в туче горячего и ослепляющего песка.

Ко мне пришли видения.

Падая, я узрел всю страну Ташэ, распростертую подо мной. Я увидел, что всякий умерший обитает там в небольшом пространстве, созданном из какого-либо воспо-

минания его жизни, либо приятного, либо — если человека терзает память о своей вине — пробуждающего бесконечный ужас. Таким образом, владения Ташэ являли собой переплетение несообразных частей, нагроможденных в беспорядке почти как предметы в жилище Сивиллы.

Падая, я одновременно находился во многих местах. Я шагал по мягкому мху на берегу пруда, скрытого в лесной глуши, пронизанной золотым светом. У пруда сидели три девочки; они мыли волосы. Рядом с ними был юноша, едва ли старше меня, перебиравший струны лиры. Со всех сторон простирался лес, казавшийся бесконечным. По воздуху среди ветвей проплывали молочно-белые рыбы.

Я на один шаг отошел от пруда, и лес исчез.

Под тусклыми звездами я побежал по бескрайнему простору, выложенному кирпичом — таким горячим, что он обжигал мне ступни. Раскаленные кирпичи тянулись до черневшего горизонта. Я плакал, шатался от боли, но заставлял себя бежать. Из щелей между кирпичами с шипением вырывались дым и пламя. Я хватал ртом воздух, был измазан копотью и покрыт по́том. Наконец я оказался возле окна, располагавшегося среди кирпичей горизонтально, будто в стене. Окно было открыто. Восходящий поток воздуха вздымал занавески пузырем. Я понял, что мне нужно заглянуть внутрь.

Я резко качнулся, упал на четвереньки и закричал от боли. Подполз к краю, глянул вниз и увидел там короля с придворными. Они восседали за столом; явств перед ними никаких не было, а лицо каждого искажала невообразимая мука. Их одеяния и тела были прозрачны, и я мог видеть, что сердца этих господ и дам были раскалены добела, как железо в печи.

А еще я увидел девушку, что пела и непрестанно пряла в красиво освещенной комнате. У ее ног сидел мужчина, вырезавший из куска слоновой кости что-то бесконечно изысканное и прекрасное, но этому произведению никогда не суждено было обрести завершенность.

А я лежал, по-прежнему почти голый, в холодном ручье меж заснеженных берегов. Бушевал буран, и небо было пустым и белым.

И невнятно шумела толпа на каком-то базаре, и я был один в бесконечных тихих залах, покрытых толстым слоем пыли. И я шагал по воде к разрушенной башне, где поджидали моего прихода люди в белых мантиях и серебряных масках; и роскошно одетый пират беспрестанно расхаживал туда-сюда на своем однопалубном суденышке, висевшем в воздухе. Когда я камнем летел мимо, он потрясенно смотрел на меня.

И я смог заглянуть в воспоминания, в жизни всех, кто населял землю Ташэ. Я понял, каково быть королем или рабом, влюбленным или убийцей и каково быть стариком и вспоминать свою жизнь как размытый ускользающий сон.

И я нашел мою сестру Хамакину.

Я упал в вихрь жалившего кожу песка, и внезапно песчинки превратились в миллионы птиц. Они хлопали мягкими крылышками возле меня, чтобы удержать в воздухе. У всех них было лицо моей сестры, и каждая пела голосом Хамакины:

— Секенре, я здесь.

— Где?

— Братик, ты пришел за мной.

— Да, пришел.

— Братик, теперь уже слишком поздно.

Я уже не падал, а лежал, откашливаясь, в мягкой куче остывшего пепла. Я сел, выплюнул пепел изо рта и постарался протереть глаза.

Через некоторое время мое лицо было мокрое от слез и слюны. Я смог вытереть его и увидел, что нахожусь в саду из пепла. Во все стороны тянулись, исчезая вдали, ровные ряды голых белых деревьев, лишенных листьев, но увешанных круглыми белыми плодами. С неба, будто дождь, сыпался пепел, так что и небо, и пепел, и земля — все было серое, и я не мог различить, где кончается земля и начинается небо.

Я встал среди засохших цветов. Стебли их напоминали тростник зимой — огромные, отлично сохранившиеся во всех деталях, пусть и лишенные цвета.

Пепла падало так много, что я чувствовал, как хлопья ударяют меня по плечам. Меня покрыло слоем пепла, и я

как будто вписался в эту картину. Я закрывал лицо ладонями, с трудом дыша и стараясь что-нибудь разглядеть, и шагал по тропинке между каких-то палочек — возможно, это были остатки заборов, — а прохладный мягкий пепел доходил мне до колена.

Воздух наполнялся ароматом пепла — настолько сладким, что это было неприятно. Пахло так сильно, что у меня закружилась голова. Но я понимал, что там нельзя останавливаться и отдыхать, и сделал следующий шаг, а потом еще и еще один...

На открытой площадке, которая, возможно, располагалась в середине сада, стоял деревянный навес, наполовину скрытый сугробами из пепла. Это была крыша-купол, покоившаяся на толстых столбах. Купол был сделан в виде глазастого лица с широким ртом, забитым, как будто это существо уже начало рвать серым пеплом.

Там меня и поджидала Хамакина — под этой странной крышей, на скамье. Сестра тоже была в лохмотьях и босая и вся посыпана пеплом. А на щеках ее оставили дорожки слезы.

— Секенре...

— Я пришел забрать тебя, — ласково сказал я.

— Я не могу уйти. Отец... хитростью заставил меня съесть плод, и я...

Я махнул рукой в сторону одного из белых деревьев:

— Вот такой?

— Тогда все выглядело не так. Деревья были зелеными. Плоды были прекрасны и вкусно пахли. Цвета вокруг... сияли, постоянно менялись, как на масляном пятне на поверхности воды, когда его освещают лучи солнца. Отец велел мне есть, и он был сердит, я испугалась и съела... А вкус был такой мертвый, и внезапно все сделалось таким, как ты его сейчас видишь.

— Это сделал отец?

— Он сказал, что все это с самого начала входило в его планы. Я многого не поняла, что он говорил.

— А где он сам?

В ярости я выхватил меч и крепко вцепился в него; меня переполняла ярость, но в то же время я думал, что

выгляжу, наверное, смешным и беспомощным. Но теперь это был мой меч, а уже не отцовский, и Сивилла дала мне его с определенной целью...

— Что ты будешь делать, Секенре?

— Все, что мне придется сделать.

Хамакина взяла меня за руку. Прикосновение ее пальцев было холодным.

— Пошли.

Не знаю, сколько времени шли мы по засыпанному пеплом саду. Не было никакой возможности измерить время или расстояние, определить направление. Но Хамакина, похоже, отлично представляла, куда нам надо было идти.

Потом сад исчез, и мне показалось, что я снова оказался в захламленном жилище Сивиллы, качающемся из стороны в сторону. Я огляделся, ожидая увидеть ее светящееся лицо, но сестра без колебаний повела меня дальше по веревочному мостику через пропасть. В это время огромные морские чудища с бессмысленными человеческими лицами выплыли из моря расплывающихся звезд, разбрызгали вокруг себя бледную пену и разинули пасти с гниющими зубами. В зубах у каждого был зажат зеркальный шар. Я смотрел вниз мимо качавшихся туда-сюда перекрученных веревок моста и в одном из шаров увидел свое отражение.

Почему-то Хамакина оказалась уже не со мной, а где-то далеко, внизу, внутри каждого зеркального шара. И я увидел, как она бежит впереди меня по ровному небу песочного цвета. Потом чудища по очереди погрузились под воду, и она исчезла, и еще одно чудище всплыло, разинув пасть, и я снова увидел сестру.

Теперь в небе над Хамакиной светили черные звезды, и она бежала по песку под ними, как серое пятнышко на фоне мертвого неба. Она удалялась туда, где виднелись черные точки звезд.

И каждое чудище ныряло, а другое всплывало вместо него, чтобы дать мне взглянуть на сестру, и из пропасти до меня доносились обрывки песни, которую она напевала на бегу. Это был голос Хамакины, но он стал

старше, был наполнен болью, и в нем немного слышалось безумие.

Когда я отойду во тьму,
А ты на свете останешься,
Приходи на могилу мою каждый день и приляг,
А я ночью лягу рядом с тобой.
Приходи и дари мне плоды и вино,
Приноси их с зеленых лугов.
А я принесу прах, и пепел, и глину,
Принесу я из мрака дары.

Не было никакого перехода, но я почувствовал, что внезапно оказался на том самом бесконечном песчаном просторе под звездами. И я пошел по невысоким дюнам вслед за голосом сестры — к горизонту, к чему-то черному, видневшемуся там.

Сначала мне показалось, что это звезда, упавшая с неба, но, когда я приблизился, черный силуэт растворился, и я от ужаса замедлил шаг. Теперь я видел перед собой островерхие крыши и окна, похожие на глаза, и знакомый док под нашим домом. И все это покоилось на песке.

Дом моего отца — да нет же, мой собственный дом — стоял на сваях, похожий на огромного замершего паука. Не было ни реки, ни Страны Тростников: весь мир был начисто стерт с лица земли, и осталось только вот это нагромождение старых бревен.

Когда я подошел к доку, там у подножия лестницы меня ждала Хамакина.

Она подняла голову:

— Он там.

— Почему он так обошелся с тобой и с матерью? — спросил я. Одной рукой я вцепился в меч, другой — в лестницу и крепко сжимал пальцы, дрожа больше от горя, чем от страха или гнева.

Ее ответ поразил меня больше, чем все, что рассказывал сновидец Аукин. И снова ее голос стал взрослым и почти хриплым.

— А почему он так обошелся с тобой, Секенре?

Я покачал головой и полез вверх. Лестница дрожала, точно была живой и чувствовала мое прикосновение.

И тут из дому раздался громовой голос отца:

— Секенре, я снова спрашиваю тебя. Ты меня все еще любишь?

Я ничего не сказал и продолжал подниматься. Люк, выходивший на лестницу, был заперт изнутри.

— Я хочу, чтобы ты по-прежнему любил меня, — сказал он. — Для тебя я хотел только самого лучшего. Теперь я хочу, чтобы ты вернулся назад. Несмотря на все твои поступки, совершенные против моего желания, ты еще можешь вернуться. Иди обратно. Вспоминай меня таким, каким я был. Живи своей жизнью. Вот и все.

Я постучал в люк верхушкой рукояти меча. Тогда затрясся уже весь дом, и внезапно все вспыхнуло белым пламенем. Оно окружало меня, слепило, ревело в ушах. Я вскрикнул и прыгнул вниз — и, едва не ударившись о док, упал лицом вниз. Сел в песке, отплевываясь и все еще сжимая в руках меч. Дом от огня не пострадал, а лестница вся обуглилась и рухнула у меня на глазах.

Я вновь сунул меч за ремень и полез вверх по одной из деревянных свай. Вокруг меня снова забушевало белое пламя, но оно не обжигало, и я не стал обращать на него внимания.

— Отец, — сказал я, — я иду к тебе. Впусти меня.

Я добрался до балкона моей комнаты. Я стоял перед тем самым окном, из которого унесло Хамакину. Все окна и двери были заперты на засовы и переливались белым пламенем.

Я подумал, не позвать ли мне Сивиллу. Это будет третья и последняя возможность. А потом, если я еще раз ее позову, — что тогда? Каким-то образом я окажусь в ее распоряжении. Нет, сейчас неподходящее время.

— Отец, — сказал я, — если ты, как сам говорил, так меня любишь, то открой мне.

— Ты ослушался меня, сын.

— Я и дальше не стану повиноваться тебе.

И я снова заплакал, стоя там, потому что сложил ладони и снова раскрыл их. Когда-то отец наказал меня за то, что я пытался совершить этот трюк. Тогда у меня ничего не вышло. Теперь — получилось, и это далось мне просто, как дышать воздухом.

На моих раскрытых ладонях плясало холодное голубое пламя. Я протянул вверх горящие руки и раздвинул белый огонь, словно занавес. Он замерцал и погас. Я прижал ладони к закрытым ставням. С моих пальцев потекло синее пламя. Дерево задымилось, почернело и повалилось внутрь. Оно поддалось так неожиданно, что я чуть было не упал следом.

Я перелез через подоконник и встал, потрясенный. Невероятнее всего было то, что я действительно оказался в том самом доме, где вырос; в комнате, где вместе жили когда-то я, мать и Хамакина. Я увидел свои инициалы, которые когда-то вырезал на спинке стула. Моя одежда кучей лежала на бортике открытого сундука. Мои книги стояли на полке в дальнем углу, а на столе лежал лист папируса, на котором я переписывал одну из рукописей с иллюстрациями. Вокруг были перья, кисти, пузырьки с чернилами и красками, и все было на тех же местах, где я их оставил. На полу возле кровати лежала кукла Хамакины. С потолка свисал один из геватов работы моей матери — безмолвная, неподвижная золотая птица.

Больше всего на свете мне хотелось просто лечь в свою кровать, а потом встать угром, одеться и продолжить работать за столом, как будто ничего не случилось.

Думаю, это было последнее предложение моего отца. Он внушал мне определенные мысли.

По скрипучим половицам я вышел из комнаты. Постучал в дверь мастерской. Она тоже оказалась заперта.

Отец заговорил изнутри. В голосе его слышалась усталость:

— Секенре, чего ты хочешь?

Вопрос оказался для меня совершенно неожиданным. Я только и смог ответить: «Я хочу войти».

— Нет, — ответил он после долгой паузы. — Чего ты на самом деле хочешь — как мой сын, для себя самого?

— Я уже не знаю.

Я снова вытащил меч и постучал в дверь рукояткой.

— А я думаю, что знаешь. Ты хочешь вырасти обыкновенным человеком, жить в городе, завести жену и детей,

избавиться от привидений, теней и магии. В этом я с тобой согласен и тоже тебе этого желаю. Это очень важно.

— Отец, теперь я уже ни в чем не уверен. Я не понимаю, что я чувствую.

Я все так же стучал в дверь.

— Так почему же ты все еще здесь? — спросил он.

— Потому что я должен здесь быть.

— Стать чернокнижником — ужасно, — отозвался он. — Это хуже болезней, хуже всяких ужасов. Как будто открываешь дверь в кошмар, и потом эту дверь невозможно закрыть. Ты стремишься знать. Ты заглядываешь во тьму. В этом есть что-то притягивающее: поначалу оно кажется безграничной властью, потом — славой, а потом, если ты и на самом деле собьешь себя с толку, это начнет казаться великой мудростью. Но чернокнижие сжигает тебя. Оно уродует и меняет тебя. Тот, кто стал чернокнижником, перестает быть тем, кем был прежде. Его все ненавидят и боятся. У него появляются бесчисленные враги.

— А у тебя, отец? У тебя тоже есть бесчисленные враги?

— Сын мой, в жизни мне довелось убить много людей, тысячи...

Это также поразило меня, и я беспомощно спросил только:

— Но зачем?

— Чернокнижник должен обладать знанием — не только для того, чтобы обороняться от врагов, но и чтобы выжить. Он жаждет новых и новых темных заклятий и большего могущества. Из книг можно извлечь для себя лишь немногое. А тебе требуется больше. Для того чтобы стать настоящим чернокнижником, нужно убить другого чернокнижника, и еще одного, и еще. И каждый раз ты присваиваешь то, чем обладал тот чернокнижник, — то, что он когда-то тоже украл у другого, им убитого. На земле осталось бы очень немного чернокнижников, если бы это занятие так не манило в наше ремесло новичков. Чернокнижие продолжается через пожирание друг друга.

— Но ведь есть чары — несомненно есть, отец! — которые можно использовать во благо?..

Я прекратил стучать. Посмотрел на свои руки, на которых были отметины и из которых только что без всяких усилий мне удалось выпустить пламя.

— Чернокнижие не есть волшебство, не путай эти два понятия. Волшебство исходит от богов. Волшебник — их орудие. Волшебство проходит сквозь него, как воздух через тростинку. Волшебство может исцелять. Оно может давать удовлетворение. Оно как свеча в потемках. А чернокнижие находится внутри чернокнижника. И оно подобно опаляющему солнцу.

— Я не хочу становиться чернокнижником, отец. Правда... У меня... другие планы.

И тогда, как мне показалось, в его голосе зазвучала искренняя грусть.

— Возлюбленный мой Секенре, единственный мой сын, ты видел уже эватим, и они пометили тебя. Через всю жизнь ты пройдешь, неся шрамы от их прикосновений. Ты говорил с Сивиллой, и она также оставила на тебе свою отметину. Ты путешествовал среди призраков в сопровождении умершей, через царство Лешэ, страну сновидений. Ты испил воды видения и увидел все, что есть в Ташэ, стране смерти. И вот, наконец, ты прожег себе дорогу в этот дом пламенем, которое вырвалось из твоих ладоней. Позволь теперь спросить тебя: разве делают такие вещи мастера каллиграфии?

— Нет, — слабым голосом ответил я, всхлипывая. Вся моя решимость улетучилась. Я уронил меч на пол и опустился следом, прижавшись спиной к двери. — Нет, — прошептал я, — я просто хотел вернуть Хамакину.

— Тогда, сын, ты меня огорчил. Ты глупец! — заговорил он неожиданно резко. — Она не имеет никакого значения.

— Но она ведь тоже твое дитя. Разве ты не любил и ее? Нет, никогда не любил. Почему? Это ты должен мне сказать, отец. Ты должен... многое мне объяснить.

Он заходил по комнате. Зазвенел металл. Но отец не подошел к двери и не прикоснулся к задвижке. Наступила долгая тишина. Через открытую дверь моей комнаты я видел сделанный матерью гепат, золотую птицу. Я уста-

вился на него пристально, чтобы чем-то отвлечься, как будто в сложных узорах можно было разобрать ответы на все мои вопросы. Мне стало холодно. Я с силой обхватил себя за плечи; меня била дрожь. Снова заболели места на спине и на боках, где меня кусали эватим.

Через некоторое время отец заговорил вновь:

— Секепре, сколько, по-твоему, мне было лет, когда я женился на твоей матери?

— Я... я...

— Мне было триста сорок девять лет, сынок. К тому времени я давно уже был чернокнижником. Я прошел через многие страны, ускользая от смерти, пожираемый заразой чернокнижия. Там я убивал врагов и в безумии восставал против богов, которых я в лучшем случае считал равными себе. Но у меня наступил короткий промежуток просветления. Я вспомнил, кем был когда-то, давным-давно. Тогда я был... человеком. И я притворился, что я снова человек. Женился на твоей матери. А в тебе я видел... Я возлагал на тебя надежды, полагая, что ты станешь тем, кем когда-то был я. В тебе этот простой человек обрел новую жизнь. Если я мог хранить эту надежду, то и я в какой-то степени оставался человеком. Так что ты для меня очень многое значил. И я тебя любил.

— А как же Хамакина?..

— Просто ноша, вместилище, и ничего больше. Когда я наконец ощутил тяжесть надвигавшейся смерти, когда более не мог сдерживать натиск врагов, то заронил семя Хамакины в утробу ее матери и вырастил эту замечательную особь с определенной целью. Я принес ее сюда, чтобы она вместила в себя мою смерть. Семя ее было создано мной в моей лаборатории. Я поместил это семя в утробу ее матери через металлическую трубку, пока моя жена спала крепким сном под действием зелья. Теперь ты видишь, что жизнь Хамакины происходила не из Реки, не из сновидений Сурат-Кемада, но лишь от меня. Я предложил эту новую жизнь Пожирающему Богу взамен своей собственной. Она — сосуд, вместивший мою смерть. Я остаюсь чернокнижником, великим повелителем в стране

мертвых, потому что я по-настоящему не жив и не мертв. Я не раб Сурат-Кемада, а его союзник. Вот так, сын мой, твой отец перехитрил всех врагов, избежал всех опасностей. Лишь он один не поглощен чернокнижием до конца. Он продолжается. Ты не можешь не признать, что в моем замысле есть своя гармония.

Я встал; тело мое ужасно онемело. И я поднял меч.

— Секенре, — сказал отец, — теперь, когда я тебе все объяснил — и ты был прав, я обязан был дать объяснение, — тебе нужно уйти. Спаси себя. Стань тем, кем хотел быть я. Ты хороший мальчик. Я в твоем возрасте тоже был хорошим. Я хотел совершать только правильные поступки. Но я переменился. А ты, если уйдешь прямо сейчас, сможешь остаться таким, как ты есть...

— Нет, отец. Я тоже переменился.

И тогда он закричал — не от страха, а от отчаяния. Я встал перед дверью, зажав меч под мышкой, сложил ладони, а потом открыл их.

И снова результат дался мне легко, естественно, как дыхание.

На этот раз из моих ладоней появилось красно-оранжевое пламя. Оно коснулось пола и разбежалось по нему. Я услышал, как внутри, в мастерской, упала на пол железная задвижка. Дверь распахнулась.

Сначала я не мог сфокусировать взгляд. Кругом была лишь темнота. Потом появились неяркие звезды, за ними — бесконечная черная равнина, на которой бушевали песочные смерчи. Я увидел сотни мужчин и женщин — голых, подвешенных к небу на железных цепях, и они медленно поворачивались на ветру. Изуродованные тела, лица, искаженные ненавистью...

Тьма рассеялась. Звезды исчезли. Комната отца оказалась такой, как до прихода жрецов, которые все уничтожили или вынесли. Все было на своих местах: книги, пузырьки, полки с баночками, чертежи, странные бормочущие существа, закупоренные в банках.

Отец лежал на своем одре, облаченный в мантию чернокнижника, в которой я в последний раз его видел. Глаза его были выколоты, а глазницы были накрыты золо-

тыми монетами. Он сел. Монеты упали ему на колени. В глазницах его пылал огонь, белый, как расплавленное железо.

И он сказал:

— В последний раз предостерегаю тебя, Секенре. В самый последний раз.

— Если ты столь могуществен, отец, то где же теперь твоя сила? Ты же на самом деле не оказал мне сопротивления. Ты лишь... предостерегал меня.

— А что я должен был делать, сын мой? — спросил он.

— Ты должен был бы убить меня. Что-либо иное предпринимать уже поздно.

Голос его стал тише, исказился и превратился в одно лишь шипение и стоны. Я едва различал слова.

— Теперь все мои приготовления пропали впустую. Ты до последнего мне не подчинялся. Ты не стал прислушиваться к многочисленным моим предостережениям, чернокнижник, сын чернокнижника...

Он скатился со своего одра на пол и пополз ко мне на четвереньках, покачиваясь из стороны в сторону. Огонь горел в его ужасных глазницах.

В этот момент я чуть было не позвал Сивиллу. Я хотел просто спросить у нее: «Что мне теперь делать? Что теперь?»

Но я не стал звать ее. В конце концов, только я сам могу решить, какой поступок будет верным. Сивилле понравится все, что бы я ни сделал. Она вплетет это в свой узор. А Сурат-Кемаду безразлично...

— Сын мой... — Казалось, эти слова доносятся откуда-то у него изнутри, словно ветер из туннеля. — Я до самого конца любил тебя, и этого оказалось недостаточно.

Он открыл свой большой, безобразно широкий рот. Зубы у него были как маленькие кинжалы.

В этот последний момент я не боялся его, и не ненавидел, и не скорбел о нем. Я чувствовал только глухое, сверлящее осознание моего долга.

— Да, отец, недостаточно.

Я обрушил на него меч, и его голова отлетела от единственного удара. Мои руки совершили все чуть ли не раньше, чем я понял, что делаю.

Просто, как дышать.

Под ногами у меня разлилась кровь, похожая на расплавленное железо. Я шагнул назад. Половицы горели.

— Ты не мой отец, — тихо сказал я. — Ты не мог быть моим отцом.

Но я понимал, что он им был, и до самого последнего момента помнил об этом.

Я встал возле него на колени, обнял за плечи и лег, положив голову на его неровную, безобразную спину. Плакал я долго, громко и горько.

А пока я плакал, ко мне приходили сны, мысли, видения, вспышки воспоминаний, которые не были моими, и ужасное осознание, кульминация долгой учебы и еще более долгого опыта. Сознание мое наполнялось. Теперь я знал о тысяче смертей и о том, что стало их причиной и как каждая из них позволила обрести еще одну драгоценную крупицу знания или силы. Я узнал, для чего нужны все приборы, стоявшие в мастерской, понял содержание всех книг и чертежей. Открыл для себя, что находилось в каждой баночке и как это можно заставить заговорить.

Ибо я убил чернокнижника, а убив чернокнижника, становишься всем тем, чем был он.

Вот, что я унаследовал от отца.

На заре мы с Хамакиной похоронили отца в песках под домом. Черные звезды исчезли. Небо было темным, но это было привычное небо Эшэ, земли живых. Но мир вокруг был по-прежнему пуст, а песок мы копали руками. Вырыв неглубокую могилу, мы закатили отца туда, а голову его положили между ступней — так следует хоронить чернокнижников. Некоторое время с нами была мать. Она залезла в могилу вместе с ним, и мы засыпали их обоих.

Небо осветилось, стало сначала лиловым, потом лазурным. Под нашим доком заструилась вода, и я увидел, как первые птицы взлетают над тростниками. Хамакина немного постояла среди тростников, глядя на меня. А потом исчезла.

Внезапно я задрожал, и дрожь было почти не сдержать, но на этот раз я дрожал просто от холода. Началось лето,

но ночные заморозки еще не отошли, а я был почти голый. Я поднялся в дом по веревочной лестнице, которую повесил из люка, и надел брюки, теплую рубашку и плащ.

Позже, когда я, взяв кувшин, снова спустился, чтобы набрать воды для умывания, я увидел, что ко мне шагает по воде человек в белой мантии и серебряной маске. Я встал и стал ждать. Он остановился на некотором расстоянии, но я вполне ясно мог разобрать его слова.

Сначала он заговорил голосом моего отца:

— Я хотел до конца рассказать тебе историю мальчика-цапли. Но боюсь, что конца у этой истории нет. Она... продолжается. Он не был ни цаплей, ни мальчиком, но выглядел совсем как мальчик. Поэтому он поселился среди людей, притворяясь одним из них. Тем, кто его любил, он доверял свой секрет, но все же он был чужим. Он так и не смог стать таким, как они. Он прожил свои дни, всех обманывая. Но те, кому он открылся, ему помогали, потому что действительно любили его. Позволь же доверить тебе секрет. Секенре, когда мальчик становится мужчиной, отец дает ему новое имя, которое знают только они вдвоем, а потом сын дает это имя своему сыну. Поэтому прими имя твоего отца. А звали его Цаплей.

А потом человек заговорил голосом Сивиллы:

— Секенре, ты отмечен моим знаком, ибо ты мое орудие. Все люди ведают, что я угадываю тайны их жизней по запутанным переплетениям этого мира. Но знают ли они также, что по переплетениям их жизней я угадываю тайны этого мира? Знают ли, что я бросаю их, как кости, как шарики, а потом смотрю, как они упали, и истолковываю узор? Думаю, не знают.

И наконец этот человек заговорил голосом Сурат-Кемада, бога смерти и бога реки, и голос его был громом. Он снял маску и открыл страшное лицо. Челюсти его широко разверзлись, и бесчисленные неяркие звезды оказались его зубами; небо же и земля были его ртом, из брюха его извергалась река, и огромные его ребра были столпами мира.

Он заговорил со мной на языке богов, Акимшэ, языке пылающей святости в сердце Вселенной. Он назвал мне

еще не рожденных богов, рассказал о королях и народах, о мирах, о делах былых времен и о том, чему еще предстояло случиться.

Потом он ушел. Теперь передо мной простирался город. Я видел корабли из далеких стран, бросившие якоря на реке, и их яркие флаги, развевавшиеся в утреннем бризе.

Я снял мантию, сел в доке и стал умываться. Мимо проплыла лодка, и гребец помахал мне рукой, но потом, поняв, кто я, осенил себя знамением против зла и изо всех сил налег на весла.

Страх его был таким напрасным, что мне это показалось невероятно смешным.

Я упал на помост и хохотал до истерики, а потом просто лежал. Лучи солнца заглянули под дом. Воздух прогрелся, и мне было приятно.

И я услышал тихий шепот отца из его могилы:

— Сын мой, если ты сможешь стать кем-то большим, чем просто чернокнижником, мне не будет страшно за тебя.

— Да, отец, я им стану.

Я сложил ладони и медленно раскрыл их, и огонь, который появился из моих рук, был безупречен, бледен и спокоен, как пламя свечи в безветренную летнюю ночь.

РАЛЬФ АДАМС КРЭМ

№ 252 Rue M. Le Prince

(Номер 252 по улице Мсье-ле-Принс)

Ральф Адамс Крэм (1863–1942) был архитектором, но архитектором со стилем. Он выступал за возрождение готики и с 1890 года, когда открыл свой первый офис в Бостоне, помогал проектировать и курировал постройку церквей, соборов, учебных заведений. Одними из главных творений Крэма являются Военная академия Вест-Пойнт и Принстонский университет. Так как же архитектор попал в сборник рассказов о колдовстве? Дело в том, что Крэм был архитектором со стилем и с фантазией. В молодости, в свободное от проектирования церквей время, он умудрялся еще и писать. Его перу принадлежит лишь горстка рассказов, которые вышли в «Духах черных и белых» в 1895 году — бесспорной классике необычной литературы того времени. Каждый рассказ (а всего их пять) является крохотным шедевром. Взять, к примеру, следующий, о парижском доме, на который положил глаз древний колдун.

Однажды в мае тысяча девятьсот восемьдесят шестого года мне наконец довелось очутиться в Париже. Я без колебаний отдался на милость старого приятеля, Ожена Мари д'Ардеша, который покинул Бостон около года назад после известия о смерти тетушки, оставившей ему все свое имущество. Полагаю, сие немало его удивило, поскольку отношения между тетушкой и племянником никогда не отличались теплотой, особенно если судить по замечаниям, отпускаемым Оженом в адрес пожилой леди. Из его слов она выходила безнравственной, шельмоватой старухой со склонностью к черной магии.

Никто не понимал, почему она оставила наследство д'Ардешу, — разве только вследствие умозаключения, что его неуклюжие занятия оккультными науками и буддиз-

мом когда-нибудь поднимут молодого человека до ее собственных нечестивых высот. Д'Ардеш, бесспорно, всегда осуждал тетушку с тем экзальтированным жаром, что присущ увлеченным оккультизмом юношам; но, невзирая на отчужденность и холодные отношения, мадемуазель Блэ де Тартас объявила его единственным наследником, чем вызвала немалую ярость одной сомнительной личности, известной в узких кругах под именем Са Торреведжа, короля колдунов. Этот старый злобный ворон-предвестник, чье хитрое серое лицо часто видели на улице Мсье-ле-Принс при жизни мадемуазель де Тартас, видимо, рассчитывал после смерти тетушки насладиться ее небольшими сбережениями; когда же выяснилось, что ему досталось лишь содержимое старого мрачного дома в Латинском квартале, в то время как сам дом и остальное имущество отошли племяннику в Америке, Са сперва вывез все, что мог, а потом затейливо и со знанием дела проклял и здание, и всех тех, кто в нем поселится.

После чего исчез.

Новость о его исчезновении как раз содержалась в последней полученной от Ожена весточке. Поскольку я помнил номер дома — двести пятьдесят два по улице Мсье-ле-Принс, — то, посвятив день или два беглому осмотру Парижа, я направился на другой берег Сены, чтобы найти Ожена и с его помощью основательно изучить город.

Каждый, кто знает Латинский квартал, знаком также и с улицей Мсье-ле-Принс — она взбирается по холму к Люксембургскому саду. Улица славится странными, чудаковатыми на вид домами и обилием укромных закутков. По крайней мере, такой она была в восемьдесят шестом году; и дом номер двести пятьдесят два, когда я его нашел, ни в чем не уступал соседям. От него виднелась лишь входная арка из черного древнего камня, зажатая по бокам новыми домами, выкрашенными в желтый цвет. Обрамленные свежей штукатуркой каменная кладка семнадцатого века, грязная дверь и ржавый сломанный фонарь, что тоскливо нависал над тротуаром, впечатление производили в высшей степени зловещее.

Меня одолели сомнения, не ошибся ли я адресом: было очевидно, что толстый слой паутины на двери давно не тревожили. Я зашел в один из новых домов и расспросил консьержа.

Тот рассказал, что нет, мсье д'Ардеш не живет здесь. Хотя особняк и принадлежит ему, владелец обитает в Медоне, в загородном доме покойной мадемуазель Тартас. Не желает ли мсье записать номер и улицу?

Мсье желал с превеликой охотой. Так что я взял карточку с адресом и немедля отправился к реке, в надежде сесть на лодку до Медона. Но благодаря случайности, что приключаются с нами так часто, не успел я пройти и двух десятков шагов, как буквально налетел на Ожена д'Ардеша. Через три минуты мы уже сидели в причудливом маленьком саду «Шьян Бле»[1], потягивали вермут и абсент и делились новостями.

— Так ты не живешь в доме своей тетушки? — наконец поинтересовался я.

— Нет, но если дела пойдут так и дальше, то придется. Что и говорить, Медон нравится мне гораздо больше, и дом там чудесный — отошел мне со всей обстановкой, там нет ни единой вещицы моложе прошлого столетия. Ты просто обязан поехать со мной сегодня и посмотреть его. А какую славную комнату я выбрал для моего Будды! Но с тем, другим домом что-то не так. Ни один квартирант не прожил в нем больше четырех дней. За полгода я сдавал его трижды, и слухи успели разнестись по городу, так что теперь сдавать комнату в двести пятьдесят втором — все равно что предлагать купить Счетный двор. За ним закрепилась дурная слава. Да он и на самом деле проклят.

Я посмеялся и заказал еще вермута.

— Будет тебе,— сказал Ожен.— Дом точно проклят — по меньшей мере настолько, чтобы простоять свой век пустым. Но что особенно забавно — никто не знает, как именно. Никто ничего не видел и не слышал. Насколько я сумел разузнать, людям в нем снятся кошмары, настолько страшные, что утром приходится идти в больницу.

---

[1] *«Шьян Бле»* — «Голубая собака».

Один из моих жильцов сейчас в Бисетре[1]. Так что дом пустует, площадь у него немаленькая, а налоги за него платить приходится. Я даже не знаю, что с ним делать. Полагаю, придется либо отдать его этому греховоднику Торреведже, либо переехать в него самому. Вот уж не думаю, что меня стеснят призраки.

— Ты в нем когда-нибудь ночевал?

— Нет, но уже давно собираюсь. Я и шел-то сегодня повидать своих знакомых повес, Фаржо и Дюшена, — они доктора в клинике за парком Мон-Сури. Они обещали, что заночуют как-нибудь со мной в тетушкином доме — кстати, его теперь называют la Bouche d'Enfer[2], знаешь ли, — и я хотел бы предложить собраться на этой неделе, если они не заняты в клинике. Пойдем со мной, повидаемся с ними. А затем переправимся на ту сторону, пообедаем у Вефура, заберешь из Шатама свои вещи, и отправимся в Медон, переночуем у меня.

План подходил мне идеально, так что мы добрались до клиники, разыскали там Фаржо, который провозгласил, что они с Дюшеном готовы ко всему, хоть к черту на рога, хоть в пасть; что в следующий четверг оба ночью свободны и с удовольствием присоединятся к попытке обхитрить дьявола и раскрыть тайну номера двести пятьдесят два.

— Мсье ля американец пойдет с нами? — спросил Фаржо.

— Конечно же, — ответил я. — Я непременно собираюсь с вами, и ты не должен мне отказывать, д'Ардеш. Никто не пытайтесь меня отговорить. Вот он, подходящий случай отдать должное твоему городу. Покажи мне настоящего призрака, и я прощу Парижу то, что он потерял сад Мабия.

Таким образом все решилось.

Позже мы отправились в Медон и поужинали на террасе виллы, которая с лихвой оправдала похвалы д'Ардеша, настолько нетронутой царила в ней атмосфера сем-

---

[1] *Бисетр* - психиатрическая лечебница в Париже.

[2] *La Bouche d'Enfer* — пасть дьявола *(фр.)*.

надцатого столетия. За ужином Ожен рассказывал мне о покойной тетушке и странных происшествиях в ее доме.

По его словам выходило, что мадемуазель Блэ жила совсем одна, лишь со служанкой Жанной — суровой, скупой на слова особой примерно ее возраста, с массивными бретонскими чертами и бретонским же острым языком, что выяснялось, когда она снисходила до разговора. Никто не входил в дверь номера двести пятьдесят два, за исключением Жанны и Са Торреведжи, — последний появлялся неведомо откуда, и никто не видел, как он покидал дом. Соседи, которые в течение одиннадцати лет наблюдали, как колдун едва ли не ежедневно по-крабьи, бочком подбирается к звонку, в один голос твердили, что ни разу не видели, как он уходит. Однажды они даже решили держать наблюдение, и выбранный часовой (не кто иной, как мэтр Гарсо из «Шьян Бле») не отрывал глаз от двери с десяти утра, когда Са прибыл к тетушке, до четырех пополудни. Дверь никто не открывал — ведь мэтр заклеил ее маркой за десять сантимов, и марка осталась целой, — так что наблюдатель с трудом удержался на ногах, когда мимо с сухим «прошу прощения, мсье» проскользнула зловещая фигура Са и вновь скрылась в черном дверном проеме.

Что особенно примечательно, так это факт, что к двести пятьдесят второму номеру с трех сторон примыкали дома, а его окна выходили во внутренний двор, закрытый от любопытных глаз соседей по улицам Мсье-ле-Принс и л'Эколь. Так что вскоре загадка превратилась в одну из любимых диковинок Латинского квартала.

Раз в год суровый распорядок жизни дома нарушался, и обитатели квартала с разинутыми ртами наблюдали, как к номеру двести пятьдесят два прибывают экипажи — многие из них личные, с гербами на дверцах, — и оттуда выходят женщины в вуалях и мужчины с поднятыми воротниками пальто. Затем из дома доносилась музыка, и жильцы примыкающих домов начинали пользоваться кратковременной популярностью, поскольку, если приложить ухо к стене, становились слышны странные мелодии, к которым время от времени присоединялся монотонный

речитатив. К рассвету отъезжал последний гость, и дом на улице Мсье-ле Принс на год погружался в зловещую тишину.

Ожен пребывал в уверенности, что таким образом происходило празднование Вальпургиевой ночи[1], да и описание событий подходило под его умозаключение.

— И знаешь, какая чудная вещь приключилась, — сказал Ожен, — все соседи клянутся, что с месяц назад, когда я усхал в Конкарно с визитом, они снова слышали голоса и музыку, как при жизни тетушки. Уверяю тебя, что дом к тому времени пустовал, так что, возможно, им явилась галлюцинация.

Должен признать, что его рассказы меня отнюдь не обнадежили; по мере приближения четверга я начал немного жалеть, что настоял на ночевке в доме. Но гордость, а также хладнокровие двух докторов, которые засхали во вторник в Медон для последних уточнений, не давали мне изменить решение; я поклялся, что скорее умру от страха, чем отступлю. Полагаю, что пусть слабо, но я верил в призраков, — я точно верю в них сейчас, когда стал старше. Вернее даже будет сказать, что на свете есть не много вещей, в которые я не могу поверить. Пару раз со мной приключалось невероятное, а я всегда был склонен верить в то, что не могу объяснить, в чем сильно расхожусь с современными настроениями.

Наступила памятная ночь двенадцатого июля. Мы покончили с приготовлениями и, оставив большую сумку в дверях номера двести пятьдесят два, направились в «Шьян Бле», где к нам в назначенное время присоединились Фаржо и Дюшен. Мы приступили к ужину, над которым расстарался Пьер Гарсо.

Помню, что меня смущало, какой оборот принял разговор за столом. Он начался с индийских факиров и восточных жонглеров (темы, где Ожен проявил себя на удивление начитанным собеседником), перекинулся на ужасы великого восстания сипаев и необъяснимым образом привел к воспоминаниям об анатомичке. К тому времени мы

---

[1] *Вальпургиева ночь* — ежегодное сборище ведьм.

уже немного выпили, и Дюшен ударился в детальный, в стиле Золя, рассказ о единственном, по его словам, случае, когда его обуял страх: случилось это много лет назад, когда его по недосмотру заперли на ночь в анатомичке в Лусинс с несколькими кадаврами[1] весьма неприятного происхождения. Я предпринял попытку вежливо опротестовать выбор темы, что привело к параду кошмарных историй, так что, когда мы распили последний «крем де какао» и двинулись к «пасти дьявола», нервы мои находились в расшатанном состоянии.

Когда мы вышли на улицу, едва пробило десять. По городу душными глубокими вздохами проносился горячий ветер, а небо затягивали фиолетовые клубы дымки, — одним словом, наступала отвратительная ночь, одна из тех вялых, безнадежных ночей, когда, если находишься дома, только и остается, что пить мятные коктейли[2] и курить сигареты.

Ожен открыл скрипучую дверь и попытался зажечь фонарь, но порывистый ветер упорно задувал спички. Пришлось закрыть входную дверь, и лишь тогда мы смогли добыть свет. Наконец мы засветили все лампы, и я начал с интересом оглядываться. Мы стояли в длинном сводчатом проходе: он предназначался как для экипажей, так и для пешеходов и был совершенно пуст, если не считать нанесенного ветром уличного мусора. За проходом открывался внутренний двор — любопытное местечко, казавшееся еще более таинственным в свете луны и четырех мигающих фонарей. Не вызывало сомнений, что номер двести пятьдесят два когда-то принадлежал знатному семейству. По другую сторону двора вздымалась старая часть особняка; трехэтажная стена времен Франциска Первого наполовину скрывалась под лозами глицинии. Уродливые крылья по обеим ее сторонам принадлежали более позднему, семнадцатому столетию, а стена, глядящая на улицу, была гладкой и пустой.

---

[1] *Кадавр* — труп, используемый для обучения студентов-медиков.

[2] *Мятные коктейли* — американские коктейли из виски или коньяка с водой, льдом и мятой.

Просторный двор, усыпанный клочками бумаги, обломками упаковочных ящиков и соломой, был залит мигающим светом вперемежку с тенями. Звезды на небе то появлялись, то вновь скрывались за низкими клочьями тумана. Погруженный в полную тишину — сюда не доносились даже уличные звуки, — двор казался в высшей степени жутким. Должен признать, что я уже тогда почувствовал легкие позывы к панике, но благодаря странной логике, что часто посещает людей вместе со страхом, мне не шло в голову ничего более обнадеживающего, чем известные строки Льюиса Кэрролла:

> Вот где водится Снарк! Не боясь, повторю:
> Вам отваги придаст эта весть.
> Вот где водится Снарк! Третий раз говорю.
> То, что трижды сказал, то и есть[1].

И они вертелись и вертелись у меня в мозгу с лихорадочной настойчивостью.

Даже наши студенты-медики, прекратив подтрунивать друг над другом, мрачно оглядывали двор.

— В чем можно быть уверенным, — произнес Фаржо, — так это в том, что здесь можно творить что угодно и никто ничего не узнает. Я еще никогда не видел места, настолько подходящего для беззаконий.

— И сегодня здесь может произойти что угодно и остаться безнаказанным, — подхватил Дюшен, разжигая трубку. От неожиданного треска спички мы все подскочили. — Д'Ардеш, твоя горько оплакиваемая тетушка удобно устроилась. Здесь есть все необходимое для ее любимых экспериментов в демонологии.

— Будь я проклят, но я готов поверить, что ее любовь была основана на фактах, — ответил Ожен. — Я никогда не заходил сюда ночью, но сейчас могу поверить всему. Что это?!

— Просто дверь хлопнула, — громко сказал Дюшен.

— Хотел бы я, чтобы в домах, которые пустуют уже одиннадцать месяцев, двери не хлопали.

---

[1] «Охота на Снарка» *(Пер. М. Кожухова).*

— Очень раздражает, — согласился Дюшен и взял меня под руку. — Но нужно приступать к делу по порядку. *Вспомни*, нам необходимо разобраться не только с духовным мусором, оставленным твоей несравненной тетушкой, но и дополнительным заклятием, которое наложил этот черт Торреведжа. Пойдем! Нужно попасть в дом, прежде чем в этих покинутых залах начнут молоть невнятицу мертвецы[1]. Разжигайте трубки: табак — самый первый враг для их брата покойника, как помрут[2]. Разжигайте, и пойдем.

Мы потянули входную дверь и очутились в сводчатом вестибюле, полном пыли и паутины.

— На этом этаже лишь комнаты прислуги и кабинеты, — сказал Ожен. — Не думаю, что в них творится что-то неладное. По крайней мере, мне о них не говорили. Поднимемся наверх.

Насколько мы могли видеть, дом изнутри не представлял ничего интересного: его строили и отделывали в восемнадцатом веке, так что эпохе Франциска Первого принадлежали лишь фасад и вестибюль.

— Дом сожгли во время террора якобинцев, — объяснил Ожен, — поскольку мой двоюродный дед, от которого мадемуазель де Тартас *унаследовала особняк*, принадлежал к ярым роялистам. После революции он уехал в Испанию и не смог вернуться, пока на престол не взошел Карл Десятый. Тогда старик отреставрировал дом и умер в ужасно преклонном возрасте. Вот почему вся обстановка новая.

Старый испанский колдун, которому мадемуазель де Тартас оставила мебель и пожитки, провернул свою работу на совесть. Дом *остался* совершенно *пустым* — даже встроенные в стены шкафы и книжные полки вынули и унесли. Мы проходили комнату за комнатой и видели лишь окна, двери, паркетный пол и вычурные камины времен Ренессанса.

---

[1] «А мертвецы на улицах невнятицу мололи» — Дюшен цитирует «Гамлета».

[2] «А вода, будь вам ведомо, — самый первый враг вашему брату покойнику, как помрете» — опять «Гамлет», пер. Б. Пастернака.

— Мне уже лучше, — заметил Фаржо. — Дом, может, и проклят, но таковым он не выглядит. На вид он просто образец респектабельности.

— Погоди, — посоветовал Ожен. — Это парадные комнаты, тетушка редко ими пользовалась, разве что на Вальпургиеву ночь. Поднимемся, и я покажу тебе настоящую mise en scene[1].

На следующем этаже находились небольшие спальни с окнами во двор. Ожен уверял, что они очень плохи. Числом четыре, они выглядели вполне обыкновенными, как и залы внизу. Мимо них проходил коридор, он вел в боковое крыло, и в конце его мы увидели дверь. Она отличалась от всех предыдущих тем, что ее занавешивало зеленое сукно, местами проеденное молью. Ожен выбрал из своей связки один из ключей, отпер дверь и с некоторым затруднением распахнул; судя по виду, она была тяжелее сейфовой.

— Мы стоим, — возгласил Ожен, — на пороге ада. Эти комнаты были святая святых, если можно так выразиться, моей нечестивой тетушки. Я не сдавал их вместе с домом, а сохранил как диковинку. Жаль, что Торреведжа и их обчистил и оставил нам лишь стены, пол и потолок. Но и по ним можно судить о прежнем состоянии. Входите и трепещите.

Первая комната представляла собой что-то вроде передней: квадратная, со стенами футов двадцать длиной, без окон и с двумя дверьми — в одну из них мы вошли, а другая находилась в правой стене. Стены, полы и потолок покрывал черный, отполированный до блеска лак; отсвет наших ламп разбежался по нему тысячами алмазных искорок. Мне казалось, что я попал в огромную пустую китайскую шкатулку.

Через правую дверь мы вошли в другую комнату и там чуть не выронили от удивления фонари. Мы стояли в круглом, футов тридцать в диаметре, помещении со сводчатым потолком; темно-синие стены и потолок были усыпаны золотыми звездами, а от пола до потолка, изгибаясь

---

[1] *Mise en scene* — мизансцена, постановка *(фр.)*.

по своду, тянулась нарисованная красным лаком фигура обнаженной женщины. Она стояла на коленях, причем согнутые ноги пролегали вдоль противоположных стен, голова касалась дверной притолоки, руки опускались по сторонам двери, через которую мы вошли, а непропорционально длинные предплечья, также прорисованные вдоль стен, доходили до стоп. Я в жизни своей не видел более уродливой, поразительной и одновременно устрашающей картины. Из пупка женщины свисал крупный белый предмет, как обязательное кольцо из «Тысячи и одной ночи». Пол также покрывал красный лак, и на нем во всю комнату была выложена полосами белой меди пентаграмма. В центре ее находился диск из черного камня, по форме напоминающий блюдце, с маленьким стоком посредине. Впечатление комната производила сокрушительное. Над стоящими в ней людьми склонялась огромная красная фигура; она не спускала с них пристального взгляда, где бы они ни находились. Дух в комнате стоял настолько угнетающий, что никто из нас не посмел заговорить.

Третья комната размером походила на приемную, только вместо черного лака ее полностью отделали медью; многие полосы покрылись зеленью, но все же ярко сияли в свете фонарей. Посредине комнаты стоял продолговатый порфировый алтарь, вытянутый к противоположной от двери стене, где за ним виднелся черный базальтовый пьедестал.

Эти три комнаты и составляли тетушкины покои. Даже при их полнейшей пустоте трудно было представить себе более странное обиталище. Возможно, они пришлись бы к месту где-нибудь в Египте или Индии, но здесь, в Париже, в особняке, каких много на улице Мсье-ле-Принс, они поражали воображение.

Вернувшись в общий коридор, Ожен запер кованую дверь, занавесил ее зеленым сукном, и мы все прошли в одну из фасадных комнат, где молча сели и уставились друг на друга.

— Чудесная особа,— вымолвил наконец Фаржо,— чудесная особа эта твоя тетушка, с милейшими вкусами. Могу только порадоваться, что нам не придется ночевать в ее комнатах.

— И что она там делала, как вы думаете? — поинтересовался Дюшен. — Я немного знаком с черным искусством, но в эти комнаты я больше ни ногой.

— У меня сложилось впечатление, что медная комната являлась своего рода святилищем, — отвечал д'Ардеш. — На пьедестале стоял какой-то идол, а вытянутый камень перед ним служил алтарем. Не берусь даже гадать, какие жертвы на нем приносили. Круглую комнату, должно быть, использовали для вызывания духов и заклинаний. Пентаграмма наводит на подобные мысли. Что бы там ни проделывали, можно с уверенностью сказать, что это были темные, сомнительные делишки, fin de siecle[1]. Но гляньте-ка, уже почти полночь. Пора размещаться на ночь, если мы хотим отловить сегодня эту мерзость.

Четыре комнаты, за которыми закрепилась дурная слава, находились как раз на этом этаже. Про крылья особняка и этажи внизу ничего плохого мы не слышали. Было решено, что каждый из нас займет одну из подозрительных комнат, оставит дверь открытой, а фонарь горящим, и при малейшем стуке или крике мы все ринемся туда, откуда послышится звук. Связаться друг с другом из разных комнат мы бы не смогли, но, поскольку все двери выходили в общий коридор, любой звук разносился далеко.

Мне досталась последняя комната, и я тщательно ее осмотрел.

Она выглядела вполне невинной, квадратной, слегка надменной парижской спальней. Стены, облицованные деревом, недавно оклеили бумажными французскими обоями; а еще здесь были инкрустированный паркет из белого клена и темной вишни и небольшой, отделанный мрамором камин. Два окна в глубоких амбразурах смотрели на двор.

С некоторым трудом мне удалось распахнуть рамы, и я уселся на подоконнике, поставив рядом фонарь, направленный на открытую дверь.

Ветер улегся, и в окно лениво струился воздух, неподвижный и горячий. Небо быстро затягивало мерцающей

---

[1] *Fin de siecle* — в духе декадентства *(фр.)*.

туманной дымкой. Густые заросли глицинии, не шелохнувшись, свисали над окном; кое-где в них проглядывали фиолетовые бутоны. Через крыши соседних домов иногда долетал стук колес запоздалого фиакра. Я заново набил трубку и приготовился ждать.

Какое-то время ожидание скрашивали голоса моих товарищей в других комнатах, и иногда я кричал им что-то в ответ. Но мой голос разлетался по длинным коридорам особняка неприятным эхом, и вдобавок оно отражалось от стен крыла за мной и возвращалось через окно чужим голосом. Так что вскоре я оставил попытки поддерживать беседу и сосредоточил свои усилия на том, чтобы не заснуть.

Что оказалось нелегко: и зачем я заказал у мэтра Гарсо тот свежий салат? Я так и знал, что от него будет ужасно клонить в сон, а ведь мне необходимо бодрствовать. С одной стороны, приятно было осознавать, что если я могу уснуть, то смелость не покинула меня. Но в интересах науки следовало все же бороться с сонливостью. И как назло, сон никогда еще не манил меня с такой силой. Не меньше полусотни раз я задремывал на мгновение, чтобы тут же проснуться и обнаружить, что трубка опять погасла. И даже усилия по ее раскуриванию не помогали отогнать назойливую дремоту. Я механически чиркал спичкой и после первой затяжки снова начинал клевать носом. Меня это ужасно раздражало, поэтому я встал и прошелся по комнате. Ноги после долгого неудобного сидения затекли, я едва мог стоять. Меня охватило оцепенение, будто я сильно замерз. Из других комнат, да и снаружи, не доносилось ни звука. Я вновь опустился на подоконник. Как сильно стемнело! Я подкрутил фитиль у фонаря. И моя трубка опять упрямо погасла. И у меня кончились спички! А фонарь — неужели и он собирается потухнуть? Я протянул руку, чтобы поправить фитиль, но она упала, как налитая свинцом.

И тут я окончательно проснулся. Я вспомнил книгу о нечистой силе, которую недавно читал. Вот он, ужас! Я попытался привстать, окликнуть товарищей. Тело налилось тяжестью, а язык отказывался повиноваться. Я с

трудом двигал глазами. И свет продолжал меркнуть. Становилось все темнее и темнее; постепенно я перестал различать рисунок на обоях — его проглотила подступающая ночь. В нервах поселилось покалывающее онемение, правая рука соскользнула с колен и повисла как плеть, и я даже не мог пошевелить ею. Голову заполнил тонкий, резкий визг, подобный пению цикад в сентябрьских холмах. Тьма подступала все быстрее.

Да, вот оно и случилось. Что-то подвергло мои тело и разум медленному параличу. Физически я уже умер. Но если сохранить волю, сознание, то еще можно спастись. Вот только удастся ли? Сумею ли я воспротивиться страшному безумию этой тишины, этой тьмы и растекающейся по телу немоты? Я понимал, что, как и у человека из рассказа о призраках, сопротивление оставалось моей последней надеждой.

Наконец оно пришло. Мое тело было мертво, я не мог даже перевести взгляд. Глаза так и остались прикованными к двери — она превратилась в темное пятно на фоне черноты.

Воцарилась непроглядная ночь: последний язычок пламени в фонаре погас. Я сидел и ждал; ум еще не покинул меня, но надолго ли его хватит? Всему есть предел, даже выносливости, порождаемой жутким страхом.

Но вот и начало конца. Из бархатной темноты появились два глаза. Матовые, молочно-белые, потусторонние — ужасные, как из мертвого сна. Я не могу описать, насколько они были красивы: словно всплески белого пламени текли к центру глаза, словно нескончаемый поток жидкого опала лился в круглый туннель. Даже будь у меня возможность, я бы не смог отвести взгляд: его приковало к страшным прекрасным глазам, а те медленно росли, не отрываясь от меня. Они приближались, и белые огненные потоки все стремительнее исчезали в пылающих водоворотах. Сосредоточенное на мне безумное внимание все углублялось, а белые пульсирующие глаза росли, росли...

Подобно неумолимому и манящему орудию смерти, глаза безымянного ужаса оказались передо мной. Медлен-

нос влажное дыхание с механической равномерностью обдавало мне лицо застоялым запахом склепа.

С обычным страхом приходит также и физический ужас, но при мне в присутствии этого невыразимого существа оставался лишь ужас мысленный, как при длящемся кошмаре. Снова и снова я пытался вскрикнуть, издать хоть какой-то звук, но тело мне не повиновалось. Я чувствовал, как схожу с ума от страха перед ожидающей меня жуткой смертью. Глаза приблизились почти вплотную — круговорот пламени в них мелькал так быстро, что я видел только мигание белого огня и тонул в мертвом дыхании, как в глубоком море.

И вдруг мокрый, ледяной рот, бесформенный, как у каракатицы, накрыл мой. Ужас медленно высасывал из меня жизнь, но, когда меня окутали огромные содрогающиеся складки похожей на студень плоти, воля вернулась ко мне, тело проснулось в последнем рывке, и я вступил в схватку с окутавшей меня безымянной смертью.

Но с чем я сражался? Руки свободно проходили сквозь призрачную плоть, превращавшую меня в лед. С каждым мигом меня опеленывали все новые студнеобразные складки. Я старался оторваться от губ этого жуткого существа, но, даже если мне удавалось на мгновение отвернуться и глотнуть воздуха, холодный сосущий рот накрывал мое лицо, прежде чем я успевал закричать. Кажется, я боролся несколько часов, отчаянно, в тишине, которая представлялась мне ужаснее любых звуков. Я боролся, пока не почувствовал финальное приближение смерти. Воспоминания о прожитых годах накрыли меня потоком. Я все еще пытался отвернуть лицо от этого адского суккуба[1], но силы таяли. С последним содроганием я сдался.

Тут я услышал, как кто-то сказал:

— Если он мертв, никогда себе не прощу. Это моя вина.

[1] *Суккуб* — демоница, дьявол в женском обличье, соблазняющий по ночам мужчин.

— Он не мертв, — ответил другой голос. — Мы сможем спасти его, если вовремя доберемся до больницы. Гони как сто чертей, кучер! Двадцать франков, если довезешь за три минуты.

И снова наступила ночь, меня накрыло небытие, но оно закончилось, когда я внезапно пришел в себя и огляделся. Я лежал в больничной палате, очень белой и солнечной; у изголовья кровати стояли желтые лилии, а рядом сидела высокая сестра милосердия.

Если опустить долгие подробности, я находился в центральной больнице, куда мои товарищи отвезли меня в ту полную ужаса июльскую ночь. Я попросил позвать Дюшена и Фаржо, и один за другим они пришли и пересказали мне то, что я пропустил.

Выходило, что они сидели, час за часом, каждый в своей комнате, ничего не слыша, скучая и исполняясь разочарования. Вскоре после двух часом ночи Фаржо позвал меня, чтобы узнать, не заснул ли я. Я не ответил, и, покричав еще пару раз, он захватил фонарь и пошел ко мне в гости. Оказалось, что моя дверь заперта изнутри! Фаржо немедленно позвал д'Ардеша и Дюшена, и они все вместе навалились на дверь. Она не поддалась. Изнутри они слышали беспорядочные, мечущиеся по комнате шаги и тяжелое дыхание. Хотя их охватил ужас, мои товарищи не отступались и в конце концов сумели высадить дверь при помощи большой мраморной плиты, которая служила каминной полкой в комнате Фаржо. Но стоило им распахнуть дверь, как их отбросило в коридор, будто взрывом; фонари погасли, и наступила полнейшая тьма и тишина.

Как только друзья оправились от потрясения, они ринулись в комнату и споткнулись о мое тело. Они зажгли один из фонарей, и перед ними предстала удивительнейшая картина. По всему полу выступила жидкость, похожая на стоячую воду, — густая, блестящая и тошнотворная. Она же текла со стен — с высоты примерно шести футов, — и я вымок в ней насквозь. От запаха в комнате выворачивало желудок. Друзья вытащили меня в коридор, раздели, завернули в свои пальто и поспешили в больницу, полагая меня чуть ли не мертвым. Вскоре после

рассвета врачи заверили д'Ардеша, что со временем я непременно поправлюсь. Он покинул клинику и вместе с Фаржо вернулся в особняк, чтобы изучить следы нашего приключения, едва не ставшего фатальным. Они прибыли на место слишком поздно. Когда они проезжали академию, по улице мчались пожарные повозки. К д'Ардешу подбежал один из соседей. «О мсье! Что за несчастье и все же какая удача! К сожалению, la Bouche d'Enfer — прошу прощения, резиденция покойной мадемуазель де Тартас — сгорела, но не полностью, только старое здание. Крылья здания удалось спасти благодаря храбрым пожарным. Без сомнения, мсье не забудет их отвагу».

И верно: стоило ли винить перевернутый в сумятице фонарь, или причиной пожара стали сверхъестественные явления, но «пасти дьявола» не стало. Когда д'Ардеш подходил к дому, там качала воду последняя пожарная команда; полдюжины пустых и один раздутый от воды шланг тянулись в подъездные ворота. В воротах виднелся фасад Франциска Первого, кое-где еще увитый почерневшими лозами глицинии, а за ним лежала лениво дымящаяся пустота. Сгорели все этажи, и странное обиталище мадемуазель де Тартас превратилось в воспоминание.

В прошлом году я посетил номер двести пятьдесят два в компании д'Ардеша, но на месте древних стен стоял обычный современный дом, недавно отстроенный и вполне респектабельный. Тем не менее чудесные рассказы о старом le Bouche d'Enfer еще живут в этом квартале и, я не сомневаюсь, будут жить до второго пришествия.

УРСУЛА К. ЛЕ ГУИН

Кости земные

Урсула Ле Гуин (родилась в 1929 году) — один из самых выдающихся писателей-фантастов в мире. Она работает в жанре научной фантастики и фэнтези уже более 40 лет, пишет как для взрослых, так и для детей. Ее самое знаменитое произведение — несомненно, «Волшебник Земноморья» (1968), принесший Ле Гуин первую из почти 20 наград. Писательница настолько привязалась к миру Земноморья, что, закончив трилогию, в которую вошли «Гробницы Атуана» (1970) и «На последнем берегу» (1972), она вновь вернулась к этой теме много лет спустя, создав «Техану» (1994) и «Иной ветер» (2001), а затем — сборник рассказов «Сказания о Земноморье» (2001).

Если вы читали «Волшебника Земноморья», то, возможно, помните, что в самом начале, когда юный Гед спасает родное село и побеждает воинов-каргов, его берет в ученики маг Огион Молчаливый[1]*, известный соплеменникам тем, что когда-то «спас город от страшного землетрясения, успокоил гору, как успокаивают испуганного зверя». Читателям пришлось ждать 30 лет, чтобы наконец услышать историю об Огионе и землетрясении. И вот она перед вами.*

Снова зарядил дождь, и волшебнику из Ре-Альби страсть как захотелось немножко заклясть погоду — самую малость, чтобы отослать этот дождь вон за ту гору. Кости у волшебника ныли, просили солнышка, просили тепла — вышло бы солнце, так согрело бы его плоть до самых костей. Конечно, можно было бы сказать

[1] В трилогии о Земноморье И. Тогоева перевела прозвище Огиона как Молчаливый. Однако при переводе рассказа «Кости земные» мне показалось уместным назвать персонаж Молчуном — ведь это насмешливое прозвище, данное юноше-ученику старым волшебником. — *Прим. переводчика.*

обезболивающее заклятие, да только проку от таких чар мало — действуют лишь ненадолго. Когда кости ноют на старости лет, единственное лекарство — это солнце. Волшебник неподвижно стоял на пороге своего дома: за спиной у него была темнота, а перед ним — прошитый дождевыми струями серый день. Он запрещал себе произносить заклятие и сердился на себя за то, что сдерживается, и за то, что приходится сдерживаться.

Волшебник никогда не ругался — те, кто наделен магической силой, никогда не ругаются, зная, как это опасно, — но, когда он откашлялся, получился глухой медвежий рык. Через мгновение далеко на невидимой вершине горы Гонт прокатился раскат грома, эхом отдался с севера на юг и умолк где-то в лесах, скрытых туманом.

Гром — это добрый знак, подумал Далсе. Значит, дождь скоро кончится. Накинув капюшон, волшебник вышел под дождь — покормить кур.

Осмотрел курятник, нашел три яйца. Рыжуха как раз сидела на яйцах, у нее вот-вот должны были вылупиться цыплята. Курице досаждали клещи, так что вид у нее был потрепанный и облинялый. Волшебник наложил на нее простенькое заклятие от клещей и напомнил себе, что надо будет вычистить Рыжухин уголок, как только цыплята вылупятся. Потом прошел на птичий двор, где Пеструшка, Черпушка, Королек и Долгоносик жались под навесом, приглушенно обмениваясь недовольными замечаниями о погоде — ругали дождь.

«К полудню прояснится», — сказал волшебник курам.

Покормив их, он прошлепал обратно в дом, неся в руке три еще теплых яйца. Бывало, в детстве ему нравилось разгуливать босиком по грязи. Он до сих пор помнил приятный земляной холодок жижи между пальцами. Босиком-то волшебник и сейчас ходить любил, а вот грязь — нет, разлюбил: липнет к подошвам, гни потом спину, чтобы отчистить ноги, прежде чем войти в дом. Раньше, когда пол в доме у волшебника был земляной, грязь ему не мешала, но теперь он обзавелся настоящим деревянным полом, ни дать ни взять как у важных господ — лорда, купца или Верховного мага. Деревянный пол — чтобы не

пропускал холод и сырость, чтобы не ныли кости. Самому Далсе такая роскошь и в голову бы не пришла, это все Молчун — пришел, понимаешь, сюда, в горы, прошлой весной из Гонтского порта, нарочно, чтобы настелить деревянный пол в старой хижине. Из-за этого они с Далсе и поспорили — в который раз. Дернуло же его спорить с Молчуном! Уж после стольких-то лет мог бы усвоить, что толку от таких препирательств никакого.

— Я прекрасно ходил по земляному полу семьдесят пять лет! — сказал тогда Далсе. — Авось и дальше от этого не помру.

Разумеется, Молчун на это ничего не ответил, тем самым заставив Далсе понять, что же такое он сморозил, и как следует осознать собственную глупость.

— Земляной пол и в чистоте содержать легче, — добавил Далсе, зная, впрочем, что все равно проспорил. В самом деле, с земляным утоптанным полом хлопот не было: подмети да сбрызни водой, чтобы пыль улеглась, вот и все. И тем не менее слова Далсе прозвучали глупо.

— И кто ж мне настелет этот пол? — для порядка проворчал он.

Молчун кивнул, что означало «я сам».

Вообще-то парень был ремесленником что надо, мастером на все руки: и плотник, и каменщик, и кровельщик, и столяр. Все эти свои дарования он проявил, еще когда жил тут у Далсе в учениках, а позже, хотя и переселился в богатый Гонтский порт, сноровки не утратил. Молчун привез в Ре-Альби с Ситховой мельницы телегу досок, запряженную быками Гаммера. За один день настелил пол, за другой отполировал его — как раз успел, пока старый волшебник собирал целебные травы на Топком озере. Когда Далсе пришел домой, ровная поверхность нового пола блестела, как темная озерная гладь.

— Теперь, понимаешь, придется каждый раз ноги мыть, прежде чем на порог сунуться, — пробурчал старик и осторожно ступил на новый пол. На ощупь половицы были такие гладкие, что ласкали подошвы, как ковер.

— Чистый атлас, — сказал Далсе. — За такой короткий срок без чар не управиться. Ишь, деревенская хижина, а

пол ровно во дворце каком. Зимой будет на что поглядеть! Поди, как разведу огонь в очаге, пламя будет в полу отражаться, что в твоем зеркале. Или, может, мне теперь еще и ковром обзавестись? А? Шерстяным или, может, шелковым? Шкуру какую настелить?

Молчун только улыбнулся в ответ. Он был доволен собой.

Парень этот возник на пороге Далсе несколько лет назад. Да нет, какое там, почитай, двадцать лет прошло, если не все двадцать пять. Порядочно времени. Тогда он и вправду был еще совсем юнец — голенастый, лохматый, глаза ясные, с лица что девушка. Но рот решительно сжат.

— Чего тебе надобно? — спросил тогда волшебник, хотя и без того знал, чего этому пареньку надо, — того же, чего им всем. Спросил и отвел глаза — очень уж пристально смотрел юнец. Далсе о себе точно знал, что наставник он хороший, лучший на острове Гонт. Но только надоело ему это и не хотелось, чтобы под ногами путался очередной ученик. Кроме того, он нутром почуял, что от пришельца исходит опасность.

— Учиться хочу, — прошептал мальчишка.

— Ну так езжай на Рок! — посоветовал Далсе.

Раз на парне башмаки и хорошая кожаная куртка, значит, не из бедных, найдет чем заплатить за дорогу до школы волшебников. А не заплатит, так отработает по пути, прямо на корабле, — грести будет да по мачтам лазить.

— Я там уже побывал.

Далсе оглядел его еще раз. Ни плаща, ни посоха.

— Не пошло дело? Выгнали? Или сам сбежал?

Мальчик трижды помотал головой. Потом закрыл глаза, плотно сжав веки; губы у него и так уже были плотно сжаты. Так он и стоял, весь сжавшись, напряженный, воплощенное страдание. Наконец набрал в грудь воздуху и посмотрел волшебнику прямо в глаза.

— Мое место и наставник мой здесь, на Гонте, — все так же едва слышно прошелестел он. — Имя его — Гелет.

Услышав это, волшебник, чье истинное имя было Гелет, замер, вперив взгляд в пришельца, пока тот не опустил глаза.

Далсе молча принялся искать, нащупывать подлинное имя мальчика и разобрал вот что: еловую шишку и руну Сомкнутые Уста. Он поднатужился еще, и тогда в голове у него прозвучало некое имя, но вслух его Далсе не произнес.

— Устал я, понимаешь, учить, и болтать тоже устал, — сказал он. — Мне нужно молчание. Тебе этого довольно?

Мальчик кивнул.

— Тогда и будешь Молчуном, — определил волшебник. — Спать будешь вон в том закуте под западным окном. Соломенный тюфяк возьмешь в сарае. Он старый, так проветри как следует, прежде чем стелить. И блох мне не нанеси.

С этими словами Далсе отвернулся и двинулся к Круче, сердясь и на мальчишку — за то, что явился, и на себя — за то, что согласился. Сердце у него колотилось, но не от гнева. Волшебник размашисто шагал все вперед да вперед — тогда он еще мог ходить быстро. В левый бок его, как всегда, толкал свежий морской ветер и пригревало раннее солнце, что выглянуло из-за склона горы и сверкало над морем. На ходу Далсе размышлял о могучих чародеях с острова Рок, ученых искусниках, разбиравшихся во всех тонкостях и тайнах магии. «Видать, для них он оказался крепким орешком! — подумал он. — Как бы и мне зубы не пообломать!» И Далсе улыбнулся. Нрава он был мирного, но чуток опасности — это неплохо, приятно будоражит кровь.

Остановившись, он ощутил под ногами землю, грязь. Волшебник, как всегда, был босиком. В бытность свою учеником на острове Рок он носил башмаки, но потом, как только вернулся на Гонт, в родной Ре-Альби, получив посох мага, так сразу сбросил их и больше не обувался. Волшебник стоял неподвижно. Подошвы холодил камень и ныль: под ногами у него была тропинка, что шла по вершине скалы, а ниже — другие скалы, а еще ниже, во тьме, незримые корни острова Гонт. Там, во тьме, под толщей вод, все острова соединялись в одно целое. Именно так, если верить словам учителя Ардо. То же самое говорили и наставники на острове Рок. Но Гонт был его островом,

и камни были его, и грязь тоже. В них уходила корнями его магия. «Мое место и наставник мой на Гонте», — сказал мальчик, но корни уходили гораздо глубже. «Вот этому, пожалуй, я могу его научить, — подумал Далсе, — тому, что лежит глубже наставничества». Он и сам выучился этому задолго до отбытия в школу волшебников на Рок.

А мальчишке нужен посох. И что это Неммерль позволил ему уехать без посоха, ровно какому ученику или завалящему колдуну? Не дело. Негоже такой силе блуждать болотным огоньком. Ей нужна узда. Ей нужно орудие.

Далсе вспомнил, что его собственный учитель обходился без посоха, и тут же сообразил: «Мальчишка-то хочет получить посох от меня». Посох гонтийского дуба из рук гонтийского волшебника. Ну что ж, пускай заработает, тогда слажу ему посох. Если будет держать язык за зубами. И еще оставлю ему в наследство мои волшебные книги. Если он сумеет вычистить курятник и разберется в глоссариях Данемера... и будет держать язык за зубами.

Новый ученик волшебника вычистил курятник и выполол сорняки на грядках, разобрался в глоссариях Данемера и выучил назубок Энладские тайнописи. И держал язык за зубами. Он не разговаривал. Он слушал. Слушал то, что Далсе говорил, и подчас то, что Далсе думал. Он делал все, что хотел Далсе, и даже то, о чем учитель еще не успел подумать. Дарование Молчуна значительно превышало возможности Далсе как наставника, и все же парень был прав, что явился учиться в Ре-Альби, и оба — ученик и учитель — знали это.

За те годы Далсе не раз думал об отцах и детях. Когда-то он крепко поссорился с собственным отцом, простым ведуном-предсказателем, а все потому, что Далсе выбрал себе в учителя Ардо. Отец тогда закричал: мол, кто ходит в учениках у Ардо, тот мне не сын, и всю жизнь копил горькую обиду, и так и умер, не простив Далсе.

Далсе случалось видеть, как молодые мужики рыдают от радости, когда у них нарождаются сыновья. Видел он также, как бедняки платят ведунам все, что заработают за год, лишь бы получить обещание, что сынок родится здоровым и крепким. А еще как-то видел Далсе богача, кото-

рый погладил по головенке своего первенца в золоченой колыбельке и прошептал: «Вот мое бессмертие!» Но Далсе навидался и другого — как отцы колотят сыновей, унижают, клянут, обижают, мучат, а все потому, что видят в них собственную смерть и ненавидят их за это. И еще видел Далсе, как в ответ глаза сыновей загораются ненавистью, злобой, безжалостным презрением. Насмотревшись этого, Далсе понимал, почему никогда не пытался примириться с отцом.

Как-то волшебник видел отца и сына, крестьян, пахавших поле от зари до зари, все молча, без единого слова. Старик вел слепого вола, а его сын, сам уже мужик в возрасте, налегал на железный плуг, все молча, без единого слова. На закате, когда оба направились домой, отец на мгновение положил руку на плечо сына.

Волшебник запомнил это навсегда, помнил и теперь, когда долгими зимними вечерами сидел у очага и смотрел на смуглое лицо Молчуна, склоненного над волшебной книгой или штопаньем рубахи. Глаза опущены, губы сжаты, душа насторожена.

«Если волшебнику повезет, то раз в жизни он встречает достойного собеседника, того, с кем сможет поговорить» — так сказал Неммерль молодому Далсе за день-два до его отъезда с Рока, за год-два до того, как самого Неммерля избрали Верховным магом. До этого Неммерль был Мастером-путеводителем, самым добрым из всех, у кого Далсе учился на Роке. «Если бы ты остался, Гелет, нам было бы о чем поговорить», — добавил Неммерль.

Далсе тогда аж онемел от растерянности. Потом, запинаясь, чувствуя себя неблагодарной и упрямой скотиной, выдавил:

— Учитель, я бы остался, да служба моя на Гонте. Жаль, что не тут, не с вами...

— Редкий дар — точно знать, где тебе надлежит быть, и знать это раньше, чем побываешь везде, куда тебе не надо. Что ж, не забывай нас, присылай мне учеников. Року нужны волшебники с Гонта, нужен приток гонтийской магии. Думается мне, мы кое-что упускаем, то, что стоит знать...

С тех пор Далсе послал в школу на остров Рок трех-четырех учеников, славных парнишек, каждого со своим особым талантом; но тот, которого ждал Неммерль, отправился на Рок и покинул его по собственной воле, и какого мнения были мастера о Молчуне, Далсе не знал. А Молчун, ясное дело, не рассказывал. Понятно было, что он успел за два-три года усвоить все то, на что у других уходило лет шесть-семь и что кое-кому не давалось вообще. Но для Молчуна эти знания были лишь фундаментом, основой.

— Почему ты не пришел ко мне до Рока? — спросил однажды Далсе. — А потом уж ехал бы себе на Рок, наводил бы, понимаешь, лоск. — Он говорил требовательно.

— Не хотел тратить ваше время понапрасну.

— А Неммерль знал, что ты пойдешь проситься в ученики ко мне?

Молчун мотнул головой.

— Если б ты соблаговолил сказать ему об этом заранее, он бы послал мне весточку.

Молчун так и вскипулся:

— Вы что, дружили?

— Он был моим учителем, — помолчав, ответил Далсе. — Может, останься я на Роке, мы бы и сдружились. Бывают ли у магов друзья? А жены и дети? Вот и друзья так же часто, я думаю... Он мне как-то сказал, что, мол, если кто из нас найдет с кем поговорить, так это, считай, повезло... Помни об этом. Если тебе повезет, то в один прекрасный день придется открыть рот.

Молчун кивнул — упрямой кудлатой башкой.

— Только как бы он у тебя не зарос от молчания, — ворчливо добавил Далсе.

— Если попросите, буду разговаривать. — Паренек сказал это так искренне и серьезно, с такой готовностью пойти против своей природы по первому же слову учителя, что Далсе рассмеялся.

— Я, наоборот, просил тебя помолчать, — сказал он. — Да и речь веду не о том, что нужно мне. Я и сам, понимаешь, горазд языком молоть — на двоих хватит. Ладно, забудь. Когда придет время, смекнешь, что сказать. В том-

то и искусство, ясно? Что сказать и когда. А все прочее — молчание.

Три года ученик по прозвищу Молчун спал в закутке под западным окном. Он учился магии, кормил кур, доил корову. Как-то он предложил Далсе завести коз. Дело было осенью; он молчал целую неделю, длинную, холодную, дождливую. А потом вдруг сказал: «Вам бы коз завести».

Далсе за столом корпел над раскрытым томом — пытался восстановить одно из акастанских заклятий, уже много сотен лет как утратившее силу и разрушенное едва ли не до основания злой магией Фандаура. Работа была тонкая, ткань заклятия — рваная. Волшебнику как раз почти удалось отыскать недостающее слово, которое должно было заполнить одну из лакун, он почти было уловил его, и тут этот как брякнет: «Вам бы коз завести».

Волшебник знал за собой, что болтлив, нетерпелив и вспыльчив. Необходимость сдерживаться и не ругаться тяжело давалась ему еще в молодости, а ученики, заказчики, коровы и куры на протяжении тридцати лет искушали его терпение самым мучительным образом. Ученики и заказчики боялись его острого языка, но вот коровы и куры не обращали на вспышки Далсе ни малейшего внимания. На Молчуна Далсе рассердился впервые. Он с трудом выдержал длинную паузу. Потом спросил:

— Зачем мне козы?

Молчун, похоже, не заметил ни раскаленной паузы, ни подозрительной мягкости в голосе учителя.

— Молоко, сыр, мясо и шерсть, — кратко ответил он.

— А ты когда-нибудь держал коз? — так же мягко и вежливо спросил Далсе.

Молчун мотнул головой.

Был он на самом-то деле из городских, родился в Гонтийском порту. Сам Молчун о себе ничего не рассказывал, но Далсе кое-что разузнал, порасспрашивал там и сям. Отец Молчуна был портовым грузчиком и погиб во время землетрясения — мальчику тогда было, наверное, лет семь-восемь. А мать Молчуна была стряпухой в портовой таверне. В двенадцать мальчишка влип в какую-то передрягу, может быть, потому, что пытался колдовать

самоучкой, и матери удалось пристроить его в ученики к Элассину, уважаемому волшебнику из Вальмута. В Вальмуте мальчик прошел обряд имяположения, а также если и не выучился магии, то немного освоил плотницкое дело и ведение деревенского хозяйства. Он прожил у Элассина в учениках три года, а потом тот проявил щедрость и отправил мальчика за свой счет на Рок. Вот и все, что Далсе знал о Молчуне.

— Не люблю я козий сыр, — сказал Далсе.

Молчун кивнул — как всегда, без возражений.

С тех пор Далсе время от времени вспоминал, как не дал волю гневу, когда Молчун внезапно спросил про коз, и каждый раз удовлетворенно улыбался — будто припоминал, как съел последний кусочек особенно сладкой спелой груши.

Еще через несколько дней Далсе, которому так и не удалось уловить недостающее в акастанских заклятиях слово, спугнутое Молчуном, засадил за них и ученика. Вдвоем они все-таки осилили эту работу — после долгих трудов.

«Все равно что пахать на слепом быке», — заметил тогда Далсе.

Вскоре Молчун получил от него посох, который Далсе самолично изготовил из гонтийского дуба.

Потом за Далсе в очередной раз прислал лорд Гонтийского порта, стал звать на службу, и волшебник отправил вместо себя Молчуна, а тот так и остался в порту.

И вот теперь Далсе стоял на пороге своего дома с тремя куриными яйцами в руке, и за шиворот ему капал дождь.

Сколько же он так простоял? Что он тут делает? Он думал о грязи, о земле, о настилке пола, о Молчуне. Ходил ли он только что по тропинке по-над Кручей? Нет, то было много лет назад, и тогда сияло солнце. А сейчас шел дождь. Волшебник покормил кур и вернулся в дом, неся в руке три яйца — они до сих пор были теплыми, — бурые, гладкие на ощупь. И в голове у волшебника все еще гудело эхо грома, отдавалось в костях, по всему телу, до самых ступней. А грома ли?

Нет. Какое-то время назад действительно гремел гром. Но сейчас... это был не гром. Далсе уже случалось испытывать такое ощущение, но волшебник его не узнавал, помнил только — что-то подобное было давно, в те годы, о которых он сейчас думал. Но что это было и когда? Да перед землетрясением. Как раз накануне. Накануне того, как с полмили побережья Эссари обрушилось в море, и сотни деревенских жителей погибли под развалинами домов, и огромная волна обрушилась на Гонтийский порт.

Далсе сошел с крыльца на землю, прямо в грязь, чтобы почувствовать землю подошвами, послушать ее как следует. Но слякоть скользила под ногами и не давала земле ничего сообщить, искажала любое послание. Волшебник бережно сложил яйца на порог, сел рядом, вымыл ноги дождевой водой, припасенной в горшке у крыльца, вытер их насухо тряпкой, висевшей на ручке горшка, прополоскал и отжал тряпку, повесил ее на место, бережно взял яйца, медленно разогнулся и вошел в дом.

Он пристально поглядел на свой посох, прислоненный в углу за дверью. Сложил яйца в холодную кладовку, съел яблоко, поскольку проголодался, и взял посох — тисовый, подбитый медью, за годы отполированный его руками до шелковистой гладкости. В свое время посох дал ему Немерль.

«Стой!» — велел волшебник на языке посоха и отпустил его. Посох остался стоять, будто его воткнули в землю.

«К самым корням! — нетерпеливо произнес волшебник на языке созидания. — К корням!»

Он смотрел на посох, который неподвижно стоял на блестящем деревянном полу. Через минуту-другую волшебник различил, что посох слегка подрагивает. Едва заметно.

— Охо-хо... — вздохнул волшебник. Помолчал. — И что мне делать?

Посох вздрогнул, качнулся, замер, вновь качнулся.

— Хватит с тебя, голуба, — сказал Далсе и ухватил посох. — Пошли. Не диво, что я все время думал про Молчуна. Эх, надо за ним послать... или отправить ему весточку... Нет. Как там говорил учитель? Ищи сердцевину. Ищи сердцевину. Вот этот вопрос и надо задать. Этим и надо заняться.

Бормоча, он вытащил дорожный теплый плащ, поставил яйца вариться на маленький огонь — очаг он уже успел растопить раньше — и подумал: интересно, неужто он всегда разговаривал сам с собой, даже когда у него жил Молчун? Нет. Это бормотание вошло у Далсе в привычку после того, как Молчун перебрался в порт. Часть сознания Далсе была занята мелкими, рутинными делами, другая же начала готовиться к землетрясению.

Волшебник сварил три свежих яйца вкрутую, взял в кладовке еще одно вареное, сложил их в торбу, туда же сунул четыре яблока и бурдюк кислого вина — на случай, если вернется домой лишь к утру. Потом он медленно, по-стариковски скованно влез в плащ, взял посох, приказал огню в очаге погаснуть и вышел из дому.

Корову Далсе больше не держал. Он постоял во дворе, задумчиво глядя на курятник. В сад последнее время повадилась лиса, но, раз он уходит надолго, запирать курятник не след — курам надо кормиться. Что ж, придется им положиться на волю судьбы. Как всем. Далсе слегка приотворил дверь курятника. Дождь уже выродился в морось, но куры все равно, недовольно нахохлившись, сидели на насесте. Королек сегодня даже не кукарекал.

— Может, скажете что-нибудь? — спросил кур волшебник.

Чернушка, его любимица, встряхнулась и произнесла свое имя — раз, другой, третий. Остальные куры молчали.

— Ну, берегите себя. В полнолуние я видел в саду лису, — сообщил им волшебник и отправился в путь.

На ходу он размышлял; размышлял напряженно, упорно; вспоминал. Далсе постарался вспомнить все, что мог, из сказанного учителем давным-давно и один-единственный раз. Речь тогда шла о материях столь необычных, что Далсе так и не уяснил, относились они к истинной магии или же, как говорили на Роке, к простому ведовству. Об этих материях в школе на острове Рок Далсе не слышал никогда и никогда не упоминал о них сам — быть может, из страха, что мастера не воспримут его всерьез или, возможно, не поймут, поскольку это были сугубо гонтийские материи и знания. Они нигде не были записаны, даже в ардических

книгах, бравших свое начало от Великого мага Эннаса Перрегальского. Эти знания существовали лишь в изустной форме. Это были местные, гонтийские дела.

Далсе вспомнил слова учителя и теперь слышал их как наяву.

Вот учитель говорит:

— Если тебе понадобится прочитать гору, ступай к Черному пруду или на верхний край Семирова луга, где коровы пасутся. Оттуда открываются пути. Тебе нужно найти сердцевину. Увидеть, где вход.

— Вход? — шепчет юный Далсе.

— А что сделаешь снаружи?

Далсе долго молчит, потом спрашивает:

— Как?

— Вот так.

Длинные руки Ардо простерты вверх. Творится заклятие, и лишь позже Далсе узнает, что это заклятие превращения. Учитель произносит слова заклинания скомканно, глотая звуки, — так их всегда произносят волшебники-наставники, чтобы чары не подействовали в полную силу. Далсе умеет разбирать, как заклятие звучит на самом деле, и запоминает любое. Когда учитель умолкает, Далсе мысленно повторяет заклинание слово в слово, одновременно повторяя все жесты учителя, но не полностью, а как бы намечая их по частям. И вдруг его рука замирает.

— Но ведь потом это не расколдуешь обратно! — вырывается у него.

— Да, заклятие необратимо, — кивает Ардо.

Далсе не знает ни одного необратимого превращения, ни одного заклинания, которое нельзя было бы расколдовать, кроме Слова Освобождения, которое произносится лишь однажды.

— Но почему?..

— Потому что оно может понадобиться.

Далсе предпочел не настаивать на объяснениях. Надобность в таких чарах вряд ли возникает часто; значит, и прибегнуть к этому заклинанию ему не потребуется — ну, может, раз в жизни, да и то сомнительно. Однако он позволил страшному заклятию улечься в памяти, на самом

дне, и со временем оно оказалось погребенным под тысячами других заклятий, чар, заклинаний — полезных и прекрасных, — под толщей сказаний, легенд и правил острова Рок и всей книжной мудрости, которая досталась ему от Ардо. Чудовищное, грубое, бесполезное, это заклятие хранилось во тьме, на самом дне его памяти, целых шестьдесят лет, будто красугольный камень, оставшийся от фундамента старого, давно разрушенного и забытого дома, камень, который таится в темном подвале великолепного дворца, полного огней, сокровищ и звонких детских голосов.

Дождь кончился, хотя вершина горы все еще была затянута туманом и клочья облаков плыли над ее лесистыми склонами. Молчун, будь у него возможность, всю жизнь бродил бы по лесам горы Гонт. Далсе хотя и не был таким неутомимым странником, однако знал каждую здешнюю тропку как свои пять пальцев. Он срезал дорогу у колодца Рисси и еще до полудня вышел к Семирову лугу — террасе на склоне горы. Милей ниже под укрытием утеса, купаясь в солнечном свете, теснились строения ферм, а по холму, точно облако, двигалось стадо овец. Гонтийский порт и его бухту заслоняли отвесные скалы, возвышавшиеся над городом.

Далсе пришлось немного побродить, прежде чем он нашел то, что, видимо, и называлось Черным прудом: маленький, наполовину заболоченный, берега заросли камышом, и никакого подхода к воде, кроме хлюпающей узкой тропинки, а на ней никаких следов, кроме козьих. Вода в пруду и впрямь казалась черной, хотя он лежал под ярким солнцем, к тому же вдалеке от торфяников. Далсе двинулся по козьим следам, ворча, когда ноги скользили по грязи; один раз он чуть не упал и, стараясь удержать равновесие, подвернул щиколотку. Остановился, кряхтя, потер ее. Прислушался.

Полнейшая тишина.

Ни дуновения ветерка. Ни птичьего гомона. Ни блеяния или мычания скота. Ни единого звука человеческих голосов. Можно подумать, остров замер. Даже мухи и те не жужжали.

Волшебник посмотрел на темную воду. В ней не отражалось ничего.

Он неохотно шагнул вперед — не только босой, но и голоногий, потому что плащ снял, скатал и сунул в торбу еще час назад, когда солнце вышло из-за туч и начало припекать. Камыши щекотали ноги. Чавкала мягкая грязь, а в ней змеились перепутанные камышовые корни. Волшебник вошел в пруд медленно, бесшумно, и круги по воде от его шагов побежали слабые, небольшие. Поначалу, довольно долго, пруд был мелким, потом, после еще одного осторожного шага, под ногой не оказалось дна, и Далсе остановился.

Водяная гладь задрожала. Сначала волшебник почувствовал ее кожей — по бедрам плеснула мелкая волна, щекочущая, как прикосновение меха. А затем он увидел, как вся поверхность пруда подернулась рябью. Нет, не те слабенькие круги, которые разбежались от него самого, — они уже улеглись, — а сильная волна, и еще раз, и еще, и еще.

«Где?» — прошептал он, а потом громче произнес одно слово на языке, который понимало все сущее, не имевшее иного наречия.

Ответом ему было молчание. Вдруг из черной вспененной воды выпрыгнула рыба, серовато-белая, длиной в руку, и отчетливо, звонко выкрикнула на том же языке: «Явед!»

Волшебник стоял в воде. Он вспомнил все имена Гонта, название каждого утеса, склона, ущелья, и через мгновение понял, где находится Явед. Это было место, где гребень горы Гонт раздваивался, — в горах над городом, в глубине острова. Там была сердцевина беды. Землетрясение, которое возникнет оттуда, может разрушить город, вызвать лавину и цунами, заставить скалы, образующие бухту, соединиться, как две ладони при хлопке. Далсе затрясся, задрожал с головы до ног, как вода в пруду.

Старик развернулся и направился к берегу, теперь уже не заботясь о том, что нарушает тишину плеском и пыхтением. Волшебник зашлепал по тропинке через камыши, пока не добрался до сухой земли, заросшей жесткой травой, пока не услышал комариный писк и стрекот цикад. Тут он тяжело плюхнулся наземь: ноги его не держали.

«Нет, так не пойдет, — сказал он сам себе на ардическом, потом добавил: — Я не могу этого сделать». — И еще чуть погодя: «Я не смогу это сделать в одиночку».

Далсе пребывал в такой растерянности, что, когда решил позвать Молчуна, не сразу вспомнил первые строки заклинания, которое шестьдесят лет знал назубок. Потом волшебнику показалось, что он вспомнил нужные слова, но вместо этого Далсе начал Великое заклинание, с которым обращаются лишь к мертвым, и оно заработало, прежде чем старик осознал, что делает, остановился и, слово за словом, распутал заклятие.

Он выдернул пучок травы, обтер им ноги — замарался грязью выше колен. Грязь еще не успела засохнуть, поэтому лишь размазалась. «Ненавижу грязь», — прошептал Далсе. Стиснул зубы и отбросил пучок травы. — «Грязь, грязь, земля», — произнес он, похлопывая землю, на которой сидел. Затем медленно и очень осторожно начал произносить заклинание призыва.

...На оживленной улице, которая вела в запруженные людьми верфи Гонтийского порта, как вкопанный остановился волшебник Огион. Его спутник, капитан корабля, прошел еще несколько шагов и, остановившись, увидел, что Огион разговаривает с воздухом.

— Конечно, приду, учитель! — воскликнул волшебник. Прислушался и спросил: — Когда?

Потом помолчал некоторое время, сказал в пустоту что-то на непонятном капитану языке и сделал жест, от которого воздух на мгновение как будто потемнел.

— Простите, капитан, — заявил волшебник, — но ваши паруса я сейчас заколдовать не смогу. Надвигается землетрясение. Я должен предупредить горожан. А вы ступайте и сообщите всем в порту, скажите, чтобы все суда, какие на плаву, немедленно выходили в море. И чтобы обязательно шли за Сторожевые Утесы! Удачи вам.

Он развернулся и стремительно, как олень, помчался обратно, вверх по улице, в гору, — высокий, жилистый мужчина с жесткими седеющими волосами.

Гонтийский порт стоит на внутреннем крае узкой длинной бухты между крутыми берегами, образующими нечто вроде подковы. Вход в бухту расположен меж концов этой подковы — двух скал, которые называются Врата

Гонта или Сторожевые Утесы. Расстояние между ними не превышает ста локтей. Таким образом, гонтийцы надежно защищены от нападений пиратов, но эти же скалы сделали их заложниками землетрясений: длинная бухта продолжает геологический разлом в земле, и открытые челюсти всегда могут сомкнуться.

Сделав все возможное, чтобы предупредить горожан, оповестив портовую стражу и стражу ворот, которой надлежало предотвратить панику и давку на дорогах, ведущих из города, Огион поднялся на самый верх портового маяка, заперся, поскольку к нему ломились все сразу, и отправил своего призрачного двойника к Черному пруду, что на Семировом лугу.

Старый учитель Огиона сидел на земле неподалеку от пруда и ел яблоко. На траве у его ног белели яичные скорлупки, а сами ноги были покрыты коркой засохшей грязи. Подняв глаза и заметив двойника Огиона, Далсе улыбнулся — широко и радостно. Но как же он сдал! Каким старым выглядел! Огион по занятости не виделся с учителем больше года; в Гонтийском порту у него всегда было полно дел: услуги и богачам, и беднякам — и ни минуты свободной, не говоря уже о том, чтобы побродить по лесистым склонам горы Гонт или посидеть у очага в Ре-Альби со старым учителем Гелетом, помолчать, послушать, побыть в покое. Гелет совсем состарился, ему сейчас было под восемьдесят. И он боялся. Старик радостно улыбнулся, увидев Огиона, но на лице его был страх.

— Думаю, нам надо сделать вот что, — без всяких околичностей начал старый волшебник, — не дать разлому сомкнуться. Ты будешь на Вратах, а я на внутреннем конце, в горе. Поработаем вдвоем — понял? Должны управиться. Я прямо чую, как оно будет, а ты?

Огион покачал головой. Он заставил своего двойника опуститься на траву и устроиться рядом со старым Гелетом, хотя, когда двойник сел, ни одна травинка даже не шелохнулась.

— Я смог только поднять в городе панику и выслать все суда из бухты, — сообщил он. — Что вы чувствуете? Как именно?

Это были сугубо ремесленные вопросы, которые волшебник мог задать только волшебнику. Гелет помедлил, прежде чем ответить.

— Я научился этому у Ардо, — сказал он и вновь умолк.

Он никогда не рассказывал Огиону о своем учителе — волшебнике, который не пользовался на Гонте известностью, или, возможно, если и пользовался, то лишь дурной славой. Огион знал только, что Ардо никогда не учился в школе на острове Рок, а проходил обучение на Перрегале и еще — что с его именем была связана какая-то тайна, кажется постыдная. Несмотря на то что для волшебника Гелет был разговорчив, кое о чем он молчал как могила. Поэтому Огион, уважавший и ценивший молчание, никогда не расспрашивал Гелета о его учителе.

— Эта магия не того толка, что на Роке, — объяснил старик — суховато и будто через силу. — Но равновесия она не нарушает. Никакой грязи.

Он всегда так говорил о злой, черной магии, о порче, о проклятиях, о сглазе — «грязное дело».

Гелет помолчал, подбирая слова, и продолжил:

— Грязь. Земля. Горы. Камни. Это земляная магия. Уходит, понимаешь, в самые корни. Древняя. Очень древняя. Как сам остров Гонт.

— Древние Силы? — негромко уточнил Огион.

— Не то чтобы они, — отозвался Гелет.

— Но эта магия сможет подчинить себе саму землю?

— Скорее — поладит с ними. Изнутри — так я думаю. — Старик схоронил яблочный огрызок и яичную скорлупу в рыхлой влажной земле, аккуратно притоптал босой ногой. — Слова-то я, конечно, знаю, но что совершать, пойму по ходу дела. Вот, понимаешь, морока с этими великими заклятиями. Порядок действий усваиваешь по ходу дела. Не больно потренируешься. — Волшебник посмотрел вверх. — Ага, вот оно! Чувствуешь?

Огион опять покачал головой.

— Гора напрягается. — Рука старика все еще рассеянно похлопывала по земле, точно по загривку напуганной коровы. — Уже совсем недолго осталось, чует мое сердце. Ты сможешь удержать Врата открытыми, сынок?

— Скажите мне, что будете делать, и я...

Но старый Гелет помотал головой:

— Нет. Ни в коем случае. Это не твоего ума магия. — Говорил он все рассеяннее, потому что все больше отвлекался на то, что чуял в воздухе или в земле. Что бы это ни было, но через учителя напряжение передалось и Огиону — невыносимое, натянутое как струна.

Оба молчали. Огион ощутил, что напряжение спало, — старик слегка расслабился и даже улыбнулся.

— То, что я намерен проделать, — древние штуки. Эх, жаль, в свое время я не изучил их повнимательнее. Передал бы теперь тебе. Но тогда эта магия показалась мне грубоватой. Слишком уж неуклюжей... А она не сказала, где выучилась таким чарам. Впрочем, где же, как не на Гонте... В конце концов, знания — они разные бывают.

— Она?

— Ардо. Та, у которой я учился. — Гелет поднял на Огиона глаза. Лицо его было непроницаемо, но во взгляде мелькнуло что-то похожее на лукавство. — А ты не знал? Хм, должно быть, я тебе не говорил. Хотел бы я понять, как влияет на магию, мужчина ты или женщина... Сдается мне, если что важно — так это в чьем доме живешь и кого пускаешь на порог. Вот тут-то... О! Опять!

Старый волшебник вновь напрягся и замер; его застывшее лицо и взгляд, обращенный как бы внутрь себя, напомнили Огиону роженицу. Отогнав эту мысль, он спросил:

— Вы сказали — в горе, это как?

Гелета отпустило, и он ответил:

— Внутри горы. Здесь, в Яведе. — Он показал на холмы, расстилавшиеся внизу. — Я войду внутрь и попробую удержать все так, чтобы оно не расползлось, не раскололось. И уж там, по ходу дела, пойму, что да как, — в этом я не сомневаюсь. Вот что, тебе пора обратно. Приспела пора. — Старик вновь умолк, и его перегнуло пополам, точно от сильной боли. Сгорбленный, он попытался встать. Огион, не задумываясь, протянул было руку, чтобы помочь учителю, но тот лишь усмехнулся:

— Без толку. Ты у нас ветер да солнечный свет. А я теперь буду за сырую землю да камень. Ступай, тебе пора. Прощай, Айхал. И уж открой рот в кои-то веки, ладно?

Огион послушно вернулся в Гонтийский порт — в душную, увешанную гобеленами комнату. Он понял шутку своего старого учителя лишь тогда, когда посмотрел в окно и увидел Сторожевые Утесы — там, на дальнем конце длинной бухты, — скалы, похожие на челюсти, что в любое мгновение готовы сомкнуться намертво.

— Хорошо, учитель, — сказал Огион и взялся за дело.

— А мне, стало быть, нужно сделать вот что... — Старый волшебник продолжал разговаривать с Молчуном, потому что так ему было спокойнее, хотя ученик уже исчез. — Надо пробраться в самое нутро горы, да, в самое нутро. Но только, понимаешь, не так, как это делают волшебники-ясновидцы, они-то проникают всюду лишь мысленно, чтоб поглядеть да попробовать. А мне надо куда как глубже — не в жилы, а в самую сердцевину, до костей. Ну что ж... — И Гелет, который стоял один-одинешенек посреди луга, залитого полуденным светом, распростер руки, как полагалось, начиная великое заклинание. И слова зазвучали.

Он произнес слова, которым когда-то научила его наставница-ведьма, старуха Ардо, острая на язык, с тощими длинными руками, научила, произнося их скомканно, а он теперь произнес отчетливо, в полную силу. И ничего не произошло.

Да, ничего не произошло, и старый Далсе успел пожалеть и о солнечном свете, и о морском соленом ветре и усомниться в заклинании и в самом себе, — все это успел он, прежде чем земля поглотила его и вокруг стало тепло, темно и сухо.

Очутившись внутри горы, волшебник понял, что должен спешить, — кости земные пыли, так и норовя расправиться, распрямиться, и, чтобы совладать с землей и камнем, ему надлежало стать ими, — но спешить он не мог. Любое превращение шло у него медленно — накатывало оцепенение. В свое время он превращался и в лису, и в быка, и в стрекозу и уже знал, каково это — менять соб-

ственную сущность. Но теперь превращение шло по-иному — туго, неспешно, тяжело рос он и ширился, и медленно думал: вот, я расту.

Он дотянулся до Яведа, до средоточия боли, и когда уже нащупал этот сгусток страдания, то внезапно ощутил мощный прилив силы, нахлынувшей откуда-то с запада, — будто Молчун все-таки протянул ему руку и поддержал. И эта связь позволила ему послать свою теперешнюю силу, силу самой горы Гонт, туда, на помощь. «Я так и не сказал ему, что уже не вернусь, — скорбно подумал волшебник, — а теперь уже поздно, я проник в сердцевину горы, вошел в ее кости, откуда нет возврата». Это были его последние слова на ардическом, на языке людей, а потом он познал, что такое огненные жилы, и ощутил биение огромного сердца. И тогда он понял, что делать, и уже на другом наречии, не на языке людей, сказал: «Успокойся. Тише, тише. Вот так. Ну же, успокойся, не тужься. Утихомирься. Замри. Мы справимся. Мы обретем покой».

И он утих, замер, обрел покой — камень внутри камня, земля в толще земли, в беспросветной тьме, в самом сердце горы.

Когда город закачался и начал зыбиться, когда улицы стали вздыматься как волны, когда по булыжной кладке побежала рябь, а глиняные стены пошли трещинами и рассыпались прахом, когда Сторожевые Утесы сомкнулись, — тогда на вершине маяка гонтийцы увидели своего мага, Огиона. Да, они увидели Огиона на вершине маяка — там он стоял, воздев руки, и из последних сил удерживал что-то невидимое в воздухе, и когда он развел руки, в тот же миг разошлись и сомкнувшиеся челюсти скал — разошлись и застыли. Город содрогнулся и замер. Землетрясение остановил Огион. Все это видели, и все говорили об этом.

— Мне помогал мой учитель, а ему — его учитель, — сказал Огион, когда стали превозносить его подвиг. — Я сумел удержать Врата и не дать им сомкнуться, потому что он удерживал гору Гонт.

Но люди лишь восхваляли его скромность и не слушали, что он говорит. Умение слушать — редкостный дар. А народу непременно нужны герои. И он их провозглашает.

Когда город успокоился, и все корабли вернулись в порт, и заново были отстроены разрушенные стены, Огион бежал от похвал. Он ушел из порта, отыскал странную маленькую долину — Росистый дол, подлинное имя которой было Явед — на той самой истинной речи, на которой имя Огиона Молчуна было Айхал. Весь день бродил он по этой долине, будто искал что-то, а вечером лег лицом в землю и заговорил с ней:

— Ты должен был сказать мне, что не вернешься. Я бы хоть попрощался с тобой. — И Огион заплакал, и слезы его падали в жесткую траву, в сухую пыль и сворачивались на земле маленькими комочками, сами превращаясь в грязь, в землю.

Там он и уснул, прямо на голой земле, не подстелив даже плаща, — уткнувшись лицом в землю. На рассвете он поднялся и отправился вверх по склону горы Гонт, в Ре-Альби. Обогнув деревню, Огион прошел прямо к дому, стоявшему на отшибе — к северу, над самой Кручей. Дверь была незаперта.

На грядках наливались кабачки; кое-где на плетях гороха виднелись перезревшие пожелтелые стручки. По пыльному дворику, кудахча и что-то поклевывая, бродили три куры — рыжая, черная и пестрая; серая сидела в курятнике на яйцах. Цыплят было не видать, и петуха — Гелет называл его Корольком — тоже. «Король умер, — подумал Огион. — Может, цыпленок, который вот-вот вылупится, со временем займет его место». Ему показалось, что из фруктового садика за домом донесся острый запах лисы.

Огион вымел пыль и листья, которые нанесло в дом через открытую дверь. Теперь деревянный пол опять блестел. Затем вынес тюфяк и одеяло Гелета на солнце — проветрить. «Я поживу тут немного, — подумал он. — Хороший дом». А потом подумал еще: «Может, и коз заведу».

А. С. БЕНСОН

Закрытое окно

А. С. Бенсон (1862—1925) известен тем, что написал слова к «Торжественному церемониальному маршу» Эдварда Элгара, который многие знают как гимн «Земля Надежды и Славы». Меня всегда поражало, что человек, сумевший сочинить такую духоподъемную песню, почти всю жизнь не выходил из глубокой депрессии. Большую часть отпущенного ему Богом срока он провел затворником в академических стенах: сначала — как руководитель факультета в Итоне, затем — в качестве главы колледжа Св. Магдалины в Кембридже. Он много и охотно писал — в основном эссе и очерки, — но за все время издал только два сборника необычных рассказов: «Беспокойный холм» (1903) и «Острова заходящего солнца» (1904). Большинство его историй полны архаики и могут заинтересовать теперь разве что любителей старины, но все же в некоторых ему удалось взять верную ноту. Как в предлагаемой здесь — написанной на манер средневековых рыцарских романов и повествующей о тайне древней крепости.

Крепость Норт стояла в самом захолустье, затерявшись среди меловых холмов Южной Англии. Прежде старая дорога, пролегающая по возвышенности, могла привести к ней, но она давным-давно потеряла свое важное значение, поросла густой травой и теперь использовалась местными жителями лишь как удобный переход через гряду холмов для прогона вьючного скота. Крепость, возведенная в давние времена для охраны дороги, имела вид мощной, но безыскусно выстроенной башни, окруженной толстыми, неприступными стенами. К башне был пристроен скромный, но приличный дом, где без особых хлопот и в достатке жил молодой сэр Марк де Норт. Южнее простирался бескрайний Нортский лес, но крепость возвышалась над ним, располагаясь на пологом

склоне одного из сплошь покрытых зеленью холмов, прикрывающих ее с севера. Среди жителей соседних деревень о крепости издавна ходила дурная слава. Ее называли Башней Ужаса, но такое название употребляли все реже, да и то старики, забывшись, по привычке, — так не хотелось навлечь на себя гнев молодого хозяина. Сэру Марку еще не было и тридцати, хотя он и поговаривал, что уже пришла пора жениться, но было непохоже, что он спешит исполнить свое намерение, предпочитая безмятежную уединенную жизнь и частые выезды на охоту с гончими и ястребами. С ним жил его кузен и возможный наследник Роланд Эллис — веселый, беззаботный человек, на несколько лет старше Марка. Он навестил молодого Норта, как только тот вступил во владение замком, да так и не смог найти причины для отъезда. Они идеально дополняли друг друга. Сэр Марк был скуп на слова, любил ученые книги и поэзию. Совсем другое дело Роланд, ставящий превыше всего непринужденное застолье с добрым вином и сердечной беседой и нашедший в хозяине благодарного слушателя. Марку пришелся по душе его кузен, и он приветствовал его решение остаться, полагая, что Роланд поможет оживить унылую атмосферу в доме, который стоял на отшибе и был так редко посещаем немногочисленными соседями.

И все же Марка не вполне удовлетворял спокойный, размеренный ход его жизни. Нередко бывали дни, когда он спрашивал себя, правильно ли он поступает, что, ничего не меняя, с покорностью вола в стойле, день за днем, принимает ее неторопливое течение. С другой стороны, казалось, не было причин делать что-то иначе: на его землях проживало не так уж много крестьян, и никто из них не выражал недовольства. Он иногда даже завидовал их подчиненному положению крепостных с неизменным кругом каждодневных обязанностей. Единственным способом как-то поменять свою жизнь было начать службу в армии или даже при королевском дворе, но по своей природе сэр Марк не был солдатом и еще менее — придворным. Он ненавидел однообразные увеселения, да и войны тогда никакой не было. Вот он и продолжал жить дома, наслаж-

даясь покоем и уединением, хотя сомнения в полноценности своего времяпрепровождения иногда и посещали его. Пожалуй, если не принимать во внимание некоторую душевную неудовлетворенность, это все же был счастливый человек.

Память о старом сэре Джеймсе де Норте, дедушке Марка, надолго пережила его и являлась причиной такого жуткого названия крепости. Это был злой, нелюдимый человек, и о нем всегда ходили темные слухи. Он выгнал из дому своего сына, да так и не пустил его больше на порог, проведя остаток дней за чтением книг и предаваясь мрачным размышлениям. Кроме того, он внимательно следил за расположением звезд, вычерчивая странные фигуры в принадлежащих ему тетрадях. Старая комната, самая верхняя в башне, где он и встретил свой страшный конец, с тех пор никогда не открывалась. Чтобы пройти туда, нужно было миновать небольшую тяжелую дверь, к которой вела винтовая лестница из расположенной ниже спальни. В комнате было четыре окна, по одному на каждую сторону света, но окно с видом на холмы наглухо закрывали прочно запертые дубовые ставни.

Однажды весь день шел проливной дождь, и Роланд, изнемогая от безделья и в досаде на то, что Марк, погруженный в чтение, так спокойно сидит в своем старинном кресле, заявил наконец кузену, что больше не может терпеть и должен немедленно посетить старую комнату, в которой до сих пор ни разу не был. Марк закрыл книгу, снисходительно улыбаясь такой непоседливости своего друга, встал, лениво потянулся и пошел за ключами. Вместе они поднялись по винтовой лестнице; ключ глухо простонал в замочной скважине, дверь распахнулась, и они оказались в душной комнате с высоким бревенчатым потолком и выцветшими стенами. Вокруг, по периметру, стояли запертые стенные шкафы, а большой дубовый стол и кресло возле него занимали середину комнаты. Сами стены были отделаны непритязательно и грубо, а все углы и окна давно затянуло паутиной. Роланд засыпал Марка вопросами, и тот рассказал все, что знал о своем дедушке сэре Джеймсе и о его замкнутом характере, но признался,

что понятия не имеет, почему он снискал среди людей весьма недобрую славу, а его имя окутано таким зловещим ореолом. Роланд возмутился, что такая прекрасная комната находится в столь ужасном состоянии и решил приоткрыть ставни одного из окон. Но лишь только он сделал это, как бушующий шквал дождя и ветра с такой силой и яростью ворвался в комнату, что ему пришлось поспешно закрыть окно. Между тем понемногу, по мере того как они беседовали, некое странное гнетущее настроение начало охватывать обоих, пока Роланд не заявил, что место здесь какое-то нехорошее. Тут Марк рассказал о смерти старого сэра Джеймса, который был найден на полу этой самой комнаты, после того как целый день не выходил из своей спальни, не подавая никаких признаков жизни. Говорят, что промокшая, как от дождя, одежда на нем была странным образом забрызгана грязью, будто после трудного путешествия; старик потерял дар речи, бормотал лишь бессвязные слова, а выражение ужаса не сходило с его лица до самой смерти, которая случилась вскоре после того, как его нашли. Затем молодые люди подошли к окну. На запертых на все запоры ставнях неверной рукой было начертано чем-то красным: «CLAUDIT ET NEMO APERIT», что Марк перевел с латыни как «Он закрывает, и да никто не откроет». Далее Марк поведал о предании, гласящем, что несчастье случится с тем, кто откроет это окно, и сказал, что, по его мнению, лучше и впредь оставить его закрытым. Роланд лишь посмеялся над таким отсутствием любопытства у своего кузена и уже положил руку на засов, будто собираясь его вынуть, но Марк настойчиво запретил ему сделать это. «Нет! — сказал он. — Пусть остается все как есть. Мы не можем нарушать волю покойного!» Не успел он произнести эти слова, как ужасный порыв ветра заставил затрещать рамы в окнах, которые, казалось, вот-вот поддадутся и распахнутся под ударами стихии. В мрачном расположении духа они покинули комнату, но, спускаясь по лестнице, вдруг заметили, как сквозь свинцовые дождевые облака начинают пробиваться лучи солнца.

Оба были подавлены и за весь остаток дня не проронили ни слова, но и без слов было понятно, что мысль

отпереть закрытое окно и посмотреть, что произойдет, не выходила из головы как у Марка, так и у Роланда. Если для Роланда это было сродни жгучему желанию ребенка подсмотреть что-то запретное, то Марк видел для себя нечто постыдное в том, что он был вынужден подчиняться предписаниям какого-то древнего невразумительного суеверия.

Прошло немало дней после того памятного посещения башенной комнаты, но с тех пор словно какая-то тень легла на их отношения. Роланд сделался капризным и раздражался по пустякам, а запретное желание настолько овладело всем существом Марка, что ему стало чудиться, будто какая-то внешняя сила влечет его на верх башни. Порой ему казалось, что он видит руку, манящую его к запертой комнате, а иногда ему слышался голос, зовущий его оттуда.

Однажды ясным, погожим утром случилось так, что Марк остался в доме один. Роланд, не сказав ни слова, с первыми лучами солнца куда-то уехал, и хозяин выглядел угрюмее обычного. Он развалился в кресле и рассеянно теребил уши своему любимому псу, который, положив голову на колено господина, смотрел на него преданными влажными глазами, явно недоумевая, почему они сидят взаперти в такую прекрасную погоду.

Случайно взгляд сэра Марка упал на ключ от верхней комнаты, который валялся на подоконнике с тех пор, как он его туда бросил. Внезапно желание подняться наверх и покончить раз и навсегда с этой пустяковой тайной обуяло его с силой, которой он уже не мог сопротивляться. Дважды он поднимался, брал ключ, неуверенно теребя его пальцами, и в нерешительности клал обратно, но затем вдруг схватил его и стремительно направился к винтовой лестнице. Он почти взбежал по ней, преодолев несколько витков лестничной спирали, так что у него закружилась голова от калейдоскопического мелькания образов того яркого внешнего мира, что заглядывал сюда сквозь башенные амбразуры. Сторона, на которую выходило закрытое окно, куда ни глянь, представляла собой сплошной зеленый ковер, покрывающий величественные холмы.

На небе не было ни облачка, и теплый ветерок приятно ласкал Марка, стоящего в холодном лестничном пролете. Тут он услышал ниже по лестнице мягкий топот собачьих лап и понял, что старая гончая решила последовать за ним. Как ни странно, но сейчас, стоя у запертой двери, ему, пожалуй, было приятно сознавать себя в компании живого существа. Дождавшись, когда пес взберется наверх, он, уже более не мешкая, открыл дверь и переступил порог.

Комната при всей своей запущенности удивительным образом все же не производила впечатления нежилого помещения, и к Марку вдруг пришла необъяснимая уверенность в том, что его здесь давно ждут. Отбросив все сомнения, он решительно подошел к запертым ставням и внимательно осмотрел их. Шум за спиной заставил его повернуться, и он увидел, что собака сидит у порога, вытянув морду, и тревожно обнюхивает воздух, не решаясь ступить в комнату. Марк позвал пса, по привычке протянув к нему руку, но животное в ответ лишь несколько раз вильнуло хвостом, как бы давая понять, что слышит призыв хозяина, но тут же продолжило свое настороженное исследование. С первого взгляда было видно, что смышленая собака учуяла в комнате что-то неладное, — подобрав под себя лапы, она легла на пороге, дрожа всем телом и испуганно глядя на своего господина. С недобрым предчувствием и стараясь быстротой действий заглушить невольный страх, Марк вытащил прочную скобу из ставней, поставил ее на пол и буквально выдернул ставни на себя. Открывшееся за ними и примыкающее к окну пространство было сплошь затянуто полуистлевшей паутиной, которую он смахнул той же скобой, но за окном, и это не могло не поразить его, стояла почти полная темнота. Окно было темным настолько, что казалось, еще что-то заслоняет его с внешней стороны, но ведь Марк отчетливо помнил, как, стоя внизу, сам не раз видел свинцовый отблеск этих стекол. Он отступил в изумлении, но, уже не в силах сдержать любопытство, ухватил руками давно проржавевшие створки и рывком распахнул окно. Все та же непроглядная тьма была и по ту сторону, но вдруг из этой самой тьмы повеяло каким-то ледяным, пронизываю-

щим до костей ветром. Словно что-то невидимое пронеслось мимо, и он услышал, как глухо взвыла старая гончая. Когда же он обернулся, то увидел, что пес поднялся, весь ощетинившись и оскалив клыки, но мгновением позже завертелся волчком и стремглав выскочил из комнаты.

Оставшись совсем один, Марк, стараясь унять тот ужас, который, казалось, заставлял кровь стынуть в его жилах, отвернулся от пугающей тьмы и окинул взглядом утопающую в солнечном свете комнату, но затем вновь повернулся и, призвав на помощь все свое самообладание, выглянул из окна в кромешную мглу. Увиденное настолько поразило его, что поначалу Марк испугался, не сошел ли он с ума. Перед его взором предстал мрачный, скалистый склон в какой-то пустынной местности, который был усеян валунами и поднимался почти до самого окна, так что, наверное, без труда можно было спрыгнуть вниз, тем более что крепостная стена, как казалось, едва вырастала из окружающих скал. Было тихо и темно, как в безветренную, беззвездную ночь, и лишь тусклый, рассеянный свет непонятной природы позволял различать контуры предметов. Склон, примыкающий к крепости, очень круто уходил вниз, а далее, там, где — Марк твердо знал — должен был начинаться соседний холм, смутно вырисовывались очертания равнины, посреди которой горел какой-то огонек, похожий на освещенное окно маленькой сторожки. Совсем недалеко, чуть ниже по склону, он углядел нечто, напоминающее фигуру пригнувшегося к земле человека, который, скользя и спотыкаясь о камни, отчаянно карабкался вверх, словно неожиданно получил шанс на спасение. Вместе с леденящим, переполняющим сердце страхом вдруг пришло и неудержимое желание спрыгнуть вниз, на эти самые камни, но тут Марку показалось, что человеческая фигура внизу остановилась, разогнулась и призывно махнула ему рукой. Чувство смертельной опасности сразу охватило все его существо, и, как человек, вдруг осознавший, что стоит на краю пропасти, он, собрав волю в кулак, заставил себя отпрянуть от окна и захлопнуть створки. Почти парализованный страхом, трясущимися руками Марк закрыл ставни и, поставив скобу на прежнее место, цепляясь за стены

и еле волоча переставшие слушаться ноги, вышел из комнаты. Но как только он запер дверь на ключ, пережитый ужас овладел им с новой силой. В панике Марк сбежал по винтовой лестнице, не помня себя, выскочил из дому и, подбежав к старому большому колодцу посреди внутреннего двора, швырнул в него ключ, прислушиваясь затем к тому, как, падая, он ударяется о каменные стены. Даже после этого молодой Норт долго еще испуганно озирался по сторонам, не решаясь снова войти в дом, пока переполняющий его душу жуткий страх постепенно не рассеялся и не оставил после себя ничего, кроме пустоты и уныния.

Тут вернулся Роланд, как всегда с множеством новых историй, но, уже начав их рассказывать, вдруг осекся и спросил Марка, не болен ли он. Марк, который сидел мрачнее тучи, что было совсем не похоже на него, ответил отрицательно и в таком резком тоне, что удивленный Роланд лишь поднял брови и, продолжая свой витиеватый рассказ, уже не возвращался к этому вопросу. Но когда наконец возникла пауза и он спросил у Марка: «А что ты делал сегодня утром?» — то тому показалось, что хитрый взгляд украдкой сопровождал этот в общем-то невинный вопрос. Волна беспричинного гнева вдруг захлестнула Марка. «Какое тебе до этого дело? — взорвался он. — Я что, не имею права делать что хочу в своем собственном доме?»

«Без сомнения», — ответил Роланд в изумлении и, не произнеся более ни слова, вскоре вышел, мыча себе под нос какую-то мелодию.

В тот вечер непривычное молчание царило за их обеденным столом, и, хотя Марк из вежливости и задавал вопросы, беседа явно не клеилась. Только когда прислуга вышла и они остались вдвоем, Марк протянул руку Роланду со словами: «Роланд, прости меня! Мне стыдно за то, что я наговорил тебе сегодня. Мы уже так долго живем под одной крышей, но никогда не были так близки к ссоре, как теперь. Это моя вина».

В ответ Роланд улыбнулся и крепко пожал ему руку. «Я не придал этому такого большого значения, — сказал он. — Удивительно, что ты вообще уживаешься с таким бездельником, как я». Друзья еще долго говорили, пребы-

вая в том благодушном настроении, какое наступает сразу после примирения, но ближе к концу вечера Роланд вдруг спросил: «Послушай, Марк, а что это за история, будто бы после смерти твоего дедушки должны были остаться какие-то сокровища?»

Не желая того, кузен этим вопросом затронул очень больное место, но Марк не подал виду и отвечал: «Пожалуй, я ничего не знаю об этом, за исключением того, что он принял поместье в отличном состоянии, а оставил почти разоренным и что никто не знает, куда, собственно, девались доходы с поместья за много лет. Спроси лучше у стариков в деревне — они знают о доме куда больше, чем я. Только, Роланд, прости меня еще раз, но я бы не хотел, чтобы мы упоминали имя сэра Джеймса. Я жалею, что мы вошли в его комнату. Это трудно объяснить, но мне все время кажется, что он спокойно сидит себе там, наверху, и только того и ждет, что мы его позовем. Как будто мы его потревожили и теперь он живет с нами. Я думаю, это был злой человек. Нелюдимый и злой. Из моей головы не выходят строки Священного Писания, где Самуил говорит колдунье: „Для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышел?“»[1]

«О! Я не знаю, зачем я говорю такие безумные вещи, — продолжал он, ибо заметил, что Роланд глядит на него, раскрыв от изумления рот, — но тень упала на меня, и я вижу только зло вокруг».

С того дня тяжелое, гнетущее настроение уже не покидало Марка. Он чувствовал, что по глупости связался с чем-то гораздо более могущественным и опасным, чем можно было себе представить, — как если бы ребенок разбудил злобного зверя. Даже ночью ему не было покоя. В своих мрачных снах Марк неизменно оказывался посреди уже знакомых ему скал, из-за которых то здесь, то там выглядывала виденная им человеческая фигура. Насмешливо улыбаясь, незнакомец призывно махал ему рукой, будто маня в какое-то опасное место. Но чем мрачнее становился Марк, тем веселее и беспечнее выглядел Ро-

[1] Ветхий Завет, Первая Книга Царств, глава 28, стих 15.

ланд, который, казалось, витал в облаках, вынашивая свой собственный грандиозный план.

Однажды утром он вошел в приемный зал с таким сияющим лицом, что Марк почти позавидовал ему и спросил, что сделало его таким радостным. «Радостным? — переспросил Роланд. — А, понимаю! Радостные мысли, наверное. Что бы ты сказал, если бы узнал, что один славный парень, довольно серьезного вида, но с открытой улыбкой на лице, подманил меня рукой и показал места — удивительные места под насыпями и в лесных шахтах, — где лежат груды сокровищ? Марк, я уверен, что целое состояние ждет меня там, но ты, конечно, разделишь его со мной». Здесь Марк, видя некоторое сходство рассказанного Роландом со своими собственными мрачными видениями, лишь поджал губы, да так и остался сидеть с каменным лицом, ничего не замечая вокруг.

Как-то раз тихим весенним вечером, когда воздух был настолько насыщен влагой, обещавшей вскоре буйное цветение деревьев и пышный рост уже пробивающейся травы, что просто стало тяжело дышать, а свинцовые тучи в багровом зареве далеких зарниц уже целый день нависали над равниной, двое друзей сидели за обеденным столом. Марк с самого утра бродил в одиночестве по холмам, иногда останавливаясь, чтобы прилечь на какой-нибудь зеленой лужайке, — так он пытался бороться с хандрой, которая, казалось, отравляла самые истоки его жизненных сил. Роланд, напротив, весь день был бодр и даже казался немного нервным. Напевая себе под нос припев какой-то песни, он то куда-то уходил, то снова возвращался, всем своим видом напоминая человека, собирающегося по секретным делам в далекое путешествие и испытывающего по этому поводу острое нетерпение. По вечером, сразу после обеда, Роланд невзначай высказал одну из своих фантазий. «Если бы только мы были богаты, — воскликнул он, — во что бы мы превратили эту старую крепость!»

«А по мне, и так хорошо», — отозвался Марк угрюмо. И тут Роланд, пожурив его слегка за излишне мрачный взгляд на вещи, принялся расписывать план возможных изменений в их жизни.

Марк, совершенно измотанный и в то же время не находящий себе покоя из-за нестерпимо гнетущего настроения, отправился спать раньше обычного, оставив Роланда одного в приемном зале. Однако сон не шел, и, полежав немного в забытьи, он встал, зажег свечу и, чтобы скоротать бессонные часы и стряхнуть уныние, раскрыл наугад какую-то книгу. В ту ночь дом, казалось, был полон странных звуков: раз или два начинались подозрительный скрежет и слабое постукивание по стене, затем послышались легкие шаги в направлении башни... Но в крепости всегда что-то шумело, и Марк не обратил на это никакого внимания. Наконец он уснул, но был внезапно разбужен невероятным, отчаянным криком, непонятно откуда доносившимся, хотя, судя по приглушенному звуку, кричали не в помещении. Старый пес, спящий тут же, в комнате Марка, конечно, тоже услышал крик и теперь сидел, в страхе поджав уши и выжидательно глядя на хозяина. Марк спешно поднялся и, взяв свечу, быстро пошел по коридору, что вел к комнате Роланда. Комната была пуста, к тому же горящий огарок на столе указывал на то, что сегодня здесь еще никто не ложился. Терзаемый тревожными и ужасными предчувствиями, которые роились у него в голове, Марк бросился бегом обратно по коридору, а затем вверх по ступеням винтовой лестницы. Взбежав наверх, он обнаружил, что маленькая дверь взломана и полуоткрыта, а в башенной комнате горит свет. Безумным взглядом он окинул комнату; и тут до него снова долетел крик — на этот раз очень слабый и безутешный. Содрогнувшись, Марк повернулся к окну — оно было распахнуто настежь, и в нем зияла ужасная, почти осязаемая чернота. К поперечной балке посреди оконного проема было что-то привязано. Он кинулся к окну и понял, что это натянутый канат, другой конец которого сброшен на ту сторону. Всем телом свесившись вниз и напрягая зрение, он сквозь кромешную тьму смог разглядеть на том конце трепыхание какого-то тела; и тут из мрака в третий раз до него донесся крик — отчаянный крик погибающей души.

Словно в ужасном кошмаре, он вновь стал различать во тьме очертания ненавистного ему склона, но на сей раз там

было нечто, что его воспаленному уму представилось как какое-то хаотическое движение: вокруг сновали бледные огоньки, и странные существа, сбившиеся в стаи наподобие рыб, метнулись врассыпную, лишь только он высунулся из окна. Марк не мог не понимать: он наблюдает то, что не должен видеть ни один смертный; тогда ему вдруг пришло в голову, что, возможно, сам ад предстал перед ним.

Канат уходил далеко вниз, теряясь в глубине среди темных скал, но Марк, крепко ухватив недюжинной силы руками, стал постепенно выбирать его на себя. По мере того как канат вытягивался, Марк закреплял его, наматывая петли, одну за другой, на тяжелый дубовый стол, что давало возможность для небольшой передышки, но силы постепенно начали покидать его, а конца все не было видно. Закрепив очередную петлю каната, Марк двинулся к окну, и тут какое-то гигантское существо, укрытое чем-то вроде капюшона, вдруг показалось в оконном проеме: бесшумно подлетев, как птица, оно взмахнуло своими невероятными крыльями и исчезло во мраке.

Вскоре он обнаружил, что тело на том конце каната нисколько не задевает скалы, но свободно проходит сквозь них, как будто они не плотнее тумана. После такого наблюдения задача представилась ему даже более трудновыполнимой, но он, сжав зубы, лишь с удвоенной яростью взялся за дело, превозмогая боль в натянутых мышцах и дюйм за дюймом продолжая вырывать канат у зловещей тьмы. От напряжения у него стучало в висках, капли пота выступили на лбу, а вдохи и выдохи в тишине комнаты звучали как всхлипы и стоны. Наконец тело оказалось на расстоянии вытянутой руки. Марк подтянул его к себе, обхватил за пояс и перетащил Роланда — ибо это, конечно, был он — через подоконник. Его голова не держалась, но болталась из стороны в сторону, лицо почернело, будто от удушья, а руки и ноги висели как плети. Вытащив нож, Марк перерезал канат, обвязанный вокруг туловища под мышками, — и тело тут же безжизненно соскользнуло на пол. Тогда он поднял взгляд и похолодел: из оконного проема прямо на него смотрело лицо — лицо, ужаснее которого он не мог себе представить. Нельзя было даже с уве-

ренностью назвать его человеческим: белое, как у покойника, с по-змеиному неподвижными, бесцветными глазами и перекошенным от ненависти ртом, оно излучало неутолимую ярость и прямо-таки дьявольскую злобу. Вдруг что-то метнулось у Марка из-за спины. Это старая гончая незаметно прокралась в комнату и теперь с грозным рычанием кинулась на окно. Послышался скрежет когтей о каменный подоконник, Марк увидел, как собака прыгнула в черный проем, и мгновением позже до него донесся звук тяжелого падения. И тут тьма вдруг сразу рассеялась и, как облако в воздушном потоке, унесла с собой мелькающие в окне клочья разорванной черноты, оставив после себя величественную картину холмов на фоне ночного неба, усыпанного безмятежными звездами.

Каким-то необъяснимым образом Марк тотчас почувствовал, что все ужасы и страхи, связанные с этим местом, теперь тоже развеяны, а его враг побежден. Он осторожно отнес Роланда вниз по лестнице и уложил на постель, но затем, разбудив прислугу, которая с испугом глядела на изнеможденного хозяина, Марк смог дойти лишь до своей комнаты. Там силы оставили его: он медленно опустился на пол, и темная пелена заволокла его сознание.

Его выздоровление проходило медленно. Для тех, кто заглянул по ту сторону бытия, становится трудно вновь поверить в реальность внешнего мира. Первое, что он произнес, придя в сознание, был вопрос о его любимой собаке. Ему сказали, что тело пса, все искалеченное, было найдено у подножия крепостной стены и что его покрывали ужасные раны, похожие на следы клыков какого-то дикого зверя. Собаку похоронили в саду и на надгробии выбили надпись:

EUGE SERVE BONE ET FIDELIS[1]

Один глупый священник однажды сказал Марку, что не подобает слова из Священного Писания помещать на надгробии какого-то животного. На что Марк осторожно заметил, что эта надпись скорее заставляет смириться тех,

[1] Благородному слуге, доброму и верному *(лат.)*.

кто ее читает, чем разжигает гордыню у того, кто лежит под нею.

Как только силы вернулись к нему, Марк первым делом послал за строителями, и они до основания, камень за камнем, разобрали старую крепость Порт и затем на ее месте построили прекрасную часовню. Сначала Марк не хотел ничего больше здесь строить, но, разбирая башенную стену, рабочие случайно наткнулись на потайной лестничный ход, ведущий из верхних покоев замка и имеющий незаметный выход посреди кустов бузины, которые буйно разрослись у подножия крепости. Там, в этом секретном проходе, был обнаружен большой металлический сундук, полный золота. Эти средства и пошли на возведение церкви. С тех пор Марк женился, его любящие дети никогда не отходят от него, но те, кто посещает его дом, встречают также и странного бледного человека, всегда садящегося с Марком за один стол. С ним хозяин Норта всегда особенно любезен. Порой этот человек бывает весел и принимается рассказывать длинную историю, конца которой не помнит, о том, как его однажды подманил к себе, улыбаясь, один высокий красавец и как они вместе шли по какому-то склону за золотом. Но иногда, особенно по весне, он становится неразговорчив и лишь бормочет себе что-то под нос. Это — Роланд. Его душа, кажется, томится в заточении где-то очень глубоко в нем самом, и Марк возносит молитвы к Небесам о ее освобождении, твердо зная, что, пока Господь не призовет к себе кого-нибудь из них, он будет беречь Роланда как родного брата и почитать как того, кому уже довелось побывать за порогом смерти, но кому не дозволено говорить о том, что он там увидел.

ЛОУРЕНС ШИМЕЛ И МАЙКЛ РЕЗНИК

Жертва иллюзий

Я бы мог написать об этих двух авторах такое введение, что оно оказалось бы длиннее самого рассказа, поэтому мне лучше придержать энтузиазм. Лоуренс Шимел (родился в 1971 году) — плодовитый автор коротких и ярких произведений в жанре фэнтези, часть из которых можно найти в его сборнике «Ленивая королева Страны эльфов» (1997 г.). Среди его многочисленных антологий известны такие, как «Удачливый кассир», включающая в себя также рассказы Мартина Х. Гринберга, и полюбившаяся читателям книга «Вещи-невидимки», которая буквально завораживает своим реализмом. Кроме того, Шимел вносит вклад в испанскую литературу, сочиняя главным образом книжки для детей.

Майкл Резник (родился в 1942 году) выпустил невероятное количество книг и отдельных рассказов. Наиболее известной и удостоенной множества наград является серия его рассказов об африканских туземцах, заселивших планету Киршьяга и возродивших там некогда существовавшую на Земле культуру. Истории об этих племенах вошли в сборник «Киршьяга» (1998 г.). Резник четырежды завоевывал премию «Хьюго», «Небьюла» и другие главные и второстепенные награды в США, а также во Франции, Японии, Польше, Хорватии и Испании. Его произведения переведены на двадцать два языка.

Соединенный талант столь разных авторов произвел на свет этот маленький мудрый рассказ - размышление о природе реальности.

Как только все собрались в Большом зале, Эдвард с выжидающей улыбкой поднял взгляд к потолку. Мгновение спустя внутри зала разразился град из жаб.

Гости завизжали. Тогда Эдвард взмахнул рукой, и ковер вдруг сам собой превратился в тысячу пастей. Каж-

дая из них начала с жадностью заглатывать по одной и даже сразу по нескольку жаб. Но после того как все жабы наконец были съедены, пасти уже не могли остановиться в своей ненасытности и принялись грызть мебель.

Еще один взмах руки — и мебель превратилась в чистейшее золото. Раздался треск зубов, напоровшихся на металл, и пасти отпрянули назад. Мебель же, расправив крылья, теперь парила в воздухе в нескольких дюймах от ковра, подзадоривая его вновь испытать свою силу. Пасти исчезли, мебель мягко приземлилась, и ее золотые лапы чудесным образом снова стали деревянными, стоило Эдварду усмехнуться и отвесить низкий поклон аплодирующей публике.

Вивиан вздохнула. Она предпочла бы сейчас находиться где угодно, только не в этом зале; однако женщина и виду не подала, что ей скучно, и засмеялась вместе с остальными приглашенными членами Тринадцати Семейств. Она пыталась найти в памяти тот день, когда магия из-за отношений с Эдвардом утратила для нее свой блеск. Было время, когда каждый его трюк восхищал Вивиан просто потому, что это был его трюк. Теперь же, когда они близки, Вивиан бормочет слова заклинания, выдавая их за стоны самозабвенного восторга — только бы не видеть его лица, упрятать его под обликом другого человека, любого другого человека... не важно кого.

На каком-то отрезке их жизненного пути все разладилось.

Теперь, когда колдовские штучки Эдварда уже не забавляли Вивиан, ее сердце, которое она когда-то ощущала величавым императорским парусником, превратилось в обломок кораблекрушения — просмоленное бревно, опутанное шелковым парусом, словно заклинания, державшие его на реях, больше не действовали. Казалось, Эдвард еще раз направил это судно, и так со свистом несущееся к земле, носом в грязь. И все заляпанные ею жители Константинополя взирали теперь на Вивиан — на то, как померкло под влиянием настроения ее яркое, блистательное великолепие. Взирали как на солнце, заслоненное облаком пыли или вовсе переставшее светить.

Из-за спинки кресла Эдварда выполз питон с замысловато раскрашенной шкурой. Эдвард как можно шире — так, чтобы могло пролезть толстое тело змеи, — раскрыл рот и быстро проглотил ее. Собравшиеся в зале сливки общества в очередной раз покатились со смеху, подобно легкомысленным школьницам, надрывающим животики над пикантной сплетней. Вивиан так устала от всего этого, а от Эдварда — в особенности. Чего-то ему недоставало — именно того, что ей отчаянно хотелось в нем видеть, хотя она и сама толком не понимала, чего же именно. Она уже не в первый раз спрашивала себя, что за человек скрывается за его фокусами и чарами. Если она когда-то случайно и видела истинного Эдварда — даже временами от нечего делать наделяя его лицами других мужчин, — то видела перед собой человека, который прикрывался маской юноши с мужественной внешностью. Вивиан и сама следила за собой, защищаясь чарами и магией от превратностей старения, и она догадывалась, что настоящий Эдвард был всего лишь пустышкой. Не более чем продуктом искусного всесильного колдовства.

Хотя он был молод, а не просто казался молодым, он являлся, несомненно, самым могущественным в городе магом — и, значит, самым влиятельным членом Тринадцати Семейств. Они считались наиболее сильными в Константинополе колдунами, способными подкрепить свой статус быстрым крепким кулаком (хотя всегда издалека и только посредством магии; собственных рук они никогда не пачкали). Вивиан ужасно повезло, что ей удалось привлечь к себе его внимание, и даже больше, чем просто внимание, ведь недаром их связь оказалась такой продолжительной. Хотя, узнав Эдварда так близко, как теперь, Вивиан обнаружила, что задача эта была проще некуда. При всем своем магическом величии, в повседневной жизни Эдвард хитростью не отличался; его легко было сбить с толку и сделать орудием в руках изобретательной Вивиан. Ей приходилось долгими часами защищать Эдварда, скрывая его наивность от тех, кто его эксплуатировал и всячески маскируя свою главенствующую роль в семье. Эта забота всегда лежала на плечах Вивиан.

Но даже эта привилегия со своим возбуждающим эффектом давно для нее поблекла и стала чем-то вроде домашней рутины, — подумаешь, оберегать трон Эдварда от всевозможных недругов, тайных и явных...

Внезапно кресло Вивиан провалилось сквозь пол. Дыра в нем разверзлась мгновенно — так вырываются со дна бутылки пузырьки шампанского, чтобы с хлопком вышибить пробку. Вивиан лениво подумала, стоит ли ей напрячься в поисках заклинаний, которые спасут ее жизнь и не дадут разбиться насмерть при падении с высоты этого замка. Но она верила, что Эдвард уделит ей минутку и спасет (если, конечно, не отвлечется на какую-нибудь очередную шалость).

Вивиан воспользовалась моментом, чтобы насладиться передышкой от общества своих собратьев, членов Тринадцати Семейств, которых она всегда считала довольно скучными и едва ли забавными. Болтаясь в подвешенном состоянии, она глядела на раскинувшийся внизу город.

Справа возвышалось Великое собрание — сердце Константинополя — и врата, через которые проходят все посетители. Над его куполом земным солнцем сиял золотой глобус. Чуть левее громоздился Кафедральный собор — творение человеческих рук, столь же величественное в своем лишенном магии каменном могуществе. Два этих сооружения соперничали между собой, взметнувшись по обе стороны дороги, которая тянулась между ними — Великим собранием и Кафедральным собором. И все же они казались Вивиан ничтожными, иллюзорными продуктами фантазии...

Ее мысли прервал Эдвард, обняв ее сзади из-за кресла.

— Неужели ты ничуть не обеспокоилась? — спросил он, пряча лицо в ее черных локонах и продвигаясь пальцами от живота к груди. — Ты выглядела там, наверху, так восхитительно, что я не мог удержаться, чтобы не выкрасть тебя оттуда. Давай займемся любовью в воздухе, — прошептал он ей на ухо.

— У всех на виду? Как какой-нибудь простой моряк и его шлюха?

— Мы невидимы, — сказал он, комкая кружева на ее платье, и Вивиан знала, что даже их он только что сделал.

— Пожалуйста, Эдвард... понимаешь, не то чтобы я не верила, что твои заклинания удержат нас в воздухе, но я действительно предпочитаю удобства. Мне больше нравится, когда под ногами твердая земля, и кровать, и...

У Вивиан был в запасе длинный перечень предпочтений. Она надеялась, что сможет таким образом отделаться от Эдварда, но внезапно они очутились в его земном дворце. Игнорируя свои колдовские способности, Эдвард выстроил дом из природных материалов, и при этом он оказался столь же совершенным и роскошным, как и воздушные замки — предел мечтаний таких же, как сам Эдвард, владык. Если уж Вивиан суждено испытывать неудобство от близости с мужем, пускай это происходит среди земных благ, к которым она привыкла за время супружества.

Эдвард поднял ее на руки, уложил на толстое пуховое одеяло, покрывавшее их двуспальную кровать, и навалился сверху. В голове Вивиан невольно всплыли слова заклинаний, которые обычно меняли внешность Эдварда. Едва она их произнесла, ее скрещенные особым образом пальцы вонзились ему в спину. Эдвард же, решив, что Вивиан таким образом подгоняет его, со всем пылом предался страсти. Он больше не утруждал себя ни объятиями, ни возней с одеждой Вивиан — просто воспользовался своим новейшим хитроумным изобретением, в мгновение ока избавившись от всех этих тряпок, и она оказалась догола раздетой. К счастью, через несколько минут все было кончено, и Эдвард сразу уснул.

Когда он захрапел, Вивиан высвободилась из его рук и соскользнула с кровати. Она зашла в ванную и заперла за собой дверь, хотя знала, что такая мера предосторожности для Эдварда ничего не значила — как практически и для любого жителя Константинополя, если уж на то пошло. В этом городе волшебников умение открыть с помощью заклинаний замок считалось само собой разумеющимся искусством, даже дети обучались ему раньше, чем переставали мочиться в штанишки. И все же Вивиан заставляла себя это делать — своего рода эмоциональный сигнал, означавший, что она защищена от Эдварда и от всех остальных. Перед тем как ступить в бассейн под

струю горячей воды и соскрести намыленной губкой со своей кожи запах мужа, она постояла, разглядывая себя в зеркальной стене и стараясь стряхнуть с тела магию иллюзий. Прошло немало времени, прежде чем она вновь почувствовала себя чистой.

Вивиан насухо растерлась полотенцем, хотя вполне могла таким способом лишиться колдовского дара. Не сказать, чтобы она пренебрегала магией и связанными с ней преимуществами, — жизнь Вивиан, как и прочих обитателей Константинополя, была насквозь пропитана магией. Она практиковала ее изо дня в день, она сыпала заклинаниями направо и налево, едва успевая о них подумать. Но именно поэтому Вивиан предпочитала вытираться и выполнять вручную еще сотню других упражнений: она не хотела быть настолько зависимой от колдовства, чтобы утратить в нем свое «я». Эта мысль не давала Вивиан покоя и помогала сознательно не применять магию там, где без нее можно было обойтись. Именно этой тревожностью ума и вниманием к второстепенным жизненным вопросам она и привлекла в свое время Эдварда и поддерживала его страстную влюбленность все эти годы.

Вглядываясь в свое отражение в зеркале, Вивиан невольно спрашивала себя: а стоило ли все это ее усилий? Не сознательное отношение к жизни, от которого она не отказалась бы даже ради могущества Эдварда, а сам Эдвард? По правде говоря, пока она жила в Константинополе, его присутствие обеспечивало ей доступ в общество и привилегии, которых иным способом она не смогла бы добиться. Но, пройдя весь путь к этой вершине, до самых воздушных замков, парящих в небе над башнями Константинополя, Вивиан обнаружила, что ей стало скучно.

Жизнь была слишком спокойной.

Возможно, как раз это и не нравилось ей в Эдварде. По его вине в жизни Вивиан больше не было духа соревнования, теперь она не стремилась решать какие-либо серьезные задачи. Эдвард был способен силой магии дать ей все, чего бы она ни пожелала. Что он и делал, поскольку все эти манипуляции не составляли для него труда. В жизни Вивиан не осталось никаких стимулов, и чувство

безысходности вело ее к безумию. И хотя ничто не мешало ей беспрепятственно разгуливать по Константинополю, она каждый миг чувствовала себя в плену.

Она глядела на себя в зеркало и видела, как быстро стареет, несмотря на тщательный уход за телом. Волосы, которые прежде были цвета воронова крыла, теперь сильно поседели под маской колдовства... Сколько можно так жить? Вивиан казалось, что она умрет, задушенная скукой этой жизни и иллюзиями. Она почти представила себе, как была бы довольна, живя вдали от города, став женой какого-нибудь фермера; как они сообща, в вечной борьбе с природой, добывали бы средства к существованию для себя и всей семьи. Вивиан, конечно, понимала, что рассуждает с позиции лентяйки, которой она в настоящий момент и была, избалованная окружающим великолепием. «Но в той примитивной жизни я, по крайней мере, каждый день чувствовала бы себя живым человеком», — подумала она. Возможно, это была бы мучительная жизнь, но ведь Вивиан и сейчас мучилась — и, что обиднее всего, имея на то гораздо меньше оснований.

Но могла ли она все это бросить? Отказаться от положения в обществе, от возможности властвовать благодаря Эдварду... от ощущения всепоглощающей скуки и неудовлетворенности жизнью?

Вивиан сомневалась. Ее ум всегда направлен на то, чтобы покорить эту вершину. Спуститься с нее — все равно что потерпеть поражение. И в придачу у Вивиан не было новой цели взамен той, которой она уже достигла.

Вздохнув, она вышла из ванной и на цыпочках прокралась через спальню, где под голубым одеялом все еще храпел Эдвард. Оказавшись в своей маленькой комнатке, Вивиан накинула легкий халат и уже собралась было потихоньку улизнуть и поискать в замке какой-нибудь уединенный уголок — возможно, с видом на вечно переменчивую городскую мозаику,— чтобы продолжить там размышления о своем удручающем положении... когда, разглядывая себя в маленьком настенном зеркале, спохватилась, что забыла надеть личину вечной молодости. Первое слово заклинания непроизвольно сорвалось с губ, когда она взялась

за дверную ручку, но Вивиан остановила себя. Она подумала: а не прогуляться ли ей такой, какая она есть на самом деле? Хоть какая-то попытка отказаться от своей презренной жизни. Пусть на нее не смотрят как на важную персону: только несколько слуг, а может, и вовсе без них.

Довольная собой, Вивиан шла по знакомым залам дворца Эдварда и упивалась ощущением свободы. Развеялась атмосфера иллюзий! Эти стены из натурального материала тоже были подлинными. Под ногами лежал холодный каменный пол. Вряд ли хоть один дворец в Константинополе мог похвастаться тем же: все они были фальшивками. Босые ноги Вивиан обычно ступали по обманчивым мягким коврам или по камням, всегда подогретым до нужной температуры. Но Эдвард в своем бахвальстве превзошел все волей магии воздвигнутые дворцы. Он прибегнул к чарам лишь для того, чтобы превратить обилие природных материалов в свое жилище. Остальные члены Тринадцати Семейств сочли эту затею Эдварда эксцентричной; им казалось странным его желание жить на земле, в то время как они сами строили свои дворцы плывущими в облаках...

Но гениальная простота этого сооружения, не говоря уже о невероятной магии, которая применялась при его строительстве, — воздействующей скорее на то, что ранее существовало, чем сотворяя из ничего все, что ни пожелаешь, — все это и привлекло Вивиан к Эдварду.

Она вглядывалась в простиравшийся под окном город, в скопление фантастических, неправдоподобных зданий, освещаемых золотым глобусом, что висел над Великим собранием. Она любила когда-то Эдварда, этого она не отрицала; но что-то произошло, и любовь исчезла, точно была одним из его фокусов. Хлоп — и нет ее. «Все равно что изо дня в день смотреть на этот сияющий золотой шар, — подумала Вивиан, — а он в один прекрасный день возьми да и исчезни».

И, будто безмолвно откликнувшись на ее мысли, золотой глобус именно это и сделал.

Вивиан поморгала, глядя во внезапно наступившую тьму и с благоговейным трепетом дивясь тому, что случилось. Не она ли стала причиной исчезновения глобуса?

Как же все взбесятся! Глядя на погрузившийся в сумрак город, Вивиан ощутила мгновенный головокружительный восторг. Но откуда-то все же шел свет... Ах да, солнце. До чего же легко забыть, что оно все еще светит, когда его затмила более яркая магическая подделка! Она была создана давным-давно и держалась в воздухе коллективным подсознанием Константинополя. Вивиан испытывала благоговейный страх от сознания того, что в одиночку сумела нейтрализовать гигантскую силу воли, все эти годы удерживавшую золотой глобус на месте...

Внезапно, все так же пристально разглядывая погруженный в тусклый свет город, Вивиан поняла, что это была вовсе не ее заслуга. Фантастические, неправдоподобные здания, загромоздившие улицы, тоже куда-то делись. На их месте стояли убогие, полуразваленные строения из обыкновенного дерева и кирпича. Стоило ей увидеть этот съежившийся город, как парусник рухнул с неба и раскололся на куски.

Вивиан попыталась прибегнуть к заклинаниям, чтобы вернуть на место всю привычную иллюзорность, — к заклинаниям, которые настолько прочно въелись в память, что сохранялись там даже в бессознательном состоянии. Однако, подпитываясь их слабым светом, ее тело не станет моложе. Да и седина никуда не денется из волос.

Нет, вовсе не Вивиан погасила золотое светило. Скорее всего дело было в том, что магия во всем городе исчерпана!

Эта мысль доставила Вивиан огромное удовольствие. Она представила, как воздушные замки Тринадцати Семейств срываются вниз в гигантской, гибельной катастрофе, подобно тому паруснику, что ей привиделся.

А Эдвард? Теперь он, как и все прочие, стал обычным смертным. Все его могучее колдовство исчезло, безвозвратно ушло. Вивиан не могло не интересовать, как он будет выглядеть в своем истинном обличье, без этих бесчисленных масок. Если под ними вообще было что-то материальное!..

Она поспешила по коридору назад, нащупывая руками стены, поскольку колдовской огонь, который прежде осве-

щал их, теперь отсутствовал. Но спальню-то их в любом случае осветят большие окна, выходящие в сад!

Вивиан помедлила перед дверью, предвкушая удовольствие и оттягивая его. Ей так давно хотелось узнать, каков Эдвард на самом деле, что было бы непростительно испортить впечатление спешкой. Медленно поворачивая дверную ручку, Вивиан воображала, что он превратился в какого-нибудь дряхлого, слюнявого старикашку, точно так же, как все эти роскошные фантастические здания, оставшись без поддержки магии, оказались жалкими, неприглядными бараками. Насколько легче ей будет не любить его, зная его истинную отталкивающую внешность!

Вивиан думала, что готова ко всему, что бы ни оказалось там, за дверью, — к любому мерзкому, отвратительному облику Эдварда из тех, что она видела, ложась в его постель. Из тех, что были ей слишком хорошо знакомы, когда многие сотни раз ей приходилось заниматься с ним любовью. Она думала, что готова ко всему, но то, что она увидела, повергло ее в совершенное изумление.

Эдвард нисколько не изменился!

Простыни лишь слегка прикрывали его великолепно сложенное тело. Даже зубы у него были по-прежнему идеально ровные. Не удержавшись, Вивиан стянула с мужа покрывало и убедилась, что его «дар» не был иллюзорным, но вполне натуральным и несомненным признаком мужской природы.

И Вивиан вдруг поняла, отчего не заладились их отношения: Эдвард представлял собой просто красивую оболочку. Внутри у него ничего не было — ни глубины, ни души. Он отличался редким лоском, которым одарила его природа, превосходной внешностью, изысканными манерами — вот и все.

Она рассмеялась вслух — однако не слишком громко, чтобы не будить его. «Интересно, — подумала Вивиан, — что он почувствует, внезапно оказавшись беспомощным, когда всего несколько минут назад был самым могущественным человеком в городе». Она не сомневалась, что без колдовства это будет ни на что не годный калека, все равно что младенец в месячном возрасте.

Вивиан не знала, сколько времени она так простояла, глядя на него сверху вниз и жалея обоих — его и себя. Теперь, когда Константинополь рухнул, она принялась строить планы и благодарила судьбу за то, что Эдвард построил свой дворец надежнее остальных, воздвигнутых силой воображения. Последуй он общей моде — их, вероятно, убило бы, подобно другим членам Тринадцати Семейств. Хотелось бы Вивиан знать, многие ли из них уцелели. Она не могла сказать, что горюет об их воображаемой смерти. А материальный дворец Эдварда способен обеспечить ее жизнь где-то в другом месте. Хотя бы на первое время. Уходя, она возьмет с собой лишь некоторые пожитки да несколько небольших ценных вещиц — золотую брошь, серебряную вазочку... Но даже мысль о нежданной бедности не страшила Вивиан. Ее переполняло волнение; она еще оставалась в этой комнате только ради удовольствия, которое получит, увидев лицо Эдварда, когда тот проснется и обнаружит свое бессилие.

Но тут неожиданно комнату залило ярким светом. Глобус вернулся на прежнее место, как и весь город, возвращенный к недавнему фантастическому бахвальству. На глазах у Вивиан медленно поднимались в небо заново воздвигаемые дворцы, в то время как ее собственные планы и надежды рушились.

Проснувшийся за ее спиной Эдвард, еще сонный, потянулся к ней. И Вивиан вдруг обнаружила, что каким-то магическим образом оказалась в его постели и лежит рядом с ним, свернувшись калачиком под покрывалом.

— Мне приснился ужасный сон, — прошептал ей на ухо Эдвард, проводя рукой от верха ее спины к ягодицам. — Мне снилось, что магия исчезла. — Он засмеялся и принялся целовать ее в шею.

Магия возвратилась. Но, вглядываясь в Эдварда, обнимавшего ее своими сильными, властными руками, Вивиан понимала, что магия все же ушла.

ЭСТЕР М. ФРИСНЕР

В царстве драконов

В своих антологиях космической фантастики я издал несколько рассказов Эстер Фриснер (родилась в 1951 году) наряду с рассказами уже упомянутого Джона Моррисси. Хотя писательница больше известна как автор искрометных юмористических рассказов и романов — например, таких произведений, как «Здесь демоны» (1988), «Земля гномов» (1991) или же «Случайный Маджук» (1995), каждый из которых открывает целую серию, — она пишет много чего еще. Например, ее перу принадлежит очень мрачный роман о последствиях катастрофы — «Псалмы Ирода» (1995), а также некоторые рассказы из сборника «Смерть и библиотекарь» (2002), который включает и нижеследующий рассказ, повествующий о темной, неведомой стороне жизни.

В салоне автобуса Филадельфия—Нью-Йорк было жарко, словно в аду. Лишь только они проехали тридцать миль, кондиционер сломался. Не лучший поворот событий в денек на исходе сентября, скорее напоминавший августовский. Райан Ландберг обреченно обмяк на сиденье: оставалось лишь безмолвно ругать про себя знойную духоту и зловоние, источаемое крохотной бортовой уборной. У него достанет сил вытерпеть это, можно попытаться не обращать внимания. Глаза Райана закрылись, будто на них навалились тяжеленные гири.

В его руке пульсировал и словно тлел от жары маленький глиняный дракончик. Райан прижал его к сердцу и велел сидеть смирно. Когда они найдут убийц дяди Грэма, настанет время действовать и дышать огнем — это будет просто необходимо. Недавно Райан задремал, скользнув в мысли о пламени. И был нисколько не удивлен, уколовшись об острые шипы, когда голова качнулась вперед и подбородок коснулся груди.

С собой в автобус дракончика он не брал, — в этом юноша был уверен так же, как и в том, что его имя —

Райан Ландберг. И вот пожалуйста. Дракончик здесь, а вовсе не там, куда Райан поместил его собственными руками. Юноша оставил его в верхнем ящике школьного письменного стола — присматривать за фотографиями, презервативами и одиночными носками, которые он все никак не мог выбросить. А теперь обнаружил в некогда совершенно пустом кармане после остановки на автомагистрали. Райан даже не пытался понять, как фигурка там оказалась, — это было равносильно шагу к безумию.

— Я всего лишь рисую замки, — говаривал дядюшка Грэм. — А те, кто спрашивает у меня, когда они смогут туда переехать и входят ли в арендную плату единороги, вот именно у них-то и есть проблемы. — Тут дядюшка заливался смехом.

Проблемы... Отзвук этого слова из давнишнего разговора отчетливо прозвучал в ушах Райана. «Да, дядя Грэм, теперь среди нас немало тех, кто отягощен проблемами». Он согнул руку и почувствовал, что полумесяцы ногтей глубоко вонзились в дешевый пластик подлокотников. «Умопомешательство — это не то, что ты видишь, а то, что ты признаешь, что видел». Его воодушевила литания, которую он составил, чтобы ухватиться хоть за какую-нибудь соломинку. «Сумасшествие — это принуждение к объяснению. Дракон нежданно-негаданно появился здесь, хотя я уверен, что не брал его с собой, — так пусть он и будет здесь безо всяких объяснений. Я чувствую: что-то сгущается вокруг меня... Так пусть оно тоже приближается безо всяких объяснений. Нужно только принять все это, и не стоит вопрошать, в своем ли я уме».

«Придется не только принять, — прозвучал в голове Райана тоненький, пронзительный голос. — Ты же знаешь, что должен сделать больше, если хочешь получить обещанную мной награду».

«Награду? — повторил Райан, вслушиваясь в отзвуки все еще пульсирующей в черепе иронии. — Да хоть целый мир в награду!»[1]

---

[1] Здесь используется игра слов: английское слово *reward* (награда) созвучно слову *a world* (мир).

В другом кармане Райана лежал ключ от квартиры дяди Грэма, и хоть здесь-то обошлось без магии. Райан взял ключ без спроса: когда прошлой ночью сновидение внезапно разбудило юношу, он выкрал ключ из маминого туалетного столика, пока родители спали. Ключ прибыл вместе с телом дяди Грэма, вложенный в маленький конверт. Домовладелица дядиной квартиры передала его распорядителю похорон. В тот же конверт была вложена записка, призывавшая маму Райана как можно быстрее приехать в Нью-Йорк и заняться ликвидацией имущества дяди Грэма. В ней именно так и было написано: ликвидацией. Когда Райан прочел это, то представил себе голодную дыру во вселенной, жаждущую пожрать даже память о минувшей жизни дяди, которая, если честно, была источником неудобств и сложностей для множества людей — даже для тех, кого он любил.

Прижавшись лбом к окну автобуса, Райан ощутил между стеклом и кожей скользкую прослойку пота. Чернокожий малыш впереди проиграл еще одно сражение с оконной задвижкой и принялся сыпать проклятиями, которые не преминули бы позаимствовать белобородые волшебники дяди Грэма. Но вряд ли смогли бы их улучшить. Райан вздохнул, и горячее дыхание усугубило и без того невыносимую духоту автобуса.

Он и не подозревал, что обман может вызывать столь гнетущее, изматывающее чувство. Родители и не догадывались о том, где был Райан и что собирался сделать, добравшись до дядиной квартиры. Они думали, что сын вернулся в колледж. На следующий день после похорон дяди Грэма у них в городке Клейборне отец рано утром, затемно, посадил сына на автобус. Приехав в Филадельфию, Райан забежал в общежитие за кое-какими вещами и позвонил родителям, сказал им, что добрался до колледжа. Потом вернулся на автовокзал и ближайшим автобусом выехал в Нью-Йорк.

Что бы родители сделали, если б узнали? С мамой скорее всего случилась бы истерика, а отец... отец бы вновь так посмотрел на него и спросил: «Почему дядя Грэм значит для тебя так много? Он умер, он мертв, так почему же, Райан? В чем дело? Ты случайно не?..»

Вопрос, пусть даже мысленный, так и замер бы непроизнесенным. А в глазах отца читался бы студеный, иссушающий страх. Страх того, что сын даст тот ответ, который отец не в силах выслушать.

«Нет, папа, — ответил на воображаемый вопрос Райан, в то время как жара клонила его в сон. — Я не такой, не волнуйся, я не похож на него. Помнишь, как в прошлом году старик Питт стоял у нас на крыльце и орал, злой как черт, чтобы я держался подальше от его дочери? Боже мой, не думаю, что какой-то мой поступок мог бы обрадовать тебя больше! Даже моя стипендия так тебя не радовала. Всего лишь намек на то, что я переспал с девушкой, какой-то девушкой, все равно с какой девушкой. — Райан поерзал всем телом, удобнее устраиваясь на жесткой обивке сиденья. — Так теперь мне можно думать о дяде Грэме? Есть ли резон любить его, коль скоро он уже мертв?»

Маленький глиняный дракончик, устроившийся в ладонях, сложенных чашей, вытянул одну лапу и вонзился в плоть когтями сновидений.

«Так ты, значит, Райан. Грэм мне все про тебя рассказал».

Тонкий и смуглый, наделенный экзотической внешностью, в расцвете двадцатилетней красоты, возлюбленный дяди Грэма вытянул руку, в которой держал маленького глиняного дракона. Сквозь преграду призрачных пальцев Райан все же смог разглядеть фигурку в завихрениях рождественской метели.

Райан шлепнул последнюю пригоршню снега на бок дракона, пригладил ее, вместо зубов вставил зубчатые листья падуба, а вместо глаз — гроздья ярко-красных ягод. Рукавицы не очень спасали от холода; руки все равно вымокли и замерзли. На крыльце притопывала и зябко кутала свитер мама: она звала сына домой. Рядом с ней, улыбаясь одиннадцатилетнему племяннику и его творению, стоял дядя Грэм.

— Знаешь, обычно дети лепят снеговиков.

Райан пожал плечами:

— А я люблю драконов.

На плечо Райана легла рука дяди, и он сказал:

— Осторожно, парень! Если так и дальше пойдет, тебе придется уехать из этого городка.

Райан усмехнулся. В одиннадцать лет он еще не был готов осознать, что может настать час — и ему захочется провести жизнь где-нибудь за пределами Клейборна.

Рождество в Клейборне. Это Рождество в городке, где все еще не повывелись аптеки на углу, действующие автоматы газированной воды, огромные осенние костры на берегу озера, пропагандистские митинги, благотворительные базары домашней выпечки при церкви, где каждому известен вкус шоколадных пирожных любой домохозяйки еще до того, как они попадут в рот. В старших классах все еще встречалась настоящая школьная любовь, и юноши приглашали возлюбленных на прогулку в особые романтические, уединенные, укромные уголки тенистых садов Пенсильвании, чтобы узнать, насколько далеко избранницы позволят им зайти.

Именно туда привез дядя Грэм своего нью-йоркского любовника. Даже если бы в городке никто не знал о них с дядей, Билл все равно притягивал бы людские взгляды. Рождественским утром он сидел рядышком с дядей Грэмом и, пристроив подбородок у него на плече, наблюдал, как разворачивали праздничные дары. При появлении каждого нового подарка он тихонько охал и ахал с притворным восхищением и завистью.

Райан зачарованно созерцал все это. Что бы мама ни говорила об образе жизни дяди, действительность оказалась гораздо удивительнее. Он сидел на полу, как дядя Грэм и Билл, и чувствовал себя так, словно сквозь заросли тропических лиан разглядывал причудливых существ, доселе неизвестных цивилизованному миру. От низкого, тихого смеха Билла по телу Райана пробегал странный холодок. Силой разума Райан словно бы возвел в комнате стеклянный купол и поместил в него друга дяди Грэма для наблюдений.

За окнами все утопало в снегу. Он покрылся настом, и каждую неровность дремлющей земли обнимали синеватые тени. Перед суровым величием ослепительной бе-

лизны меркли бриллиантовые россыпи солнечного света. Райан сидел у ног отца, порой поднимал голову вверх и видел стиснутые челюсти и пристальный отцовский взгляд, устремленный на дядю Грэма и Билла. В это утро папины руки не раз оказывались на плечах Райана — гораздо чаще, чем положено, если «положено» означает «как обычно». Солнечный свет гасили темные крылья, сотворенные отцом из чистого воздуха и раскинутые над сыном. «Мое! Вы не тронете его», — висело в воздухе наподобие крепостной стены, возведенной отцом, где он сам вышагивал на страже с этого момента и до дня отъезда дяди Грэма с другом.

Отец Райана не был невидим, а дядя Грэм не был слеп.

Зима подходила к концу, но от дяди больше не приходили письма. Не было ни звонков, ни других известий, словно Нью-Йорк — заоблачное королевство, где столько удивительных и заманчивых развлечений, что живущие там счастливчики теряют счет времени. Никто не упоминал о Грэме, даже когда на день рождения Райана не пришла поздравительная открытка от дяди.

А потом, в конце ноября, раздался звонок телефона. Райан снял трубку:

— Слушаю?

— Чесси? — Голос звонившего был надтреснутым, даже разбитым вдребезги, а вокруг разбитых черепков рыданием плавало ласковое имя, которым дядя Грэм всегда называл свою любимую сестру.

— Дядя Грэм? — Щеки Райана пылали: голос ломался, и всякий раз его ужасно оскорбляло, что по телефону его принимали за маму.

— Да, это я. Райан, ради бога, позови маму! — Слова звучали сквозь рыдания, дыхание со свистом вырывалось из груди.

— Что случилось?

— Позови же маму. Пожалуйста.

Райан сделал, как было велено. И когда мама оправилась от изумления, услышав голос брата после стольких месяцев разлуки, случилось худшее.

— Как ты? — спросила она, и тут: — О боже мой! Грэм, какое несчастье! Когда он?..

Разрушая чары, в руке Райана вздрогнул маленький дракон. Лицо матери застыло, затем осколками льда растворилось в пустоте, словно в черной воде. Смерть Билла овладела дядей Грэмом, мгновенно вырвала из привычного убежища дома и отправила брести, пошатываясь, сквозь череду ярких и темных, одинаково бессмысленных часов. Постепенно исчезая, рука Билла из призрачной субстанции превратилась в чистейший воздух: прохладное дуновение на горячей глине, пульсирующей, словно яйцо, готовое породить чудовищ, тайны... Веки Райана затрепетали, и когда он пошевелился на сиденье, то вместо жесткого чехла дешевого автобусного сиденья ощутил под джинсами поскрипывающую прекрасную кожу. Он сидел на зеленом диване в гостиной дяди Грэма.

Закончились похороны Билла, Райан запомнил из них совсем немногое. Самым ярким воспоминанием оказались горящие, злые глаза группы суровых незнакомцев, одетых во все черное. Они хмуро смотрели на него, на маму и дядю Грэма, которые, прижавшись друг к другу, стояли на другом конце еще не засыпанной могилы. Райан так никогда и не узнал, кто эти незнакомцы. Священник читал заупокойные молитвы, дядя Грэм плакал. Райан видел, как одна из них, этих странных людей с пылающими глазами, — пожилая женщина с ухоженными волосами голубоватого оттенка — скривилась, прижала к морщинистым губам кружевной платок и разрыдалась.

Мама отвезла дядю Грэма обратно в квартиру на Манхэттене. Она располагалась в мансарде здания, некогда бывшего фабрикой в деловой части города. Одна огромная комната являлась одновременно и спальней, и столовой, и гостиной. Только ванная и кухня были полностью изолированными помещениями. Еще в квартире была мастерская, где работал дядя Грэм: там стояла чертежная доска и мольберт, а пол был щедро заляпан краской. Кое-кто смог выбраться из Клейборна благодаря уму, другие уехали оттуда, поигрывая накачанными мускулами. Дядя Грэм воспарил над городком, мечтая о фантастических су-

ществах и воплощая их в реальность с помощью кисти и карандаша. Стены мансарды украшали картины, которые дяде заказывали в качестве иллюстраций для книг — удивительных, страшных, чарующих книг. Жители Клейборна называли их милыми и покупали (если вообще покупали) своим отпрыскам.

Опять скрипнул диван под Райаном.

«Она готовит чай».

Дядя Грэм, скорее напоминавший призрак, нежели человека, сидел в противоположном углу кожаного дивана, откинув голову на мягкий подголовник, безвольно свесив руки и уставившись в потолок. Ноги он закинул на кофейный столик, похожий на кусок айсберга.

— Что? — Голос Райана едва ли был громче шепота.

— Я говорю, что твоя мама на кухне, готовит чай. — И дядя Грэм внезапно перестал быть призраком, он был им не больше, чем двенадцатилетний тогда Райан, чьими глазами он сейчас видел происходящее.

— А-а-а...

Райан опустил ладони на диван и почувствовал между собственной кожей и диванной прослойку пота. Так они сидели долго. Слышалось бормотание закипавшего чайника, звуки уличного движения из-за окна и знакомый, успокаивающий перезвон на кухне: мама пыталась сориентироваться в незнакомой обстановке. Известное дело, мама ни за что не спросит дядю, где у него что находится. Папа называл это женским аналогом нежелания мужчин спрашивать дорогу, если им случится заплутать.

— Райан! — Голос дяди Грэма прозвучал так громко и неожиданно, что мальчик подскочил, услышав свое имя. — Пожалуйста, подойди, Райан. — Теперь дядя сидел, наклонясь вперед, и его крупные руки со сцепленными пальцами свешивались между колен. Райан заколебался: его пугала великая печаль, стоявшая в глазах дяди. А дядя видел лишь то, что Райан остался сидеть на прежнем месте. — Не бойся, я не трону тебя.

Райан не двигался.

— Со мной все в порядке, — проговорил дядя Грэм. — Это пессимизм. Билл посмеивался надо мной, называл

параноиком, но... — Какой-то непонятный звук вырвался из дядиной груди: то ли смех, то ли всхлипывание, то ли кашель, но дядя быстро подавил его. — Короче, как я уже сказал, тебя я не трону. Обещаю. Твоему отцу это не понравилось бы.

Внезапно отсутствие отца грузом придавило Райана.

— Ему никак не удалось отпроситься с работы, чтобы приехать вместе с нами на похороны, — пробормотал он.

— Конечно, он не смог.

Дядя Грэм был слишком убит горем, слишком безразличен ко всему остальному, чтобы оспаривать ложь.

— Райан...

Мальчик увидел зеленый сполох в дядиных ладонях, блеск чудно сработанной глазури, рябь крохотных резных чешуек, напоминавших перья на птичьем крыле. Он тихонько, бочком подвинулся к дяде; при этом кожа дивана скрипела и шелестела под ягодицами. Райан вытянул шею, чтобы лучше разглядеть, что за чудо хочет подарить ему дядя.

— Дракон, — сказал дядя Грэм, позволяя небольшой глиняной фигурке скатиться с ладони. Руки Райана автоматически вылетели вперед и перехватили дракончика в воздухе. — Отлично! Должно быть, ты звезда Малой лиги.

В ответ Райан пожал плечами. Он был слишком занят, перекатывая дракончика в ладонях, ощущая его вес, гладкую шкурку, холодную красоту дивных глаз.

— Гематит. — Дядя Грэм показал на мерцающие сферы под надбровными дугами существа, похожие на посеребренный миндаль. — Помогает сосредоточиться, сохранять спокойствие и хладнокровно оценивать действительность. — Дядя закрыл глаза и провел рукой по лбу, откидывая прядь черных волос.

— Какой красивый, — завороженно произнес Райан. Здесь, один на один с дядей, он мог позволить себе подобную оценку. Дома, если бы папа присутствовал при разговоре, он бы ограничился лишь словом «клево».

— Теперь он твой. Я сделал дракона для... Мне бы хотелось, чтобы он был у тебя. — Грэм открыл глаза и вы-

мученно улыбнулся. — Запоздалый подарок на день твоего рождения. Прости, что так не вовремя.

— Все в порядке.

Райан погладил спину дракончика. Зверь свернулся, точно собираясь заснуть, сложил крылья за спиной, спокойно поставил подбородок на передние лапы. Чешуйчатая пасть была закрыта, лишь два больших клыка не помещались во рту и торчали наружу. Но глаза дракона были открыты и видели все.

— А вот и я! — Мама с торжествующим видом стремительно вышла из кухни. На подносе в ее руках стояли чашки, над ними вился пар и аромат свежезаваренного чая. Мама опустилась на диван рядом с Райаном и, зажав его между собой и дядей, принялась ткать собственные чары — чары силы и воинствующей нормальности из звона чайных ложечек и каскадом сыплющихся в чай кристаллов сахарного песка.

— Мам, посмотри, что дядя Грэм подарил мне. — Райан протянул руку, показывая ей дракона на ладони. — Он сам его сделал.

— Он просто замечательный, Грэм! — сердечно восхитилась мама. — Это что-то новенькое? Теперь ты занимаешься не только живописью?

— Я определенным образом несколько меняюсь, — ответил дядя Грэм.

Они вместе пили чай. Тогда Райан в последний раз видел дядю живым.

На Рождество дядя Грэм не приехал навестить их. Больше он ни разу не появился в Клейборне. Не было ни писем, ни звонков по телефону, хотя однажды, на тринадцатый день рождения, Райан получил плоскую продолговатую посылку из Нью-Йорка.

Там оказалась книга в украшенной выпуклым рисунком обложке, где дивно переплетались золотые и серебряные письмена, крутившиеся в водовороте глубин ярко-синего и ярко-зеленого цветов. «В царстве драконов», — вслух прочел Райан, задаваясь вопросом, почему дядя прислал ему иллюстрированную книгу, явно предназначенную для маленьких детей. Он заглянул на последнюю страни-

цу, где перечислялись имена, и понял: иллюстрации сделал дядя Грэм. Книга раскрылась у Райана на коленях.

На страницах драконы взмывали в пурпурные вечерние небеса, взмахивая золотыми, зелеными и алыми крыльями («Дракон — ночное животное, предпочитающее темное время суток»). Новорожденные дракончики выбирались из осколков яичной скорлупы, драконы-подростки устраивали сражения, чтобы утвердить за собой власть и охотничьи угодья («Когда дракон вырастает, он тщательно избирает свое окружение»). Из деревень вели украшенных цветами дев: их предлагали величественным зверям лишь для того, чтобы драконы их отвергли или просто не обратили на них внимания («Ошибочно представление о том, что драконы желают плоти непорочных дев, потому как разве может красота простых смертных сравниться с их собственной?»).

А в конце книги были изображения рыцарей, столь гордых и надменных в полном боевом вооружении. Их мечи, забравшие жизни драконов, были обагрены кровью. Вот один воин, словно самый натуральный разбойник, прячется в засаде, готовый убить дракона, когда тот в сумерках придет к реке напиться. Жуткими трофеями свисают со стропил огромного зала головы ящеров, а лорды и леди хлещут вино, теряя человеческий облик во время попойки. Невидящие глаза мертвых драконов — зеркала, что безмолвным приговором висели над воображаемыми победителями, и каждый серебристый шар отражал изображение человека, отчего мурашки ползли по коже, а душа рыдала («Люди истребляли драконов, потому что боялись или не понимали их или же считали, что убийство дракона — мужественный поступок. А некоторые уничтожали их потому, что страшились увидеть себя в глазах живого дракона»).

Последняя страница была истинным произведением искусства. Во всю страницу было изображено око дракона, бумага светилась серебристым блеском, и в нем отражалось преисполненное благоговейным страхом лицо Райана. Мальчик протянул руку, пальцы замерли в ничтожно малом расстоянии от сияния. Всезнающий пристальный взгляд дракона притягивал его...

Ночью Райану приснилось, что он был драконом.

Во сне он обнаженным поднялся из вод, серебрившихся в свете двух лун-близнецов, низко горевших в зеленоватых небесах. С крыльев стекали капли воды, дрожали на когтях. Вдалеке, за холмами, где золотые травы гнулись и раскачивались под ласковым ветерком, слышались хриплые голоса и немудреная музыка.

Он взбирался на холм, за ним по земле волочились крылья. Воздух был сладкий-сладкий, тяжелый, словно напоенный ароматом меда. Райан стряхнул последние остатки человеческого сознания и отдался драконьему разуму, готовый к встрече со Вселенной, раскрывающей самые сокровенные тайны. Именно тогда он понял, что может летать.

Воздух — его стихия, и он предъявил на нее свои права, лишь только взмыл в небеса изумрудный киль его груди. Теплый воздух подхватил его, словно ладони любящего отца. Огромная голова поворачивалась влево и вправо, горячее дыхание смешивалось с морозным воздухом высоты и бриллиантами оседало на лоно земли.

Внизу он увидел их: жители деревни со смешными музыкальными инструментами обратили к небу лица, словно стадо испуганных молнией волов. Среди них была и дева, облаченная во все белое, хотя даже с высоты было видно, что тонкая материя платья усеяна грязными пятнами. Гладкие руки девушки были обнажены, а золотые волосы почти скрыты под розами.

Он почувствовал, как голод обжег огромный, словно пещера, живот, и устремился к земле, искусно поворачивая крылья и используя лишь те воздушные потоки, что по спирали несли его вниз, к обещанной награде. Он широко разинул пасть, и языки пламени ласкали чешуйчатые щеки, словно прикосновение тумана, наползавшего с моря.

Но затем воздух из родной стихии и союзника превратился во врага. Прозрачная дорога воздушного хрусталя сделалась твердой, словно ниоткуда вытянулись руки великанов. Со всего маху он врезался в недвижимую решетку их переплетенных пальцев, и удар отозвался вспышкой

ослепительной боли, повторился волной света. Она отбросила его в небо, затем обратно в воды озера, а потом и в тело дрожащего растерянного мальчика, проснувшегося в своей постели среди темноты и одиночества.

О только что пережитом напомнил лишь шепот: «Это еще не все. Я наделяю тебя этой властью, но ты должен заработать ее как награду».

Райан прижал к влажной груди простыню с одеялом и вопрошал темноту, что бы это значило. Потом он ощутил на себе не только пот, но и кое-что еще, отчего пижамные штаны прилипли между ног. В полной тишине, с горящим лицом, стянул он испачканное белье и отнес вниз, в корзину, и какая-то часть его разума притворялась, что вместе со спрятанной пижамой предастся забвению и все остальное.

После этого ему больше не хотелось размышлять над сном. Райан закрыл книгу дяди Грэма и отнес ее на чердак.

Убрав приставную лестницу от лаза на пыльный чердак, Райан решил, что сделал достаточно душевных усилий, чтобы похоронить воспоминания, которые теперь не выплывут наружу. Он не вовремя отпустил веревку, державшую крышку люка. Она захлопнулась с громким стуком и разбудила Райана — он едва не ободрал голень о ящик кофейного столика в комнате студенческого общежития друга. Райан ждал кого-то, и в это время ему нечем было заняться. Взглянув на стол, он увидел там журнал и взял его посмотреть.

Сперва он не обратил внимания на то, что это журнал для гомосексуалистов: открыт он был на рекламе пива. Взял журнал Райан от скуки, а просмотрел уже из любопытства. В глаза бросилось имя дяди Грэма рядом с фотографией с самого последнего марша «Гордость геев» на Манхэттене.

Да это же не дядя Грэм! Только не он! Не может он быть с таким раскрашенным лицом, с такой мрачной, свирепой ухмылкой, напоминающей волчий оскал. Одеждой ему служил невообразимый плюмаж, призванный шокировать окружающих. Все это напомнило Райану, как в старых фильмах изображали шлюх: неровная, похожая на бу-

магу, испитая кожа, как на ужасной и жалкой карнавальной маске. Дядя Грэм маршировал под руку с двумя другими мужчинами: один в каком-то непонятном костюме, а другой вышагивал в неоново-розовых шортах и коротко обрезанной футболке, с животом напоказ, причем во весь лоб были написаны буквы «H. I. V.»

Когда Райан приехал домой на Рождество, то рассказал маме о той фотографии.

В ответ мама лишь сказала: «Знаю». И показала письма, которые писала брату, но все они вернулись назад нераспечатанными. Лишь один раз Грэм к маминому письму приложил записку на клочке бумаги в линейку, сунув ее в конверт с отвергнутым письмом. Там говорилось следующее: «Никогда ты не любила кладбища, Чесси. Так зачем упорствовать, притворяясь, что понимаешь дела мертвецов? Нужна магия, чтобы взглянуть на мир моими глазами, ты же прикована к миру обыденности. Но волшебство есть, Чесси. Оно существует, идет бок о бок с нами, прекрасное и смертоносное, а когда оно голодно — забирает жертву к себе. Если одному из нас суждено было заплатить своим сердцем, я рад, что это оказался я. Да будет так».

Мать спросила Райана, помнит ли он Билла, и юноша кивнул.

— Грэм пытается умереть, — говорила мама. — Бегает за собственной смертью. Даже после того, что Билл ему сделал, — как, черт возьми, можно спорить с доказательством того, что тебя обманули?! — даже сейчас он все еще любит его, — вздохнула мама. — Если Грэм найдет то, что ищет, думаешь, он нам позвонит, сообщит об этом? Мысль, что он умрет вот так, без... просто невыносима. — И мама расплакалась.

Она оплакивала ничто в отдельности и все вместе.

Маленький глиняный дракончик вздыхал во сне и с урчанием выпускал огненные спиральки. Урчание нарастало и, когда наконец дошло до ушей Райана, превратилось в настойчивый телефонный звонок.

Полусонный Райан взял трубку. Во второй год обучения ему приходилось вставать ни свет ни заря, и в эту жутко раннюю утреннюю минуту из всей одежды на нем

было только полотенце, обернутое вокруг бедер. Держа в руке зубную щетку, Райан слушал папин голос, сообщавший о том, что дядя Грэм погиб. Дядина голова вдребезги разбилась о тротуар перед старой фабрикой, где он жил. Полицейские уже звонили маме, чтобы рассказать о несчастье. Копам было что еще поведать, кроме как о самом факте гибели, но об этом они говорили с отцом, поскольку мама не смогла бы вынести всех ужасов, случившихся с ее братом. А отец поделился всем с Райаном, потому что считал его уже достаточно взрослым. И потому, что в одиночку нести такое бремя просто невыносимо.

А еще он рассказал это в качестве предостережения.

Закрытый гроб, усыпанный розами, загородил почти весь автобусный проход. Собрались все прихожане церкви и вновь и вновь говорили о том, как талантлив был Грэм, какие чудные писал картины и как жаль, как бесконечно жаль, что он умер таким молодым.

Аптекарша, миссис Бауман, взгромоздилась на подлокотник сиденья рядом с негритенком и пыталась успокоить маму тем, что, по крайней мере, сейчас Грэм на небесах. От слов утешения можно было задохнуться еще вернее, чем от удушающего запаха множества венков из живых цветов. Каждый говорил что-то, дабы подбодрить родственников, не упоминая об убийстве.

Наконец негритенку все же удалось совладать с задвижкой, и хотя окно соскочило с пазов, но все же открылось. Поток свежего воздуха сдул миссис Бауман, розы и закрытый черный гроб, унес Райана в его старенькую кровать в родном доме, в ночь после похорон.

Без сна лежал он в постели, расцвечивая потолок бесконечными фантазиями на тему «что-бы-можно-было-сказать». Наконец-то Райану удалось задремать, он повернулся на бок и почувствовал что-то твердое. Он сунул руку между наматрасником и пружинным матрасом и вытащил оттуда книгу дяди Грэма.

— А мне-то казалось, что я убрал ее на чердак, — вслух вырвалось у Райана.

Серебряные и золотые буквы на обложке светились сами собой. Райан облизал губы и почувствовал вкус

озерной воды. Он открыл книгу и по прошествии всех этих лет перечитал ее вновь.

Там была страница, которую он раньше не видел, — если, конечно, память может растерять образы, просто вопиющие о том, чтобы их запомнили. Два молодых человека — вовсе не рыцари, а сквайры — устроили у увитого диким виноградом логовища дракона западню чудовищной хитрости и жестокости. Один выглядывал из засады, сжимая в руках сучковатую дубинку, а другой стоял у входа в пещеру и держал на раскрытой ладони сапфир несказанной чистоты и блеска. Тот, что играл роль приманки, был белокурым, а его глаза, яркостью соперничающие с сапфиром, горели желанием обманом выманить древнего ящера из убежища. Вот уже показалась на свет божий одна чешуйчатая зеленая лапа. Белокурый мужчина улыбался, холодный и изящный, словно властелин эльфов. А на скалистом склоне его союзник готовил дракону смерть.

Оба лица были отчетливо видны на иллюстрации. Нельзя было забыть ни черточки, их образ так и врезался в память. Райан даже дал обоим мужчинам прозвища: Убийца и Приманка. Он закрыл глаза, но тем не менее лица все так же четко были видны на черном фоне сомкнутых век. Словно отпечатки раскаленной добела проволоки... Райан швырнул книгу через всю комнату. Взялся за ручку двери...

И шагнул прямо в чистый воздух. Крылья раскрылись сами собой: для этого вовсе не требовалась какая-то команда сознания. Полным естественного изящества было его безудержное скольжение вниз, к огромному морю леса, жалобному реву умирающего дракона и лицу девы с венком из роз, более прекрасной, нежели любая из прежде виденных им девушек.

«Я наделяю тебя этой властью, но прежде ты должен заслужить ее».

Райан проснулся. Теперь он знал, что надо делать.

Проснулся он, наполовину задохнувшись от зловонных выхлопных газов, когда автобус медленно подъезжал к терминалу портовых властей в Нью-Йорке.

Денег на такси у Райана не было, поэтому в деловую часть города он отправился на автобусе. Сошел не на той остановке, потерялся и, словно осуществляя мрачное паломничество, плутал по улицам заодно со скитающимися шарами перекати-поля — скомканными газетами. В конце концов он сдался и спросил дорогу.

Дом дяди Грэма он нашел на закате. Тонкая полоска черно-желтой ленты понуро свешивалась с петли большой входной двери в парадное дяди Грэма. Когтистые лапы Райана передвигались величественно, изящно переступая унылые красно-коричневые пятна на пороге и тротуаре рядом с ним. Когда он входил в мансарду, его приветственным гимном встретила тишина и последний солнечный луч бросил цветной сполох на дядины картины.

Девушка, соседка с верхнего этажа, услышав, как хлопнула входная дверь, спустилась узнать, кто пришел.

— Я приехал, чтобы распорядиться дядиным имуществом, — объяснил ей Райан и показал ключ. Попутно он начал рассказывать о дяде, чтобы уверить девушку в законности своего вторжения в квартиру ее бывшего соседа.

Собеседница пожала худенькими плечами, они на мгновение мелькнули сквозь тонкие каштановые волосы.

— Сбереги его вещи, ладно? — сказала она. — Не пойму, правда ли то, что ты рассказываешь, ведь я едва ли знала что-нибудь об этом человеке. То есть я хочу сказать, что знала о его существовании, знала, что он гомик, что он художник. Я очень испугалась, когда его убили, но...

— Я на самом деле его племянник, — настаивал Райан, опершись рукой о дверной косяк, пока не догадался, что неплохо было бы вонзить когти поглубже в дерево.

— Эй, да я же не спорю. У тебя есть ключ... — И она вновь пожала плечами с отлично разыгранным видом полного безразличия, разрешая пройти в квартиру и оставаться там сколь угодно долго.

Даже с натяжкой ее сложно было назвать хорошенькой. В мире моды ее прозвали бы «сироткой Мэри». Райану не очень-то нравились девушки, чья грудь размером напоминала косточки апельсина. Однако он все же пригласил ее зайти. Сперва девушка отказывалась, но по-

том сказала, что вообще-то она и сама художница. И ей никогда не выпадало счастья увидеть работы дяди Грэма в подлиннике. Когда сосед был жив, она в любое время могла спуститься к нему и попросить посмотреть картины, но почему-то так не поступила. Как девушка призналась Райану, это просто не приходило ей в голову.

— Почему же? — спросил он.

И опять плечи, закрытые мягкой тканью, приподнялись, давая возможность спокойно ускользнуть от нежелательных расспросов.

— Не хотела навязываться. Ну, знаешь, а вдруг у него дома кто-то был?

Райан нашел чай, предложил ей. Девушка пила чай какими-то унылыми короткими глотками и все время косилась, не выпуская Райана из виду. Нет, она вовсе не была хорошенькой. Ему такие вообще никогда не нравились, ну и эта отнюдь не пленила его.

«Что за дела, Ландберг, тебе что, девушки не нравятся?»

Райан изо всех сил очаровывал ее, как поступал и с Карен Питт. Как весьма успешно прельщал тех девушек из колледжа, которых ему удалось затянуть в постель, доказывая всем, кто вовсе не требовал у него доказательств, что он не похож на дядю. Прежде чем она ушла, Райан поцеловал ее и выкупил мир.

Кровать дяди Грэма с изогнутой спинкой была сделана из сосны — такую мебель обычно заказывают в каталогах Л. Л. Бин. Поперек лежало одно из стеганых одеял ручной работы прабабушки Рут, на нем красным и синим была изображена медвежья лапа. Райан в одежде лег на кровать, устроился на стеганом одеяле, положил на грудь глиняного дракончика и вглядывался в серебристые глаза до тех пор, пока не почувствовал, как воды озера струятся по его бокам, а дивные луны царства драконов приветствуют его возвращение домой.

В небе он сделал круг, отмечая полетом воздушное пространство как свои охотничьи угодья — свои, и ничьи больше. Внизу он видел крестьян, поющих гимны в его честь, призывающих его спуститься и принять жертву.

«Позже, — подумал он, и сила его разума громом разнеслась по небу, — когда я это заслужу».

Гром мыслей рикошетом вернулся к нему назад, чтобы сокрушить его, отбросить в сторону и завертеть. Когда Райан пришел в себя и выправил полет, то обнаружил, что земля, покрытая зелеными зарослями, исчезла, а грубые песни крестьян превратились в навязчивый шум дорожного движения и визг сирен. Под луной возвышался каменный лес города. Следуя тропами видений, дракон спустился в его каньоны.

Охота была простой, добыча — известной. Ее он нашел не глазами, а разумом. Они были в баре, попивали пиво, смеялись, разговаривали и время от времени заигрывали с женщинами. Особенно усердствовал тот, которого он прозвал Приманкой: рассказывал женщинам, что бы хотел с ними сделать, как они за это будут ему благодарны, а когда те отошли в сторонку, обругал их фригидными суками. Убийца, тот, что был с дубинкой, только улыбался, но одна из женщин иногда улыбалась ему в ответ. Из-за этого Приманка хмурился и обзывал ее проституткой.

— Эй, ты! На кого глаз положил?

Райан изумился и тут же задохнулся, потому что рука Приманки метнулась к его горлу, вцепилась в воротник рубашки и с силой рванула к себе. Он почувствовал несвежее дыхание и зловоние пива, а когда Приманка кричал, то слюна брызгала Райану в лицо.

— Что, на кого-то запал, гомик?

— Да убери ты свои грязные руки! — Райан пытался высвободиться из захвата Приманки, и в это время зубы его скрежетали, словно ножи для стейка. Случайно один коготь рассек кожу предплечья противника, оставив длинный, но неглубокий порез. Сапфировые глаза расширились, преисполненные неподдельного страха, и смотрели на кровь, сбегавшую тонкой струйкой.

— Черт, он пырнул меня ножом! — завопил Приманка.

— Каким таким ножом? Где ты его видишь? — растягивая слова, произнес Убийца, скользнув взглядом по пустым рукам Райана. — Слушай, Тед, ты просто сумасшедший!

— Подлый педик ударил меня ножом, — настаивал Приманка на своем. — Черт, да здесь окрестности просто кишат ими, как тараканами!

— Кого ты назвал педиком? — спокойным голосом поинтересовался Райан. Тому, кем он стал, совсем не требовалось никакого напряжения, чтобы в голосе послышалась угроза.

Убийца слегка улыбнулся Райану:

— Не обращай на него внимания. Он выпил лишнего. Не знает, что несет.

— Вот черт!

Райан поправил помятый воротник рубашки. Слова его звучали настолько спокойно, что он сам себе поразился. Он понятия не имел, как воплотился здесь и как эта парочка, которую он разыскивал, из драконьей легенды перекочевала в реальность. Он не понимал, почему настолько ощущает себя драконом, что готов схватить этих мужчин и растерзать их. Он спросил мысленно: «Вы что, не видите, кто я?»

— Что с тобой, зачем ты разговариваешь с этим? — резким голосом вскрикнул Приманка, вцепившись в рукав Убийцы. — Видишь, как он меня порезал? — И сунул ему под нос окровавленную руку.

— Чем порезал? — В голосе темноволосого сквозило раздражение. — Ногтем?! Ты же видишь, у него нет ножа, так чем же? Боже мой, да утихомирься наконец. Может, ты сам порезался.

— Чем порезался? — передразнил его Приманка, вытягивая вперед пустые ладони.

— Черт знает что такое, — пробормотал темноволосый и отвернулся.

Райан вышел из бара. В воздухе уже не чувствовалось той жары, от которой все изнемогали на протяжении дня. Похоже, скоро пойдет дождь. Райан дошел до угла и прочел название улицы. Бар оказался лишь в двух кварталах от квартиры дяди Грэма. «Вот здесь все и началось», — подумал он. Интересно, когда они наконец выйдут из бара, какой дорогой двинутся? Хорошо бы, хоть часть пути они проделали вместе. Райану было нужно, чтобы они оказались в одном и том же месте в одно время. А там — один огненный

выдох, удар когтистой лапы, мгновенное движение челюстей, способных раздробить тушу большого оленя...

Хорошо известно, что драконы не забывают тех, кого любят. Любовь их всегда преданна, порой слепа. Вероятно, это можно назвать недостатком.

Вновь взмыв в небо, он огляделся в поисках подходящего места для засады. Ему повезло: район изобиловал переулками. Дракон легко приземлился на крыше дома напротив бара. От нагретого за день теплого гудрона зачесались лапы, пришлось подогнуть пальцы. Подняв серебристые глаза вверх, он отслеживал время по медленному движению луны по небосводу.

Добыча появилась в два часа пополуночи. С ними была женщина — она вцепилась в руку Убийцы, — а сзади понуро брел, опустив голову, согбенный Приманка. Лимонно-желтые волосы женщины казались ненатуральными, лицо исказила гримаса грубого смеха. Она цеплялась за широкие плечи Убийцы и заплетающимися ногами шаркала по тротуару. Приманка не спускал с нее глаз, на его лице отчетливо читалось отвращение.

Покачиваясь и имея вид заядлых пьянчужек, они втроем брели по улице. С высоты своего наблюдательного пункта дракон ощущал сильный, неприятный запах пива, кислого вина, пота и старых духов. Взмахнув крыльями, он поднялся в воздух, стараясь при этом как можно меньше шуметь. Интересно, собрались ли они вдвоем спать с этой женщиной и хотела ли этого она сама. Впрочем, он знал, что, коль скоро им захочется этого, ее мнения никто спрашивать не станет.

Пока они шли, дракон парил над ними, темным призраком скользил над крышами, и его тень преследовала троицу по пятам. В городе, жители которого редко смотрят на небо, Райан мог не опасаться, что его заметят. Он видел, как пьянчужки останавливались на перекрестках и хохотали. Он смотрел, как они замешкались посреди улицы и принялись спорить.

— Какого черта, Тед? — Темноволосый обернулся через плечо, а женщина, словно накидка, повисла на нем. — Ты все еще здесь? На том перекрестке ты собирался свернуть налево, чтобы добраться до дома.

— Я знаю дорогу домой. — Приманка упрямо выпятил подбородок, осмелившись перечить приятелю. — Думаю, тебе с ней может потребоваться помощь. Ну, в том случае, если ее стошнит на тебя прежде, чем ты дотащишь ее до дома.

Убийца расхохотался и согласился с ним:

— Ну ладно, пошли.

— Ничего не стошнит, — возразила женщина. Она посмотрела на Приманку, и глаза ее сузились. — Просто ты злишься, что никого не нашел, кто бы захотел пойти с тобой!

— Можно подумать, я захочу трахать то, что ходит в этот бар, — надменно проговорил Приманка.

— Да что ты? Какие же бары тебе нравятся, малыш? — недвусмысленно поинтересовалась она.

— Заткнись, дрянь, — огрызнулся он в ответ. Если бы не друг, Приманка ударил бы ее. Дракон знал это.

Тут женщина повернулась к темноволосому, который негодующе возвысил голос:

— Послушай, крошка, не задевай его, ладно? Не стоит говорить гадости моему приятелю.

Что-то в его голосе настораживало. Хоть женщина и была пьяна, но все же она почувствовала это. Дракон видел, как она съежилась от страха.

— Ничего плохого я не имела в виду, — пробормотала она.

— Ну конечно! — огрызнулся Приманка. — Так какие же бары? Будто я не понимаю! Да чтоб...

— Просто она тебя не знает, Тед, вот и все, — сказал Убийца. — Если бы она с тобой была поближе знакома, никогда бы не сказала ничего в этом роде. — Его зубы блеснули в улыбке.

Приманка в ответ тоже усмехнулся, и оскал вышел слишком жестоким. Дракон заметил, как мужчины обменялись заговорщическими взглядами сообщников в преступлении.

Дракон опустился на землю. Конечно, переулок был узковат для размаха драконьих крыльев, но все же ему удалось приземлиться. Место было выбрано великолепно: лишь в нескольких ярдах впереди на пути добычи, полная безлюдность... Он ждал. Тем временем спор собутыльников иссяк. Они все вместе двигались по направле-

нию к нему. Дракон решил спалить их огнем. Огонь быстр и чист, он уничтожает все. Жаль только женщину.

Послышались шаги. Дракон открыл глаза, и темнота осветилась серебристым светом. Он слышал, как женщина спросила:

— Что там такое?

— Кто это... — начал было Убийца.

И он заполучил их. Ни один олень так не пугался парализующего мышцы света фар. Сияние немигающего драконьего взгляда захлестнуло их, чистейший свет смыл все, оставляя лишь правду. Дракон набрал в легкие побольше воздуха, чтобы выпустить пламя.

Далеко-далеко, в своей комнате, мечтатель держал раскрытую на последней странице книгу, всматривался в серебряный драконий глаз и видел одну лишь правду.

Не могу.

Так и не вырвавшийся из пасти огонь замер в горле. От него ускользало драконье тело, сила дракона оставляла его. Развеялся, словно дым, образ девы, украшенной розами. Сияние глаз потускнело и пропало совсем, и улица теперь озарялась лишь тусклым светом фонарей. Заморосил дождь. Райан почувствовал, что замерзает.

— Кто там? Выходи! — крикнул Убийца.

Чары рассеялись. Райан медленно шагнул вперед, поскольку не мог сообразить, что бы еще предпринять.

— Да это тот мальчишка из бара! — Темноволосый был изрядно удивлен. Однако это не помешало ему схватить Райана за руку и дернуть к себе. — Ну и как это называется? Какого черта ты ходишь за нами? — Пальцы темноволосого сильнее впились в руку. — Ты что, извращенец?

— Я же говорил, кто он такой! — пронзительно крикнул Приманка. — Я их за версту чую.

— Должно быть, так и есть, — кивнул Убийца, схватив Райана за грудки. — Ты был прав.

— Дорогой, отпусти его, ведь он же просто ребенок, — вступилась женщина.

— Этот ребенок, — Убийца так тряхануп Райана, что зубы застучали, — уже попадался нам в баре, он явно что-то замышляет. Что же ты задумал, детка?

— Осторожно, у него нож, — подал голос Приманка.

— Невелика проблема. — Убийца сунул руку в карман джинсов. — У меня тоже есть нож.

В темноте лезвие сверкнуло серебром. В сверкающем металле Райан увидел отражение своих глаз. Вспомнил все ужасы, которые случились с дядей Грэмом, — то, что полицейские рассказали отцу, а отец вкратце, содрогаясь, поведал ему. Эти двое проломили череп дяди, после того как проделали с ним всевозможные кошмарные вещи. Внутри Райана раздался горестный голос: «Они ни минуты не колебались перед тем, как убить меня, Райан. Конечно, я призывал смерть, но не такой смерти я искал... Умереть не человеком и даже не животным, а игрушкой злобных садистов! Они и тебя убьют не задумываясь. Это разобьет сердце Чесси. Почему ты не уничтожил их, пока мог?»

«Потому что тогда я стал бы таким же, как они», — ответило сердце Райана.

— Боже мой, да отпустите же его, — взмолилась женщина. — Вы же не собираетесь убить его, правда?

— Не хочешь смотреть — закрой глаза, — велел Убийца.

— Черт, да ты тоже сумасшедший. — Она покачала головой. И бросилась прочь. Но Приманка успел перехватить ее и держал крепко.

— Уж не собралась ли ты сбегать в полицию? — прошипел он ей на ухо. — Спорим, что не получится?

Не успела она вскрикнуть, как Приманка одной рукой вцепился ей в лохматые волосы, а другой ударил кулаком прямо в лицо. Женщина со стоном осела на землю.

— Эй, ты! Что ты сделал с этой сукой? — Вопрос Убийцы прозвучал раздраженно, словно он поймал уличного хулигана, поцарапавшего новую машину.

— Ох, да какая разница? — пожал плечами тот. — Как будто это помешает тебе сделать то, что ты собирался.

Рука с ножом поднялась вверх. Райан видел лезвие, мерцавшее холодным голубоватым светом. Он зажмурился. Но вместо удара ножом его изо всей силы ткнули кулаком в плечо.

— Эй, ты, извращенец, — услышал Райан окрик Убийцы. — Ты должен все разглядеть. Я хочу, чтобы ты все

видел. Открой глаза.— Его опять тряхануло изо всех сил.— А ну открой глаза!

И Райан открыл глаза.

Пронзительные крики.

Но это кричал не он... Вопли зазвенели у Райана в ушах, когда чистый белый свет вновь наполнил переулок. Вибрация ужаса сотрясла его плененное тело, подбросила вверх, в дождливые небеса. Все еще человеческой кожей он ощущал прохладные капельки, затем посреди бескрылого полета обернулся и глянул вниз, чтобы узнать, как восприняли его освобождение оставшиеся на улице.

Он ожидал, что двое мужчин, разинув рты, во все глаза глядят на него, как в царстве драконов провожали его полет крестьяне. Но нет, они скорчились, упав на колени среди уличного мусора, прижав дрожащие руки к лицу. Он понял, что они стараются не смотреть, стараются оградить глаза от неведомого зрелища. Он пробыл в воздухе недолго, затем опустился на землю позади них, рядом с упавшей женщиной.

Он увидел дракона.

Зверь был огромным, поистине гигантским и великолепным, куда больше того молодого и неопытного змея, что однажды приютил душу Райана. Он с трудом помещался в переулке, под давлением его могучего тела в стенах домов крошился кирпич. Дракон улегся, положив на передние лапы зубчатый подбородок; светящиеся глаза в раздумье рассматривали двух мужчин. В его позе не было намерения убивать. Зверь спокойно и даже немного сонно смотрел на них.

А они пытались смотреть куда-нибудь в другую сторону — и не могли. Старались закрыть глаза, но веки застыли распахнутыми. Хотели заслонить глаза руками, но и здесь не было пощады, ибо их сковал непонятный паралич. И мужчинам приходилось смотреть. Другого выбора не было.

А некоторые истребляли их из-за того, что видели себя в глазах дракона.

В зеркале одного выпуклого и сияющего глаза был виден скорчившийся в темном местечке Убийца, вонзающий в призраков палки и воющий от страха. Его голое тело

покрывали раны, конечности напоминали кости скелета, лицо — череп под лоскутом голой, испещренной фиолетовыми прожилками кожи с жалкими пучками волос.

А в другом глазе — Приманка цеплялся за руку Убийцы, прижимался к высокому, здоровому телу. Губы дрожали в предвкушении, в глазах светился экстаз долгожданного осуществления желаемого. Его руки были повсюду, касаясь, лаская, претендуя на все то, что он желал заполучить себе. «Я хочу это, — твердило его отражение в зеркальном взгляде дракона. — Я всегда этого хотел... Я всегда хотел тебя».

Дракон приподнял голову и, смывая видения, моргнул. Вновь открыл глаза — и тут же исчез.

Оба мужчины повернулись друг к другу и молча смотрели глаза в глаза, и дождь ручейками сбегал по их лицам. Женщина, очнувшись, шевельнулась и захныкала. Но мужчины не слышали ее. Райан наклонился, чтобы шепнуть ей на ухо:

— Вставайте. Нам надо убраться отсюда.

Женщина выругалась и отпихнула его.

И тогда Райан побежал. Он бежал один, оступаясь на скользкой от дождя улице, задаваясь вопросом, насколько далеко ему удастся уйти, до того как рассеются чары драконьего взгляда и за ним начнется погоня. Ему чудились шаги быстро нагоняющих его мужчин. Дыхание огнем обжигало грудь. Он не осмеливался посмотреть через плечо. Погоня была столь же очевидна, как сгустившаяся вокруг ночь. Он почти ощущал ледяной холод ножа, вонзающегося в его плоть.

Райан побежал быстрее, и чем быстрее он бежал, тем гуще становился воздух, и продираться сквозь него приходилось с трудом. Уже не было крыльев за спиной, и на каждой ноге словно повисла гиря. Мокрый тротуар превратился в смолу, засасывал его, тянул назад против воли, пытался не отпускать. В этом мире больше колдовства, чем магии у драконов. А у тьмы больше слуг, нежели у света. Райан открыл рот, чтобы позвать на помощь, но не смог издать ни звука. Вновь и вновь он пытался наполнить легкие воздухом, но грудь и горло наполнялись чер-

ным безмолвием, словно шерстью. Смола затвердела, превратилась в камень и крепко вцепилась в его ноги, теперь он вообще не мог пошевелиться. Райан поглубже вздохнул, чтобы попытаться в последний раз позвать на помощь, до того как преследователи настигнут его... и с криками проснулся на дядиной кровати.

Сидел он вертикально и прямо, словно негнущаяся кукла. Одежда прилипла к телу. За окном белели предрассветные сумерки. Райан свесил ноги с кровати и, когда ступни коснулись пола, услышал хруст.

Рядом с кроватью лежал разбитый глиняный дракончик. Радуясь, что дракон раскололся на достаточно большие кусочки, Райан собрал их все. С помощью клея удастся восстановить фигурку. А пока клея не было, он просто сложил все части вместе на кофейном столике и полюбовался результатом. Все в порядке, не хватало только глаз.

Райан выпил растворимого кофе и, уходя, запер квартиру. Дождь оставил после себя сырость и прохладу. Радугами вспыхивали маслянистые пятна в водосточных желобах. Он остановился в дверях парадного и посмотрел вниз. Бетон был мокрым, и на ступеньках вовсе не было никаких пятен. Кто теперь узнает, что здесь произошло? Взявшись за оборванный конец черно-желтой ленты, все еще болтавшейся на дверной петле, Райан оторвал себе кусок побольше.

Интересно, стоит ли, добравшись до станции Пенн, звонить в полицию и давать анонимные сведения о тех, кто убил дядю и где их искать? Он может точно их описать и направить полицейских в бар, где убийцы постоянно проводят время... если, конечно, полицейские удосужатся выслушать анонима, не желающего объяснить свою необычайную осведомленность. Ну а если он объяснит? Тогда, может, они поверят ему? Когда небеса разверзнутся, не иначе... Но ведь надо же что-то сделать! К сожалению, дальше этого умозаключения Райан не продвинулся.

Тогда юноша решил для начала сходить и посмотреть, правда ли есть бар там, где он предполагал. И он двинулся в путь.

Он завернул за угол и увидел две полицейские машины с зажженными красно-синими мигалками, припаркован-

ные перед тем переулком. Между ними втиснулась «скорая помощь». Обычной в таких случаях сутолоки и беготни не наблюдалось, ибо время здесь уже не имело значения: в «скорой помощи» стояли носилки с телом в чехле, застегнутом на молнию.

Убийца сердито зыркал глазами и выкрикивал ругательства в адрес женщины с желтыми волосами, дающей показания полицейским. Руки его за спиной сковывали наручники, но ничто не могло остановить поток его ругательств. На границе ночи и рассвета прохожие, направлявшиеся кто на работу, кто домой, останавливались послушать. Казалось, что задержанному мужчине не было дела до прав, которые ему зачитывали. Он жаждал рассказать миру о том, что совершил. Свой поступок он расценивал не как преступление, а как услугу человечеству, ибо он очистил, спас мир от ужасного монстра. Да он настоящий герой, рыцарь, истребитель неведомых чудищ! Так как же они осмеливаются называть его поступок убийством, пусть даже жертва когда-то была его другом?

— По правде говоря, я не знаю почему, — говорила желтоволосая женщина, в то время как мужчину заталкивали в полицейскую машину. — Все мы шли тут, значит, очень поздно, и вдруг...

Она обернулась и увидела Райана. На какое-то мгновение ее обезображенное синяками лицо залилось краской, затем расцвело, и его невинную красоту оттенили розы.

Полицейский призвал ее продолжать, вопросительно окликнул:

— Мэм?

Она вздрогнула и стряхнула наваждение. Продолжила рассказ о событиях, которым была свидетельницей.

Райан наклонился и подлез под черно-желтую ленту. Роза была красной, и в ней не было воспоминаний о крови или огне. Еще у нее не было шипов. И всю дорогу до вокзала, всю дорогу до дома он вдыхал ее аромат.

ТИМ ЛЕББОН

Вечность

Тим Леббон (родился в 1969 году) произвел настоящий фурор в жанре фэнтези за последние несколько лет. Он — лауреат Британской премии фэнтези и мемориальной премии им. Брэма Стокера. Права на экранизацию его работ куплены по обе стороны Атлантики. Леббон — автор романов «Месмер» («Mesmer», 1997), «Лицо» («Face», 2001), «Сущность равновесия» («The Nature of Balance», 2001), «Пока она спит» («Until She Sleeps», 2002) и сборников рассказов «Белизна и другие истории гибели» («White And Other Tales of Ruin», 1999), «На заходе солнца» («As the Sun Goes Down», 2000) и «Неназванные страхи» («Fears Unnamed», 2004).

Действие рассказа «Вечность», написанного специально для этой антологии, разворачивается в мире нового романа Леббона «Сумерки», выполненного в жанре темного фэнтези. После злодейств магов Эйнджел и ее брата С'Ивэ этот мир покинуло волшебство, а сама земля пришла в упадок. Население огромного континента Норила утратило волю к жизни, стало безразличным и пассивным. Далеко к северу от него раскинулся большой замерзший остров, куда после Войн Катаклизма — за сто лет до событий, описываемых в рассказе, — бежали маги и остатки их армии. Здесь и живут изгнанники, ждут своего шанса отомстить, мечтая о возвращении магии.

На Дана'Мане холод жалит нещадно, лед сковывает мысли, стужа парализует мечты о свободе. Остаются только молитвы и чувство долга. На Дана'Мане уже давно готовятся к войне, вот только начала ее не видно. На Дана'Мане — острове проклятых, приюте глетчеров, снежных демонов и ледяного народа — жизнь трудна, но смерть еще труднее. Магам нужен каждый мужчина, каждая женщина, и смерть здесь — непростительный грех.

Издали остров кажется огромной ледяной и снежной пустыней с несколькими потухшими вулканами, выступающими из земли, словно пальцы похороненных исполинов. Он простирается на восток и запад до горизонта и дальше; чтобы пересечь его в самом широком месте с севера на юг, нужно двадцать дней. Когда извергается единственный живой вулкан на острове, здесь бывают наводнения, и огромные волны меняют рельеф на многие поколения вперед.

Если подплыть ближе, можно разглядеть поселения, разбросанные по низменностям у подножий гор. Их гряда изгибается вдоль берега моря, темнеющего вдали. Некоторые из сел давно покинуты, другие еще пытаются выжить. Над бесчисленными кострами клубится дым; между глыбами льда, плавающими у берега, мелькают лодки. Иногда из-под вечного покрова облаков медленно снижается сокол, подлетает к хозяину, чтобы снова взмыть к привычным для себя высотам. Здесь есть даже несколько ферм — там нечеловеческими усилиями убраны лед и снег, а на земле виднеются клочки зелени.

Еще ближе — и взгляду наблюдателя предстает селение, вцепившееся в длинный скальный язык. Он выдается в море на полмили. Благодаря своей форме он стал естественным волноломом; под его защитой укрылась гавань. Именно здесь, на Новой Земле, более века назад высадились маги и остатки их армии, выдворенные из Норилы далеко на юг, изгнанные в ссылку. Это место им подошло, и новая армия кроутов назвала его своим домом. Здесь швартовались корабли и лодки всех размеров — в большинстве своем крохотные рыболовецкие баркасы, а также несколько сухогрузов для перевозки материалов и людей по Дана'Ману и два больших судна, до краев набитые оружием. Гавань — место суетливое. Она разит вываленной на причал рыбой, часто несъедобной, отданной на поживу гнили, и оглушает лязгом металла от мерцающих на каждом углу кузниц. Один из военных кораблей пришвартован у волнореза, и каждый день огромная телега громыхает взад-вперед, загружая судно все новыми партиями оружия.

У мола — там, где Новая Земля ширится, пуская корни в сам Дана'Ман, — видны дома из дерева и льда, воз-

веденные в строгом, монотонном порядке. Над отдельными зданиями реют знамена, иные покинуты. Некоторые содержатся в чистоте, другие — нет. Вокруг все больше отпечатков тяжелых времен, все меньше следов заботливого ухода. Сотни мужчин и женщин покидают это скопище бараков и возвращаются обратно, иногда группами или парами, но чаще поодиночке. Они одеты в меха и шкуры, уберегающие от холода. У всех есть оружие: оно висит на поясе или заброшено за спину. Но в воздухе не чувствуется привкуса схватки. Дана'Ман — их остров, и только их. Та битва, ради которой они живут, придет позже.

В ряду бараков стоит шатер, сделанный из китовых костей и высушенных лошадиных шкур. В нем сидит человек по имени Нокс. Он — настоящий великан, как и большинство кроутов, с которыми этот воин делит лагерь. Его одежда сверкает от оружия: ножей, звездочек, булав, пращей и метательных копий. У него длинные волосы, перевязанные шнурком — скорее не для украшения, а чтобы пряди не падали на глаза. Его кожа темна, как звериная шкура, обветренная от четырех десятилетий жития на Дана'Мане, а глаза — голубые, цвета древнего ледника. Он один в шатре, остальные ушли на поиски еды. Если кто-то сейчас войдет внутрь, он сразу поймет, что с Ноксом что-то не так... Великан медленно, сознательно режет себе руку, позволяя крови свободно литься. Затем поднимает нож к лицу, соскребает со щек грубую щетину и вновь проводит лезвием по свежим ранам. Он тяжело, часто дышит, покачиваясь на кушетке, и медленно трясет головой, как будто пытается уменьшить, разбавить боль.

Щетина попадает во вспоротую плоть, застревает там, не давая ранам закрыться, а крови остановиться. Когда порезы Нокса заметят, его пошлют на госпитальную баржу, пришвартованную у конца мола.

А оттуда побег с Дана'Мана — от магов — так близок.

— Как ты сумел это сделать? — спросила Сервилль. Она уставилась на руку Нокса с откровенным интересом. Ей всегда нравилась кровь.

«Вот оно, — подумал Нокс. — Вот ложь, которая изменит мою жизнь навсегда».

— Детеныш лисьего льва, — ответил он. — Я пошел на пляж поискать крабов, а эта тварь пряталась за глыбой льда.

— Детеныш сделал это? — Сервилль наклонилась ближе, сняла перчатку и протянула руку к порезу.

Нокс отпрянул, поморщившись. Он согнул руку, и края раны разошлись. Кровь заструилась потоком. Сервилль облизнула губы.

— Ты меня не получишь! — сказал великан.

Он сидел на кушетке, заливая меха кровью, и ждал слов, которые освободят его. Навряд ли они придут от Сервилль: она здесь гораздо дольше его, пришла из западных племен и кажется слишком жестокой. Но скоро должны вернуться другие. Надо подготовиться.

— Ты убил его? — спросила Сервилль.

— Нет, он уплыл. Нырнул, как только ударил меня.

Сервилль воззрилась на Нокса:

— Тебя побил детеныш?

Нокс пожал плечами:

— Я там не драки искал, а крабов. Хотелось поесть чего-нибудь не похожего на это дерьмо, что подают за столом.

— Мы едим для того, чтобы жить, а не для удовольствия, — буркнула женщина, вновь посмотрев на его окровавленную руку.

— Вы, западные жители, такие примитивные, — ответил он, и Сервилль, откинув голову, захохотала. Нокс взглянул на ее оружейный пояс в ту секунду, когда она отвернулась. Так, на всякий случай. Они служили в одном отряде, но вот в друзьях у него эта женщина никогда не ходила.

В шатер вошли Джакс и Мортон, рыгая и смеясь; за ними влетело облако холодного воздуха и снега.

— Нокс подрался с детенышем лисьего льва и проиграл, — заявила Сервилль.

Мортон сел на свою кровать, будто и не заметив ее слов. Женщина подошла к нему. Иногда эти двое любили

порезвиться, и Нокс искренне надеялся, что они не начнут прямо сейчас.

— Выглядит неприятно, — хмыкнул Джакс, стоя над пострадавшим и осматривая раны. — Шрам будет огромный. Больше, чем у меня! — Он показал узел зарубцевавшейся плоти на своей руке.

— Замечательно, — ответил Нокс. — И да, это действительно больно.

— Тебе нужно на госпитальную баржу. Лисьи львы разносят заразу. Без обид, Нокс, но мне вовсе не хочется подцепить от тебя какую-нибудь гадость.

«Вот они! — пронеслось в голове у великана. — Слова, которые освободят меня».

— Ты так думаешь? — спросил он. — Но ведь все не так плохо. Кровотечение почти остановилось и...

— Как давно это случилось?

— После того как вы отправились поесть.

— Оно уже давно должно было прекратиться, — пробормотал Джакс. — У кроутов кровь не идет долго, ты же знаешь. Что-то не дает ей свернуться, а ране закрыться. Еще раз повторю: я не хочу подхватить от тебя заразу. — Он отступил назад, давая Ноксу встать.

Сервилль и Мортон заинтересовались происходящим, почувствовав угрозу в голосе воина.

— Теплая постель и внимание медиков! — воскликнул Мортон. — Не притворяйся, что не хочешь туда идти!

Нокс решил не рисковать и промолчал. «Я себя выдам, — подумал он, — если и дальше буду отпираться. Они поймут, что я не хочу больше видеть их. Никогда. Сервилль и Мортон не слишком расстроятся, но Джакс мне вроде как друг».

Великан закинул пояс с оружием на плечо, раненую руку спрятал под курткой, не продевая в рукав, и вышел на воздух.

Нокс глубоко вздохнул. Где-то в этом котле миазмов притаилась свобода.

Воины-кроуты захватили в плен Нокса, когда он был еще ребенком. Великан ничего не знал о своем прошлом,

хотя иногда видел сны, которых не узнавал и не понимал. В них являлись добрые лица людей, зеленые поля, деревня, существующая для жизни, а не ради войны. Он не знал, что случилось с этими людьми, с этими местами, и притворялся равнодушным. Нокс был таким же кроутом, как все. Словно он родился здесь и жил, как любой воин, чтобы служить магам. Его воспитание и тренировка были тому залогом.

Новая Земля — единственное поселение на Дана'Мане, носящее имя. Она была тем местом, где высадились маги, после того как их выгнали с принадлежавшей им по праву Норилы. Так говорили — а значит, это было истиной. Маги приплыли сюда, чтобы зализать раны, нанесенные им высокомерными норильскими армиями, и вместе с уцелевшими войсками кроутов сделали это место своим домом. Гавань приглянулась изгнанникам длинным, изгибающимся молом. Он заслонил берег от штормов, бушевавших все то время, пока маги плыли, и позволил им без происшествий высадиться на остров снега и льда. И сейчас, когда маги редко выходили из своего убежища около вулкана, расположенного в милях от воды, Новая Земля все еще оставалась особенным местом.

Нокс провел здесь всю свою жизнь. Он уходил только для того, чтобы тренироваться в военном искусстве на горных склонах или участвовать в набегах на острова, расположенные к востоку и западу от Дана'Мана. Нокс ел здесь, упражнялся в ожидании обещанной войны, пил, спал, совокуплялся, заводил друзей и терял их. Он возвращался сюда залечивать редкие раны, полученные во время набегов, отдыхал в дни, отведенные для развлечений, охотился с приятелями на морских змей, сражался на ристалищах. Он называл это место домом. Но все же... у него были те сны. Зеленые, а не белые поля. Жизнь ради жизни и мира, а не войны. И Нокс все чаще и чаще стал задумываться, куда же эти видения могут его привести.

Он вышел из бараков и направился вниз, к пологому спуску, ведущему к Новой Земле. Отсюда открывался вид на гавань, изгибающуюся в море, словно выпростанная рука самого Дана'Мана. По всей длине мола были при-

швартованы лодки, но первыми в глаза бросились два военных корабля. В пять раз больше любого другого судна, с огромными мачтами и свернутыми парусами, они были готовы выйти в море спустя мгновение после приказа. Снег и лед вылепили причудливые скульптуры на их снастях. С этого расстояния Нокс едва различал фигуры людей, снующих по гавани, но суета портовой жизни заставила его на секунду с тоской вспомнить об относительном спокойствии бараков.

Но рука пульсировала болью. Щетина в ранах не давала им закрыться. Нокс вынул руку из-за пазухи и удивился: кровь все еще бежала из порезов. Сколько же ее вытекло!.. Какая мрачная ирония — умереть от кровопотери теперь, когда он наконец-то собрался с духом и решил бежать. Бежать — после стольких лет в плену, всех этих смутных мыслей о свободе... Никто не увидит, как он упадет в снег, и жизнь его вместе с мыслями о зеленых полях просочится в вековые льды. Окоченевшее тело найдут на склоне холма, разморозят и скормят тренированным соколам, которые иногда спускаются из-под облаков. Его убил детеныш лисьего льва, будут говорить все вокруг и, возможно даже, смеяться. А через несколько недель или даже дней от Нокса не останется и воспоминания.

Нокс потряс головой, закусил губу, болью побуждая себя к действию, и побежал вниз — к гавани. Он уже видел госпитальную баржу в конце мола, за оружейными мастерскими. А за ней раскинулись открытое море и свобода.

К тому времени, как Ноксу исполнилось семнадцать, он уже понимал значение веры. Он верил в магов: зловещего неуловимого С'Ивэ, прекрасную и ужасающую Эйнджел, — верил истово и страстно. Он знал, что появился на этой земле только для того, чтобы служить им. И ни для чего более. Краткие всполохи воспоминаний детства казались Ноксу осколками снов, замороженных снегами и льдом Дана'Мана. Их значение потерялось, а чувства, которые они будили, давно сжег мороз. Маги — его хо-

зяева, и все, чем он был, все, чем он будет, происходит только от них. Он — солдат, и однажды они призовут его на службу, чтобы отомстить людям далеко на юге, которые когда-то осмелились изгнать магов. Они повелевали его разумом и большую часть времени — его сердцем.

Большую часть времени. Ибо даже чистая вера переменчива. И однажды вечером, лежа в жарком клубке объятий с женщиной-кроутом, пресыщенный, делясь теплом тела, укрываясь от морозного воздуха снаружи, он вдруг произнес краткую недозволенную фразу: «Может, когда-нибудь мы выберемся отсюда». Женщина пробормотала что-то и изогнулась, ища руками местечко потеплее, и через несколько минут Нокс забыл о мысли, вызвавшей к жизни эти слова.

Но над ними, в тенях, раскинувшихся между потолком и стеной шатра, что-то ожило мимолетным отблеском. Ничто, даже не чернота, — тень, призрак еще не рожденной души. Оно тоже служило магам, хотя не имело разума, чтобы сомневаться, и сердца, чтобы обсуждать. Существо вынырнуло из реальности и вернулось к своим хозяевам. Слова для тени ничего не значили, но маги услышали их и сохранили до будущих времен.

Баюкая кровоточащую руку, Нокс вошел на окраину гавани. Обледеневшая дорога была посыпана вулканической пылью, чтобы не поскальзываться. Жители сбрасывали снег с крыш, сбивали сосульки с окон. В дверных проемах тяжелыми пологами висели шкуры. Весь лес для построек в Дана'Ман привозили из других мест, и вместе с материалами прибывали рабы, сооружавшие здания. Они дюжинами кишели на улицах. Нокс не обращал на них внимания, как на коз или чаек. Они были недостойны даже его презрения. Люди — да; но, кроме этого, между ними и их хозяевами не осталось ничего общего. Маги использовали какие-то тайные субстанции, подавлявшие мысли и чувства рабов. Нокс, иногда встречая их взгляды, не видел в них и следа разума. Инстинкт держал их подальше от кроутов, а чтобы воины и невольники общались друг с другом — о том никто никогда не слышал.

Нокс отошел в сторону, пропуская несколько вьючных животных — бывших рабов, еще больше измененных химикалиями магов. Понадобилось много времени и межпородного скрещивания, и уже через два или три поколения маги выводили больших сильных зверей из слабых рабов человеческого размера. Эти существа потеряли пол, облик и последние остатки достоинства и гордости, часто дремлющие глубоко внутри душ невольников. Их кожа часто растягивалась и трескалась от ускоренного роста, и там, где проходили эти вьючные животные, на дорогах виднелись следы крови.

Нокс посмотрел, как эти четверо хранели под изматывающей ношей, волоча сани с едой от гавани к баракам на холме. Перевозкой руководил кроут: развалившись на ящиках, он курил и равнодушным взглядом высматривал что-то поверх голов животных. Когда сани проезжали мимо, погонщик глянул вниз, заметил кровоточащую руку Нокса и отвернулся. «Не мое дело», — говорил он всем своим видом, и великану оставалось только согласиться.

Нокс пошел дальше. Чем ближе была гавань, тем суматошнее становилось вокруг. Единственным смыслом существования кроутов был поход на войну — прославленное Великое Возвращение, о котором всегда говорили маги, появляясь из своего убежища. Возвращение в Норилу, месть людям, превратившим их в изгнанников еще до того, как магия покинула человечество. Всего этого поколения кроутов ждали уже долго. Почти век прошел с тех пор, как маги высадились на Дана'Мане, — так говорили, а значит, такова была истина. Но война не стала ближе, и когда будет отдан последний приказ готовиться и выступать — никто не знал. Некоторые говорили — никогда. Они шептали в темных тавернах и домах, что волшебники лишились своей магии. У них остались загадочные вещества и беспредельная ярость, но без волшебства они бессильны против земель, изгнавших их. Другие болтали, что маги постарели. Но большинство говоривших подобные вещи редко могли произнести их вновь. Наказание было тихим, но быстрым.

У Нокса внезапно закружилась голова, и он привалился плечом к стене, собираясь с силами. Он посмотрел под куртку и увидел, как свежая кровь блестит в слабых лучах солнца. «Может, я себя уже убил? — подумал великан и мрачно улыбнулся. — В конце концов, это тоже выход».

В двадцать лет Нокс попал в свой первый рейд. Отряд, где кроме Нокса было еще тридцать кроутов, взял береговой баркас и отправился на восток. Воины три дня увертывались от айсбергов, водоворотов и гигантских ледяных китов, пока не достигли дальней оконечности Дана'Мана. Здесь они устроили привал на ночь, прежде чем отправиться дальше в море. Маленькое судно не было предназначено для волнений и штормов открытого океана, и Ноксу не раз казалось, что вот-вот они перевернутся. Он очень хорошо понимал, что упасть в эту воду — верная смерть или от невыносимого холода, или от тварей, живущих под покровом волн. Иногда воины замечали их — белые видения, парящие в сумеречном свете, — и, хотя кроуты не боялись смерти, страх перед этими тварями они чувствовали. «Страх помогает жить», — сказала как-то Эйнджел на собрании. Именно он спас Нокса и его товарищей в тот день. Их уже почти засосало в водную толщу, когда они взялись за весла. Гребли день и ночь, пока к следующему утру не достигли цели.

Затем, после многих дней без сна, замерзшие, голодные и слабые, воины пошли в бой.

Племя, с которым они сражались, не отличалось воинственностью. Возможно, когда-то, много лет назад, оно было сильнее и организованнее, но век непрерывных нападений кроутов сделал свое дело. Противник опустился, стал примитивным и жалким. Некоторые люди убежали, но многие остались, так как, кроме острова, не знали больше ничего. И хотя племя смирилось с постоянным грабежом, отдельные люди решили сражаться. Они использовали камни и заостренные кости китов, зажигательные бомбы из плавательных пузырей и кулаки. Для начала кроуты поиграли с ними, дав почувствовать, что победа

возможна. Целый день продолжались беготня, прятки и драки, пока воинам магов это не надоело. Да и усталость брала свое. Они ворвались в укрепления островитян, вырезали всех сопротивлявшихся и забрали все, что можно было украсть.

Кроуты вернулись на Дана'Ман с трюмом, набитым едой, специями и саженцами для ферм на склонах вулкана. На корабле везли пленников, среди которых было несколько женщин: ими по очереди пользовались все члены команды.

— Должно быть что-то большее, чем это, — прошептал Нокс сам себе той ночью. Не вина и не стыд — пустота, казалось, наполняла его, пока он лежал на палубе и смотрел на небо, переполненное звездами, замершее в предвкушении снега. Воин не понимал этого чувства, а потому отнес его на счет усталости после боя. Но жажда иного не отступала — и, вероятно, тогда он особенно ярко увидел отблеск возможностей своей несбывшейся жизни.

— Должно быть...

Засыпая, Нокс видел зеленые поля.

А кроут, лежавший рядом, запомнил его слова, почувствовал их мятежность и решил доложить начальству.

На Дана'Мане все необычное рано или поздно становилось известно магам.

— Нокс, ты, хрен снежного козла! Куда это ты так спешишь? Я пропускаю знатную драку?

— Нет, сэр, — ответил Нокс.

Вот повезло-то!.. Женщина, стоявшая перед ним, была по меньшей мере на две головы выше его, шире, тяжелее, старше и вся покрыта шрамами от бесчисленных стычек и битв. Кроуты гордились своими шрамами, демонстрируя их при каждом возможном случае, поэтому, несмотря на холод, лейтенант носила только полоски шкур вокруг груди и бедер. Ее обнаженный живот покрывала сеть синевато-багровых и ярко-алых бугристых рубцов, а на широких плечах недоставало кусков мяса, словно выжженных раскаленным железом. Как же ему не повезло! Лей-

тенант Ленора была кем-то вроде легенды среди солдат Новой Земли.

— Ты чего это наделал, порезался при бритье? — Она кивнула на кровавое пятно, проступившее на куртке Нокса. Лысая голова Леноры сверкала на солнце.

— Лисий лев, сэр, — отрапортовал Нокс, слегка изменив свою историю. Он должен впечатлить лейтенанта прямо сейчас, чтобы пройти мимо, продолжить свой путь. Если она решит, что он так пострадал в схватке с каким-то детенышем, то скорее всего прирежет его сама.

— И это твоя единственная рана? Я поражена, Нокс. Бьюсь об заклад, ты прихватил голову твари в качестве трофея, да?

— Совершенно верно, сэр. Она в бараке. Сервилль вываривает ее прямо сейчас, а я иду на госпитальную баржу, хочу убедиться, что ничего не подцепил от этого поганого создания, а то здесь повсюду дерьмо этих львов.

— Ха! — Лейтенант Ленора хлопнула его по больной руке и засмеялась, подняв лицо к небу. Говорили, у нее слух магов. Некоторые шептались, что она из кроутов, переживших бегство из Норилы, и с тех пор стала бессмертной, абсолютной убийцей. — Так дай мне понюхать твой меч!

— Мой меч?

— Кровь победы так сладка, Нокс, а я уже много месяцев не обагряла свой клинок в битве. Лисий лев — достойный противник, это уж точно, хотя ты и не должен был идти на пляж один, так ведь? — Она наклонилась ближе и улыбнулась.

— Я... Я искал...

— Какую-нибудь еду. Да, знаю, Нокс, и не могу тебя в этом винить. От той требухи, которой здесь кормят кроутов, кто угодно пойдет искать пропитание на стороне.

«Меня проверяют. Она прощупывает меня, чует какой-то подвох. Может, видит мои глаза, мои виноватые глаза», — подумал Нокс. То, как Ленора говорила о кроутах, словно сама не была одной из них, очень его встревожило. Конечно, речь не шла о непочтительности к магам, но эта фраза показывала, что женщина считала себя

выше обыкновенных солдат. Она напрямую подчинялась своим повелителям, была их истинным воином, и бесчисленные шрамы подтверждали ее статус. Нокс слышал, что страшные раны на ее плечах нанес сокол, пришедший в ярость. Птица схватила лейтенанта и взлетела так высоко, что когда Ленора наконец вспорола ей брюхо мечом, то летела до земли целый день. Глупые легенды. Но в глазах Леноры плескалась холодная мрачная усмешка, словно вызывающая Нокса на какое-то откровение...

— Ну, Нокс, тебе не нужно соглашаться со мной, хотя ты и так согласен. Итак, твой меч! Надеюсь, ты не отполировал его начисто с такой-то раной на руке?

— *Отполировал*? Нет, нет...

Неожиданно великан почувствовал слабость. Его рука горела там, где кровь толчками все еще лилась наружу, а лейтенант Ленора с каждой секундой становилась все выше, все шире... Он рухнул перед ней на колени, прямо на обледеневшую дорогу.

Когда Нокс пришел в себя, то понял, что попался. Лейтенант Ленора знала о побеге с той самой секунды, как они встретились. Его походка, взгляд, цвет кожи — все кричало об этом, и теперь его куда-то посадили дожидаться наказания.

Нокс никогда, никогда не слышал о кроутах, пытавшихся бежать с Дана'Мана. Он никогда не слышал о комнибудь, даже обдумывавшем эту мысль. Сама возможность таких фантазий вытравлялась из людей, и хотя воин знал, что мысль о побеге ненормальна, он никогда не терял времени, задаваясь вопросом «почему?». Он хотел сбежать, и все. Возможно, причина его решимости крылась в травянисто-зеленых снах... но на самом деле Нокс не думал и об этом. В действиях таился смысл, а вот в размышлениях о подобных загадках — нет.

Иногда он интересовался, нет ли где-то на Дана'Мане места, куда ссылают пытавшихся сбежать, а сейчас открыл глаза, не зная, чего ему ожидать.

— Ты потерял много крови, — сказала лейтенант Ленора. Она сидела на скамье рядом с ним, не давая упасть.

Твердые мускулы на ее руках вились узлами. Даже если бы Нокс захотел упасть, женщина не позволила бы ему этого.

— Я улетаю, — пробормотал Нокс, и на краткий миг ему показалось, что он *произнес «я убегаю»*.

— Поганые твари эти лисьи львы! У них в слюне какое-то вещество, из-за которого кровь не свертывается. Помогает им легче выпивать свою жертву. Ты же говорил, тебя поцарапали, а не укусили.

Нокс вяло кивнул. Приукрашивать историю — только лишний раз подвергать ее пристальному вниманию, а он сейчас был не в состоянии говорить осмысленно.

Ленора нахмурилась:

— Хм... У тебя в ране что-то есть, из-за чего ты и кровоточишь до сих пор, как резаный козел.

Она вытащила руку Нокса из-за пазухи и медленно облизала раны, проведя по коже толстым серым языком. Расчистив дорожку в крови, женщина посмотрела на Нокса и ухмыльнулась:

— Вкусно.

Нокс спокойно отвернулся. Он часто видел, как кроуты режут себя после битвы — сам так делал, — но вот истории о каннибализме знал только по слухам. «Бессмертные так делают, — как-то сказала ему Сервилль на одной пьяной пирушке. — Те, кто пришел из Норилы вместе с магами. Они не умирают, поэтому спокойно едят зараженное мясо, пьют плохую кровь. Ты представь себе такую жизнь...»

— Странно, — протянула Ленора и так и этак повертела руку Нокса, осматривая разрезы. Те снова начали кровоточить, а великан уже подумал, что она вновь оближет их. Он и не знал, сможет ли выдержать это снова — наждачный язык, обдирающий распухшие края свежей раны...

— Что? — спросил он, стараясь отвлечь ее внимание. — Что там такого странного?

— Есть что-то, — сказал она, облизнувшись. — Похоже на песок. Надо быстрее доставить тебя, куда шел, как скажешь?

Нокс кивнул; его признательность и облегчение отнюдь не были притворными.

Лейтенант Ленора — скорее всего бессмертная и совершенно точно перевалившая за столетнюю отметку — положила его правую руку себе на плечи, удерживая великана на ногах. Его ноги лишь слегка касались пола, такой высокой была эта женщина. Ленора быстро пошла в сторону гавани, дорога словно расчищалась перед лейтенантом, и на несколько секунд Нокс даже поверил в свою собственную ложь. Несколько кроутов посмотрели на них, и на их лицах светился восторг. «Я ранен в битве» — подумал Нокс и захотел рассказать о хищнике, с которым сразился и которого победил. Но, разумеется, никакого льва не было, только его собственный нож. И если Ленора еще раз захочет ощутить запах крови побежденного зверя, всем уловкам придет конец.

Нокс посмотрел на свои ноги, шаркающие по грязному льду. «Неужели я действительно поверил, что смогу убраться отсюда?»

Да, поверил. И верил до сих пор.

Они добрались до гавани, и Нокс попросил Ленору, чтобы она позволила ему дойти до госпитальной баржи самостоятельно.

— Не пристало воину, чтобы его несли в госпиталь, — сказал он. — Если, конечно, он уже не лишился рук и ног. Вот тогда, возможно, в помощи и нет позора.

Ленора улыбнулась и поставила его на землю. Нокс понял, что произвел на нее впечатление. Это хорошо. Может, теперь она больше не будет спрашивать о крови лисьего льва на его мече.

— Ты — храбрый кроут, — ответила лейтенант.

— Удивительно, что вы вообще знаете обо мне, сэр.

Ленора подняла брови:

— Я — лейтенант. Думаешь, это не мой долг — знать всех, кем я командую?

— Разумеется, нет, сэр. Просто раньше вы никогда не называли меня по имени.

— Не было на то причины. Раньше ты меня ничем не поражал. — Она взглянула на него умными глазами, переполненными холодной, неотвратимой жестокостью.

Нокс слабо улыбнулся: боль в руке и головокружение только сыграли ему на руку.

— Надеюсь, не в последний раз, — тихо сказал он.

Ленора засмеялась и хлопнула по плечу, направив к куче рыбачьих корзин, валявшихся на волноломе. Нокс поплелся туда, спотыкаясь через шаг. Лейтенант прошла следом за ним и поддержала. Она все еще смеялась:

— Уверена, не в последний. Когда придет время и мы поплывем в Норилу, думаю, ты возглавишь свой отряд. Там будет много крови, которую мы сможем пролить. Много норильских женщин для твоего удовольствия. Ожидание мести холодно, но вот сама она горяча, как кровь.

Нокс выдавил из себя улыбку. «Может, тогда я уже буду жить в Нориле, — подумал он. — Какая насмешка!»

— А когда же это произойдет? — спросил он. Подобные вопросы обычно не поощрялись, но, казалось, он завоевал уважение Леноры. Сказать по правде, сама мысль о том, что он уже ночью будет далеко от этого места на пути к свободе, придавала ему смелости.

Ленора приподняла брови:

— Хочешь в поход?

— Естественно, — ответил Нокс, неожиданно испугавшись, что зашел слишком далеко.

— Хорошо. Это хорошо, кроут. Маги будут гордиться нами, когда бы они нас ни призвали.

Она развернулась, чтобы уйти. Нокс сквозь слабость почувствовал облегчение, а лейтенант оглянулась и еще раз посмотрела на него:

— Магия — вот чего они ждут, появления магии. Когда она придет, они возьмут ее, и разве это неправильно? Разве не должно тем, кто беспредельно повелевал магией, снова распоряжаться ею?

— Конечно, — отчеканил Нокс. — Да.

Ленора посмотрела на суетливую гавань, наклонилась к Ноксу и зашептала ему на ухо. Он почувствовал ее дыхание — холодное, затхлое, идущее словно из вскрывшегося воздушного кармана в сошедшем леднике — и не мог не отпрянуть.

— А она у них до сих пор есть, знаешь ли, — сказала воительница. — Не настоящая магия, но средства. Методы. Знания. Им ведомо больше, чем мы можем представить. Сейчас... здесь... они скорее всего знают, что мы вместе. Они видят нас. Чуют нас. И когда я говорю это тебе — когда я говорю, что маги — твои боги, а любой бог, которого предали, подарит тебе бесконечность боли, — они слышат мои слова. Вы слышите, Госпожа? Вы слышите, Хозяин? — Ленора пронзила взглядом глаза Нокса, словно проникая куда-то вглубь, за свое отражение в его зрачках, и прошептала: — О да. Они слышат.

А потом она повернулась и ушла.

Нокс наблюдал за ней. Его качало от потери крови, тошнило от ужаса, но он ждал, пока ее фигура не скрылась в гавани, а потом развернулся и отправился к госпитальной барже, до которой было больше полумили вдоль мола. Делая шаг, великан представил, как на него смотрят маги.

В двадцать девять лет Нокс влюбился.

Она была обыкновенным кроутом, воином отряда, расположенного в деревне дальше по берегу. Когда солдаты пришли на Новую Землю участвовать в тренировках, проводимых самими магами, Люси поймала на себе взгляд Нокса. Через несколько часов после знакомства они уже сношались позади склада в гавани, а еще спустя какое-то время Нокс осознал: произошло что-то странное. Люси, похоже, ничего не поняла, но его нежное внимание оказалось не просто физическим влечением, а разговоры с ней не были обыкновенной постельной болтовней, в них таился некий смысл.

Они любили друг друга каждую ночь и дрались каждый день, и когда возвращались в бараки — окровавленные, измученные, уверенные, как никогда, в своих способностях сражаться за магов, — Нокс всегда шел в ногу с Люси. Она устало улыбалась ему, а он улыбался в ответ, молчал, просто не мог говорить, остро ощущая ее присутствие, ее тепло, ее запах. Она рассказывала о том, как ее отряд вырезал рабов, привезенных с севера, которым даже

выдали ледяные мечи для драки, и Нокс пел ей хвалу. Люси как будто не слышала ее, а если и замечала, то душила своей страстностью.

Нокс не мог сказать, что же он чувствует. Любовь пробуждает слабость, отдает свои жертвы во власть безрассудства. За это не наказывали, но влюбленных часто высылали жить в северных горах на год и больше. Если они возвращались, то вновь находили путь к нормальной жизни. В противном случае их безрассудство замерзало в вечности льда вместе со слабой плотью.

Однажды ночью, когда они спали после секса, Нокс положил голову рядом с лицом Люси и прошептал ей в ухо:

— Так не может быть всегда. Мы можем сбежать. Ты и я, мы уйдем. Может, где-нибудь я расскажу тебе правду.

Она потянулась и сонно что-то промычала, а Нокс повернулся на спину и заснул.

Под шкурами, защищающими их от ледяной земли, червь размером с большой палец руки, извиваясь, полз на север. Он слушал. Он услышал. Он ничего не понял, но это и не входило в его задачу — только доставка услышанного магам. Миниатюрное существо было запрограммировано на поиск определенного тона голоса и нашло его здесь. Намерение этого человека явно сквозило в его словах, в том, как он дышал, потел и, наконец, как он заснул. Червя создали именно для этого открытия.

Его путешествие к укреплению магов заняло почти год. Время не имело значения; год — это ничто. А когда червь доставил сообщение, наградой ему стали зубы Эйнджел, разорвавшие маленькое тело пополам ради холодного сока внутренностей.

Госпитальная баржа не отличалась изысканностью. Это был большой прибрежный шлюп без палубных надстроек, зато с обыкновенной крышей из дерева и шкур. Незастекленные окна, несколько дверей да парочка труб, лениво дымящих в неподвижном полуденном воздухе. Внутри не ощущалось даже подобия комфорта. Те, кто попадал сюда, уходили очень быстро: или на своих двоих, или же их

подтаскивали к концу мола и скармливали падальщикам, живущим в холодном море. Раненые и заболевшие или быстро выздоравливали, чтобы снова сражаться, или в них больше не видели нужды. В госпитале лечили не только лекарствами, но и мечом.

Нокс ступил на палубу, секунду помедлил, смотря на кровоточащую руку и чувствуя легкую качку под ногами. Вот он здесь, еще на один маленький шаг ближе к свободе...

Несколько лекарей взглянули на него, когда Нокс вошел внутрь, но никто из них не поднялся помочь. Он пришел сам, рана его не выглядела опасной, а гордость воина ценилась слишком высоко. Великан нашел для себя кровать — занятых было немного — и тяжело на нее уселся. Закрыв глаза, он все не мог решить, из-за чего у него кружится голова: то ли от качки, то ли от потери крови.

— Порезался при бритье? — спросила врач.

Нокс посмотрел на нее и улыбнулся:

— Поспорил с лисьим львом.

Женщина приподняла брови, слегка удивившись, и взяла его за руку.

— Давно?

— Сегодня утром.

— Кровотечение уже должно было остановиться. Какой-то ты бледный. Мне нужно вымыть львиный яд у тебя из ран. — Она замерла и посмотрела Ноксу в глаза. — Будет больно.

— А я другого и не ожидал.

Когда врач ушла за инструментами, он огляделся, рассматривая больных. Большинство из них сидели на кроватях или лежали — явно в сознании и настороже; они были готовы уйти отсюда, как только представится возможность. Несколько метались в беспамятстве, глухо стонали во сне, объявшем их. Один уже умер. Под их кроватями скопились лужи крови, а рядом поблескивал выщербленный меч. Бесплатный корм для морских тварей.

Когда врач вернулась, Нокс неожиданно почувствовал укол страха и сомнения. Он начал сомневаться, есть ли в

выдуманном им плане хоть капля здравого смысла, или же простуда окончательно свела его с ума.

— Ложись, — сказала женщина.

Нокс не сдвинулся с места:

— Ты уверена?

Она улыбнулась — правда, как-то невесело:

— Испугался, кроут?

Великан потряс головой, лег и протянул руку.

Врач не обманула. Оказалось действительно больно.

Поздно ночью, в тишине, Нокс боролся со сном. Врач дала ему какой-то порошок, чтобы помочь заснуть и набраться сил, но он сумел удержать вещество под языком и выплюнуть, когда она ушла. Остатки снадобья все-таки пробрались в его нутро, внутрь вползли тени сна. Но каждые несколько минут Нокс сжимал свою забинтованную руку, и боль пробуждала его снова.

Ему промыли раны и остановили кровотечение, но процесс лечения оказался гораздо больнее, чем само нанесение порезов.

На госпитальной барже никогда не было совсем тихо. Храпели больные; одна из них стонала во сне, преследуемая демонами кошмаров. Нокс радовался этому. Под один из особенно громких всхрапов он успел сесть. Когда на кушетке крикнул человек, Нокс поднялся с кровати. Когда мечущаяся от дурных грез женщина пробормотала какое-то древнее проклятие тому, что беспокоило ее, воин быстро подошел к окну и откинул в сторону занавеску. Гавань была гораздо тише, чем днем, но тут и там виднелось движение, вокруг волнолома сверкали факелы, и тени проскальзывали сквозь тени. Нокс всегда знал, что вокруг будут люди. Он считал свой план достаточно наглым и во многом уповал на удачу. Если он окажется не прав, то умрет уже на рассвете. Его тело поплывет в ледяной воде мясом для падальщиков, рассекающих темные недра.

— ...Никогда не видела магов! — раздался крик, и Нокс застыл.

Лунный свет отбрасывал его тень обратно на баржу. Любой открывший сейчас глаза увидел бы громадный си-

луэт на фоне звездного сияния. Однако новых слов не последовало. Похоже, это кричала женщина, которую во сне преследовали маги.

Нокс медленно поднялся на подоконник и вышел наружу. Борта баржи оказались достаточно широкими, чтобы по ним обойти судно, но любое неловкое движение моментально отправило бы Нокса в воду. А это конец. Ночь — время лисьих львов. Даже смешно будет стать их жертвой теперь.

Кроут дошел до кормы баржи и выбрался на мол, где на самом конце были пришвартованы старые рыбачьи баркасы. Они находились там годами, их потрепанные паруса и заброшенный вид стали первым толчком для замысла побега. Он выкрадет один и отплывет подальше от Новой Земли и Дана'Мана, даже не стараясь прятаться. Если кто-то посмотрит на залитую лунным светом воду, то увидит только лодку, уверенно направляющуюся в море, и, предположив, что все нормально, отправится спать. Или же поднимет тревогу и отправит за ней погоню, омрачив небо тучей стрел и арбалетных болтов.

Чем больше Нокс думал о своем плане, тем безумнее казалась воину его затея. Но в каком-то смысле это даже придавало кроуту уверенности. В плане было то сумасшествие, которое и дает лучший шанс на успех. Никто никогда не слышал о воине, сбежавшем с острова магов. Никто и никогда не слышал хотя бы об одной попытке бегства, так как это было верное самоубийство. Даже если безумец сумеет вырваться с Дана'Мана, ему придется проплыть тысячи миль на юг, дабы сбросить с себя влияние магов.

Стоя на конце волнореза, Нокс смотрел на темное море, которое станет его домом на следующие несколько недель. Он планировал питаться пойманной рыбой и собирать дождевую воду для питья. Тысячи миль...

«Да, — подумал он, — я смогу это сделать. Все сработает! Все так просто, глупо и невозможно, что обязательно должно получиться!»

Нокс спустился по заржавевшей лестнице на палубу одной из лодок, отвязал швартовочные канаты, веслом от-

толкнулся от волнореза, поднял парус, взялся за румпель и улыбнулся, когда неожиданно на него дохнул ветер, помогая обрести свободу. Дуновение судьбы.

И он был прав. Этой ночью судьба дышала ему в затылок.

В тридцать пять лет Нокс участвовал в набеге на северное поселение. Кроуты знали о снежных людях — бандах бродяг, что скитались по холодным полям, убивая птиц ради еды. Неразвитый, дикий народ – они проводили все свое время в битве со стихиями и жили очень скудно. У них был единственный талант — быстрота передвижения. Возможно, длинные ноги, ставшие со временем сильными и тонкими, позволяли им ходить по глубокому снегу. Или прирожденный дар помогал им спасаться от многочисленных хищников, охотившихся за ними... Но какова бы ни была причина, снежные люди служили отличной мишенью для лучников магов!

Битва была яростной. Поверхность ледника запятнали красные потеки крови снежного народа. Такой алой — кроуты никогда не видели подобной. Несколько дикарей сбежали, став прекрасным развлечением для воинов на следующие пару часов. Нокс и его соратники гнались за беглецами по снегу, используя навыки выслеживания и охоты, отточенные за долгие годы практики. Снежные люди прекрасно знали местность, они умели хорошо прятаться, сливаясь со снежным пейзажем, настолько бледна была их кожа. Но спастись от кроутов они не могли. По правде говоря, такая охота давно стала для кроутов не более чем спортом.

Нокс нагнал одну женщину и сбил ее с ног болтом из арбалета, попав жертве под колено сзади. Он стоял над ней, отдуваясь, и наблюдал, как ее кровь сочится на снег, превращая его в алую кашу. Женщина глядела на него; судорожные вздохи конденсировались в воздухе и парили над ледником замороженными криками. Женщина заговорила, но кроут не понимал ее языка. Он решил вспороть ей живот и выпустить кишки наружу. Медленный, жестокий способ убийства. Но она заслужила его, убегала от

Нокса так долго, что у него заболели ноги. Он устал, и кровь напряженно билась в висках.

Великан наклонился, и в ту же секунду в мозгу у него сверкнула мысль, что это неправильно.

Он взглянул на жертву и поразился: ее ужас превратился в ярость, страх — в свирепость. Шок заставил Нокса вонзить меч в грудь женщины. Она задохнулась, выгнула спину, а Нокс нажал сильнее, проворачивая рукоятку, и почувствовал, как трещат ребра женщины.

Снежная дикарка захрипела кровью. Кроут не знал языка дикарей, но ясно видел, что из глаз женщины плещется ненависть.

Он выдернул меч из груди жертвы и обрушил на ее шею. Голова дикарки откатилась в сторону. Нокс отвернулся и ушел прочь.

Женщина умерла. Ее дух поднялся вверх, и был он холоднее морозных пустошей, приютивших ее тело. Воспользовавшись талантом, о котором кроуты никогда не узнают, она заглянула в разум убийцы и увидела его самую великую, самую желанную мечту.

И тогда умершая поняла, как отомстить.

Покинув кровавые останки тела, дух ледяной женщины полетел на юг, неся весть магам.

Они позволили ему подумать, что все удалось.

Нокс провел за румнелем всю ночь. Он плыл вперед и вперед, чувствуя каждый метр, отделяющий его от Дана'Мана. Вся его жизнь обрушивалась позади, а он не ощущал ни потери, ни печали. Нокс даже не помнил прежнего себя. Впереди, во тьме, маячило нечто новое, словно солнце, ждущее восхода. Груз страшных поступков плыл вместе с кроутом, но с каждой минутой он становился легче, как будто расстояние между Ноксом и магами рассеивало зло, которое он совершал по их приказу.

Когда солнце показалось над горизонтом, он услышал скрежет, обрушившийся на него с неба. Прежде чем Нокс повернулся на звук, сверху раздался голос, уничтоживший все его надежды и мечты.

— Куда-то направился? — крикнула Ленора.

Он подумал взять меч, но как сражаться с этой летающей тварью? Сокол был огромен, его щупальца тянулись к Ноксу. Когда создание ринулось вниз, на зловещем изогнутом клюве заиграли первые лучи солнечного света. Сокол просто раздавил бы кроута.

Тварь остановилась и зависла над его головой. Вонь от ее выхлопов обрушилась на Нокса, надула паруса и вынудила человека рухнуть на колени, корчась от рвоты. Когда он вновь посмотрел наверх, то увидел, кто еще летит на спине зверя... и надежда покинула его навсегда, сгорев при виде мага.

— Госпоже Эйнджел нужна твоя помощь! — прокричала Ленора.

Нокс мог только смотреть, его руки безвольно висели по бокам, взгляд неотрывно следил за колдуньей. Лишенная магии вот уже целый век, Эйнджел все равно сочилась злобой; ужас, как пот, проступал сквозь поры ее кожи. Она поражала красотой, но смотреть на нее было невыносимо. Колдунья глядела на воина без выражения. Безжизненно. Но ее молчание ужасало куда сильнее. Нокс был готов отдать все блага мира лишь за то, чтобы она заговорила.

— Ты поможешь? — спросила Ленора.

— Ты играешь, — ответил Нокс. — Просто убей меня, и покончим с этим.

— Убить тебя? — закричала воительница. — Разумеется, нет, Нокс! Какая расточительность!

Нокс не мог даже вообразить наказание, уготованное ему.

Он быстро потянулся к мечу: сейчас перережет острым лезвием себе горло и прохрипит последний кровавый смешок этим магам. Может, век назад она бы и смогла мучить его ушедшую душу, но теперь, в мире, лишенном волшебства, смерть — это просто смерть.

«Прощайте», — подумал он.

Болт арбалета пронзил его руку. Нокс выронил меч, и тот почти без всплеска упал в воду.

— Нет, — проронила Эйнджел, и голос ее был подобен громыханию океанских глубин.

Ленора свистнула, сокол нырнул вниз, его когти раскрылись и схватили Нокса, пронзив бедро и плечо. Великан закричал под жуткий аккомпанемент смеха волшебницы.

— Госпожа Эйнджел требует твоей помощи! — выкрикнула Ленора.

Сокол быстро поднялся вверх, а Нокс увидел собственную кровь, заляпавшую палубу лодки. Может, по крайней мере какая-то часть его обретет свободу?..

Сокол поднялся ввысь и полетел к Новой Земле. Жалкая попытка Нокса сбежать провалилась.

Он висел в когтях твари, стараясь не кричать, перенести боль, уверенный, что там, куда они летят, будет намного хуже. Боль существует только в воображении, говорил кроут себе. Контролируй ее так же, как собственное воображение... Но острые когти, что вонзились в плоть Нокса, были слишком реальными, а резкая смена направления заставила его завизжать. Сидя на спине сокола, невидная кроуту, лейтенант Ленора рассмеялась, услышав этот звук.

— Куда мы летим? — спросил Нокс.

Ответа не последовало, и воин не удивился. Маг не снизойдет до разговора с ним, если только сам не пожелает. А когда Эйнджел все же сделает это, то, несомненно, лишь для того, чтобы рассказать о его грядущей ужасной судьбе.

С высоты Нокс увидел, что Новая Земля опустела. В вечно суетливой гавани остались только покачивающиеся на волнах лодки и роющиеся в падали морские птицы, а в районе бараков двигались только трепещущие на ветру флаги. «Куда все подевались? — подумал он. — И почему?»

Когда они миновали линию между сушей и морем, это словно послужило сигналом. Одно из огромных щупалец сокола неожиданно обвилось вокруг пояса великана. Он сопротивлялся, старался упасть, но тварь держала его крепко, сдавив живот и притиснув к спинному седлу. Сокол отпустил Нокса, но тот не мог пошевелиться. Впереди него

Ленора держала вожжи, направляя создание вглубь острова. А позади сидела Эйнджел. Ее дыхание обжигало Ноксу шею; ее близость была дырой, способной поглотить его полностью.

— Я много лет знала, что ты сбежишь, — прошептала Эйнджел. Голос ее был подобен осколку льда, проникающему в череп. — Мой брат и я смотрели, ждали. Мы уже давно решили сделать тебя примером для других.

— Почему? — спросил Нокс. Ему пришлось кричать в воздух, рассекаемый полетом сокола.

Голос Эйнджел не стал громче, но воин слышал ее слова, ясные и полновесные.

— Потому что мы так пожелали, — ответила волшебница. Она положила руку на раненое плечо кроута и нежно сжала его. — У тебя нет друзей, Нокс. Они предали тебя. На твоей стороне нет товарищей, нет любимых. Никого нет. Ты уникален. Остальных, пытавшихся сбежать, мы просто убивали. Разрезали. Съедали. Но время не стоит на месте, некоторые вещи меняются. Я хочу, чтобы каждый увидел то, что произойдет с тобой.

Нокс уперся руками в седло и с силой оттолкнулся. Хотел свалиться на сторону, упасть и каждую секунду своего падения лелеять эти последние капли свободы. Но рука Эйнджел удержала его на месте, и женщина прошептала:

— Нет.

— Мы — не воины! — закричал Нокс, обращаясь к Леноре. Говорить с магом было слишком страшно. — Мы — рабы! Ничем не лучше тех отбросов, которыми нас кормят, и тех рабов, которых сами хватаем и убиваем! Ленора! Какая тебе с этого выгода?

Лейтенант промолчала, зато ответила Эйнджел:

— Ты прав. Рабов мы контролируем химикалиями, а вас — обещаниями и страхом. Вы для нас все — рабы.

Ленора засмеялась, ее плечи затряслись. Нокс посмотрел вниз.

Они быстро спускались, и теперь он увидел длинные колонны людей, марширующих по снегу. Их там были тысячи, вся Новая Земля торила путь в горы. Несколько

знамен кроутов тенями колыхались на снегу. Великану стало любопытно, есть ли там его отряд и думает ли сейчас о нем хоть кто-нибудь из бывших соратников.

Неожиданно Нокс почувствовал, как его страх превращается в нечто иное. Не в надежду — это было бы слишком хорошо, — но в покой. Кроут понял, что Эйнджел помогает ему на пути. Как ни страшна будет смерть, умерев, он выйдет из-под контроля магов.

— Я все равно убегу, — сказал великан, и рука Эйнджел покинула его плечо.

— Возможно, ты прав, — ответила она, и Нокс почувствовал, как колдунья улыбается. — Даже я не могу предвидеть вечность.

Они приземлились на леднике. Стояло яркое бесснежное утро, холодный воздух был острым и свежим. Сюда уже пришли тысячи кроутов и рабов. Все они сгрудились вокруг поспешно зажженных костров: готовили рыбу, пили, уже чувствуя какую-то атмосферу празднества. «А почему нет? — подумал Нокс. — Они пришли сюда глазеть на убийство — единственное, что по-настоящему любят».

Ленора соскользнула по боку сокола. Собравшаяся толпа замолкла, уставившись на нее. Лейтенант взглянула на Нокса и кивком приказала спуститься.

— Не заставляй подниматься и стаскивать тебя, — тихо произнесла она.

Нокс вспомнил об оружии, которое у него было. Меч утонул, но все еще остались метательные ножи, праща на поясе, булавы, прикрепленные к ногам... Он спокойно дотянется до них, прежде чем воительница взберется обратно на сокола. Сзади сидит Эйнджел, но даже если она ничего не сделает (вполне возможно, ей понравится схватка между кроутом и Ленорой), лейтенант — слишком сильный соперник для него.

По крайней мере, это будет достойная смерть.

Он упал в сторону, правой рукой выхватил из-за пояса метательный нож, левую бросил вперед, чтобы помочь себе прокатиться по утоптанному снегу. Нокс увидел, как

напряглась Ленора, а затем улыбнулась, когда рука колдуньи сомкнулась вокруг лодыжки воина.

Эйнджел встала на спине сокола, подняв великана высоко в воздух. Нокс отвел руку с метательным ножом наготове.

Он услышал знакомый свист, прежде чем праща отрезала три его пальца по вторую костяшку. Толпа зааплодировала, а лейтенант осклабилась. Нокс вскрикнул и внезапно устыдился своей боли.

— Вот он! — произнесла Эйнджел. — Беглец! Он недалеко ушел. Норила в той стороне, кроут! — Она повернула его лицом к югу, а потом резким движением возвратила обратно. Кровь из пальцев великана веером разбрызгалась по леднику.

— Мы все рабы! — закричал Нокс, но толпа смеялась и улюлюкала. Он удивился, как вообще мог лелеять хоть какую-то надежду.

— Мой брат и я — такие же рабы, — ответила Эйнджел, и крики неожиданно стихли. Она бросила великана на лед, спрыгнула следом и встала ногами по обе стороны от его головы. Он видел ее пятнистую кожу, выдающую возраст, но чувствовал и силу, до сих пор кипящую в колдунье. — Рабы магии, покинувшей нас, — продолжала Эйнджел. — Рабы этого места, рабы нашего изгнания. Рабы нашей мести.

— Убить его! — заорал кто-то.

Поднялся одобрительный вой. Нокс повернулся, оглядел собравшуюся толпу кроутов в поисках знакомого лица, но сейчас они все были для него чужими. Он покинул их меньше дня назад, но уже не принадлежал к своему племени. Он изменился.

— Благословенны вы будете, — сказала Эйнджел, как будто разговаривая с тысячью детей. — Смерть — это все, что вы знаете.

Она наклонилась к Ноксу и, схватив его за грудки, подняла легко, как младенца.

Беглец взглянул ей в лицо. Она росла? Он усыхал? Он должен двигаться, сражаться, бороться! Но сигналы, которые он посылал конечностям, жалкими всхлипами выпа-

дали изо рта. «Просто покончи с этим, — подумал Нокс. — Ну пожалуйста, убей меня». Маг поглядела на него в ответ и улыбнулась, как будто услышав мольбы.

— Ленора! — крикнула Эйнджел. — Ты знаешь, что делать!

Нокс ничего не видел, но слышал. Сокол задвигался на льду, неуклюжий без воздушной стихии. Его огромные ноги с грохотом сжались раз, два, три... А потом громыхнул взрыв, раздался сдавленный вопль толпы. Стало жарко, и облака пара скрыли их искусственным туманом.

— Все готово, госпожа.

— Все готово, — эхом отозвалась Эйнджел. — Предатель, — прошептала она Ноксу и перевела глаза на все растущую толпу.

— Это предупреждение. — Голос мага разнесся по всему склону. — Любого, кто попытается сбежать от моего брата и меня, ждет такая же судьба, а может, что-нибудь похуже. У нас нет магии, но есть знания. Пути и средства. И химикалии. Это Нокс! Смотрите, он живой! И он будет жить вечно!

Эйнджел бросила кроута на лед и встала над грудью беглеца. Ее волосы упали волнами по обе стороны головы, и Нокс впервые увидел ее подлинное безумие, скрытое от толпы. Глаза колдуньи сияли чем-то большим, нежели просто отраженный свет. Рот раскрылся, язык свисал вниз, а губы изогнулись в уродливой усмешке.

— Прими это, — сказала она, засунув какой-то шарик в рот Ноксу. — И это.

Эйнджел ударила его ножом в грудь, чуть выше сердца. Великан заскулил, дернулся вверх, еще больше насаживаясь на лезвие, но маг вытащила нож. Погрузив пальцы в рану, Эйнджел оставила внутри что-то холодное и твердое.

Затем колдунья выпрямилась и с размаха ударила Нокса кулаком в лицо. Его зубы сомкнулись на шарике и раздавили его. Отвратительная на вкус жидкость потекла по языку.

— Положите его внутрь, — сказала Эйнджел, встала и отошла в сторону.

Над беглецом медленно склонилась Ленора. Толпа вновь зашумела, но голоса раздавались как будто за тысячи миль отсюда — тихие, глубокие, беспрестанно карабкающиеся к какому-то апофеозу, который так никогда и не наступит. Посмотрев вверх, Нокс увидел, как первые снежинки висят в воздухе над ним. Просто висят.

«Что это?» — подумал он.

— Я увижу тебя снова, — сказала Эйнджел, и слова ее зазвучали вечностью.

Они оставили его в леднике.

Ленора приготовила яму — достаточно глубокую, чтобы Нокс мог вставать в ней или ложиться, вытягиваясь во весь рост. Лед, нагроможденный сверху, растворили взрывом химического огня. Весь процесс, казалось, занял несколько дней. Ленора двигалась очень медленно, а снежинки так и не упали. По крайней мере, Нокс этого не увидел.

Его мысли... они летели с прежней скоростью.

Ледник оказался далеко не безмолвным. Он стонал. Он ревел. Раз в несколько лет он с грохотом смещался. А в последний зимний день каждого года, когда солнечные лучи ударяли прямо в глетчер, древний лед сверкал бесконечным зеленым полем.

Первые сто лет Нокс провел, стараясь воскресить в памяти свои мечты.

ДЭВИД САНДНЕР

Волшебник Пепла и Дождя

Дэвид Санднер (родился в 1966 году) преподает литературу в Государственном университете Калифорнии, в Феллертоне. Он является признанным знатоком детской фантастики, редактором журнала «Фантастическая литература: критический читатель» и автором «Вершины фантастики» (1996) — научного исследования о фэнтези девятнадцатого века. Время от времени Санднер пишет рассказы и стихотворения. В истории, рассказанной ниже, можно обнаружить влияние известного фантаста эпохи королевы Виктории Джорджа Макдональда. Если бы он жил в наше время в Сан-Франциско, то мог бы написать примерно такой рассказ.

Поскрипывая и шурша скейтбордом, Сара скатилась с горы в туман, напущенный на город Тихим океаном и бухтой Сан-Франциско. Дождь, пролившийся ночью, чисто вымыл улицы, оставив под запаркованными автомобилями масляные разводы цвета радуги, на стеклах — белые полосы, на листьях и скамейках в парке — росу. В убегающих за холмы колеях от машин играли влажные серебристые отблески. Солнечный свет придавал белому туману по-утреннему яркий и одновременно мягкий оттенок.

В наушниках громко играла музыка, окружая Сару ее собственным миром. Пока все вокруг не двигались, она проскользнула мимо ждущих машин и сквозь ряды красных огней. Сара спешила; туман обволакивал ее прохладой, когда она наклонялась при поворотах, раскрывая руки, подобно крыльям. Все утро она безуспешно искала Волшебника Пепла и Дождя. Сара искала его с тех пор, как поговорила с сестрой о ее сне, который та видела три ночи подряд.

Сегодня был день рождения сестры Сары — ей исполнилось тринадцать лет.

— Тебе и сегодня это снилось? — Сара, стоя на верхней ступени лестницы в доме матери, расспрашивала сестру.

Аманда, не отрываясь, глядела на себя в огромное, во весь рост, зеркало в коридоре на верхнем этаже.

Саре было трудно говорить с сестрой, почти невозможно. Аманда не отвечала на вопросы, а если все же говорила, то Сара никак не могла понять, что она имеет в виду.

— Ну давай же, Аманда, поговори со мной, — просила сестра.

Аманда кружилась на цыпочках в любимом вечернем платье матери — синем, расшитом блестками; длинный подол шелестел, задевая стену.

— Мама убьет, если увидит на тебе свое платье.

— У меня сегодня день рождения, — возразила Аманда. Она без конца поворачивалась и наклонялась, рассматривая себя со всех сторон. — Вчера, дорогая моя сестра, — сказала Аманда, имитируя южное, протяжное произношение, — самый красивый мальчик в школе запросто пригласил меня погулять. — Она обернулась, чтобы разглядеть себя сзади. — Кайл собирался расстаться со своей подружкой, — продолжала Аманда, — небезызвестной Марджи Стивенс, только чтобы пригласить меня. Ты можешь в это поверить?

— Аманда, перестань!

Аманда с недавних пор училась в неполной средней школе. Сара знала, что это нехорошо, но ей не хотелось говорить сестре, что в средней школе все станет хуже.

— Я сказала ему: Кайл, я думаю, мне сейчас лучше остаться свободной. Кроме того, я боюсь, что тебе просто придется в конце концов встречаться с Марджи Стивенс. Из жалости к ней.

— Мне очень не нравится, когда ты так себя ведешь.

— Марджи никогда бы и не подумала, что ей могут предпочесть другую. Самая известная девочка в школе и все такое, да она просто была бы в шоке, если бы это случилось. Я даже иногда удивляюсь своему великодушию.

— Аманда, и все же — тебе снился сон? Я серьезно.

Аманда выпустила края платья из рук.

— Я видела сегодня себя! — ответила она. — Другую себя.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Сара.

— Я опять увидела этот сон, проснулась, подошла к окну и увидела там себя. Я помахала себе, чтобы я спустилась и пошла за собой.

— Аманда, ты все шутишь? Прекрати!

«Очень плохо, — подумала Сара. — Не просто сон, а галлюцинация. Или хуже. Все всегда становилось только хуже».

Аманда посмотрела на себя в зеркало, не выражая ни капли удивления.

— Нет, я не шучу, — сказала она.

— Мама послала меня наверх, чтобы попросить тебя одеться, скоро начнут собираться гости на твой праздник. Послушай, — Сара решила рассказать обо всем, — послушай, я собираюсь найти Волшебника и расспросить его о твоем сне, ты согласна? Я надеялась попасть к нему, с тех пор как тебе это начало сниться, но пока не смогла. Но мне нужно поговорить с ним. Я скоро вернусь. Я расскажу ему о том, что ты видишь саму себя, хорошо? А ты повеселись. И ничего не говори маме. И сними наконец это платье. А я скоро вернусь, я обещаю.

Сара спустилась вниз, подобрала свой скейтборд на входе. Она выскользнула из дверей незамеченной. Если бы мама увидела ее, поднялся бы скандал: «Сегодня день рождения твоей сестры, почему ты никогда ничего не сделаешь для нашей семьи, почему ты всегда думаешь только о себе?..» А Сара делала это для сестры. Просто она не обо всем могла рассказать маме.

Сара притормозила скейтборд на тротуаре. Волшебник Пепла и Дождя толкал магазинную тележку в сторону пирожковой на углу улицы. В тележке громоздились бумажные свертки в масляных пятнах, полиэтиленовые пакеты, алюминиевые банки, пластиковые бутылки, спальный мешок, перепачканный сажей. Облака темнели над Волшебником — этим и объяснялась вторая часть его имени. Ка-

залось, дождь следовал за ним по пятам, и, если Волшебник задерживался где-нибудь слишком долго, начиналась морось. Волшебник обычно жил в парке у Золотых Ворот, где гулял по дендрарию и ухаживал за цветами, пока садовники не прогоняли его, или же он попрошайничал на ступенях музея, или обыскивал мусорные бочки, или спал на скамейках.

— Эй, Волшебник! — позвала Сара, махнув рукой.

Он не обернулся.

Сара сняла наушники — в них громко играло соло гитары Лорда Перси, композиция «Крылья Безумия». Наушники теперь висели на шее, и звук превратился в назойливый металлический скрежет. Сара смущалась каждый раз, когда понимала: никто, кроме нее, не слышит того, что было для нее всем, пульсировало в голове, дрожало в теле до самых колесиков скейтборда, целиком заполняло небо. В такие мгновения ее как будто выдергивало из сна, и она сама себя спрашивала, где же реальность? И понимала: нет, того, что знает она, никто больше не знает. Они не поймут, и поэтому нужно вести себя как все, как будто не было этого сна, как будто она не слышала музыку... Но Саре это не всегда удавалось. И это беспокоило ее.

Две недели назад Сара встретила Волшебника. Он сидел, скрестив ноги, в картонной коробке возле старой оранжереи в парке. Из небольшой керамической вазы, стоявшей возле его изорванного рюкзака, струился сладковатый запах ладана. Волшебник жестом попросил Сару присесть рядом и хриплым от виски шепотом предсказал ей сон — тот самый, что теперь уже три дня снился ее сестре. Сара тогда не очень-то поверила, но она достаточно знала о Волшебнике, чтобы запомнить все, что он сказал. Кроме того, Волшебник назвал сестру Сары по имени и описал «нечто», что появится в ее сне, — вплоть до длинного винтообразного носа, двух глаз по бокам головы и двух ртов на том месте, где должны были быть глаза. Волшебник предсказал и то, как оно будет царапаться в окно, и под половицами, и за стенами; как будет проситься, чтобы его впустили. Волшебник все об этом знал.

Теперь он стоял у пирожковой и глядел на перекресток, явно заметив там что-то невидимое Саре. Только она собралась подойти к нему, как трое О-парней повернули из-за угла. Они были в черных спортивных куртках «дерби», коричневых штанах в стиле кантри и грубых ботинках, прозванных говнодавами. Один из О-парней толкнул Волшебника, другой схватил его тележку и вытащил полиэтиленовый сверток из кучи хлама. Волшебник спокойно достал со дна тележки небольшой деревянный предмет, и вдруг произошла вспышка.

Сара не беспокоилась за Волшебника. О-парни сделали ошибку. Но сама она не хотела с ними связываться. Она обернулась и увидела еще двух О-парней, приближавшихся к ней сзади. Что они здесь делали? Они обычно крутились у пляжа и редко заходили так далеко от авеню. Сейчас их было пятеро.

— Эй, ты! — крикнул один из них. — Подойди-ка сюда.

Удивительно, но Сара узнала его. Его звали Джеймс, они вместе учились в седьмом классе. Неужели это было три года назад? Он был ее другом. Очевидно, все изменилось к худшему. Тогда у него были рыжие волосы и брэкеты на зубах. Он носил форму: черная курточка, коричневые рабочие брюки, тяжелые ботинки. А сейчас у него были обычные для О-парней красные глаза — они светились и мерцали. Сара не знала, отчего они так горят у них. Однажды она сидела с Джеймсом в чулане на одной из вечеринок Лауры Уиллард во время игры «Правда или расплата». Они хихикали, и Джеймс был довольно мил. Потом он перешел в другую школу. И должно быть, что-то пошло совершенно не так. Казалось, сегодня все идет ужасно неправильно.

О-парни побежали к ней. Сара ногой подбросила скейтборд в воздух и поймала. Она стояла перед магазином суши и магазином старых книг: ни в том ни в другом невозможно было найти защиту. Оставались только Эльфы. Сара недолюбливала Эльфов — сборище уличных детей, начитавшихся фэнтези, которые жили в заброшенном складе на другой стороне улицы. Вернее, чуть наискосок,

не совсем прямо через улицу. Там была дверь, одна из многих в окрестности, и она вела в узкий проход мимо торговых лавок, каким-то образом достигавший заброшенного склада. Сара никогда не могла правильно воссоздать пространство в уме и понять, где точно находился склад. Где-то посредине квартала... Там, где ничего больше нет.

О-парни приближались быстрее, чем она ожидала. Они разделились на две группы, пытаясь окружить ее, чтобы она не смогла бежать. Они подошли угрожающе близко и приготовились схватить ее. Джеймс говорил что-то о китайцах и пальцами оттягивал уголки глаз, превращая их в щелочки. Он не знал, о чем говорил. Прадедушка и прабабушка Сары со стороны матери были корейцами, а со стороны отца — ирландцами. Сара слышала это все уже не раз, но ее до сих пор обижало подобное обращение, особенно когда оно исходило от знакомых.

— Джеймс, старик, это я, Сара! — воскликнула она, глядя в его горящие глаза. В них светился вопрос: здесь еще есть кто-нибудь? Есть что-нибудь стоящее?

Джеймс остановился в замешательстве. Над его верхней губой росли усы — тонкие, светлые, грязные; на щеках виднелись шрамы от прыщей, и еще у него были жирные волосы, спадающие до плеч. У него было все еще доброе лицо, несмотря на то что он казался чем-то обиженным, загнанным в угол. Он опустил руки. Сара ударила его приятеля скейтбордом ниже колена. Она сделала это по старой дружбе — а то ведь могла бы и прямо по колену. Приятель Джеймса закричал, схватился за голень, повалился на счетчик на стоянке, а с него — на асфальт. У парня будет огромный синяк.

Сара проскочила между двумя припаркованными машинами и кинулась на улицу.

Какой-то взрослый вышел из книжного магазина, чтобы выяснить, что происходит снаружи. Сара подумала, что это их задержит. Но топот Джеймса звучал все ближе за спиной, и остальные О-парни — те, что были с Волшебником на углу, — тоже бежали за ней, безумные, жаждущие разобраться хоть с кем-нибудь. Ведь Волшебника

уже нигде не было видно. Сара выскочила на дорогу перед носом машины — та затормозила со скрипом и возмущенно загудела. На дальнем тротуаре Сара толкнула женщину с сумками, полными покупок, и получила в ответ короткое ругательство.

Облезлая, от руки сделанная надпись на гладкой белой двери просто гласила: «Эльфы». Сара толкнула дверь, и та открылась. За ней был длинный темный коридор. Сколько Сара помнила, ни разу эта дверь не была закрыта. Но люди как будто не замечали надписи и не беспокоили Эльфов. Сара пригнулась и побежала по коридору; дверь захлопнулась за ней. Над самой головой висели огромные трубы, а ноги девочки шлепали по лужам. Она споткнулась в темноте, упала на бетон, содрала кожу на ладонях и намочила джинсы. Сара услышала, как О-парни распахнули дверь позади нее, увидела свет и собственную тень на мокром полу. Она быстро поднялась на ноги.

Сара знала, что коридор приведет ее к большому двору, окруженному высокими стенами, где-то в самой глубине квартала. Солнце проникает туда сквозь окна с цветами за стеклом и сидящими на карнизах голубями; мимо фресок, созданных Эльфами, — они в красках рассказывали истории о своем прибытии на склад, о музыкантах и деревьях.

Сара уже различала впереди тусклый свет. И вот — в конце коридора появилась фигура.

— Кто здесь?

Ее сердце забилось в горле. Сара отчего-то боялась Эльфов и старалась избегать их. Да все они были с причудами! Они пересказывали друг другу длинные отрывки из героической поэзии или диалоги из Монти Пайтона, или изображали целые эпизоды из «Звездных войн», или сравнивали самодельную кольчугу... Сара тяжело сглотнула.

— Черт,— пробормотала она и громко сказала: — Друг Эльфов! — Сейчас не время было подтрунивать над их манерой изображать что-то, чего на самом деле не существует.

— Орки? — спросил голос.

— О-парни, — подтвердила Сара.

До нее дотронулись чьи-то руки, чтобы поддержать. Сперва она запротивилась, но потом увидела вокруг себя Эльфов, выходивших из темноты. Они заполнили весь коридор. Сара позволила им вывести себя во двор и усадить на скамью рядом с дверью.

Аладьюниель — Эльф, окликнувший ее, — отдавал приказы остальным. Многие из них вышли в коридор. Сара не понимала ни слова из того, что они говорили. Они разговаривали на своем собственном, эльфийском языке. Они давали себе имена — воздушные, слишком длинные имена — и произносили их с поддельным британским акцентом. Они одевались, словно беженцы с картин эпохи Возрождения, — в просторные рубашки с волнообразными рукавами, кожаные бриджи и высокие шнурованные ботинки. Их одежда была старой, вся в заплатах и пятнах. Они были худыми, как и все уличные дети. Но за поясом Эльфы носили ножи, и Сара видела, как они дрались, — лучше, чем можно было ожидать. Действительно лучше, хоть она и не хотела признавать этого. О-парни, если у них есть здравый смысл, уже должны были удирать отсюда со всех ног; но они не отличаются сообразительностью...

Эльфы ненадолго оставили ее одну, пока Аладьюниель не появился из коридора и не отдал ей бейсболку — Сара, должно быть, выронила ее, когда споткнулась. Бейсболка была мокрой. Сара опустила взгляд, чтобы осмотреть себя. Непомерно большая армейская куртка с загнутыми рукавами. Джинсы на левом колене порваны — должно быть, во время падения. На ногах — черные, промокшие кеды, и поперек колен, задрав колесики, лежит скейтборд.

Сара запихнула кепку в карман. Руки дрожали. Неужели это было так близко? Наверное, да.

— Спасибо, Эл, — сказала она.

Длинные, ниже плеч, волосы Аладьюниеля украшали разноцветные перья. Вокруг груди у него был повязан красный кушак, а на ремне рядом с ножом висел рог для питья. У него были красные щеки, все в белых и черных точках от прыщей, и большой нос.

Его длинное, костлявое тело казалось неуклюжим, даже когда он не двигался.

— Леди ждала тебя, — сказал Аладьюниель.

Он взял ее за руку и повел мимо фресок на склад, затем вверх по длинной лестнице и дальше — через большую территорию, заваленную кучами старых телевизоров и компьютеров, разбитого стекла и кабелей на полу. Все было покрыто пылью. Наконец они вошли в небольшую опрятную комнату. Пол в ней был выкрашен ярко-красным, на стенах нарисованы неоновые деревья, упирающиеся в необычайно яркое небо. В комнате Сару ждала Леди Джи — правительница Эльфов.

Леди Джи была полной женщиной, самой старшей из всех Эльфов. В ее черных тонких волосах виднелась преждевременная седина. Она сидела в кресле перед компьютером, установленным на рабочем столе. Кресло громко скрипело, когда она откидывалась назад. Ее пухлые руки лежали на подлокотниках; жир свисал с плеч и бугрился под большой, широко посаженной грудью. У Леди Джи было плоское гладкое лицо, широкие скулы, тяжелый подбородок и огромные черные глаза, смотревшие, казалось, в разные стороны. Она источала спокойствие и силу.

Прежде чем выйти, Аладьюниель встал на колени перед Сарой, все еще держа ее руку.

— Ты настоящий друг Эльфов, — сказал он.

— Спасибо. — Сара покачала головой. Что она могла ответить?

Аладьюниель торжественно ей поклонился, положив руку на сердце, и она не смогла сдержать улыбку. Кого они хотят обмануть? Неужели им не наплевать, что остальные думают о них?

Сара никогда бы не смогла так вести себя — хотя бы из опасений, что о ней скажут в школе. Но конечно, Эльфы не ходят в школу. У них даже домов нет. Вот Сара — хотя она постоянно враждует с матерью, у нее все-таки есть место, куда она может вернуться, ее дом. А их дом — вот он. Старый, полуразрушенный склад с блеклыми фресками. Сара вспомнила об этом и расхотела смеяться.

Аладьюниель встал и тихо удалился.

— Здесь только что был Волшебник, — сказала Леди Джи. — Он просил меня сообщить тебе, что он уезжает. Он не уверен, что вы еще сможете увидеться.

— Когда он вернется?

— Нам придется обойтись без него какое-то время. Он едет домой.

— Куда?

— Под море.

Сара взглянула на нее с недоумением:

— Что вы имеете в виду?

— Он устал и хочет поехать домой.

На мониторе компьютера включилась заставка: точка за точкой, экран медленно заполнялся красным глазом без век. Сара покачала головой, думая: «Хорошо, попробую еще раз».

— Как он собирается добраться до дома?

— Он перейдет вброд море.

— Он собирается убить себя?

— Нет, совсем нет. Ну, или почти нет.

Сара опять взглянула на нее с удивлением. Похоже, она никогда не найдет человека, который бы искренне с ней поговорил: ни сестра, ни Эл, ни Леди Джи... И даже Волшебник куда-то подевался!

— Мне нужно было поговорить с ним. Кое-что рассказать. — Сара взглянула на свои руки, не зная, куда их деть, затем стала рассеянно крутить колеса скейтборда. Леди Джи заставила ее почувствовать себя слишком маленькой.

— Может быть, я смогу помочь? — Леди Джи указала на стул: присаживайся. Но Сара по-прежнему стояла.

— Моей сестре приснился сон, — объяснила она. — Волшебник предсказал его.

— Что за сон?

— Она видела монстра.

И Сара описала его: высокий — около десяти футов ростом, — худой, тонкий как палка. Длинный винтообразный нос почти в фут длиной, рыбьи глаза по бокам головы, уста там, где должны быть глаза. И он скребется, чтобы его впустили.

Леди Джи закивала:

— Она видела Старую Тень. Он вернулся. — Она указала на экран компьютера. — Он всегда начеку и ждет своего шанса.

— О чем это вы?

— Мы всегда должны быть готовы к этому. Несмотря на то, что мы слабее, чем в прошлый раз, и возможно, слабее, чем когда-либо. И Волшебника теперь нет. Мы слышим истории, которые возвращаются издалека и предупреждают нас быть готовыми, искать знаки. Эту историю долго будут рассказывать, и все должны играть в ней свои роли.

Если честно, Сара ничего не поняла. Услышать бы все это еще раз — помедленнее...

— Почему он приходит к моей сестре? — Сердце Сары вновь стучало у нее в горле. Она йе до конца верила Леди Джи, но не могла сказать, что не верит ей полностью.

— Она мечтатель, — ответила Леди Джи. — Она достаточно сильна, чтобы открыть путь между этим миром и тем. Своими снами она материализует монстра, если только не будет ему противостоять. Ты должна привести ее ко мне. Мы ей все объясним, поможем сопротивляться ему.

— Да, — сказала Сара, посмев взглянуть в огромные глаза Леди Джи. А почему бы не поверить ей? Поверила же Сара в Волшебника... — Да, — сказала она более решительно, — я приведу ее к вам.

Только после того как Сара ушла, она вспомнила, что не рассказала еще кое о чем. О том, что ее сестра видела себя за окном на улице и звала себя спуститься вниз. Что бы это значило?..

Когда Сара открыла дверь дома, мама стояла в коридоре у телефона. Она подняла руку, чтобы остановить дочь. С заднего двора, из-за двери кухни, до Сары долетели звуки праздника Аманды, смех и крики.

— Мама, что ты имеешь в виду, почему ты больше не хочешь там жить? — Мама Сары разговаривала с бабуш-

кой. Голос был резкий и громкий, раздраженный и взволнованный. Она прикрыла трубку рукой. — Где Аманда? Я думала, она с тобой, — сказала она Саре.

— Ее здесь нет?

— В чем дело, мама? — продолжала мама Сары в телефонную трубку. — Что значит — ты будешь жить в парке? О чем ты говоришь? Это смешно!

— Что происходит? — спросила Сара.

— Бабушка Ребекка не хочет жить в доме, где она жила с дедушкой Джорджем последние двадцать лет. Она говорит, что сейчас, когда дедушка умер, этот дом ей чужой... Алло! Алло, мама, послушай: ты просто пытаешься заставить меня пригласить тебя жить у нас! Да, ты так делаешь. Ты же знаешь, что я не могу. Это шантаж, ты играешь на моих чувствах! Мама, ты не можешь этого сделать!..

— А Аманда ушла? — спросила Сара.

— Да. Мне кажется, я просила тебя утром помочь ей приготовиться к празднику. Алло? Алло?..

Связь прервалась.

— Я найду их, — сказала Сара, открывая дверь на улицу. — Я найду их обеих.

— Подожди, куда ты собралась? Я не могу справиться со всеми этими детьми во дворе. Помоги мне присмотреть за ними. Сара. САРА!

Сара сбежала по лестнице через две ступеньки, бросила скейтборд, вскочила на него и помчалась прочь.

Два года назад Сара убежала из дому. Она две ночи спала в парке, под кустом возле забора. На третий день, замерзшая и голодная, она пришла на пляж, выискивая в кучах мусора, попадавшихся на пути, жестяные банки. Тем утром она проснулась, дрожа, и озноб не проходил весь день. Когда к вечеру темнота заволокла небо и воду и брызги волн из сверкающих стали черными, Сара увидела Волшебника Пепла и Дождя. Она подошла к нему. Он сидел, скрестив босые ноги, перед небольшим костром и смотрел на море. На нем было три изорванных свитера и тяжелая черная юбка поверх серых тренировочных брюк.

Сара знала, кто он такой, но в то время еще не была знакома с ним достаточно хорошо. Волшебник был для нее одним из сумасшедших обывателей, достаточно милым и безобидным, и вдобавок — он часто околачивался с Эльфами. Однако Сара все еще чувствовала себя такой одинокой, такой озябшей. Ей было на все плевать, и она понимала, что может остаться такой навсегда. Это пугало ее. Сара взглянула на Волшебника, дрожа и не зная, что сказать. Она отчаянно хотела, чтобы он сам сказал что-нибудь, чтобы разрядить ситуацию. Конечно же, начал моросить дождь. Облака потемнели, как она и ожидала.

— Тебе нужно почитать, — сказал он.

— Я убежала из дому. — Она крепко обняла сама себя, чтобы согреться.

Он взял свой рюкзак, достал из него полиэтиленовый пакет с орехами и сухофруктами и протянул ей. Сара присела и с жадностью опустошила его. Волшебник Пепла и Дождя дал ей пластиковую бутылку с водой.

— У моей мамы есть правила на любой случай жизни, — объяснила Сара. — Не только относительно учебы, но даже по поводу того, что мне надевать. Что я могу сказать?

Она должна была держать аргументы наготове. Но почему-то теперь они не казались ей убедительными.

Волшебник достал из рюкзака небольшую бронзовую тарелку. Незнакомые символы были вырезаны вокруг ее искусно украшенного обода.

— Что это?

— Это тинка. Читающее колесо, в котором я вижу будущее и прошлое.

Волшебник поставил все это на огонь и посыпал пеплом. Тогда Сара и узнала о происхождении первой части его имени — отчего его прозвали Волшебником Пепла и Дождя. Он выбросил немного пепла из огня в холодный песок, собрал его вместе со старыми обертками и кусками детских игрушек, насыпал на колесо и установил тинку на углях. Сара слышала, что он мог прорицать, но никогда не видела, как он это делает. Он взял ее руку и держал над тарелкой. Взволнованная, она сопротивлялась, но не

сильно. Он произносил слова, которые она не понимала, а потом отпустил ее руку.

— Что вы делаете?

Он поднял тарелку и потряс ее, дав пеплу и песку раскрошиться и рассыпаться по тарелке. На колесо упали капли воды, распугивая пепел.

— В зависимости от того, как пепел распределится поперек символов, как потечет вода, изгибы и трещины расскажут историю. Все рассказывает историю.

Сара подалась вперед, чтобы посмотреть.

— Да, — сказал Волшебник, — я вижу.

— Там что-нибудь говорится о моей маме? Что я должна делать?

Волшебник взглянул Саре в глаза:

— Там история твоего отца. Он сожалеет, что был вынужден умереть.

Ее отец умер за год до этого.

Волшебник вывалил пепел обратно в песок и сидел, напевая что-то непонятное. Сара отошла в сторону. Она еще долго сидела на берегу, наблюдая, как волны поднимаются, набегают на песок и снова пятятся в море. Начался моросящий дождь. Тогда Сара отправилась домой и договорилась с мамой о правилах, которые устраивали их обеих.

Сара нашла сестру и бабушку Ребекку в парке на скамейке, рядом с озером. Они ели бутерброды с огурцом и сливочным сыром. На бабушке было красивое выходное розовое платье с кружевными манжетами и черные лаковые туфли. А еще — синий синтетический спортивный костюм.

Солнце уже касалось верхушек деревьев. Еще немного, и оно сядет в море.

Это были спокойные часы до заката. В парк вышли любители поздних прогулок, несшие упаковки хлеба для уток. К ним присоединялись вечерние бегуны и хозяева, гуляющие с собаками. Ветер подул с океана — ночью он нагонит туман. Деревья покачивались, столпившись у берега, а те, что стояли одиноко, будто переминались с ноги на ногу. Утки жалобно крякали, когда ветер уносил их хлеб и ерошил перья.

— Здравствуй, дорогая, — приветствовала Сару бабушка, пододвинулась к Аманде и похлопала по скамейке. — Хочешь кусок моего бутерброда?

— Я принесла бутерброды, — сказала Аманда с полным ртом.

— Ну конечно же, ты принесла мои любимые.

— У меня есть один для Сары. Вот здесь. — Аманда кивнула на маленькую сумку, стоявшую у нее в ногах.

— Бабуля, что ты здесь делаешь? — Сара подошла ближе и встала перед бабушкой.

— О, дом слишком большой. Он весь наполнен книгами Джорджа, и они вытесняют меня. Я не могу дышать. Это действительно был дом Джорджа. Я просто гостила там у него.

Сара не верила бабушке, но все-таки понимала ее:

— Там все напоминает тебе о нем, правда?

Бабушка кивнула:

— Да, я думаю, и это тоже.

— Ты серьезно собираешься спать здесь?

Бабушка подняла сумку и достала из нее другой бутерброд:

— Да, прямо на этой скамейке.

— Это опасно.

— Ты начинаешь говорить, как твоя мама.

Сара присела, взяла бутерброд с огурцом и сливочным сыром. Скамейки стояли вдоль асфальтовой дорожки вокруг озера. Вечером все они будут заняты, одна за другой. Может быть, кто-то более сильный даже прогонит бабушку.

— Кроме того, — сказала ее бабушка, — у тебя тут есть друзья, верно? Например, Волшебник. Может, он присмотрит за мной.

— Он уехал, — ответила Сара. — И он не вернется.

— О, прости, дорогая...

— Он знал о моем сне, — сказала Аманда вновь с набитым ртом.

— О каком сне? Ты не говорила мне, что тебе приснился сон. Твоя сестра, — обратилась бабушка к Саре, — ничего мне больше не говорит. Она сидит вот здесь, жует и отказывается отвечать на мои вопросы. Она обсуж-

дает только то, о чем сама хочет говорить: кто во что одет, о собаках... — Ребекка покачала головой.

— Я тоже не могу больше поговорить с ней, — сказала Сара.

Аманда жевала и смотрела на озеро, притворяясь, что ничего не слышит.

— Я видела во сне монстра, — сказала она безразлично. — Видела один и тот же сон снова и снова.

Бабушка Ребекка была поражена.

Сара вновь описала это чудовище.

— Мне тоже снился этот сон! Этот же самый сон. Но я велела ему оставить вас в покое. Он сказал, что, если я отвечу «да», он оставит вас в покое. Вашу маму, всех вас...

Сара пристально посмотрела на бабушку. Та нервно дергала вверх-вниз застежку-молнию на куртке. Только Аманда, кажется, оставалась безмятежной после такого признания.

— Когда это произошло? — спросила Сара.

— Когда я была маленькой девочкой и никто из вас еще не родился. Но он сказал, что придет за вами, если я не отвечу «да». Он хотел попасть в этот мир. Моя мама предупреждала меня. Он приходил к ней. Он сказал, что, если я скажу «нет», он придет к моим дочерям и дочерям моих дочерей. Я была вынуждена сказать «да». Я думала, что должна была...

— И тебе никто не мог помочь? Эльфы, например?

— Эльфы? — переспросила бабушка. — Они до сих пор существуют в этом мире? Я думала, что они все ушли. Под море или что-то вроде этого...

— А вот и мама, — сказала Аманда.

Они все обернулись. Мама Сары шла быстро, короткими шагами, ее руки были сложены на груди.

Встревоженная, она остановилась перед ними. По ее лицу было видно, что она не знает, с чего начать. Все ее покинули!..

— Хочешь бутерброд? — прервала молчание Аманда. — У меня есть один для тебя.

— Аманда, у тебя сегодня день рождения. — Голос мамы Сары дрожал. — Твой праздник испорчен.

Глаза мамы выражали страдание, рот был маленьким, уголки губ опущены вниз, плечи напряжены. На ней было длинное темное ситцевое платье и синий свитер.

— Ты же знаешь, я так много работаю для нашей семьи. Почему же никто из вас ничего не делает? Почему никто даже не пытается?

Мама Сары поставила руки на бедра.

— Мама,— обратилась она к бабушке Сары,— ты таким образом пытаешься получить то, что тебе нужно. Я говорила, что не могу позволить тебе остаться у нас. Ты же знаешь, что я воспитываю двоих детей одна. Я очень устаю.

Она часто-часто заморгала. Глядя на нее, Сара вспомнила себя два года назад, когда встретила на пляже Волшебника.

— Сара... — Ее мама замялась и поглядела в сторону. — Сара, я просила тебя остаться дома. Отведи сестру домой. Я должна поговорить с вашей бабушкой с глазу на глаз.

Сара встала, взяла Аманду за руку и потянула. Мама Сары тяжело опустилась на скамейку и заплакала. Ее плечи затряслись. Мама часто плакала с тех пор, как три года назад умер отец. Бабушка Ребекка обняла ее.

Сара ушла вместе с сестрой, но только не домой. Она повела сестру к Эльфам.

Сара повела сестру через парк, мимо Японского сада, Музея искусств Азии и Академии наук. Она держала в одной руке скейтборд, а в другой — руку сестры. Как раз перед выходом из парка два О-парня преградили им дорогу. Один из них оказался Джеймсом; его глаза в сумерках горели красным. Сара опять изумилась, отчего они так сияют? Куртка «дерби» Джеймса была на несколько размеров больше и болталась на его худощавом теле. Второй парень выглядел еще моложе: косолапый, в разорванной белой футболке и без куртки. Младший все время нервно оглядывался и дергал за футболку, то распрямляя ее, то комкая. Он не мог стоять спокойно, глаза бегали в темноте. Позади них развертывались улицы города, за деревьями проносились машины.

— Куда вы направляетесь? — спросил младший.

— Она может пройти, — сказал Джеймс. Он не смотрел на Сару. Его рябое лицо было сердитым, он засунул руки в карманы и отошел с дороги.

— Никого нельзя пропускать ни туда, ни обратно, — возразил младший, указывая на девочек.

— Заткнись, — ответил ему Джеймс. Он напрягся, стиснул зубы и взглядом заставил младшего опустить глаза.

И тот освободил дорогу.

Сара повела сестру за собой и остановилась, когда они проходили мимо Джеймса.

— Спасибо, — сказала она.

— Да пошла ты... — ругнулся он в ответ. — Убирайтесь быстрее.

Сара ухмыльнулась и потянула Аманду за собой.

— Посмотри, какие линзы, — сказала она. — Так страшно.

Встреча действительно напугала ее. Сара решилась заговорить, чтобы О-парни почувствовали себя хоть немного заодно с ней и не побежали следом.

— Это не линзы, — ответил Джеймс.

— Что он имеет в виду? — спросила Аманда.

— Тихо, — буркнула Сара.

— Кто они?

— Тихо.

За два квартала от парка Сара и Аманда натолкнулись на группу Эльфов во главе с Аладьюниелем.

— Хорошо, что вы не попались на глаза О-парням, — сказал Аладьюниель. — Они повсюду. Они вновь собираются в длинный сумрак. Нас отправили на ваши поиски. Леди Джи сказала, что ты приведешь сестру.

Аладьюниель преклонил колени перед Амандой.

— Сестра Сары — наша сестра, — сказал он. — Именую тебя другом Эльфов. — И он склонил голову. Остальные Эльфы положили руки на сердце.

— Друг Эльфов, — сказали они хором.

Аманда захихикала. Сара оглянулась в замешательстве. Никто из прохожих, идущих по делам или на поздний ланч, казалось, ничего не заметил. Никто как будто даже не видел Эльфов. Может, люди просто думают, что те идиоты, и не обращают внимания?

— У нас нет на это времени, Эл, — сказала Сара, не зная, так ли это. — Отведи меня к Леди Джи.

Когда Аладьюниель препроводил Сару и Аманду к Леди Джи на второй этаж склада Эльфов, Леди была не одна: Волшебник Пепла и Дождя сидел рядом во вращающемся эргономичном кресле.

— Я слышал, что ты искала меня, — обратился Волшебник к Саре. На нем было множество поношенных свитеров без пуговиц, испачканные джинсы и не было обуви. Его волосы с сильной проседью свешивались на плечи. Загорелое лицо выглядело обветренным, как у людей, которые много времени проводят на улице. На щеке возле правого уха был длинный шрам. Его дубинка, сучковатая и черная, лежала на коленях. Позади Волшебника и Леди Джи стоял компьютер с включенным монитором, который, точка за точкой, заполнялся красным глазом без век.

— Ох, как хорошо! Я думала, что вы...

Сара захотела крепко обнять Волшебника, хотя они никогда прежде не обнимались. За исключением того случая, когда он держал ее руки над тинкой, они никогда даже не прикасались друг к другу.

— Ты искала меня, поэтому я вернулся, чтобы помочь тебе, — сказал Волшебник. — Я полагаю, у меня есть роль, которую надо исполнить. — Он вздохнул. — История может быть такой требовательной.

Сара рассказала Леди Джи и Волшебнику о том, что поведала ей бабушка. Никто из них ничуть не удивился. Волшебник просто кивал.

Леди Джи подалась вперед к Аманде:

— Все в порядке. Ты не могла знать.

Потом Сара заметила, что Аманда плачет.

— Что с тобой, Аманда?

— Она уже сказала «да», — ответила вместо нее Леди Джи. — Сегодня утром.

— Я прочитал это, — сказал Волшебник, — в колесе.

— Мне очень жаль, — быстро и тихо произнесла Аманда. — Другая я — та, которая из сна, — отвела меня в парк, когда ты ушла. Перед тем как я увидела бабушку. К дере-

вянному мосту у озера в дендрарии. Другая я стала монстром или кем-то еще... И если бы я сказала «да», она бы оставила меня в покое, и я согласилась. — Аманда вновь взяла Сару за руку. — Пожалуйста, не уходи больше. Мне так жаль. Я знаю, что должна была дождаться тебя.

— Монстр покоится, ждет часа восстать против нас, — сказала Леди Джи.

— Я прошу прощения, — опять повторила Аманда. — Пожалуйста.

— В последнее время ты вообще со мной не разговаривала, — сказала Сара, — а сейчас ты боишься, что я оставлю тебя?

— Аманда, — сказал Волшебник, — я уже сталкивался с подобными случаями много раз, и из всех мечтателей только один сказал «нет». Все в порядке. История сама идет своим чередом. Так всегда происходит. Она не дала мне попасть домой, не так ли? И ты выполнила свою роль. Все хорошо. Вместе мы справимся.

Аманда не отводила взгляда от Сары:

— Пожалуйста...

Сара вздохнула и вытерла слезы с щек Аманды:

— Конечно, я останусь.

Поймет ли она когда-нибудь сестру? Наверное, никогда. И Сара крепко обняла ее.

Аманда, все еще держа Сару за талию, обернулась к Леди Джи.

— Я все еще друг Эльфов? — спросила она.

— Конечно.

«О господи! — подумала Сара. — Не зависай с Эльфами. Пожалуйста, нет!»

— Идем, — сказала Леди Джи. — У нас не так много времени до наступления сумерек. Мы должны быть готовы идти в парк, в дендрарий.

— К мосту? — спросила Сара.

— Да. Туда, где собираются О-парни. И тогда история будет завершена.

Эльфы направились в парк после наступления темноты, рассеявшись по нескольку человек. Почти сразу они

встретили группы О-парней. Были стычки, хотя Сара и не видела их оттуда, где находилась. Она шла в конце основной группы вместе с сестрой, Леди Джи и Волшебником. Но по большей части О-парни отступали, когда Эльфы подвигались вперед, будто приглашая их следовать, показывая путь. Они вошли в дендрарий около полуночи. Открытая территория, обнесенная забором, занимала две мили. Кроме О-парней и Эльфов, в парке больше никого не было. Должно быть, О-парни прогнали остальных бездомных прочь. Аманда помогла сестре перелезть через забор. Она не видела, как с этим справилась Леди Джи.

— Мама нас убьет за то, что мы так поздно не возвращаемся домой,— сказала Аманда, спрыгнув на другую сторону.

— Если монстр не убьет нас быстрее,— ответила Сара.

Сестра тревожно взглянула на нее.

— Это шутка,— успокоила Сара.

Возле входа в дендрарий стояло старое дерево на большом открытом участке. Эльфы считали его священным. Каждый из них дотронулся до ствола и произнес слово на эльфийском языке, прежде чем пройти дальше — к тропинке через поле, спускавшейся к озеру. Эльфы нашли О-парней, собравшихся в кучу на дальнем берегу. Их глаза светились ярко-красным при лунном свете. Казалось, они что-то распевают низкими гортанными голосами. От этих звуков у Сары мурашки побежали по телу. Она не могла оторваться от этих глаз — мечущихся, мерцающих, пристально глядящих на Эльфов.

Деревянный мост соединял берега озера в узком месте посредине. Эльфы собрались на одной стороне, О-парни ждали на другой, выкрикивая колкости. Эльфов было совсем немного — едва ли половина от количества О-парней в грубых черных ботинках. Как только О-парни начали кидать камни, с пруда улетели утки. Эльфы уклонялись от летящих снарядов, и те шумно падали на землю и в воду. Полная луна, сияя из-за тумана, делала мир сверкающим, светлым. Казалось, что деревья, подняв ветви, словно руки, покачиваются в медленном танце и ждут, что же сейчас произойдет.

Сара попыталась найти Джеймса среди О-парней, но не смогла различить его в толпе. Она была удивлена, когда сзади к ней подошла бабушка.

— Ба, что ты здесь делаешь?

— Я бы ни за что этого не пропустила.

— Как ты скрылась от мамы? Она позволила тебе просто остаться в парке?

— Ну, я согласилась остаться у вас дома ради нее.

— Да? — Сара в замешательстве потупила взор.

— Я ускользнула на улицу, пока она не видела. Я не встречала Эльфов тысячу лет. Не правда ли, они чудесны?

— Да, они замечательные, — ответила Аманда.

Сара посмотрела на них. «На самом деле — нет», — подумала она. Хотя они и стоят смело в своих непомерных рубахах с волнистыми рукавами, на вид не боясь О-парней, значительно превосходящих числом. Но все же...

— Но где же монстр? — спросила Сара Волшебника, сидевшего неподалеку на старом пне.

— Под мостом, — ответил Волшебник и улыбнулся бабушке Сары. — Привет, Ребекка.

Она улыбнулась в ответ. На ней было пальто, но на ногах — домашние шлепанцы, а из-под подола пальто торчал край ночной сорочки. Как она перелезла через забор?

Волшебник засмеялся, когда начался моросящий дождь. Он поймал несколько капель языком.

— Пора заканчивать это, — вздохнув, сказал Волшебник и встал. — Прощайте, Аманда, Ребекка, — он пожал их руки, — прощай, Сара. Если я снова понадоблюсь тебе, ищи меня на Западе, далеко отсюда.

— Что ты собираешься делать? — спросила Сара.

— Увидишь. — Волшебник взял обе ее руки в свои и крепко сжал.

Затем он развернулся и направился к мосту. «Его же побьют камнями!» — подумала Сара. Но вместо этого О-парни затихли, прекратили кричать, двигаться и просто смотрели.

Дождь усилился. Казалось, он усмиряет О-парней.

Волшебник выглядел более пожилым и уставшим, чем когда-либо видела Сара. Он очень медленно и осторожно,

опираясь на длинную палку, ковылял по тропе, ведущей вниз к мосту. Ступив на мост, он остановился и склонил голову, почти уронил ее на свою дубинку. Все его свитеры обвисали на нем, становясь под дождем все тяжелее и тяжелее.

Прошло немного времени — и монстр показался из-под моста. Длинная, костлявая рука высунулась и ухватилась за край; затем чудовище подтянулось и осмотрелось одним рыбьим глазом. Аманда взяла Сару за руку, когда монстр положил вторую лапу на перила и вытащил себя из сна в этот мир. Некоторое время он стоял за перилами, глядя на Волшебника, а затем перескочил их и приземлился на мосту. Сара невольно отступила на несколько шагов. Монстр был футов десять высотой и имел длинный, неправдоподобный, нелепый винтообразный нос. Два его рта, находившихся на месте глаз, скрежетали зубами и гримасничали. Сара не могла ни дышать, ни двигаться.

Волшебник казался ужасно маленьким и беззащитным перед монстром. В рваных лохмотьях, босой, он держался за дубинку, точно боясь упасть. Волшебник Пепла и Дождя взглянул на монстра, громоздящегося над ним. Монстр вытянул длинные костлявые пальцы; острые когти показались будто из кошачьих лап. Именно так все и снилось бедной Аманде. Сара подумала, что, приснись это ей, она бы, наверное, тоже сказала «да», чтобы побыстрее избавиться.

Монстр осторожно приблизился к Волшебнику Пепла и Дождя. Это напомнило Саре, что у Волшебника есть собственная сила, хоть она и не всегда проявляется. Волшебник поднял дубинку, и откуда ни возьмись налетел ветер. Он дул с огромной силой, и вся она фокусировалась на монстре, нанося ему удары, отталкивая его. Он хватал воздух ртами, а затем прыгнул вперед. Неуверенно приземлившись перед Волшебником, он ударил его и сбил с ног. Волшебник дотронулся до ноги монстра дубинкой, и произошла вспышка. Ослепленные, все были вынуждены отвернуться.

О-парни закричали, требуя крови. А Эльфы, до этого мига непреклонно молчаливые, начали петь на эльфий-

ском языке. Мелодия, которую они выводили высокими голосами, заставила Сару похолодеть. Она знала, что они тоже требуют крови и не отступятся.

Когда Сара вновь могла видеть, монстр и Волшебник, стиснув друг друга в объятиях, боролись внутри небольшого вихря, окружавшего только их. Листья, вода, грязь и маленькие камни кружились вокруг них в воздухе. Вдруг оба поскользнулись, навалились на перила и упали через них. Волшебник и монстр грохнулись в воду с громким всплеском и шипением пара и пропали из виду. Ветер утих, волны на озере успокоились. Пар рассеялся, и даже дождь превратился в морось, а затем и вовсе прекратился.

Первыми замолчали О-парни. Затем Эльфы прекратили пение. Несколько уток вернулись на дальний край пруда и громко закрякали. Все закончилось.

— Что произошло? — спросила Аманда.

— Они вернулись через отверстие в спах, — сказала Леди Джи, — под мостом.

Леди Джи собрала Эльфов, и они пошли через мост, чтобы атаковать О-парней. Тех до сих пор было больше, но их сердца уже дрогнули. Некоторые из них подошли к краю воды, чтобы посмотреть на себя. Другие кидали камни в Эльфов, но большинство побежали прочь, бросив куртки.

Эльфы легко выгнали О-парней из дендрария: кого-то били палками, кого-то хватали. Им даже не пришлось доставать ножи. Сара, ее сестра и бабушка стояли рядом с Леди Джи, которая правила Эльфами строго по-военному, раздавая приказы, собирая пленных. Вдруг двое Эльфов подвели к Саре О-парня — это был Джеймс.

— Он говорит, что он твой друг, — сказал один из Эльфов.

Сара посмотрела на Джеймса. Разбитая в кровь губа, и сам — весь в пыли и листьях после валяния на земле. Его глаза потускнели, красный цвет потерял свой накал, перегорел. Сара подумала, что он снова выглядит почти как человек.

— Да, отпустите его, — сказала она.

— Мы свели счеты, — угрюмо сказал Джеймс, вытирая губу. Его взгляд опасливо метнулся в сторону Эльфов.

— Да... — Сара помедлила. — Джеймс, если ты...

Но он отвернулся и зашагал прочь, не сгибая рук, не разжимая кулаков. Один из Эльфов последовал за ним.

— Что произойдет с О-парнями? — спросила Сара у Леди Джи.

— Они больше не О-парни. Некоторые из них станут Эльфами.

— Правда?

— Да. И возможно, даже твой друг.

Сара поглядела вслед Джеймсу:

— Я не знаю...

— Это может потребовать времени. — Леди Джи пожала широкими плечами. — А у меня его предостаточно.

Бабушка Сары взяла ее за руку.

— Все кончено, — сказала она. — Пора вам, девочки, обеим идти домой, в кровать.

Рука в руке, они шли домой в холодной ночи и, смеясь, вспоминали свои приключения.

— Волшебник, — Сара посмотрела на бабушку, — что же будет с ним?

— Ты когда-нибудь читала книгу, которую так любят Эльфы?

— Да, — кивнула Сара.

— Ты помнишь, что там случается с Волшебником?

Сара вновь кивнула.

— Я бы не беспокоилась о нем, — сказала бабушка Ребекка. — История всегда повторяется.

Когда они пришли домой, свет все еще был включен. Мама Сары со стуком переставляла банки в кухонном буфете. Часы на входе показывали четыре утра.

— Пойду-ка я скажу ей, что с нами все в порядке, — решила Сара.

— А я лучше пойду спать, — сказала бабушка Ребекка. — Я думаю, она и не знает, что я уходила. И заодно уложу Аманду.

Аманда почти спала на ходу, но была счастлива: она больше не увидит жутких снов. Бабушка Ребекка на руках

понесла ее наверх. Сара глубоко вздохнула и вошла на кухню:

— Привет, мама.

Мама Сары оторвала взгляд от пустого шкафа.

— Мне очень жаль, что мы так поздно задержались на улице, — извиняясь, произнесла Сара. — С Амандой все хорошо.

— Все в порядке.

Сара прищурилась:

— Правда?

— Ваша бабушка объяснила, что произошло. Я знаю, что вам нужно было пойти.

Сара, ошеломленная, внимательно посмотрела на нее.

— Я почистила все шкафы, положила новую бумагу, наклеила ярлыки на все банки...

— Мама, сейчас четыре часа утра.

— Я немного волнуюсь. Я... я... я так счастлива, что со всеми вами все в порядке. — Мама в волнении потирала руки. — Жаль, что вы не рассказали мне. Очень жаль, — сказала вдруг она.

— Мам, это тебя не успокоило бы.

— Я делаю все для этой сем... — Мама остановилась, стиснула пальцы, чтобы прекратить их движения, дотронулась до губ. — Хорошо, хорошо, — сказала она, — я знаю, что это нелегко, но могли бы вы хоть попытаться?

Сара видела, что мама очень старается сдержать себя.

— Да, — сказала Сара. — Я буду. Я обещаю.

— Ваша бабушка переехала к нам.

— Правда? — Сара взглянула через плечо. Бабушка уже давно ушла наверх.

— На некоторое время, совсем ненадолго.

— Хорошо, — сказала Сара.

— Я горжусь тобой, — сказала мама, — ты знаешь это? Ты становишься красивой молодой женщиной.

Сара улыбнулась:

— Спасибо.

— Я думаю, завтра ты расскажешь мне о вашем замечательном приключении. Но только завтра, когда отдохнешь.

Сара шагнула вперед и взяла одну из банок, разбросанных по столам на кухне.

— Я должна с этим закончить, — сказала мама.

— Мам, уже слишком поздно, иди спать.

— Я слишком волнуюсь.

— Ну хорошо, давай я помогу тебе, — предложила Сара.

— Отлично, ты сможешь рассказать мне о том, что произошло сегодня ночью.

— Идет, — ответила Сара, — но ты удивляешь меня. Мама, как же получилось, что ты знаешь об этом?

— Сара, — мама посмотрела на нее, улыбаясь, — я именно та, которая сказала «нет». Та единственная. Думаю, Волшебник рассказывал.

«Моя мама — мечтатель? Кто бы мог подумать!..»

Они проговорили всю ночь, даже когда покончили с уборкой на кухне.

А утром они приготовили на всех вкуснейший завтрак.

МЭРИОН ЦИММЕР БРЭДЛИ

Идущий Позади

Мэрион Брэдли (1930—1999) публиковала короткие рассказы начиная с 1952 года, а ее первая книга, «Дверь сквозь космос» («The Door Through Space»), вышла в 1961-м. Но известность писательница получила только после выхода в 1982 году книги «Туманы Авалона» («Mists of Avalon»), где воспроизвела мир короля Артура. Четыре месяца подряд эта книга оставалась в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Ранние работы Брэдли написаны в виде инопланетных приключений, в духе Ли Брэкет и С. Л. Мур; они включают в себя длинную серию «Darkover», действие которой происходит на другой планете, где существует магия. После успеха «Туманов Авалона» Брэдли написала еще несколько исторических фэнтези, таких как «Пожарище» («The Firebrand», 1987), где сюжет переносит нас во времена Троянской войны, и «Лесной дом» («The Forest House», 1993), который описывает Британию во времена римских завоеваний. Позже эта книга влилась в серию об Авалоне под названием «Леса Авалона» («Forests of Avalon»), ее продолжили «Леди Авалона» («Lady of Avalon», 1997) и «Жрица Авалона» («Priestess of Avalon», 2000).

Можно сказать, что на фоне подобных успехов коротким произведениям Брэдли часто не доставалось заслуженного внимания. Ее перу принадлежит также серия рассказов про женщину-адепта, Литанду. Некоторые из них вышли в сборнике «Литанда» в 1986 году, но тот, что вы держите в руках, в сборник не попал.

...Как путник, что идет в глуши
С тревогой и тоской —
И закружился, но назад
На путь не глянет свой.
И чувствует, что позади
Ужасный дух ночной[1].

Той ночью Литанда услышала за собой шаги на дороге; они едва отставали от звука ее шагов, так что при желании она могла принять их за эхо. Шаг-тихо-шаг и потом, после небольшого промедления, шаг-тихо-шаг, шаг-тихо-шаг.

И поначалу Литанда действительно сочла их за эхо, но, когда она остановилась, чтобы вслушаться, в тишине прозвучало еще по меньшей мере три шага.

Шаг-тихо-шаг, шаг-тихо-шаг...

Значит, не эхо: кто-то или что-то преследует ее. В мире Двойного Солнца, где магия встречалась едва ли не на каждом повороте, чаще следовало ожидать недобрых встреч. За долгую жизнь, равную по меньшей мере трем обычным человеческим, Литанда нередко имела дело с волшебством; при необходимости она легко вживалась в роль насмного колдуна-охотника, адепта Синей Звезды, а по зову сердца становилась менестрелем. Но с раннего возраста она научилась считать доброжелательную магию диковинкой, а уж на своей-то доле испытывала ее и вовсе нечасто. Литанда прожила так долго благодаря отточенным инстинктам, и сейчас они твердили, что звучащие позади шаги не предвещают ничего хорошего.

Пока Литанда не представляла, кто идет за ней. Самым простым было предположить, что кто-то из последнего на ее пути города затаил обиду — вполне возможно, и вовсе без причины, просто из-за недоверия, часто питаемого смертными к магии и колдунам, что не являлось редкостью в Старом Гандрине, — и решил взять правосудие в свои руки и избавиться от носителя упомянутой магии. Такое случалось сплошь и рядом, и Литанде на своем веку приходилось иметь дело с убийцами-недоуч-

[1] *Сэмуэл Тейлор Колридж.* Поэма о старом моряке. Пер. Н. Гумилева.

ками, которые считали, что положат конец существованию волшебства, если прикончат волшебника; и как бы ни сильна была магия адепта, даже с ее помощью после удара ножом в спину не оправиться. С другой стороны, и разобраться с подобными покушениями не представляло особой сложности. Воткнуть Литанде в спину нож еще никому не удавалось.

Поэтому Литанда сошла с дороги и потянула из ножен один из двух своих кинжалов — простой клинок с белой рукоятью, который носила для обороны от опасностей материальных, что всегда подстерегали в пути, — убийц, воров и разбойников. Она закуталась в облачно-серые складки колдовской мантии, сделавшей ее похожей на неразличимую в ночной темноте тень, и стала поджидать, пока преследователь не поравняется с ней.

Но события развивались не так гладко. Шаг-тихо-шаг, и шаги затихли; таинственный преследователь заметил, что она остановилась. Литанда и не рассчитывала, что все решится просто. Она втолкнула в ножны кинжал, замерла и потянулась натренированным чутьем к незнакомцу.

Сперва она почувствовала легкое электрическое покалывание в Синей Звезде на лбу и несильный, почти безболезненный треск в голове. Про себя ощущение она переводила как запах волшебства. Кто бы за ней ни следил, он оказался вовсе не такой простой и легко устраняемой угрозой, как убийца с ножом.

Литанда вытянула нож с черной рукоятью из ножен на левом боку и, ступая как призрак или тень, вернулась по своим следам. Этот нож предназначался для сверхъестественных угроз и годился для любой нечисти, начиная с призраков и заканчивая оборотнями; только им она могла бы убить себя, если бы вдруг устала от жизни.

К ней навстречу неровными, но плавными шагами скользила темная тень, и Литанда высоко занесла нож с черной рукоятью. Женщина-адепт с размаху метнула кинжал, отблеск зачарованного клинка исчез в густой тьме. Раздался отдаленный жуткий крик; казалось, что он исходит из невероятно далекого призрачного мира. У Литанды кровь застыла в жилах, а Синюю Звезду пронзила

вспышка боли. Когда крик с содроганием затих, Литанда ощутила, как вернулась в руку черная рукоять, но в блеклом свете луны с удивлением разглядела, что клинок исчез, лишь капли расплавленного металла падали на землю и таяли.

Кинжал, которым она перебила несчетное количество призраков и прочих потусторонних врагов, таинственным образом потерял лезвие. Судя по ужасающему крику, Литанде все же удалось ранить преследователя; но как убить существо, которое сумело поглотить заколдованный нож? Обладая таким могуществом, вряд ли оно легко расстанется с жизнью.

И если черный нож не смог его убить, то едва ли с ним справится любое заклятие, которым она на данный момент располагала. Возможно, ей удалось его отпугнуть, но у Литанды не было уверенности, что она избавилась от преследователя насовсем. Без сомнения, стоит продолжить путь, и тень последует за ней и рано или поздно снова нагонит на пустынной дороге.

Но сейчас она истощила свои защитные меры. Более того — Литанда зло осклабилась на черную рукоять в руке,— напрасно потеряла оружие, которое никогда ее раньше не подводило. Необходимо заменить зачарованный клинок, прежде чем снова пускаться бродить по Старому Гандрину в темноте.

Хотя Литанда на своем веку исходила немало дорог и не боялась ничего, что может встретиться на пути в обычную ночь, все же разумнее пока убраться с открытого места. Неожиданности, которые поджидают похожих на нее колдунов-охотников, редко оказываются из разряда обычных.

Она зашагала в темноту, прислушиваясь, не раздадутся ли за спиной запинающиеся шаги. Но до нее доносились лишь смутные отдаленные шорохи. Удар кинжалом и крик означали, что хотя преследователя она не уничтожила, но все-таки отогнала на время в какое-то неведомое место. Помер он там или решил поохотиться на добычу попроще, Литанда не знала, да и не хотела знать.

Самым важным сейчас было найти убежище. Литанда путешествовала по этим дорогам уже много лет и помни-

ла, что довольно давно где-то неподалеку находился постоялый двор. Никогда ранее она там не останавливалась из-за неприятных слухов о постояльцах, которые либо исчезали после проведенной там ночи, либо покидали его совсем не похожими на себя. Литанда всегда старалась обходить его стороной. Слухи ее не волновали, но она сумела продержаться в Старом Гандрине так долго лишь потому, что свято соблюдала первое правило выживания: не заботиться ни о чем, кроме собственных интересов. В редких случаях, когда любопытство или жалость побуждали ее вмешаться в чью-то судьбу, Литанда не раз успевала об этом горько пожалеть.

Но возможно, неведомая рука судьбы привела ее сюда, чтобы расследовать наконец слухи. Литанда окинула взглядом темную, не освещаемую даже лунным светом дорогу и заметила вдалеке слабый огонек. Что бы ее там ни ждало — постоялый двор с дурной репутацией, костерок охотников или логово дракона-оборотня, — Литанда решила, что поищет пристанища на ночь. Последний клиент, возжелавший услуг колдуна-охотника (тот, что заплатил за избавление от призраков в родовом особняке), наградил ее достаточной суммой, чтобы провести ночь в самой роскошной гостинице, так что, даже если не удастся получить заказ, чтобы сократить плату за постой, денег ей хватит. К тому же с лютней за спиной она скорее всего сумеет заработать на ночлег и еду пением: в этих местах менестрели встречались редко.

После нескольких минут быстрой ходьбы мутный свет превратился в ярко горящий фонарь над вывеской, где изображалась старуха верхом на свинье; надпись над рисунком гласила, что постоялый двор называется «Ведьма и боров». Литанда хмыкнула про себя: название показалось ей забавным, но настораживало, что при такой жизнерадостной вывеске из дверей не доносилось звуков музыки и веселья, — стояла такая же мертвая тишина, как на пустынной дороге. Литанде опять невольно вспомнились сомнительные слухи.

Где-то она уже слышала рассказы о ведьме, что превращала случайных путников в свиней и других живот-

ных, но никак не могла вспомнить, где именно. Однако если придорожная ведьма, пусть и питающая склонность к нетривиальным способам увеличения свиного поголовья (или же появления свинины на столе), окажется не по зубам адепту Синей Звезды, то Литанда получит по заслугам. Она поправила на плече лютню, спрятала осиротевшую рукоять в одном из обширных карманов мантии и решительно шагнула в полуоткрытую дверь.

Внутри оказалось светло, но только по сравнению с безлунной темнотой на дороге. Свет шел от очага, где тускло и как-то неприятно потрескивал бледный огонь. Вокруг очага собрались люди; сперва Литанда могла различить лишь силуэты, но, когда глаза привыкли к полутьме, она разглядела полдюжины мужчин и женщин и несколько замызганных детей. Все они отличались наморщенными лицами и вдавленными носами — те и правда выглядели немного похожими на свиные рыльца. Из полумрака медленно поднялась высокая дородная женщина в бесформенной, небрежно залатанной одежде, которая болталась на ней как мешок.

«Ага, — решила про себя Литанда, — она-то, должно быть, и есть ведьма. А эти детки вполне могут сойти за свиней». Придуманная насмешка очень ее развеселила.

Неприятным, гнусавым голосом хозяйка двора спросила:

— И кто вы такой, сэр, шляетесь по дороге, где, кроме призраков и нечисти, и ждать-то некого, да еще в такую поздноту?

Литанда едва не поддалась первому побуждению и не выпалила: «Меня сюда загнала черная магия; здесь в окрестностях бродит чудовищное нечто!» Но вслух все же примирительно произнесла:

— Я не призрак и не нечисть, а всего лишь странствующий менестрель; страх перед дорожными опасностями привел меня сюда в поисках еды и ночлега.

— Сию минуту, сэр, — ответила ведьма с неожиданным почтением. — Подходите к огню, обогрейтесь.

Литанда прошла сквозь толкающийся сброд; при ближайшем рассмотрении дети показались ей на удивление

свиноподобными, а издаваемые ими звуки и сопение делали их еще более похожими на животных. Ей пришлось бороться с отвращением от их близости. К обращению «сэр», которым наградила ее хозяйка, Литанда отнеслась равнодушно. Она была единственной женщиной, когда-либо проникшей в таинственный орден Синей Звезды, и к тому времени, когда ее разоблачили (после посвящения в адепты и получения сияющей на лбу Звезды), она уже сумела бы обороняться от худших из наказаний. Поэтому вынесенный мастером Звезды приговор гласил: «Так будь же тем, кем ты хочешь казаться; ибо в тот день, когда любой мужчина, кроме меня, назовет тебя женщиной, магия покинет тебя, и ты станешь смертной».

Вот так и получилось, что уже более трех человеческих жизней Литанда бродила по дорогам колдуном-охотником, обреченная на вечное одиночество. Она не могла открыть свой истинный пол никому из мужчин, и хотя, встреться ей надежная женщина, Литанда могла бы ей довериться, таким образом ее наперсница стала бы мишенью для многочисленных врагов адепта Синей Звезды. Ее первую подругу поймали и пытали; она умерла, так и не открыв секрета, но с тех пор Литанда не решалась навлекать подобную опасность на кого-то еще.

То, что началось как уловка, маскарад, превратилось в образ жизни: теперь ни единый жест, ни единая мелочь не выдали бы в Литанде женщину. Для всех без исключения она выглядела высоким гладко выбритым мужчиной с роскошными светлыми волосами и сияющей между изогнутыми сбритыми бровями Синей Звездой. Под мантией мага она носила высокие, до бедер, сапоги, панталоны и короткую кожаную безрукавку со шнуровкой на груди, обтягивающую мускулистую, широкоплечую, без всяких сомнений мужскую, фигуру.

Ведьма-хозяйка принесла кружку и поставила ее перед Литандой. От кружки поднимался душистый пар, — очевидно, это подогретое вино с пряностями, фирменный напиток постоялого двора. Литанда поднесла кружку к губам, но пить не стала: одна из клятв, что ограничивали мощь адепта Синей Звезды, запрещала есть и пить на

людях. Пахло вино замечательно, под стать запахам готовящейся еды, что долетали из кухни, и Литанда в который раз возмутилась законом, обрекшим ее на долгие периоды голода и жажды. Тем не менее она давно к ним привыкла, к тому же если вспомнить название и репутацию заведения, а заодно и старую историю про ведьму и свиней, то разумнее будет воздержаться от еды и питья. Если Литанда правильно помнила, то путешественники становились свиньями из-за собственного чревоугодия.

Алчное сопение обступивших ее детей-«поросят» послужило лишним напоминанием, и Литанда вдруг обнаружила, что уже не голодна. Обычно в тавернах она заказывала еду в комнату, но сейчас решила не испытывать судьбу; в карманах ее мантии лежал небольшой запас хлеба и сушеных фруктов, и она давно привыкла перекусывать наспех, когда ее никто не видел.

Литанда села за один из грубых столов у очага, поставила перед собой кружку и, притворяясь, что попивает из нее, спросила:

— Что нового, друзья?

После недавнего столкновения она ожидала услышать жалобы о нападающем на путников чудовище. Но вместо жалоб один из мужчин с противоположной скамьи, что стояла по другую сторону очага, поднял свою кружку с элем:

— Ваше здоровье, господин. Плохая сегодня ночь для странствий: надвигается гроза, если не ошибаюсь. А я хожу по этим дорогам уже сорок лет.

— О? — вежливо переспросила Литанда. — Я недавно в этих краях. Дороги здесь спокойные?

— Спокойные, — проворчал мужчина. — Если здешние ребята не возьмут себе в голову, что ты курьер с драгоценностями.

Разъяснять не было необходимости: всегда находились воры, которые могли решить, что путник не так беден, как желает казаться, и разрезать его на куски в поисках ценностей.

— А вы как же?

— Я хожу по этим дорогам, как ходил мой старик отец, — резко ответил тот. — Я собачий цирюльник. Лю-

бой, кто хочет показать или продать свою собаку, знает, что я сумею привести зверюгу в лучший вид. — Кто-то за его спиной захихикал, и мужчина возмущенно выпрямился. — Это уважаемая профессия!

— Один такой из вашего племени, — вмешался мужчина у огня, — всучил моему отцу вместо сторожевой собаки старую псину с паршой и рахитом. У старой твари и лаять-то сил не было.

— Я не продаю собак, — высокомерно ответил цирюльник. — Я только готовлю их для показа...

— Конечно, ты никогда не опустишься до того, чтобы выдать дворнягу за породистую или причесать паршивого пса под молодого, с гладким чубом и блестящей шерстью, — насмешливо протянул разоблачитель. — Все в наших краях знают, что если надо срочно избавиться от старого скота или переделать клеймо на краденых лошадях, то старый обманщик Гимлет всегда под рукой, хуже любого цыгана.

— Эй, ты, не обижай честных цыган своими сравнениями, — откликнулся смуглый мужчина. Он сидел на ящике у огня и усердно поедал из деревянной миски что-то вкусно пахнущее. По обычаям его коварного народа в ухе у него блестела золотая серьга. — Мы торгуем лошадьми по всей стране, отсюда до Нордвандера, и только попробуй сказать, что наш табор продал кому-то плохого коня.

— Гимлет-цирюльник, так? — спросил еще один из местных, потрепанный мужчина с прищуренными глазами. — А я тебя везде ищу. Ты меня не припомнишь?

— Боюсь, что нет, дружище, — довольно дерзко ответил Гимлет.

— У меня сука в прошлом году принесла тринадцать щенят, — осклабился тот. — Хорошая сука, любимица семьи с тех пор, как ее саму крохой взяли. Ты сказал, что сготовишь отвар, чтобы пошло молоко, и она выкормит всех щенков...

— Каждый собачник сведущ в ветеринарии, — перебил его Гимлет. — Я еще могу сделать так, чтобы у коров прибывало молоко...

— О, не сомневаюсь, что если тебя послушать, то ты и гуся сумеешь подковать.

— Так на что ты жалуешься, друг? Разве она не выкормила свой помет?

— А как же. И пару дней я радовался, глядя, как щенки ее сосут. Но тут мне пришло на ум пересчитать их, и оказалось, что в помете их осталось всего восемь.

Гимлет с видимым трудом сдержал улыбку:

— Я же сказал, что устрою так, что твоя сука выкормит щенят. А уж если я избавился от недоносков, которых все равно не продать, да еще и тебя выручил, чтобы не пришлось их топить...

— Не пытайся выкрутиться! — Обиженный сжал кулаки. — Как ни посмотри, а ты задолжал мне пять хороших щенков.

Гимлет огляделся.

— Ну что ж, — сказал он, — может, завтра что-нибудь придумаем. Мне даже в голову не пришло, что ты так обидишься из-за чахлых щенков, которых и суке-то было не выкормить. Ты же не бездетная жена и не маленькая девочка — это им хочется с кем-то нянчиться, кормить из пипетки и наряжать в кукольные платья. С такими щенками больше хлопот, чем пользы, все тебе скажут. Ну да ладно — по рукам.

Гимлет протянул руку с такой открытой, дружелюбной улыбкой, что Литанда не на шутку развеселилась. В споре между мошенником и деревенщиной Литанда, после долгих лет скитаний, неизбежно оказывалась на стороне мошенника. Недовольный владелец собаки замешкался на мгновение, но все же пожал протянутую руку и заказал пива на всю компанию.

Хозяйка таверны все это время стояла неподалеку, на случай если дело дойдет до драки; когда же ссора решилась миром, она с немного разочарованным видом подошла к столику Литанды:

— Господин желает комнату на ночь?

Литанда задумалась. Постоялый двор ей не нравился, и если остаться переночевать, то глаз она все равно не сомкнет. Но мысль о путешествии по темной дороге привлекала ее все меньше, особенно после тепла очага. К то-

му же после потери заколдованного ножа она окажется беззащитной, если неведомое существо вернется.

— Да, — решила Литанда, — желаю.

После того как они договорились о цене — не слишком низкой, но и не чрезмерной, — хозяйка спросила:

— Может, найти вам женщину на ночь?

Вот в таких случаях и проявлялась неприятная сторона путешествия в мужском обличье. Литанда не имела никакого желания связываться с женщинами, которых, зачастую против их воли, держали в придорожных тавернах для путешественников. Как правило, их пристраивали в дело, едва успевала налиться грудь, а то и раньше. И все же — отказываться от их услуг значило выделяться из общего потока странников и ставить под угрозу долгий маскарад, от которого зависела ее магическая сила.

Сегодня Литанде не хотелось выдумывать замысловатые отговорки.

— Нет, спасибо. Я устал с дороги и сразу лягу спать.— Она пошарила в карманах мантии и вытащила пару мелких монет. — Отдай это девушке за беспокойство.

Ведьма поклонилась:

— Как скажете, господин. Френнет! Проводи господина в южную комнату.

Симпатичная девушка, высокая, стройная, с искусно уложенными шелковистыми локонами, поднялась со стула у очага и поманила Литанду тонкой рукой, наполовину скрытой шелковой накидкой.

— Сюда, пожалуйста, — произнесла девушка, и Литанда встала, пробираясь между Гимлетом и хозяином щенков. Приятным и как будто захмелевшим голосом она пожелала всем спокойной ночи.

Старая шаткая лестница уходила вверх на несколько пролетов. Когда-то (по подсчету Литанды, примерно четыре владельца назад) она выглядела вполне величественно, но сейчас ее затягивала паутина, а в верхних пролетах наверняка обитали летучие мыши. На одной из площадок на подпорку в углу вспрыгнула, хлопая крыльями, темная птица и закричала хриплым голосом: «Добрый вечер, дамы! Добрый вечер, дамы!»

Френнет отмахнулась от птицы.

— Вечно эта противная галка! Не обращайте внимания, господин, это любимица хозяйки, — добродушно объяснила Френнет, и Литанда порадовалась темноте. Не пристало адепту Синей Звезды пугаться птицы, пусть даже и говорящей!

— А больше она ничего не говорит?

— О, что вы, господин. Она знает много слов; беда в том, что никогда не знаешь, что она скажет в следующий раз, и, если ее не заметить, можно сильно перепугаться.

Девушка открыла дверь в просторную темную комнату, зашла внутрь и зажгла стоящий рядом с огромной кроватью канделябр. Галка подлетела к двери и хрипло закричала: «Не ходите туда, мадам! Не ходите туда, мадам!»

— Сейчас я ее прогоню, господин. — Френнет взяла метлу и замахнулась на птицу, чтобы прогнать ее вниз. Тут она заметила, что Литанда замерла в дверях. — Не беспокойтесь, господин. Не надо бояться — она всего лишь глупая птица.

Но Литанда остановилась не из-за птицы, а из-за острого покалывания в Синей Звезде на лбу. «Запах волшебства», — подумалось ей, и Литанда пожелала оказаться как можно дальше от «Ведьмы и борова»; без черного ножа ей не хотелось провести не то что целую ночь, но даже и минуту в комнате, пропахшей злобной магией так сильно, как эта.

— Я не люблю дурные предзнаменования, дитя, — ласково заявила Литанда. — Не могла бы ты отвести меня в другую комнату, где можно переночевать? Ведь постояльцев у вас сегодня немного, так что будь хорошей девочкой, найди мне другую комнату.

— Ну, я даже не знаю, что скажет хозяйка... — начала Френнет, но птица перебила ее хриплым выкриком: «Хорошая девочка! Умная девочка!» — и девушка улыбнулась. — Но если она не узнает, то и вреда никакого не случится. Пойдемте.

Они поднялись еще на этаж, и покалывание в Звезде (запах магии) сначала ослабло, а потом и вовсе прекрати-

лось. Комнаты на верхнем этаже были меньше и светлее; Френнет повернулась к одной из них:

— Это моя комната, господин. Если желаете, можете занять половину кровати, и никаких обязательств. То есть... я слышала, что вы не хотите женщину, но вы передали мне на чай... — Она замолчала, сглотнула и с пылающим лицом решительно продолжила: — Не знаю, зачем вы путешествуете как мужчина, мадам, но думаю, у вас есть на то причины, и вообще это не мое дело. Но раз вы пришли сюда в поисках ночлега, то его и получите, и ничего больше.— Пунцовое лицо девушки выражало крайнее смущение.— Я никому не клялась держать рот на замке о том, что у нас творится, и я не хочу, чтобы ваша смерть была на моей совести, так что вот так.

— Моя смерть? — переспросила Литанда. — Что ты имеешь в виду, дитя?

— Ну, я все равно себя выдала, но вы должны знать, мадам... господин... благородный путник. Стоит человеку у нас заночевать, и он проснется уже не человеком; вы же видели тех детей внизу? Они превратились только наполовину: снадобья плохо действуют на детей. Я видела, что вы не пили вино, так что, когда придут, чтобы загнать вас в свинарник, и увидят, что вы еще в человеческом облике, вас убьют. Или же выгонят наружу, где вы достанетесь Идущему Позади.

Литанда с содроганием вспомнила о том существе, что расплавило ее нож. Значит, его зовут Идущий Позади.

— Кто он, Идущий Позади? — спросила она.

— Не знаю, мадам. Только он идет за кем-нибудь следом, а потом утаскивает его в другой мир. Больше я ничего не знаю, оттуда еще никто не возвращался. Я иногда слышу их крики, когда он начинает преследование.

Литанда снова оглядела тесную, невзрачную комнатку.

— А как ты узнала, что я женщина?

— Не знаю, мадам. Я просто поняла, и все тут. Я всегда знаю. Я ничего не скажу хозяйке, обещаю.

Литанда вздохнула. Возможно, девушка обладала небольшими магическими способностями; впрочем, Литанда давно смирилась с тем, что, хотя ее маскировка прекрасно

действует на мужчин, всегда находятся женщины, которые по каким-то причинам видят глубже. Все равно ничего уже не поделаешь, а убивать девушку она не собиралась.

— Смотри не проболтайся — от тебя зависит моя жизнь, — произнесла Литанда. — Но возможно, и нет необходимости лишать тебя постели. Ты сумеешь вывести меня из таверны так, чтобы никто не заметил?

— Могу, мадам, но сегодня такая гнусная ночь для дороги, и Идущий Позади там бродит в темноте. Я не хочу слушать ваши крики, когда он придет за вами.

Литанда невесело хмыкнула:

— Может, ты услышишь его крики, когда я приду за ним. Кажется, это его я встретила на пути сюда.

— Да, мадам. Он загоняет путешественников к нам, потому что здесь он получает их души. Ведь когда их превратят в свиней, им уже не нужны души, правильно? И тогда их забирает Идущий Позади.

— Ну, меня он не получит, — отрезала Литанда. — Да и тебя тоже, если я сумею с ним справиться. Я уже встречалась с ним, и он уничтожил мой нож; мне необходим другой.

— В кухне полно ножей, мадам, — пообещала Френнет. — Я могу провести вас наружу через кухню.

Вместе они спустились по ступенькам. Литанда шагала как призрак, в полнейшей тишине; эта ее способность не раз заставляла людей клясться, будто они видели ее появляющейся из воздуха. Из общей комнаты, куда удалились на отдых большинство гостей, доносилось странное похрюкивание. Видимо, завтра их отведут в свинарник, души достанутся Идущему Позади, а остальное появится на столе в виде сосисок и отбивных. В кухне Литанда увидела хозяйку постоялого двора — ведьму. Она крошила какие-то травы: острый запах напомнил о пряном вине, которого Литанда, к счастью, так и не попробовала.

Но почему зло пришло в эту провинцию? Сейчас обостренным магическим чутьем Литанда слышала шаги снаружи. Идущий Позади. Она чувствовала, как кружится он

в темноте в ожидании чудовищного пира. Но каким образом и зачем ведьма вступила в заговор с проклятым существом?

В храме Звезды ходила поговорка, что никому не понять глубин как Хаоса, так и Порядка. Не вызывало сомнений, что Идущий Позади был порождением Хаоса самой глубокой бездны, а Литанда, как странствующий адепт, в свое время поклялась защищать Порядок всегда и везде, даже в последней битве при конце света.

— Есть несколько вещей, — задумчиво поведала она Френнет, — с которыми я предпочла бы не иметь дела до последней битвы, когда Порядок раз и навсегда победит Хаос. И Идущий Позади — первый в списке; но вряд ли Хаос согласится подождать, пока мне будет удобно с ним встретиться. К тому же если я выйду против него сейчас, то мы уж точно не столкнемся в последней битве.

Литанда бесшумно шагнула в дверь кухни, и ведьма рывком подняла голову:

— Вы? Я думала, вы уже спите, господин колдун. Я даже послала вам девушку...

— Девушку не в чем упрекнуть, она все сделала так, как вы ей велели, — отрезала Литанда. — Сама не зная, я пришла в «Ведьму и борова», чтобы избавить мир от свинства Хаоса. Придется тебе самой накормить своего слугу.

Литанда взмахнула рукой, пробормотала слова заклинания, и ведьма упала на четвереньки, хрюкая и сопя. Женщина-адепт почувствовала, как приближается великое зло, что бродит в темноте снаружи, и жестом привлекла внимание Френнет:

— Открой дверь, дитя.

Девушка толчком распахнула дверь, и Литанда выпихнула хрюкающую свинью за порог. Тут же откуда-то раздался отчаянный крик — наполовину животный, наполовину ужасающе человеческий, — и в затянутом туманом дворе осталось только посапывающее тело свиньи. Призрачный Идущий Позади издал довольное мурлыканье, от которого Литанду пробрала дрожь. Ну вот и пришел конец «Ведьме и борову»; ведьма его заслужила.

— От нее ничего не осталось, мадам.

— Она заслуживает того, чтобы ее подали на завтрак в качестве сосисок, приправленных ее же травами, — заметила Литанда, но Френнет затрясла головой:

— Не думаю, что это по мне, мадам.

Галка с шумом влетела в кухню, выкрикивая: «Умная девочка! Умная девочка! Хорошая девочка!» — и Литанда сказала:

— Будь моя воля, я бы свернула этой птице шею. Но мне еще придется иметь дело с Идущим. Думаю, ведьмы ему хватило на один зубок.

— Может, и так, мадам, — ответила Френнет. — Вы сумели расправиться с хозяйкой, только сумеете ли еще и с ним? Наверняка ваша душа понравится ему гораздо больше, ведь вы же могущественная колдунья.

Литанду и саму терзали сомнения. Владелица постоялого двора — лишь малое зло. В свое время Литанде приходилось иметь дело с несколькими крупными порождениями Хаоса, но они редко оказывались настолько колоссальными и страшными, как Идущий Позади. И он уже лишил ее заколдованного ножа; удалось ли заклятиям хоть немного его ослабить?

На стене кухни в ряд висели тесаки. Френнет выбрала самый длинный и внушительный и протянула его Литанде, но та качнула головой и провела рукой вдоль ряда, внимательно прислушиваясь к ощущениям. Большинство ножей было выковано исключительно для бытовых целей, и она не думала, что от них будет большой прок в схватке с порожденной Хаосом магией.

Синяя Звезда на лбу защипала, и Литанда замерла, пытаясь определить, о чем она ее предупреждает. Может, причина в незатихающих во дворе неровных шагах Идущего Позади?

Шаг-тихо-шаг.

Шаг-тихо-шаг...

Нет, источник находился ближе. Он лежал... Литанда несколько раз повернула из стороны в сторону голову и наконец обнаружила его. Разделочная доска на столе, где ведьма резала травы — те, что превращали нечего не подо-

зревающих постояльцев в свиней. Литанда медленно подняла с доски нож — обыкновенный кухонный нож с длинным острым лезвием, вымазанным зеленым соком трав. Вытащила из кармана мантии черную рукоять, покрытую искусно вырезанными рунами, оглядела ее со вздохом — Литанда всегда гордилась элегантностью своих магических инструментов, а сейчас придется обходиться кухонным волшебством — и бросила на стол.

Френнет отчаянно вцепилась в нее:

— Ой, не ходите туда, мадам! Он все еще там, он вас поджидает!

«Не ходите туда! Ой, не ходите туда!» — махая крыльями у очага, вторила галка.

Литанда мягко разжала руки девушки:

— Оставайся здесь. У тебя нет колдовской защиты, и я не могу дать ее тебе. — С этими словами она плотно натянула на голову капюшон мантии и вышла во мглистую темноту двора.

Идущий был там. Литанда чувствовала, как он бродит кругами в ожидании, ощущала его голод как огромную злобную пасть, ждущую, чтобы ее наполнили. Она знала, что он хочет заполучить ее — тело, душу, магию. Литанда боялась, что если она заговорит, то окажется в его власти. Она крепко сжала в руке нож и пошла, описывая круг посолонь[1], несмотря на темноту. Если бы удалось задержать Идущего до рассвета, то можно было бы надеяться, что его уничтожат солнечные лучи. Но полночь наступила совсем недавно, и Литанда не собиралась отбиваться от неведомого существа до восхода солнца, даже если окажется, что их силы равны.

Так что надо избавиться от него как можно быстрее. И раз ее кинжал пропал в схватке с Идущим, то оставалось лишь уповать на то, что взятый у его сообщницы нож справится с задачей. Несмотря на просторную теплую мантию, оказавшись одна в темном тумане, Литанда мгновенно окоченела — или же причиной был ужас? Колени задрожали, а по спине поползли капли

[1] *Посолонь* — по ходу движения солнца.

ледяного пота; плечи напряглись, будто в предчувствии удара сзади.

Френнет, поеживаясь, стояла в освещенном дверном проеме и с улыбкой наблюдала за ней, словно совершенно не сомневалась в исходе поединка.

«Наверное, именно так чувствуют себя мужчины, когда за ними наблюдают их жены», — решила Литанда. Но если она призовет Идущего, а потом не сможет с ним справиться, он ринется на девушку, а может, кто его знает, и на галку. Никто из них не заслужил смерти, а тем более того, чтобы лишиться души. Девушка ни в чем не виновата, а галка всего лишь глупая птица... или безобидная птица. Глупой ее не назовешь, хотя она до сих пор выкрикивала невнятную тарабарщину: «Ой, моя душа, он идет! Он идет! Не ходите туда!»

И он действительно приближался: Синяя Звезда на лбу горела, будто посыпанная углями, голова взрывалась изнутри голубым светом. И почему, во имя всех богов, настоящих и вымышленных, ей взбрело в голову стать волшебницей?.. Надо было задаваться этим вопросом много лет назад, а сейчас уже поздно. Литанда крепче сжала в руке грубую деревянную рукоять кухонного ножа и изо всех сил ткнула им в нависшее над двором пятно тьмы более черной, чем ночь.

Литанда точно не знала, кто издал оглушительный крик, поглотивший весь мир: кричала ли сама она от ужаса, или же вопль исходил из необъятного черного вихря, что кружился вокруг Идущего? Ее подхватил ураганный порыв ветра и бросил во влажную тьму. В голову успела прийти страшная мысль: а что, если оставшиеся на лезвии ножа травы превратят Идущего в огромного борова Хаоса? Что ей тогда с ним делать? Но в руке она держала нож сообщницы Идущего Позади, сообщницы по магии Хаоса. Литанда вонзила его в сердце существа и вцепилась изо всех сил, хотя ветер швырял и крутил ее из стороны в сторону.

Тут раздался шумный вздох, будто размоталась огромная катушка, и Литанда обнаружила, что стоит во дворе, а Френнет крепко ее обнимает. Галка пронзительно вы-

крикивала: «Он исчез! Он исчез! Хорошая девочка, хорошая девочка!»

Он исчез. Во дворе совсем не осталось магии, лишь туман на влажных камнях. За спиной Френнет на кухне Литанда увидела смутную тень. Она вошла внутрь и обнаружила там приземистого, полного мужчину, завернутого в плащ. Гимлет, собачий мошенник, он собирался уходить.

— Я ищу хозяйку, — свирепо заявил он. — Тут слишком шумно для меня, слишком много суеты. А, вот и девушка. Ты, — сварливым тоном обратился он к Френнет, — где твоя хозяйка? И мы договаривались, что ты придешь ко мне в комнату.

— Я теперь сама себе хозяйка, господин, — твердо ответила девушка. — И я больше не продаюсь. А что касается хозяйки таверны, то я не знаю, где она. Можете поспрашивать о ней у небесных врат, ну а если там ее нет, то сами догадаетесь, где искать.

Около минуты тугоумный Гимлет пытался переварить смысл ее слов, но когда понял, бросился к Френнет с кулаками:

— Так, значит, я зря за тебя заплатил!

Литанда пошарила в кармане мантии и протянула ему монету:

— Держи. Не сомневаюсь, что сделка принесет тебе прибыль, как обычно. А Френнет пойдет со мной.

Гимлет уставился на монету и торопливо сунул ее в карман. По круглым, ошеломленным глазам мошенника Литанда поняла, что он никогда не держал в руках таких больших денег.

— Как скажете, добрый господин. Мне пора идти, дела не ждут. Может, мне удастся хоть завтрак получить?

Литанда указала на висящие на стенах куски мяса:

— Чего-чего, а ветчины здесь в избытке.

Гимлет глянул на стену, громко сглотнул и содрогнулся:

— Нет уж, спасибо.

Ссутулившись, он вышел в темноту, и Литанда повернулась к девушке:

— Нам тоже пора уходить.

— Мне правда можно пойти с вами?

— По крайней мере на первое время, — ответила Литанда. Девушка это заслужила. — Быстро собирайся, можешь взять все, что захочешь.

— Отсюда я ничего не возьму. Но что будет с другими постояльцами?

— После смерти ведьмы они снова превратятся в людей. По крайней мере те из них, кого не подали к столу в виде отбивных. Посмотри. — Литанда повернулась к стене. И действительно, куски ветчины обрели кошмарный вид, не имеющий ничего общего со свининой. — Пошли отсюда.

Вместе они зашагали по дороге навстречу поднимающемуся солнцу, а галка летела позади и выкрикивала: «С добрым утром, дамы! С добрым утром, дамы!»

— Еще до восхода солнца я сверну этой птице шею, — заметила Литанда.

— А как же, — согласилась Френнет. — Или оглушите ее волшебством. Могу я спросить, почему вы путешествуете в мужской одежде, госпожа?

Литанда с улыбкой пожала плечами:

— А ты бы не стала?

ДЖЕЙМС БИББИ

Последняя из ведьм

Джеймс Бибби (родился в Великобритании в 1953 году) известен как автор цикла юмористических произведений в жанре фэнтези о Ронане-варваре, первая книга которого так и называется — «Ронан-варвар» (1995). В последнее время Бибби экспериментирует с другими идеями, а самым новым его произведением является представленный ниже рассказ, который весьма изящен и саркастичен.

Пол Инкман затянулся сигаретой, облокотился на потертый парапет моста, сложенный из песчаника, и посмотрел вниз, на плавно струящиеся воды реки. На фоне ярко-голубого отражения неба черным контуром вырисовывался его собственный мрачный силуэт.

Казалось, в воздухе висит немой вопрос: «Что, черт возьми, ты, неудачник, делаешь здесь? Аптон-на-Ди? Да тут еще малолюднее, чем в Борнмуте ночью в понедельник. Что же происходит с твоей карьерой?»

Пол, сколько помнил себя, всегда хотел стать военным репортером на телевидении. Еще ребенком он рисовал себе захватывающую перспективу стать одним из тех крутых, неформально одетых героев, искренне вещающих в камеру откуда-то из невообразимого далека, с пыльных чужеземных дорог, мимо которых целеустремленным маршем проходят солдаты, с грохотом проезжают танки, удрученно плетутся беженцы... Когда в возрасте двадцати двух лет он в должности простого репортера оказался на региональном телевидении, то расценил это как первую необходимую ступень карьерной лестницы, что вознесет его к высотам национальной тележурналистики. Сварливость начальства, установку лесов для освещения и пипки непонятно отчего прославившихся глупцов Пол воспринимал как неизбежные издержки на пути к славе, богатству и скорому признанию.

Каково же было спустя шесть лет убедиться, что по вожделенной карьерной лестнице он не продвинулся ни на дюйм! На региональном телевидении Пол Инкман был все той же мелкой сошкой: по-прежнему делал репортажи о марафонских забегах восьмидесятилетних старичков и о приходских священниках, разъезжающих на мотоциклах; его вновь и вновь отправляли в ничем не примечательные маленькие поселки вроде Аптона-на-Ди, чтобы рассказать о несуществующих деревенских привидениях. Почему-то он ни разу не набрел ни на одно значительное событие из тех, что переходят в разряд национальных новостей и способствуют быстрому взлету по службе.

Его посетило чувство, что и нынче ничего путного не выйдет. Вздохнув, Пол разжал пальцы; окурок по спирали полетел к воде, течение подхватило его и унесло под мост.

— Ничего достойного мы тут не найдем, я уверен на все сто, — повернулся он к своему оператору Тони.

— Ну уж не знаю, — ответил Тони. Через окуляр стэдикама он глядел на окрестности, поворачиваясь в разные стороны, то увеличивая, то уменьшая изображение привлекших его внимание деталей. — Местечко чертовски живописно! И звук отменный. Коровки, птички, церковные колокола...

— Что толку-то? — недовольно буркнул Пол. — Пока что у нас нет даже намека на материал! Я взял интервью у восьмерых, расспрашивал об их местном так называемом полтергейсте, и все говорили одно и то же, — тут он изобразил акцент местных жителей: — «Сам лично я ничего такого не видел, но яснее ясного то, что происходит что-то диковинное...»

— Может, тебе просто стоит копнуть чуть поглубже?

— Лучше скажи, что помочь может только чудо. Ох, боже мой! Пожалуй, мне стоит глубже покопаться в местечковом магазинчике. Курево кончилось. Увидимся за ланчем в пабе.

От моста дорога вела вниз и петляла между живописными коттеджами из сероватого камня, а через несколько сотен ярдов, в центре поселка, пересекала магистраль

А-441. Тишину и покой лишь изредка нарушали направляющиеся в сторону Герефорда[1] машины, и Пол снова и снова задавался вопросом: отчего кому-то нравится жить в сельской местности? Он бы тут спятил за неделю.

Дойдя до перекрестка с трассой, он замешкался у входа в магазин. Нарастающий гул дизельного двигателя и легкая дрожь земли возвестили о том, что по деревне катится тяжелый грузовик. Через несколько секунд огромная машина вывернула из-за церкви. Завывая, грузовик столь быстро петлял между тихими домишками, что походил на грозное безудержное чудище в погоне за жертвой.

Не успел Пол и глазом моргнуть, как события приняли удивительный оборот. Через дорогу прямо перед грузовиком рванул кот, а за ним, ничего не замечая в пылу погони, заливисто тявкая, со всех ног бежал маленький песик. Кот верно рассчитал время и, когда грузовик поравнялся с ними, уже был на противоположном тротуаре. Собаке же не повезло. За долю секунды до неминуемой смерти она осознала опасность и повернула голову к неумолимой судьбе в лице громадного грузовика, готового ее сбить... И тут собака взмыла в воздух, грузовик промчался мимо, турбулентный поток воздуха взлохматил волосы Пола, запоздалым предупреждением взвыл клаксон, и, продолжая гудеть и реветь, огромная машина унеслась вниз по дороге мимо «Белого оленя» и исчезла за поворотом.

Рев мощного двигателя терялся вдали, а Пол, не веря своим глазам, никак не мог осознать то, чему только что стал свидетелем: грузовик не раздавил собаку в лепешку. Даже не задел ее. За мгновение до неизбежного наезда пса словно подхватила сильная невидимая рука, перенесла по воздуху и невредимым опустила на тротуар.

Ошарашенная собака там и сидела какое-то время, сотрясаемая крупной дрожью, а затем развернулась, потрусила назад и вскоре исчезла между домами, откуда давеча появилась. И тут Пол заметил, что не он один стал свидетелем произошедшего. В двадцати ярдах от него стояла

---

[1] *Герефорд* — административный центр графства Герефорд-энд-Вустер в Англии.

маленькая девочка, лет девяти или десяти, с испуганным выражением лица не спускавшая с него глаз. Пол было решил, что она хозяйка собачки, но потом неожиданная догадка поразила его. Профессионализм одержал победу над изумлением. Только что Пол стал свидетелем абсолютно необъяснимых событий. В его руках оказалась нить потрясающего сюжета — к тому же теперь даже свидетель появился.

— Ты видела? — незамедлительно крикнул он девчушке, направляясь к ней.

Та попятилась, и Пол увидел, что малышка не просто в ужасе. Ее лицо выражало что-то еще; на нем явственно проступило вороватое выражение... Точно! Раскаяние в содеянном! Она выглядела именно виноватой, словно ребенок, пойманный с поличным за кражей в магазине. Тут она развернулась и быстро-быстро побежала вниз по дороге, взобралась на приступки и исчезла за живой изгородью, отделяющей церковь от дороги.

Пол наблюдал за ней, ощущая в животе щекочущее чувство возбуждения. Он был уверен в том, что именно маленькая девочка оказалась инициатором неведомого действа, свидетелем которого он только что стал. Наконец-то за слухами о полтергейсте вырисовывалась некая определенность. Да, вот это сюжет! Причем отличный.

С довольной улыбкой Пол открыл дверь в магазин. На языке вертелись вполне оформившиеся вопросы, которые требовали ответов.

В густой высокой траве, словно олененок, затаившийся от рыщущего поблизости волка, лежала маленькая Сара и пыталась сдержать подступившие слезы. «Да ты просто идиотка! — снова и снова ругала она себя. — Натворила ты дел! На сей раз ты действительно попалась!» И это после всех обещаний родителям. Вот теперь они наверняка по-настоящему рассердятся на нее! И уж точно не отпустят к Эмме в гости с ночевкой, а ведь Саре так хочется туда пойти. Но что же было делать? Неужели позволить огромному грузовику переехать любимую собачку миссис Ламберт!..

Она перевернулась на живот и выглянула из-за кустов боярышника, ожидая увидеть того мужчину с лицом крысы, что бросился вдогонку за ней. Но не тут-то было. Она как раз успела заметить, что незнакомец исчез в дверях магазина. Озадаченная, Сара подалась назад. Ведь он наверняка видел, как она спасла собаку... Конечно, ведь он даже начал расспрашивать ее об этом. Но он задал вопрос, видела ли она случившееся... Да, именно так, и не иначе! Ему даже не пришло в голову, что произошедшее как-то связано с ней! Сара уже усвоила то, что взрослые в большинстве своем никогда не связывают с ней необъяснимые происшествия, с которыми сталкиваются. По крайней мере, именно так случалось на первых порах.

Она вышла сухой из воды! Успокоившись, Сара вскочила на ноги и поспешила домой. И по дороге вновь и вновь повторяла про себя спасительную мантру: никакого колдовства... никакого колдовства...

Сара знала, что она ведьма, сколько себя помнила. Нет, не совсем так. Необычайные способности были у нее с рождения, но девочка не сразу поняла, что никто больше таковыми не наделен и что все прочие люди (если узнают о ее силе, конечно) назовут ее ведьмой. Благодаря врожденной осторожности Сара скрывала свои таланты от внешнего мира, но девочкой она была доброй, ей нравилось радовать людей, и порой она просто не могла сдержаться. И вот тут-то случались неприятности!

Первый серьезный инцидент произошел, когда Саре исполнилось четыре года. Никогда ей не забыть этого... Когда ее в сотый раз пригласила на чай подруга Кайли Смит, Сара так плакала и умоляла отпустить ее в гости, что родители уступили и согласились, напутствовав дочь предупреждениями и предостережениями в таком количестве, что они еще долго звенели у девочки в ушах. Но как раз в этот день мама Кайли очень устала, нервы у нее распалились, и столь искренне прозвучали ее слова, когда она воскликнула: «Нет, мы сейчас не пойдем играть на площадку! У меня столько дел, а руки не четыре, а всего две, к сожалению!» В тот день Сара крепко-накрепко уяс-

нила себе, что взрослые не всегда говорят то, что думают. И до сих пор иногда с ужасом вспоминала, лежа ночью в кровати, как кричала миссис Смит.

Сразу после этого они переехали в другой город. И с тех пор Сара старалась держать свои способности в тайне, но проколы все равно порой случались. За двумя значительными инцидентами вновь следовали переезды. Зато теперь и ей самой, и родителям казалось, что Сара наконец-то научилась контролировать себя, и в этой славной деревушке они прожили больше двух лет. Вот будет стыдоба, если тот мужчина неприятной наружности что-то заподозрил...

С легким сердцем и улыбкой на губах Сара добралась до дома, совершенно не подозревая об удивительном сюрпризе, уготованном ей судьбой.

— Вовсе нет, никакой шикарной подружки я тут не щеплял! — Пол Инкман бросил в реку очередной окурок и усилием воли подавил раздражение. — Говорю тебе, Эндрю, ничто бы не заставило меня минутой дольше задержаться в здешней глухомани. Но я нашел сюжет, причем потрясающий! И он обещает обернуться настоящей сенсацией.

— Что, поважнее одноразового показа в новостях? — прозвучал вопрос. В голосе редактора новостей сквозила заинтересованность.

— Значительно существеннее, — заверил Пол. — Хватит и на несколько выпусков, и на специальный репортаж. Причем не местного, а международного значения.

— Отлично. — Эндрю на мгновение задумался, и Пол услышал странный звук, будто кто-то постукивал по зубам карандашом. — Возможно, из этого и впрямь выйдет толк. Сью как раз ищет тему для своей программы. Она больше не снимает сюжет о восьмидесятилетней проститутке: милая старушка померла от сердечного приступа, развлекая клиента. Пришлю ее прямо к тебе — Сью, разумеется. Все. До скорого.

Телефон умолк. Пол несколько секунд в ярости поджаривал его взглядом, пытаясь совладать с желанием швырнуть им о каменную стену.

Сью Перриго! Самодовольная дрянь! Пол трижды выругался вслух, а потом еще разок — про себя. Он уже потерял два лучших репортажа из-за этой наштукатуренной пустоголовой бимбо, и теперь есть шанс оказаться в дураках в третий раз. Ну уж нет, только не сейчас! Он изо всех сил постарается раскрутить сюжет своими силами.

Пол быстро соображал. Действовать надо незамедлительно и разнюхать как можно больше. Еще следует привлечь на свою сторону Тони, что будет несложно, поскольку дамочку всегда снимает ее собственный ручной обласканный оператор, стараниями которого Сью всегда выглядит на телеэкране сногсшибательно. Когда же она приедет, будет несложно убедить ее в том, что охотиться за химерами бесполезно. Хотя само по себе это не очень-то здорово: взрывной характер Сью Перриго стал притчей во языцех. А потом, когда страсти утихнут, они вместе с Тони незаметно для всех приедут сюда и сделают собственный подробный репортаж, который станет настоящей сенсацией.

Пол плотоядно усмехнулся. Хоть та маленькая девочка и не знает об этом, но именно с ее легкой руки он получит повышение, а вслед за ним — известность и благосостояние.

— В гости? С ночевкой? После того, что случилось в последний раз? — Саре даже показалось, что отец готов взорваться от возмущения.

— Но, папочка, мне тогда было всего семь лет! К тому же мне казалось, что я поступаю правильно. Вы с мамой ведь всегда говорили, чтобы я поступала правильно, верно?

Потеряв дар речи, мистер Паркер бормотал и шипел, словно закипающий чайник, и его супруга поспешно пришла на выручку:

— Сара, когда раздраженные взрослые люди велят разбушевавшимся детям исчезнуть, это всего-навсего означает, что малышам следует уйти с глаз долой.

— Теперь-то я это знаю! Но...

— Бедная миссис Харрис, она так и не смогла оправиться с тех пор! — Отцу все же удалось совладать с голосом, и он вновь вступил в беседу. — А прочие твои выходки...

— Но Трейси была моей лучшей подругой! И ей так хотелось, чтобы пошел снег!

— Я понимаю, дорогая, — вновь заговорила мать. — Но лучше бы он пошел на улице. Папе Трейси пришлось целых два часа махать лопатой и выкидывать это безобразие в окно спальни.

— Я же извинилась! И потом, мам, когда это было? По крайней мере с тех пор, как мы переехали в Аптон, ничего такого не произошло, так ведь?

— Ну, можно и так сказать... Хотя не совсем. Не было таких происшествий, в которых смогли бы счесть виновной тебя.

— Ну вот видишь!

Миссис Паркер посмотрела на дочь и вздохнула:

— Милая, не прибраться ли тебе в своей комнате? А мы с папой пока поговорим.

Сара была совсем малышкой, когда миссис Паркер поняла, что младенец наделен, мягко говоря, необычайными способностями. Но если большинство матерей были бы до глубины души взволнованы летающими по воздуху бутылочками для кормления и подгузниками, менявшимися сами собой, то мама Сары, надо сказать, в значительной степени ожидала чего-то в этом роде. Дело в том, что она отлично помнила собственное детство и бабушку — невысокую и полную замкнутую пожилую даму, которая могла творить удивительные вещи и была глубоко разочарована, что ни дочери, ни внучке ее способности не передались. А еще в семейных преданиях говорилось о прапрабабушке Притчард, которая родилась в Пендле...[1]

Отец Сары вовсе не был готов оценить реальное положение дел, но в конце концов и ему пришлось признать очевидное. И с тех пор Паркеры посвятили жизнь... да

[1] *Пендл* — округ на востоке графства Ланкашир.

честно говоря, они не могли с полной уверенностью сказать, оберегают ли Сару от мира или же мир от Сары. Оба знали наверняка, что если в современном мире, напичканном коммуникациями, телевидение или газеты прознают об их дочери, то погубят ее жизнь. Но они понимали и то, что жизнь в полной изоляции также не пойдет ей на пользу.

Посему родители сочли наиболее разумным придерживаться золотой середины. В целом все складывалось неплохо, но трижды последствия Сариных действий объяснить не представлялось возможным, поэтому им приходилось спасаться бегством. Когда они переезжали в последний раз, миссис Паркер подумала, что было бы нелишним поселиться недалеко от кого-то, кто наделен способностями, схожими с теми, которыми обладала ее дочь. Но когда она поделилась мыслями с Сарой, та без тени сомнения ответила:

— Нет, мамочка. Больше таких, как я, нет — это точно. Если бы кто-то был, я бы... их почувствовала. Так было, когда я была маленькой: где-то в глубине души такое чувство, вроде огонька... Он не сильно горел, но все время. А однажды утром я проснулась и поняла, что его больше нет. Нет той родной души: она, наверное, умерла, и я осталась одна. Я — последняя из ведьм, вот так-то.

С того дня мистер и миссис Паркер стали охранять покой дочери вдвое бдительнее и приучать ее к строжайшей самодисциплине. Первое время Сара пыталась уклониться, но затем привыкла; если происшествия и случались, то были незначительны и легкообъяснимы. Но за последние месяцы родители заметили, что Сара наконец-то научилась держать свои способности в тайне. И сейчас миссис Паркер склонялась к выводу, что возросшую ответственность стоит поощрить увеличением свободы.

Она взглянула на мужа, который беспокойно расхаживал взад-вперед по комнате, явно размышляя о том, чем обернется для Сары и всего остального мира ее следующий выход в свет... Да, убедить его будет делом непростым.

— Дорогой... — начала миссис Паркер и произнесла слова, которые навсегда изменили ход событий: — Я и в

самом деле считаю, что нам следует отпустить Сару в гости, пусть даже с ночевкой...

С выражением вежливого интереса Пол Инкман сидел напротив доктора Филипс и пытался сдержать нарастающее волнение. Чем больше он разговаривал с местными жителями о необъяснимых происшествиях в Аптоне, тем очевиднее становилось то, что наконец-то он набрел на настоящую сенсацию.

Интервью с терапевтом ничем особенным не выделялось. Рассказ врача сам по себе не был потрясающим, но если собрать все истории воедино...

— Итак, если я вас правильно понял, то вы утверждаете, что жители Аптона никогда не болеют?

— Нет, не столь категорично. Конечно же, здешние люди болеют. Но по какой-то причине гораздо реже, чем в других местах. Едва ли вспомню случаи заболеваний простудой или гриппом. И школьников Аптона можно назвать самыми здоровыми детьми Великобритании. Даже ветрянкой, обычной в детских коллективах, очень давно никто не болел.

— То есть это очень странно?

Обдумывая заданный вопрос, доктор откинулась на спинку стула и повертела в пальцах карандаш. Внимательно посмотрела на Пола:

— Да, я бы так сказала. Порой я даже задаюсь вопросом, уж не ставят ли над нашим поселком опыты власть имущие или же высшие силы... Может, добавляют антибиотики в водопроводную воду или что-то еще в этом роде?

Пол кивнул, а потом небрежным голосом задал самый важный вопрос:

— И как долго это продолжается, как вам кажется?

— Сложно сказать точно. Думаю, около двух лет...

Сара с грохотом сбежала по лестнице с большой сумкой, куда сложила все необходимое для похода в гости с ночевкой, и обнаружила в гостиной дожидавшегося ее отца. Сердце девочки екнуло. Глядя на серьезное лицо мис-

тера Паркера, она было решила, что отец передумал и никуда ее не отпустит. Но вымученная улыбка осветила папино лицо, и Сара поняла, что все в порядке.

— А теперь, юная леди, очень прошу вас: соблюдайте осторожность! — взволнованно напутствовал ее отец, и тут она наконец-то заметила, что у папы хриплый голос, да и нос заложен. — Внимательно следите за тем, чтобы не сделать чего-то такого... ап... ап... апчхи!

Он громко чихнул. Сара опустила сумку на пол, взяла папину ладонь в свои и тут же почувствовала тысячи тысяч микробов, кишащих в горле и носу мистера Паркера. Девочка сконцентрировалась, губы ее зашевелились: нужные заклятия изгоняли заразу.

— Ну вот, папочка, — улыбнулась Сара. — Теперь ты почувствуешь себя гораздо лучше.

Отец устало кивнул:

— Спасибо, любовь моя. — Голос мистера Паркера звучал как-то грустно. Он задумчиво почесал подбородок и опустился на ступеньку лестницы. — Послушай, Сара, я всегда хотел у тебя кое-что спросить.

— Что же, папа?

— Знаешь, когда в фильмах или книгах ведьмы творят заклинания, они всегда варят волшебное зелье в огромных бурлящих котлах. Представь, я всегда думал о том, что однажды вернусь с работы и застану тебя на кухне за приготовлением снадобья из крыльев летучих мышей и лягушачьих носов в маминой лучшей кастрюле «Le Creuset»[1]. Но тебе, как мне кажется, вовсе не нужны все эти... фокусы-покусы. Почему бы это?

— Не знаю, папа. — Сара присела рядом с отцом на ступеньку и задумалась. — Думаю, что в давние времена всякие снадобья были востребованы. Ну, приворотные зелья и тому подобное. Вот если бы ты, например, хотел приворожить маму и заплатил бы ведьме за труды, то за свои деньги желал бы получить что-то вполне конкретное. Наподобие маленькой чудной бутылочки, доверху напол-

---

[1] *«Le Creuset»* — всемирно известная марка чугунной эмалированной посуды.

ненной колдовским настоем. В противном случае, если бы ты просто заплатил ведьме, а потом обнаружил, что мама внезапно потеряла голову от любви к тебе, ты мог бы решить, что виноваты вовсе не ведьмины чары и заслуга здесь лишь твоя. — Сара сделала паузу и рассмеялась. — Ну, или те ведьмы просто были не такие уж могущественные и нуждались во вспомогательных средствах. Но мне ничего такого не надо. — Взглянув на отца, она заговорщицки улыбнулась. — Ты же знаешь, я действительно отменная ведьма.

— Уж точно, знаю.

Отец посмотрел на нее со странной полуулыбкой, собравшей вокруг себя множество морщинок. Сара ужаснулась, что он вот-вот разрыдается, но вместо этого мистер Паркер обнял ее и крепко прижал к себе.

— Только... Только, пожалуйста, будь поосторожнее, — напутствовал он дочь.

— Пап, не волнуйся, — как-то неуверенно пообещала Сара. — Все будет в порядке...

Пол Инкман взволнованно вышагивал взад-вперед, и слова неудержимым потоком лились из его уст. Обращался он к оператору Тони, который в обнимку с камерой расположился на деревянной скамье и с сомнением внимал репортеру. Разговаривали они на одной-единственной автомобильной стоянке в Аптоне — засыпанной гравием площадке, притулившейся между церковью и красивым местечком в излучине реки. Вокруг тут и там виднелись закусочные столики и контейнеры для мусора.

— Эта история началась два года назад, — рассказывал Пол. — Помнишь, я рассказывал тебе про маленькую девочку? Сару Паркер? Знаешь, когда она с родителями переехала сюда? Два года назад! Нам всего лишь придется разузнать, откуда они переехали, и навести там справки на предмет странных происшествий. Как только мы предъявим родителям девочки доказательства, им придется сотрудничать с нами.

Пол остановился прямо напротив оператора и отчетливо произнес:

— Тони, сюжет первоклассный! И он наш. Только сначала надо избавиться от Сью.

— Ну да... точно, — с сомнением в голосе пробормотал оператор. — Вот только... Пол, на достойные сюжеты у Сью нюх как у ищейки. Разве не знаешь, что она способна сделать с тем, кто перейдет ей дорожку? Гарри Муррей рассказал мне, что с ним приключилось после того, как он обнародовал, что Сью сует длинный нос в изъятые при монтаже кадры. Да на него словно напал бешеный ротвейлер, насквозь пропитанный ароматом от Шанель!

— Она ничего не просечет, а когда спохватится, будет уже поздно, к тому моменту мы уже сделаем себе имя.

Красноречие Инкмана прервала трель мобильника, и Полу пришлось выудить его из кармана.

— Алло? — буркнул он. — О, привет, Сью. Да, мы тебя ждем. Сейчас мы на парковке позади церкви, ты нас сразу найдешь. — Тут он приостановился на мгновение и подмигнул Тони. — Но боюсь, что вести наши не очень-то радостные...

Сара нажала кнопку звонка и ухмыльнулась, поскольку дверь отворилась практически тут же. Эмма Уильямс, воплощенное волнение, явилась на пороге.

— Ты опоздала! — завизжала она. — Я боялась, что ты вовсе не придешь! Заходи же! Мама говорит, чтобы все сумки мы подняли наверх, а потом можно будет немного погулять. Но первым делом поздоровайся с мамой. — Тут Эммин голос театрально понизился до шепота: — И с Мэттом.

— Кто такой Мэтт? — тоже шепотом спросила Сара.

— Его отец работает в университете вместе с моим. Он американец. Они только что переехали, и папа сказал, что было бы здорово взять Мэтта в нашу компанию, а то ему играть не с кем. Поэтому он на целые выходные навязался к нам! Ладно, проходи.

Эмма повела Сару через холл в гостиную, где на диване расположилась миссис Уильямс. Она маленькими глотками пила кофе из чашечки с изображением скорпиона и читала газету. Рядом, вцепившись в джойстик, сидел

взъерошенный мальчик лет десяти, всецело поглощенный экраном телевизора и пультом от игры.

— Здравствуй, Сара, — улыбнулась миссис Уильямс. — Я рада, что ты наконец-то пришла к нам на выходные. Познакомься, пожалуйста, это Мэтт.

Мальчик нажал кнопку паузы на пульте и только затем улыбнулся Саре.

— Привет, — кивнул он ей.

— Почему бы тебе... — начала было миссис Уильямс, но тут зазвенел телефон. — Секундочку. — И мама Эммы взяла трубку. — Слушаю вас! Да, она дома. Сейчас позову.

И передала трубку дочери со словами:

— Это Трейси.

— Трейси? — пренебрежительно фыркнула Эмма (нынче Трейси не значилась в списке ее лучших друзей). — Ей-то чего надо?

От ее надменного, пренебрежительного вида не осталось и следа, когда она услышала то, что имела ей сообщить Трейси.

— Что? Где? Правда? Конечно! Увидимся там!

Эмма чуть ли не швырнула трубку маме в руки и запрыгала в возбуждении.

— Трейси говорит, что на автостоянке телевидение, камеры и даже сама Сью Перриго! — воскликнула девочка. — Она собирается что-то снимать! Нам надо срочно сбегать посмотреть! Может, и нас покажут по телевизору! Бежим же, Сара!

— Эмма! — В голосе миссис Уильямс послышалось предостережение. — Ты случайно никого не забыла?

— Ой. Точно. Мэтт, пойдешь с нами?

— Ага. Круто! — Мальчик встал с дивана и вновь улыбнулся Саре.

Эмма утомленно возвела очи горе.

— Короче, так, — подытожила она, — давайте шевелитесь.

— Не верю! — прошипела Сью Перриго, вперившись взглядом в Пола Инкмана. — Я в этой деревне всего полчаса, но знаю точно: здесь есть сюжет! Да я просто чую это!

Она отвернулась от Пола и принялась наступать на оператора. Лицо Сью было спокойно, на губах играла улыбка. Собравшимся пятидесяти зевакам из числа местных жителей она казалась прекрасной и блистательной телезвездой — именно такой, какой приходила к ним с экранов телевизоров, — но Тони-то видел стальную жесткость глаз Сью. Он начал пятиться, словно на него надвигалась кукла Барби ростом с человека в режиме «поражение».

— Так скажи же мне ты, Энди...

— Тони.

— Не важно. Расскажи, что тут происходит.

— Я... ну... то есть я не...

Тони наткнулся спиной на закусочный столик и оказался в ловушке. Рука Сью легла ему на плечо, а глаза вперились в него с расстояния всего лишь в фут. Отменно маникюренным темно-красным ноготком мисс Перриго провела по шее онемевшего оператора чуть ниже подбородка, и на мгновение Тони посетило дурное предчувствие, что ноготь вот-вот прорвет кожу и вцепится в яремную вену.

— Нам ведь не хочется разочаровывать собравшихся, верно? — шепнула Сью, жестом показывая на собравшихся поглазеть местных жителей. — Они ждут, когда я начну снимать сюжет. Я ненавижу разочаровывать людей. И терпеть не могу, когда меня саму разочаровывают...

Тони прикрыл глаза и сглотнул.

— Кажется, есть тут одна маленькая девочка, — начал он...

Стоявшая позади толпы зевак Сара не видела ровным счетом ничего. Эмма, Трейси и Мэтт умудрились пролезть сквозь толпу и оказались в первых рядах. А Саре врожденное чувство самосохранения подсказало, что не следует оказываться на виду, поэтому она предпочла остаться позади. Заскучав, девочка побрела через парковку к реке. И тут заметила маленького Тима Гриффитса.

Малыш Тим как-то умудрился незаметно удрать от мамы (большой поклонницы Сью Перриго) и ковылял вдогонку за бабочкой со всей прытью, на какую были спо-

собны крохотные ножки двухлетнего ребенка. Самое неприятное было в том, что бабочка летела к реке.

Сара бросила взгляд на оставшуюся позади толпу: внимание всех собравшихся было по-прежнему прикована к троице с телевидения. Сара бросилась было за малышом, но — слишком поздно.

Тим попытался схватить бабочку, промахнулся и с еле слышным всплеском свалился в реку. Сара подбежала к берегу, но Тима уже несло вниз по течению. С тревогой она опять обернулась на толпу, но никто не смотрел в сторону реки. Только Саре было под силу спасти малыша. Она глубоко вздохнула и сконцентрировалась.

Сосредоточение оказалось столь глубоко, что девочка едва обратила внимание на вопль «ТИМОТИ!». Приподняв слегка дрожащие руки (Тим оказался тяжелым), Сара стояла на берегу. Она вытащила малыша из воды тридцатью футами вниз по течению, а потом донесла его обратно и осторожно опустила мальчика на траву.

И тут ощутила, что вокруг — гробовая тишина, прерываемая лишь всхлипываниями Тима. Тотчас обернувшись, Сара увидела, что взгляды пятидесяти пар глаз прикованы к ней в немом изумлении. В течение нескольких секунд никто не двигался, и тут с места сорвалась миссис Гриффитс, бросилась к своему малышу, схватила его и прижала к себе.

Сью Перриго бросила на Пола Инкмана торжествующий взгляд и направилась к Саре.

— Я все видела! — констатировала она. — Ведь это твоя работа, не так ли? И как же ты это делаешь?

Сара обвела взглядом собравшихся: онемевшие от изумления горожане по-прежнему не сводили с нее глаз. Девочка поняла, что на этот раз она попалась всерьез. Все, содеянного не воротишь, отпираться бесполезно. Теперь все и всё знают. Тайна раскрыта.

Девочка взглянула в глаза Сью Перриго и ужаснулась их выражению. Она попятилась, но Сью шла следом.

— Уходите! — закричала Сара. — Отстаньте!

Крепко-накрепко зажмурившись, она опустилась на землю и закрыла лицо руками.

— Пожалуйста! — молила она. — Просто оставьте меня в покое!

В ответ — тишина. Необычная, полная тишина. Девочка слышала лишь собственное учащенное дыхание. О боже, что же она натворила на этот раз? Сара даже не смела взглянуть. И тут услышала голос:

— Ну и дела! И как, по-твоему, это называется?

Девочка открыла глаза. Рядом стоял Мэтт и чуть ли не гневно взирал на нее.

— Использовать магию перед всеми этими людьми! — тем временем продолжал новый знакомый. — Ну ты даешь!

Сара осмотрелась. Собравшиеся застыли, точно статуи. Ближе всех замерла Сью Перриго, простершая руку, чтобы коснуться Сары. Глаза телезвезды невидяще уставились туда, где только что, скорчившись, сидела несчастная девочка. Секунду Сара пыталась разобраться в том, что же все-таки произошло, но тут увидела замершую в полете птичку и застывшую без движения реку.

— Ты! — ахнула изумленная Сара. — Ты это сделал! Но у тебя... Ты не можешь быть ведьмой! Я — последняя ведьма, это точно!

— Конечно же, я не ведьма! — небрежно бросил Мэтт. — Разве ты ничего не знаешь? Ведьмами бывают женщины. А я — волшебник, или маг, или чародей. Называй как хочешь. Мы не такие, как ведьмы.

— Какие — не такие?

— Вы, ведьмы, наделены властью над людьми, растениями и животными. Как там говорил дедушка? А, вот: вы властны над органикой. Я же повелеваю... — Мэтт подыскивал нужное слово, — стихиями. Да, точно. Землей, огнем, временем — все в таком духе.

Сара задумалась. Может, именно поэтому она никогда не чувствовала Присутствия Мэтта. Она протянула руку, и вот теперь, когда он стоял так близко, о нем возвестил холодный голубоватый огонек в ее разуме, который резко отличался от света ее собственного Присутствия — теплого, оранжево-красного, с размытыми очертаниями.

— Вставай. — Мэтт протянул руку и помог Саре подняться на ноги. — Надо поговорить.

Они уселись за столик, спинами к рядам людей, застывших в жуткой неподвижности. Никогда прежде Саре не приходилось слушать такую тишину. Мэтт заговорил:

— Твое Присутствие я распознал около двух лет назад. Раньше были и другие ведьмы, но все они, вероятно, умерли. Короче, я чувствовал, что ты — последняя из ведьм. А после смерти деда и я остался последним колдуном. Объединиться нам не помешало бы. Но два года ушло у меня на то, чтобы заставить родителей перебраться сюда, причем так, чтобы они ничего не заподозрили.

— Разве они о тебе толком ничего не знают? — удивилась Сара.

— Нет, конечно! Они же самые консервативные и ревностные христиане на свете. Если они распознают мою силу, то точно решат, что я — Сатана или его ближайший сподвижник. Может, им придет в голову принести меня в жертву, или изгнать бесов, или еще что-нибудь в этом роде, а мне это вовсе ни к чему. Когда я был маленьким, дедушка заботился обо мне и присматривал за тем, чтобы мама с папой ничего не заподозрили. Теперь я сам.

— А твой дедушка — он тоже... был колдуном?

— Ага. Вот такая у нас характерная семейная особенность. Начиная с прапрапрапрадедушки, который был родом из Салема. Но именно дедушка связал колдовство с современной наукой. Он окончил университет, а затем проделал ряд научных исследований. Знаешь, что он, например, обнаружил?

— Что?

— Что способности к колдовству наследуются генетически.

— Что-что-что?

— Я хочу сказать, что способности к колдовству передаются от родителей к детям. Но они слабеют, если только один родитель наделен ими. Дедушка говорил, что после многовековой охоты на ведьм всех нас разбросало по свету и сила наша ослабла. А еще он сказал, что если я найду ведьму и женюсь на ней, то наши дети унаследуют более ярко выраженные способности к колдовству.

— Так что же нам делать?

— Знаешь, мы все-таки последние. Думаю, нам стоит завести детей.

— Что, прямо сейчас?

— Ну ты даешь! Нет, конечно же, не сию секунду! Мне одиннадцать, а тебе вообще десять! Мы же не хотим попасть в скверную историю, да еще и родителей втянуть туда, верно? Нам надо вырасти сначала. А пока надо держаться вместе и заботиться друг о друге.

— Станем друзьями? Да? — уточнила Сара.

Мэтт опять улыбнулся, глядя на нее:

— Точно. Друзьями.

Сара вдруг почувствовала, как одиноко было ей все эти десять лет. Но теперь это чувство исчезло, даже следа от него не осталось. И она тоже улыбнулась Мэтту:

— Не пора ли теперь разобраться с этими бедолагами?

Они вместе обернулись к недвижимой толпе. Мэтт поделился с Сарой своими мыслями:

— Если я слегка подправлю их воспоминания, то сегодняшний день сотрется из их памяти. Наверное, сойдет.

Сара посмотрела на Сью Перриго, а затем на Пола Инкмана. Его угрюмый взгляд был прикован к сопернице, а на лице застыла ненависть чистой воды.

— Как им не стыдно! — кивнула на парочку ненавистников Сара. — Они друг друга терпеть не могут. Вот бы поменять знак минус на плюс, так чтобы они понравились друг другу.

— А почему бы тебе не сделать именно так? Ты властна над их чувствами.

Сара проникла в разум Пола и Сью и легко переменила их чувства. Затем Мэтт совершил то, что было вне компетенции Сары, и в мгновение ока все встало на свои места: река вновь несла воды вперед, пташки летели по своим птичьим делам, а люди двигались. И каждый человек на секунду замер, озадаченно огляделся вокруг, задаваясь одним и тем же вопросом: «Чем же я занимался? Ничего не помню...»

Но тут Пол Инкман поглядел на Сью Перриго, а Сью взглянула на Пола. Между ними словно промелькнула искра, что-то вспыхнуло и взорвалось... И они бросились

друг к другу, страстно обнялись и тут же, будто изголодавшись, слились в жадном поцелуе.

Мэтт с интересом следил за тем, как Сью принялась срывать с Пола одежду.

— Вот это да,— тихонько шепнул он Саре.— Благодаря тебе они очень даже друг другу понравились! Думаю, ты даже не представляешь себе, насколько велика твоя власть.

Не таясь, Мэтт с восхищением смотрел на Сару, которая отвела взгляд — смущенная, но все же очень довольная.

— Давай-ка пойдем отсюда,— сказала она новому другу.— Бежим наперегонки!

Девочка подпрыгнула и понеслась через автостоянку, словно заяц, а вслед за ней, улыбаясь во весь рот, мчался Мэтт.

Так все и началось. Никто ничего еще не ведал об этом, но тем не менее только что произошли события, предопределившие следующий виток развития человека. Homo neanderthalis вымер тридцать тысяч лет назад, вскоре и Homo sapiens последует за ним в мусорный бак истории... А тем временем домой в блаженном неведении мчались два единственных представителя генофонда homo magicus. Они заливались смехом и вовсе не думали о своем месте в эволюции человека.

ЛУИЗА КУПЕР

Похоронный обряд

Тридцать лет назад, познакомившись с первым романом Луизы Купер «Книга парадоксов» (1973), я оказался в замешательстве: не смог найти ничего, написанного ею или хотя бы кем-нибудь о ней. Только спустя несколько лет появился еще один изумительный роман — «Властелин вне времени» (1977). Лишь после 1985 года, когда начала выходить в свет серия о Властелине времени, открывшаяся книгой «Член братства», любители фэнтези по достоинству оценили Луизу Купер. Ее перу принадлежат также несколько романов в жанре хоррор, в том числе «Кровавое лето» (1976) и «В память о Саре Бейли» (1977). С 1985 года Луиза Купер (родилась в 1952 году) пишет прекрасные романы в жанре фэнтези, в том числе серию «Индиго», начавшуюся «Немезидой» (1988), серию «Врата Хаоса», начавшуюся «Обманщиком» (1991), и серию «Тень звезды». Последнюю серию открывает роман «Влияние звезды» (1994). Предлагаемый вашему вниманию рассказ — пролог, предваряющий повествование. Он представлен в качестве самостоятельного произведения, чтобы читатели смогли оценить глубину и убедительность миров Луизы Купер.

Бенетан Лисс.

Ровный невыразительный голос, назвавший его по имени, проник в причудливый многоэтажный сон. Лисс повернулся на другой бок и бессознательно натянул на голову тяжелое одеяло.

— Бенетан, поторапливайся. Вставай.

На этот раз в сон вторгся не шепот, а приказ, побуждающий к безотлагательному исполнению.

Снившееся Бенстану двухголовое чудище дрогнуло и исчезло, и он пробудился в черной темноте, готовой поглотить колеблющийся огонек пламени. Чуть выше огонь-

ка в темноте светились два глаза. Когда собственные зрачки Лисса расширились, он различил не только глаза, но и неясные очертания – призрак человека.

— Что... — Бенетан проглотил незаконченный вопрос: разум включился в работу.

Из темноты появилась рука; огонек осветил тонкие пальцы и сложенную чашей ладонь. Посетитель слегка дунул на пламя, и оно разгорелось ярче, озарив узкое лицо неверным светом. Игра черных и серебристых теней усложняла, не давала понять его выражение.

— Савринор... — Остатки сна испарились, и Бенетан Лисс понял, что окончательно проснулся. — В чем дело? Который час?

— Восход второй луны, — ответил Савринор. Официально он именовался летописцем, но его должностные обязанности простирались неизмеримо дальше беспристрастного изложения происходящих событий.

Он подошел к окну и отодвинул занавеску. В комнату скользнул холодный луч, посеребрил длинные белокурые пряди волос Савринора, резче обрисовал хищный профиль с тонким орлиным носом.

Савринор прикрутил фитилек лампы, освещавшей изголовье кровати Бенетана.

— Друг мой, ты бы лучше оделся. Этой ночью никому из нас больше не удастся поспать. — Во мраке, который не в силах был рассеять ни лунный свет, ни свет лампы, бледно-голубые кошачьи глаза историка встретились с глазами Бенетана. — Наконец умирает Верховный маг.

— Сегодня ночью? Как ты можешь это знать?

Савринор пожал плечами — скудный, но весьма выразительный жест.

— У меня есть уши, которыми я слышу. Внизу какое-то движение, перемещается остов замка, и уже ползут слухи, что Врата Хаоса приоткрываются с дальнего конца. А ты не хуже меня знаешь, что это может означать только одно.

— Эмиссар?

— За его душой.

Слабая улыбка тронула губы Савринора, не согрев его холодного взгляда.

— Я бы сказал, что произойдет это еще до рассвета, — продолжал историк. — Ты угодишь нашим повелителям, если предвосхитишь их приказы: будь готов к тому времени, как они пошлют за тобой.

Бенетан начал было:

— Если ты прав... — но, подумав, не стал заканчивать вопрос. Савринор никогда не ошибался. Такого он просто не мог себе позволить, балансируя, будто на лезвии бритвы, на границе, разделяющей два лагеря.

Бенетан свесил ноги с кровати и встал. Проговорил:

— Я твой должник.

— Нет, что ты... — Восхищение с легким оттенком зависти сквозило во взгляде Савринора, наблюдавшего, как Бенетан тянется к одежде. — Это я все еще обязан тебе за ту смуглянку, что ты мне привез из последней вылазки.

Бенетан резко обернулся, в сузившихся глазах мелькнул сарказм.

— Да она тебе наскучила за четыре дня.

— Возможно; но развлечение было приятным. Так что, скажем, услуга за услугу, — вновь улыбнулся Савринор, — чтобы сравнять счет.

Савринор всегда помнил оказанные и полученные им любезности. Он, следуя хитрому и подчас непостижимому моральному кодексу, непременно отдавал или же взыскивал долги в соответствии со скрупулезными подсчетами.

— Хорошо. Мы квиты, — коротко кивнул Бенетан и начал одеваться. Поморщился, ощутив обнаженным телом холод церемониальных одеяний, снятых со спинки кресла, куда они были небрежно брошены вечером. Поверх туники Бенетан прикрепил на плечи тяжелые серебряные пластины с семью кварцевыми подвесками, препоясался широким черным кожаным ремнем, на котором сверкали, словно глаза неведомых существ во тьме, еще семь драгоценных камней различных цветов. Пока он скреплял сложную застежку, Савринор сказал:

— Похоже, этой ночью нашим властелинам потребуется больше народу, чем обычно.

Бенетан прервал свое занятие и взглянул на Савринора, но лицо летописца не выражало ровным счетом ниче-

го. По нему блуждала лишь хитрая полуулыбка, которая уже начинала раздражать Бенетана.

— Больше? — Он был немногословен. — Отчего?

Савринор пожал плечами:

— Знаешь ли ты, кто станет избранным преемником?

— Нет. Я не посвящен в тайны магов.

— Среди нас нет никого, кто был бы посвящен. Но иногда кто-нибудь из нас слышит обрывки фраз то здесь, то там. А после, в наших уединенных покоях, мы развлекаемся тем, что слагаем эти клочки в узоры. Порой они даже превращаются в картины. — Улыбка историка сделалась плотоядной. — Бенетан, друг мой, твой самый существенный недостаток — в том, что ты не интересуешься ничем, кроме исполнения прямых служебных обязанностей.

— Здесь безопаснее вести себя именно так, — отчеканил Бенетан.

— Может, и безопаснее. Но это гораздо менее интересно. — Направляясь к двери, Савринор изящно прошел через комнату, но у самого порога остановился и обернулся. — Итак, твое исключительное благоразумие не позволяет тебе узнать, кто станет нашим новым Верховным магом? Как жаль!

И потянулся к дверной щеколде. Бенетан вздохнул. Игры — любимое времяпрепровождение Савринора. Если кто-нибудь хотел получить от летописца не только поверхностные сведения, он должен был включиться в игру и соблюдать ее правила.

— Ну хорошо, — обреченно сказал Бенетан. — Скажи же.

— Нет! — Савринор погрозил длинным пальцем. Слабый свет лампы едва освещал его, и лицо летописца казалось мертвенно-бледным и не вполне человеческим. — Я вовсе не собирался компрометировать тебя против твоей же воли.

Не впервые за время их весьма долгого знакомства Бенетана обуяло желание ударить Савринора. На извлечение информации таким способом хватило бы и минуты. Бенетан был на двенадцать лет моложе, на несколько дюймов выше летописца и, кроме того, знал, что Савринор боится

физической боли. Но каким бы ни был взгляд Бенетана на ценность дружбы Савринора, враг из него получился бы очень опасный.

Бенетан заставил себя расслабиться:

— Пожалуйста, Савринор. У меня нет ни времени, ни умения устраивать с тобой словесную дуэль. Скажи же.

Историк со снисходительной улыбкой склонил голову. Потом выражение его лица изменилось, он встретился с Бенетаном взглядом и произнес:

— Вордег.

Внутри Бенетана словно шевельнулся холодный червь. Он пытался произнести слоги этого имени, но из горла не вылетало ни звука. Затем ему все же удалось сглотнуть и спросить:

— Уверен ли ты?

— Уверен настолько, насколько это возможно до момента официального провозглашения.

— Но он же...

Савринор предостерегающе поднял руку, заставив его замолчать:

— Не говори этого. Ни в шутку, ни всерьез. Ни при каких обстоятельствах. — В интонациях летописца больше не было и намека на поддразнивание. — Мой тебе совет: никогда даже *не думай* об этом, если будущее тебе не безразлично.

Савринор был прав. Бенетан знал характер и мастерство Вордега, хотя, к счастью, никогда не вызывал неудовольствия мага.

«Но все же...» — произнес некий голос внутри Бенетана, и, не осознавая, что делает, он коснулся маленького амулета в форме звезды, висящего на железной цепочке у него на шее.

— Итак, — мягко продолжал Савринор, — я надеюсь, ты оценишь мою заботу о том, чтобы нынешней ночью все прошло гладко.

— Да. И в особенности я благодарен тебе за предупреждение.

— Ах! — вновь последовал предостерегающий жест, но теперь к Савринору вернулся лукавый юмор. — Осто-

рожнее. Могу поймать тебя на слове и изменить список наших взаимных задолженностей в свою пользу.

Никогда нельзя было сказать наверняка, шутит Савринор или говорит серьезно. Мгновением позже, так ничего и не поняв по лицу летописца, Бенетан пожал плечами, неопределенно улыбнулся и вслед за Савринором вышел из комнаты.

В темноте, едва ли отступавшей перед тусклым огоньком лампы Савринора, спутники направились по головоломному лабиринту лестниц и переходов замка к кошюшне. Через маленькую дверцу вышли во двор, и Бенетан на секунду задержался, глубоко вдохнул прохладный ночной воздух и наполнил им все свое существо. Никогда ему не привыкнуть к давлению сводов замка, к тревоге и гнету, что распространялись от каменных стен и многократно усиливались по ночам. Высокие мрачные черные стены с их резкими углами казались зловещей шуткой архитекторов и их сверхъестественных вдохновителей; они не отражали света и, словно темные водовороты, поглощали взгляд. Вокруг замка возвышались четыре колоссальные черные башни со шпилями, свирепо вонзавшимися в небо. Сквозь бегущие облака проглядывала луна, порой освещая шпили мерцающим призрачным светом. Борясь с головокружением, Бенетан закинул голову и взглянул на их верхушки: каждое окно в каждой башне под шпилями было освещено тусклым, тревожным огнем. Верный признак того, что кто-то там выжидал, наблюдал. Лисс быстро отвел взгляд.

— Видишь? — тихо спросил Савринор. — Готовятся. Если стоять тихо и сконцентрироваться, то можно почувствовать, что́ надвигается на нас.

Бенетан неохотно расслабился и успокоил дыхание. Поначалу он слышал лишь доносящийся снизу отдаленный, но грозный рокот прибоя, мерно бьющегося об огромную скалу, на которой стоял замок. Но затем под ногами, глубоко в недрах земли, он ощутил непрекращающуюся пульсирующую вибрацию. Не доносилось ни звука: толчки происходили в таких глубинах, что не могли быть услы-

шаны человеческим ухом. От явственного движения и перемещения в подземной бездне кровь стыла в венах и спина покрывалась холодным потом...

Бенетан с раздражением взглянул на спутника:

— Не могу терять ни минуты, Савринор. Я должен разбудить своих людей.

— Конечно.

Лисс двинулся через безлюдный внутренний двор, летописец пошел рядом. В просвете между облаками, словно бесплотное лицо в небе, висела бо́льшая из двух лун, затмевая слабо мерцающие звезды — все, кроме самых ярких. Внутренний двор замка заливал холодный свет; впереди мужчин по плитам двора плавно скользили их тени. Бенетан старался унять дрожь: в этих северных широтах лето подходило к концу очень быстро, и в колючем морском воздухе явственно чувствовалась перемена погоды.

В небе полыхнула короткая вспышка, похожая на отдаленную зарницу. Бенетан невольно взглянул вверх — как раз вовремя, чтобы заметить шипящее потрескивание молнии между верхушками двух шпилей. Ответ на небесный сигнал. Сердце тревожно забилось, и Бенетан, сам того не замечая, сделал быстрый оградительный знак правой рукой. Ничто не могло скрыться от глаз Савринора, и он сухо ухмыльнулся:

— Да, приближается ураган Искривления. — Летописец внимательно глядел на небо. — И я подозреваю, что он будет сильнее обычного. Впечатляющее нас ждет зрелище!..

В северном небе разливалось слабое зарево; бледное и неестественное свечение говорило о том, что за горизонтом нарождается нечто ужасное. И вновь между шпилями загудела пойманная в ловушку молния. Невольно Бенетан ускорил шаг, и, чтобы поспеть за ним, Савринору пришлось бежать трусцой. Впереди, залитая лунным светом, неясно вырисовывалась конюшня. Наконец они оказались под сводом арки, ведущей в помещение. Бенетан с облегчением услышал приглушенный соломой топот копыт. Окруженный теплым, уютным запахом лошадей, Лисс почувствовал, что охватившее его напряжение наконец спадает.

Свет единственного фонаря отразился в чьих-то глазах. На куче сена в дальнем углу обозначилась фигура человека; он вскочил на ноги с недостойной поспешностью.

— Капитан Лисс... — В голосе явно слышалось облегчение.

Бенетан тяжелым взглядом смотрел на молодого часового, который торопливо смахивал сено с одежды.

— Почиваешь, Колас?

— Прилег на секундочку, сэр. — Ложь была очевидна, и юноша потупился. — Простите меня, сэр.

Зная, что Савринор с лепивым интересом наблюдает за происходящим, Бенетан сказал:

— Надеюсь, больше такого не повторится, Колас. В другой раз твой сон может прервать кто-нибудь значительно менее терпимый, нежели я.

— Особенно после того, как пройдет эта ночь, — добавил Савринор, вступая в круг света.

При виде летописца лицо Коласа стало белее снега, и он отвесил почтительный поклон:

— Господин Савринор! Я...

— Оставь извинения своему начальнику, мальчик. Перед лицом высших сил мне совсем не интересны твои ничтожные оправдания по поводу незначительных нарушений дисциплины. — Савринор резко повернулся на пятках, и Бенетан кивнул Коласу:

— Все в порядке. Бояться нечего. — Теперь, в привычной для него обстановке, Бенетан почувствовал твердую почву под ногами, и к нему вернулась обычная самоуверенность. — Поднимай конюхов и оруженосцев.

— Есть, сэр!

Бенетан подумал, что у Коласа, несомненно, есть потенциал: парень уже научился не задавать лишних вопросов. Юноша направился ко внутренней двери, ведущей в тесную общую спальню, где ютились конюхи, но заколебался и осмелился обернуться:

— Прошу прощения, сэр. Должен ли я сказать конюхам, сколько лошадей вам потребуется?

Бенетан хотел было ответить, но Савринор коснулся рукой его плеча.

— Думаю, что нет, — спокойно произнес летописец.

Бенетан заколебался, а затем посмотрел в дальний конец конюшни. Там тускло мерцала среди теней железная дверь, запертая на огромный засов, но больше ничем не примечательная. И Лисс понял, что Савринор имел в виду. Не много времени прошло с тех пор, как всадники Хаоса в последний раз вызывали удивительных скакунов, но сегодня случай был из ряда вон выходящий.

Подавляя дрожь, Бенетан опять повернулся к Коласу, который не спускал с него глаз, ожидая ответа.

— Сейчас лошади нам не нужны, Колас. Приказ будет другим.

— Да, сэр. — Мальчик едва различимо нахмурил брови, и Бенетан напомнил себе, что он совсем недавно поступил в ряды элитного подразделения.

— Многообещающий, — тихо сказал Савринор, когда за Коласом закрылась дверь. — Но, как я полагаю, воспитан не в замке.

— Колас в прошлом году пришел из деревни на востоке. Он учится.

— Так же, как и ты учился?

— Да.

Их взгляды на мгновение встретились, и Савринор заметил в глазах Бенетана как раз то, что ожидал увидеть: отвращение и нарастающий страх. Он позволил себе вновь положить ладонь на руку капитана:

— Послушай совета доброго друга Савринора и не трать силы попусту на думы о том, что неизбежно. — Пожатие тонких пальцев показалось Бенетану излишне фамильярным, и он убрал руку. — Скоро будет рассвет.

— Я не нуждаюсь... — сердито заговорил Бенетан, но не успел закончить фразу: его заставил замолчать звук, рождавшийся где-то в замке. Неспешный, глубокий, отражающийся многократным эхом. То был могучий голос колокола.

Глаза Савринора напряженно сузились, скользнули по лицу Бенетана. Летописец кивнул:

— Именно так я и предполагал. Лучше выйдем отсюда.

Пока они шли к замку, все еще звучал металлический гул колокольного звона. Он внезапно смолк, когда Савринор и Бенетан входили во двор. В течение нескольких минут в ночной тиши не раздалось ни звука; это безмолвие казалось жутким. Затем где-то у главных ворот распахнулась дверь. Щелчок с силой отодвинутой задвижки оказался столь громким, что Бенетан вздрогнул. Трое мужчин быстро пошли через двор, за ними появились еще люди, открылись новые двери... Из замка одна за другой выходили темные фигуры, и все держали путь к конюшням. В свете луны блестел металл, и до слуха Бенетана доносился звон шпор и ременных пряжек.

— Мне следует находиться не здесь, — шепнул Савринор.

Бенетан с трудом собрался с мыслями:

— Благодарю тебя, Савринор. Этой ночью ты оказал мне услугу.

В холодном свете луны ответная улыбка летописца превратила его лицо в подобие черепа.

— Доброй охоты, — пожелал он и бесшумно, словно тень, скользнул прочь.

— Капитан Лисс... — К Бенетану подошла первая группа мужчин, и каждый приветственно коснулся рукой символа Семиконечной Звезды. — Колокольный набат — значит ли это, что...

— Да, — коротко ответил Бенетан. — Конюхов уже разбудили. — К своей радости, он почувствовал, что четкие ответы приводят его в себя, вытесняя скверное чувство в животе. — Необходим полный состав всадников, — продолжал Лисс. — Если у нас недостаточно здоровых, то необходимо поднять с постели больных. Я хочу, чтобы через десять минут все были в сборе. Где сержант?

— Я здесь, капитан! — Темные глаза на белом лице; звание обозначено нашлечным знаком темно-красного цвета.

— Через десять минут, сержант. Необходимо, чтобы все прошло как положено. — И, понизив голос, Бенатан сказал на ухо сержанту: — Ходят слухи о Вордеге.

Ну конечно же, ужас. Он отразился на лице сержанта; то же почувствовал и сам Лисс, когда Савринор шепнул

ему новость. Едва Бенатан произнес имя мага, добавив пущей остроты охватившей всех тревоге, его вновь обуял страх. «И небезосновательно»,— про себя сказал Лисс, когда сержант поспешил прочь.

Совсем не безосновательно.

Когда прозвучал ожидаемый приказ, они уже были готовы. Сорок девять воинов в полном вооружении — по семь человек в семи рядах — безмолвно выстроились перед конюшнями. Бенетан слышал, как беспокойно бьют копытами лошади: им передалась атмосфера всеобщей напряженности. Но этой ночью всадникам Хаоса нужны были не просто лошади.

Теперь небо начинало волноваться. Устрашающие вспышки больше не трещали между шпилями, но далеко на севере практически постоянно вспыхивали молнии, и по небу медленно распространялось, поглощая звезды, тревожное зарево смутных цветов. Все еще ярко светила луна, но ее ореолом окружало призрачное кольцо. Спустя несколько минут ее лик поглотит сверхъестественный ураган небывалой силы, называемый Искривлением.

Чувства Бенетана непроизвольно обострились, пытаясь не пропустить первые жуткие отдаленные звуки, предвещающие бешеную атаку Искривления. По телу вновь струился пот, и черный шелк рубашки и штанов лип к коже холодными и противными прикосновениями. Лисс надел искусно украшенный серебряный обруч, образующий вокруг глаз страшную полумаску: благодаря ему длинные черные волосы не лезли в лицо. Но пот бисером проступал на лбу, а вытереть его не получалось. И всякий раз, как Бенетан моргал, капли повисали на ресницах, рассеивая и преломляя отблески лунного света, что играли на серебряных браслетах и драгоценных камнях на талии и плечах. Стиснув зубы, Лисс караулил первый адский вопль с севера и ожидал приказа, который, как он знал, мог прозвучать в любой момент. Затем его насторожил звук — скрежет дерева по камню, скрип петель,— и капитан посмотрел в направлении двойных дверей главного входа в замок.

На ступени перед дверью упала тень, и появился человек. Его сложно было узнать, потому что беспокойные отблески света луны и меньших светил искажали фигуру, но осанка человека и длинные тяжелые одежды дали Бенетану знать, что перед ним отнюдь не слуга. Новоприбывший окинул взглядом собравшихся, поднял руку. Сердце болезненно сжалось, и Бенетан поспешно пересек двор и взошел по ступеням.

— Капитан Лисс! — Голос был сухим и слегка надтреснутым, старческие глаза пронзительно вглядывались в Бенетана из-под припухших морщинистых век. В дивной вышивке на одежде мага извивались и перемещались странные фигуры, жившие собственной жизнью. — Вы заслуживаете похвалы за столь быстрое реагирование.

— Благодарю вас, мой господин. — Бенетан никак не мог сфокусировать взгляд. Отсалютовал, прижав руку к груди, и скорее почувствовал, чем увидел дрожь небес. Послышались тихие шаги; маг развернулся и ушел со ступеней в безмолвный величественный холл, а Бенетан на почтительном расстоянии последовал за ним.

— Сегодня ночью нам необходим полный сбор. Удовлетворите данное требование, и ваше усердие понравится тем, кому все мы имеем честь служить.

— Слушаюсь, мой господин. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы должным образом выполнить возложенные на меня обязанности. — Бенетан усилием воли подавил тик, от которого могла задергаться щека, и про себя возблагодарил Савринора.

Маг кивнул:

— Мы просим не больше и требуем не меньше. А теперь скажи: все ли всадники на месте?

— Да, сэр.

— Хорошо. Значит, ты готов принять участие в таинстве.

— Я... — Голос Бенетана надломился, но он взял себя в руки. — Я готов, мой господин.

Теперь он услышал первый тонкий, пронзительный вопль, доносившийся из-за моря: ураган Искривления начал путь к полуострову. Пройдет десять, самое большее —

пятнадцать минут, и невероятные силы, вызванные магами, с пронзительными воплями вырвутся из ночной тьмы в диком и смертоносном ликовании. И ему, капитану Лиссу, предстоит смело встретить ураган и повести всадников в самое сердце завывающей жути.

Маг отвернулся, Бенетан услышал щелчок пальцев и легкие, перешительные шаги служанки, что ожидала поодаль в тени, а теперь по приказу выступила вперед. Она держала оловянный поднос: на нем разместились кувшин и крохотная чаша, вырезанная из целого алмаза. Отведя взгляд, служанка опустилась перед магом на одно колено и протянула поднос.

Пока волшебник до краев наполнял чашу, Бенетан пытался унять бешеное сердцебиение. Он видел слабое загадочное фосфоресцирующее свечение жидкости и против собственной воли обнаружил, что страстно желает испить ее и ощутить воздействие. То была защита от страха, броня для разума перед лицом того, что скоро произойдет. В лицо капитана впились проницательные, непреклонные глаза — они словно бы напрямую могли заглянуть в мозг и прочесть мысли. Маг тонко улыбнулся и протянул Лиссу наполненную до краев чашу.

«Яндрос, величайший повелитель Хаоса, укрепи сегодня мою смелость!»

Бенетан закрыл глаза, когда беззвучная молитва явилась в его мозгу, и выпил жидкость, осушив чашу возможно стремительнее.

Напиток обжег язык, затем Бенетан почувствовал, как жар растекается из желудка по всему телу. Не вполне твердо держась на ногах, он поставил чашу обратно на поднос.

— Лабиринт открыт и ждет, капитан. Я бы посоветовал вам не задерживаться. — Маг показал на двери. — Ищите на славу и пожните достойный урожай.

Зная, что последние слова могли быть или благословением, или предостережением, Бенетан еще раз отсалютовал. Служанка шагнула вперед и вручила ему поднос. Маг удовлетворенно кивнул и, когда оцепеневший Бенетан повернулся лицом ко внутреннему двору замка, ушел прочь.

Во главе выстроившихся людей стояли два сержанта. Один из них взял поднос, и Бенетан отрывисто произнес:

— Проследите, чтобы каждый испил полную чашу.

— Сэр. — Сержант с пониманием кивнул.

С тошнотворным чувством, которое не могло объясняться одним только приемом наркотика, Бенетан наблюдал, как сержант обходит воинов и внимательно следит, чтобы каждый пил в соответствии с очередностью. Затем взглянул через плечо и увидел, как Колас, широко раскрыв глаза, стоит в дверях конюшни. Для этого похода мальчик был слишком молод и неопытен — уж лучше ему сейчас повременить, чем попусту рисковать. Бенетан махнул рукой, и Колас бросился к нему:

— Да, капитан?

— Иди поспи, Колас. Этой ночью твоя служба больше не потребуется.

— Но, сэр?!

— Я сказал — *иди поспи.* Или же завтра будешь наказан плетью за неповиновение. — Лиссу вовсе не хотелось грубо обходиться с мальчиком, но времени на объяснения не было. Если Колас заупрямится, то без наркотического щита его разум окажется в опасности.

Глаза Коласа затуманились, и он приложил руку к левому плечу:

— Да, сэр! — Он развернулся и большими шагами пошел прочь, пытаясь сохранить достоинство и ничем не выказать уязвленной гордости.

Над головой сверкнула темно-красная молния. Отдаленный воющий звук нарастал, подобно приливной волне; ему вторили низкие раскаты грома. Безо всякого предупреждения исказилось все то, что Бенетан видел своими глазами. Теперь он глядел на происходящее словно из другого измерения. Иллюзия длилась лишь минуту, но стало очевидно, что наркотик подействовал. Бенетан сделал несколько глубоких вздохов, считая их и ощущая в горле скрежет воздуха. Теперь небесным звукам вторил хор радостных голосов, раздававшийся в его голове. Капитана сотрясала аритмичная дрожь. Он чувствовал себя так, будто его тело было камнем, камнем замка, а в воздухе чув-

ствовался привкус огня, вина и чего-то неуловимого, что он никак не мог назвать.

Бенетан взглянул на сержанта, обносившего снадобьем последних людей в ряду. Стоявшие шеренгами всадники казались иноземцами, их силуэты были словно высечены в камне жутковатым мерцанием ночного света. Мир все изменялся и изменялся; в вышине по небу катилось жуткое зарево набирающего силу урагана. Бенетан почувствовал, как в глубине его существа нарастает сокрушительный смех, развернулся и, словно во сне, направился к конюшням. Мимо возбужденных лошадей капитан прошел дальше, к железной двери с тяжелым засовом. При виде его попятились конюхи — бессмысленные людишки, недостойные внимания. Конюшня тем временем увеличивалась до невозможности, стены разъезжались и крепились, пол выгибался под ногами. Бенетан знал, что это галлюцинации, что наркотик овладевает разумом и телом, вытесняя прежний страх, и Лисс приветствовал иллюзии и упивался ими. В полумраке дверь казалась огромным ртом. Бенетан остановился подле нее и достал из-за пояса пару длинных черных перчаток: каждый их палец заканчивался серебряным когтем. Ладони покалывало, пока он натягивал и расправлял перчатки; в лунном свете сверкали когти. Сгибая пальцы, Бенетан ощупал мощь и власть преобразованных, уже не вполне человеческих рук.

Тяжелый засов на двери уступил натиску Лисса. Капитан сдвинул его в сторону и позволил упасть на землю. Затем сжал руку в кулак и, стукнув по двери, разразился хохотом. С седьмым ударом дверь обрушилась в черный, как сама ночь, туннель. Бенетан отпрянул назад, когда тьма изрыгнула сильный поток воздуха. В раскупоренном пространстве зазвучал нарастающий звук, и что-то огромное — даже более черное, нежели сама тьма в туннеле, — направилось к двери, желая вырваться в материальный мир.

Даже в состоянии наркотического возбуждения сознание Бенетана не могло полностью принять такое. Из тьмы явилась исполинская фигура из железа и мрака, очертаниями напоминавшая коня, хотя было очевидно, что ни

одно существо из плоти и крови не могло породить ничего подобного. Мерцали кварцевые копыта, глаза светились холодным серебряным светом, на спине хлопали огромные крылья. Чудище открыло темно-красную пасть и огненным дыханием коснулось лица Бенетана. Он протянул руку и схватился за извивающуюся змеями гриву; он оглаживал ее и говорил, побуждая удивительное создание выйти во двор. За первым существом появлялись еще и еще — исполинские силуэты рожденных Хаосом существ, демонических и могучих. Бенетан засмеялся вновь, и к нему присоединились всадники, также испившие снадобья мага. Смех, мешавшийся с завываниями в небе и в его голове, был полон безумием. В измененном восприятии Бенетана весь мир стал черно-серебристым. Взор Лисса не был ограничен физическими рамками измерений, а простирался в места, где другое сознание вращалось в темных и бесформенных глубинных настроениях. Они подпитывались возбуждением Бенетана, наполнявшими его чувствами, от которых кровь разгоралась и все быстрее бежала по жилам.

В конюшне кто-то пронзительно закричал. Молодой конюх, не готовый к зрелищу, свидетелем которого он стал, не был защищен наркотиком, надселившим воинов силой выстоять пред лицом Хаоса. Прежнему Бенетану стало бы жаль охваченного ужасом юношу, но этот Бенетан был совсем другим. Капитан всадников Хаоса, вспрыгнувший на черную, как ночь, спину неведомого скакуна, к подобной слабости мог испытывать лишь презрение.

Лисса захлестнуло сознание грубой силы. Его головокружительные чувства влились в ужасающий сплав человека и демонического существа. Внутренний двор завертелся и опрокинулся, когда Бенетан издал высокий завывающий клич. Его подхватили все всадники; в их голосах бушевало голодное и лихорадочное празднество силы, страсти, безумия. Лисс высоко поднял левую руку — так, чтобы когти перчаток поймали зловещий лунный свет, — и его измененное, возбужденное сознание отразило: то полыхают пять зажженных арбалетных стрел, устремленных в ночное небо. В ответ на небесах сверкнула молния, се-

верный и восточный шпили вновь стали потрескивать и загудели. Бенетан почувствовал, что момент настал: устрашающая мощь урагана Искривления достигла наивысшей точки и пульсирует у него в костях.

На дальней стороне двора открывались огромные ворота. Барабанные перепонки сокрушил титанический рев, и небеса разверзлись. Слепящий свет обратил внутренний двор в подобие ада. Создания Хаоса завопили диким кличем в страшной гармонии с шумом ворвавшегося шторма. Всадники бросились вперед, подобно черной, сметающей все на своем пути волне, а впереди всех мчался с воинственным кличем Бенетан. Одержимый, вдохновенный, доведенный до сумасшествия разум более не подчинялся ему. Подобно тому как сейчас далеко от него открывались Врата Хаоса, в самом Бенетане раскрылись врата, и человечность топула в неусмной радости воина, охотника, жнеца.

Одержимые всадники пронеслись сквозь врата, чтобы оторваться от мира.

Спокойно и буднично Савринор вернулся в свою комнату. Он знал, что весьма скоро его позовут. Хотя он не был магом и даже колдуном, он был летописцем замка, а посему неизменно присутствовал при всех важных событиях и вел их хронику. И сегодняшняя церемония, разумеется, не обойдется без него.

Он не смотрел, как уезжали всадники. Их отъезд был весьма захватывающим зрелищем, но Савринор видел его уже сотню раз, и оно более не трогало и не впечатляло историка. Напротив, когда с севера налетел ураган, он неподвижно сидел за искусно сработанным резным столом в своей комнате, облокотившись на него и сцепив пальцы. Савринор ощущал беспокойство. Он не желал докапываться до первопричины, но смешанное чувство напряжения и ожидания чего-то неприятного было столь сильным, что даже приход урагана Искривления не смог развсять его. Когда наконец летописец услышал робкий стук в дверь, он не смог бы сказать наверняка, что в нем возобладало — облегчение или же опасение.

— Г-господин Савринор? — раздался девичий голосок.

Маги определенно предпочитали слугам служанок, этой было лет двенадцать-тринадцать. Обещание грядущей красоты портили вялая линия рта и пустой взгляд затравленных глаз. Савринор сомневался, что девочка протянет здесь больше года.

— Да, я тебя слушаю.

— Господин, маг Кройн, он... того, я должна вам сказать... если позволите...

Савринор в равной мере не терпел страха и глупости и даже не пытался скрыть раздражения:

— Говори ясно! Маг Кройн хочет меня видеть?

— Он, то есть господин Кройн... он у постели В-в-в...

— Яндрос всемогущий! — сердито прошипел Савринор.

Девочка продолжала заикаться, тогда он попросту отмахнулся от нее и большими шагами пошел по коридору. Из невнятного бормотания служанки можно было разобрать, что Кройн был подле Верховного мага. Из всех магов Кройн наиболее сведущ во врачевании, и если он послал за летописцем, значит, близок конец Верховного мага. Возможно, жить тому оставалось менее часа. И теперь маги готовятся к последней процессии. Савринор не мог позволить себе задерживаться, коль скоро ему дорога́ жизнь.

По пути приглаживая волосы и одежду, он за считаные минуты дошел до личных покоев Верховного мага. У дверей его дожидался худой и прекрасный Кройн. Дверь была закрыта, но из-под нее пробивался луч света, и до слуха Савриора донесся студеный атональный звук погребальной молитвы: старшие маги пели песнь своему предводителю.

— Мой господин, — Савринор отвесил официальный поклон, — несомненно, Верховный маг не...

— Нет, нет. — Кройн сделал отрицательный жест, и на каждом из его семи пальцев блеснули кольца. — Он еще не покинул нас. Но это произойдет очень скоро. Мы готовы выступить, и, разумеется, ваше присутствие необходимо.

— Слушаюсь, мой господин. Бесконечно жаль, что мне придется стать хроникером утраты, постигшей замок.

Кройн пристально глядел на Савринора, отмечая искреннее сожаление в голосе и, возможно, слишком хорошо понимая причину.

— Савринор, то, что для нас скорбь, для Верховного мага — радость. В награду он получит то, к чему все мы стремимся в свое время.

— Конечно, сэр. — Савринор отвел взгляд.

— И если богам будет угодно принять избранного им преемника, у нас будет повод для празднования. — Глаза Кройна сузились. — Советую не забывать об этом.

— Мой господин. — Вновь поклонившись, Савринор без слов выразил извинение и понимание.

Задумавшись, врач все еще смотрел на него. Потом повернулся, поднял тяжелую дверную щеколду и вошел в покои Верховного мага.

Десять минут спустя начался последний путь умирающего. Теперь в окнах замка не блестело ни огонька. Ставни были плотно прикрыты, и все те, кто не шел вместе с процессией, удалились в свои комнаты, как предписывал обычай. Ураган Искривления миновал и был предан забвению. Торжественное шествие появилось из входных дверей под безразличным взглядом двух лун, висевших в ясных и безмолвных небесах.

Мерцающий холодным зеленым светом шар медленно выплыл из тени у входа и парил над двором. Он сам по себе висел в воздухе и был первым герольдом процессии. За шаром следовали маги в свободных одеждах, ниспадающих складками; в жутком свете их фигуры казались призрачными и потусторонними. В середине процессии четверо людей несли украшенные белыми драпировками носилки с неподвижным телом.

Стояла полная тишина: не было слышно ни молитв, ни погребальных песен, ни даже шарканья ног. Маги, словно тени, шли за сияющим шаром; он вел медленную, величественную процессию по направлению к крытой галерее в дальнем конце внутреннего двора. Там находилась

дверь, сквозь которую они пронесут Верховного мага в его последнем земном пути.

Среди своих повелителей шел Савринор. Зная суть церемонии, в подробностях ее хода он разбирался не до конца, не знал, чего ожидать, и размышлял об этом с неохотой. Пока они шли, летописец глядел на тени, отбрасываемые колоннадой, и невольно считал их.

Дойдя до дверей, процессия приостановилась, затем вошла в них и начала длительный, медленный спуск по винтовой лестнице — вниз, к основанию фундамента. Когда лестница закончилась, они прошли через темную и безмолвную сейчас сводчатую комнату, и перед ними открылась еще одна дверь. Оставался последний отрезок пути — наклонный коридор, который наконец приведет их к Мраморному залу.

Находящийся глубоко внизу под фундаментом замка, Мраморный зал являлся средоточием мглы и иллюзорности. Размеры его, если в этом случае можно было говорить о размерах, тонули в беспокойном кружении переливчатого света и теней пастельных тонов. Пол, от которого и пошло название зала, представлял собой замысловатую мозаику всевозможных оттенков. Беспорядочный узор притягивал взгляд, однако смущал чувства, ограниченные человеческими возможностями. Столетия назад семь властителей Хаоса обратились к спящему разуму величайших мастеров мира, вдохновили их геройскими и ужасными видениями и побудили их руки вытесать массивные камни для основания будущего замка. Сам Яндрос, высочайший из семерых, создал Мраморный зал, а вместе с ним — и Врата Хаоса. Врата — связующее звено между этим миром и царством Хаоса, которое не мог преступить ни один человек, ибо все они по-прежнему оставались смертными.

Когда процессия пересекала зал, шествуя по мерцающему полу, Савринор ощущал глубоко укоренившийся трепет благоговейного страха, который он никогда не смог бы вытравить никаким количеством знаний. Врата располагались точно в центре зала. Когда они были закрыты, их обозначал лишь черный круг на мозаичном узоре пола. Однако сейчас близ круга клубилась мгла, и пастельные

оттенки переливались темными, опасными цветами. Заняв предназначенное место, Савринор заметил столб глубокой черноты, трепещущей на грани восприятия, и почувствовал под ногами пульсацию собравшихся и едва ли контролируемых сил. Хаос пришел в движение.

Похоронные носилки благоговейно опустили на пол зала прямо перед Вратами. Глаза Верховного мага были широко раскрыты, в них светилось сознание, но если он и узнавал лица окружающих, если и понимал природу того, что ждало его впереди, то ничем этого не показывал. Этим утром им вместе с парализующей слабостью овладела окончательная потеря речи, и теперь с уст Верховного мага уже не могли слететь последние благословения, которыми он, возможно, хотел бы одарить старых друзей.

Савринор смотрел на умирающего, взгляд которого был сосредоточен на полу. По-своему хороший господин — конечно, тщеславный и своекорыстный, но кто же сейчас иной? Обратной стороной этих недостатков, если их вообще можно назвать недостатками, были вполне очевидные преимущества, и Савринор это прекрасно знал. Был ли господин хорошим слугой семи богам, от которых черпал свою власть? Возможно, но судить об этом могут лишь сами боги. Летописец мог определенно сказать одно: Верховный маг был во всех отношениях лучше того, кто должен стать его преемником.

Подумав это, Савринор тайком взглянул на членов самого избранного круга магов, стоявших в изголовье носилок умирающего. Остановил взгляд на одном из них.

Вордег. Он был в последних летах среднего возраста, но его массивное тело до сих пор не утратило присущую молодости силу и гибкость. Черноволосый, смуглый и статный, он остановил взгляд темных глаз на Вратах Хаоса и вместе с прочими замер в ожидании. Маг, обладающий редким даром власти над демонами, аскет, садист и... Незвано в разуме Савринора всплыло то слово, от которого он сам предостерегал Бенетана Лисса.

Сумасшедший.

Савринор быстро подавил эту мысль. Когда Вордег станет Верховным магом, стоит прислушаться к собственному

совету, данному Бенетану, и не позволять подобным идеям приходить в голову. То же предостережение звучало и в словах Кройна — пусть не столь откровенных, но Савринор не преминул заметить краткую тревожную вспышку в глазах доктора, пока тот говорил. С этого момента стоит быть предельно внимательным даже к самым сокровенным мыслям. И в какую бы сторону ни подул ветер, если быть начеку, добиться задуманного получится.

Из раздумий Савринора вывело перемещение в центре собравшихся. Лежавший на носилках Верховный маг пытался что-то сказать. Слова ему были неподвластны, но из горла вырывались гортанные звуки, похожие на последний крик старого больного ворона. Один из магов приблизил лицо к старцу, вглядываясь в движения его губ. Вордег тоже склонился над носилками и взял старика за руку, словно желая поддержать его или же проститься навек. Затрепетали подагрические пальцы Верховного мага, слабо сжимавшие что-то яркое, и этот предмет перешел к Вордегу, прежде чем рука старца безвольно опустилась на носилки.

Вордег распрямился. На его губах играла холодная, горделивая улыбка. Он поднял руку, в которой сжимал переданную ему Верховным магом тонкую металлическую палочку. От жезла распространялось холодное бело-голубое свечение; по всей его длине медленно двигались тени, и Савринор тихо вздохнул, когда узнал вещицу. Это был ключ к Вратам Хаоса. Важнейший символ власти, богами данной магам; использовать его мог лишь бесспорный владелец замка.

Верховный маг назвал преемника.

Вордег повернулся лицом к Вратам и высоко поднял ключ над головой. Когда рука мага вытянулась, белое сияние жезла внезапно изменилось на черное, и он начал пульсировать, словно колеблющаяся темная звезда. Дрожащий столб черноты у Врат начал подстраиваться под ритм пульсации жезла, и вскоре оба они двигались синхронно.

Лежавший на одре старец вновь шевельнулся. На изборожденном морщинами лице заиграла улыбка безумца, а

запавшие глаза заискрились, когда с помощью многих рук он оторвал голову от подушки на несколько дюймов. Пульсирующий черный свет усилился до страшной вспышки: столб тьмы опрокинулся, закрутился вокруг самого себя и открылся, словно гигантский глаз. Врата Хаоса распахнулись.

Савринор вглядывался в этот глаз, а сквозь него — в черную дорогу, которая от Врат устремлялась к горизонту — столь безбрежному, что летописец прикусил язык от потрясения. Он никак не мог привыкнуть к необъятности, головокружению, к невозможному, чуждому безумию мира, который открывался его чувствам. В неистово буйных цветах являлись не поддающиеся объяснению формы. Они изменялись в постоянно чередующихся узорах темного и мертвенно-белого блеска; на периферии зрения двигались беспокойные привидения, не вполне реальные фигуры, сохранявшие форму лишь на время одного удара сердца. Мраморный зал вибрировал в предвкушении чего-то громадного, нарушающего измерения. Оно приближалось.

Маги опять застыли в неподвижности. Даже сморщенный старик на носилках оставил попытки приподняться и вновь лежал смирно — лишь глаза светились предвкушением и нетерпением. Затем раздался звук, похожий на размеренные шаги или вялое сердцебиение; он скорее ощущался костным мозгом, нежели мог быть услышан. Напряжение нарастало. Откуда-то — казалось, оно порождается необъятностью за Вратами, но, может, это было не так — исходило низкое жужжание, заставлявшее резонировать кости черепа Савринора.

Врата содрогнулись, и на мгновение показалось, что они обвалятся. Ярчайшая вспышка алого и раскаленно-белого наполнила Мраморный зал светом и пламенем, принуждая находившихся в нем людей отвернуться. Когда невольно сжавший зубы Савринор вновь обрел способность видеть, в тенях портала стоял эмиссар Хаоса.

Существо было в полтора раза выше любого из магов, человеческое тело венчала чешуйчатая голова рептилии с ощеренной пастью. Над плечами возвышались огромные крылья; перья на них были из раскаленного добела метал-

ла, который расплавленными каплями струился к ногам. Вокруг фигуры сияла пламенеющая золотистая аура из языков пламени; сбоку рвались на цепях две чудовищные безглазые химеры, в воздухе мелькали их змеиные языки, а собачьи когти в нетерпении скребли и царапали мозаичный пол. Эмиссар разомкнул челюсти, и зловоние склепа ударило в нос Савринора, который заставил себя при этом не поморщиться: неучтивость могла оказаться опасной. Спокойные, умные и прекрасные глаза теплого янтарно-карего цвета медленно изучали собравшихся, затем их пристальный взгляд остановился на застывшем Верховном маге.

Стояла глубокая тишина. В ушах Савринора стучала кровь; он сдерживал дыхание, не смея шевельнуться. Эмиссар глядел на носилки. Он поднял руку, и палец с изогнутым когтем цвета старой бронзы указал на сердце Верховного мага.

Старец улыбнулся — в той улыбке была радость и торжество достижения желаемого. Он подался вперед, словно желая приветствовать и обнять творение Хаоса. Затем шепот его последнего вздоха глухо пронесся по затихшему залу, и пустая оболочка старика упала на носилки.

Торопливо следуя примеру магов, Савринор упал на одно колено и прикоснулся к Семиугольной Звезде у собственного сердца. Все отдавали дань уважения ушедшему Верховному магу, лишь Вордег не преклонил колени и не коснулся знака Звезды: он просто стоял прямо, не шевелясь и твердо смотрел в спокойные глаза демона. Он ждал. Эмиссар кивнул рептильей головой, и Вордег вытянул руку. На раскрытой ладони светился темным светом ключ к Вратам Хаоса. Эмиссар потянулся за ним и подцепил когтем; в его руках палочка засветилась ярким светом, словно раскалилась добела. Чудовищные челюсти широко осклабились в подобии улыбки. Эмиссар прикоснулся кончиком жезла точно к центру лба Вордега и замер.

Савринор чуть не задохнулся от запаха обгорающей плоти, а некоторые маги отвели взгляд. Но Вордег даже не вздрогнул. Веревками выступили сухожилия на его шее, но он твердо стоял на ногах и смотрел вперед, хотя

от напряжения взгляд его не был сфокусирован. Маг старался противостоять мукам, которые испытывал. Он не отшатнется, не станет молить о пощаде. Внутренне содрогаясь, Савринор подумал, что этот человек обладает просто невероятной волей.

Внезапно все прекратилось. Рука демона опустилась, и Савринор увидел на челе Вордега морщинистую и почти черную выжженную отметину ужасного шрама — шрама, который никогда не заживет. Вордег опустил глаза — лишь этим он позволил себе выдать облегчение,— и эмиссар протянул новому Верховному магу жезл, который на сей раз уже не сверкал раскаленным пламенем. Две безглазые химеры открыли беззубые рты и тряхнули цепями, эмиссар сделал шаг назад. Еще раз он быстро обвел собравшихся взглядом, в котором светилось что-то похожее на хладнокровное размышление. Затем плавящиеся крылья высоко поднялись, ударились друг о друга, и с бесшумным толчком громадной силы черный глаз Врат Хаоса закрылся. Эмиссар исчез.

В тиши самых темных часов Савринор сидел за столом в своей комнате и, как предписывал долг, увековечивал на пергаменте события этой ночи. Он никак не мог унять дрожь. Окно было плотно занавешено, от жара горящего очага в комнате стояла ужасная духота. Но Савринора до костей пробирал холод, и причиной его был весьма неприятный ход мыслей.

В церемонии было что-то дурное. Когда она свершалась, Савринор не решался обдумывать это, но теперь воспоминания ночным кошмаром всплывали в голове. С виду все прошло достойно: душу Верховного мага забрали в царство Хаоса, и он с радостью проделал последний путь; его преемника подвергли испытанию и признали достойным. Но аномалия была налицо. Посланники властителей Хаоса — демоны невысокого чина. Хаос весьма парадоксален, и создания высшего ранга имеют склонность появляться менее эксцентричным образом, нежели их низшие собратья. До сих пор Савринору не доводилось присутствовать на таком значимом событии, но ему рас-

сказывали, что сам Яндрос принимал облик обычного человека в тех редких случаях, когда соизволял явиться к поклоняющимся ему людям. Ну хорошо. Допустим, эмиссар был приличествующего такому событию ранга. Но почему не было ни фанфар, ни неистового взрыва эмоций — никаких церемоний, обычно сопровождающих прибытие низших демонов? Эмиссар не произнес ни слова и, в свою очередь, не требовал ни восхвалений, ни псалмов. А испытание Вордега само по себе оказалось крайне простым.

Все это не соответствовало принятому образцу ритуала. Несмотря на беспорядочную природу, Хаос в отношениях с миром смертных придерживался предсказуемой очередности действий. Без этой стабильности поклонники Хаоса не смогли бы выжить. И значит, аномалия, подобная той, свидетелем которой стал Савринор этой ночью, попросту не могла случиться. Но она все же произошла. По мнению летописца, это свидетельствовало о двойственности отношения со стороны Яндроса и его шести братьев. Но двойственности — по отношению к кому? К старому Верховному магу? К новому? Или к чему-то еще, чего Сарвинор пока даже не мог предположить?

Историк посыпал песком последний лист пергамента. Времени на ложную скромность не было, и Савринор знал, что сегодняшней работой даже превзошел самого себя. Он не упустил ни малейшей детали церемонии, в изложенные факты искусно вплел умеренное воздаяние мудрости и благородству покойного Верховного мага, тщательно уравновесив их несколькими абзацами ненавязчивой, но выразительной похвалы его преемнику. Даже Вордег не смог бы придраться. И Савринор надеялся и молился, чтобы никто никогда не узнал о другом документе, кратко записанном в его личном коде стенографии и спрятанном в нижнем ящике. О документе, рассказывающем совсем другую историю.

Испытывая слабую тошноту вместе с облегчением оттого, что завершил наконец неприятную работу, Савринор отложил готовый документ. Аккуратно откинул одеяло с кровати, сделал движение, желая затушить лампу, при свете которой писал. Во мраке, куда не добирался свет лампы,

шевельнулось очертание вытянутой формы, и Савринор нервно вздрогнул, но тут же понял, что это всего-навсего его собственная тень, потревоженная краткой вспышкой огня. Игра света и тени — бояться здесь нечего. Именно за эту слабость летописец подсмеивался над другими, поскольку сумрак, как буквальный, так и метафорический, всегда являлся естественной средой его обитания. Но теперь в объятиях сумрака Савринор чувствовал себя неуютно. И никуда не делись мысли, тревожащие его ум, — и они, увы, уже не покинут его...

Пытаясь успокоиться, Савринор попробовал найти убежище в постели, на этот раз даже не сняв одежду. Скоро рассвет, и новый день готовит уж очень много перемен, если, конечно, интуиция не обманывает историка. Лучше быть готовым сию же секунду, если... Если — что? Неведомо. Может, что-то произойдет, а может, и нет. Савринору, как и всем им, оставалось лишь ждать, а там — видно будет.

Он потянулся к лампе, чтобы погасить ее, но вместо этого опустил руку и оставил лампу гореть: маленький островок света в темной комнате. Утешение весьма неразумное, но ведь никто не увидит этой его маленькой слабости.

Той ночью Савринор так и не уснул.

ПИТЕР КРОУТЕР

Вечная ссора

Если в Англии и есть сейчас человек, способный ухватить суть американского фэнтези, то это, несомненно, Питер Кроутер (родился в 1949 году). Я не побоюсь сказать, что он — современный британский Рей Брэдбери. Этот писатель в своих произведениях воссоздает правдоподобную будничную обстановку и наполняет ее тревожащим чувством необычности. Это характерно и для его романа «Эскарди Гэп» («Escardy Gap», 1996), написанного в соавторстве с Джеймсом Лавгроувом, и для множества рассказов, некоторые из которых вошли в сборники «Самая длинная нота» («The Longest Single Note», 1999) и «Одинокие дороги» («Lonesome Roads», 1999). Кроутер также редактор нескольких антологий и директор «PS Publishing», маленького издательства с большими идеями. Следующий рассказ просто должен был стать заключительной историей этого сборника. Повествование в нем достигает такого завораживающего темпа, что ничто не может с ним сравниться. А потому — приготовьтесь.

В.: Железные дороги находятся в неплохом состоянии, не правда ли?
О.: Да. Некоторые. Старые, по большей части.
Дж. П. Морган[1],
на слушаниях Конгресса осенью 1912 года.

Оставив громаду верного «понтиака-транс-эм» без единой капли бензина у дорожного знака, примерно через двадцать минут Пол Эбботт понял, что свернул не туда. А может, просто не разобрался в дорожных сплe-

[1] *Джон Пьерпойнт Морган* (1837—1913) — американский финансист, монополист, меценат, основатель компании «Джеперал электрик». Среди прочего в 1901 году создал «Стальной трест», который занимался не только выплавкой стали, но и сооружением мостов, паровозов, вагонов и железных дорог.

тениях, попавших на складку атласа. А может — и это наиболее вероятно, — просто устал, страшно задолбался, утомился от дороги после сотен и сотен миль светящихся серых лент, протянутых через кажущиеся бесконечными кукурузные поля.

В чем бы ни была причина, до Нэшвилля Эбботт так и не добрался.

Черт возьми, может, он даже до Теннесси не доехал.

Он нашел только ржавый дорожный указатель, объясняющий всем, кому это может понадобиться, что до Мадригала (какого черта, что это, во имя всего святого? Разве не какой-то старый танец?) — четыре мили, а его население... сколько? Число либо скололи зубилом, либо над ним поработали стихии.

И вот Пол, держа в руке пустую канистру из-под бензина, стоит на краю города и глядит вдоль овеваемой всеми ветрами главной улицы на неуклюжее скопище зданий, которое подошло бы скорее для черно-белого вестерна с Рэндольфом Скоттом[1] в главной роли, чем для чего-то хотя бы отдаленно напоминающего Дивный Новый Мир, обещанный приходом нового тысячелетия.

И ни одного человека вокруг.

Ни одной машины.

На первый, хотя и достаточно случайный взгляд — а Эбботт подозревал, что подобное впечатление останется неизменным и после многих других, более проницательных взглядов, — Мадригал казался городом призраков. Он точно никогда не появлялся на страницах «Нэшнл джеографик» и не удостоился даже сноски в каком-нибудь самом подробном путеводителе.

Определенно, этот город был далек от тех поселений, которые встречал Ларри Макмертри, колеся по любимым им федеральным шоссе, словно асфальтовый серфер, в поисках лучшего материала для своих

[1] *Рэндольф Скотт* (1898–1987) — американский актер, ставший в 1940–1950-х гг., наряду с Джоном Уэйном, одним из воплощений классического героя вестерна. Самые известные фильмы — «Негодяи» (1942), «Когда семеро умрут» (1956), «Скачи по высокогорью» (1962).

«Дорог»[1]. Целый мир лежал между Мадригалом и маленькими чудаковатыми городками, открытыми Биллом Брайсоном, когда тот вернулся в родную Америку, дабы найти свои корни в «Потерянном континенте»[2]. Черт возьми, да на сго фоне даже общинные хибары, затерянные в лесной глуши «Голубых шоссе» Уильяма Листа Хитмуна[3], казались беспокойными метрополисами.

Чуть дальше по улице на ветру скрипнул знак заправки «Эссо»; скелет перекатиполя прокатился мимо, ткнувшись в дверь парикмахерской. Полосатый шест перед ней выцвел за годы, проведенные под солнечными лучами... или просто от многолетнего запустения.

Эбботт переложил канистру в другую руку и пошел к бензозаправке.

Все здания, мимо которых он проходил, были пустыми.

Нет, не просто пустыми — мертвыми. Правильно ли это? Может ли дом умереть?

Пол добрался до места, по дороге окончательно растеряв оптимизм. Дверь маленького домика напротив колонок была приоткрыта; Эбботт вошел внутрь и со стуком поставил канистру на деревянный пол.

— Здесь есть кто-нибудь? — крикнул он.

Ответа не последовало.

---

[1] *«Дороги: Путешествие по великим шоссе Америки»* (2000) — путевые записки лауреата Пулитцеровской премии Ларри Макмертри. От обычных книг подобного рода они отличаются тем, что главными героями этого произведения являются федеральные шоссе, высокая скорость и сам автор. Окружающие люди, города и природа Макмертри интересовали меньше.

[2] *«Потерянный континент»* (1989) — книга Билла Брайсона, англо-американского писателя, автора множества путевых заметок, а также «Краткой истории почти всего на свете» (2003). Здесь он описывает свое путешествие на машине по маленьким городкам Америки, которые зачастую изображает с довольно едким сарказмом.

[3] *«Голубые шоссе: Путешествие в Америку»* (1982) Уильяма Листа Хитмуна (псевдоним Уильяма Трогдона) — культовая американская классика 1980-х годов. Автор описывает свое путешествие по «голубым шоссе» (проселочным дорогам, которые на старых американских дорожных атласах изображали голубым цветом), то есть по той Америке, где практически нет городов и куда еще не добрались федеральные шоссе и сети быстрого питания.

Пол вышел, направился к бензоколонкам. Потянул рычаг, отчаянно желая услышать болтливое жужжание обещанного бензина...

Ни звука.

— Твою мать!

Эббот двинулся дальше.

На тротуаре стоял большой знак, указывающий направо. Пол прищурился от солнца, сомневаясь, верно ли все понял. Буквы гласили: «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ».

— Железнодорожная станция? Какого черта здесь делает железнодорожная станция? — спросил он у ветра. Если тот и знал ответ, то предпочел смолчать.

Эбботт вновь огляделся вокруг.

В таком случае где же рельсы? На дороге вроде бы ничего подобного не встречалось... хотя он больше глядел на стрелку указателя уровня топлива, неуклонно клонившуюся влево, чем на местные достопримечательности.

Станция оказалась пустой, это его даже не удивило.

Пол вошел, громко хлопнув дверью, и крикнул, но сквозняк подхватил его голос и унес вверх — туда, куда он уносит звуки, которые не желает хранить. Или не хочет, чтобы их слышал кто-то еще.

Стояла густая, недружелюбная тишина.

В окошке кассы появилось его собственное отражение. Оно уставилось на Пола, точно загипнотизированное видом единственного человека в Мадригале. Так же как и самого Эббота гипнотизировал город, полностью лишенный жизни.

Пол ступил на запекшуюся землю, обогнул здание и пошел искать рельсы.

Он нашел их — или то, что от них осталось, — в длинной колее, тянувшейся в обе стороны от Мадригала. Она сворачивала в город с западной стороны и, сделав полукруг, вновь уходила на запад; именно поэтому Эббот не видел железнодорожные пути, когда шел сюда.

Стоя на берегу рва, глядя на рельсы — солнце садилось на горизонте, ночь фиолетовым кровоподтеком про-

бивалась сквозь золото и багрянец, — он услышал звук, очень похожий на гортанный смешок.

Эбботт оглянулся на здание станции. Там по-прежнему никого не было. Наверное, это ветер...

Обернувшись лицом к северу, на противоположной стороне колеи Пол увидел старика. Тот сидел неподвижно, и кривая усмешка играла на его лице. Эбботт все глядел, и человек, казалось, произнес что-то. Его губы изогнулись, сменив ухмылку на гримасу; в ней чудились непонятные вопросы и клятвы. Затем старик потер щеку культей левой руки, с которой свисала тонкая грязная струя бинтов, развевающаяся на горячем ветру.

— Эй! — крикнул Эбботт через дорогу. — Где все?

Старик хихикнул и кивнул, сплюнув на землю около себя. Даже отсюда было видно, что слюна ярко-черного цвета.

Мужчина держал в правой руке что-то похожее на крохотные хлебные палочки. Стараясь увидеть яснее, Эбботт прикрыл глаза ладонью от сияния вечернего солнца и понял, что на самом деле это пальцы левой руки. Словно прочитав мысли Пола, старик кивнул и протянул вверх свою ужасающую коллекцию, будто предлагая вытащить соломинку. Короткая всегда проигрывает. Он проворчал еще что-то, хихикнул, снова сплюнул и, стиснув обрубки в кулаке, прижал его к животу свободной, двупальцевой лапой.

— Твою мать, — прошептал Эбботт.

Ветер унес его слова к рельсам, в пересохший овраг рядом с ними, где раньше, похоже, текла вода, но теперь лежала пыль и грязь.

Старик подтянул колени к животу и обхватил их руками. Его взгляд опалял пространство. Эбботт не понял, на что конкретно смотрит этот человек, но повернул голову в ту же сторону.

Ветер, дувший вдоль неглубокого оврага, слегка посвежел, словно вспомнив о воде, некогда струившейся там. Воздух стал прохладнее — всего на несколько градусов, но это было очень заметно. Эбботт поглядел на старика и увидел, как тот весь устремился вперед, вытянув руки вдоль истощенного тела, словно позируя для какого-то художника.

Старик что-то пробормотал и покачал головой, подняв руку и приглаживая на голове пряди жестких волос. Вроде он сказал «дождь», хотя Пол и не верил, что похолодание предвещало нечто большее, чем просто временный скачок температуры и возможность таких же вывертов в будущем. Он взглянул вверх, на мраморное небо, и представил, как капли дождя падают ему на лицо. Это походило на какое-то старое воспоминание, как будто он испытывал нечто подобное в прошлой жизни.

Старик снова забормотал, в этот раз еще более взволнованно.

Может, он сказал «боль»? Эбботт только сейчас понял, что лицо калеки застыло мученической маской агонии. Возможно, он страдал еще от потери пальца или ступни, которая — приглядеался Пол — сейчас была вывернута перпендикулярно лодыжке, хотя вроде совсем недавно они составляли единое целое.

Но нет — похоже, оба варианта оказались неверны. Человек подполз ближе, тревожно всматриваясь в даль. Ветер стал холоднее, значительно холоднее. Эбботт подошел к краю платформы, мимоходом взглянув на дохлых крыс, разбросанных вокруг, после чего обратил внимание на иссушенные равнины, простирающиеся во все стороны от Мадригала, словно мостовые ада.

Старик буркнул что-то в третий раз, а Полу в лицо неожиданно ударил сильный порыв ветра.

— Поезд! — крикнул он. Вот о чем говорил калека: приближался поезд. Эбботт не знал, откуда тот идет и куда направляется, не знал даже, кто его ведет. Впрочем, это и не имело значения. Единственное, что было по-настоящему важно, — это прибытие поезда сюда, в Мадригал.

Эбботт смотрел, как далеко-далеко на горизонте — там, где встречаются небо и земля, изобретая новые, непредставимые видения, желая потешить и обмануть людей, — в жарком мареве появляется нечто. Расплывчатый призрак, маячащий словно в морском тумане, прославленный галеон с фальшбортом и ростром, мачтами и парусами, такелажем и доской для обреченных пленников, — вот

только это не корабль бороздил моря, поскрипывая бортами под напором волн. На горизонте появился механический монстр света и дыма, стекла и металла. Паровоз, тянущий за собой целый состав. В глаза бросались выпуклые бока последнего вагона. Над рельсами с каждой стороны нависали сложенные стрекозиные крылья, играющие в лучах солнца.

Открыв рот в каком-то подобии удивления, Эбботт взглянул на старика. Тот радостно закивал, а потом указал на широкую колею, отделяющую его от Пола. Калека затрясся от смеха, чуть ли не сложившись пополам, и вновь принялся ожесточенно жестикулировать, тыча рукой в сторону поезда и вниз.

Эбботт нахмурился и посмотрел в колею, ища глазами причину веселья старика. Но там ничего не было, — по крайней мере, он ничего не увидел.

— Что? — Пол старался перекричать звук рвущегося из трубы пара и вращающихся поршней, скорбный механический стон, принесенный ветром, летящим вдоль оврага. — Чего тебе так смешно?

Старик откинулся назад, раскрыв рот от смеха, которого Эбботт не слышал. Потом яростно ткнул забинтованной культей в колею и повел рукой влево — в сторону налетающего поезда.

Закричал паровозный свисток. Его голос был переполнен болью и разочарованием — а может, злобой? А затем донесся звук столкновения, громового удара, пронзительного визга, как будто гигантские пальцы с силой провели мелом по чудовищно огромной пишущей доске. Раздался взрыв, и Эбботт рванулся вперед.

Взглянув через колею, он увидел, как старик пытается встать на ноги, а затем снова перевел взгляд на поезд.

Все пространство теперь заполняли огненные языки вперемешку с клубами дыма. Последний вагон состава закачался и врезался в бетонные заграждения складского двора, где, наверное, когда-то останавливались грузовики, перевозившие овощи или оборудование в поселки и города за много миль отсюда.

Последний вагон столкнулся с маленькой бензозаправкой, потом с тем, что некогда было складом для отправки грузов. Его тащило, бешено мотало, он срывал с рельсов и увлекал за собой остальные вагоны; Эбботт насчитал целых семь штук. Один — пассажирский, находящийся в середине состава, — толкал перед собой старую, уже пылающую машину. На глазах Пола та врезалась в здание, на секунду замерла, а затем отлетела. Вагон мощным ударом снес стену и бешено качнулся назад к рельсам. Автомобиль, несколько раз перевернувшись в воздухе, упал с другой стороны от железнодорожного пути.

Состав сошел с рельсов!

Эбботт посмотрел вниз, на пути, и неожиданно все понял. Две линии металла кое-где были на месте, затем вдруг шли криво, а в некоторых местах просто отсутствовали.

Пол проследил за рельсами и увидел, что в одной секции их положили крест-накрест, словно металлическую доску для игры в крестики-нолики, в другой — они торчали из неровной земли, как древки знамен покинувшей поле боя армии, флаги которой забрали или похоронили вместе с солдатами.

Эбботт стал медленно отходить от колеи.

На другой стороне мужчина наконец сумел подняться. Пол заметил, что левая нога старика заканчивается теперь под коленом, где толстый, в далеком прошлом белый бинт змеится в пыли. Человек ковылял к краю бетонного блока, который раньше явно был платформой.

— Назад! — крикнул Эбботт.

Старик взглянул на него.

В этот раз Пол махнул ему рукой:

— Отойди от края!

Калека засмеялся и кивнул. Он сделал еще один кривобокий, хромой шаг, опираясь на культю, добрался до самого края бетонной плиты и остановился на несколько секунд, пьяно покачиваясь.

Эбботт взглянул направо и увидел, как паровоз под углом приближается к маленькой станции, предохранительной решеткой сгребая ветхие заборчики и снося по-

падающиеся на пути телеграфные столбы. Некоторые из них падали влево, подальше от состава, другие же — вправо и какое-то время лежали на путях, пока не раскалывались, как поленья, когда состав врезался в них и сметал в сторону.

Скрежет стонущего металла и звук взрывов, раздававшихся там, где Полу ничего не было видно, наполнили воздух. Паровозный свисток закричал снова, потом еще раз, но теперь из него раздалось какое-то коровье мычание. Эбботт почувствовал, что у него кости затряслись под кожей от этого звука.

Когда он взглянул на другую сторону колеи, то увидел, что старика нигде нет. А потом заметил хрупкую фигурку человека, стоящего на путях во весь свой рост — не больше пяти футов, а может, и меньше... Калека спустился на рельсы и теперь ковылял навстречу приближающемуся поезду.

Цепь вагонов хлестанула поперек путей, но последнего, с выпуклыми бортами, нигде не было видно. Эбботт не догадывался, куда тот мог подеваться. Три беспроводных телеграфных столба, лежавшие на путях, сложились с громким хрустящим звуком и повалились в сторону, словно деревья под топором лесоруба.

Поезд вновь свистнул.

Старик вскрикнул и поднял руки, будто молился, а затем небрежно кинул свои мумифицированные пальцы в грязь рядом с искривленными рельсами.

Пол побежал вдоль платформы, стараясь добраться до калеки и крича: «Уходи!» Но тот не обращал внимания.

Паровоз ударил старика боком, сверкающие крутящиеся колеса подбросили тело, и оно, как жук, распласталось на стекле. Состав накренился, поймав Эбботта слепыми глазами ламп-близнецов, и ринулся вглубь, с грохотом, тяжело продираясь, сквозь ряд толстых деревянных столбов, поддерживающих крышу древней станции. Эбботт посмотрел наверх как раз вовремя, чтобы увидеть доски, отломившиеся от навеса и каскадом обломков усыпавшие все вокруг. Один из самых больших кусков чуть не попал ему в голову. Раздался грубый крик, тут же прервавший-

ся, и Пол увидел, что хотя тело старика застряло между хромом и серебряными планками, наискось пересекающими черный металл паровоза, ноги калеки исчезли, отрезанные столкновением поезда с низкой поддерживающей стеной, идущей вдоль конца платформы.

Эбботт повернулся и бросился бежать; воздух вокруг него полнился оглушительным треском дерева и падающих опор. В конце платформы Пол вильнул в сторону, в густую невысокую траву, пробивавшуюся сквозь гравий автопарка, где в эти смутные дни истории Мадригала осталось только несколько шин, наваленных беспорядочной кучей в углу.

С торжествующим ревом паровоз вырвался из руин станции, словно мифический белый кит, блистающий безжизненным телом старика, своего собственного Ахава, пойманного снеркающим корпусом его морды. Возможно, виновата была обманная раскачка поезда, но казалось, калека машет миру рукой. И не улыбка ли играла на его лице?

Поглядев вниз, Эбботт понял, что никогда не видел у поездов таких колес. Они скорее походили на колеса машины, хотя были гораздо шире; обрамленные чем-то напоминающим толстую резину и заштрихованные мириадами изящных спиц, вырывающихся из выступающей оси. Более того, казалось, колеса меняют направление независимо друг от друга. Под паровозом с каждой стороны их располагалось по шесть штук, и когда первое поворачивалось наружу — второе оставалось неподвижным, а третье выгибалось внутрь и практически мгновенно возвращалось на прежнюю позицию. И все остальные крутились, как им вздумается.

Как — ради всего святого! — хоть кто-то мог управлять этой штукой, хоть как-то удерживать ее на прямой линии? Эбботт взглянул вверх, на затуманенное окно, и увидел в нем чью-то сгорбленную фигуру. Похоже, машинист изо всех сил сражался с рычагами управления.

Словно лишний раз доказывая непокорность локомотива с такой системой колес, поезд внезапно свернул назад к рельсам. По вагонам пронеслась судорога. Эб-

ботт понял, что сейчас произойдет: резкий поворот сломает состав, вагоны вылетят в сторону и покатятся густой, непробиваемой стеной дерева и металла, сметая все на пути. Пол огляделся вокруг. Ну да! Последний большой вагон прорвал маленькую группу пристроек в дальнем конце станции. Он толкал перед собой ревущее облако пыли, обломков стен, крыш и мебели. Остальные вагоны теперь были хорошо видны посреди этой бойни: они крушили все вокруг, утоляя жажду собственных жертв.

Пол посмотрел в сторону и увидел стену между собой и дорогой. Времени бежать до ворот не осталось; искать другой путь, постараться обогнать этот кошмарный паровоз, пересечь траекторию его движения, чтобы вырваться наружу, — тем более.

Существовало только одно решение.

Последний вагон скреб по степе, локомотив стремился вперед. Вскоре, как только линия состава вывернется до максимума, произойдет эффект щелчка кнута. Эбботт побежал к кабине машиниста, прыгнул и, ухватившись за выкрашенную под золото ручку, сумел поставить одну ногу на узкую площадку, идущую вдоль корпуса паровоза. Секунду спустя его распластало по обшивке.

Свисток издал новое мычание, и поезд рванулся к рельсовой колее, лягаясь, как необъезженная лошадь. Он с грохотом катился туда, где в нескольких милях от города стоял «понтиак» Эбботта. Поезд жаждал пищи -- а впереди примостилось гнездо деревянных навесов, неживших ся в пятнистом, водянисто-солнечном свете.

Задыхаясь, Пол развернулся и свободной рукой ухватился за серебряный поручень, рванулся вперед и упал между паровозом и вагоном. Ему повезло: почти сразу поезд врезался в навесы, и дождь из дерева и черт знает чего еще рухнул на крышу локомотива апокалиптическим ливнем. Внезапно подбросив Эбботта в воздух, а потом обрушив его вниз на изрытую ямочками металлическую платформу, состав накренился и пропахал глубокую колею в бесплодном поле, отбрасывая по обе стороны от себя изпуренную солнцем почву.

Площадка, на которую упал Эбботт, оказалась едва ли в фут шириной. На ней не было приличных опор, за которые он мог бы зацепиться, поэтому для поддержания баланса Полу пришлось наклониться над провалом, ржавой сцепкой, соединяющей вагон и паровоз. Неожиданный толчок мог легко сбить его с ног, и Пол боялся даже не слететь с поезда, а упасть в брешь под колеса.

А потом он увидел утопленную в стене ручку.

Когда Пол схватил ее и потянул, поезд страшно дернулся влево. Эбботт почувствовал, что отрывается от платформы. Он крепко сомкнул пальцы вокруг ручки и ощутил, как что-то чавкнуло в плече и по руке вплоть до пальцев пробежала холодная дрожь. В любую минуту, в любую секунду конечность онемеет, он утратит над ней контроль и упадет. Теперь, когда поезд начал выпрямляться, Пол скорее всего рухнет между колесами. Хотя, принимая во внимание то, как машинист управляется с рычагами, это не спасет Пола: в любом случае он окажется на пути какого-нибудь колеса.

Эбботт надавил ручку вниз, и дверь поддалась. Другой рукой Пол из последних сил ухватился за косяк и втянул себя внутрь. Почти сразу же поезд, казалось, стал выписывать пируэты, и Пол упал внутрь кабины, перекатился и врезался в боковую стену. От удара он едва не потерял сознание.

Он лежал у стены, радуясь минутной передышке. Хватая ртом воздух, поискал чего-нибудь, за что можно было ухватиться.

Глубокий голос заглушил грохот пара, рычагов и стук колес:

— Ты в порядке?

Эбботт сел, морщась от боли, и осмотрелся.

Кабина паровоза освещалась лишь тусклым светом бешено раскачивающихся фонарей, свисающих с рычагов и прикрепленных к потолку. Пол, не заметив каких-либо проводов, решил, что фонари, наверное, масляные или топливные. Стены украшали гирлянды циферблатов и штурвалов, огромных рычагов и набалдашников, кнопок и мерцающих огоньков. Везде струилось масло, лужами собираясь

на металлическом полу. По обе стороны от толстой колонны, похожей на каминную трубу, сквозь пыль и сажу два маленьких окна выглядывали на содрогающийся пейзаж: деревья, поля, облака... Перспектива менялась буквально каждую секунду, наклоняясь в одну сторону, в другую, без предупреждения подпрыгивая в воздух или падая в какую-то неожиданную бездну.

— *Я спросил* — ты в порядке? Хорошо тебе там досталось.

Эбботт прищурился, и часть тьмы рядом с трубой сдвинулась в сторону. Силуэт головы — кажется, в чем-то вроде шляпы — застлал вид из правого окна.

— Я... в порядке, — ответил Эбботт. Слова дались ему с трудом, он встал и попытался махнуть рукой, но правый бок до самого бедра прострелило болью.

Фигура вновь повернулась, исчезнув во мраке теней.

— *Не беспокойся о* старикс, — *произнес бесплотный* голос. — С ним все будет в порядке.

— В порядке? — Эбботт аж задохнулся от возмущения. — Ты сбил его своим гребаным поездом, ради всего святого!

— Ну да... с ним все будет в порядке. С ним всегда все в порядке.

— Всегда? Ты имеешь в виду, такое случалось и раньше?

— Естественно, — прозаично ответил машинист. — Это Мадригал.

Эбботт неожиданно вспомнил последнюю реплику из «Китайского квартала» Романа Полански[1], когда старик говорит герою Николсона «это Китайский квартал», словно объясняет этим все то плохое, что творится с миром.

— А что там произошло?

— Ничего... все. Кто же теперь знает?

Казалось, человек отвлекся на какое-то занятие. Потом он спросил:

---

[1] *«Китайский квартал»* («Chinatown», 1974) — фильм режиссера Романа Полански с Джеком Николсоном, Фэй Данауэй и Джоном Хьюстоном в главных ролях, классика жанра нуар с трагическим финалом. Премия «Оскар» за лучший сценарий.

— Он показывал тебе свои пальцы?

Эбботт не ответил.

— Он всегда так делает... снимает их, приставляет заново. — Машинист захихикал. — С ним все будет в порядке. Он — ангел, все исправит.

— А что конкретно он исправит?

— Город. Мадригал. Пока я опять его не снесу. В этом его миссия. Как я и говорил, он же ангел. — Машинист опять засмеялся. — В любом случае ты-то в порядке?

Эбботт по голосу мог сказать, что человек отвернулся от него, но не понял, что тот делает. Боль теперь стекала по правой ноге, и ступня почти онемела.

— А то если ты в порядке, то явно не любитель чесать языком, — добавил мужчина. — Есть люди, которые думают, что это явный плюс, но я-то люблю немного поговорить. Понимаешь, о чем я?

Боль немного отступила. Эбботт прошаркал влево и втиснулся в угол кабины паровоза. Он прислонил голову к стене, подложил под щеку руку, стараясь хоть чуть-чуть смягчить постоянные удары о металл, и открыл глаза.

То ли в кабине стало больше света, то ли его глаза привыкли к полумраку, — теперь Пол смог различить фигуру мужчины. Ростом примерно пять футов и пять-шесть дюймов, коренастый, одетый в полосатую мятую спецовку, заляпанную маслом и сажей. Из его заднего кармана свисала какая-то тряпка, ее заостренный кончик мотался туда-сюда, пока мужчина боролся с массивным штурвалом, находящимся посредине кабины. Шляпой оказалась бейсбольная кепка темного цвета — синего или темно-зеленого, Эбботт не смог разобрать. Жесткие и густые седоватые волосы были не по моде длинными и вились мелкими кольцами, прилипая из-за пота и сажи к бугристой шее мужчины.

Штурвал выглядел достаточно сложным. Один широкий обод, который машинист придерживал рукой, и три других — каждый новый меньше предыдущего — рядами поднимались вверх. Они были прикреплены к централь-

ной колонне богато украшенными металлическими планками. Около них из круглых впадин, словно стебли тростника, выступали длинные блестящие рычаги.

Эбботт какое-то время просто наблюдал, наслаждаясь медленно затихающей болью. Он переводил взгляд с машиниста на два боковых окна, картины в которых все так же беспрестанно менялись. Сначала Пол просто двигал глазами, но потом кое-что заметил.

Вид, открывавшийся из окон, по крайней мере с позиции Эбботта, ограничивался облаками. Мужчина повернул колесо в сторону, затем в другую, толкнул один рычаг вверх, а второй круговым движением отвел практически горизонтально.

— Хорошая поездка! — крикнул Эбботт, стараясь, чтобы его услышали из-за шума.

— Угу, — прозвучал ответ.

— А он... он сейчас не управляется?

— Кто?

— Поезд, — разъяснил Пол, ухмыльнувшись такой непонятливости.

— А, поезд...

Машинист неожиданно повернул одно из колес с почти балетным изяществом, двинул вверх рычаг и шлепнул по ободу, максимально увеличив скорость вращения. Затем он крутанул другое колесо в противоположном направлении. Поезд пьяно содрогнулся, и Эбботта вышвырнуло из угла.

— Нет, я бы сказал, что сейчас у меня все под контролем.

Теперь Пол увидел, что мужчина даже не смотрит в окна. Казалось, он пристально изучает стенку топки перед собой.

— А куда ты направляешься? — спросил Эбботт, разглядывая кабину.

— Куда угодно. И никуда. Просто путешествую.

Пол кивнул:

— Я имею в виду, где я смогу сойти?

— Сойти? — Машинист засмеялся. — Ну, ты можешь сойти когда и где захочешь. — Он потянул за перевитый

узлами канат, и свисток издал пронзительный визг. — Мне как-то все равно.

— Но где ты остановишься?

Машинист резко вертанул колесо вправо, со скрипом перевел в сторону рычаг, после чего буркнул:

— Я не останавливаюсь.

— Ты не останавливаешься?

— Я так и сказал.

Созерцая спину машиниста, Эбботт спросил:

— Ты же не огибаешь препятствия? Ты их сбиваешь.

Человек открыл прямоугольную металлическую дверцу, выставив на обозрение рдеющее горнило топки. Он залез в большую бочку, стоящую рядом с ним, выловил там пригоршню чего-то, похожего на пустые полиэтиленовые пакеты, и бросил их в пламя. Огонь разбушевался с новой яростью, машинист захлопнул дверь и снова взялся за штурвал.

Поняв, что не дождется ответа на предыдущий вопрос — хотя мужчина мог его просто не услышать из-за шума, — Эбботт решил продолжить беседу:

— А что это за топливо?

Машинист повернулся к нему и улыбнулся:

— Сны.

На его лице играла смесь печали и нежности, самоуверенности и униженности, но под всем этим таилось что-то темное. Мужчина выглядел лет на шестьдесят пять — семьдесят. Круглое лицо обрамляли седые бакенбарды, доходившие до подбородка; над переносицей пересекалась пара глубоких морщин. Глаза были полуприкрыты, словно Эбботт глядел на фотографию, сделанную, когда человек моргал.

— Сны. — Пол повторил это слово без малейшего сомнения. Если человек говорит, что топливом служат сны, значит, так оно и есть. Эбботт не понимал, как это может быть, но раз машинист сказал — надо принять на слово. Пол почувствовал, что этот мужчина может поведать ему о многом или даже попросить о чем-нибудь и эту просьбу надо будет выполнить беспрекословно.

Человек повернулся и крутанул большое колесо, словно демонический дирижер. Его жилистая рука метнулась

к потолку, ухватилась за штурвал и быстро повернула другое кольцо в противоположную сторону, тогда как сам машинист наклонился вперед и внимательно изучал что-то перед собой на стенс. С Эбботта неожиданно словно какой-то груз свалился.

— Так,— крякнул он, с усилием поднимаясь на ноги,— мы в поезде, который нигде не останавливается и едет на снах.

Произнеся это сам, Пол удивился, как раньше мог посчитать такой ответ чем-то иным, кроме как безумными старческими бреднями.

— Именно. Ты все правильно понял.

Эбботт прошел вперед, держась за маленькие рычаги, выступающие из крыши, и встал рядом с машинистом. Великолепно!.. Он едет в город Нигде на поезде с колесами от автомобиля, которым управляет старый пердун, любящий говорить загадками. Этот состав средь бела дня сбил человека и причинил городу больше разрушений (пусть и захолустному Мадригалу, которому явно не помешает генеральная уборка), чем можно увидеть во всех частях «Смертельного оружия», вместе взятых. А тот старый дурак, приконченный этим, выглядел как прокаженный. Ради всего святого, где в нашем мире еще остались прокаженные? Эбботт глянул в окно и выяснил, что из-за скорости весь пейзаж за ним слился в ленту неопределенного цвета.

— Боже мой, как быстро мы движемся?

Он взглянул на стену перед машинистом, в надежде отыскать какую-нибудь приборную панель, но нашел лишь предмет, похожий на мерцающий экран телевизора, с четырех сторон защищенный выступающими металлическими листами. Что показывали на нем, Эбботт не разглядел, да и звуков от прибора не шло, хотя на фоне стоящего в кабине шума он не мог утверждать это с уверенностью.

Старик пожал плечами:

— Без понятия. Думаю, достаточно быстро.

— Мы куда-то спешим?

— Не совсем.

— Тогда почему так несемся?

Человек рванул на себя упирающийся рычаг и вновь крутанул колесо, одновременно пару раз нажав на широкую педаль у основания стены. Поезд содрогнулся и резко вильнул; Эбботт не удержался на ногах, но сумел не удариться о стену.

— Я спросил, почему...

— Чтобы держать скорость.

Эбботт хотел еще что-то сказать, но машинист посмотрел на него — мимолетный взгляд, еле заметная улыбка, — а потом вновь сосредоточился на маленьком экране. Пол почувствовал, что его угрюмость тает. «Да, правильно, — подумал он. — Держать скорость — это ж очевидно...»

За окном с головокружительной быстротой проносились рощи, сельские дома, ряды велосипедов. Некоторые из них двигались, другие были припаркованы бесконечными шеренгами — и разве не странно, что нигде не было видно ни одного человека? Разве люди не должны услышать шум и выйти посмотреть, какого черта здесь происходит?

Эй, Мэйбл, посмотри-ка, здесь какой-то непонятный поезд едет, хотя у нас в окрестностях сроду железной дороги не бывало, и он разносит все на своем пути. А это не старик распластан на паровозе? Мне так кажется, что он машет нам рукой...

Пейзаж не только проносился мимо, он часто смещался — в одну сторону, затем в другую, иногда замедлялся почти до остановки и разгонялся вновь. Какого черта, что это за поезд?

Густые тучи обломков разлетались перед стеклом, барабанили по паровозу, гремели по сторонам, падали на землю. Стройматериалы, мебель, машины, телеграфные столбы, фонари — все ломалось под напором несущегося паровоза и его безумного машиниста. Тем не менее, когда Эбботт выглядывал из окна, он видел, что все разрушенное по-прежнему стоит на своих местах.

— Как ты это делаешь?

— Что?

Эбботт кивнул на грузовик, который вверх колесами пролетал мимо кабины и одновременно спокойно стоял на том же самом месте, где и был до того, как они проехали мимо.

— Вот это.

— Ты про осколки душ?

«Прекрасно,— подумал Пол.— Я беседую о метафизике со старым психом, пока его поезд разносит все вокруг».

— У грузовиков, машин и зданий есть душа? — спросил он.

— У всего есть душа, приятель. Все остается почти таким же, когда я проезжаю мимо.

— А люди?

— Они меня не видят,— довольно резко ответил старик, повернувшись вправо.

— Я тебя вижу,— заметил Эбботт.

— Ага, ты видишь.

— Ну и что это значит в великом плане бытия?

— Может, у тебя зрение лучше, чем у остальных. А может, есть работа, которую необходимо выполнить.

— Ну, у меня действительно есть работа,— хмыкнул Пол.— Мне надо написать целую серию статей о том, насколько далеко сердце Америки ушло от общей корпоративной структуры страны в новом тысячелетии.

— Звучит очень увлекательно,— ответил старик, сдвинул рычаг вперед и жестко провернул колесо.

Пейзаж за окном опять дернулся, а паровоз проломил квартирный дом.

— Но там, где ты меня подобрал, все было по-другому. В этом... в Мадригале. Там-то все здания явно не остались в целости и сохранности.

— Ну, это же Мадригал. И как я уже говорил, они все починят. Тот старик... он...

— Да, я знаю. Ангел.

Машинист кивнул, не удосужившись повернуться:

— Теперь ты наконец понял.

Поезд накренился влево, и Эбботт все-таки врезался в стену. Он что, должен спрыгнуть отсюда? Ну уж нет! Может, когда этот сумасшедший устанет, он притормозит...

— А передохнуть ты не собираешься?

— Я не отдыхаю.

— Не понял. А помощник у тебя есть?

— Нет.

— А когда ты спишь?

— Я не сплю. — Старик потянул рычаг, подержал его какое-то время, затем повернул в сторону. — Я не сплю, не ем. В туалет тоже не хожу, кстати.

Эбботт моргнул, переваривая информацию. И в туалет не ходит? Если это правда, тогда у парня кишки должны быть размером с дирижабль, а мочевой пузырь — с ангар, где хранят этот самый дирижабль. Кажется, старичок — полный идиот. Пол уже имел дело с подобными типами...

Но был еще такой немаловажный факт, как поезд. Он вроде бы разрушал на своем пути все — и в то же время не причинял ничему особого вреда. Может, на окна транслируется какая-то запись, показывающая все это побоище, а в сам паровоз встроена гидравлическая система? Может, поезд вовсе не двигается... Но ведь Эбботт видел, что тот наделал в городе.

«Ну, это же Мадригал».

Трюк, созданный специально для него.

Пол кивнул на штурвал и стены кабины и спросил, стараясь изгнать из голоса недоверчивость:

— А как долго... как долго ты водишь этот...

Человек поглядел на него и вновь улыбнулся:

— Долго. Я управлял этим все то время, пока ты ездил по округе, писал свои статьи. Я знаю все. Я знаю твое имя, каждый твой вздох... чувствую в своих цепях. — Он засмеялся и ударил себя кулаком в грудь. — Слышу в двигателе.

Эбботт прислушался.

Это был тихий звук голосов, множество акцентов и слов, шепчущий натиск гласных и согласных, взмывающий и падающий. Он накатывал и отступал, как волны на пляже. Это был одновременно шум двигателя и нечто совершенно другое; в нем чудилась гармония, и в то же время оно приводило в замешательство.

— Ты знаешь мое имя?

— Я так сказал.

— Ну и как меня зовут?

— Эбботт. — Старик одарил его торжествующей улыбкой и вновь сосредоточился на штурвале.

— Как ты узнал мое имя?

— О, я много всего знаю. Вот отсюда. — Машинист похлопал по стенке топки. — Слушай.

Эбботт нахмурился, стараясь вычленить из хаоса звуков хоть какой-то смысл. Иногда Полу казалось, что он слышит отдельные фразы: вопросы, утверждения или просьбы — некоторые на английском, другие на каких-то иных языках и диалектах.

— Что это? — спросил он старика.

— Это звук.

— Какой звук?

Машинист крутанул одно из колес и вжал педаль в пол. Провернул другое в противоположном направлении, *потянул рычаг и ответил:*

— Это звук. Каждый звук, когда-либо... каждое мяуканье кошки, каждый крик ребенка... обещание любовника и последний вздох мертвеца — вздох, исходящий в то чудесное мгновение, когда тело перестает работать. Это хрипение убийцы, биение крыла, когда оно отталкивается от ветра и разрезает воздушный поток. Стук каждого копыта, плеск хвоста каждой рыбы. Это все слова, когда-либо сказанные другим людям. Это множество — гораздо больше, чем ты думаешь, — других слов, произнесенных в тишине зеркальных комнат, доверенных ложной мягкости одиноких подушек, бесконечным стаканам, чье обещание забвения — всего лишь еще один глоток...

Эбботт неожиданно понял, что кивает, захваченный гипнотическим ритмом слов старика.

— Это сны. Когда я бросаю их в огонь, они продолжают гореть, ведь сны никогда не кончаются, это каждый знает, правильно?

— Правильно.

Алло, это служба спасения? Вы не можете выслать команду куда-то в Теннесси? Здесь поезд буйствует, а ста-

рик, управляющий им, живет на острове Нетинебудет[1]. *Захватите сети!*

Эбботт согласился бы сейчас со всем, что сказал машинист.

— Но если они продолжают гореть, почему тебе надо подбрасывать еще?

— Они уменьшаются. Горят и становятся действительно маленькими. — Машинист вытянул руку и свел наподобие пинцета большой и указательный пальцы. — Вот такими. Но никогда не сгорают полностью. Сны — они же длятся вечно, так ведь?

Так ведь! Да какого черта? Чего спрашивать? Об этом же все знают. Застрять в неуправляемом поезде с призраком Карлоса Кастанеды, который растапливает печку снами! Наверное, во всем этом есть какой-то высший смысл...

— И они говорят обо мне, эти сны? Обзывают меня, оскорбляют?

Старик засмеялся и топнул ногой:

— Они не оскорбляют тебя, они просто говорят о тебе. А многие из них даже этого не делают, — сказал он, медленно наклонив поезд влево, а затем повернул самое верхнее и маленькое колесо вправо. Состав дернулся и заметался, как заблудившийся корабль в полночном океане, безмолвно кричащий звездам и равнодушному ночному небу. — Но многие говорят, — продолжал машинист, — и не все из них даже знают тебя.

— Это не имеет смысла.

— Все не имеет смысла, — пришел ответ.

Машинист подождал несколько секунд, уставившись в стену паровозной топки, а потом сказал:

— Я слушаю их каждый день.

— Что они говорят обо мне?

— Не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь?

---

[1] *Нетинебудет* — название волшебного острова, на котором разворачиваются события сказки Джеймса Мэтью Барри «Питер Пэн», в переводе Ирины Токмаковой.

— Не хочу. Не могу. Какая разница.

— Для меня большая.

— Не повезло тебе, сержант. Меня не проведешь. — Старик положил локти на колеса, вытащил платок из заднего кармана, вытер лицо и опять стал смотреть в стену. — Нет... не проведешь, — произнес он еще раз, взялся за второе по величине колесо и размашисто, быстро отправил его чуть ли не в полный оборот. Затем ребром ладони, четко поставленным ударом, сдвинул целый ряд рычагов.

Поезд дернулся. Машинист перевел взгляд на стену:

— Так-то лучше.

Потом крутанул колесо снова, в этот раз менее резко, умудрившись в то же время засунуть платок в карман.

Эбботт поднялся на ноги и осторожно подошел к машинисту:

— А на что ты там постоянно смотришь?

Не обернувшись, старик осведомился:

— Это имеешь в виду?

Он постучал по маленькому экрану, установленному в стене прямо над колонной управляющих колец.

— Вот именно из-за этого я не должен останавливать поезд. И двигаться как угодно, но только не по прямой. — Он махнул Полу рукой. — Иди посмотри.

Это и впрямь оказался экран телевизора.

— Ты смотришь телевизор? — Эбботт не знал, смеяться ему или плакать. — Ты смотришь телевизор, продираясь на паре сотен тонн металла через цивилизацию?

— Не-а, — сказал старик. — Это не телевизор. Глянь-ка вместе со мной.

На экране разворачивалась какая-то драка или перебранка между двумя огромными, полностью обнаженными фигурами. Эбботт не мог понять, мужчины это или женщины, так как у них не было грудей, видимых гениталий и лобковых волос. На самом деле у этих существ вообще не оказалось волос — ни на голове, ни на лицах, ни под мышками. Тела блестели, лоснились от пота. Две массивные скользкие фигуры с первого взгляда казались обрюзгшими и жирными. Тем не менее, присмот-

ревшись, Пол не увидел никаких складок — только упругие мускулы.

Одно существо — различить их было невозможно — вышло из угла и двинулось мимо дальней стены большой комнаты, тогда как другое уверенно стояло в центре. Оба раскинули руки — пальцы сложены, как будто что-то ухватили, — колени согнуты, точно существа старались удержать равновесие.

— Держись! — Старик крутанул кольцо вправо.

Эбботт протянул левую руку и ухватился за желобчатый поручень, закрепленный на уровне его головы в стене.

В это же время фигура, находившаяся в центре, опрокинулась назад и скользнула к стене. Другая упала в противоположную сторону.

Старик вновь повернул колесо, теперь направо. Другой рукой он переместил длинный рычаг и сдвинул одно из колец.

Одно существо осталось у стены, другое укатилось назад. Теперь они оказались в противоположных углах комнаты.

Эбботт посмотрел наверх, потом назад, в глубине души ожидая, что эти создания окажутся прямо за ним.

— Они... они же здесь, так? Здесь, на поезде.

— Правильно.

— Кто они? Что они делают?

— Ссорятся.

— Чего?

— Ссорятся... Препираются.

— А о чем?

Машинист хихикнул, а потом отрезал:

— Обо всем! — и опять засмеялся.

Эбботт понаблюдал, как фигуры на экране угрожающе ходят вокруг друг друга, как их бросает из стороны в сторону, как они балансируют на полу, удерживаясь за стены, без какого-либо раздражения или враждебности. Ни крови, ни боли, ни даже видимого неудобства.

— А кто, или что, они?

— Это, молодой человек, Надежда и Отчаяние. Ну а почему они ссорятся?.. Э-э, они всегда ссорились. Для них больше ничего не имеет смысла. Боже, думаю, они не остановятся и не сойдут с поезда, даже если смогут. — Он взглянул на Пола и добавил: — Никогда не остановятся. — Потом вновь отвернулся. — Они — прирожденные враги. Каждый — противоречие другому. Они не могут существовать в гармонии просто по определению.

Эбботт наблюдал за стариком, а тот сосредоточился, ворочая колеса. Время от времени он нажимал то на одну, то на другую большую педаль, совершенно бессистемно передвигал рычаги и подбрасывал в топку новые порции снов. Когда дверь топки открылась, Пол заметил, что они совершенно не дают жара.

— Это их имена? Надежда и Отчаяние?

Старик покачал головой:

— У них нет имен. Это их сущность. — Он на секунду распрямился и одарил Эббота улыбкой, прежде чем снова вернуться к кольцам и экрану. — Они ссорятся уже вечность. Я не должен допустить, чтобы кто-нибудь из них победил. На самом деле я не должен допустить, чтобы они даже прикоснулись друг к другу.

— А как ты различаешь, кто из них кто? — поинтересовался Эбботт, решив не входить в зыбкое болото других вопросов.

— Не различаю. Это не имеет значения.

— А что произойдет, если одно из них все-таки победит?

— Не победит. По крайней мере, не в мою смену.

— А когда кончится твоя смена?

Старик пожал плечами.

— А когда началась?

Он снова пожал плечами:

— Не знаю. Давно. Я занимаюсь этим, с тех пор как себя помню.

— Ты всегда вел поезд по глуши...

— Нет. Не по глуши. Я вел поезд, но мало кто его видел, и никто никогда не был на нем. Кроме меня, естественно. И, — он кивнул на экран, — их двоих. Но теперь...

все изменилось. Все не так, как раньше. Теперь появилось множество людей, которые видят то, что никогда не видели прежде. -- Машинист повернулся и пристально поглядел Полу в глаза. — Наступили плохие времена, сержант, очень плохие.

Старик вновь провернул пару колес. Существа на экране закувыркались по полу, разлетаясь к разным стенам, а машинист обыденно пояснил:

— Побеждает Надежда — люди становятся самодовольными. Они думают, что все будет хорошо, просто превосходно. Им на все наплевать, им не за что бороться. С другой стороны, если победит Отчаяние, человечество решит, что у него вообще ничего не выйдет. Исчезнет дух решимости, чувство уверенности. Поэтому мне приходится держать их бодрыми и здоровыми, чтобы они вдохновляли друг друга, чтобы отчаяние оттеняло удовлетворенность, а оптимизм хоть немного освещал все плохое в этом мире. Я поддерживаю баланс, сохраняю статус-кво.

«Им на все наплевать» и «...отчаяние оттеняло удовлетворенность»?

Голос машиниста и его слова были любопытнейшим сплавом тонов, диалектов и просторечий. Иногда у него прорывался простецкий развязный говорок, а то вдруг его речь становилась умной, наполнялась глубиной. Эбботт никак не мог решить, какой же из голосов старика настоящий и какой из них влияет на другой, если вообще влияет.

— Кто ты? — Он помедлил, размышляя о том, о чем собирался сказать, а потом плюнул на все и спросил: — Ты — Бог?

Смех старика больше походил на лошадиное ржание.

— Ух!.. Бог? Я? Ну нет, сержант. Я всего лишь машинист. — Он расхохотался еще больше. — Я... Бог! Это ты хорошо сказал!..

Внезапно одна из фигур на экране крепко ухватилась за руку другой.

— Проклятие! — Старик вжал педаль в пол.

Неожиданная судорога поезда вмяла Пола в стену топки.

Затем машинист дернул колесо влево. Эбботт отлетел от стены, отломив часть поручня. Не сумев остановиться, он рухнул вперед, в одной руке по-прежнему сжимая железку.

Та ударила старика в лицо, прорезала глубокую рану на щеке, откуда, к удивлению Эбботта, не потекла кровь. Машинист широко раскрыл глаза от изумления и отступил назад. Он сделал пару неуверенных шагов, поднял руку к голове и вдруг кучей повалился на пол.

Пол быстро склонился над ним и схватил за рубашку:

— Эй, ты в порядке? — Он отбросил кусок поручня и шлепнул старика по лицу. — Эй, поговори со мной! Расскажи еще о... — И тут Пол замер, уставившись на разрез.

— Что?

Эбботт не ответил, а дотронулся до лица машиниста. Холодное. Твердое. Он передвинул пальцы к ране — туда, где разглядел что-то темно-серое под кожей.

— Твое лицо... — произнес он.

— Что с ним?

Пол аккуратно просунул палец между рваных кусков плоти и почувствовал металл. Он отдернул руку и посмотрел старику в глаза.

— Что с моим лицом? — повторил машинист.

Возможно, там просто стальная пластинка... Да — наверное, именно так. *Эбботт кивнул, мысленно соглашаясь.*

— Я спросил...

— Ты порезался.

Глаза машиниста раскрылись.

— Мне нужно... нужно починиться, — сказал он. С голосом старика что-то происходило: он звучал как запись, пущенная с другой скоростью.

— Там что-то металлическое... в твоей щеке.

— Металл в щеке? — переспросил старик, произнося слова как «метт-ал» и «щесекеее». — Черт побери, да у меня повсюду металл, сержант! Я из него сделан. А ты что, думал, я из плоти и крови, как ты? — Он хрипло засмеялся, наблюдая за попытками Эбботта выдавить из себя ответ. — А почему тогда мне не надо есть, спать и время от времени ходить в туалет? — Он снова захихикал,

и Полу показалось, что по старческому горлу пробежали сдва заметные искорки.

— Так все эти истории?..

— Это не истории.

Эбботт посмотрел вверх. На экране две фигуры схватились друг с другом, а поезд ощутимо сбавил скорость.

— Поезд останавливается!

— Ай молодец, сержант! — произнес машинист, с трудом поднявшись на ноги, и кивнул на стену. — Вон, поставь ногу на педаль.

Пол посмотрел на две педали

это не сработает, это не сработает

у подножия колонны управления.

— Какую?

— Какую ногу?

— Какую педаль?

— Не важно, одна — это тормоз, другая подаст топливо. Мы либо резко остановимся, либо резко рванем вперед. Но в любом случае сможем их разнять.

Эбботт резко повернулся и со всего размаху правой ногой

все получится... Да чего вообще волноваться-то, все будет просто отлично

вжал педаль в пол.

Поезд резко остановился.

Откуда-то сзади раздался пронзительный скрежет, звук крошащегося металла, а потом послышались серия ударов, громкий треск и взрывы.

— Он складывается,— сказал машинист, наконец встав на ноги. — Нажми на вторую педаль.

Эбботт сдвинул ногу и

твою мать, поезд складывается... он сказал, поезд складывается, что это значит, а? Это значит, мы умрем, это значит — «не повезло тебе, сержант», мы сейчас...

снова опустил ее, теперь — на вторую педаль. Состав дернулся вперед, и Пол рухнул.

Старик подошел к колонне управления, покачал головой и вновь поддал топлива. Он не убирал ногу с педали довольно долго.

Эбботт докатился до противоположного края кабины и

это конец... это оно... нам крышка... мы все умрем... я умру...

какой он будет, последний вздох жизни? Что я почувствую?

тут же закрыл голову руками.

— Боже, боже, боже, бо...

— Заткнись!

— Это оно! — заорал Эбботт, перекрикивая шум двигателя, свист пара, грохот колес.— Нам конец. Всем. Каждому.

И он зарыдал.

Пол не плакал уже многие годы; на самом деле он просто не помнил, плакал ли когда-либо вообще. А потом нахлынули воспоминания, галлюцинаторный калейдоскоп лиц, старых, зрелых, пожилых. Одни принадлежали друзьям, некоторые любимым, другие

матерям? отцам?

родственникам... но все они были разного цвета, в разных одеждах. Каждое уставилось на него из дальних уголков разума картинками на плохо настроенном телевизоре, картинками, старавшимися пробиться, проникнуть сквозь статику, добраться до него...

— Тебе нужно пойти назад.

Эбботт затряс головой, стараясь избавиться от этих воображаемых — вспоминаемых? — лиц.

Кто эти люди? Почему он их узнает? Они все качали головами в мириадах воспоминаний, смотрели на него, презирая за то, что он сделал. Пол едва дышал, рыдания сотрясали его спазматическими вздохами, разрывая горло и грудь.

— Обожеобожеобожеобожеобо...

Старик повернулся и пнул Эбботта в голень:

— Я сказал, тебе нужно пойти назад!.. Пойдешь назад и разнимешь их.

Пол захрипел и выкашлял слюну на руки:

— Должен... должен пойти назад? Ты же говорил, что никогда не останавливаешь поезд?

— Не останавливаю. — Старик кивнул на экран.— Я имею в виду, что ты должен пойти в последний вагон и разнять их.

Эбботт застонал и затряс головой, но потом

...вспомнил солнечный свет... и смех, вспомнил мрачные дни, которые, в конце концов, оказались не такими мрачными

остановился.

— Никуда не надо идти! — триумфально завопил он, размахивая руками в воздухе. — Мы снова... ты все возьмешь под контроль. Не надо волноваться... Как ты не видишь?

— А теперь послушай меня. — Слово «меня» растеклось серией продолжительных гласных, старик ударил себя кулаком по голове, из-за чего один его глаз с хлюпаньем выпал из черепа и повис на длинной закрученной пружине. — Дерьмо! — заорал он. — Прошу прощения за мой французский, но ты только посмотри, что я наделал и кем стал!

Старик затолкнул глаз на место и провернул его, пока тот не издал глухой щелчок, но перед этим Эбботт успел заметить, что было там, внутри. Мерцающие огоньки и металл.

— Они оба заперты вместе. — Старик опять кивнул на экран. — Я не могу их разнять. Сначала верх взяло Отчаяние, потом Надежда. Это и происходит, ты что, сам себя не слышишь? Это и происходит. Я не могу разнять их, я не могу остановить поезд или доверить его управление тебе. Остается единственный выход: туда должен пойти ты.

Пол засмеялся от неожиданного прилива радости, захлестнувшего его с головой.

— Мальчик, я понимаю, ты волну...

Потом прилив схлынул, и на его место пришла волна обреченности... густое черное облако смерти и разрушения, предчувствие разложения в безмолвной святости могилы, мысли о потерях, болезнях и неудачах, что приходят к тебе во мраке ночи, уверенность в том самом последнем вздохе... Тело Эббота потянулось вверх каждой оставшейся частичкой решимости и энергии, но все без толку. Сейчас они не значили ровным счетом ничего.

По его щеке скатилась слеза.

— Нам конец, так ведь?

Машинист снял бейсболку и бросил Эбботту:

— Надень.

— Что?

— Надень кепку. Поможет.

Поможет? Убережет меня от смерти? Убережет от опухолей и метастазов, расстройства печени и эмболии? Заставит людей полюбить меня? Заставит биться сердце? Не допустит, чтобы кости раскрошились? Не...

Старик нагнулся, одним неуловимым движением поднял кепку с коленей Пола и натянул ее ему на голову. А потом отвернулся и схватился за рулевые колеса. Он бешено вертел их, яростно пинал педали — сперва одну, затем другую, — перемещал рычаги до упора вверх-вниз. Поезд вертелся, трясся, выписывал зигзаги.

— Что происходит? — Эбботт чувствовал, как его омывают противоречивые волны. Одни, как самые обычные, толкали его вперед и вверх, другие тянули назад и вниз. Но теперь с этим можно было справиться. Теперь он мог рассекать течения и ходить по воде.

— Они выбивают друг из друга дерьмо, прости мне мой французский, — запыхавшись, выдохнул старик. Его голос изменился.

Эбботт смотрел на спину машиниста с печалью и с легкой дрожью страха, заметив, что он плачет. Что же происходит, если рыдает человек из металла? Пол не хотел об этом думать. На самом деле он вообще предпочитал не думать о том, что сейчас происходит.

— О боже, — простонал старик; его еле слышный голос каким-то образом пробился сквозь шум поезда. — Обожеобожеобо...

Эбботт поглубже натянул кепку и встал:

— Я иду.

Пол выбрался из кабины и вдохнул запах ветра, взметнувшего фалды его пальто. Стараясь не думать о близости свободы, Эббот перешагнул с одной площадки на другую и вошел в первый вагон.

Когда-то он скорее всего был последним — а если верить словам машиниста, то и первым писком в роскоши: богато украшенные драпировки, канделябры, мерцающие

на стенах и потолке. Плюшевые портьеры, забранные лентами, скрашивали мелькание снаружи, заметное сквозь пыльные окна.

Но пол вагона являл собой настоящее поле битвы. Обрывки гниющей ткани, обломки заплесневелой древесины и ржавых металлических труб перекатывались по нему во всех направлениях.

Пробираясь через весь вагон к двери на противоположной стороне, Эбботт переступил через кучи рухляди и мусора. Один раз он чуть не потерял опору под ногами, когда поезд внезапно накренился..

Какое-то время Пол думал, что не сможет открыть дверь, но она все же поддалась и со скрипом провернулась в петлях, тысячелетиями пребывавших в неподвижности. Окинув это место — как он надеялся, не последним взглядом, — Эбботт удивился, как на поезде хоть что-то до сих пор работает. Взглянув на пыльный пол, затянутые паутиной стены, он снова вспомнил рассказ машиниста о составе, что всегда находится в пути — и едет, по-видимому, с тех времен, когда весь мир был только бесформенной массой свободной энергии, через эпоху динозавров, мимо распятия и так до наших дней...

Эбботт не понял, что заставило его это сделать, — одно из тех машинальных движений, когда тело, кажется, само решает, как ему поступить, — но он положил руку на сердце и крепко прижал. Долгое время не было ничего... А потом глубокий, одинокий удар ткнулся в ладонь. И снова тишина.

Пол нащупал пульс. Только прождав несколько минут, он был вознагражден единственным всполохом под пальцами, прижатыми к запястью.

Вот оно что: время замедлено. Вот как поезду удается поддерживать даже свое нынешнее разбитое состояние, странствуя по...

космосу? измерениям? небесам?

когда он давно уже должен был развалиться хлопьями ржавчины.

Когда Эбботт протискивался сквозь дверной проем на вторую площадку между вагонами, его объяло ощущение

беды, жестокой реальности того, что даже поезд — артефакт, похоже существующий с начала времен, — не может уберечься от разрушения. Однажды он все равно развалится, независимо от того, насколько счастливой будет его судьба сегодня.

А когда сломается, то остановится.

А когда поезд остановится, ничто не сможет разнять двух существ, сражающихся в последнем вагоне.

И тогда...

Пол пролез сквозь проем и переступил на следующую площадку.

Все вагоны походили на первый — усыпанные тканью, деревом и грязью; куски металла и стекла валялись на полу. Где-то в середине пятого человек оглянулся и увидел свои следы в пыли веков, а повернувшись обратно, встал лицом к лицу с пустотой. Все было так, как повелось с... С каких пор? Что существовало до того, как поезд отправился в свое путешествие? Где тогда обитали Надежда и Отчаяние?

Состав выгнулся дугой, и Эбботт полетел вперед, раскинув руки. Он ударился левым плечом об пол и скользнул в дальний угол, рядом с дверью. Осколки стекла давным-давно разбившегося фонаря впились ему в лицо и шею, но боль оказалась несильной и недолгой.

Пол поднялся на ноги, отряхнулся и согнул колени, как будто управляя доской для серфинга, чтобы смягчить возможные рывки и смены направления.

Когда Эббот вышел из двери на площадку, то лицом к лицу столкнулся с последним вагоном — тем, что был гораздо шире остальных.

Изнутри раздался оглушительный грохот.

О стенки вагона что-то ударялось. Эбботу даже показалось, что выглядевшие толстыми планки затряслись раз или два, а потом грохот вроде бы поутих.

Сейчас или никогда.

Он поглубже натянул бейсболку и, ухватившись за поручень, шагнул через провал над толстыми связующими тросами, навечно приковавшими последний вагон к составу.

По обе стороны проносились поля, здания, стены, какие-то дома; ветер трепал его волосы и пальто, играя с ним, как с воздушным змеем. Но Пол продолжал смотреть вперед.

На стене впереди виднелась ручка, утопленная в двери.

Эббот ухватился за нее, отвел на себя и толкнул дверь вперед.

Она открылась навстречу грому.

Это было место теней, место тьмы, освещенное лишь тонкими лучами. Они пробивались сквозь сотни тысяч трещин и крохотных отверстий, усеивавших деревянные стены.

Звук оглушал.

Это было стадо динозавров, несущихся по юрским равнинам.

Бесконечный электрический шторм, питающий солнце.

Звук битвы, беспредельного сражения между неутомимыми воинствами на залитом кровью поле — настолько большом, что солнце на нем никогда не заходит, ибо армии огромны и разместились на всех часовых поясах.

Внутри было все это — и гораздо, гораздо большее.

Две фигуры, казалось, сплелись друг с другом.

Одна схватила противника за талию и шею.

Другая, с одной рукой, зажатой в хватке врага, сомкнула вторую на горле соперника, пригибая его к себе, вытягивая, словно бороду индюка. С каждым шагом она отступала назад, влекомая рукой противника, и оба существа спотыкались, раскачивались, бесшумно борясь за опору, пытаясь зацепиться хоть за какую-нибудь трещинку в полу. От постоянного топтания он превратился в нечто похожее на мутный мрамор, уже мало чем напоминая дерево, из которого был сделан.

Эбботт украдкой зашел в вагон и какое-то время не хотел закрывать дверь, боясь, что останется здесь навсегда, попадется под ноги левиафанам, буйствующим в помещении. А потом он увидел ручку на внутренней сто-

роне двери, ухватился за нее, повернул, посмотрел на косяк: язычок замка исправно ходил туда-сюда. Пол нахмурился.

Почему они не выбрались из поезда?

После чего слова старика

...для них ничего не имеет значения... Боже, думаю, они не остановятся и не сойдут с поезда, даже если смогут

пришли ему в голову.

Это был ответ на вопрос «почему?».

Надежда и Отчаяние жили только для того, чтобы драться. Драться друг с другом и победить. Наблюдая, как создания, нощатываясь, ходят по вагону, Эбботт подумал, что, возможно, даже этот вывод не слишком точен. Скорее всего смысл имела только борьба, и даже если один из противников потерпит поражение, это станет пирровой победой для другого.

— Эй! — Пол принялся размахивать руками, как будто собирался взлететь. — Эй, остановитесь, хорошо?

Создания улетели в одну сторону, когда поезд в очередной раз дернулся, но хватки не ослабили. Эбботт схватился за ручку, не отпуская ее, бросился вперед и свернул в сторону. Его ноги зацепились одна за другую, и он ударился о стену возле открытой двери.

А внешний мир смотрел на них, смотрел во все глаза.

Свет рванулся внутрь вагона, ярко озарив хаос, в котором так долго существовали эти два создания. И удача повернулась так — хотя Эбботт и не считал удачу хоть каким-то образом причастной к этому, — что мир застиг обоих противников, когда те стояли к двери боком. Лучи облили их тела, пронзили до мышц и костей.

Они повернулись как одно целое, прекратив драться на бесконечно малую долю секунды. На их лицах отразилось странное противоречие чувств и желаний — одновременно ужасное и нежное, заметное даже в абсолютно одинаковых складках безволосых бровей.

Ни секунды не сомневаясь, Эбботт встал на ноги и бросился на них.

Он закричал.

Создания, казалось, нахмурились. От изумления? Страха? Это не имело значения. На какое-то мгновение они ослабили хватку.

Эбботт ударил одно существо справа и скользнул ко второму. Пальто развевалось за плечами, как плащ ангела-мстителя или какого-то создания ночи, супергероя, о которых Пол любил читать в комиксах в те времена, когда все было проще.

Жизнь была проще?

Так давно.

И когда он ударил их, поезд остановился. Затем опять пошел, развернулся... Колеса визжали и шипели, гудок паровоза ревел, наполняя мир шумом.

Противники зашатались, поскользнулись и упали, выпустив друг друга.

Один из них с трудом поднялся на колени. Другой, лежа на боку, выбросил вперед руку, стремясь ухватить врага.

На их лицах не было эмоций.

Они делали это просто потому, что не могли иначе: в борьбе заключалась их сущность. Ни ненависти, ни страха, ни разума.

Поезд завертелся.

Эбботт покатился по полу к дальнему концу вагона.

Дверь со стуком захлопнулась, и все вокруг опять погрузилось в сумрак.

Теперь состав развернулся в другую сторону, набрал скорость, практически остановился на путях — если и существовали для него какие-то пути — и вновь рванулся в совершенно противоположном направлении.

Существ разметало по вагону, одно отбросило к боковой стене, а другое уже поднималось на ноги у двери.

Ноги Эбботта заскользили, и он сел.

Зато оба создания поднялись. Они описывали широкие круги, раскинув руки, согнув колени, готовясь к прыжку...

Эбботт полз вдоль боковой стены к выходу, когда поезд опасно накренился и тело одного из противников врезалось в стену прямо рядом с плечом Пола.

Не заметив его, существо развернулось, попыталось ухватить соперника, но состав дернулся вновь, отправив гиганта в дальний конец вагона. Противник уже поднялся, упираясь коленями и руками в пол, но и он от рывка опрокинулся на спину.

Эбботт полуползком добрался до двери.

Позади него гром стих.

Осталась только тишина намерения.

Буря миновала. Сейчас.

Он повернул ручку, выбрался на крохотную площадку и закрыл за собой дверь.

Они ехали по полям.

Море кукурузы волновалось в лучах вечернего солнца.

Небо над головой сверкало чистой синевой.

Эбботт мельком заметил дорожный знак, прежде чем тот улетел на задворки памяти. Пол уже видел его.

Воздух, ударяющий Полу в лицо, отдавал привкусом сахарной ваты.

Эбботт встал на ноги и посмотрел вверх.

И тут в маленькой кабине паровоза старик повернул колесо или нажал на одну из педалей, а может, поезд просто на что-то наткнулся, но Эбботт выпустил поручень из рук.

Он пролетел в воздухе, упал между колес; последний вагон с его вечными противниками пронесся над ним, весь, а Пол все летел...

Огромная, словно плугом вздыбленная волна травы и земли пронеслась позади состава коричневым занавесом с зелеными пятнами. А потом все исчезло, и скорбный вой двигателя затих, подобно отдаленному гулу шторма.

Эбботт ударился о землю боком, громко застонал, перекатился через голову, подскочил и поджал ноги, хрипя, задыхаясь, судорожно хватая ртом воздух. Ноги коснулись кукурузного поля, и он подскочил вновь и полетел вперед. По лицу хлестали желтые стебли, грудь разрывалась от боли; голова ударилась о выступающий камень, и в глаз, прямо в зрачок, словно воткнули длинную иглу.

Но падение замедлялось.

Пол катился в сторону. Он вывернул правое плечо и услышал — или, скорее, почувствовал,— как в боку что-то хрустнуло.

А потом остановился.

Все болело. Ничего не болело.

Неподвижность обрушилась на него. Не двигаясь, Эббот внутренне перегруппировался, сконцентрировался, собрал отчет о поломках, как это делали в фантастических фильмах на межгалактическом корабле после метеоритного дождя.

Он медленно оторвал одну руку от земли, согнул пальцы. Вроде все в порядке. Потом другую. Затем правую ногу. Левую.

Он моргнул. Один глаз не очень хорошо видел, но перестал болеть, когда Пол закрыл его.

Пол положил руку на грудь и почувствовал.

Его сердце колотилось так, словно играю на барабанах в рок-группе.

Заставляя себя дышать медленно, Эббот выпрямился, гримасничая от вспышек боли, прокатившихся по всему телу. Удивительно, но ничего не было сломано.

А может, и не удивительно. Ведь рядом с ним, среди смятых стеблей кукурузы, на вдавленной от удара земле, лежала грязная бейсболка. Она упала у него с головы, лишь когда он остановился.

Эбботт протянул к ней руку, но, как только пальцы коснулись козырька, кепка разлетелась в пыль, и ветер унес ее остатки вдаль — следом за поездом.

Эбботт посмотрел вдаль, прикрыв глаза от солнца, и представил, что видит столб дыма, спиралью уходящий в небо, и старика, что вертит свои колеса и жмет на педали, словно оседлавший торнадо Пекос Билл,

Йиии хаааааааааа!

сминая в труху все на своем пути. А в нескольких вагонах позади него воплощения Надежды и Отчаяния смотрят друг на друга в своей бесконечной мучительной борьбе. Возможно, машинист зря тратит время и силы и жребий в этой лотерее уже давно выпал.

А возможно, и нет. Может, борьба ведется не зря.

— Удачи тебе, старик! — крикнул Эбботт, а потом тихо добавил: — Кто бы ни сотворил тебя, он проделал хорошую работу.

И где-то там, далеко-далеко, заголосил гудок.

Пол встал на колени, затем — во весь рост. Его трясло, но в остальном все оказалось в порядке. Все, чему положено было сгибаться, сгибалось, а чему не положено — пребывало на своем месте. Эбботт отряхнул от пыли пальто и огляделся.

С дороги ему загудел пикап. Пол кивнул, увидев руку, машущую ему из окна.

— Там ваша машина стоит? — крикнул голос. — «Понтиак-транс-эм»?

— Да, — ответил Пол, приближаясь к автомобилю.

Из автомобиля высунулся молодой человек и кивнул назад, откуда ехал:

— Старик сказал мне, что вам может понадобиться помощь, поэтому я ехал медленно, пока вас не увидел. Прилегли отдохнуть?

— Старик? — нахмурился Эбботт, посмотрел на дорогу и увидел только оседающую пыль.

— Да, очень старый. Я имею в виду — действительно очень. Ему на вид лет сто. Сидел на обочине. — Водитель протянул руку, изогнув пальцы. — У него на руке только два пальца: большой и еще один. Жутковато выглядит. Настоящая лапа с когтями.

Пол вгляделся в мерцающее марево, но ничего не увидел.

— Знаете его? — спросил водитель.

Эбботт отряхнул пыль с брюк.

— Слышал о нем, можно так сказать.

— Да ну? — Казалось, мужчина ждет подробностей, но, ничего не услышав, он продолжил: — А как он себе так руку изувечил? — Водитель вытянул вперед два пальца и подвигал ими вверх-вниз.

Эбботт пожал плечами:

— Вещи всякие делал. Говорят, неплохо.

Водитель кивнул, смерил Пола взглядом, прежде чем посмотреть обратно на дорогу.

— Ну, подбросить вас в город?

— Нет, мне только бензин нужен.

Мужчина жестом показал Эбботу обойти машину:

— Тогда залезайте. Тут есть бензозаправка — милях в двух отсюда.

— В Мадригале?

— Прошу прощения?

Пол сел рядом с водителем:

— Город впереди. Мадригал.

— Нет, сэр. Город впереди называется Хоббс-Корнер. — Мужчина потер подбородок. — Я вообще никогда не слышал о таком месте где-то поблизости. Мадригал...

— Ну, мне любой город сойдет, если только я смогу достать там бензин.

— С этим проблем не будет. Хороший сегодня день.

— Хороший, — согласился Эбботт и кивнул.

Машина тронулась.

Откуда-то из-за горизонта раздался пронзительный гудок, очень похожий на свисток паровоза. Пол посмотрел на водителя, но тот, похоже, ничего не слышал.

Эбботт сел и закрыл глаза, стараясь сосредоточиться, но услышал только хриплое урчание мотора... ветер... и шуршание шин, пожирающих дорогу в лучах вечернего солнца.

"The Closed Window" by A. C. Benson. First published in *The Hill of Trouble,* London: Isbister, 1903. Copyright expired in 1976.

"The Last Witch" © 2004 by James Bibby. First publication; original to this anthology. Printed by permission of the author.

"The Walker Behind" © 1987 by Marion Zimmer Bradley. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction,* July 1987. Reprinted by permission of the agents for the author's estate, Scovil Chickak Galen Literary Agency, Inc.

"Last Rites" © 1994 by Louise Cooper. Extracted from *Star Ascendant,* first published by HarperCollins, 1994 and in the USA by Tor Books, 1995.

"No. 252 Rue M. le Prince" by Ralph Adams Cram. First published in *Black Spirits and White,* Boston: Stone & Kimball, 1895. Copyright expired in 1951.

"The Eternal Altercation" © 2004 by Peter Crowther. First publication; original to this anthology. Printed by permission of the author.

"In the Realm of Dragons" © 1997 by Esther M. Friesner. First published in *Asimov's Science Fiction,* February 1998. Reprinted by permission of the author.

"The Infestation" © 2004 by Tom Holt. First publication; original to this anthology. Printed by permission of the author.

"The Game of Magical Death" © 1987 by Doug Hornig. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction,* March 1987. Reprinted by permission of the author.

"The Sage of Theare" © 1982 by Diana Wynne Jones. First published in *Hecate's Cauldron,* edited by Susan M. Shwartz, New York: DAW Books, 1982. Reprinted by permission of the author and the author's agents, Laura Cecil Literary Agency.

"The Rite Stuff" © 2004 by Michael Kurland. First publication; original to this anthology. Printed by permission of the author.

"The Bones of the Earth" © 2001 by Ursula K. Le Guin. First published in *Tales from Earthsea,* New York: Harcourt, Inc., 2001 and in the UK by Orion Publishing, 2002. Reprinted by permission of the author's agents, Virginia Kidd Agency.

"Forever" © 2004 by Tim Lebbon. First publication; original to this anthology. Printed by permission of the author.

"Villaggio Sogno" © 2004 by Richard A. Lupoff. First publication; original to this anthology. Printed by permission of the author.

"Master of Chaos" © 1964 by Michael Moorcock. First published in *Fantastic Stories*, May 1964. Reprinted by permission of the author.

"Timekeeper" © 1989 by John Morressy. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, January 1990. Reprinted by permission of the author.

"The Witch's Bicycle" © 2002 by Tim Pratt. First published in *Realms of Fantasy*, August 2002. Reprinted by permission of the author.

"The Wizard of Ashes and Rain" © 2001 by David Sandner. First published in *Weird Tales*, Fall 2001. Reprinted by permission of the author.

"Disillusioned" © 1995 by Lawrence Schimel and Mike Resnick. First published under the title "disillusions" in *Adventures in Sword & Sorcery*, Winter 1995. Reprinted by permission of the authors.

"To Become a Sorcerer" © 1991 by Darrell Schweitzer. First published in *Weird Tales*, Winter 1991/92. Reprinted by permission of the author.

"Double Shadow" © 1933 by Clark Ashton Smith. First published in *The Double Shadow and Other Fantasies*, Auburn: Auburn Journal, 1933. Reprinted by permission of Arkham House on behalf of the author's estate.

"The Ten Things I Know about the Wizard" © 1983 by Steve Rasnic Tem. First published in *Fantasy Book*, May 1983. Reprinted by permission of the author.

"Seven Drops of Blood" © 1992 by Robert Weinberg. First published in *Grails: Quests, Visitations and Other Occurrences*, edited by Richard Gilliam, Martin H. Greenberg and Edward E. Kramer, Atlanta: Unnameable Press, 1992. Reprinted by permission of the author.

Содержание

Пролог. ЗАВОРОЖЕННЫЕ
Пер. И. Колесниковой 5

Стив Резник Тем. МНЕ ИЗВЕСТНО ДЕСЯТЬ ФАКТОВ ОБ ЭТОМ КОЛДУНЕ
Пер. Н. Киктенко 7

Ричард А. Люпофф. ВИЛЛАДЖИО СОНЬО
Пер. Н. Киктенко 20

Дуг Хорниг. ИГРА «КОЛДОВСКАЯ СМЕРТЬ»
Пер. М. Савиной-Баблоян 52

Том Холт. ЛИЧИНКА
Пер. Е. Барминой 66

Тим Пратт. ВЕДЬМИН ВЕЛОСИПЕД
Пер. М. Савиной-Баблоян 89

Диана Уинн Джонс. ТИРСКИЙ МУДРЕЦ
Пер. А. Бродоцкой 131

Джон Моррисси. ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ
Пер. Д. Бабейкиной 162

Кларк Эштон Смит. ДВОЙНАЯ ТЕНЬ
Пер. И. Колесниковой 190

Майкл Керланд. ОБРЯДОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
Пер. Д. Бабейкиной 204

Майкл Муркок. ПОВЕЛИТЕЛЬ ХАОСА
Пер. Е. Первушиной 244

Роберт Вейнберг. СЕМЬ КАПЕЛЬ КРОВИ
Пер. М. Савиной-Баблоян 258

Даррелл Швейцер. СТАТЬ ЧЕРНОКНИЖНИКОМ
Пер. Д. Бабейкиной 279

Ральф Адамс Крэм. № 252 RUE M. LE PRINCE
(НОМЕР 252 ПО УЛИЦЕ МСЬЕ-ЛЕ-ПРИНС)
Пер. И. Колесниковой 347

Урсула К. Ле Гуин. КОСТИ ЗЕМНЫЕ
Пер. В. Полищук 364

А. С. Бенсон. ЗАКРЫТОЕ ОКНО
Пер. Д. Голубева 386

Лоуренс Шимел и Майкл Резник. ЖЕРТВА ИЛЛЮЗИЙ
Пер. Н. Киктенко 400

Эстер М. Фриснер. В ЦАРСТВЕ ДРАКОНОВ
Пер. М. Савиной-Баблоян 411

Тим Лебон. ВЕЧНОСТЬ
Пер. Н. Кудрявцева 439

Дэвид Сандлер. ВОЛШЕБНИК ПЕПЛА И ДОЖДЯ
Пер. Е. Виноградовой 469

Мэрион Циммер Брэдли. ИДУЩИЙ ПОЗАДИ
Пер. И. Колесниковой 496

Джеймс Бибби. ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ ВЕДЬМ
Пер. М. Савиной-Баблоян 516

Луиза Купер. ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД
Пер. М. Савиной-Баблоян 536

Питер Кроутер. ВЕЧНАЯ ССОРА
Пер. П. Кудрявцева 563

В 69 **Волшебники**: Антология / Пер. с англ. Д. Бабейкиной, Е. Барминой, А. Бродоцкой и др. — СПб.: Фантастика, 2008. — 608 с.

ISBN 978-5-91377-024-0

В новой антологии серии «Лучшее» на этот раз собраны рассказы о волшебниках, принадлежащие перу таких мастеров, как Том Холт, Майкл Муркок, Урсула Ле Гуин, Дуг Хорниг, и других талантливых авторов. Многие рассказы публикуются впервые, некоторые написаны специально для этого сборника.

Магия принимает разные обличья. В этой антологии вы встретите ведьм, колдунов, чернокнижников, заклинателей. Есть даже маги-компьютерщики. Они могут повелевать человеческими чувствами и судьбами, драконами и природными стихиями.

Все они очень разные, только вот добрых волшебников среди них немного.

Магия, волшебство дают своим обладателям почти неограниченную власть. Такая власть — слишком большое искушение, чтобы удержаться в рамках человеческой морали и не сотворить какую-нибудь пакость под плохое настроение. Или подправить окружающую действительность в соответствии со своими (зачастую весьма оригинальными) представлениями о добре и зле. Видимо, поэтому большинство волшебников — не самые приятные в общении люди. А иногда они вообще не люди.

Литературно-художественное издание

ВОЛШЕБНИКИ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Редакторы Татьяна Бурмыкина, Александр Семенов
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Киселева, Наталья Хуторная,
Татьяна Никонова, Светлана Федорова
Верстка Алексея Соколова

Подписано в печать 21.03.2008.
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Тираж 12 000 экз. Усл. печ. л. 31,9. Изд. № 24. Заказ № 8716
Издательский Дом «Азбука-классика».

ООО «Фантастика»
196105, Санкт-Петербург, а/я 192

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

В новой антологии серии «Лучшее» на этот раз собраны рассказы о волшебниках, принадлежащие перу таких мастеров, как Том Холт, Майкл Муркок, Урсула Ле Гуин, Дуг Хорнит, и других талантливых авторов. Многие рассказы публикуются впервые, некоторые написаны специально для этого сборника.

Магия принимает разные обличья. В этой антологии вы встретите ведьм, колдунов, чернокнижников, заклинателей. Есть даже маги-компьютерщики. Они могут повелевать человеческими чувствами и судьбами, драконами и природными стихиями.

Все они очень разные, только вот добрых волшебников среди них немного.

Магия, волшебство дают своим обладателям почти неограниченную власть. Такая власть — слишком большое искушение, чтобы удержаться в рамках человеческой морали и не сотворить какую-нибудь пакость под плохое настроение. Или подправить окружающую действительность в соответствии со своими (зачастую весьма оригинальными) представлениями о добре и зле. Видимо поэтому большинство волшебников — не самые приятные в общении люди. А иногда они вообще не люди.

ISBN 978-5-91377-024-0
9 785913 770240
www.azbooka.ru